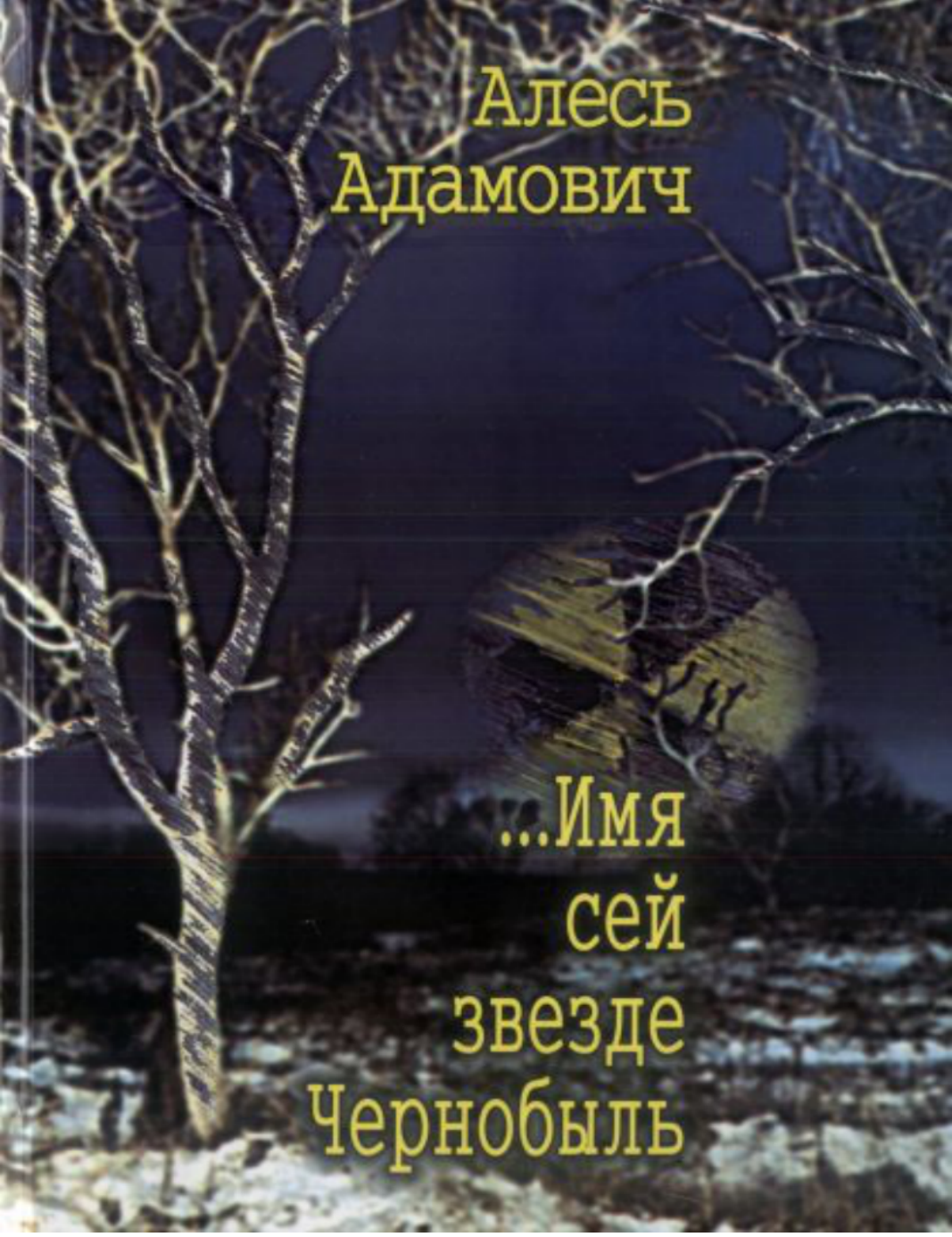
Алесь
Адамович
...Имя
сей
звезде
Чернобыль

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Накануне двадцатилетия катастрофы на Чернобыльской АЭС вышла в свет книга знакового белорусского писателя Алеся Адамовича «…Имя сей звезде Чернобыль». Боль и понимание страшной судьбы, настигшей Беларусь в результате «победы» советской науки, нашли отражение в письмах, заметках, выступлениях Алеся Адамовича, который все последние годы своей жизни посвятил Чернобыльской трагедии. Чернобыльская беда, обрушившаяся на Беларусь, — это личная трагедия писателя, боль, пропущенная через его сердце. Сегодня, когда последствия Чернобыльской трагедии пытаются уменьшить, а над белорусской землёй снова витает призрак атомной электростанции, слова Алеся Адамовича звучат как предостережение: остановитесь, пробудитесь, не забывайте!..

- АЛЕСЬ АДАМОВИЧ
  -
  - ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
  - Письмо В. В. Быкову
  - Письмо И. А. Дедкову[5]
  - ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК
    - 1986 май
    - июнь 1986 г
    - 1987
    - 1988
    - 1989
    - 1990
    - 1991–1992
  - ПИСЬМА, СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ИНТЕРВЬЮ
    - Хатынь притягивает Хиросиму
    - Письмо М. С. Горбачеву
    - Письмо И. А. Дедкову
    - Начинать с себя
    - Письмо Е. П. Велихову[80]
    - Из письма И. А. Дедкову
    - Письмо Е. Е. Соколову[82]
    - Выступление на Пленуме правления СП СССР
    - Письмо Е. И. Сизенко, первому заместителю Агропрома СССР
    - Письмо Е. П. Велихову
    - Честное слово, больше не взорвется, или Мнение неспециалиста

- Не ослабляйте напора…
- Выступление на открытии Московского энергетического клуба
- Так кто же заплатит? [Туча с грифом «секретно»]
- «Мы-то переживем, но дети…»
- «Жить на земле, и жить долго»
- Телеграмма
- Выступление на митинге I\-го «Чарнобыльскага шляху»
- Чернобыльский путь Материалы митинга
- «Наконец заговорили о Белоруссии…»
- Ратаваць будучыню
- Заключительное слово А. Адамовича на пресс-конференции после «Чарнобыльскага шляху»
- Письмо М. С. Горбачеву
- Белорусская беда
- Большая ложь
- Тихое имя
- На краю пропасти
- Выступление на Втором съезде народных депутатов СССР
- «Ветер, к счастью, дул не на Киев…»
- Обуздать «мирный атом»
- «Повивальной бабкой ядерной бомбы…»
- Лицом к Апокалипсису[108]
- Чернобыль: атомная энергетика и права человека
- Куропаты, Хатынь, Чернобыль…
- Чернобыль и власть
- Выступления в Японии
- Письмо в Японию
- С миллионом в кармане
- «Нас ужо не лічаць ядзерным монстрам»
- Толькі не абыякавасць
- «Они не хотели знать правду…»
- Жить и умирать с Чернобылем
- Чернобыль — черная тень системы
- А был ли Чернобыль?: Третье предательство
- «Второй раз они до Москвы доехать не дадут…»
- Па прапісцы — я ў Маскве, па менталітэту — грамадзянін Беларусі

○ …ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ ЧЕРНОБЫЛЬ
- Последняя ли пастораль?
- Письмо С. Крамеру[134]

- … ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ — ЧЕРНОБЫЛЬ[135]
- «ОТ НЕ УБИЙ ЧЕЛОВЕКА
  -
  - 1981
  - 1982
  - 1983
  - 1984
  - 1985
  - 1986
  - 1987
  - 1988
  - 1989
  - 1990
  - 1991
  - 1992
- НЕ УБИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
  - Что спас Горбачев
  - Нажать, не нажать
  - Петля сдернута
  - Богородица не велит!
  - Пойдет ли Россия вперед?
- ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ
  - Последняя ли пастораль?
  - К «ПОСЛЕДНЕЙ ПАСТОРАЛИ»
    -
    - 1981
    - 1982
    - 1983
    - 1984
    - 1985
    - 1986
  - ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12

        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
    - МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЯПОНСКОЙ ПРЕССЫ
        - «Асахи Синбун». 27 апреля 1990
        - «Асахи Синбун». 1 мая 1990
        - «Майнити Синбун», 1 мая 1990
        - «Нагасаки Синбун». 1 мая 1990
        - «Асахи Синбун». 26 ноября 1990
        - «Майнити Синбун». 25 ноября 1990
        - «Сякай симпо». 30 ноября 1990
    - КОММЕНТАРИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194

АЛЕСЬ АДАМОВИЧ
…ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ ЧЕРНОБЫЛЬ

Алесь Адамович, замечательный белорусский писатель и публицист, одним из первых в мире реально осознал и оценил масштабы крупнейшей техногенной катастрофы XX века, ее последствия для судеб и его родной земли, и нашей такой небольшой планеты.

Чернобыльская беда, обрушившаяся на Беларусь, а именно она пострадала от случившейся аварии более всего, — это личная трагедия писателя, боль, пропущенная через его сердце.

К сожалению, опасность развязывания атомной войны, которая в 80-е гг. также очень тревожила писателя, и сегодня еще не снята с повестки дня, ядерное оружие расползается по планете.

Вот почему сборник произведений Алеся Адамовича, и художественных, и публицистических, в которых затрагивается тема Чернобыля, тема взаимоотношений человека и Атома, человека и Бомбы, так актуален и сегодня.

Я рад, что эта книга увидела свет, причем в год 20-летия Чернобыльской аварии и накануне 20-летия Форума «За безъядерный мир, за выживание человечества».

Она написана болью души.

Академик Е. П. Велихов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Так получилось, что как раз в ночь с 25 на 26 апреля я летел лечиться на Кавказ, а на земле в это время всё как раз совершалось. Первая информация по телевидению об аварии в каком-то Чернобыле прозвучала невнятно, но тревога кольнула: в 1986 г. мы все еще жили с привычкой, что о таких вещах не сообщают, но уж если сообщили… Вдали от родины тревога о том, что дома происходит, всегда острее. Поэтому, когда вернулся в Минск, оказался, может быть, самым восприимчивым к чернобыльской информации».

Благодаря встречам, беседам с учеными, специалистами к А. Адамовичу пришло осознание, что на самом деле происходит на родной земле. Так рождалось его отчаянное письмо к власти, а именно к М. С. Горбачеву.

Атомное оружие, атомная энергетика не были для А. Адамовича terra incognita. Он отлично понимал, чем это грозит человечеству в случае войны или аварии, о чем свидетельствуют его дневниковые записи и другие работы (еще до Чернобыля). Он много об этом думал, читал, писал.

А мысль, что с появлением атомной бомбы «человечество стало смертным в двадцатом веке» — важнейшая в его творчестве в 80-е годы. В 1983 году он очень внимательно читает книгу американского публициста Джонатана Шелла «Судьба Земли»(1982), с великим трудом попавшую в его руки, в которой подробно говорилось о последствиях атомных взрывов, о страшном влиянии радиации на природу и человека.

Он пытался до конца понять, что такое атомная бомба и что она несет человечеству.

Когда случился Чернобыль, он уже мог представить его реальные масштабы: ведь из 350 условных хиросимских бомб 300 упали на Беларусь.

В статье «Чернобыль и власть» А. Адамович подробно рассказал об истории писем М. С. Горбачеву, о встрече с первым секретарем ЦК КПБ Н. Слюньковым.

Его потрясла бездумная журналистская фраза: «Ветер, к счастью, дул не на Киев…».

Эта фраза неоднократно прозвучит в его статьях и выступлениях, камнем ляжет на его сердце.

Собственно литературное творчество отодвинуто в сторону. Митинги, «Чарнобыльскія шляхі», выступления в Беларуси и за рубежом, и публицистика, как говорят, блестящая.

Он приходит к выводу, что Чернобыль — крупнейшая из

глобальных катастроф XX века.

Через пять лет он писал, что «… это — надолго. Чернобыль не позади, он впереди, на много десятилетий и даже столетий».

Он считал, что «спасение — в альтернативной, не отравляющей и не разрушающей природную среду энергетике».

В последние два года (после инфаркта) он вернулся к художественному творчеству. Публикует в журналах повести: «Венера, или Как я был крепостником», «Немой», «Vixi». Умер от второго инфаркта 26 января 1994 года.

Письмо В. В. Быкову

Дорогие пострадавшие — Василек, Ирина[1] и весь народ, теперь уже дважды хатынский! Или так: хатынский и плюс хиросимский. Одно кличет другое, так уж на небесах записано, что ли.

Шлю молитвы за вас всех, над кем прополз шлейф нашей высокочтимой науки, с отвращением вспоминается телефизиономия главного по этим делам академика (полгода назад вещал из телеящика) — конечно же, всякие там опасения за «мирный атом», это у них там, а мы оптимисты и начхать. Рядом с бюрократом казенный оптимист — главный наш могильщик. Благодаря «патриотическому оптимизму» мы войну встретили в подштанниках. А теперь вот — Чернобыль. Интересно, будем достраивать свой — в 30 км от Минска? Или все-таки спохватимся? Хотя бы такой ценой.

А я, как нарочно, уехал от всех вас. И от Наташи с Верой[2]. Что-то вроде дезертира. Не «генофонд», а дезертир!

Нет, мир спятил! Те вон руки от злорадства потирают, а мы рассказываем, как здорово показали себя пожарники и милиционеры. Можно представить (легко это сделать) как 60 раз уничтоженная жизнь будет тенью, пеплом удаляться от планеты Земля, а звучать будут всё те же тени-голоса: «Здорово мы их, растяп!». «Нет, как здорово пожарники!»…

Я должен ехать к ученым, в Москву. Интересно бы спросить высоколобых: отвечает или не отвечает ученый-физик, химик и т. п., если его опасную штучку доводит, реализует безответственно-пьяный (или с похмелья) «дядя Вася»? (Мелиораторов уже об этом спросили — машут руками, а мы причем, если наше добро обращают во зло на последнем прогоне!) Думаю, что они в ответе. Думай про всю цепочку, а если ненадежная, тогда подумай еще раз!

А ты говоришь, водки нема! Да я бы отдал нас всех на годик-два в руки Карпюка[3] и Дудочкина[4], они бы осушили — да здравствует вот такая мелиорация!

Значит, не хотите сюда? Отпусти тогда Ирину с Верой и Наташей, раз сам к Тэтчер рвешься. Пусть погуляют, пока можно, пока здесь чисто. Покажу Кавказ, хотя бы с севера.

Обнимаю и желаю, чтобы всё это — на сухой лес!

Ваш Адамович.
7.5.86
[г. Железноводск]

Письмо И. А. Дедкову [5]

Дорогой Игорь Александрович!

Сегодня вернулся из Железноводска на свою, теперь уже дважды многострадальную, землю. Вы там даже не представляете, что это и как, и чем обернется в будущем. Этот самый, будь он проклят, мирный атом оказался с лицом, да нет, харей того же кровожадного Марса и хотя ногами стоял на земле украинской, но к ней спиной, а к нам харей развернулся — по ветру. Ну и…

Могу лишь сказать, что той умиротворяющей земли, края, который Вам знаком, уже нет, и будет ли, — не знаю. И мы — не те.

Вмиг всё изменилось.

Спрашиваете еще и о нашем съезде. Мура всё это… Я выступал о герое нашего времени — о бюрократе. Не знал только, что дела его еще и радиоактивностью грозят.

Привет Вам, жму руку! А костромчанам — восточного ветра!

А. Адамович
22.05.86 г.
[г. Минск]

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК (май 1986–1992 гг.)

1986 май

Два выступл/ения/ по поводу Ч/ернобыльской/ катастрофы:
1. На съезде в июне.
2. На конфер/енции/ ученых в защиту мира.

1. Из облака, зловеще проплывшего над севером Укр/аины/ и югом Бел/оруссии/, выглянул лик, отнюдь не святой. Сталина. А этот-то причем? Очень даже причем.

Как в 41-м — уже война гремит, а те, кому положено принимать решения, загнув голову, пытаются услышать его распоряжение: считать или не считать это войной?… Узнали, что взорвалась [АЭС], что [туча] пошла на Бел/оруссию/, на многострадальную снова, Н/естеренко/[6] бегает, всем сообщает: идет! идет! надо объявить, предупредить население! (то же, очевидно, и в Киеве происходит), но у сформированных им чиновников одна мысль: а что потом нам скажут! Сдыхайте, но себя соблюдем! Сдыхайте, но политика прежде всего! Те 18-летние девочки, что сейчас в минской больнице — с Гомельщины, не получили бы 1000 рентген, потому что не стояли бы на окнах, не мыли бы их, а захлопнули бы. И сколько таких? Не знаем, время проявит и страшно думать.

Можно представить, что речь шла бы и о ядер/ной/ войне, а они бы все прикидывали: а не пострадает ли политика? Погибнет всё, зато политику соблюдем!

Гласность! Вот и проявилось, в экстремальных условиях, насколько все это болтовня. Также и «новое мышление». Да какое новое, хотя бы просто элементарно человеческое.

Нет, в бюрократической машине заложено это — абсалютная расчеловеченность.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядер/ной/ всеобщей войны — некому. А так возможно — из Чернобыля тоже.

О воен/ном/ атоме из трагедии мирного. Но о мирном, мало гов/орят/, а надо бы. Ведь это — сродни малой Хиросиме — в принципе.

Почему-то оцен/ивается/ случивш/ееся/, как стихийное бедствие. А ведь за этим чей-то проект, монтаж/ные/ раб/оты/, эксплуатация.

Меня все мучит вопрос: кто кликнул: «Дадим досрочно»? Где он, чем сегодня руководит?

Это досрочно-то притом, что работник наш и без того исхалтурился. Так ему еще алиби! Как тому В. В. Прохорову —

старший инженер проекта, будем помнить своих героев — к/отор/ый проектир/овал/ молдавский канал под соленый раствор. Мол, зато не за 5, а за 3 года! Так и объясняет «Комсомолка»!

… Так давайте народу этих ядер/ных/ Прохоровых, почему мы их щадим, тех, из-за кого погибли героич/еские/ реб/ята/ — пожар/ники/ и женщины делают «выброс» — до 5 месяцев. Сегодня, а тем более приехав из Белоруссии, не могу, не имею права не гов/орить/ о Чернобыле. Два аспекта: внешний, внутренний.

2. Вот и проявилось в полную силу, потому что в экстремальных условиях, то, против чего нужна «настоящая революция», как в начале назвал это М. С. Горбачев, а вместо чего пока — словесные упражнения, уговоры, бюрократию увещеваем не быть бюрократией.

Чернобыль высветил всю картину того, что названо «застоем», но что можно назвать и «закостенением» и «развалом» (и то, и др. — хотя вроде о разном состоянии эти слова).

Урок Чернобыля: «Нужны самые строгие требования везде и во всем… вопросы дисциплины порядка, организованности приобретают первостепенное значение». (М. Горбачев).

Два аспекта «уроков» — внешний (угроза атома) и внутренний — угроза со стороны бардака: конструкторского, (проектного), технического и эксплуатационного.

Будет установлено, кто и что повинно больше.

Допустим, проект окажется идеальным, значит, вина снимается с ученых? Если виноваты послед/ние/ звенья цепочки?

Нет и нет! Как не снимается с мелиораторов за засоление черноземов по причине, что воду поставляют в руки небрежные, безразличные, «колхозные» (в самом плохом смысле этого слова). Ну, а что дожидаться, когда остальная «цепочка» отладится? А до того — нет? Да, так и только так! Если сомневаетесь, вообразите полож/ение/ и судьбу тысяч и тысяч людей в Бел/оруссии/ и на Укр/аине/, к/отор/ых накрыло «облако». И кто имел право сделать воздух, воду, саму землю неуютной для целых народов. А ведь это так! Езжайте на Гомельщину и поживите там — почувствуете сразу.

Один из участн/иков/ первого испыт/ания/ ядерного устройства [Бейнбридж][7], увидев гриб, сказал:

— Теперь все мы — негодяи!

Думаю, что и проектировщики, и строители, и эксплуатационники (и те, кто торопил их всех, чтобы отрапортовать досрочно — помним фанфары, когда принимали «досрочный» объект) — все, если бы они умели быть честными,

повторили бы эти слова.

И вот еще это, м. б., главное: не следует ли вернуться нашим специалистам к вопросу, дискуссии, к/отор/ая была свернута в свое время явно волевым, бюрократическим нажимом: следует ли строить такие станции близ больших городов. Например, в 30 км от Минска (заметьте и цифра-то, цифра, которая столько раз повторяется в связи с Чернобылем — 30 км зона!) Что достигается, экономится? Да один такой Чернобыль вблизи Москвы, Лен/ингра/да, Киева, Минска — страшно и вообразить — вот тут уже наэкономим!

Чтобы мы теперь ни писали, ни провозглашали — святая, (а точнее слепая) вера в надежность таких станций подорвана не менее, чем на поколение-два. И кто имеет право создавать психол/огическое/ напряжение огром/ному/ городу таким соседством?

И снова спросим себя: есть ли хоть один серьезный ученый: к/отор/ый скажет, что 100 % безопасность возможна в ближайшие 50 лет? Вряд ли. Так как же можно?

К вопросу этому надо возвращаться заново. Если уж гласность, то в этом должна быть предельная. Несмотря на то, что именно — в ядер/ных/ делах — особенно уютно поселяется бюрократическая триада: тайна, чудо, авторитет.

Преуменьшая размеры беды, мы лишаем сочувствия тех, кто пострадал во многих р/айон/ах. Настоящего, народного. Казенное не в счет.

13-15 мая 86 г.

Боюсь, что и энтузиазм строит/ельства/ как можно большего количества станций в районах как можно больше населенных — приходит (или придет) время повторить эти честные слова. [Теперь все мы — негодяи!]

Если не перестанут люди множить их, а бросят все усилия на то, чтобы добиться 100 % безопасности. Не 90, не 99 и 9 десятых, а именно 100.

Народ наш мужественно встретил общую /беду/, а для Укр/аины/ и Бел/оруссии/ — особенно грозную и не кратковременную (вы-то не журналисты, знаете). Но не будем обманывать себя и считать, что так было бы и второй, и третий раз. Есть всему пределы. И если наш соврем/енник/, просвещенный, начал бы отлавливать, нас, ученых, как в сред/ние/ века врачей — поделом! Если позволим случиться этому хотя бы еще раз. И тем более, что настроили (и строим — возле самого Минска) рядом с огромным городом.

А ведь акад/емик/ Капица[8] да и не один он —

предупреждали.

Глаза у людей в 3–5 районах, непосредственно испытавших пораж/ающее/ действие радиации — напоминают то, что помним с войны. Особенно дети. Беженство, эвакуация — прямо в масштабах, задевающих всю нацию. Беда исторического масштаба.

Вы представляете, как читать нам в печати — там, в Бел/оруссии/. Строит/ельство/ станций (такого типа) будет продолжаться неотступно — посчитали нужным заявить некот/орые/ тов/арищи/, тут же. Что это как не бюрокр/атическое/ «наплевать» — на что? На трагедию двух народов. С холодным обещанием таких же вероятностей другим нашим республикам. А м. б., и там же — вон в 40 км от Минска заложен свой Чернобыль.

Не с этого надо бы, а с заботы о том, чтобы переоценить все и пересмотреть.

И, м. б., вспомнить, что писал и гов/орил/ об этих вещах акад/емик/ Капица — и не он один.

Что получается, когда одна часть науки, ученых, опираясь на бюрократию, получает право не логикой, убежденностью, знаниями своего добиться, а лишь потому, что обслуживает ведомственные интересы ведомств.

То, что у мелиораторов — засоление земель и т. д.

У «мирного атома» — строител/ьство/ станций в самых населенных районах страны, на вел/иких/ реках, одним словом — Чернобыль.

Почему я гов/орю/ об этом?

Мы уже несколько раз читали: [атомная] программа будет неизменной!

Неужто? Неужто то, что произошло — а что, приезжайте в Бел/оруссию/, если осмелитесь, в юж/ные/ р/айо/ны и посмотр/ите/ в глаза тем, кто еще не уехал…

Мужество, Да… Но как мы себе представл/яем/ еще один такой случай и реакцию народа (да, всего народа) на это.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядерной войны. А из Чернобыля еще можно.

Эта невидимая радиация, которая проникает в тебя, ты знаешь, в этот миг, в каждый миг, она меняет всё: ты вроде как бы другой кто-то, а всё вокруг — тоже чужое — незнакомое. Кто-то другой на другой планете.

25.05.86 г., Минск

Перед учеными-физиками и пр. — Велиховское[9]собрание в защиту мира, 27.05.86 г.

Здесь собрались ученые, а некоторые, как Е. П. /Велихов/,

только что из Чернобыля, и не вам рассказывать, что это такое: все первые 10, а то и больше дней ветер безжалостно тянул в сторону Белоруссии — через три из пяти ее областей. Как написал один из корресп/ондентов/: К счастью, ветер дул не на Киев!

И если в голосе моем услышите, уловите, обнаружите несколько лишних миллирентген — не обессудьте.

Монополия на истину в науке всегда была опасна для самой науки. Но лысенковщина показала, продемонстрировала, сколь в наших условиях она, такая монополия, опасна для всего народного хозяйства и для самой жизни народа, страны.

Если нужны еще примеры: мелиорация, Гидропроект: каких они дров наломали, надолго заткнув рот оппонентам с помощью ведомственных бюрократов — всё это на слуху у вас.

Дошла очередь и до вас, физиков — оглянуться на себя, оглядеть свое хозяйство с этой стороны. Не вам объяснять, что Чернобыль — прямой результат монополии на истину и, главное, принятие решений тех ученых, которые отстаивали и отстаивают точку зрения допустимости сооружения АЭС в густонаселенных районах, на центральных реках. Мы все хорошо помним, что были и противоположные точки зрения, аргументы, позиции. И среди них — голос академика Петра Капицы.

И не в том дело даже, что одна из точек зрения тогда победила: так всегда бывает, когда приходится принимать практические решения, а в том беда, что оппонирующая точка зрения была заглушена быстро, намертво, полностью. Это, надо сказать, лучше и быстрее удалось, чем заглушить реактор в Чернобыле. А ведь она могла и должна была действовать, оппонировать точка зрения, позиция несогласных, понуждая практиков выбирать оптимальные варианты, не развращаясь монопольностью своей.

Когда бы, не установилась монополия одних, те другие вовремя предупредили бы о недопустимости так проектировать, так строить, так обслуживать АЭС.

Ну, так, м. б., хоть сейчас мы их услышим. Почему-то не слышно их в прессе. Услышим, и голоса их не будут больше заглушены.

Мы говорим о мужестве наших людей: и тех, кто на дот грудью, идут на проклятый этот реактор, и жителей украинских и белорусских сел и городов.

Но неужели у кого-нибудь достанет, простите, просто-таки смелости еще раз подвергнуть народ наш, его долготерпение такому вот испытанию?

При повышенной радиации текут непроизвольно слезы: вы не

видели вот так плачущих маленьких детей? Мы уже видели.

Да, Чернобыль заставляет думать, говорить о том, что принесла бы война, где уже не мирный атом вырвался бы из-под контроля.

Об этом мы читаем в газетах и сами думаем об этом. Только из ядер/ной/ войны нельзя будет извлечь уроков. А из Черн/обыля/ — можно.

Белорусы перескромничали, когда гов/орили/: ничего, задело!

То, что произошло, происходит, всё более сопоставимо с бедствием минувшей войны. Не верьте нам!

Скромность белорусов повернулась против них. Не верьте, ради Бога, что нормально. Нужна помощь, почти как в 1944 г.

Но знаете, о чем говорят на земле белорусской, где война особенно памятна народу? О 22 июня 1941 г. Снова внезапность и неготовность и служб, и психологическая — многих и многих, от кого ждали как раз, что они-то знают, что и к чему.

И снова: смотрение в рот начальству и местному, и в центрах, и холуйское желание не портить настроение начальству, подавать информацию приятную и по-голиковски[10] прятать менее приятную.

А между тем, что м.б. неприятнее, чем это — ассоциация в народе с 22 июня 1941— го?

Белорусы перескромничали, а вы нам и поверили. Ну, как же, не у нас, а в 5 км от нас. Но ветер, ветер… Он дул и дует.

Не верьте нам, нашей скромности. Белоруссия нуждается в помощи, почти как в 1944 г. К сожалению, это не преувеличение. Если открыть глаза.

Растения сейчас жирно, сыто-зеленые везде у нас — как те березы на Пискаревском кладбище[11]. Что выросли из смерти.

25.05.86 г.

Хатынь притягивает Хиросиму.

Известно, что при рождении ядерной энергии — если иметь в виду бомбу — оказался такой акушер, как фашизм. Он спровоцировал великих физиков на эту работу. Велихов: тождество.

И там энергия эта родилась с печатью проклятия.

К ней бы надо относиться без того пиетета, который есть.

Министерские тузы не раз заявляли в эти черные для всех нас, и для Укр/аины/ и Бел/оруссии/ дни: будем строить, как строили, как было, так и будет.

А не должно бы: как было. В частности — не должна остаться монопольной одна т/очка/ зр/ения/ на эти вещи и в науке.

Если исключить саму станцию, то основ/ной/ ущерб распростр/анился/ на север, пора это осознать. И не ради того, чтобы пожалеть бел/ору сов/ — им еще и это!.. помочь им активнее. Да нет, у нас есть ресурсы и помогают нам, и дух/овные/ ресурсы есть у респ/убликиАпартиз/анки/. Я не хочу тут изображать/ погорельца с опаленными оглоблями.

Вопрос чисто практический: о необход/имости/ выселения новых р/айон/ов, а это сдержив/ается/, как и многое у нас: планом! Посев/ных/работ. И хотя дядьки наши в пылище пашут стронций, плутоний (в Брест/ской/ и Гомел/ьской/ обл.), но пашут — план! Кому, кому это нужно? Разве что бюрократу, у кого бумаги и цифры плана?

Устроить двум республ/икам/ долговременную Хиросиму и делать вид, что это нечто так себе — ну, знаете!

Что произошло в Киеве. С одной стороны, не проинформировали Москву о взрыве и масштабах, а с др. — не принимали решений, ждали указаний, к/отор/ых не могло быть.

И поэтому всё — с опозданием.

Мирный атом в каждый дом! — вот так. Меняю квартиру в Киеве на комнату в любом городе мира. Не предлагать Хиросиму, Нагасаки, Минск!

Обращ/ение/-письмо М.С.Г/орбачеву/

Космонавт-ученый Феокт/истов/ еще до Ч/ернобыльской/ трагедии высчитал: один вскрытый реактор = 50 Хиросимам (по зараж/енной/ места/ости/).

За ветром…

«Ветер, к счастью — не на Киев…»

На Гомель и Минск. А позже, после 1 мая — на Гомель, Мозырь, Жлобин, Слуцк, Пинск, Брест… Неизвестно, сколько «Хиросим», но ее радиоактив/ная/ тень легла на 2,5 обл/асти/ Белоруссии/, практически на пол-Бел/оруссии/.

Это сразу лишает возмож/ности/ маневра внутри республики. Сколько могут принять сев/ерные/ р/ай/оны? А речь идет о сотнях и сотнях тыс/яч/ хотя бы детей и мол/одых/ женщин, которым рожать.

Всё вним/ание/ др. республик, приглашают к себе — нашим юж/ным/ братьям. Про Бел/оруссию/ спраш/ивают/, если гов/оришь/: «А что, разве и у вас?» Но когда пытаются сами выехать: «Из Гомеля?!» Не берут.

Переселять из р/айон/ов более зараж/енных/ в менее, бессмысл/енно/. Тем более, что пораженность пятнами, точно пока не изучена, что безопасно, где — более, а где — менее.

Нужна общегосударственная/ помощь Бел/оруссии/ в этом

отнош/ении/.

Выселено 3 р/айо/на целиком, а по подсчетам АН — еще 5, как мин/имум/, но это не решает проблем, нужно выселить хотя бы до зимы детей из 2,5 обл/астей/.

И еще, в связи. В 30 км «зоне» от Минска — строят. Пафосно не один раз по телев/идению/:будем! Монополия продолж/ается/, хотя Капица… предсказ/ывали/ Черн/обыль/. Он — не полная неож/иданность/, он мог быть. И м/ожет/ еще быть… Ни страна, ни народ (матер/иально/, биолог/ически/, псих/ологически/) не выдержат такое еще раз.

В Черн/обыле/ взорвался весь тот бардак, к/отор/ый пытаемся ликвид/ировать/. Прошлое. Но если не будут названы причины, люди, винов/ные/ люди, несправедливо (уже) ложиться будет вина именно на тех, кто сегодня пытается и мыслить и делать по-новому. Дело не в отвлеч/енном/ копящ/емся/ гневе, а в справедл/ивом/ изуч/ении/ и искор/енении/ всего, что проявилось буквально — 22 июня 1941 г. Всё параллельно. По реак/ции/ чинов: не дать инфор/мации/ наверх и ждать оттуда адекв/атных/ решений, а сами — ничего.

По отнош/ению/ к насел/ению/ безобразно ведут высшие медицинские чины, министры. Вместо того, чтобы и без того легкомысл/енный/ народ [информировать], заверяют, что пустяки. А ведь начнется осень, зелень, грибы…

Бел/оруссия/ нужд/ается/ в измен/ении/ планов посевов, поставок, иначе неизбеж/но/ ослабл/яется/ контр/оль/ за радиацией, болезнь работников, пашущих по стронцию и произв/одство/ зараж/енных/ прод/уктов/, молока, мяса…

Построить мед/ицинский/ центр на гр/анице/ Бел/оруссии/, Укр/аины/ по изуч/ению/ последствий долговременных — это касается судьбы десят/ков/ и сотен тысяч людей, если не больше.

Если всерьез — это нац/иональная/ трагедия народа, по масшт/абам/ приближающаяся к тому, что белорусы пережили в 1941-44 гг.

Одежда — нет средств, чтобы сменить.

Не достает оборуд/ования/ для контроля, подготовл/енного/ персонала. Даже АН не имеет для таких масшт/абов/.

Подключ/ить/ АН СССР, Укр/аины/ и Бел/оруссии/ и АН мед/ицинских/ наук — состояние долговремен/ное/, послед/ствия/ и их устранение.

2 вопроса: Не должны люди жить там, где нельзя; Проверка продуктов пит/ания/, иначе будет зараж/ена/ вся республика и за пределами.

До 5 мая не выселяли. Только 5-го — 3 района. 8 дней жили в радиации.

До 1 мая на Бе л/ору ссию/ дули ветры…

В Братине вместо 3 [кюри] — 90 кюри, в 30–20 раз.

Правит/ельственную/ комиссию по Бел/оруссии/ создать в СССР. Тщательно изучили бы и на науч/ной/ основе принять решение о выселении.

На рынках нет дозиметрич/еской/ службы даже в Минске — Нестеренко спросить.

Детей из зоны — 150 км.

Не только на гамма-фон, а на тяжелые изотопы.

Млн. три, 1/3 населения облучена.

Гомел/ьская/ и Брест/ская/ обл/асти/ получили много.

За 200–300 км людей вывозить.

А дальше пойдет поражение продуктами и будут заражены все!

Радиация легла пятнами, «языками» далеко за 30 км зону. Людей (детей с родителями) приходится выселять. Но они не имеют права на получ/ение/ гарантир/ованной/ помощи (на одежду и т. д., в той же вынуждены). Следует в Бел/оруссии/ не меньше 150 км и дать право на обеспеч/ение/ тех, что из «языков».

Необх/одима/ квалифицированная/ помощь со стороны АН СССР, Акад/емии/ мед/ицинских/ наук для изуч/ения/ степени заражен/ия/ различ/ных/ р/айон/ов, помощь техн/ическими/ сред/ствами/, проверки продукт/ов/ питания, ибо при нынеш/нем/ положении это грозит облуч/ением/ (через продукты) всему населению/ респ/ублики/ и за ее пределами.

Две глав/ные/ сейчас пробл/емы/: изучить, где нельзя жить и переселить людей.

Продукты, проверка.

Первая пробл/ема/ и ее сложности (30 км).

Вторая: недостаток техники и специалистов, а их треб/уется/ огром/ное/ множество.

Иначе к тем 3 млн. добавятся новые сотни тыс/яч/ и, м. б., миллионы заболевших.

Приборное обеспечение и специалисты.
Продукты собст/венного/ произв/одства/ заражены.
Нужна система замены — сухое молоко.
Колодцы кол/хозные/ на закр/ытие/.
Средства на бурение.
Более строгий контроль за кач/еством/ продуктов.
Компенсация за изъятые продукты.

Точная система зараж/ения/, поиски пятен [на] плут/оний/, цезий, барий, стронций.

Надо уточ/ненная/ система мер изучения поголов/но/ всех с последующим контролем.

Быстрее закончить определ/ение/ пятен по Белоруссии.
Соц/иальный/ быт и жилье для тех, кто переселился… Помощь бензином, передвижками.
Ужесточить миним/альные/ дозы допустимые, к/отор/ые дал Минздрав.
Провести проверки на ниобий-95, цирконий, лантан, цезий и особ/енно/ на плутоний.

Специалисты — у скота признаки щитовидки. Убивать — после отселения в чистые зоны. Предубойный контроль по железе…

Стремл/ение/ перекрыть урожай за счет сев/ерных/ р/айон/ ов. Надо сократить поставки.
Минздрав запретил публ/икации/ по лучевой болезни…
Чернобыль — это долговременная Хиросима.

июнь 1986 г

Ув/ажаемый/ М/ихаил/ С/ергеевич/!

Белор/уссия/ переживает дни по трагизму, схожие с июнем 1941 г. И дело не просто в том, что род/ители/ и дети теряют друг друга, жертвы среди мирного насел/ения/ исчисляются многими нулями. (В больницах, а многие, к сожал/ению/, не в больницах еще, не охвачены).

Но угроза соверш/енно/ катастрофич/еская/ грозит, через зараж/ение/ продукт/ов/ питания (Бел/оруссии/ и близлеж/ащих/ районов), если не будут сделаны соверш/енно/ необх/одимые/ вещи. Речь идет о конкр/етных/ шагах.

Ладно, что не смогли, не поняли сразу, не были информированы/. Но сейчас есть еще возмож/ность/ локализовать бедствие (уже общенародное).

Комбикорма, чтобы не травить молоко. Дали, но мало. А надо для стойлового содержания: 45 тыс просили, дали 5+10 (плюс свои 13 тыс/яч/тонн). Нужны по двум причинам: нужно на стойловое/ содер/жание/. Братин, Хойники, Наровля. Не имеют ни капли дождя три месяца (самолеты разгоняют дождь).

Травы съели, а пойма затоплена.

Июнь — закрыто молоко.

(В сырах был йод, а в масле меньше). Цезий.

20 миллирентген — 5 тыс/яч/. Переходит в мертвую зону.

Почти всю 30 км зону.

Брагинский р/айо/н, Хойникский — мертвая зона будет. (Не весь).

Некуда масло девать. (Забирают Ср/едняя/ Азия).

14 тыс/яч/ июн/ьского/ мяса.

120 млн. /руб./, 4 тыс/ячи/ домов.

90 тыс/яч/ по детским домам… (вне пределов республики).

Бел/орусы/ скромно молчат и делают огром/ную/ работу: Слюньков[12], Кузьмин[13] не вылез/ают/ с тех р/айон/ов, работники АН БССР.

Но не все в силах, слишком грозная опасность. Республика мала для такой огромной беды.

Сколько ребят за пределы республики: в пионер/ские/ лагеря, в труд/овые/ лагеря, беремен/ных/. За пределы БССР.

60 тыс/яч/ за пределы в три смены, пионер/ские/ лагеря, трудовые, отдыха.

4,5 тыс/яч/ матерей с детьми.

За пределы Бел/оруссии/ 32 тыс/ячи/ отправлено.

60 тыс/яч/ в пионер/ские/ лагеря. 150 тыс/яч/ на одну смену. Псков, Пенза, Москов/ская/ обл/асть/ три смены, 10 тыс/яч/ труда и отдыха. Марийск, Литва, Ленинград, Волоща, Калинин, Эстония, Ярославская, Пенза, Мордовия, Краснодар, Кострома.

Жемчужина России… Анапа… Можно Адлер — матери с детьми (12 тысяч).

Это по тем районам, а прилегающие? Наши все забрали: 100 % — Витебская, Мин/ская, Гродн/енская/, (Брестская — 2 санат/ория/).

Из тех районов на 3 месяца.

Лоев, Чечерск, Славгород, Буда-Кошелев, Костюковичи — пятна [радиации].

Предельная норма — 5 внутренних, 5 внешних миллирентген — для детей.

Взрослые — 20 (10 и 10).

Радиобиология — академики — группа из 4-х человек. Чтобы взяли под контроль Белоруссию.

Теплая трава в «большой палатке» (где концерт) пахнет приятно, сладко, радостно, как всегда. Без мысли о радиации. Вчера — это было везде. Сегодня — не в Белоруссии, нашей всегда первой и не обойденной общей бедой, первой в общей беде.

Турку. Лагерь мира. 03.06.

Потеря нравств/енного/ нач/ала/ — вот что такое псевдонаука. Вавилов[14] расширял растит/ельный/ генофонд для человеч/ества/. Он воплощал то, чему грозит сегодня НТР, бездумное/ и бессмысл/енное/ наступл/ение/ техн/ики/ на мир природы.

Мы вспоминаем В/авилова/ не только в связи с генетикой. О Байкале, север/ных/ реках, об омертвевших р/ек/ах Бел/оруссии/ и Укр/аины/, и вспом/инаем/ Вавилова. О мертвечине в литературе/ — и Вавилова. О науке, к/отор/ая открыв/ает/ орудия смерти против жизни, и призыв/аем/ имя Вавилова, чтобы образумить молох псевдонауки, т. е. лишен/ной/ нравств/енной/ цели.

Идея, тема рассказа: Случилась беда в стране. Чинобольшущая беда, но тут принято, что в стране совершаются только прекрасные вещи. Вместо того чтобы заниматься всерьез бедой, ее устранением во всех масштабах, занялись наведением глянца на представлениях о сей стране в др. странах.

Постепенно должны были забраться в убежище и уже оттуда

изображают (с пленок) нормальную жизнь на норм/альной/ земле, а на ней уже — радиац/ионное/ кладбище.

07.06.86 г.

И вывозить, вывозить детей, подростков! И не на месяц-три, а пока обст/ановка/ сущ/ественно/ улуч/шится/. Самые большие чиновничьи упущения — здесь. Радиация мгновенна, чиновник медлителен — по самой природе своей. Да и то сказать: слишком мала оказалась республика для столь большой беды. Своих «чистых» районов для настоящей эвакуации явно недостаточно. Пора осознать, что каждый день промедл/ейия/ с эвак/уацией/ детей, когда «враг» не то что приближ/ается/, а уже в доме — самый непростит/ельный/ грех перед будущим народа. Тут никакие наши оправд/ания/ и объяснения время не примет. Нужна организ/ация/, люди, к/отор/ые только этим и заним/ались/ бы: с к/отор/ых можно было бы спросить, но у них были бы высшие права требовать, разрешать, запрещать…

Повесть о том, как «выжили» (в отчетах) после Ч/ернобы/ля.

Рассказ о мудрых и заботливых руководителях народа, которого уже не было.

Собственно, он был, народ, а иначе, как появились бы руководители, кем бы они руководили бы. Но затем исчез. Народ исчез, а руководство осталось. Ну, не наоборот же должно было случиться. На всех правительственного бункера не хватит, на всех не был рассчитан. Да и те самые загородные «закрытые» совхозы, фермы, которыми питались, «закрытые распределители» и из которых питались, заботящиеся о народе руководители (а как будешь о народе, ежели себя для народа не сохранишь?), и все эти закрытые потому и были закрытые, что на всех не наберешься. Продуктов нормальных, здоровых, незараженных. Но главное-то не радиация, вдруг высыпавшаяся как тифозная сыпь, покрывшая землю, реки, леса, деревни, города (невидимая, а потому даже не сыпь, а так что-то, чего вроде и нет, а лишь ученые ее (сыпь) изобретшие, ее предполагают), не это главное, а чтобы правильно освещали. Ну, у нас, это мы позаботимся, да и сами журналисты-газетчики-писатели позаботятся: распишут рыбалку или как соловьи запузыривают над реками (которые «стали горьки») и всё в порядке. Есть, а будто и нет, скорее, что нет, а если и есть, то это перестраховки ради, т/ак/ ск/азать/ наша неизлечимая забота о здоровье-благополучии населения. И проверяем, и делаем не потому, что есть, а как если бы было, хотя знаем, что нет этого. Не бывает у нас (это у них!) ни наводнений, ни землетрясений, ну, а уж если у нас случилось, то внимание все тоже — на них,

туда. Что да как пишут, такие-сякие!

Долго история пишется-сказывается, ну, а жизнь шла, шла, да и кончилась.

Та, что наверху. Осталась в бункерах, куда поступало всё чистое. Населения не стало, а руководители — вот они, здесь, все — и главные, и замы, и помы, и всё их окружение, кое-кто из семей, но тоже при службе (дети — учатся быть).

А там никого! Но тогда что получается, получится? Те, оттуда такое распишут! Это именно и распишут: что никого, всем каюк! Но это они распишут, а позволить им клеветать и злобствовать — кто, какой патриот позволит!

И вот пошла писать губерния. И не только писать: о посевных-уборочных, труде-отдыхе трудящих/ся/, не только, понятное дело, в газетах, но и показывать — по кино— и телеканалам. А это труднее, а это сложнее: приходится вырезать и монтировать из того времени, когда худо-бедно, но всё это можно было снять, заснять.

И весь мир успокоился и с еще большей яростью стал готовиться к глобальной «Польши», чтобы и самим тоже защитить население — из бункера, отстоять его честь и независимость (из бункеров). И тогда будет совсем понятно всё: эти — в бункере, те — тоже, а больше — никого, но они, и те и другие, в бункерах стараются во имя своих народов, их свободы и счастья.

Вот так приблизительно выстроится рассказ. Но в какой тональности? Из каких кусков?

Войдут ли деяния наших и украинских товарищей в первые часы… в первые дни… в первые недели…

Когда вся забота: не раздразнить вышестоящие инстанции тем, что случилось именно у тебя и с тобой.

Южнее реки [Припяти] — наврали, что не взрыв, а пожар, всего лишь пожар!

Севернее: а у нас ничего, а у нас ничего, чуть-чуть-чуть, а так ничего!

Главное, чтобы не «накивали пальцем» в сторону Бартошевича[15] — Ковалева**[16], как накивали южным соседям, а что там с людьми, которых накрыло — не паникуйте!

А, м. б., и рассказы-вкрапления беженок наших несчастных?

12.07.86 г.

Да, во всей истории этой очень важную роль играет лозунг, формула, разрешение: «Не превышает нормы». Люди и вымерли по медиц/инскому/ разрешению, нормально, по нормам, подогнанным под фактическую радиацию.

Нет, это «бункерная летопись» — с полным убеждением в разумности и нужности такой политики. И доказательство, апофеоз: восторг, что заведенные в заблуждение, одураченные политич/еским/ мастерством враги дали залп из всех ядерных дыр — и погубили собственное население собственной радиацией.

(Да, но в «шахтах» всё же оставались. И остались. В уцелевших).

13.07.86 г.

Эпиграф к рассказу-летописи:

10 «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

11 Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

[Откровение Иоанна Богослова. Гл.8.]

Дать как эпиграф, а м. б., в тексте, начать с этого «летопись» и дальше — комментарии летописца. Дескать, нет ничего общего. А случилось потому, что «наука требует жертв» и нельзя без энергии (а без людей — можно) и что потом уже не «полынь», а совсем другие ахнули — и еще треть, и еще треть, а потом уже всё чисто. Опасность устранена (ибо устранен народ, население).

Станции работают, энергии избыток, достаточно для бункеров и для трансляций для внушения врагу тревоги и страха.

И вот — настал день. Великая мистификация сработала, блеф невиданный победил: не выдержали у них нервишки, дали залп и сами погибли.

Можно было из собственных шахт, но все не решались и там вымерли — некому было снабжать «здоровыми» продуктами. И на них не хватило. На всех-то не хватит!

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновала, и моря уже нет». Гл.21,1.

«… и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло». Гл.21,4.

«Ворота его не будут запираться днём, а ночи там не будет».

Гл.21,25.

(Откровение святого Иоанна Богослова)

Физикам: умеете, научились открывать, задача: научиться закрывать. Например — Чернобыль.

К рассказу: народ вымер в результате выполнения плана по продуктам: пахали стронций, сеяли плутоний, убирали цезий. Чтобы побольше выполнить план! И — перевыполнили.

Человек тяжело и безнадежно болен. Все знают, а он, главное заинтерес/ованное/ лицо, не знает («так ему лучше»).

Здесь наоборот: всем грозит беда, смерть, но знают лишь некоторые (врачи и бюрократы наши) и они считают нужным преуменьшать опасность («так им будет лучше»). Цинично: умирать-то будут от привычных болезней, конечно, усугубленных радиацией. А что и от стронция (до 35 % — белокровие), от плутония (рак легких) — пока вообще молчат.

Значит, вы врачи?!

И это: бюрократич/еская/ «лестница» стала не просто причиной разных нехваток, но уже опасна для жизни народа, смертельно опасна.

Проголосовали за то, чтобы смешивать заражен/ный/ продукт с чистым, чтобы было больше (план, продовол/ьственная/ программа) — до нужной пропорции, «допустимой». (А допустимой медики назовут любую).

То, что собирается делать «медицина» под давлением угодливо бюрократического местного начальства — готовится не лечить заболевших и не предупреждать заболевания и все формы радиации (через продукты особенно), а скрывать и прятать концы, поставит и тех, кто выше, в положение, сопоставимое лишь с тем, что оставил в истории после себя Сталин. Захотят ли люди честные этого (о них лишь речь), если поймут, что произойдет и именно от нашего хватания за привычные формы сокрытия любой правды, даже затрагивающей судьбы миллионов?

15.08.86 г.

Реки не потекут вспять!!! Но что помогло больше: наше — писательский вопль или… Чернобыль? Просто нет миллиардов!

16.08.86 г.

До последнего держался за свой кусок, хотя он уже радиоактивный был, знал это, а держался как и прежде, больше, чем за жизнь на Земле.

31.08.86 г.

… И наконец рассказ о том, как радиация выморила всё население, пока начальство скрывало его от «врагов». Потом враги все-таки ударили (по пустой территории) и сами себя доконали — через радиацию, ядерную зиму.

Рассказ должен нести в себе восторг (начальства), как здорово они заботятся (нет, не о населении) о том, чтобы там не

злопыхательствовали. И удалось — те поверили и т. п.

Да, в рассказе о загубленном народе: писатели очень хлопочут о «шыльдах» и счастливы, что начальство разрешило. А что с народом — не замечают. (Не разрешено замечать).

1987

Роль и вес писателей в обществе. Экология. Журналисты, да. По конкретным делам. Писатели — ходатаи по делам рек, Байкала, Чернобыля.

14.02.

На Пленуме СП в Москве.

… Я говорю, потому что я, мы в Бел/оруссии/ видели руководителя истин/ного/. [Кузьмин А.Т.] Что, семи пядей? Прост даже. Что докт/ор/ филос/офских/ наук, как этот И. И.? Нет, просто летчик… Но сколько такта, уваж/ения/, с годами знание нас и жалость к нам там, где мы унижаем писател/ьское/ имя, так уважаемое им.

Ушел, ушли, потому что не сошас/ился/ с желанием руководства/ респ/ублики/, выполнить продов/ольственную/ программу так, будто нет радиоак/тивного/ сена, радиоак/тивного/ скота и пр.[17].

Тогда родился у нас афоризм: для кого (для других) хлеб свой с маслом и чай важнее — жить ли миру. Даже когда чай — радиоактивный.

Человек в респираторе. Повесть.

Перед детьми из «тех» мест выступает С, сам в респираторе, горячо убеждает быть «стойкими на рубежах», какими были их деды, наши отцы. Народ наш привычен! И т. д.

Такая же честность требуется от всех. Дело не в словах, не в том, что можно найти потрясающие пророчества в каждой из религий. Именно я зачитал на съезде из Иоанна — о звезде Полынь, что по-укр/аински/ — Чернобыль.

Но дело, повторяю, в смелом повороте к реальности, к/отор/ый никто и никогда предвидеть не мог.

Ошибаюсь? Очень хотелось бы услышать, как смотрят сами теологи на это: насколько готово было то или др. религиоз/ное/ мышл/ение/, а если нет, так в чем, и что новое нужно каждому. А что: в литературе?

На пленуме (СП БССР): долой гласность! Писатели?… А радиация и то, что с народом будет? Глухая стена молчания.

Иногда ходим по касательной: чтобы не на доты!

И тут всё сравнять, подравнять жанр под [книгу] «Никогда не забудем». Тогда, конечно, «бороться» легко будет. Или уговорить, что этот жанр уже всё сказал в «Огн/енных/ дер/евнях/»[18]. Оставьте его и «идите к нам». А эта лит/ература/ — не мы, не бел/орусская/ тема? Да и жанр, он-то и мог ответить на

Чернобыль. Именно он.

30.06.87.

«Жюри[19] (документального кино) выражает глубок/ое/ уважение советским кинодокументалистам, которые с риском для здоровья, а то и ценой жизни, сделали зримой для всего человечества боль и тревогу Чернобыля».

Наука и контроль общ/ественного/ мнения (науч/ный/ за ней). Чернобыль — не только ошибки и преступл/ения/ операторов. Но и результат монополий в науке одной группы, «идеи».

Капица и др… Победила группа Александр/ова/[20]. Не должны бы лишать права на голос, контроль, критику и др. сторону. Пришлось бы соверш/енствовать/ и строже вести работу…

Не получив согласия создателей станции, притом (!) в субботу, притом ночью (всё это запрещено), энергетики экспериментируют, как бы выгадать энергии на полчаса (не брать с III блока). Семь блокировок… Директор и глав/ный/ инженер — виноваты за эксперимент.

М.б., диссертацию иметь. «Сэкономили» бы полчаса… 250 тыс/яч/ киловатт часов выработать в сеть — и прибыль, премия. Зачем это делали?

Когда торгаш становится царем,
А инженер находится в загоне,
Тогда наш мирный атом входит в каждый дом,
А вместе с ним и стронций, и плутоний.

Передали станцию министер/ству/ энергетики (в минист/ерство/ среднего машиностроения, Комитет по атом/ной/ энергии), приоритет физиков был потерян. Чего-то мы, энергетики, будем с ними советоваться?

Легка система запуска, стерженечки поднял — пошло. Эйфорич/еское/ состояние молодого водителя — до первой аварии. Невежество, эйфория невежды.

Отрапортовать к Первомайскому [празднику] об успешном проведении эксперимента. Проводились ниже нормы, нужно было неск/олько/ дней переждать. Вытаскивают центр/альные/ стержни (глав/ные/ тормоза) — реактор остался без [защиты]… Разгон, остановить нечем. [В] 300 раз за 3 сек. увеличили энергию.

Физич/еского/ образ/ования/ не было, не было барьеров, к/отор/ые дает образование. Полуобразование — неграмотность, помнож/енная/ на безответственность.

Как вся система начала оправдывать преступл/ение/ дураков,

даже на науку валить (требует жертв). Как организована вся структура.

Люди вымрут на Могилев/щине/, кто вернется туда? Новые? Нет. 10 % всей республики.

Ядерный Спид. Убит будет иммунитет.

Раза в 3–4 больше территорий, чем на Укр/аине/ пострадали. На 5 млн. [руб.] приборов — Украина, а мы — ничего не получили.

Чериковский, Костюковичский, Славгород/ский/, Краснопольский и Быховский [районы]. Еще один. 14–15 кюри — 137 населен/ных/ пунктов, 1195 кв. км — 16 тыс. человек. Больше 40 кюри — 224 кв. км, 6 деревень, 5530 человек.

Производили радиоактивные отходы. Гомельское начальство — сохранить труд/овые/ ресурсы, не отдать Витебской.

О пользе пессимизма. Брать самый пессим/истический/ вариант; а потом сужать кольцо.

192 тонны урана, около 3 тонн осколков — вот Чернобыль. Около 5 тыс. кв. км — в 4–5 раза!

Аварийная инструкция лежала и в облисполкоме, в ЦК Украины. Не позвонили даже соседям.

В зону посылают людей косить сено — выполнять план.

— А снимут, а где потом работать.

Белоруссия возродилась потому, что людей в болотах сохранили. А тут?

Из Москвы все ждут команды. А сами информацию не дают.

Людям обещали, что вернутся. Но частиц в мин. на см. кв. 30 тыс., а не 2 тыс. — вернуть. Сдержать слово! Чтобы не «обмануть». В 20–25 раз хуже нормы.

Хлеб пекут на сыворотке:

— Молоко запретили пить. А сыворотку не запрещали.

Бабка с тяпкой и коровой (ночью).

— Надо прополоть. Коровке трава… А мне же не сказали. В запретной зоне. Пашут…

С детьми разговаривает через респиратор. А трактористам не дали:

— Панику посеять?!

Милиционеры охраняют зону. И набирают бэры, мол/одые/ ребята.

Ма-аленькая станция и — вот! Маленький оператор и вот что!

Уходит из дома, а тут 15 [рублей] в долг. Ничего, после 1 мая получим премию. Будущему ребенку — коляску.

Мысль, что ядер/ная/ война может начаться оттого, что бабе захотелось лишнего червонца.

«Отключение» моральных блокировок. Пожар или взрыв?

«Сюжет фильма» [«…Имя сей звезде Чернобыль»] — максимальное бедствие от аварии, если бы… не погасили, если бы… реактор… осел ниже, в почву, глинозем и пр. и если бы было не 0,8, а 5-й — это стало бомбой в 3–5 мегатонн, если бы…

Т.е. дать все, что было на самом деле, а затем вослед — взрыв. И — вывезенные, в т. ч. и жена оператора, и города — Киев, Гомель, Минск (эвакуация и — вослед взрыв)… Т. е. ядерная война «мирного» атома.

«Мирный» преследует Ее с не родившимся. Вначале эвак / уируют/ из городка (1000 машин), деревни новые… Потом — в бомбоубежище.

И настигает — в огром/ном/ городе.

Машина директора [станции] догоняет [ее] (вывозит семью, хотя сигнала бедствия не дал). Навстречу начальство повыше, забирают его и назад. А машина с детьми уходит.

29.07.1987 г.

Вопросы докладчику, зам. Председ/ателя/ Сов/ета/ Мин/истров/ БССР Петрову А. А.

Вопросы и к АН БССР.

1. Что мы делаем и собираемся делать с десятками тысяч тонн, зараженных радиоактив/ных/ продуктов, которыми забиты холодильники?

2. Что делаем и собираемся делать по переселению, спасению жителей в местностях, деревнях (юг Гомельщины и юго-восток Могилевщ/ины/), где жить нельзя?

3. Что делаем и собираемся делать, чтобы не плодить и не размазывать по республ/ике/ и стране радиоактив/ные/ отходы? Т. е. когда прекратим с/ельско/хоз/яйственное/ производство там, где не имеем права этого делать. По всем законам здравого

смысла, морали, человечности ввозить «чистые», чтобы [не] производить «грязные» и потом не знать, что с этим делать — разве не абсурд это, не преступление?…

Из зоны вывезли 9800 семей. Потеряли 19 колхозов, поселили не вместе, молодые уехали за пределы области. Потеряно 90 тыс/яч/ га земель, 40 % мяса производим в Гомел/ьской/ обл/асти/. Потребляется там же.

Намечено в Гомел/ьской/ обл/асти/ 29 хозяйств реэвакуировать.

Из 1460 хозяйств — в 160 молоко грязн/ое/.

Нет никаких машин изотермических, не дали. Автобусов не дали детям тоже.

Даже сменной обуви в школе не приобрели.

С колясками в машину нельзя. Бросили, сотни колясок пустых остались после ухода колонны машин. И вещички лишние, куклы… На окне одна, смотрит на коляски неживым детским, безмятежным взглядом куклы.

Детей привезли, ведут, их боятся другие дети, да и взрослые, они окружены «радиацией».

Реактор гонит ее от себя, эвак/уированная/ деревня, город, но и притягивает. Там погребен отец ее буд/ущего/ ребенка.

То, что происходит и с людьми и атом/ной/ энергией: отпугивающей и влекущей. Как и всякая погибель.

Человек в респираторе. Повесть.

Ну вот, всё, кажется, идет, как следует, как положено. То, что мы в деловых бумагах и в печати называем Событием, обрело контуры, вошло в рамки, берега. Т. е. держим под контролем.

Вчера С. был у эвакуированных с места События детей. Записанную на магнитофон речь привожу полностью… Правда, был он в респираторе. Говорил сквозь плотную маску и отдельные слова, выражения неразборчивы.

— Дорогие дети! Вы можете считать себя героями, и мы все вами гордимся.

14.10.1987 г. в 11.00–17.00. Беседа с Легасовым![21]

Чернобыль начался с 1961 г. — полет Гагарина (высшая точка). Начало падения сов/етской/ техники.

Пионеры а/томной/ э/нергетики/ на 10 лет прекратили строительство.

А они энергетику. Зн/ачит/, о безопасности.

А у нас хватит уголька.

Спохватились и погнали…

Неизбежность осознали. Темп потерян.

Роковая ошибка — с чего Чернобыль. Стандарт безопасности.

1. Макс/имально/ надежный реактор.
2. М/аксимально/ н/адежная/ эксплуатация.
3. Капсулировать (под колпак). Кто преступник?

1. Те…
2. Конструкторы.
3. Руководство энергетики, к/оторые/ настояли — без колпаков. (25 %, 30 % экономили), Байбаков[22], министр Славский, Непорожний[23].

Реактор Большой Мощности Канальный — РБМК. Этот под колпак не помещался — Фейнберг, конструктор. МАГАТЭ[24] не запрещало этот тип — не было правил. Корпусов нет. ВВЭР (водноводяной энергетич/еский/ реактор).

Славский — нач/альник/ машиностр/оения/ дал ход. (Мы можем страну выручить).

Управлять им трудно — поняли. Разрешили без колпаков — все.

Никто это не развивал — опыт лишь наш.

У америк/анцев/ их 4 — высокого класса контроль (и у нас, когда Среднемаш).

… И тем не менее. Спасать страну!

Конструкг/орские/ ошибки, по кр/айней/ мере, [надо] 2 сист/емы/ защиты. Одна не зависеть от оператора должна.

А тут — одна защита. Грубейшая ошибка.

2-я ошибка — несоответствие скоростей… (14 РБМК).

Философия безопасности ложная, а техники могли бы.

(И тех (ВВЭР) тоже 14!)

Александров пошел навстречу Госплану — при обязательном условии высшего качества. Не уперся до конца.

Победили: Давай, давай! — и премии от Минмаша. Сожрали начальника ради премий и пр.

Нет философии безопасности.

Сварщик заварил халтурно на Кольском полуострове.

Неоправданный перенос опыта воен/ной/ промышленности/ в обычную.

Без перевозок… Захоронение… Везде возможны аварии, но не возм/ожен/ Ч/ернобы/ль. Но с отходами может.

Все вокруг реактора, остальное второстеп/енно/. Нужны все специалисты.

Апофеоз филос/офии/ безграмотности безопасности.

Армянс/кая/ АЭС, Ленинградская, Козлодуй АЭС (Болгария). Химич.: Дзержинск, Куйбышев, Чемкент (фосфор/ный/ завод) — 300 км мертв/ая/ зона — Легасов предсказывает эти катастрофы.

(14окт. 87 г.)

Если не принять меры, а их не принимают!

Ефим Павлович Славский — Министр среднего машиностроения.

Он!

Доклад оптимистический об успехах. Правда, что-то в Чернобыле. Но — успехи!

Щербина[25] — глава Правительственной Комиссии [по Чернобылю].

Разбивал молотком депутатский значок (радиоактивный).

Ч/еонобы/ль живет мир/ной/ жизнью. За 8 км — труба, из к/отор/ой не идет дым. Малиновое зарево в полнеба и пар прет.

1. Причина аварии — Мешков.[26]
2. Что делать — предложения (Легасов).
3. Воробьев[27] — Мин/истерство/ здравоохр/анения/, определить степень опасности.
4. Подготовить к эвакуации. Это — вечер 26-го.

Медицина возражала против эвакуации! Правила: 25 бэр, местная власть имеет право эвакуировать, если 75 бэр — обязаны. (Международ/ных/ правил нет). Припять оказалась «чистой» — менее 10 бэр. Завтра будет! А вдруг не будет? Нарушим закон.

Щербина своей волей принял решение. Медики не подписали, только назавтра в 11.00.

Радиосвязи не было. Милиционеры ходили и предупреждали: не выходить и т. д.

В 11 часов — об эвакуации объявлено.

Навсегда ли? Долго будут собираться. «Возможно на несколько дней, возможно на больше».

Ошибка: на собств/енных/ машинах выехать, зараженные машины, 45 тысяч эвакуир/ованных/.

И парт/ийные/ организации. Каналы исчезли, демонтированы. Не было через кого.

Собаки жалобно смотрят, не берут с собой. Бегут за машинами, их окликают с плачем дети.

Директор [станции] в шоке полном, недееспособный.

Шашарин — зам. министра [энергетики], действовал

энергично.

Логика принятых решений. Железную дробь? Но она оказалась зараженной. Свинец! Доломит. Песок. Графит горел с 26-го [апреля] по 2 мая. Азот — не получилось.

С Москвой советовались (с учеными), что засыпать. Предполагалось состав (нитратомония) — к/отор/ый мог взорвать все. Думали, что сгоряча.

Выделения радиоактивные до 20 мая, до 23 мая (цезий, стронций). Плутоний не далее 15 км. Цезий самый легкоплавкий.

Не допустить 2500˚ — плавление таблетки урана было бы не 3 %, а все 100 % — не дать 2,5 тыс/яч!

1700 тонн урана улетели бы при 2500˚.

— Недостаток не технологии, а философии этого дела.

— То есть?

— Гонка! Она везде смертельно опасна. Отказались от колпаков, а это не техника, а философия — колпаки. Излишнее доверие к технике реактора. К подготовленности работников. Но даже если бы и так, нужен механизм на случай, если ошибка.

— Технический все-таки?

— Нет, философский. Не иди дальше черты, где назад хода уже нет.

— Какая температура?

— Поднимается снова.

— Опасно?

— До 2500˚ далеко.

— Ну, не пугайте. Это не катастрофа, если?…

— Да 100-процентный выброс тяжелых. А этого добра 1700 тонн.

— Хватит на всех?

— Хватит и на Огненную землю.

— Что надо еще?

— Полетел в Москву наш… А пока азот. Попытаемся охладить дутьем.

— Нельзя отставать. Чтобы потом не устраивать гонку. Как мы с реакторами. Сначала неверно определили запасы угля. Упустили 10 лет. Потом бросились догонять. Потеряв по пути осторожность. Вот эти самые колпаки.

1. Предчерноб/ыльская/ философия.

2. Турбина еще вращается… На выбег. Конструктор должен был сделать это на стенде. Не проверив характеристики —

величину выбега определить. В 1983 г. проверили — не получается.

Дизель 12-секундный можно и меньше — можно было просто заменить дизель получше.

3. Спасение людей через работу с реактором (2500° и т. д.), заглушение его.

4. Плита под реактором — бессмысленно. Бассейн надо было залить цементом вместо велиховской «подушки».

— Зальем цементом бассейн — вот и будет плитой.

Под эту задачу (подушку) получить технику и пр. для саркофага. Потому Легасов согласился с велиховской плитой. Масса метростроевцев для этого — под развалины подушку! Легасов и Александров запротестовали и не стали этого делать.

Саркофаг — 17 проектов. Вел Ваталин, нач/альник/ Госстроя. («Укрытие» — бетонный колпак). Сроки — конец сент/ября/. И опоры не выдержат. Вместо бетон/ного/ купола — трубный накат, жесть. Коробка квадратная — не входит.

Но гаммоизлучение выходит — опасно для соседей.

Негерметичный от грязной воды (дожди, снега).

Незавершенность. Болезнь остановлена, не излечена.

Был тепловой взрыв — быстро начала расти мощность. За 1 сек. в 13 раз. Пар, вода, графит — тепловой. Больше графита было бы — ядер/ный/ взрыв.

Ель — в сосну. Пышные иглы.

Учет психологич/еского/ поражения. Косвенный результат. Не радиофобия.

Реальный эффект. Наибольшие потери с этой стороны — в атом/ной/ промышл/енности/.

Один вертолет сгорел — за трос зацепился.

Горбачев на съезде:

«Мы за то, чтобы все достижения науки и техники были поставлены на службу человека, не вели к нарушениям экологической среды. Мы извлекаем суровые уроки из такого трагического события, как авария на Чернобыльской АЭС. Мы за то, чтобы покончить с использованием науки в военных целях».

Умный чел/овек/ после Хир/осимы/ сказал: мир станет гуманитарным или его не станет.

Это не значит, что исчезнут уч/еные/-физики или химики. Но аварийная система — нравственная — у них будет получше, чем

на нынеш/них/ атом/ных/ ст/анциях. Не исчезнут и политики, но нравственность станет дейст/ительно/ основой всех их действий, решений.

Страна, к/отор/ой не жалко.

Хорошее название для повести о Чернобыле — слова Бисмарка.

200 реакторов в Европе. Значит, и «простым» оружием не повоюешь.

Черчилль: На сияющих крыльях науки на землю опустится каменный век.

(Притом и камни будут радиоактивными, чернобыльские.)

К встрече с М. Горбачевым:

1-4 […]

5. Секретность. АЭС — Белоруссия. Дети. Вахтовый метод. Воробьев (академик), Легасов — очередность взрывов. Писал он об этом. Ученые кланы.

6. […]

Встреча.

Беседа у М. С. Горбачева — 24.02.88 г. Приехали мы с Д.А. [Граниным][28] к 11-ти… Вышел навстречу…

… И тут я поблагодарил за Комиссию, к/отор/ую М.С. прислал в Белоруссию в ответ на мое письмо.

Засмеялся, как при упоминании про часы, видно, что и тут знакомы ему отнюдь не добрые слова в адрес Адамовича. Засмеялся: мол, испуг был, может быть, и лишний, в письме, но это не вредит делу. Я про то, что не очень и лишний-то испуг, а вот сегодняшнее спокойствие — похуже. Про ситуацию, когда врачи вахтовым методом живут в Брагине один месяц, а дети?… Про 20 тыс/яч/ тонн зараженного мяса. Про 40 кюри на Могилевщине (35 деревень), а потолок — 15. Про то, что Белоруссия получила в 4–6, если не в 10 раз больше, чем Украина, что продукты получаем зараженные и размазываем по всей республике.

Он явно был обескуражен, встревожен:

— А говорят, что уже всё, что можно людей возвращать… Напиши! (Он меня — на «ты»). Напиши всё это, надо вернуться к этому делу.

Ну, тогда я и про то, что мне [рассказал] Легасов, и что я с его разрешения записал: какая АЭС взорвется следующая (в Армении или под Ленинградом), какая это радость — 14 станций эти, да и другие. США уже их не строит с 1978, а мы? Если считаем, что лишь через 10–15 лет будет толк от них — на быстрых нейтронах и т. д.

— Если еще один Чернобыль — это сломит наш народ! Согласился, видно было, как эта мысль его обжигает.

— Напиши! Всё это напиши!

Я — про то, что еду в ФРГ.

— Ну, до 8 марта, вернувшись, напиши.

Он прямо-таки настаивал. Договорились, как смогу передать ему бумаги напрямую.

Про то сказал, что кланы ученые, и это мешает им сказать всю правду, которую, я от них слышу, которую друг другу говорят. (Про Легасова: мол, и он виноват в Черноб/ыльских/ делах). Да, верно, но теперь готов смотреть правде в глаза — это я сказал. И добавил: «Как и Сахаров искупает бомбу свою».

Это — к письму материал.

Я специально не называю имена круп/ных/ специалистов, академ/иков/, к/отор/ые мне помогли понять, неспециалисту, тяжелую истину. Думаю, что и Воробьев, и Легасов, и Васильев, и Шейндлин[29] и др. сами выскажутся, более научно о том, о чем я здесь пишу. У писателя нет их знаний, но нет и клан/ово/-науч/ ной/ предвзятости, стесненности.

Нужна открытая, шир/окая/ дискуссия, в усл/овиях/ глас/ ности/. (Впрочем, спор уже начали «М/осковские/ н/овости/»)…

Чернобыльский СПИД — ослабл/яет/ иммун/итет/ системы и др., не распознает заболевания (вылавливать, предупреждать, а не списывать на обыч/ные/ заболевания).

Генетич/ески/ (рождение неполноц/енных/) — это уже начинается.

Неск/олько/ лет — лейкемия.

Через 10–20 лет скажутся раковые на тыс/ячах/ и тыс/ячах/. Опять-таки необх/одимы/ меры.

И прежде всего: не платить рубли (гробовые) и предложить/ Витеб/скую/ обл/асть/.

Не производить зараж/енные/ продукты, не размазывать по респ/ублике/ и стране.

Притом республ/ика/ в неравном полож/ении/. Во-первых, идет то, что не идет в др. р/айо/не. Хотя если уж на то пошло, съесть в Чите бел/орусское/ масло, сыр — безопаснее, чем в Белоруссии/. Они там не получ/ают/ [радиацию] из воздуха, воды. Поэтому логичнее и гуманнее или очищ/ать/ прод/ овольствие/ лучше (есть рекоменд/ации), но поскольку тайна — их не использ/овать/ или уничтож/ить/ (те 20 тыс/яч/ тонн). Или как раз в Бел/оруссию/ завозить чистые, ей чистые нужнее.

Я мог бы ссылаться на мнения крупнейших наших специалистов, но это были устные разговоры и я понимаю, что существуют тонкости в человеч/еских/ отнош/ениях/, страстях, поэтому буду избегать этого. Но поверьте, я не осмелился бы фантазир/овать/ от своего имени и с литер/атурными/ знаниями

вмешиваться в столь специф/ическую/ науч/ную/область. Уже был случай, когда мне казалось, что я помогу людям, скажу за них то, что им хотелось бы, но они почему-то не решаются — сказалось. Я поставил их в неудоб/ное/ положение. Если и на этот раз случится то же, уже по отнош/ению/ к ученым, специалистам, что ж, пусть извинят, слишком важная и неотлож/ная/ проблема, чтобы с этим считаться.

Неожид/анный/ поворот темы: западногерм/анские/ коммунисты/ в двусмысл/енном/ полож/ении/: против АЭС в ФРГ, но за — в СССР.

АЭС в соц/иалистических/ странах — нас это смущает (напр/имер/, расст/ояние/ от городов).

О, эта упоенность чиновников, причастных к тайне, лишь им доступной и с высоты своей причастности смотрящих вниз!

Много мы помним из первых месяцев: вагоны с детьми, ищущие, кто их примет, потерявшие их матери. Но самое отвратительное — министр здравоохр/анения/ [БССР, Савченко Николай Евсеевич] и его окружение! Ничего не поделаешь: так это было и осталось во мне.

Я поджидал, когда меня примет человек в те дни, знавший больше других, а я искал информацию, чтобы ехать в Москву… Вошла в приемную плотная группа, в центре министр. Внесли с собой уже там, по дороге сюда начатый разговор, а потому, и не заметили человека, сидящего у окна. Впрочем, он заметил скоро и поглядывал с вопросом: кто и с чем сидит, свой, не свой? А лысенькие и толстенькие всё уплотнялись возле министра и упоенно делились соображениями. Какими? Как одурачить матерей, к/оторые/ приехали в Минск с детьми, чтобы они детей оставили, а сами уехали назад. Туда, где что-то невиданно пугающее и невидимое осталось: что сказать им, что говорят и как ловко их дурачат, колхозниц. Они видели только министра, а потому меня не замечали, но министр обеспокоенно взглянул и раз и второй. Я сидел, и всё, но я слышал это, и поэтому становился чем-то опасен — это заметно было по его поглядыванию.

Вошли в дверь А.Т.К.[30], министр еще раз оглянулся: иду ли я, с ними или не с ними я?

А когда через минут 40 они вышли, направился прямо ко мне (чувствовалось: сидели там, а он все прикидывал, перед кем обнаружились его дуралеи и его показали).

— Простите, как ваша фамилия?

Я назвался.

— Писатель?

— Ага. — Согласился. А что, боялся ты не зря. Тебе я этого не забуду, тебе и твоей лысой своре!

Врач в Мог/илевской/ обл/асти/ решил дозиметром измерить накоп/ление/ радиац/ии/ в орган/измах/ колхоз/ников/ (предст/авил/ пахоту по радиоакт/ивному/ полю). Врач-администратор/ сам это рассказал перед аудит/орией/ врачей и грозит:

— Я ему руки укоротил!

Укорач/ивание/ идет от более сильных организ/аций/ — Главатома. Свой интерес, ведомств/енный/. От агропрома — свой («урожай!», «тонны»). Известно, что председ/ателя/ колхозов посыл/ают/ людей косить и в закр/ытую/ зону. Закрываем глаза: лишние «корма».

Записи для письма Г/орбаче/ву:

Ситуация на землях, пораженных АЭС. В Бел/оруссии/, в частн/ости/.

Раздаются безответственные голоса, что норма, можно возвращать. Это не потому, что посл/едствий/ нет. А их не хотят замечать. Те же земли — зараж/енные/, размаз/анную/ радиацию…

На самом деле… Это лишь незначит/ельная/ сеть фактов. Чтобы полностью картина стала ясна, следует убрать ту часть секрет/ности/, к/отор/ая не диктуется др. соображ/ениями/, как прикрытие мундира чести организ/аций/ и людей, так или иначе причастных к общей беде.

И еще: этот поворот к благополучию нужен тем министер/ским/ науч/ным/ кланам, к/отор/ые ратуют за дальн/ейшее/ строит-/ельство/ АЭС.

А между тем: в США [не построено] — ни одной. Будущего за этими сист/емами/ — нет. Ждут др. на др. основах (10–15 лет). Зачем же [строить]? И как с ними расстаться?

Если мы не можем расстаться с 14 Черн/обылями/. Круп/ный/ уч/еный/, академик [Легасов В.А.], думаю он подтвердит (хотел сам писать) продиктовал график след/ующих/ Ч/ернобыл/ей: Армян/ская/, Ленингр/адская/ и т. д. В течение ближайших лет. По его мнению, авар/ийные/ системы незнач/ительно/ улучш/аются/ в срав/нении/ с Черн/обыльской/. Во всяком случае, три усл/овия/ не соблюдены: нет оптим/альных/ строит/ельных/ усл/овий/… и нет возмож/ности/ накрыть, удержать, если взрыв произойдет. М.б., именно это, услышанное 2 м/еся/ца назад, заставляет писать. Я спросил у акад/емиков/.

— В осн/овном/ — да.

— Почему же молчат?

— Есть клановые интересы, страсти и в науке, даже высокой.

У нас есть возмож/ности/ продержаться на угле, газе и пр. пока…

Во всяком случае, что очевидно:

1. Станции строить дальше — инерция безответ/ственности/ еще большая, чем у водолеев-мелиор/аторов/.

2. Нельзя дальше в угоду ведомст/венным/ амбициям тысячи людей держать на тех землях. Необходим объект/ивный/ науч/ный/ анализ незаинтерес/ованных/ ученых.

3. Никакой монополии в науке — школ, направл/ений/. Плодотв/орная/ идея А. Б. Шейндлина.

Рим/ский/ клуб по энерг/етике/, чтобы привлекать в качестве арбитров мир/овые/ науч/ные/ силы. Ведь эти пробл/емы/ давно имеют общечеловеч/еский/ смысл.

Это проблема Укр/аины/, конечно. Но еще в большей степени — Белоруссии. В 4–6 (в 10) раз больше высыпалось сюда, ученые признают.

Д/орогой/ М/ихаил/С/ергеевич/!

Я не специалист, не уч/еный/-ядерщ/ик/, не биолог, не радиолог и т. д.

Нов связи с постиг/шей/ нас, Бел/оруссию/особенно, бедой я общался с крупными специалистами: акад/емиками/ Е. Велиховым, Н. Моисеевым[31], С. Капицей[32], Воробьевым, Легасовым и т. д. И с сотнями людей, пострадавших или знающих ситуацию.

Поэтому то, что я скажу, не одни лишь эмоции писателя. Хотя как о таком без эмоций?

В этом случае писат/ельская/ позиция имеет то преимущество/, что она обьедин/яет/ знания, почерп/нутые/ от ученых, с реальност/ью/ жизни самой. И кроме того — никакой плановости.

Если мы хотели бы результатов, центр по изуч/ению/ долговр/еменных/ послед/ствий/ создали бы где-нибудь в Гомеле — а там, в Бел/оруссии/, и филиала нет (именно в неблагополучных/ зонах).

На мой запрос Союзагропром (письмо напис/ал/ акад/емик/ Корнеев) назвал 3 тыс/ячи/тонн [мяса]. В Бел/оруссии/наз/ывают/ 8 и 20 тыс/яч/. Если теперь три, то где остальные. Кто съел? И знал ли, что ест. Изв/естно/, что инст/итут/ питания реком/ендует/ смешивать зараж/енные/ с чистыми. Так что ли понимать?

1. Нужен серьезный разговор о том, как обезвредить

потенциальные Чернобыли.

2. Как остановить ведомственно-клан/овое/ стремление продолжить строит/ельство/ АЭС вопреки логике времени и тому, о чем уч/еные/ гов/орят/ сами.

3. Как овладеть альтерн/ативной/ энергией и прежде всего: про проблемы сбережения энергии, к/отор/ые, подсчитано, перекроют любые новые АЭС.

Проблема безвредного сжигания угля и т. д.

Вот уже неск/олько/ м/есяце/в всё мне кажется не глав/ным/ — после того, как оч/ень/крупный спец/иалист/, [Легасов] причастный/ к Черн/обылю/, сказал, даже позволил мне записать, как что-то, от чего он не откажется:

— След/ующая/ взорв/ется/ в Арм/ении/, потом под Л/енинград/ом… — из числа тех 14 Черноб/ыльских/ конструкций. Не соблюдены глав/ные/ условия: материалы и строит/ельство/ независ/имых/ авар/ийных/ сист/ем/ от чел/овека/ (пытаемся исправить, но полн/остью/ не получ/ается/), и третье — если случится, чтобы всё осталось внутри. Колпак над этими конструкциями/ воздвиг/нуть/ невозможно.

Остается полагаться на Бога. Но Богу явно эти станции не по душе.

Идеи Велихова о начале сберегающей програм/мы/, идеи Шейндлина и его института о сжигании угля без тех экологических/ послед/ствий/дают прямой выход из ситуации без тупой, слепой инерции строит/ельства/ АЭС, заведомо несоверш/енных/ и опасных — нужен перерыв на 10–15 [лет], а там ситуация прояснится и с конструкциями, и с исход/ным/ горючим, и с захоронением отходов.

Некомпетентность писателя? Относительная. Но зато и преимущество: не выражает корпор/ативный/ взгляд ведомственных, а они и в науке имеются.

апрель 1988 г.

Есть у этой пробл/емы/ еще один поворот. Неожиданный. Но и вполне объяснимый. Оптимисты и сторонники нашей страны, они же — конечно же, сторонники и того взгляда на послед/ствия/ Ч/ернобыльской/ аварии, к/отор/ый, как его назвать? — Ничего страшного! Одному такому я сказал: а детей своих [в зону] привезешь?

Именно «оптимисты» — строители АЭС стремятся преуменьшить результаты доверия. Когда один такой…, я спросил:

— Ну, а вы повезли бы своих детей в эти якобы уже

безопасные р/айо/ны. Нет? Ну, так — грош цена вашему оптимизму!

Операторы: Ходемчук (завалило). Обоженный Шашенок (жена его медсестра):
«Отойдите от меня. Я из реакторного, отойдите».

Отключ/или/ одну из авар/ийных/ систем, а из Киева потребов/али/ еще полсуток работать. Так и осталось.

Фейнберг — автор схем, технических станций, вырабатывающих плутоний для бомб.
Его схему Доллежаль[33] приспособил для мирного использования атома — РМБК — Чернобыль!
Прямой наследник военного атома!

Откуда эта готов/ность/ забыть героев. Оттуда, оттуда — помни, как в 47-м, сняли деньги за награды.
А что много слишком [их], так потому, что и в 41-м — массой тел, а не умением. (Велихов об этом).

Земля, планета возвращ/ается/ к состоянию (парниковый эффект и пр.), т. е. за 2–3 млн. [лет] назад, а социальное и технич-/еское/ — в век XXI-ый. «Ножницы». Что из этого следует?
12.05.88 г.
Культ/урно/-авар/ииная/ система. Иначе — Чернобыль. Гуманизация мира — цель. Просто образ… Просто развитие — еще не цель. Гуманизация!

План Ч/ернобыльской/ пов/ести/.
Перо давно сгнившей птицы, сорванное ветром с давно иссушенной радиацией одинокой ели мягко опустилось на черную землю, и она вздрогнула.

Всё идет, как положено. Единственная трудность — найти еще людей, могущих заполнить службы единственного аэродрома. Главное, чтобы мир ничего не заметил. Сверху они не разглядят, что всё остановилось — не поверят своим аппаратам. Сигналы тревоги поступят, но им думается, что мы людей поместили под землю, прячемся перед тем, как начать. Всю страну прячем.

29.06.88 г.
Поискать (для социализма, эксперимента) страну, к/отор/ую

не жалко. Да, сволочь Бисмарк оказался провидцем.

«Страна, к/отор/ой/ не жалко» — назвать повесть о Ч/ернобы/ле. Как бюрократич/еский/ механизм работает на закрытие правды, пока не закрыл народ, страну. Напуганный молчанием, глухой угрозой остальной мир, «противник» отреагировал столь же тупо — ударил по пустому месту и весь погиб от радиации, ядер/ной/ зимы.

Всё подать через записи совчиновников: второй Чернобыль, быстро сворачивается перестройка, к власти дорывается кто-то типа Е/гора/ К/узьми/ча [Лигачева][34] (*) и пошло-поехало. Сначала героизм и неправда. Еще один Чернобыль. Тут уж паникеров стали истреблять по-сталински. И с присказкой: «Без ядер/ной/ энергии — не выжить!»

09.07.88 г.

Взорвался 4-ый блок, третий поврежден, вся страна корчится от боли и… энтузиазма. Соловьи поют над Припятью и т. п. и уже, закатив глаза, энтузиасты требуют, готовы строить, тут же, где не погашена старая опасность, угроза еще и 4 и 5 блоки.

И построили бы — в прежние времена. Как продолжали строить колхозы, хотя и голод, посылать хлеб за границу, хотя полстраны корчилось от голода, вымирал юг.

Расхожд/ение/ слова и дела… Да нет, слова несли деловую, «полезную» нагрузку наркотика.

Все процессы — на «энтузиазме народном», к/отор/ый накачивался прессой Мехлиса[35]: папанинцы и пр., вокруг чего психоз. И уже: убить, как собак, закопать падаль и пр. — о врачах, будто бы убивших Горького, Ленина, Куйбыш/ева/ — на волне общего энтузиазма.

Форма государ/ственного/ безумия, к/отор/ое и сегодня всё еще истолковыв/ается/, как аргумент против трезвого взгляда в прошлое.

Мне, напр/имер/, пришлось встрять и в атом/ную/ энергетику, хотя в ней мало смыслю. Но иногда нужна, просто, готов/ность/ сыграть роль бревна, тарана — прошибить стену молчания.

И вот полтора года назад — Минск, о срывании завесы тайны. Никто не напечат/ал/. Теперь «Н/овый/ м/ир/» [1988. № 9. «Честное слово, больше не взорвется…»]. Хотя и не просто еще. Тут админ/истративная/ система стоит прочно еще.

1989

23.01.

Ответственность за ложную (неполную) информацию ответств/енных/ лиц.

Перед населением за радиационную обстановку (Могилевская ситуация).

Права граждан на взыскания с ведомств за ущерб здоровью.

Ситуация все еще требует вмешательства и писателей прежде всего. Если не мы, то кто же?

Запрос депутата.

26[-го апреля] по призыву БНФ — митинг молчания. И в вашу честь. В честь молчания тех, кто обязан был говорить по долгу службы — об истин/ном/ полож/ении/ вещей.

Теперь заговорили пострадавшие. Для них гласность, к/отор/ая проникла и за выс/окий/ забор атом/ных/ ведомств, его секретов, оберн/улась/ страшным открытием: их предали.

Письмо…

Дальше о тех, кто повинен по мнению авторов письма в изначал/ьной/ неправде о полож/ении/ Бел/оруссии/ после 26 апр/еля/ 86 г.

Но вопросы к вам (я это знаю от кр/упных/ ученых).

1. Правда ли, что «могил/евское/ пятно» — результат посадки облака, к/отор/ое неслось на Москву? Да, стол/ицу/, 8 млн. надо было спасать. Но надо было спасать и тех, кто потерей своего благопол/учия/ спас Москву. Мы же (вы же) предпочли делать вид (3 года!), что ничего такого не произошло. И людям можно жить (это при 40-то, 100 кюри на км, когда уже при 15 опасно!)

Как расценить сознат/ельную/ дезинфор/мацию/ людей, знавших это и не предпринявш/их/ тех шагов, к/отор/ые лишь сейчас предприним/ают/ — после янв/арского/ постановл/ения/ Политбюро специально по этому вопросу? А заодно и ваш приказ, о к/отор/ом писали «Изв/естия/» — усилить… нет не помощь пострадавшим от «энергетики», а секретность о любых авариях?

2. Во всем мире именно отрасл/евое/ предпр/иятие/ (по нашему — ведомство) платит за ущерб, причинен/ный/ населению, людям. И помогает: вон какие чистые озера в Финл/яндии/ даже при налич/ии/ разв/ивающейся/ целлюлоз/ной/ промышл/енности/ (правда, хозяева платят из собств/енного/ кармана).

Не обязано ли именно ваше министер/ство/ добавить те

недост/ающие/ млр., без к/отор/ых «железы» и «узлы» детишек будут расти еще 2–3 года. Когда-то отселяли, но слишком стеснены средствами. А где мы возьмем? — спросите вы. Можно бы ответить, как там отвечают: где хотите, там и берите! Но в нашем случае можно дать и совет: не построите 2–3 АЭС — вот и средства эти. И не надо будет закрывать их вскорости, чем вы, кажется, в основном-то и будете заняты в ближ/айшие/ годы. Так что закрывать можно и через не строительство.

Во всяком случае могилев/чане/ ждут прямого ответа: готовы ли вы оплатить спасение жителей сотен насел/енных/ пунктов? Или у вас есть новые «аргументы» за то, чтобы их оставить на отравл/енных/ землях, чтобы через 2–3 года снова «извиниться»: ах, недоглядели!

Ну, а что касается секретов, тайн, от к/отор/ых прямой ущерб людям, народу — это, видимо, требует закона. О служебной/ дезинформ/ации/ (о финансах ли, что нас вон куда завело, об радиац/ионной/ обстан/овке/ и т. п.), как о служеб/ном/, а в иных случаях и госуд/арственном/ преступлении.

Не будут молчать ведомства (или лгать) — не нужны будут митинги молчания, к/отор/ые вопиют о преступл/ениях/ ведомств.

Так вот, вопрос главный: намерено ли минист/ерство/ энерг-/етики/ выплатить полную компенс/ацию/ могилевчанам и тем самым хотя бы с опозд/анием/ помочь спасти детей, жителей зараж-/енных/ р/айон/ов или особ/енно/ бедствующей части р/айон/ов: Краснопол/ьского/, Славг/ородского/, Чериковского, Калинковичского, Быховского, Климовичского. Да и с соседними надо разобраться всерьез, в том числе и [с] Брянским районом. Чтобы опять не возвращ/аться/ к этому еще через 3 года.

30.05.89 г.

Ныне становится модно гов/орить/ о разочаров/ании/ Г/орбачевым/. Если бы дейст/ительно/ все разочаровались в нем, забыв, что он сделал против атом/ной/ угрозы и для перестройки, мы, бел/орусы/ были бы в послед/нем/ числе этих, разочаровавшихся/, во всяком случае те, кто зн/ает/, как пытался… как откликнулся этот чел/овек/ на траг/едию/ Бел/оруссии/ в Черноб/ыле/ 1986 г. на письмо: 3 июня, 4 [июня] — уже на ПБ [Политбюро], 6 [июня] — 60 человек [комиссия в Минск].

Др. дело, что [это] нам не помогло в той степени, как могло помочь. Эту комис/сию/ встретила друж/ная/ семья чинов-оптимистов и заверила, что всего 3 р/айо/на [пострадало], а не 1/5 респ/ублики/.

Что же произошло. А вот что!

Казалось бы, откликн/улась/ Москва, бери полными горстями — деньги, приборы и пр.

— Не надо! У нас все хорошо, почти! Мы сами! Бел/орусская/ скромность и выдержка? Ссылаются. Нет, чинов/ничья/, а не национальная черта.

И всюду страдают дети. Эти белорусы приезжали с тем же:

— Мы, ладно, но дети!

Представляете: 3 года прошло… и вдруг мать узнает: нельзя было… жить.

Три года служилые люди от Щер/бины/ и Израэля[36] до вице-през/идента/ Ильина[37] гов/орили/ неправду — это на союз/ном/ уровне.

Но что с них, какой спрос, если и свои на месте…

Да, напечатали карту: почти 1/3 респ/ублики/засыпана, а в том же Чечерском [районе] и еще 5 [районов] Мог/илевской/ обл. — от 40 до 140 кюри. Жить нельзя. А 3 года жили.

Как же так получилось?

Вы, Н/иколай/ И/ванович/ [Рыжков][38] и не догадываетесь, какую рок/овую/роль сыграла одна ваша похвала бел/орусских/ руководителей. Так уж, пожал/уйста/, так больше не делайте. Опасно похвалить бюрокр/ата/. Он лоб расшибет. Нет, не свой, чужие лбы.

— Вот, учитесь у бел/орусов/!

Вот тут они совершенно ослепли. Их и понесло, наше начальство.

Это все паникеры-писат/ели/. Ну, 3 района, а остал/ьные/ — чисто!

Как же, нас похвалили, еще, чего доброго, отнимут благосклон/ность/ начал/ьства/.

Время отняло благосклон/ность/ — народа.

А в народе легенда: кто-то вызвал тов. Сл/юнькова/ в суд. Не суда, ответа хотят: так кто же поступил с ними так? Народ обычно одного избирает: любить ли, обвинять ли.

Чего ради я это все?

Чтобы и вы, тов. Р/ыжков/, хоть бы за ту роковую фразу-похвалу, и вы, чл/ены/ Политбюро, тов. Слюньков все-таки помнили, что за вами должок перед могилев/скими/, гомел/ьскими/ детьми. Их надо выселять, надо лечить. Ваше слово, усилие много стоят. Так не жалейте этого. К вам тут, с вас спрос особый.

И тут вопрос: а где взять деньги? Я уже советовал через «Ком/сомольскую/ пр/авду/». Атом/ное/ ведомство постепенно

превращ/ается/ в организацию по демонтажу АЭС, не построит 1–2 ст/анции/, меньше закрывать придется…

У меня есть к будущему возможному председ/ателю/ Сов-/ета/ Мин/истров/, к Рыжкову обращение.

Гости из Чериковского р/айо/на добивались встречи с Рыжк/овым/.

Немножко в прошлое. В нач/але/ июня 86 г. в черные дни Чернобыля, собрав данные, к/отор/ые возможно было собрать, а еще больше зарядившись тревогой белорусов, я собрался ехать в Москву, к Горбачеву. Посчитал нужным об этом предупредить мин/ское/ руководство, поскольку собранные мною данные разительно не совпадали с той информацией, к/отор/ую в Москву подала Белоруссия: дескать, у нас три района и мы справимся сами. А на самом деле, теперь известно — 1/5 республики!

Меня принял Н. Н. Слюньков и была беседа — 6,5 часов.

Один лишь фрагмент. Тов. Слюньков сказал: были мы у тов. Рыжкова, там докладывали украинцы, полтора часа жаловались и просили помощи. А наш Ковалев — пред/седатель/ Сов/ета/ Мин/истров/ БССР — за 10 минут отчитался. И тогда сказали: «Вот, учитесь, украинцы, у белорусов!»

Я не идеализирую задним числом тов. Щербицкого[39] и тогдашнего председателя Совмина Укр/аины/ Ляшко — украинцам самим виднее, кто чего стоит.

Но белорусы до сегодн/яшнего/ дня проклинают и еще долго будут проклинать свою нац/иональную/ черту — скромность и нетребовательность, столь грубо и корыстно истолкованную на том совещании. В результате: лишь 3 года спустя на Бел/оруссии/ стали делать то и, наконец, в тех масштабах, **в каких надо было в 1986 г**.

Сотни тысяч людей, тысячи детей жили в местностях три года, где и трех м/есяц/ев слишком много.

Ваша вина в этом, Н.И. [Рыжков], тоже есть. Слишком соблазнительно было поверить заведомо заниженной информации, к/отор/ую привезли вам белорусы, а потом вынужденно подтверждали ее три года и вы поддались этому соблазну, экономя ресурсы.

Если мы вас изберем, белорусы от вас потребуют — искупить вину и вашу, возмещать ущерб. Конечно, материальный, чтобы переселить людей, наконец, хотя бы три года спустя. Здоровья детям не вернешь, хотя и тут можно кое-что поправить. Например, спец/иальная/ программа санат/орного/лечения именно для детей из этих районов.

Вот этот наказ я вам и передаю, оставленный мне делегацией

Чериков/ского/ р/айо/на, касающийся почти одной трети Белоруссии (хотя мы осторожненько гов/орим/ теперь об 1/5). Вот такие три района! Ничего так дорого не обходится народу, как неправда, неправ/дивая/ информация госуд/арственных/ лиц.

В заключ/ение/ мое предложение: искажение (сознательное/) информации снизу вверх, как и сверху вниз, причиняющая ущерб экон/омике/, здор/овью/ людей и пр. — служеб/ное/, а хуже и гос/ударственное/ преступ/ление/. Нужен такой закон, нужен.

10 минут ковалевско-слюньк/овских/ дорого обошлись белорусскому/ народу!

У меня нет оснований для отвода кандид/атуры/ Рыжкова, когда здесь не предложена кандидатура более убедит/ельная/. Да, кажется, ему свойств/енна/ излишняя доверчивость к чиновным лицам. Но в бездумии или обмане обвинять нет основ/ания/ — самом большом грехе должн/остного/ лица. Зато именно по этим данным я считаю, что не имеет права решать судьбы народа через атом/ную/ энергетику зам пред/с едателя/ С/овета/ М/инистров/тов. Щербина. Также, как Мураховский, к/отор/ый, напр., так и не прислушался к требов/анию/ снять поставки с заражен/ных/ местностей, чем не только губил здоровье работающих в пыли радиоактивной тракторист/ов/ и комб/айнеров/, но и забрасывал дальние районы страны зараж/енной/ продукц/ией/.

И верх чинов/ничьего/ равнодушия к судьбам людей этих проявил т. Израэль, тем более непростит/ельно/, потому что он специалист по этим делам и все творил (лгал) с откр/ытыми/ глазами.

[Письмо из] д. Самотевичи.

«Зачем Слюньков скрыл радиацию в начале аварии? Он думал, что все будет шито-крыто. Скрыл всё и сам скрылся с Белоруссии[40]. Хотел погубить нас, белорусов (конечно, это неправда, что кто-то „хотел“ — А.А.) тружеников, которые на своих плечах вынесли все тяготы войны, вырастили воинов-интернационалистов, многие из к/отор/ых погибли, а тысячи остались инвалидами с 20 лет. Почему с нашей бедой не считаются? Все врут, утешают, что не опасно.

Кто так считает, что не опасно, пусть приезжают в нашу зону и живут».

Экологич/еская/ катастрофа, а теперь — психическая катастрофа. Для тысяч матерей.

Приезжали в Бел/оруссию/ Щербина, Израэль, Ильин: 1/5 [территории республики заражена] — жить можно и строить атомные станции.

Это глав/ные/ виновники траг/едии/ Бел/оруссии/… В Бел/оруссии/ млр. [рублей потрачены] на то, чтобы жить, где жить нельзя.

Москва, непроизнесенная речь об Израэле на сессии Верх/овного/ Совета (конец июня 89 г.)

Конечно, можно сказать: виноваты медики, не делающие, что следует, те, кто должен завезти чистые продукты, а не завозят, виноват ЦК республики, скромно молчащий о том, что 1/3 респ/ублики/ загрязнена.

Но все они, перечисленные ведомства имели возможн/ость/ не делать то, что обязаны были делать, оттого, что сущест/вует/ гидрометеоролог/ическое/ ведомство во главе с Израэлем, к/оторое/ скажет: всё в порядке, а делать ничего и не надо.

Отраслевой регистр лиц, подвергшийся в Ч/ернобыле/ радиации — на 30 тыс/яч/, только 22,8 % имеют какие-то неполные данные о том, сколько бэр схватили. И ни одно ведомство не передает данные др. ведомствам, чел/овек/ уходит на др. работу без дальнейшего слежения.

Приказ Минздрава № 640 ДСП (для служеб/ного/ пользования). 4 регистра (Бел/оруссия/, Укр/аина/, Россия).

Или белорусы, укр/аинцы/, Брянщина прочтут, что председателем Гидрометеослужбы, т. е. контроля за эколог-/ической/ обстановкой снова избран Израэль Юрий Антонович.

А он у нашего незлобливого народа где-то в первой пятерке сгубителей тех, кто три года людей — это сотни деревень, а по сути 1/3 республики держал в неведении, а теперь напечатал карту и люди ахнули: так что же вы молчали? Оказывается, нельзя было собирать грибы у нас, а мы собирали! Оказывается у нас-то и жить-то нельзя, что ж вы нас обманывали?..

Можно сказать: а что Израэль, он не мог говорить правду, такову роль ему навязывали?

Хотелось бы так думать, и я тоже допускал, пока не увидел, как он вместе со Щербиной пытались публично (транслир/овало/ ЦТ) обмануть руководителя страны.

Грубо говоря, втереть очки и руководству. Мол, теперь и в Черн/обыле/, и везде всё нормально, лучше, чем было «на порядок или два» и можно строить Черн/обыли/ дальше, как

строили, лишь помогите унять общественность, приструнить!

Но они-то знали, что никакая техкосметика не устранила угрозу еще по кр/айней/мере 14 Ч/ернобыл/ей: столько графитовых реакторов.

Все знали, а лгали откровенно.

Как лгали работникам, спасающим нас всех в рухнувшем Ч/ернобы/ле, давая данные, что там ноль целых, ноль, ноль, ноль, а не те десятки, сотни рентген, к/отор/ые были на самом деле.

Как три года «служба Израэля» в центре и на местах обманывала белорусов и украинцев, рус/ских/ на Брянщине, а теперь тысячи матерей проклинают всех, кого только можно (не хочу вам письма зачитывать, а мог бы); да что же вы с нами сделали? Да мы бы и без вас давно вывезли наших детей отсюда! Три года нас обманывали, а теперь говорите: увозите!

Можно и так сказать: виноваты прежде всего медики, к/отор/ые нарушали клятву Гиппокр/ата/, те виноваты, кто так и не сделал дозиметры, те, кто так и не дали обещан/ных/ тракторов и комбайнов с герметич/ескими/ кабинами, те, кто заставлял пахать-сеять на землях, на к/отор/ых 140 кюри!

Да, и они, но все они могли делать или не делать всё это во вред народу только потому, что служба Израэля их прикрывала своими фальшивыми, лживыми цифрами.

Какая уж тут защита экологии! Только ведомства и их интересы.

Сегодня тов. Израэль печат/ает/ карты. Да только однажды солгавши, кто тебе поверит! А если ложь, дезинформация была просто методом работы, формой существ/ования/.

Даже в правдивые цифры «службы Изр/аэля/» уже не верит никто, и никто не поверит.

Я не удивлюсь, что вопреки всему этому тов. Израэль утвердится вновь на этом посту. Кто в конце концов у нас отвечал всерьез за дезинформ/ацию/. И еще убежден почему. Я знаю, какие сильные люди в составе эколог/ической/ комиссии: Яблоков[41] и др. Но Израэль все-таки убедил комиссию, что отныне будет говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Меня лишь одно смутило: оказывается, нам это прямо заявлено было, председ/ателем/ экол/огической/ комиссии тов. Слюнькова на этот пост рекоменд/овал/ именно он, тов. Израэль. Вот такое бюрократическое взаимопонимание.

Сергеев, зам. Чазова[42] на Президиуме АН СССР гов/орил/, что японцы[43] и итальянцы предлагают свою программу помощи людям в Бел/оруссии/ и Укр/аине/.

Мы отказываемся? Отчего? Невольно думается, а не для того ли, чтобы не открылась вся картина, так старат/ельно/ искаженная/ службой Израэля.

1. Когда получили эти данные? Почему так поздно сообщили людям? Сами или чья-то высшая вина?

2. Некорректно для такого собрания, но хочу спросить: мучит ли вас совесть? Ведь вы, медики, власти поступили с людьми, м/ожно / ск/азать/, бесчеловечно. 3 года!..

Ковалев выгнал Нестеренко, когда тот пришел с новостью о Чернобыле.

Вот так гнали правду все три года за порог.

Кто в этом повинен? Удивляло, когда каратель гов/орил/: я и мать свою в могилу столкнул бы.

После Черн/обыля/ не удивляюсь: нормальные бюрократы 3 года сталкивали бел/орусскую/ родную землю в пропасть.

Сейчас команда и они готовы вытаскивать. Да только не верит им народ.

12-16 сент. 1989 г.

Для Вертинского[44].

Вось пісьмо [А.Адамовіча М. С. Гарбачову ад 01.06.1986 г.], за якое Несцярэнку выперлі з Інстытута ядзернага, Барысевіча[45] з Акад/эми/, Кузьміна з ЦК, ну і аўтара — з Мінска.

Хоць яно было прынята Гарбачовым, ён тут жа паслаў у Бел/арусь/ камісію — 60 чалавек. Але, магчыма, іменна таму. Бо нашы дакладвалі: 3 раёны толькі, а астатняе — фантазіі пісьменніка, які абманам узяў неправераную іфарм/ацыю/ ад вучоных (тых, каго выперлі).

Отдать людям Могилевщины все цеков/ские/ и обкомовские/ лечебницы, дома отд/ыха/ и санатории.

[«Чарнобыльскі шлях». 30.09.]

Раз тут **эти** люди, сегодн/яшний/ митинг — о нашей вине перед ними. Вине науки (АН), медицины, нашей с вами, кто не всё сделал сам и не заставил других делать по-человечески. Урач, што за труной шзе…

І тых, хто вось узяў і адправіўу мінчан як мага далей — дня гэтага, бачыце, не хапіла ім на с/х працу. Ім заўсёды не хапала дня: у 1941 г. — каб аб'явіць арміі, што вайна, у 86 г. — аб'явіць народу, што Чарнобыль, тры гады, каб сказ/аць/ праўду, ды і 70 год не хапіла, как хоць мыла было у краіне.

Не, змяніцца гэтыя людзі не могуць, а вось замяніць іх

можна. І народ Бел/арусі/ павіней гэта зрабіць, калі хоча, каб Чарноб/ыль/ не з'еў яго — патрабаваць новага, дэмакр/атычнага/ закона аб выбарах і абраць, а дакладней не абраць тых, хто страціў давер. Усе (усе!) у каго не хапіла сумлення, каб не ілгаць, не ўдзельнічаць у гэтым чарнобыл/ьскім/злачынстве, павінны адысці ў бок. Толькі такія, як сакр/атар/ Слаугарадс/кага/ райкома (былы) маюць права і могуць разлічваць на давер, бо были і такія, ёсць і такія. Але толкі не халодныя душы, губіцелі жывых душ.

Асаблівая віна наша перад дзецьмі — вось каму павінна быць аддадзена 4-е Санупр/аўленне/ поўнасцю.

І яшчэ. Не апаратныя вучоныя і медыкіа, накшт/алт/ Ільіна, а грамад/касць/ і навука беларуская павінна прама выйсці на вучоных/ і навуку Захада, якія могуць нам дапамагчы. Беларусь сёння — адна з самых балючых кропак планеты, чалавецтва павінна гэта ўбачыць. А нам трэба гэта паказаць. Так што наш зварот не да ўрада толькі — калі ў іх не хапіла ні розуму, ні сумлення прыйсці сюды, разам з намі усімі прызнаць сваю віну перад імі вось — бо вінаватыя і Адам/овіч/ і Пазняк[46], і вы ўсе, але і Сакалоў[47], і Кавалёў, не кажучы ўжо пра Слюнькова ці Барташэвіча.

Ну, што ж, мы не адны: ёсць наш народ, ёсць народы-браты, ёсць чалавецтва — вунь як гэта падцвердзілася у дні армян/скай/ трагедыі[48] — так, што не будзем адчайвацца, а будзем працаваць, рабіць усё, каб ратаваць Беларусь.

25-26 ноября.

Чем больше нагадишь нар/оду/, тем выше подним/ешься/ по лестнице власти: из Гомеля в Минск, из Минска в Москву и т. д.

Адзначьщь заслугі Несцяр/энкі/, Барыс/евіча/, Кузьм/іна/. А можа, нельга было весці сябе па-другому там, хто на службе.

Не выкарысталі магчымасці, якую укр/аінцы/ усё-такі не ўпусцілі.

Грамыка[49]: хто ведае пра тое, як саджалі зараж/анае/ воблака? Сахарау і Веліхаў (з агавор/кай/) што так. Шчарбіна і Ізраэль — не. Вы?

Прыязджаюць на мінуты, а даюць нам парады на усё жыццё. (У р/аё/нах паслячарнобыльскіх).

Собаки в Чернобыльской зоне. Очередь к человеку, чтобы подойти и «хвостиком вильнуть». Им страшно тут без человека.

Ни хлеба, ни мяса не просили, а ласки.

Истории угодно было распоряд/иться/, что не жалко было нашей страны. И мы зашли туда, куда чел/овечество/ идти и заходить не должно.

Наш опыт бесценен в этом смысле.

Так же, как опыт Бел/оруссии/, Укр/аины/ бесценен в смысле черноб/ыльских/ последствий.

Только хочется спрашивать: но почему нас избрала история/? Или почему мы ее избрали, столь кровавую и тяж/елую/ историю?

Клятва Гиппократу и клятва Аппарату — это две медицины!

29.11.89 г. Ко II съезду В/ерховного/ С/овета/.

В заключ/ение/ о Черн/обыле/. Бел/орусский/ народ привык первый встречать общую беду. Просит последний. Сегодня с опозд/анием/ в 3,5 года просит.

И через депутатов, и делегациями пострадавших, и письмами Горб/аче/ву, и, наконец, готов принять программу ЦК КПБ о Ч/ернобыл/е, тем более, что она — плод давления народа на аппарат.

Так услышьте, и не посч/итайте/, что чрезмерны его просьбы: около 3000 деревень и около 30 городов живут как после Хиросимы.

Неспециалисту слово.

С завистью и уважением слушаю украинцев. Почему не брали помощь. Назвать имена: есть возможность искупить.

В чьих руках правда: в руках тех, кто уличен в большой лжи.

Создавать комитет по черноб/ыльской/ беде и убрать из рук Израэля и Ильина.

Бел/орусские/ ученые, их концепция.

Упрекаю Слюн/ькова/, Ков/алева/, Рыжкова? Да, но им надо искупать вину Изр/аэля/ и Ильина тоже? Нет, им надо уйти от судеб бел/орусского/, укр/аинского/, рус/ского/ народа, не поверят им. Особ/енно/ Ильину.

Экспертиза… Сегодня говорят, что ученые виноваты. А они [говорят] — [мы] ни при чем. Придется ответить. И тем, и другим.

Самостоятельно решать вопросы переселения… Дети… Выселение немедленно. Армянский опыт. Заграница. Как и куда средства?

Российцы еще хуже, чем мы!

Мало привлечены международные науки.

Дезактивация! Заражено в БССР 1 млн. 700 га земли.

300 тыс/яч/ /тонн/ мяса, 1 млн. молока [из Белоруссии] — в Союз.

Горячие частицы. Минская, Гродненская и другие — печное отопление.

От 5 до 11 кюри в печах, мясо, хлеб.

Из неск/ольких/ десятков (др. ученые считают — сотен) хиросимских бомб (по радиоакт/ивным/ выбросам) 4/5 из них упали на Белоруссию.

Грушевой Геннадий Владимирович.[50]

Комитет «Дети Чернобыля» при БНФ.

Античеловеч/еский/ механизм экономики. На лжи основана, но и на преступл/ении/. Во имя цифр.

Вот свежий пример.

Уже открылось то, что… — огром/ная/ угроза жителям тех р/айон/ов и размазывание радиации по стране.

Но работает нажим сверху и:

Хойникский район: один из 3 самых-самых [загрязненных] даже официально.

Лишился 6 хозяйств.

План по молоку на 1985 г. был 32 т/ысячи/ 500 т/онн/.

В 1989 г. — 36 тыс/яч/ тонн.

По мясу: было 7,5 тыс/яч/ тонн. Стало 7,870 тыс/яч/ тонн.

В с/овхо/зе «Судаково» директор Садченко Ник. Иван, (на самой границе «зоны») добивался списать 500 га самой грязи, а ему добавили 124 га песка (особ/енно/ опасный) и план подняли: по молоку — в 1,5 раза, с 3000 до 4260 тонн, а мяса: с 350 тонн до 525.

2 деревни (Ломачи и Тульговичи) 5,4 кюри на кв. км по плутонию при норме 0,1.

И вот умирают от ишемии, вскрывают и 15 тыс/яч/ «горячих частиц» в легких (при 2000 — гарантия рака) — по данным Евг. Петр. Петряева (проф/ессора/ БГУ) — легкие светятся.

Еще Слюньков обещал герметич/ные/ кабины. Нет как не было.

Кстати, в Наровле рост ишемич/еских/ болезней у механизаторов до 40 лет (обследов/али/ 600 чел/овек/) — в 2,5 раза подскочил.

1990

15.01
Уйти должны те, кто лгали 3,5 года.

Нужна спец/иализация/, вневедомств/енный/ комитет (белорусский/ нац/иональный/) по защите населения.

Всё контролировать: вывоз домов и глины, песка, леса и пр. Продукты особенно.

Создание центра по пересадке кост/ного/ мозга (особ/енно/ у детей).

В Москве есть спец/иалисты/, нет аппаратуры.

Создать в Бел/оруссии/ свой, с обучением специалистов, нужны 10–12 млн. инвалют/ных/ рублей.

Первой жертвой воен/ного/ атома стала Япония. Она смогла оправиться. Не была, к счастью, глобал/ьная/ ядер/ная/ война.

Первой жертвой мир/ного/ атома стала др. нация — белорусы. Да и Укр/аина/, да и рус/ские/ области, но из 30 хирос/имских/ бомб (по радиации) 23–25 упали на Белоруссию.

Вопрос стоит о жизни или смерти нации, народа — не меньше. 1/4 пахотных земель, 2,5 млн. чел/овек/, 100000 немедл/енно/ отсел/ить/ (свыше 15 кюри) и т. д.

Израиль — дети! Начало. Я видел детей **после**[51]… Это ожившие дети. А каково им было как бы обреченным на заклание. В вашей руке тоже отвести от них уже занесенный нож жертвенный!

24.01.1990 г.
Рак и Чернобыль.

Ядер/ная/ техн/ика/ — угроза не только для ныне живущих, но и буд/ущих/ поколений.

Эгоизм воен/но/-пром/ышленного/ комплекса, у нас — наследие Берии.

… Сказать всё, от этого зависит дальнейшая политика в области энергетики.

Безопасность зависит:

1. **Открытости**, размеры риска.

2. Ответственность… ведомств/енная/ и государственная/ перед населением… А не: наука требует жертв! Минский

трибунал.

3. **Система гарантий**. Уголов/ная/ ответ/ственность/ за сокрытие инфор/мации/ и не оказ/ание/ мед/ицинской/ помощи. (Ликвидаторы. Героизм афганцев раздувают, а этих глушат. Ведь это полмиллиона и надо платить)…

4. Тайна захоронений отходов.

Вывод из эксплуатации реактора РБМК — Чернобыльский (14). МАГАТЭ лжет и о них!

Принятие ООН кодекса ядер/ной/ безопасности и системы междунар/одного/ контроля под эгидой ООН.

МАГАТЭ? Лоббисты. И ВОЗ — тоже. Нужно — ООН.

Сегодня опасность не столько военная, сколько технологическая. Правительства сами не могут. Нужна обществ/енность/международная. Союз «Чернобыль» объединит около 100 тыс/яч/ ликвидаторов. Не допустить повторения, связь между… учеными, врачами, журналистами, оказываем мед/ицинскую/ и соц/иальную/ помощь.

Ожидание лейкемии, а нет оборуд/ования/ для трансплантации кост/ного/ мозга.

Развитие энергетики в новое время всегда сопровождалось столкновением эгоистич/еских/ интересов, а, зн/ачит/, и ложью.

В «М/осковских/ н/овостях/» — [материал] «Большая ложь». Это об атом/ной/ энергетике, о Чернобыле. Математически ее можно выразить, напр/имер, такой цифрой: 8 млр./руб./ и 210 млр./руб./ соотношением.

8 — то, что атом/ное/ ведомство признает ущерб.

210 — исслед/ование/ [Ю.И.] Корякина [«Оценка экономических потерь, вызванных Чернобыльской катастрофой»], спец/иалиста/ по атом/ной/ энергии, сторон/ника/ развития атом/ной/ энерг/етики/.

Огром/ный/ ущерб не замечает и Запад. Приезжал Пеллерин, Бенинсон, Уайт[52]. Отчего? Интересы междунар/одных/ картелей и наших ведомств совпали.

Особенно большая ложь и траг/едия/ Бел/оруссии/. 27 городов, 2697 деревень. Из 300 [хиросимских условных бомб] — 250 сюда. Вот карта поражения. А с самого начала — вот эти 3 района. Более 2,5 млн. чел/овек/ тут живет.

100 000 — немедленно переселить. 350 тысяч — тоже. Остальные?

Малые дозы… Начинается лейкемия.

У нас нет инст/рументов/ пересадки кост/ного/ мозга, а уже

тысячи детей.

Нужна аппаратура… и обучение врачей.

Встреча с Перес-де-Куэльяром[53], кодекс повед/ения/ правит/ельства/ в отнош/ении/ экологии.

Тут есть американцы, зап/адные/ немцы, японцы — дозиметры… нужно совместное производство…

Захоронение — совместно, а не тайные сговоры с нашими беспринц/ипными/ ведомствами.

В интересах всех закрытие 14 РБМК.

Что я уяснил за это время: как ни сильна стенка бюрократ/ическо/-приказ/ной/ системы, переплетенная решетка ведомств, мы не бессильны, человек даже один не бессилен.

Я убедился в этом по борьбе с атом/ным/ ведомством, к/отор/ое в союзе с медициной, агропромом (а где-то маячат и более мощные и засекреченные).

И все-таки стена секретности прорвана — это в Бел/оруссии/ заметно особенно. А ведь год назад не верилось.

АЭС — детище гонки ядер/ного/ вооруж/ения/. И на них — проклятие.

Да, это большое достижение — организация такого [энергетического] клуба. Но не секрет, что разные обществ/енные/ группы и структуры в нашей стране по-разному хотели бы видеть и работу клуба и результат этой работы.

Мое слово — прежде всего, обращено к зарубежным гостям.

Вы, конечно, знаете, что хотя их не наз/ывают/ «зелеными», но у нас существует мощное обществ/енное/ движение,

вступившее в открытую войну с ведомствами, прежде всего мелиораторами и атомщиками.

И вы знаете, что да, у нас мощный отряд ученых, достаточно независимых от интересов ведомств, они и здесь присутствуют.

Но всё равно вы должны представлять мощь ведомственного давления на нашу науку, ученых.

Да что ученые: мы были свидетелями на днях, как пытались самого Горбачева завербовать на свою сторону в борьбе с общественностью, до неприличия наседали. Но этого мужика на мякине не проведешь.

Но вы-то причем? Дело в том, что наши ведомства посильнее ваших военно-промышленных комплексов. Там у вас ему противостоят конкурирующие отрасли, у нас они — монополия общегосударственная. И превозмочь их — нужны усилия геркулесовы.

Почему нас тревожит, а не подчинят ли ведомства в своей разрушит/ельной/ практике и авторитет нашего клуба?

Есть пример: МАГАТЭ! Такое чувство, что им выступл/ения/ пишут Щербина или Израэль.

Вот экспертиза по Крым/ской/ станции. Да, вгрохали миллиарды, надо оправдать, хотя никаким здравым смыс/лом/ не оправд/ать/ строит/ельство/ АЭС в Ницце или в Каннах.

И вот опасение: а не используют ли авторитет зарубеж/ной/ науки наши ведомства. Хотелось бы, чтобы вы слушали голос наших «зеленых».

Не ослабляйте напора!..

Охмурение? Нет, были четко разделены две проблемы: как не дать повториться Ч/ернобы/лю на уже действующих АЭС. Т. е. мирно избавиться от очень не мир/ного/ атома.

И как дальше строить уже совершенно новые поколения безопасных АЭС.

Было просто неприлично, как добивались индульг/енции/ безопасности на ныне действующие АЭС — не народ защитить от Черн/обыля/, а Ч/ернобыль/ от общественности.

09.03.1990. Испания. Мадрид — Севилья.

В связи с этим — о детях Чернобыля. Испанские дети жили, выросли у нас — это была и их трагедия, мы знаем. Не об этом речь. Дети уже приглашены в Индию, Израиль, США. Мы были бы благодарны, если бы и испанцы пригласили детей бел/орусских/ укр/аинских/, рус/ских/… Ведь их состояние ужасно. Не только физич/еское/, но и псих/ическое/.

Старики, бабки ушли в 30-км зону… а не от сов/етской/ власти? Она разбежалась, все ее звенья.

От Чернобыля погибнет каждый пятый!

Митинг в Бел/оруссии/: к ответу Сл/юнькова/, Тар/азевича/ [54], Ковал/ева/, Бартошевича…

…4 года большой секретности, лжи. Саван над тыс/ячами/ людей держали: Щербина, Ильин, Израэль, Минздрав (тут и Чазов успел подержать).

Неизвестно, как вводили в заблужд/ение/ высшую власть…

Думается, что суд над виновниками катастрофы (Брюх/анов/ [55], Фомин[56]…) это уход в стор/ону/ стрелочников. Слышали по «Пятому Колесу»[57] акад/емика/Александрова: он гов/орил/, что и сегодня готов!

Нужна комиссия В/ерховного/ С/овета/ — оценить правоту или вину всех этих людей.

Зачем? Во-первых, расслед/ование/ идет. (В Бел/оруссии/ «Черный трибунал» Нар/одного/ фронта).

Самое глав/ное/, что люди эти (многие) по-прежнему определ/яют/ полит/ику/ по Черноб/ылю/, а следов/ательно/, и судьбы млн. людей. Они должны уйти с капитан/ского/ мостика.

Из Чернобыля не выйти никогда. Это новое состояние планеты, человечества. Как и после Хиросимы.

Чернобыль и Хиросима.

Как стремит/ельно/ нарастает «катастрофизм» в 20-м веке.

В 1982 г. приезжали японцы в Минск, рассказ/ывали/ о Хиросиме и книга-альбом. Хатынь — бел/орусская/ Хиросима. Каждый 4-ый.

И вот Ч/ерноб/ыль! Каждый 5-ый, пока. А что дальше? Не только жертвы, страд/ания/. Но и перелом в сознании. Хиросима — чел/овечество/ стало смертно от оружия.

Черн/обыль/ — смертно от экол/огических/ безобразий. Атом проклят вместе с фашизмом. Люди выпустили его, как джина, чтобы победить Гитлера. А он, корич/невый/ монстр, шмыгнул в нас и оттуда хохочет.

Потери от Ч/ернобы/ля. Материальные… Коллект/ивные/ болезни, ущерб целым нациям, как гов/орят/ о ядер/ной/ войне «неприемлемый». Напр/имер/, бол/езни/: 1/4 живет в зараж/енных/ условиях.

Кто повинен в самой большой катастр/офе/XX ст/олетия/? Только Брюх/анов/, Фомин, Дятлов[58]? Ясно, что не они

только.

Целые организ/аций/, к/отор/ые конструир/овали/ реактор, эксплуатировали его, те, кто должны были подготовить приборы радиометр/ического/ контроля и не подготовили, подготовить специалистов и не сделали.

Когда случилось по вине: Минатомэнерга, Инст/итута/ биофизики, Минздрава, Гидромета и т. д., реакция их была преуменьшить масштабы катастрофы, а тем самым и размеры собственной вины.

Но в результате их вина удвоилась. Организ/аций/ и конкрет/ных/ лиц, к/отор/ых называют в Бел/орусси, на Укр/аине/ на митингах. Людей обманывали и не предупредили в первые самые опас/ные/дни.

Людям не сказали правду, засекретили на три года условия проживания. Совершенно бесчеловечно поступили с ликвидаторами.

Мы все знаем имена и организации, их называют.

Но я называть тут не буду, ибо хочу предложить создать комиссию, а она должна или подтвердить или опровергнуть мнение народное в каждом конкретном случае.

Сын не может прийти на могилу отца оператора — радиация.

24 апреля — 2 мая 1990 г.

Япония.

Нагасаки: почему можно жить после бомбы здесь и почему нельзя у нас? Науч/ное/ объяснение.

Ожерелье из АЭС вокруг япон/ских/ островов? Или мышеловка — как посмотреть, чьими глазами. А Франция? Или мы…

Общая проблема. Заложники у случая. Или у террористов. Сахаров, к/отор/ый считал, что без АЭС нельзя, тем не менее, под землю их советовал упрятать.

Борьба оптимистов (лобби) и пессимистов. Вокруг АЭС. И вокруг последствий Чернобыля. Преуменьшать или правду?

Тут тоже международная проблема. Ваши — мол, радиофобия.

Наши — не готовы, и чтобы вину уменьшить, преуменьшали масштабы катастрофы.

…Научиться, сообща преодол/евать/ и послед/ствия/ на месте, и те, что грозят расползанием.

Центр в Гомел/ьской/ обл/асти/.

Но [я] из Белоруссии, я отвечу на вопросы, почему врали 3,5/ года/. Проблема планетарная.

Дважды преступили: не обеспечили чернобыльцев защитой тоща, на крыше 4-го блока, ни измерит/ельными/ приборами, ни всем остальным. Они же, ильины, чазовы, израэли, щербины всё сделали, чтобы «не было» больных ликвидаторов. Дважды преступники.

В Хиросиме облуч/ение/ за счет внешней радиации. В Чернобыл/ьских/ р/айон/ах за счет внутреннего облучения.

У меня отличное видео фирмы «Тошиба». Рад бы иметь и лич/ный/ компьютер этой фирмы, если бы были иены. Дорого.

Но я не хочу АЭС этой фирмы, даже бесплатно и даже если он лучший в мире.

Когда-то наши сов/етские/ генералы говорили:

американские/ атом/ные/ бомбы — зло, наши — благо.

Сегодня мы знаем: любая бомба зло.

АЭС — это не бомба. Но Чернобыль засвидетельствовал, что может стать страш/ной/ бомбой, долговременной.

Даже если, как нас убеждают уч/еные/, нельзя без АЭС, тогда пойти на компромисс — по Сахарову. Под землю. Считают: дорого!

А Чернобыль — дешево? Да он нам обошелся уже не дешевле, чем афган/ская/ война. А сколько он еще будет стоить.

Но мы верим, что человеч/ество/ может найти др. пути в энергет/ике/, безопасные для здоровья людей и здоровья Земли. Те, которые человеч/ество/ давно уже знало: энергия ветра, солнца, биолог/ические/ источники. И главное: надо нам свои потребности соотносить с возможностями Природы, Земли. Не истощать, не убивать свою Мать — без которой и нам не жить.

Надо, чтобы общ/ественные/ движ/ения/за спасение жизни от опасной энергетики, во всем мире объединились, как в свое время — против атом/ного/ оружия.

Я белорус, из страны, наиболее пострадавшей от Ч/ернобы/ля, рад присутст/вовать/ на этом вашем митинге.

За нашу и вашу безопасность, здоровье и благополучие.

Прекрасная страна Бел/оруссия/. Реки, рыба, леса, грибы, фрукты — несмотря на цивилиз/ацию/. Рядом АЭС — Чернобыльская/ давала энергию. Нас убежд/али/, что самая безопасная, дешевая, легкая.

Сейчас 10 млн. нар/ода/ Бел/оруссии/ (и Укр/аины/, Рос/сии/) живут и не живут.

Отнято всё, что радовало людей, и взамен — болезни, страх, надо бросать дома, род/ные/ края (сотням тыс/яч/ людей).

Три блока Ч/ернобыля/ продолж/ают/ давать энергию, но радости никакой. Вся энерг/ия/ уходит на ликвидацию последствий.

Все 40 АЭС не дали того, что потеряли на одной аварии — около 200 млрд. руб.

Заслуживаем ли мы того доверия и готовности помогать [нам], какое со всех сторон? Насколько сохранились мы как люди?

Черн/обыль/ взорвался потому, что был не под контролем общественности. Вы это понимаете, судя по общ/ественному/ движ/ению/ у вас.

Но пробл/емы/ эти мировые и надо объединяться. Нам и с

независ/имыми/ учеными.

Возле музея Нагасаки на камне стих/отворение/: японец жег всю ночь убитых детей, потом кости их положил возле матери: без памяти она, но в груди молоко, и муж-отец просит: помогите матери своей, сосите молоко, а то ей больно.

Живые дети Чернобыля не могут помочь своим матерям: молоко отравлено!

Большая ложь и разбой сопровожд/али/ развитие энергетики, нефть, уголь… Атом/ная/ особ/енно/. У нас — своя специфика.

Партруководство освободило чел/овека/ не только от кризисов и безраб/отицы/, но и стих/ийных/ бедствий, а тем более катастроф.

При Ст/алине/ им было хорошо: вредители!

Но в целом — преуменьшать масштабы. Почему специалисты: угадывали эту политику.

Но была и своя вина: эйфория, ничего не готов/илось/ (даже тренажеры не на все 40 АЭС).

Большая катастрофа — большая вина, малая — малая вина

Вот в эту их политику мы и пытались вклиниться в 1986 г…

…Тут уже волна большая — из 38 АЭС лишь 2 строят. Фактический мораторий. Поняли: еще один Ч/ернобыль/ и нам крышка.

Я с А/ндреем/ Д/митриевичем/ /Сахаровым/ об этом разговаривал. Убрать все с земли — под [землю].

…Именно стор/онники/ АЭС настаивают: еще одна и эта энергетика мертва… Американцы пытаются под землей…

Но белорусы всегда будут за, зная, что такое послед/ствия/.

Мы пришли к выводу: совлад/ать/ уже невозмож/но/. Выравнивание уровня: там ослабло, но усиливается в чистых р/айон/ах. Лейкемия детская, опухоли, глазные…

03.05. 90 г. ФРГ.

Сегодня — это Чернобыль, вчера это была бомба и Сталин…

Живем под символами беды, под знаком беды, лишь сменяющих друг друга. Но всегда на грани. Когда мы стали ее замечать, беду, зло, что ее не было прежде?

11. 05.1990 г.

Методом «до упора» мне удалось в жизни что:

1. Способствовать рождению жанра таких книг, как

«Блокадная» и «Огненная».

2. Споспешествовать дискредитации «своего» ядер/ного/ оружия.

3. Блокировать атомную энергетику и вывести из зоны секретности чернобыльское злодеяние.

4. Помочь генералиссимусу рухнуть окончательно.

[5]. Ну, а теперь вернуть крестьянину землю.

Что следующее мне жизнь накинет на шею, как лассо?

Не знаю, сколько уже и как ангел вострубил, но когда, Третий (Чернобыль) стало очевидно, что тут мы не готовы (мировоззренчески) к этому.

Опасно считать, что только при соц/иализме/. Но уродства все обнажились неоткрытого общ/ества/.

Когда ахнул Ч/ернобыль/, мир закричал от страха. А наши обиделись. Мол, не дружески ведут или даже: Наука требует жертв.

Ч/ернобыль/, не позади, а впереди.

Дортмунд.

Электростанция — бурый уголь, но газы обращают в серу, гипс и… рыбу (очищенная вода)…

Ходил среди циклопических труб и стоек с отвращением, пока не узнал: чистое, ради экологии эти монстры. И они уже не монстры, а добрые, работящие слоны.

Завод рядом с открытым карьером — уголь добывают прямо по транспортеру — прямо на завод. Врезаемся в землю и требуем от нее миллионнолетних богатств — ради потребн/ости/ одного дня. Тут же подсаживают лес и, поскольку немцы — растят. Разумный цикл. Но даже это — надо ли? Не дешевле ли — менять представление о качестве жизни.

Глиной покрывают ложе карьеров, чтобы токсич/еские/ вещества от сажи и пр. не проникли к воде. Гумус потом назад и — лес.

Ситуация какова? Соседняя страна строит завод химического оружия или бомбы нач/нет/ делать атом/ные/. Угроза, беспокойство.

Так должно бы, когда строят АЭС…

Австрия не строит [АЭС], Швейцария…

Нужен междунар/одный/ договор о безопасн/ости/. С

крутыми санкциями. Пока они [АЭС] еще есть… Пока не закрыли… Или не упрятали (по Сахарову) под землю.

Иначе вот что будет… Бел/оруссия/…

Преодолеть последствия? Невозможно… С этим жить столетия…

Общ/ественный/ договор. Предусмотреть, какие ставить (если…) на каком уровне риска (безопасн/ости/). Если кто-то готов закрыть — все вместе помогать. С условием, что не построит на место этой новую. Компенсация и помощь наст/оящая/. Ибо вот Бел/оруссия/…

Встреча в ин/ститу/те физики и экспериментальной радиологии — 28.09.90 г., Неаполь:

— У нас в стране две категории людей, к/отор/ым народ уже не верит ни в чем: КПСС и вашей профессии специалисты. Что те убеждают: построим на этот раз хороший социализм, что ваши коллеги — построим надежный реактор — народ не верит ни тем, ни другим.

Белая руссия, а жизнь — черная, пречерная и в конце — Чернобыль.

Война, кажется, ничего страшнее не может быть. После войны — еще безнадежнее.

И как финал всего — Ч/ерноб/ыль!

«Молитва против радиации». Просьба в конце: перепиши 7 раз и распространи.

5-8 октября. Иерусалим, Средиземноморье…основой культ/уры/ Израиля — рус/ская/ и восточно-евр/опейская/. Надеюсь, и бел/орусская/: Шагал, Михоэлс, Пэн[59]…

А в свою очередь евреи акт/ивно/ участв/овали/ в белорусской/ культ/уре/. Чернобыль — это катастр/офа/ прародины огром/ной/ части евр/ейского/ нар/ода/, «на четверть наш народ». Немало — бел/орусов/.

Каждый пятый житель довоенной Белоруссии лежит в сотнях Куропат.

Каждый второй — в Хатынях, в могилах Великой Отечественной.

Каждый четвертый сегодня живет на зараженной Чернобылем земле.

А ловушка в том, что выйти из псевдосоциализма труднее, чем построить. И как бы не было столь же дорого. Это как с АЭС.

Построить и закрыть и то и др. в одну цену. И уж если длить параллель. Народ одинаково не верит: физикам-атомщикам, что можно построить безопас/ный/ реактор и ком/мунистической/ партии — что можно перестроить соц/иализм/ в человеческий.

1991–1992

13.01.91. Железноводск.

Прочел в «Труде» (от 4.1.91) как испытывали на людях (тысячи солдат и деревни) атом/ную/ бомбу, командовал Г. Жуков[60]. Он даже не понимал, что действует, как преступник. Вот она наша система со всей бессовестностью

Так чего же ждать от Слюнькова?

Чарльз Росе, профессор из Лондона (канадского): готовность помочь чернобыльцам. Услышал, что создан Фонд защиты гласности, и тоже готов.

После Дост/оевского/ — о тайне рус/ской/ души. Для нас сегодня открытие тайны души западного человека. Мы вас всегда представляли и более меркантильными и менее отзывчивыми.

А, возможно, за эти 70 лет и мы изменились и вы. И теперь нам заново узнавать приходится.

Историч/еская/ судьба с нами как распорядилась: на нас испытан реальный социализм и на нас испытан Чернобыль.

Разница между нами: у нас есть, а у вас нет синдрома:

1. антисоциалистического; 2. античернобыльского. Вы, Запад, еще можете думать о развитии соц/иалистической/ экономики/. Вы верите в надежные реакторы.

Особенность наша: не верят люди ни в надежный реактор, ни в соц/иализм/ с человеч/еским/ лицом.

Поэтому мы склонны объявить мораторий на 10–15 [лет] на строительство АЭС (38 блоков заблокировали). Мы очень бы хотели моратория на социализм с любым лицом, однако, похоже, что нам его не получить.

Помнится, что этим гордились: только при соц/иалистической/ (гос/ударственной/) системе можно совершить такую концентр/ацию/ ресурсов…

Что и взорвалось **только** при соц/иализме/ и почему — уже гов/орилось/ не мало. Даже формула: мы шли к Ч/ернобылю/ как [к] неизбежности.

А что касается дел по спасению, то масшт/абы/, да, но сколько — мимо.

… Потом млрд. руб/лей/ — и куда, на бессмысл/енный/ помыв лесов и полей. Вместо чего-то более рацион/ального/.

А это — глобал/ьная/ и бесчел/овечная/ секретность, от к/оторой/ столько зла.

Показушная работа, как и всё строит/ельство/ коммун/изма/. Легасов: Москва интер/есуется/ одним — что там Запад?

Отчего так безграмотно делалось? Ведь был Челябинск. И там какие-то науч/ные/ рекомен/дации/ были наработаны… Вся наука в дело не пошла, пошло самое бесчеловечное/: смешение продукт/ов/ до «дозы», завыш/енные/ нормы, зеки (тут солдаты) для всех дел вместо науч/ных/ рекомендаций и целенапр/авленных/ дел.

Что же было между Челяб/инском/ и Черн/обылем/? А вот это: борьба с **излишней безопасн/остью**/ (не поверишь!) как происками Запада, к/отор/ый хочет нас разорить.

Суть и природа системы во всем блеске.

Что с нами бел/ору сами/ происходит.

Клещи радиации с юго-вост/ока/ располз/аются/ на северо-запад… В результате всей той показуш/ной/ прест/упной/ деятельности.

И тут, как вообще в общ/естве/ обнаруж/ивается/ (как мечеными атомами) — на тех же ключ/евых/ постах работают все те же. Ильин в клещах держит до сих пор людей + [плюс] — через своих людей, к/отор/ых расставил. Матюхин (радиология) возглавл/яет/ в Бел/оруссии/, это под его влиянием 3 млн.[руб.] отдали Ильину из тех черн/обыльских/ средств.

Ясно, что силен связью наверху, они все повязаны многолет/ней/ прест/упной/ сист/емой/ и бесконтрольностью…

Что это за система — показ/ывает/ еще один факт: оказывается/, в 60-е годы испыт/ывали/ тактич/еское/ ядер/ное/ оружие на юге Бел/оруссии/ в будущих Черн/обыльских/ р/айон/ах, на Брестчине. И заразили.

За корот/кий/ ядер/ный/ век преступ/ная/ бесконтр/ольная/ система почти непригод/ной/ для обитания сделала чуть не всю страну…

Иметь метр парка, километр земли. Хорошо. Но, м. б., переселена деревня, семья — знать, что есть люди, семья, дети, им обязанные. Приятно человеку знать, он не только хочет иметь землю, но и благодарности. Они говорят: нет тех, кого обездолил Ч/ернобыль/. Есть. И вот ты им помог. Верно говорит господин Брам: обращаться к чувствам людей.

Породнить через мертвую деревню?

Кстати, интерес к тому, как вернуть к жизни эту землю, деревню, местность?

…Я представил: где? Там, где жили люди.

Они переселены. Значит, у них одно чувство: это их земля, им принадлежит. Чувство близости. И одинаковая мысль, забота, чувство: как и когда этот уголок земли вернется к людям.

28.03.91 г.

Замеж/ныя/ выдаўцы прапанавал. [напісаць] — пра Ч/арнобы/ль. Ч/арнобы/ль і улада.[61] На узроні Сістэмы. Пасля Курапат і Гулага… — схаваць Ч/арнобыль/ ад свету.

Ад народа свайго. Нават ад ліквідатараў.

Японцы собрали мне млн. иен и я привез их в Мин/скую/ больницу, где лежат дети, больные лейкозом. Это было страшное место, вы видели по телевизору. И сейчас не блеск. Но уже какая-то аппаратура, швейцарские врачи сидят и пьют мужеств/енно/ наш скудный чай-обед, — надежды у живущих там матерей. И в тот же день [В.В.] Быков мне сообщил: воен/ные/ тов/арищи/ из числа депутатов заявили ультиматум Президенту: зачем принимает и даже просит помощь, оскорбляя чел/овеческое/ достоинство.

Весь мир набух, как весной соком дерево, сочув/ствием/ народу нашему, искр/енне/ братск/им/ чувством к нам. И вот оскорбл/ение/ за Родину. А вы спросили у сотен и тыс/яч/ детей — нужна ли им помощь?

И еще одно предлож/ение/. Готовится международная акция, мы со Щ/ербаком/ Ю.[62] — сопредседатели: он от Укр/аины/, а я от Бел/оруссии/. Международная Чернобыльс/кая/ лотерея.

Норвежцы и американцы взяли инициативу. Мы надеемся, что когда вы о ней услышите, скажете, напишете слово в ее пользу. Это пойдет прежде всего в пользу детей из мест, накрытых чернобыл/ьской/ тучей. Расчет на 200 млн. долларов.

На ўзроўні чалавека. Слюнькоў… Барташэвіч… Чэбрыкаў…

…Нас яны ператварылі.. Але і сябе. Усе ахвяры сістэмы.

Хочацца сказаць і «вандэйцам»: ды нічога добрага і вам. Есцмі пад коўдрай украдзенае у народа, «чыстае»? Прывілегія быць нелюдзьмі?

Нясчасныя мы людзі!

Не, мудры японец перамудрыў. Мы сваё зло раней экспартыр/авалі. Сёння павінны яго знішч/ыць/ — у сабе, у краіне. У сабе, у нас самiХ.

1991 г. 9 апреля.

Тимофеев-Ресовский Н. В.[63] после взрыва под Челябинском в 1957 г. предполагал создать открытый (м. б., и западным ученым) радиологический центр — как же это было бы важно для Чернобыля. Дубинин[64] и др. отставили его, и всё совершилось в секрете. Да так и осталось секретом для страны.

Что происходит у нас [в Белоруссии]: 1/4 под Чер/нобылем/ 1/8 — военный комплекс, ракеты…

Не имели долго имен, фамилий многие действия: кто истинный виновник взрыва, после Черноб/ыльской/ секретн/ости/.

Сегодня народ добивается правды. Не во имя расплаты, а, понимая, что надо дело это передать в чистые руки.

На ўвесь свет вядома: самыя паслухмяныя слугі сістэмы, імперыі — бел/арускія/ партакраты. Нядаўна вядомы стаў і яшчэ адзін доказ таго: аказваецца, у 60-я гады на Палессі выпрабоўвалі тактыч/ную/ ядзер/ную/ зброю. Ваенныя пажадалі, нашы тут жа згадзіліся. Так што мы мелі Чарн/обыль/ ужо тады. Толькі не ведалі.

Калі 2 чэрв/еня/ 86 г. я быў у Слюнькова па чарноб/ыльскіх/ справах, ён з захапленнем расказваў, як быў ім і Кавалёвым задаволены Рыжкоў, што яны у адрозненне ад украінцаў, нічога не просяць, а гатовыя нават палівальныя машыны аддаць Кіеву. Вось там я зразумеў канчаткова: уся гэта партыя можа толькі гулагі будаваць, вялікія ці малыя. Але рэспуб/ліканская/ кампартыя — гэта яшчэ жахлівей. І калі яны будуць заўтра замест маск/оўскай/ партакратып навязваць сябе — маўляў, мы таксама беларусы, мы за самаст/ойную/ камуніст/ычную/ Беларусь, не верце ім.

Нічым яны не лепшыя: ды і не бывае лакей лепшым за пана. І не дай Бог, панам стаць яму. Без вас хопіць! У вас было 74 [гады], вы ужо паказалі, на што здатныя.

Бяда ёсць бяда. Тым больш такая, як Ч/арнобыль/ская. Але яна двойчы бяда, калі народ перад ёю апусціць рукі.

У гіст/орыі/ нашай 20 ст/агоддзя/ былі тры пагрозы генацыда: сталінскі, гітлераўскі, а цяпер вось — ядзерна-чарнобыльскі. Перад сталінскім мы былі разгубленыя. Не верылі яшчэ, што «свае» гэта могуць. Таму і цела і душа была растаптана.

Перад гітлер/аўскім/ мы аб'ядн/аліся/, і хоць страты, але душу збераглі.

І вось цяпер: супраць чарн/обыльскага/ атама і той сістэмы, якая стала сімвалам яе — камуністыч/най/. І аб'ядн/аць/ нас супраць «атама» можа толыа маналіт/нае/ супрацьст/аянне/ сістэме. Толькі пазбавіўшыся/ ад яе, **мы выжывем**.

…Что нас ждет — заглянем в Карабах. Там уже есть.

И что услышим? Генер/ал/-полк/овник/ Шаталин (ирония Бога иметь нам столь разных однофамильцев) грозит арм/ейскому/ руководству. После того, как отказ/ались/ уч/аствовать/ в рефер/ендуме/ и объявили о конфискации имущества компартии.

— У меня ребята возле АЭС, ключи от АЭС у нас!

Господи, он о чем — в стране Чернобыля? Не может быть, чтоб грозил взорвать!

Не верил бы и я, когда бы не читал жур/нал/ М/инистерства/ о/бороны/ «Военно-ист/орический/ журнал», редакт/ируемый/др. ген/ералом/ — Филатовым, яростным поклон/ником/ Саддама Хуссейна и его методов ведения войны и «навед/ения/ порядка»… Грозил именно терактами на АЭС.

Так что же? Чрез/вычайное/ полож/ение/, а Арм/ения/ не пожелает, или Укр/аина/ — давайте ваши АЭС!

21-25 мая 1991 г. **Причины Чернобыля**.

Изъяны констр/у кции/. Система была слишком замедленная.

Длина контр/ольного/ стержня приводила к тому, что не выполняла предназн/ачения/.

Правила были нарушены, но и система отключения неэффективна, а персонал этого не сознавал.

Решающие причины:

1. Недост/атки/ проекта сист/емы/ безопасн/ости/.

2. Недостатки инструкций. Проект РБМК — был с самого начала порочным. Не было автоматизма в безопасности, чтобы нельзя было вообще отключить. А не было команды на включение/ защиты.

До сих пор не уверены в безопасности этого типа реактора эксперты.

Сахаров: Ядерная энергетика должна развиваться, но при условии полной безопасности.

Членам делегации приказано было не «болтать» в МАГАТЭ.

(Даже Легасов: «Я не врал, но я и не говорил всей правды».)

В марте 88 г. получили более полную информацию. **В марте?**

Данные МАГАТЭ?.. От Ильина? У 1/4 людей были счетчики. Хотя их присылали из-за границы.

Мгнов/енная/ доза 15 рентг/ен/ — опасность рака большая.

15 лет для взросл/ой/ лейкемии и 2 года — для детской. Так что детская — это лишь начало.

В Могилев/ской/ меньшая лейкемия, чем в Минской?..

Результаты исследов/ания/ МАГАТЭ — тех, кто подальше от Ч/ернобыля/.

Важно восстановить доверие к ученым.

К науке — да, к Ильину, Израэлю — это немыслимо.

Надо знать наших ученых и условия. Доверие — отнять у Камая[65] и Ильина рычаги власти над чернобыльцами.

…Не заметить конкр/етной/ судьбы, размазать средние цифры по всем территориям. Ну, а если этот ребенок живет на «пятне»?

Мне всегда за рассужд/ением/ сколько сигарет выкурить — для сравн/ения/ с послед/ствиями/ Черн/обыля/, попытка спрятать апокалипсис за бытовыми вещами. Ну, ладно столько-то сигарет или пачек сигарет. Но не забудьте, что их «выкуривают» и дети. Сотни тысяч детей. Лейкемия не в Минске — туда везут из Мог/илевской/, Гомел/ьской/…

Дор/огие/ коллеги! Вы не ведаете, что творите. Кажется вам, что вы защищ/аете/ будущее атом/ной/ энерг/етики/, но в переводе на нашу конкр/етную/ ситуацию: десятки деревень (под воздействием/ слов Пеллерина)[66] построили там, где нельзя. Дети с увелич/енной/ щитовид/кой/ будут еще 5 лет жить там. Переселятся потом. И это на вас ляжет. И не соглас/ны/ наши уч/еные/ с заявл/ением/ комит/ета/, даже если имя Сах/арова/. Если вам у нас не дорога своя репутация, то хотя бы Сахаровская. Назрев/ает/ конфликт зарубеж/ных/ и сов/етских/ экспертов. За теми и др. стоят — МАГАТЭ и независ/имые/ бел/орусские/, украинские/, рус/ские/ученые.

Хотелось бы, чтобы единая позиция была заявлена. Но это возможно, если вы поймете, что вещи для вас абстрактные тут, у нас означают здоровье или трагедию людей. Вы готовы преуменьшить опасн/ость/ прожив/ания/ — а это урожай 86-го и др. годов. Это дети с «железой», к/отор/ым болеть еще сильнее. Клешни, ползущие на Бел/оруссию/.

Ситуацию поймите: т/ак/ н/азываемые/ авторитеты для многих запад/ных/ уч/еных/ (Ильин и др.). Эти люди навязыв/ают/ в угоду власти оптом картину, а сами свою вину и власть оправдыв/ают/.

Всё это вы учтите.

Есть, возможно, радиофобия? Да. Но у нас — это оружие продления лжи и секретности.

Не обратите на эту стор/ону/ вним/ание/, окажетесь в том же полож/ении/, как Пеллерин, Уайт. Можете сказать, говорилось: Сахаров учит говорить только науч/ную/ истину. Да нет, заповедь С/ахарова/ — не технич/еский/ прогресс любой ценой, а интересы/ конкр/етных/ людей.

Ричард Вильсон[67], Пеллерин, Бенинсон, Уайт приехали в Бел /оруссию/ под опекой акад/емика/ Ильина, чтобы сказать бел/орусам/, что они больны радиофобией и ничем др. После встречи с бел/орусскими/ уч/еными/, получив их данные, полемики, они вынужд/ены/ были признать, что данные у них были недостаточны и просто дезинформированы.

До пускает ли мистер Вильсон такую же эволюцию в своих взглядах.

А/дамович/, чл. — кор. АН БССР, до Ч/ернобыля/ ничего не знал о радиации, а сегодня слишком знает, как и все жители Белоруссии/.

Уже в июне 86 г. я общ/ался/ по этому делу с Горб/ачевым/.

В Запад/ной/ Европе [после Чернобыля] от 100 до 200 тыс/яч/ детей не родилось — матери сделали аборт. (В одной Греции — 25 тыс/яч/).

1. Преамбула: запад/ная/ наука недостат/очно/ информир/ована/ и масшт/абы/ последствий недооценены.
2. Повинны в этом: полит/ика/ властей, интересы зап/адного/ лоббизма, сегодняшняя практика людей (специалистов), заним/ающих/ высокие посты.

Если при обсужд/ении/ темы и проблем прав чел/овека/, зап/адные/ эксперты были радикальнее: судеб/ное/ преследование нарушит/елей/ прав чел/овека/, любое введение чрезв/ычайного/ положения предполагает обоснов/ание/ этого решения в Комитете прав чел/овека/ при ООН, то в Черноб/ыльском/ комитете было совсем наоборот: совет треб/овал/ отторгнуть от черн/обыльских/ дел виновников (Ильина, его команду), а Марвин Голдман[68] и др. — яростно отст/аивали/ их должн/ости/, а за одно и взгляды, согласно которым ни

катастрофы, угрожающей здоровью людей нет (одна радиофобия), ни вины ничьей…

Небольшая и досадная неприятность для будущего АЭС (в мировом масштабе), к/отор/ые надо преодолеть.

Я считаю, что в мировом масштабе идет наступление на правду о Ч/ернобыле/, на правду о ее масштабах и уроках для всего мира — наступл/ение/ в интересах миллиар/дных/ прибылей от атом/ной/ энергетики.

Это ставит в усл/овия/, прямо скажем, парадоксальные уваж/аемых/ запад/ных/ ученых.

Йод — детям, 70 % из **них** болеют (железа).

ТЭЦ, мол, хуже… (Даже Легасов).

… Исходить не из абстр/актных/ рекоменд/аций/. А поскольку обеспечить чистым питанием и обслуж/иванием/ [невозможно] — выселить. Особенно детей.

Ситуацию оцен/ивать/ с т/очки/ зр/ения/ детей, интер/есов/ их…

6 стр/аниц/ в докладе Легасова, подгот/овленного/ для МАГАТЭ (1986 г.) были изъяты — именно то, что говорилось о ситуации в Белоруссии.

Теперь — третье предат/ельство/ Ильина и $К^0$: используют разверн/увшееся/ на Зап/аде/ наступл/ение/ на правду о Ч/ернобыле/ — ради спасения от эколог/ического/ Нюрнберга.

Саддам [Хусейн] и Ильин — первые кандид/аты/ на такой суд.

12.06.91 г. — 15.06.91 г. Прага.

Конфер/енция/ Европейская конфедерация.

АЭС в Европ/ейской/ конфедерации. Опасность для соседа. Гречанка на Сахар/овском/ конгрессе. Сортиры соседа под нос…

Пробл/ема/ Чернобыля и идея конфедерации. Это наше, а это — ваше. Вы со стороны помогите нам. Но и себе, да, себе, если это единая Европа, конфедерация. Ч/ернобы/ль случился в Европе, Укр/аина/ — это Европа, пострадавшая Бел/оруссия/ — это Евр/опа/, и рус/ские/ обл/асти/ — тоже. Удалить из Евр/опы/ потенц/иальные/ Ч/ернобы/ли, а для этого нужна **вся правда**, а не затушев/ывать/ ее, как делают.

14 реакт/оров/ РБМК — у нас. А в Вост/очной/ Евр/опе/?…

Закрыть эти реакторы — это забота общая.

И, м. б., идея Сах/арова/ — о подзем/ных/ станциях важнее для Евр/опы/, чем для др.

В мире около 300 АЭС, большая часть их в Европе. Уже поэтому только вечная пороховая бочка, источник войн. Европа обязана стать миролюбивой. Идеологич/еский/ крах коммунизма устраняет раскол на две системы и на две Европы. И тем самым угрозу атом/ной/ большой войны. Однако угроза региональных конфл/иктов/ не уменьш/ается/, а увеличивается — в ближайшей перспективе. Внутри Сов/етского/ Союза возможны и заострялись межнациональные конфликты. В Вост/очной/ Европе они тоже проглядываются. Трансильвания, Македония, зап/адные/ земли Польши и т. д.

И в каждой почти стране Европы есть очень опасные и уязвимые на случай таких конфл/иктов/ точки — АЭС.

Неужто кто-то осмелится. Хусейн вон что сотворил, устроил почти ядер/ную/ зиму, поджег 600 вышек. А была бы АЭС в Кувейте — что было бы?

Да что Хусейн: наш генерал, к/отор/ый команд/ует/ внутренними/ войсками в Закавк/азье/ — ген/ерал/-полк/овник/ Шаталин, когда армян/ская/ стор/она/ захватила залож/ников/ из числа его солдат, зловеще пригрозил: ключи от армян/ской/ АЭС

— у армии. Так что хусейнов хватит. Думаю, в любой стране. Вот тут подумаешь: прав был Сахаров с его проектом: АЭС строить только под землей.

Для определ/ения/ технологии нужен уровень профессион/ализма/ в стране. Нет такого уровня, лучше с АЭС, напр/имер/, дел не иметь. Мы поставили под вопрос свое право строить АЭС — т. н. социализм с его наукой, труд/овой/ заинтересованностью, моралью трудовой и пр.

Но не следует из этого делать вывод, что остальной мир имеет карт-бланш на безудерж/ное/ строит/ельство/ АЭС. Это самообман. Который питается миллиард/ными/ прибылями и безнравств/енными/ позициями купленных или запуган/ных/ ученых.

Я знаком с америк/анской/ бизнесм/еншей/, к/отор/ая озабочена Чернобылем. Пытается сделать фильм для юнош/ества/ о Черн/обыле/. И вот [ей] — звонки — угрозы.

В Москве проходил Сахар/овский/ конгресс: глоб/альная/ пробл/ема/ — Черн/обыльская/ катастрофа. Приехали извест/ные/ ученые.

И вот уже первые доклады: оказыв/ается/, никаких последствий/ серьезных от Ч/ернобыля/ нет. Все это радиофобия.

Сов/етские/ ученые, у к/отор/ых масса матер/иалов/ о лейкемии детской, о радиационной лейкемии и пр. вначале считали: просто у них тенденциозные данные, полученные от наших заинтересов/анных/ ведомств — атом/ных/ и др., повинных в долголетней секретн/ости/ и лжи.

…Рано или поздно будет дезавуиров/анна/ та наука, к/отор/ую демонстр/ируют/ лоббисты цз МАГАТЭ. Потому что пораж/ение/ на столетия. По долгоживущим элем/ентам/ — это 600 хирос/имских/ бомб. 450 из них на мою Бел/оруссию/. Расползается пятно на север, клещи!

Если человеч/ество/ не прислушается к предупрежд/ению/ Сах/арова/: (если АЭС быть, то только под землей), если, например/, Европа — от Атл/антики/ до Урала — будет беззаботна в этой обл/асти/, она со своими сотн/ями/, а то и тыс/ячами/ АЭС станет заложницей атом/ной/ энергетики.

Первое, что следует: закрыть те АЭС, к/отор/ые явная угроза.

Ганновер — Кессель. 17.07.91 г.

В минист/ерстве/ атом/ной/ энергетики.

…Я не сторон/ник/ наращивания атом/ной/ энер/гетики/ в наших условиях. Это вы знаете.

И тем не менее я готов дать советы, как сохранить атом/ную/ энерг/етику/ и даже развивать.

Вам не переспорить Ч/ернобы/ль, для млн. людей он не прошлое, а сегодняш/ний/ и завтрашний день. Белорусы уже ведут речь о сохр/анении/ генофонда нации.

Чтобы вернуть доверие, мало тащиться за правдой, в к/отор/ую тычет общественность специалистов…

Разумно было бы — оторваться в правде и сказать: то, что вы гов/орите/ о последствиях и риске — дилетантство. Вот мы вам скажем и расскажем!

Надо убрать всё, абсолютно всё, что неприемлемо.

Логика ловушки: вы попали в ситуацию (шведы) атом/ной/ энергетики. Чтобы закрыть АЭС, надо вон сколько!

Еще один Ч/ернобыль/ и ничто уже не спасет атом/ную/ энерг/етику/ в мировом масштабе. Я был в Японии (36 блоков) и убедился…

Значит, убрать всё, что может привести к Ч/ернобы/лю. Прежде всего, АЭС ненадежные. Моск/овский/ энерг/етический/ клуб, проф. Залесски.

РБМК — Игналинская, Смоленская, Ленинградская, Курская.

План Баруха[69] для АЭС — строж/айший/ контроль за строит/ельством/. Убрать все «Ч/ернобы/ли». Компенсация…

Ну, а угольная. Возле Дортмунда, электрост/анция/ на буром угле.

Не атом/ная/ энерг/етика/ держит ФРГ на таком уровне, а разум/ные/ формы общ/ественных/ отнош/ений/ и производства. Вот путь, где и атом/ная/ энерг/етика/ не играет той обязательной роли.

Не одного меня поражало: почему боятся фронт/овики/, партиз/аны/, хотя там рисковали по пустякам жизнью. Зн/ачит/, важна атмосфера — там народ не боялся. И я. Здесь страх в массе — и во мне.

Так было и 19-го-22-го [августа 1991 г.]. Не боялся никто (кого видел я), потому не боялись все. Ушел страх — вот их просчет.

Меня поразил страх послечерноб/ыльский/ — не страх за народ, детей, внуков. А этот: требуют молчать — молчим. Ученые, писатели…

1000 кв.м. Чернобыл/ьской/ земли — 1 млн. долларов. Компания, которая купит, указана в книге, с нимбом.

По дороге от Климович на Краснополье деревни и большие совхозы пустынные, ну, совсем, как по берегам Енисея те поселения.

Бурьян на полях, копны старые, прошлогодние, людей нет нигде, скотины не видно, только шоссе асфальтируют. А Краснополье — норма. Там же 60 и больше мр/ч, зн/ачит/, всё это пятна, а люди привыкают ходить через пятна, ездить. И живут рядом с невидимым гадом.

5.8.91 г.

Черн/обыль/. Кто же нам помогать станет, если мы будем ядер/ной/ державой?

После проекта МАГАТЭ решил съездить в чистую Беларусь. Дозиметр «Сосна» — больше 300 м/р, это более 50 кюри… На дороге. А в лесу… Люди живут и им гов/орят/: ничего.

Осознать общую заинтересованность. Создается международная/ организ/ация/ по очистке земель, вод: Афанасьев, Ким, Вас. Нестеренко.

Припять… Бел/арусь/ не сумеет. Но для Украины еще важнее. Но и для Западной Европы.

Мы поражены были, что под зн/аменем/ Сахарова — очень тенденц/иозная/ позиция. И лишь данные сов/етских/ уч/еных/ — Бирюковой, Воробьева и др. изменили.

Они пользовались и охотно тем, что давала наша официальная/ статистика.

Возникла ситуация, когда необх/одима/ междун/ародная/ экспертиза независимая… Это — в интересах всех. Припять… Создается группа по очистке. Средизем/ное/ море.

Возник/ла/ слож/ная/ ситуация не только Бел/аруси/ с МАГАТЭ, но и между республик/амии/. Игнал/инская/, Черноб/ыльская/…

30.12.91 г.

…Первый. Еще до появления М.Г/орбачева/ на переднем плане политики я довольно основательно вошел в негосударственное антиядер/ное/ движение — через ученых ядерщиков и американцев из «Beyond War» [«Без войн».] Когда ахнул Чернобыль, я пытался действовать через свой Комитет сов/етских/ ученых против ядер/ной/ угрозы, но результата не увидел.

Никак не мог докричаться о положении в Белоруссии. Ю. Карякин вывел меня на помощника Г/орбаче/ва Черняева Анат. Серг, от него я получил прямой совет: собирайте данные и 4 июня их надо было огласить на Политбюро. Конечно, через него в виде письма М. С. Горбачеву. Я помчался в Минск. Подсобрал данных у Нестеренко, Борисевича, Кузьмина, набросал письмо, в котором главная мысль: Бел/аруси/ грозит катастрофа пострашнее Отечественной/ войны, где погиб каждый четвертый. Глав/ная/ опасность: внутр/енняя/ радиация через продукты, поскольку за этим никакого контроля. Сам масштаб поражения замалчивается и игнорируется.

Уезжая из Минска с письмом, предложил Слюнькову, Первому Секр/етарю/ ЦК Бел/аруси/ встретиться — 6,5 часов беседовали. Это особая тема. Ему важно было убедить меня, что всё под контролем, всё делается. Обаял, как это они умели, если нуждались. Но каждые 2 часа я спрашивал:

— Но приборов-то нет?

— Нет.

Письма я ему не показал, и он удержался, не спросил и не отговаривал прямо от поездки. М. б., в одном поезде и поехали: он — на Политбюро и моя бумага — туда же. В Москве я тотчас попал к Черняеву, он посмотрел письмо: «Да, это серьезно». (3 июня). 4-го [июня] я дожидался телефона, результата. Да, 3-го он

мне позвонил: «Мих. Серг. прочел. Поблагодарил вас. Сказал: вот человек не скулит, а дело делает».

Я был, конечно, прегорд. Хотя скулежа в моем письме с т. зр. других как раз был переизбыток. 4-го вечером я снова услышал от Черняева: письмо было зачитано на ПБ [Политбюро].

Уже потом из разных источников (от цековцев, мидовцев и пр.) составил картину для себя, как это выглядело. Письмо распространяли еще до заседания, думаю, что гомельчанин Громыко читал его с особенной заинтересованностью. Другие — не знаю. Я как-то не учел, что Слюньков там будет тоже — и это была оплеуха бел/орусскому/ руководству. Которое умилило… Рыжкова (Предс/едатель/ Комиссии по Чернобылю) своей готовностью не доставлять центру хлопот. Хватит этих украинцев!

Как бы там ни было, была направлена в Минск огромная комиссия. До меня доходили лишь клочья происходившего. От Кузьмина, Борисевича, Нестеренко.

Кузьмин: звонил Чебриков[70]. В белорус/ское/ КГБ. Интересовался, кто и что такое Адамович…

Борисевич: Слюньков выступил перед комиссией, мол, «писатель написал», письмо паническое, а положение у нас совсем не такое: три района, да, пострадали, но не столько же, как написано и зачитывалось перед Политбюро…

…Возвращение к Горбачеву.

Всё хорошо в Бел/аруси/, вон даже отправили в Киев помоечные машины (что отказались от помощи Москвы, тогда еще никто не знал) — тут вякнул что-то Нестеренко, Борисевич, ка-ак на них обрушился Слюньков: значит, вы и виноваты, где ваша помощь, науки?!

Потом, в 1988 г. встреча с Горбачевым (1–2 марта),

— А, это твое паническое письмо! (Или испуганное).

Разговор о Легасове, его «графике».

— Напиши все это. К 8 марта передай мне (и т. д.)

30.11.92 г.

Это же надо так заиграться!

Обращаться к этим, обуянным жаждой минист/ерских/ портфелей и придуманной ими миссией народных витиев бессмысленно. Им что Бомба, что Гайдар — главное свой шкурный политич/еский/ интерес. Но думаю способны услышать И. Драч[71] и Ю. Щербак, Олжас Сулейменов[72], бел/орусские/ народофронтовцы, да и Шушкевич[73], он физик, он знает, что это

за игрушки. Вы-то понимаете, что Бомба не дает безопасности ни стране, ни народу. Имея ее, притягиваешь беду, еще один Черноб/ыль/, глобальный на голову своего народа.

ПИСЬМА, СТАТЬИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ИНТЕРВЬЮ (1986–1992 гг.)

Хатынь притягивает Хиросиму

[Выступление на конференции ученых в защиту мира]

Повивальной бабкой ядерной бомбы фактически был фашизм. Он ускорил ее рождение, собственно, вынужденное (если иметь в виду ученых, ее создавших).

И очень точно, и главное, своевременно несколько лет назад академик Е. П. Велихов уравнял их — бомбу и фашизм.

Вот так вошел атом в наш мир — с печатью проклятья. Не лежит ли эта печать — насильственно-преждевременных родов — и на мирном атоме? Оказывается, он оборотень. Мирная станция превращается вдруг в долговременную Хиросиму. Я понимаю, как обидно и непрогрессивно это звучит в зоне, где столько физиков, но я приехал из Белоруссии. Кто хотя бы немножко знает и представляет, что произошло в областях севернее и северо-западнее Чернобыля, куда все 10 первых дней дули ветра, думаю, простят мне горечь этой мысли.

Как сообщила одна из центральных газет, журналист, растерявшийся перед задачей, во что бы то ни стало извлечь оптимистическую ноту: «К счастью, ветер дул не на Киев». Если нужна справка: дул на Гомель, на Жлобин, на Мозырь, на Минск, на Брест. На сотни и сотни деревень.

При лучевом поражении у детей всё время текут слезы (и не только у детей). Слезы эти ничем не отличаются от тех, какие мы видели на детских лицах в годы войны.

Кто бывал на Пискаревском кладбище, обратили, наверное, внимание на березы. Жирные, пухлые и с перламутровым отливом — цвет навозных мух. Из смерти выросли, и что-то в них отвратительное.

Напрасно так расписывают журналисты красоту цветения по обе стороны Припяти. Да, никогда так бурно и пышно, будто взорвавшись, не бушевала зелень у нас. Но она сегодня отвратительна человеческой душе — ее провоцирует радиация.

Министерские наши тузы с непонятной поспешностью объявили, уже несколько раз по телевидению: всё будет, как было с АЭС, потому что было всё прекрасно!

Как же надо не уважать горе народное, чтобы так заявлять — вопреки чувствам людей и очевидностям!

Не должно остаться, как было: ни в проектировании, ни в строительстве, ни в обслуживании. Чернобыль взывает, Белоруссия взывает, Украина. Более того, не должно остаться по-

прежнему, простите за некомпетентное вмешательство — ив науке, из которой это всё произрастает.

Монополия на истину в науке всегда была опасна для самой науки. Но лысенковщина показала, продемонстрировала (об этом напомнил недавно и академик Александров), сколь в наших условиях опасна такая монополия для всего народного хозяйства. А в иных случаях — для судеб и жизни самого народа.

Если нужны еще примеры, они сегодня у всех на слуху: чего стоила и стоит монополия в делах мелиорации Гидропроекта, которые вот-вот оставят нас, в погоне за объемами работ и планом, без чернозема.

Не хочу за вас говорить, но не дошла ли очередь и до физиков — посмотреть, не в административной ли монополии на истину и принятие решений одна из причин Чернобыля? Мы все хорошо помнили статьи академика Капицы [Петра Леонидовича] и др. ученых-физиков (в журналах «Коммунист», «Вопросы философии», в газетах), которые решительно возражали против строительства АЭС возле крупных городов, на больших реках, в густонаселенных районах. И, может быть, не в том беда, что принята и стала практикой противоположная точка зрения: в конце концов, из двух позиций какая-то должна была стать практикой, воплотиться в государственные решения. Беда в другом: противоположную позицию вообще перестали принимать в расчет. Они просто замолчали или потеряли возможность высказываться, влиять на общественное мнение. Хотя нормально было бы, когда бы эти ученые, эта точка зрения стала бы постоянно действующей оппозиций, своеобразным научно-народным контролем. Не воцарись нелепая монополия на истину, которая собственно никогда не нужна настоящим ученым, зато бесконечно люба бюрократам ведомственным, так вот не будь так, а как должно быть в нашем обществе, оппоненты, уж они-то обязательно предупредили бы, что недопустимо проектировать так, как проектировали Чернобыль, недопустимо строить, как его строили, недопустимо эксплуатировать, как это делалось. Почему даже сейчас мы не слышим их голоса, ни с трибуны, ни в печати? Мы читали в «Известиях» от 6 января сего года эйфорическую статью [«Созвездие энергоблоков»] о том, как сэкономили на профилактике. Показуха, рапортомания — вот наш смертельный враг! Он и сейчас не уймется никак; представляете, бросили клич солдатам, нашим геройским ребятам, идущим на самопожертвование, как Матросовы шли — соревноваться. Представляете, при атаке на дот объявлено соцсоревнование — кто добежит первый! Воистину неистребим наш бюрократ и его мышление! Если это можно назвать мышлением.

Только из всеобщей ядерной войны уроков полезных извлечь невозможно. Изо всего остального — можно. Так давайте извлекать, но только всерьез!

1986 г.

Письмо М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Пожалуйста, не отнесите то, что Вы здесь прочтете, на счет писательской фантазии Алеся Адамовича. Я пишу то, что знают и думают многие крупнейшие ученые Белоруссии и некоторые партийные работники, у нас были самые горячие обсуждения этих проблем.

Не станем шуметь «на всю Европу», но мы-то понимаем, что Белоруссия переживает нечто сопоставимое лишь с ее трагедией в годы минувшей войны.

Под вопросом само существование (физическое) десятимиллионного народа. Радиация ударила, прежде всего, по нашей республике. Как писала одна центральная газета, не соображая, что пишет: «К счастью, ветер дул не на Киев». Действительно, в самые грозные дни, с 26 по 30 апреля (а потом еще много дней), ветер тащил радиоактивные осадки и выпадения на Гомель, Могилев, Жлобин, Мозырь, Славгород, Краснополье, Речицу, Хойники, Наровлю, Брагин, Пинск, Слуцк, Брест… Досталось и Минску. А между этими городами тысячи деревень. Сколько людей получили различные дозы радиации и через сколько дней или лет это скажется на каждом, сказать трудно. Но если иметь в виду, что БОЛЬШАЯ ПОЛОВИНА РЕСПУБЛИКИ была засыпана ею (Гомельская, Брестская области и части Могилевской и Минской), — речь пойдет о цифрах тяжелейших.[74]

Но, не об этом уже речь. Ладно, что случилось, то случилось, что сумели, смогли, а к чему оказались не готовы (к очень многому) — тоже поздно размахивать руками.

В республике делается многое, чтобы локализовать и победить беду в белорусских районах, непосредственно примыкающих к Чернобылю, руководство, люди действуют, учась на ходу, самоотверженно.

Но не всё подвластно руководству нашей республики.

За спиной вызревает новая опасность, может, еще более грозная. Если не будут немедленно приняты меры, не будет сделано в кратчайшие сроки то, что абсолютно необходимо (по мнению ученых), еще миллионы людей в Белоруссии пострадают (а многие погибнут), и тогда можно будет сказать, что произошла трагедия — пострашнее той, которую наш народ пережил в 1941 — 44 гг.

Всем этим людям (в пределах Белоруссии и в сопредельных районах других республик), так же, как, очевидно, и на Украине,

сейчас грозит РАДИАЦИОННОЕ ОТРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ.

И руководство республики, и ученые наши могут с этим справиться, если получат помощь и поддержку. У НАС ФАКТИЧЕСКИ НЕТ НУЖНОГО КОЛИЧЕСТВА ПРИБОРОВ ДЛЯ ЗАМЕРА РАДИАЦИИ В ПРОДУКТАХ ПИТАНИЯ. Старые приборы не годятся, они рассчитаны на жесткое излучение (на случай взрыва ядерной бомбы), а здесь нужны улавливающие мягкое излучение. Срочно требуется организовать производство приборов КРВП-3 АБ. Белоруссии, как считают специалисты, их необходимо для начала хотя бы 500 штук.

Кроме того, нужно хотя бы 50 западногерманских SS er6150, для измерения альфа-, бета-, гамма-активности, чтобы точно определить районы и площади поражения по всей республике. Особенно тяжелыми элементами: стронцием, плутонием, ураном и т. д.)

Нужны, кроме того, «Счетчики импульсов человека» для обследования тысяч и тысяч пострадавших. Это минимум необходимого, а что-то и еще понадобится.

Без этих приборов Белоруссия (и, по-настоящему, не одна наша республика) останется фактически беззащитной перед угрозой всё более широкого заражения радиацией через продукты питания. Локализовать его не удастся.

Кроме того, нужна помощь специалистами по этой технике и врачами-специалистами. Необходимо прямое подключение к этой работе в Белоруссии и на Украине АН СССР и Академии медицинских наук СССР, создание на границе пострадавших республик центра по наблюдению, изучению долговременных последствий радиации и лечению больных.

И еще одна вещь, вроде бы частная, но в условиях пораженных радиацией республик имеющая первостепенное значение. Избежать беды от особенно опасного в наших условиях продукта — молока — можно, если коров перевести на стойловое содержание. А для этого Белоруссии и Украине нужны комбикорма, конечно, в количествах, никогда прежде не предусматривавшихся.

Нужна специализированная организация, «штаб», люди, которые только этим и занимались бы — продуктами питания. С которых можно было бы спросить, но у которых были бы все права и полномочия требовать, разрешать, запрещать. И вывозить детей, подростков, беременных женщин и вообще всех, кого возможно! Широко и за пределы республики и не на месяц-два, а пока не нормализуется обстановка. Самая заметная чиновничья инертность и упущения — здесь. Радиация мгновенна, чиновник

медлителен, оглядчив, — такова уж его природа. Да и то сказать: СЛИШКОМ МАЛА ОКАЗАЛАСЬ РЕСПУБЛИКА ДЛЯ СТОЛЬ большой беды, своих «чистых» районов для эвакуации явно недостаточно. Ну, а те, кто наших детей принимают, тоже не всегда проявляют расторопность (за пределами республики). Пора осознать всем, что каждый день и час промедления — непростительный грех перед будущим народа. Никакие наши оправдания и объяснения больное потомство не простит. И неоправданных жертв мы сами себе не простим.

Теперь, заодно уж: о монополии на истину в науке, которая причиняла нам немало бед прежде (биология, мелиорация), а теперь привела к чернобыльской трагедии. Ведь были, были ученые-физики (академик П. Л. Капица и др.) которые предупреждали, сколь опасно строить АЭС в густонаселенных районах. И еще одно — у больших, питающих города, рек. Но чтобы на Полесье, где узел всего нашего западно-европейского водоснабжения, откуда пьет воду вся Украина, чтобы тут пять блоков АЭС — это же надо было придумать и решиться!

И как у нас часто бывает, оппонентам не дали ни возможности контролировать практику «победителей»-ученых, ни оппонировать в печати. Будь по-иному, они могли бы помешать всем, теперь обнаружившимся, нарушениям норм, правил, «упрощениям» и «удешевлениям», которые вон к чему привели.

Дорогой Михаил Сергеевич, это не просто станция взорвалась, но и весь тот комплекс безответственности, недисциплинированности, бюрократизма, с которыми Вы начали вместе с партией и народом борьбу. Эта история: как и почему случилось, насколько готовы (не готовы) оказались и чиновники, и многие военные, а особенно так называемая «гражданская оборона» (не случайно в народе: «Повторилось 22 июня 1941 года!») — всё, всё требует принародного выяснения. И, прежде всего — обоснованность утвердившейся практики строительства АЭС.

Вот и в 30 км от столицы Белоруссии возводим свой Чернобыль. Не трудно представить, что об этой стройке говорят и думают сегодня белорусы.

Страна, народ не смогут выдержать еще чего-либо подобного Чернобылю, того, что сегодня обрушилось на миллионы людей. Надо бы поразмыслить об этом энтузиастам из управления ядерной энергетикой, которые толкуют по телевидению и в прессе о том, что всё будет, как было, потому что всё прекрасно. Не о том речь, быть или не быть атомной энергетике (это уход от сути спора), а, как и где должны строиться и размещаться АЭС. Надо бы дать снова голос ученым, которые способны судить о

вещах с большим чувством ответственности за «конечные результаты» своих идей и предложений, рекомендаций.

Простите, но Белоруссия действительно на краю пропасти! Нужна немедленная помощь народу, который сам всегда всем жертвовал в трудные для страны годины. Белорусы редко плачутся. Вы это могли заметить и по теперешнему поведению наших людей и руководителей. Но здесь вопрос стоит неотложный, жизнь бессчетного числа людей зависит от того, организуем ли мы действенный, грамотный, а не формальный лишь контроль за продуктами питания, оснастим ли службы современной аппаратурой, подготовив необходимое количество специалистов.

Столь многое зависит от столь в сущности немного. Только не упустить время!

А. М. Адамович
член-корреспондент АН БССР,
член Комитета советских ученых в защиту мира
и против ядерной угрозы,
писатель.

1 июня 1986 г.

Письмо И. А. Дедкову

Дорогой Игорь Александрович!

Получил письмо Ваше, вернувшись из Москвы. Когда дошло до меня, до сознания, что на самом деле происходит в Белоруссии, с Белоруссией (по конечным, если не посмотрим правде в глаза, «результатам» — пострашнее той, минувшей, 1941–1944 гг. трагедии!), я помчался прямо к М.С.Г.[75] До помощника[76] добрался, оставил письмо со всем, что узнал и понял, а назавтра уже был ответ (через помощника) и тут же разговор с нашим руководством на высшем уровне, а сегодня в Минск примчался Минздрав (главный усыпите ль наш) и др. лица.

Кроме всего прочего (думаю, что все мои книги не идут ни в какое сопоставление с одним этим отчаянным письмом), я убедился: есть, есть у нас люди там, которые ждут, хотят полной информации, но любителей подавать «голиковщину»[77] слишком много. И это стоит нам сегодня не дешевле, чем в мае-июне 1941-го….

Да, не знаю теперь, сверхлитературу ли делать или что-то более практическое, вообще не литературное!

Привет Вам и хороших для Костромы ветров! (Правда, для кого-то всё равно нехорошие.)

Ваш А. Адамович.
08.06.86.

Начинать с себя

[Из выступления на VIII съезде писателей СССР]

Были мы с Даниилом Граниным[78] в гостях, где физик, специалист по реакторам, рассказывал про Чернобыль, про трагедию, за которой, по его мнению, преступное легкомыслие лиц, ответственных за работу реактора. А другой гость, гуманитарий, взял «Библию» и процитировал Иоанна Богослова (прежде чем повторить ту цитату, напомню, что значение слова «чернобыль» — «полынь»): «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (глава 8, стих 10,11).

Мы — люди не верующие и не станем всерьез ссылаться на руку провидения. Угадывается за нашей большой бедой нечто вполне земное. И позволим себе не поверить одному из тех именно ответственных за порядок на всех АЭС, что «наука требует жертв». А ведь так по телевизору заявил один из руководителей атомной энергетики[79], глядя в глаза нам ясным взором. Интересно, как он смотрел бы в глаза беженцев-детей белорусских, украинских? Да что я спрашиваю, зная ответ?!! Нет, не просто реактор взорвался. И не наука потребовала жертв. (Хотя с нее спрос особый.) Взорвался и страшных жертв потребовал весь тот комплекс бессовестности, безответственности, недисциплинированности, показухи, рапортомании и пр. и пр., с чем мы сейчас боремся. И что по закону действия и противодействия с той же энергией борется со всеми здоровыми силами в обществе и народе…

Так что же действительно происходит? С нами, и не с одними нами. Библейскому антихристу ничего не стоит мизинцем приподнять трехтысячетонную плиту реактора и дать нам понюхать ядерной полыни: вот вы, люди, чего сами себе приготовили!..

1986 г.

Письмо Е. П. Велихову [80]

Дорогой Евгений Павлович!

Знаю, что обязанности члена «Велиховского комитета» — вполне реальные и нешуточные, а потому воспринял свое избрание с радостью, в чем откровенно признаюсь. И благодарю за поздравление.

Чем я, мог бы полезен быть?

В роли «пацифиста», который вместе с другими такими же, приучал, кого следует, к реалиям и логике ядерной эры: победы не будет! выживание рода человеческого — и цель и смысл любых целей и смыслов — сегодня это уже не требуется. И, слава Богу, что не требуется.

Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы… Когда живешь в Белоруссии и после Чернобыля, понятие ядерной угрозы обрело неожиданную материальность; приборы для измерения радиации, которых нет или не хватает, продукты питания, зараженные и незараженные, двусмысленная роль медицины и реакция на события чиновничьего аппарата и т. п. А также поведение прессы, нашего брата писателя, ученых и т. п.

Может быть, Вы слышали, что в начале июня месяца я писал М. С. Горбачеву, и эту мою записку (составленную не без советов, конечно, наших ученых-специалистов) рассматривали на Политбюро, даже специальное решение было принято, обращенное к различным министерствам. Уже через три дня 60 специалистов приехали в Минск; хотя и не сразу, но положение с приборами улучшилось (но всё еще не в достаточной степени), а главное, даже до некоторых наших товарищей дошло, что опасность поражения десятков и сотен тысяч человек через продукты питания — более чем реальная. Если будем по-прежнему делать вид, что ничего не случилось и не происходит. Но, по-видимому, посылать наверх сверхблагополучную информацию — и тем сам снова и снова встречаться с феноменом «22 июня 1941 года» — это норма для бюрократического мышления.

А то, как в республике отреагировали на мое письмо Генеральному секретарю КПСС — меня даже не удивляет. Злорадно вычеркнули Адамовича из списка, избираемых в академики АН БССР. Я даже обрадовался: хоть это заплатил в дни, когда другие здоровьем и жизнью платят!

Я знаю, что Вы сейчас отдыхаете. Но знаю и большее, и не один я хотел бы просить Вас все-таки сохранить для страны и для нас Велихова.

Надеюсь, что жизнь и работа в Комитете у меня будет нелегкой. Очень хотелось бы с помощью такой авторитетной организации что-то реальное сделать для пострадавших не районов, нет, а областей Белоруссии.

К сожалению, в столь сложной обстановке наука у нас здесь не пользуется даже тем доверием, которого заслуживает. А от этого масса несуразностей, ошибок, ложных бюрократических ходов, за которые расплачиваться будет народ.

Вот один лишь пример: наконец имеем какие-то приборы, получили возможность определять степень зараженности мяса. Было три возможных решения: 1) зараженное уничтожать, а народу объяснять, что затруднения с мясом именно этим вызваны; 2) очищать мясо от радиации способом, который разработан нашим Институтом химии; 3) смешивать в «допустимых пропорциях» зараженное и незараженное.

Принят третий вариант. С благословения «медицины». Нужен «план», количество, а первые два варианта помешают выполнить и перевыполнить.

Не пройдет и 2–3 лет, как заговорит статистика болезней и смертей. А в ответе будем все мы, кто могли что-то сделать и не сделали.

С искренним уважением!

Адамович А. М.

1986 г.

Из письма И. А. Дедкову

…Дела у нас тут не простые. Спасал народонаселение, я своим письмом-обращением[81] сильно обидел местное начальство. В лучших чувствах обидел: нам и только нам знать, что хорошо, а что плохо для вас! Ну а поскольку до Бога высоко, а до царя далеко, а они — рядышком, дальше всё можно предвидеть. Но тот же Виссарион [Белинский] любил пословицу: Бог не выдаст — свинья не съест!

Ваш А. Адамович.
28.07.86.г.

Письмо Е. Е. Соколову [82]

Глубокоуважаемый Ефрем Евсеевич!

Извините, но я решаюсь послать Вам свое выступление на недавнем писательском Пленуме в Москве — знаю, что Вы получите информацию, но хотелось бы, чтобы полную, как оно на самом деле говорилось.

Заодно уж и свое письмо М. С. Горбачеву, которое, знаю, рассматривалось на заседания Политбюро от 4 июня 1986 г., и по нему принималось решение. Не всё я знаю о результатах, но приборы, по крайней мере (после приезда в Белоруссию большой комиссии), мы стали получать.

Меня ни тогда, ни сегодня, сейчас не беспокоили и не беспокоят последствия, в таких случаях неизбежные — которые, я испытаю на себе. Слишком серьезно то, о чем идет речь, чтобы думать о собственной шкуре. Вопрос ведь о судьбе целого народа.

Но всё равно хотелось бы (если быть искренним до конца), чтобы меня позвали и сказали, в чем я прав, а в чем ошибаюсь, не то и не так делаю. Если у Вас, конечно, на это найдется время.

Адамович Александр Михайлович,
06.05.7957 г.

Выступление на Пленуме правления СП СССР

Мне придется сделать разъяснение по поводу одного места в выступлении г. Волкогонова.[83] Он тактично не назвал мою фамилию (за этот жест я ему по-человечески признателен), но мне прятаться ни к чему.

Если выразиться языком профессиональным, так то, что я обидно задел в статье[84] своей в «Московских новостях» (от 8 марта 1987 г.), — это всего лишь доктрина сдерживания через угрозу возмездия, то есть угрозу: если ты меня уничтожишь, так и я тебя! Но так было вчера. Сегодня: если ты начнешь — погибнет всё живое на Земле.

Вы видели, наблюдали по телевизору, как яростно за нее, за эту доктрину, держится Маргарет Тэтчер. Да и все милитаристы на Западе. А мы-то как раз принцип равновесия на страхе отвергаем и, что главное, вносим одно за другим самые смелые предложения, чтобы только всем нам отказаться от рискованнейшего балансирования над бездной. Не только потому, что они нас могут уничтожить, и что нам пришлось бы в ответ целую страну тоже уничтожить — всех, и правых, и виноватых. Но что самое страшное, неизбежен обмен таким количеством боеголовок, когда убиты будут и все другие народы, страны — убьем всё живое.

«Первый удар», если он случится, — это тысячи и тысячи боеголовок, по нескольку на каждую из ракетных шахт противника. А это уже неизбежно — ядерная зима, как подсчитали ученые. Это радиация (тем более, если учитывать и разбитые атомные Чернобыли), от которой не спастись и стране-агрессору. То есть они тоже обречены на еще более мучительную смерть. Но что самое главное — и всё, что есть живого на Земле, обречено на гибель.

Вот то место из «Московских новостей»:

«Оно может и напугать — новое мышление. Непростая это вещь додумывать до конца мысли термоядерного века.

Случился у меня разговор с командиром современной подводной лодки.

— А вам не жутковато сознавать, какая космическая мощь под рукой?

Ответ: — Кому-то надо, раз это существует. Надо лишь удерживать себя от лишних мыслей.

— Ну, а если представить, — спешил я выяснить всё за один

раз, — что те, у кого доктрина, допускающая первый ядерный удар, нанесли его? Или же случайность, ошибка, но полмира накрыл огненный смерч. И от вас зависит: ответить или нет?

Сразу отозвались присутствующие за столом женщины:

— Конечно! Они же нас, они вон всех убили!

Эти поспешные голоса — из той, из прошлой войны, доядерной.

Хозяин же ядерной подлодки молчал. Потом спросил у меня:

— А вы нажали бы?

— Я — нет. А иначе сгубите ли человечества добили бы его моими руками. Моим вторым ударом.

И, кроме того, вспомнил и напомнил я: возмездие всё равно их настигнет и без ответного удара — в виде смертельной радиации от их же собственных боеголовок до разбомбленных атомных реакторов

— Я всё равно промолчу, — сказал человек военный, — никто, а тем более они, не должен знать, как поступлю я.

Да, мы не хотим участвовать в убийстве человечества, ни в первом, ни во втором, ни в каком еще ударе участвовать, потому-то мы за полную ликвидацию ядерного оружия, готовы и с облегчением расстанемся с ядерной „мощью“, нас ничуть не радуют раковые псевдобицепсы, мы не держимся за статус ядерной державы — все наши предложения, моратории, практические шаги навстречу другой стороне говорят сами за себя».

Так кого пожалел автор статьи? Неужто тех, кто ударил бы по его народу? Да нет же, далекого и, может быть, последнего на земле бразильца или австралийца, а точнее — гомо сапиенс, свой род человеческий!..

В ядерной войне победителя быть не может. Это абсолютная истина нашего времени — основа основ всякой реальной политики. Истина, обязательная и для военного мышления — нового мышления.

Мой командир подводной лодки сказал: «Я всё равно промолчу, никто, а тем более они, не должен знать, как поступлю я».

То есть, чтобы не было у возможного агрессора, у любого атомного идиота соблазна уйти от возмездия, отсидеться в бункерах от собственной радиации, ядерной зимы и пр.

Хотя мы-то понимаем и хотим, чтобы все понимали это: успешного ведения ядерной войны не бывает. Кто поведет ее «успешнее», больше бросит боеголовок, тот лишь больший «вклад» внесет в коллективное самоубийство. Такова реальность.

Не задумываться над ней литература не может и даже не имеет права. Отвечать ей на самые проклятые вопросы следует произведениями. Но, когда меня внезапно и напрямую спросил человек военный, я ответил не только из глубины своего взорванного, потрясенного этим немыслимым вопросом-выбором сознания, но и из глубины литературы, в которой Толстой, Достоевский, великие гуманисты всех времен и народов, и у меня, простите, но вырывается это: «Я не нажал бы!»

А вдруг где-то уцелеет благодаря этому очажок жизни, не чужой — нашей, человеческой!..

Сегодня годовщина Чернобыля. Не случайно 26 апреля многим людям постарше напоминало 22 июня. Это действительно стало рядом.

Было всё: и дикая, обидная растерянность, и героизм, и прямые преступления. Было и есть и продолжение всего этого.

Но литература на всё смотрит сквозь призму психологии, нравственности. И на Чернобыль тоже.

От чего нам бы надо избавиться в ходе перестройки, так это от псевдолюдей, псевдоспециалистов, вообще от «псевдо». Явление это зарождалось еще во времена Сталина. Псевдоученые, псевдописатели, псевдокоммунисты и т. д. и т. п.

То, что всё еще происходит на земле Белоруссии и на Украине, — это не позволяет Чернобыль отнести в прошлое. Ситуация всё еще требует вмешательства, и писательского прежде всего. Если не мы, то кто же?

1987 г.

Письмо Е. И. Сизенко, первому заместителю Агропрома СССР

Уважаемый Евгений Иванович!

Общественности Белоруссии известно, что в холодильниках Гомельской, Могилевской областей хранится около 20 тысяч тонн (двадцать тысяч!) зараженного радиоактивного мяса. (Убитый скот из пострадавших от Чернобыля районов).

Представители Агропрома БССР при встрече с белорусскими писателями в июне с.г. признали, что это мясо добавляется в некоторые сорта колбасы («в дорогие, поскольку их покупают и едят понемногу» — так это было объяснено).

Эти грозные запасы будущих болезней увеличиваются и будут увеличиваться, поскольку Агропром не прислушался к голосу тех ученых, которые рекомендовали прекратить всякое производство продуктов питания в сильно загрязненных районах, (а их не три в Белоруссии, а значительно больше!)[85]. Агропром БССР принял к руководству советы «оптимистов» из Московского института питания и др., и теперь мы везем чистые продукты в эти деревни, а вывозим грязные и пополняем те же холодильники.

При этом всерьез говорят, что от лежания в холоде мясо потеряет радиоактивность (по цезию, по крайней мере). Видимо, тоже советы ведомственной (а точнее, надведомственной) науки.

Любой независимый физик объяснит, какая безграмотность — так думать, рассчитывать. (Они это и говорят). А иначе не метались бы целые страны по планете в поисках могильников для радиоактивных отходов: проморозили бы хорошенько и никакой заботы.

Совершенно очевидно, что забота должна состоять не в том, как **реализовать эти «дары Чернобыля»** через «научные» дозы смешивания загрязненного продукта с чистым (а если кто на этом настаивает, ссылаясь на «научные работы», пусть проводит долговременные испытания на самом себе, а не на детях!), забота и трудность в том, как **уничтожить**, захоронить зараженные продукты, не загрязняя почву, воздух, воду. А чтобы остановить дальнейшее воспроизводство радиоактивных отходов, радиоактивности, размазывание ее по продуктам питания (и без того нам хватает радиоактивной грязи) и избавить механизаторов, доярок, их детей от опасной среды в известных нам районах (переселяя, например, на полупустынную Витебщину), конечно же, следует прекратить всякое земледелие в особенно загрязненных местах Гомельской и Могилевской

областей, чтобы не везти туда чистые продукты ради получения грязных. Абсурд, если не что-то большее![86]

Т.е. сделать, наконец-то, поступать так, как рекомендуют серьезные московские и минские ученые.

А это, всё это невозможно сделать без помощи, без активной, смелой, честной позиции всесоюзного Агропрома. Ведь ситуация на десятки и десятки лет (по цезию-137, не говоря о стронции, уране, плутонии и пр.) И нам не спрятать голову в песок, как всё еще прячем: песок-то радиоактивный!

Прошу не рассматривать мое письмо как голос всего лишь одного человека, писателя имя-рек и только. Никакого труда для Вас не составит все сказанное (и неполно еще сказанное) проверить и перепроверить у серьезных и независимых от ведомства ученых-специалистов, да и вообще на месте, в Белоруссии.

Член-корреспондент АН БССР, член Комитета советских ученых за мир, против ядерной угрозы, писатель Адамович А. М.

23.07.87 г.

Письмо Е. П. Велихову

Уважаемый Евгений Павлович!

Это письмо в Агропром (по проблемам, о которых мы беседовали с Вами у Питирима)[87] вызвано их же, агропромовцев, обращением ко мне (через общих знакомых).

Но думаю, что у них собственных силенок для принятия сколь-нибудь серьезных решений не хватит.

Если эта копия письма попадет в руки А. Н. Яковлеву[88] (которого Вы назвали в том разговоре), то тогда, может быть, что-то и сдвинется.

С искренним уважением!

Адамович. 24.7.87 г. Москва.

Честное слово, больше не взорвется, или Мнение неспециалиста

[Письмо написано по личной просьбе М. С. Горбачева и дополнено автором при дальнейших публикациях]

Чернобыль, ситуация в Белоруссии понудили и меня заниматься тем, чем никогда не занимался и даже не думал, что доведется. Такое со многими сегодня случается, и всю ругань в адрес неспециалистов, не в свое дело лезущих, я готов принять и на себя. Но не заниматься «не своим делом» я тоже не могу, не в состоянии, не имею права: слишком близко касается нас всех то, что делают специалисты, результаты их деятельности.

Оговорюсь, однако: то, что высказываю, старался проверить и перепроверить у специалистов самого высокого класса. На них время от времени и буду ссылаться. Конечно, ни на кого не перекладывая ответственность за свои мысли и выводы.

Осенью прошлого года встречался с человеком, который потом, но именно в печальную годовщину чернобыльской катастрофы, произвел страшный расчет с собственной жизнью. Академик В. А. Легасов находился тогда в больнице, мы с ним долго разговаривали, несколько раз он звонил по телефону в свой институт, потом появился врач, я вышел переждать в коридор, но успел уловить их взвешивающий, с цифрами, разговор о «формуле крови» Валерия Алексеевича.

Пережидая врачебный осмотр, изучал свои записи, чтобы продолжить нашу беседу. Что меня поразило: предельная откровенность и какая-то исповедальность Легасова перед человеком, в общем-то, ему далеким, с которым видится впервые. [89]

Уловил я — нет, не теперешнее это, а того времени ощущение! — нечто трагическое в облике, в душевном состоянии человека, с разных сторон причастного к чернобыльской катастрофе. Причастного и к строительству и размещению АЭС (в качестве ближайшего помощника бывшего президента АН СССР А. П. Александрова), и к труднейшей, самоотверженной и опасной работе по укрощению «мирного» атома в Чернобыле.

Но многие из крупнейших специалистов были причастны. Так или иначе. Да только не все потом достойно отреагировали на ситуацию. Некоторые и так: «Наука требует жертв». Кто-то из них спокойно ушел после Чернобыля на заслуженный отдых, кто-то продолжает столь же бездумно, как и прежде, работу по

«аэсизации» нашей страны…

Вот он, разговор с академиком Легасовым, который я тоща записал. (Услышанное от него потом висело надо мной, как грозовая туча. Просто не знал, куда и к кому с этим бежать…)

— Следующий Чернобыль может случиться на любой из станций этого же типа. Но самая вероятная последовательность: Армянская АЭС, Ленинградская, Игналинская…

— Вы в этом убеждены? И я могу записать этот ваш график?

— Можете записать. Не так-то просто полностью устранить важнейшие составляющие чернобыльской катастрофы. Это изъяны конструирования и некачественного строительства. Это до сих пор не найденные принципы создания вполне надежных аварийных систем для таких станций. Это невозможность соорудить над ними «колпаки», хотя бы сейчас. А поэтому повторение случившегося не исключено. (Впрочем, как и на наших химических комбинатах, Днепропетровском, прежде всего.)

— Это понимают и другие ученые?

— Понимают многие.

— Почему же не говорят правительству?

— Видимо, срабатывают старые представления: всё равно никто не услышит, раз такая «линия». Слишком велика инерция, установка на атомные станции вопреки всему. Мы приступили с опозданием на десять лет к широкому их строительству и потому рванули с места в карьер, но налегке, экономя на «колпаках» и прочем, чтобы только больше, побольше за те же средства. Остановиться уже нелегко. Но главное: во всем этом и за всем этим — интересы ведомственные, интересы людей, должностей, групповые, в том числе и интересы разных научных направлений. Я вот собираюсь об этом обо всем написать, обратиться наверх…

Смерть Валерия Алексеевича Легасова тяжко, веско подтвердила значительность и выстраданность того, что он тогда говорил, а я, оглушенный, записывал…

Строительство новых АЭС продолжается, хотя и по несколько сокращенной программе. Переориентированное на ВВЭР (водно-водяные, с водой под давлением) станции, в свое время считавшиеся менее перспективными, более дорогими, нежели реакторы большой мощности, кипящие, канального типа (РБМК).

Гарантия? Не более чем в старой кинокомедии, где продавец изрекает: «Чем товар дороже, тем он лучше».

Мы ведь и вчера (до Чернобыля) читали-слышали те же восторги, похвалы в адрес РБМК, которые сегодня обращены к станции типа ВВЭР. (Правда, уж не говорят, что их «можно устанавливать на Красной площади».)

Одновременно сами же сторонники безостановочного, безоглядного строительства потенциальных Чернобылей вынуждены соглашаться: да, лишь через одно-два десятилетия наука и техника, создав принципиально новые схемы и конструкции ядерной энергетики (может быть, на новом горючем), более или менее снимут проблему катастрофических аварий, а может быть, и проблему захоронения радиоактивных отходов ит. п.

Так что, может, разумнее — пересидеть эти «переходные» годы на наших все еще значительных запасах газа, угля, нефти? Академик А. Е. Шейндлин и его Институт высоких температур АН СССР считают вполне осуществимой задачу — сжигать уголь без излишнего вреда нам и окружающей среде. А то сторонники АЭС все сбивали нас с толку утверждениями, будто Чернобыль не вреднее дымов и саж тепловых станций.

На этот путь встали многие европейские страны, американцы: традиционная энергетика плюс энергосберегающая технология. И вообще они стараются сберечь там, где мы расточительствуем по старой привычке.

За счет лишь энергосберегающей технологии в США сократилось потребление нефти чуть ли не на 25 процентов. Это сколько же АЭС надо было построить? Но они уже не строят новых. После аварии в 1979 году на «Тримайл-Айленд» — ни одной новой АЭС! Ликвидировали или законсервировали даже те, которые были готовы на 70–80 процентов. (Строительные компании эти блоки постепенно вводят в строй, но нового заказа на АЭС — ни одного.)

То же — ФРГ, Англия, Швеция, Испания, Швейцария, Канада, Бельгия (ни одного заказа на АЭС с 1981 года).[90]

Зато возвращаются к малым ГЭС (у нас гигантоманов, полностью истребленным)[91], вспомнили про ветер, приливы, солнце (хотя у них нет Каракумов). Но прежде всего — энергосбережение, энергосберегающая технология, за которую у нас сегодня так ратует академик Е. П. Велихов (Евгений Павлович мне показывал американский фильм, где люди в современных домах живут, как астронавты в своих аппаратах: всё экономно, рационально и прекрасно — потому что не за счет ресурсов, принадлежащих будущим поколениям, а наоборот, сберегая для них богатства земли.)

А мы тем временем заложили, строим еще десяток АЭС и блоков. Академик Н. Н. Моисеев как-то обратил мое внимание: «Посмотрите на эту ужасающую цепь — с юга на север!» (Цепь АЭС, сковавшую нас по рукам и ногам и отдающую в заложники очередным авариям, если вообще не террористам. О террористах,

кстати, академик тоже упомянул!)

Подумали бы хоть раз и всерьез все эти оптимисты-энтузиасты безудержной «аэсизации» энергетики, что произойдет с народом, страной (да мы просто переломимся!), если ахнет еще один Чернобыль…

Ссылаются на единственный пример — Францию. Там АЭС составляют 70 процентов от общей энергетики. Но у них нет наших недр, дающих нам возможность не залезать глубже в ловушку, в капкан, куда попала Франция. Интересно, куда они все попрячутся — французские политики и специалисты, ратующие за АЭС, — когда случится неизбежное — их Чернобыль? Это отлично понимают специалисты масштаба А. Д. Сахарова и поэтому советуют строить эти АЭС, если их строить, под землей, в стометровых гранитных колодцах, А не так и не там, где упрямо видели их, например, бывший председатель Госкомитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц и другие оптимисты-энтузиасты: в самых заселенных районах — прямо на голову миллионам людей и обязательно у истоков жизнепитающих рек (Волги, например).

Не о строительстве новых [станций] хлопотать бы этим людям, раз уж они так или иначе причастны к Чернобылю, тоже повинны в нашей беде, а о том, как мирно расстаться с очень, как оказалось, не мирным атомом — с некоторыми станциями, уже работающими. (Что называется, поймали медведя: «Тащи сюда» — «Не могу!» — «Тогда иди сам!» — «Не отпускает!») Снова и снова на этих АЭС что-то случается.

Мечта: хоть бы уж эти действительно мирно выработали свой ресурс, а потом бы их с честью захоронили. (А еще лучше захоронить досрочно. От греха подальше!) А тем временем, раз своего ума недостает, дождались бы, узнали, куда повернет мировая наука и практика. Впрочем, свои умы и есть и были, только вот не слушали, не слышали их. П. Л. Капица настаивал на том, что неразумно строить АЭС в густонаселенных районах и вообще в европейской части СССР.

Любой новый Чернобыль будет страшнее прежнего еще и потому, что он окажется и крахом перестройки, за ним последуют непредсказуемые социальные, мировые катаклизмы. Преувеличение? Нет! Шоковая оцепенелость первого Чернобыля вряд ли повторится. И массовый героизм — тоже. Можно ожидать чего-то совсем иного, куда более гневной реакции: да что же на самом деле с нами делают? сколько можно?!

Вон как мы выложили всю европейскую часть своей территории атомными станциями: Армения, Литва, Ленинград, Курск, Смоленск, Ровно, Киев, Запорожье, Одесса, Феодосия,

Ростов-на-Дону, Харьков, Воронеж, Горький, Куйбышев, Саратов, Калининград, Уфа, Архангельск… Даже в Крым проникли!

Что еще может не попасть в тридцатикилометровую зону? Какие города-местности. Столицы — какие? Разве что Минск: строящуюся как раз в тридцати километрах от него АТЭЦ, кажется, переделываем на «неатомную». Все-таки не решились наши атомщики подарить Белоруссии еще и АТЭЦ — прямо в столице. Это был бы уже явный перебор после всего, что Белоруссия получила от них…

У энтузиастов повсеместной «аэсизации» нервы крепкие. Если уже они (устами Петросьянца) в первые же дни могли бросить прямо в лицо, в глаза женщинам и детям, бегущим от Чернобыля, как в свое время от фашистов: «Наука требует жертв», — тогда с нервами у этих людей всё в порядке.

А как же с совестью и с гражданской ответственностью?..

Нет, и тут, как и в случае с мелиораторами, без крутого вмешательства общественности нам не спастись. Не остановить ведомственное безумие, когда «проекты века», по словам Б. А. Куркина, слишком начинают напоминать «преступления века». Нынешняя существующая ядерная энергетика, как и возможная ядерная война, затрагивает судьбы всех. («Мирный» и «военный» атомы после Чернобыля в нашем сознании, да и в реальности принципиально сблизились.) Поэтому не должна оставаться проблема развития атомной энергетики в зоне молчания, или недомолвок, или прямой лжи.

Кстати, отчего это атомная энергетика (мировая) прямо-таки плавает во лжи? Уголь, нефть — история их освоения сопровождалась отнюдь не моральными действиями многих и многих (стран, людей). Но чтобы столько лжи? Проклятье висит над атомом! Каким бы «мирным» он ни прикидывался.

Вот куда нужно больше света!

Нет, деятели типа Петросьянца еще не стали днем вчерашним. А тем более не ушла традиция, инерция старого мышления в вопросах новой энергетики.

Новое мышление, направленное прежде всего на выживание рода человеческого, необходимо здесь не менее, чем во взгляде на войны и оружие массового истребления.

Академик В. И. Гольданский утверждает: одна взорванная террористами (или в результате «малой» войны), разрушенная полностью АЭС мощностью в один миллион киловатт отравит столько и стольких, как и ядерная бомба в одну мегатонну.

Если же учитывать долговременное воздействие радиации от разрушенного полностью Чернобыля (к счастью, из него выплеснулось лишь 3,5 процента горючего), то результат был бы

адекватен взрыву бомбы в 10 мегатонн.

Ученые (академик АМН СССР А. И. Воробьев и другие) наконец согласились: основной удар Чернобыля пришелся по Белоруссии — все замеры об этом кричат. Во сколько больше здесь выпало, чем на украинские земли (которым тоже досталось), — об этом ученые еще скажут. А. И. Воробьев считает, что в 8-10 раз. Но кто и что получил (в смысле помощи, внимания), тот уже получил. Тем большего внимания требуют сегодня, хотя и с опозданием, другие пострадавшие земли и люди[92]. И они бы всё это, конечно же, получали аккуратнее, когда бы не помехи со стороны именно тех, кто в беде и повинен, — атомного ведомства.

Наводя густую тень на всё происходящее в этих районах — тень тайны, закрытости всего и вся, — атомное ведомство добивается главной цели: приуменьшить масштабы бедствий. Чтобы сохранить и лицо свое и свою программу строительства новых АЭС, финансы и т. п.

Ведь если всерьез помогать тысячам и тысячам людей, обследовать и спасать их не только от прямых или косвенных заболеваний, но и от продолжающегося облучения (напрямую и через продукты питания), если переселять в действительно безопасное место, тогдаа получится, что важнее они, люди, в сотнях и сотнях по-прежнему опасных населенных пунктах за пределами тридцатикилометровой зоны — в то время как для ведомства всегда важнее всего ведомственная тайна и ведомственный авторитет…

Уже трубят, что людям можно и в тридцатикилометровую зону возвращаться. Безопасно, мол. А главное, они сами хотят, вон — просятся.

Еще бы! Люди ведь правды не знают. Не понимают. И те, кто живет в загрязненных районах Гомельской и Могилевской областей, — не знают. И держатся за свои, ставшие опасными. огороды, хотя беду и чувствуют. А объясни им правду, переедут в Витебскую область, куда их позвали было, а потом звать перестали. Будем делать вид, что не так страшно, а там посмотрим!

А там, предсказывает наука (например, академик А. И. Воробьев), через три-четыре года — всплеск лейкемии, белокровия; через десять-двадцать, в зависимости от возраста людей, раковые заболевания, катаракты, врожденные уродства ит. д.

Уже сейчас вовсю свирепствует «радиационный СПИД» — весь набор обычных болезней в острой форме, вызванный ослаблением защитных иммунных сил. Деревенские старики,

крепкие как полесские дубы, вдруг стали сыпаться. Ну, а дети — тут бы всерьез спросить правдивую статистику! А не ту, которую получаем. Есть такая, например, домашняя хитрость: детей на лето вывозили из зараженных районов, тут же подсчитали, сколько матери брали бюллетеней по уходу за детьми; оказалось, меньше, чем прежде, — ура, болеют реже, чем до Чернобыля!

Вот так и живем!

Или же: картину статистики болезней или смертности изучаем в масштабах области (Могилевской, Гомельской), а не в конкретных пораженных районах (Брагинском, Краснопольском, Чериковском, Славгродском и др.). Сопоставляем, как было до и после, и радуемся: и болеть, и умирать стали меньше! Нет, а вы в тех же деревнях, сопоставьте — и честно, честно! Помогает ли им «улучшившееся медицинское обслуживание»?..

Уж медицина-то точно понимает: что и к чему. Понимает — это заметно. Когда комиссии приезжают в эти районы — обязательно с термосами и своими бутербродами. Простодушные белорусские селяне накрыли столы (по телевизору мы эту стыдобу наблюдали), а медики отнекиваются: дескать, сыты-напоены еще с Москвы. Дескать, у вас тут так мило! И белорусское сало такое на вид аппетитное! Обязательно приедем с семьями отдыхать к вам!

Не один только героизм нашей медицины высветила чернобыльская вспышка. Да, многие врачи, рядовые там, на месте оправдали и теперь оправдывают свое высокое звание. Но и вот факт: только медик в правительственной комиссии не подписал заключение о хотя бы запоздалом выселении Припяти, требовал дождаться, когда ветер повернет на город и наберется столько бэр, сколько предусмотрено в инструкции. А что министры здравоохранения Украины и Белоруссии говорили, как информировали-инструктировали свое население: можно было подумать, что не радиация просыпалась, а манна небесная!

О, это чиновничье упоение причастностью к тем, кто принимает решения, за кем авторитет власти, у кого в руках «тайна» (в наше время поименованная информацией), от кого исходит «чудо» — решать чужие судьбы! Первые недели, месяцы Чернобыля у нас в Белоруссии, как нигде, может быть, напоминали 1941-й. Прежде всего — горе и растерянность матерей и детей, сорванных в беженство, в единочасье потерявших свой привычный надежный мир. Сколько раз это происходило в нашей истории!

Да, уж в этом 1941-й повторился сполна. По неподготовленности нашей к грамотным действиям и всегдашней готовности лишь к одному — лжи во спасение. Просто-таки

фантасмагорической лжи народу, самим себе. «Враг трусливо наступал» — классическая журналистская формула августа 1941-го. И столь же классическое о соловьях, поющих над Припятью весной 1986-го.

…Сцена в приемной ЦК Белоруссии — я тоже устремился к человеку, действия, поступки которого в те дни выгодно отличались от всего, что можно было наблюдать. Возможно, потому что Александр Трифонович Кузьмин — фронтовик и помнил, сколько бед нам причиняла всегдашняя привычка опасаться неудовольствия высшего начальства больше, чем атаки врага…

Сюда вошла (нет, вкатилась, шумно продолжая беседу) очень какая-то круглая группа толстенько-круглых людей. Ощущение округлости, круга возникало, наверное, оттого, что у группы был выразительный, закручивающий всех вокруг себя источник энергии, центр — сам министр здравоохранения БССР. Тесня друг дружку, ревниво подминая чужие голоса, окружение его завершало разговор, ранее начатую тему: как справиться с несознательностью матерей из тех районов? Приехали с детьми, прибежали, ну, ладно, детей привезли и оставьте — вас-то самих мы держать здесь не обязаны! Не хотят уезжать. Сеют только панику, получается, что там очень плохи дела, и не только в трех районах, о которых проинформировали Москву, а в десятках районов… Ну да ничего, уговорим! Физиономии, голоса, торопливость холуйская, самозабвенная готовность авторитетно лгать тем женщинам, только бы начальство было довольно, — я глядел на них, по-видимому, очень зло, как на банду какую-то. Потому что товарищ Савченко вдруг затревожился, наверное, сам взглянул на происходящее посторонним взглядом, услышал не из центра круга, а извне… Он гневно глянул на своих, но где там, они были невменяемы, как токующие глухари!

Скрылись за тяжелой дверью, а когда снова появились, и министр снова увидел сидящего у окна человека, *который слышал*, не выдержал, подошел ко мне.

— Вы кто?

Да, да, тот самый, да, который писатель (кажется, впервые назвался с удовольствием), *который пишет, может написать*…

Нет, не зря он тогда забеспокоился. Как в воду глядел: вот, описываю сцену, которой был свидетелем. А то, что он занервничал, заметив свидетеля, лишь подтверждало: знал, отлично знал он, что не то, не так делало его ведомство. Обслуживая, защищая не интересы населения, а ложно понятый престиж властей, других ведомств. Когда медицина этим — не своим — делом занялась, сказать трудно. Но, судя по всему, это

не вполне кончилось и сегодня…

Увенчивает всю эту медицинскую пирамиду лжи во спасение (во спасение лица атомного ведомства, при этом теряя лицо медицины) сам вице-президент АМН СССР товарищ Л. А Ильин.

Вице-президент Ильин убежден (убежден ли, не знаем, но нас пытается убедить): «… сколько-нибудь значительного увеличения количества больных раком не предвидится, так как оно намного ниже пределов колебания естественной частоты онкологических заболеваний». А уж генетические эффекты радиации, по мнению вице-президента АМН, и вовсе смехотворны: «… вероятность их появления ничтожна» («Известия» от 18 сентября 1986 года).

А вот как об этом высказывается академик Н. М Амосов: «Страшен малейший подъем радиации, даже если его уровень остается безопасным» («Литературная газета» от 27 мая 1987 года). И он всего лишь повторяет то, что прежде и всегда писалось, пока еще не приходилось спасать лицо атомной энергетики, в учебниках по радиобиологии. Кстати, и в статьях самого Л. А. Ильина это можно прочесть. Прежних. Дочернобыльских. Вот золотые слова из сборника «Гигиенические проблемы радиационного и химического канцерогенеза» (М.: 1979. с. 25): о «непревышении дозового предела и снижении дозы до возможно низкого уровня», о «гуманных традициях советской гигиенической науки», предусматривающей «отсутствие порога для стохастических эффектов действия радиации», то есть (если я правильно понял) отсутствие порога для нежелательных последствий радиации.

Ну а как быть с населенными пунктами а Могилевской области — в шести районах, — где хроническое облучение значительно выше нормы?

Когда честный толковый врач (таких много, но строгие подписки «не разглашать!» держат их за глотку) попытался сделать элементарное, что делать необходимо — завести контрольную карточку, ту, что имели солдаты и люди, занятые дезактивацией зараженной местности, когда он захотел наладить контроль за бэрами, получаемыми и колхозниками, трактористами, комбайнерами, работающими в радиоактивной пыли, — это вызвало юпитеров гнев могилевского медначальника. Рассказав об этой здравой и элементарно необходимой инициативе как о чем-то совершенно недопустимом, он заявил собранию медиков в поучение: «Вы подумайте, что затеял! Я ему укорочу руки!»

И укорачивают. Все усилия не на выяснение очагов беды, а на сокрытие. Спасать надо атомную энергетику! Вот и слово емкое изобрели «радиофобия» — для тех, кто больше не верит слепо

специалистам[93].

А ведь знаем, все на местах знают и понимают меру угрозы, опасности. Иначе не возник бы вахтовый метод работы врачей, например, в городе Брагине. Вполне оправданный сам по себе метод: каждый месяц бригада меняется, выезжают, чтобы вывести бэры-рентгены из собственного организма в безопасной местности. Но сразу возникает вопрос: ну, а население, а дети — они ведь живут постоянно! Не вахтовым методом.

Это не значит, что и врачей следовало бы заставить жить постоянно. Наоборот: надо переселить людей, детей особенно. Раз ситуация такова.

Последние изобретения заинтересованных ведомств: будем строить интернаты-госпитали для школьников в зараженных районах. Ничего не жалко. Только бы не вывозить людей и не подрывать «авторитет атома». И действительно, действуем даже щедро и энергично, но внутри схемы, системы, навязанной государству Главатомом. Под покровом тайны, которая и не позволяет ориентироваться в сложной обстановке, действовать с открытыми глазами, а значит, результативно. Скажем так: возможно, переселять в каких-то случаях и не надо, но чтобы знать, так ли это, а не гадать, надо отказаться от ведомственной секретности.

Люди всё равно уезжают, но больше молодые (девушки особенно, им рожать), те, кому легче сорваться с места. Центральное радио как-то объявило, что «в Мозыре решена жилищная проблема». В Припяти решена еще радикальней. Уезжают, и правильно делают. Не удерживает и рубль в день, который мы дарим за проживание в некоторых районах сверх зарплаты. (Народ окрестил эти деньги «гробовыми».) Но говорят, их скоро отменят не потому, что риск уменьшился, а чтобы успокоить. Видите, мол, стало безопаснее, раз «гробовые» отменили! Кроме того, ближайшие соседи недоумевают, протестуют, а нам что, не приходится терять свои и покупать чистые продукты? Почему же нам не платят?

Кто может, кто легче на подъем — бегут, а старых и малых удерживаем «гробовыми» рублями и тайной. Чего не сделаешь, чем не заплатишь, чтобы построить еще с десяток Чернобылей?

А ведь все равно спохватимся — ив этих местностях (беда заставит) и со строительством АЭС опомнимся. Но ведомства, бюрократия и тут, как в мелиорации, будут сопротивляться до последнего. Такова уж природа бюрократии. Даже если вопрос встает о жизни и смерти народа, суть и повадки ее ни в чем не меняются.

Это хорошо заметно и в поведении Агропрома, союзного и

республиканского, по отношению к той же чернобыльской ситуации. Если медицина все-таки работает не столько на себя, сколько «на дядю» — на престиж атомной энергетики (конкретные вице-президенты, конечно, что-то выгадывают на этом и для себя), то Агропром имеет прямую корысть от той бездушной недальновидной практики, которая возобладала в пораженных районах. Здесь снимают урожай, выполняют планы по мясу и молоку и пр. (Кстати, радиация стимулирует рост некоторых злаков, это замечено и даже взвешено: кое-где получили небывалые урожаи зерновых.)

Вывозим зараженную продукцию, а потом не знаем, что с ней делать (но зато отчитались за тонны!). Абсурд! Но абсурд опасный. Ведь мы вместо того, чтобы локализовать радиоактивные местности, постепенно выводить, хоронить радиацию, размазываем ее по всей республике и шире — по стране.

Практика Госагропрома напоминает нам действия некоторых председателей колхозов и совхозов вблизи Чернобыля: те посылают косарей-«партизан», чтобы решить сенную проблему, в зараженную зону. Очень уж хороши там травы!

Надо сказать, что республика обращалась в Госагропром с просьбой: 1) исключить из плана земли, особенно зараженных районов; 2) позволить уничтожить тысячи тонн зараженного мяса, которым забиты холодильники Могилевской и Гомельской областей. (Мясо коров, скота, который вывозили из пострадавших районов еще в 1986 году.) По обоим вопросам — бюрократический туман. Я и сам его вдохнул, этого усыпляющего тумана, когдаа обратился в Госагропром с письмом.

За подписью академика ВАСХНИЛ Н. А. Корнеева получил такое разъяснение: в холодильниках Белоруссии зараженного мяса — «всего лишь» три тысячи тонн…

Белорусские агропромовцы называли другие цифры — семь тысяч тонн, академики АН БССР — все двадцать! Сколько на самом деле и кто съел разницу — пушные звери, как утверждает товарищ Корнеев, или пошло в домешку к фаршу, в добавление к колбасе, как белорусские агропромовцы утверждают; чуть-чуть и в самые дорогие сорта — «потому что их меньше покупают!» — знать это никому не дано. Большой секрет!

Мысль о том, чтобы это страшное мясо, наши будущие болезни, просто уничтожить (думаю, что каждый житель Белоруссии даже заплатил бы за это — только бы не съесть ненароком), мысль эта деятелям из Госагропрома кажется, конечно, кощунственной. И не мяса им жалко — плана!

А тем временем из зараженных районов получаем новые и

новые такие же продукты: везем туда чистые, эти вывозим и разбавляем, размешиваем с чистыми.

А почему бы не иметь в районах этих просто закрытые зоны, заповедники для тех же «пушных зверей». А людей пригласить переехать на Витебщину. Обком Витебский много раз просил об этом: край богатейший, белорусская Швейцария, а население разреженное, потому что в войну здесь погиб каждый второй житель. Обкомы Могилевский и Гомельский не соглашаются терять рабочую силу. Но она все равно теряется: молодежь уезжает, и речь тут идет в основном о детях и стариках, для которых даже норма, установленная тут как допустимая, — убийственна. И как можно уговорить ребенка есть только чистые продукты (если они останутся чистыми в зараженной местности) и не съесть ягоду, грушу — разве только оботрет о курточку? Или ходить по асфальтовым дорожкам (если они есть)? Или, приехав на спецавтобусе из школы, не бегать по пыли, по траве, по лесу?..

Это невозможно. Как невозможно в этой обстановке вырастить и психически здоровых людей, когда всё стало ребенку врагом: трава, вода, небо, дождь…

И еще я прочел в том ответе Агропрома: «Вот бы объединить усилия ученых и писателей в направлении внедрения рекомендаций по уменьшению поступлений радиоактивных продуктов деления в объекты сельскохозяйственного производства — это была бы реальная помощь». И даже такое написали «Вашу руку, товарищ!»

Прекрасная эмблема: три руки крепко держат одна другую — Главатом, Агропром и Медицина. Сюда бы еще руку Союза писателей — ведомственная идиллия!

Итак, подошел критический момент принятия решения. Атомную программу надо пересматривать.

И уж с чем совершенно и категорически согласны все не втянутые в ведомственные интересы, игры ученые: атомное строительство недопустимо в европейской части нашей страны. Тут, наоборот, надо останавливать, закрывать, убирать те станции, которые действительно грозят катастрофой[94].

Необходимо снять завесу ведомственной тайны над землями и населением, пораженными чернобыльским выбросом. Куцые интересы ведомства тут прямо противоположны долговременным государственным. Национальным. Не говоря уже о гуманных принципах — они вопиют! Белоруссии (и именно в Гомельской или Могилевской областях) нужен свой полноценный центр по контролю за долговременными последствиями аварии и независимое от атомного ведомства медицинское обслуживание населения.

И, наконец: о монополии в науке, на этот раз в вопросах энергетики. Академик А. Е. Шейндлин проявил инициативу в создании Московского энергетического клуба (аналог Римского клуба), где бы могла концентрироваться мировая научная информация по этим проблемам, могли проходить испытание дискуссией все новые идеи.

Думается, что такое научное общение даст немало, способно предостеречь от односторонних решений в делах энергетики.

Но главное — создать в науке обстановку, когда «победившее», направление не только не ограждалось бы от контроля «побеаденных» от критики, но, наоборот, как раз бы становилось объектом пристальнейшего внимания общественности.

Разве возможен был бы Чернобыль и всё, что за ним (бесконтрольное размещение АЭС там, где их не должно быть, погоня за мнимой дешевизной конструкций, пренебрежение аварийной защитой и подготовкой технического персонала, не говоря уже о том, что вовсе не учитывался тот общий распад трудовой морали, при котором АЭС превращаются в орудие самоубийства)[95], если бы научная «оппозиция» имела право на критику всего этого, на критику победившего когда-то в атомной энергетике александровского направления?

Тут наша наука вполне могла бы — обязана! — позаимствовать у парламентской демократии. Там именно правящая партия оказывается как бы в невыгодном положении: ее-то как раз и критикуют все, следят за каждым шагом.

Повторяю: всё, что я здесь написал, — результат бесед со многими учеными. Они об этом могли бы сказать и сами — точнее, аргументированнее, против чего-то возразили бы. Кто-то категорически не согласится. Но проблемы эти терзают всех.

Вот и обговорить бы открыто, без «чуда, тайны, авторитета» — этих всесильных бюрократических аргументов.

3-7марта 1988 г., [1991]

Не ослабляйте напора…

Слишком многое загадочно и необъяснимо для нас, неспециалистов (но, оказывается, и для некоторых специалистов), в действиях, поведении, в системе доказательств тех, кто планирует и строит для нас АЭС, обводняет и осушает земли ради возрастающих потребностей наших, издавна освоенные и неплохо кормившие страну черноземы и прочее, и тому подобное.

Летели мы в Индию. Когда я вошел в самолет, глазами встретился с нестарым черноволосым человеком, смотрящим на меня как на знакомого. Поздоровались с той степенью торопливой неуверенности, которая чаще всего свидетельствует, что обознались. Но человек тут же подошел к моему месту, назвал меня по фамилии и предложил выйти поговорить. Я человек деревенский, и это звучит для меня по старой памяти чуть-чуть угрожающе. Но куда тут, в самолете, выйдешь? Приткнулись где-то в переходе из салона в салон. Незнакомый знакомец сразу же заговорил о моей новомирской статье. [1988. № 9. «Честное слово, больше не взорвется…»]. Представился: работает в организации по обеспечению безопасности АЭС, назвал должность очень даже высокую. Конечно же, он не соглсен с направленностью мыслей неспециалиста. Я не очень вслушивался в его доводы, в знакомые интонации: возрастающая потребность в энергии, наше долгое отставание по атомным станциям, неизбежность риска при освоении новых технологий… Лицо и глаза человека — вот что меня притягивало, хотелось обеспокоенно спросить: «Наверное, довелось и вам Чернобыля хватить?» Что-то *легасовское* угадывалось, то, что когда-то в больнице подметил в человеке причастном… Слова же были какие-то заученно холодные, без всякого стремления к убедительности.

Но вот стюардесса попросила всех сесть на свои места и пристегнуться. Мой собеседник приблизил болезненно-бледное лицо, воспаленно горящие глаза свои к моему лицу и, понизив голос, не то попросил, не то воззвал — совершенно неожиданно, почти заговорщицки:

— Не ослабляйте напора!

Так вот в чем дело! Мы не вольны в своем поведении, и нам уже не справиться с самими собой, ведомственными. Ради Бога, остановите нас!

Может быть, я ошибся. Но я услышал, понял это так.

1989 г.

Выступление на открытии Московского энергетического клуба

Для нас огромное событие — организация Московского энергетического клуба. Международного.

Недавно об этом мы лишь мечтать могли: чтобы честные наши ученые и общественность, наши «зеленые» могли бы получить такую точку опоры. В борьбе со всесилием наших ведомств, У нас сколько министерств? Говорят, в Японии — 5. У нас около сотни.

Одни ведомства ведут химическую войну против собственного народа и природы. Другие — с помощью мощнейшей мелиоративной техники, третьи — почти уже атомную (Чернобыль).

Да что ваши военно-промышленные комплексы! Это кошка против нашего тигра — ведомств. У ваших есть конкурирующие фирмы и отрасли, способные им противостоять.

Наши куда более сплоченно наступают на моря, озера, реки, черноземы, воздух, пищу, на наши щитовидки и гены. Единой когортой.

Вот почему и ученые наши, которые не продали душу ведомствам, и «зеленые» наши так рассчитывают опереться на вас. мировую науку, в борьбе с ведомственным Левиафаном.

Вопрос, однако: чью сторону вы будете принимать — в каждом конкретном случае?

Например, когда американские эксперты, этот третейский суд, будут решать, что делать с Крымской АЭС. Оставлять ли атомную станцию на опаснейших разломах земной коры, в курортной зоне страны. Там, где ветра, как ни в какой части нашего юга, где поселки называются Планерскими и Ветряными, — там еще в 20-е годы обучались воздухоплаванию. Само просится — широкое использование энергии ветра, солнца, а не еще один потенциальный Чернобыль.

Почему я начинаю как бы с претензии к вам — мировой науке, хотя всё кажется хорошо: Клуб, наконец, создан, мечта, идея академика Александра Ефимовича Шейндлина (и наша тоже) реализована, и мы теперь не один на один с ведомствами, а наоборот, можем на вас рассчитывать.

Да, но ведь и они на вас рассчитывают. Так что будьте бдительны, как говорил Юлиус Фучик[96]. Или как выражался Заратустра: если ты смотришь в пропасть, то и пропасть смотрит в тебя, приманивает, заманивает.

А у ведомств есть, чем заманить-приманить. На их стороне и огромнейшая армия ведомственной науки, тоже авторитетнейших ваших коллег, для которых, однако, интересы науки — на пятом месте, а на первом — ведомственные. Это на их совести и мертвый Арал, загаженная Ладога, и Ленинградская дамба, и пустыни, превращенные в болота, а болота — в пустыни (как белорусское Полесье). Или в радиоактивные поля обращенные целые районы: сотни и сотни населенных пунктов в Белоруссии — далеко, очень далеко от так называемой «тридцатикилометровой зоны». О, 30-километровая зона! Она завораживает, гипнотизирует и наших, и западных специалистов, и дальше 30 километров многие из них ничего не различают. Или не хотят видеть. Простите, но это слишком напоминает известный фокус: сажают на пол курицу, обводят мелом круг, и она замирает, ни с места, загипнотизированная.

Вот что мы читаем в газете «Правда» о выступлении Марселя Буате — президента международной энергетической организации, о его докладе «Атомная энергетика и экология», прочитанном в Швеции. С высоты французского опыта (семидесятипроцентная «аэсизация» страны) француз поучает шведов: да что же вы так напугались Чернобыля? А мы вот не боимся, наоборот, даже такой грандиозный конфуз атомной энергетики, как Чернобыль, лишь подтвердил, что ничего страшного. Ну, погибли 30, что ли, человек, ну, умрут еще несколько тысяч от рака…

Это все рассуждения в пределах того самого «мелового круга». А для нас тайное уже давно не тайна. Тысячи людей в Белоруссии, на Украине, в Брянской области России столкнулись с проблемой радиационного СПИДа: ослабление иммунной системы и — как результат — радиационные пневмонии, радиационные инфаркты, детская лейкемия. Но и мы еще только начинаем считать, подсчитывать настоящие потери.

Если ученый такого масштаба, как А. Д. Сахаров, убежден, что человечество обязано упрятать мирный атом глубоко под землю, как бы дорого это ни обходилось, он исходит не из примитивной арифметики, а из высшей математики выживания человечества. А иначе нам грозит опасность стать беспомощнейшими заложниками в руках как случая (вроде чернобыльского), так и завтрашних террористов.

А как спорят с Сахаровым? Недавно один полемист из Института имени Курчатова позволил себе иронизировать: хороши бы мы были, если бы Чернобыль построили в глубокой шахте! Во-первых, кто вас просил строить Чернобыль там, где существовала реальная угроза заражения всего водного бассейна

Украины и Белоруссии? Ведь не зря академику Е. П. Велихову и другим специалистам пришлось подводить цементную подушку под четвертый блок — во избежание такого заражения. А во-вторых, и академик Петр Капица когда-то, и академик Андрей Сахаров сегодня имели и имеют в виду шахты делать в каменном, а не в любом грунте.

Вчера я услышал по телевизору: 55 % американцев за строительство АЭС, а 80 % за усиление безопасности атомной энергетики.

Среди многих наших специалистов и обеспокоенных неспециалистов существует убеждение: дальнейшее строительство, тиражирование нынешнего поколения АЭС следует прекратить и заняться именно безопасностью уже существующих АЭС, вплоть до закрытия их, что уже и осуществляется — под нажимом, надо сказать, сверху.

И лишь спустя какое-то время, когда разберемся с уже существующими АЭС и когда, возможно, созданы будут более надежные конструкции их, а возможно, ученые прорвутся и к управляемому термоядерному синтезу (если бросить туда средства, частично отняв их у атомного ведомства), — одним словом, мы свою программу делим уже на два этапа. И под нажимом сверху, и под нажимом общественности: лишь сделав всё, и до конца, выводы из Чернобыля, планировать свое атомное будущее.

Но ведомству невтерпеж, и не хочется ему отдавать средства на безопасность и закрытие ненадежных АЭС да на альтернативные виды энергетики. Ему, как всякому ведомству, хочется расти.

Мы все были свидетелями, по телевизору наблюдали атаку «чернобыльцев» на Горбачева, до неприличия открытую эгоистическую попытку перетянуть Генсека на свою сторону в борьбе с общественным мнением. Чтобы быстренько перевернуть чернобыльскую страницу, закрыть, ничего коренным образом не меняя, а дальше множить, тиражировать всё те же или чуть-чуть подновленные АЭС — видимо, до следующего, столь же неизбежного Чернобыля.

Если бы атомная бомба заключала всего лишь один из миллиарда шанс всеобщей погибели, мы всё равно обязаны были бы ее запретить: слишком высока ставка — жизнь на планете. Но мы-то знаем, что в бомбе не один миллиардный шанс нашей погибели, а гораздо больший.

Если возможен хотя бы еще один Чернобыль — а он возможен на любой из десятка АЭС того же типа, и не только этого типа, — эти станции должны, рассматриваться как объекты повышенного

риска, а некоторые — подлежат немедленному закрытию, чем мы, наконец, и занялись. И здесь слишком высока ставка. Но чтобы увидеть это, надо выйти за пределы того бюрократического круга, в котором нас стремятся держать.

И вот при таких вот обстоятельствах новый директор Чернобыльской АЭС и представитель высшего эшелона ведомственного т. Щербина, и т. Израэль на виду всего честного народа атакуют Генерального секретаря, стремясь получить индульгенцию за старый Чернобыль и карт-бланш для новых миллиардных ассигнований для своего ведомства. Они, конечно же, очень обижены на общественность, которая больше не хочет считаться с секретностью их ведомства.

И вдруг слышат от М. С. Горбачева: нет, общественность нам очень помогла! Нам нужна прежде всего безопасность АЭС!

Нет, не тот это мужик, чтобы провести его на мякине! (Не знаю, как это перевести на другой язык — наш фразеологизм: провести на мякине. Или еще такой: обуть в лапти! Цыгане, уводя чужого коня, на копыта его надевали свою обувь.)

Так что смотрите, уважаемые коллеги, чтобы наши ведомства, изощренные и опытные в таких делах, не провели на мякине вас, не обули в лапти.

В заключение один случай, разговор, который был у меня в самолете, летящем в Индию. Ко мне подошел наш атомщик и стал высказывать свои возражения по моей новомирской статье «Честное слово, больше не взорвется». Высказал все аргументы, которые и в «Новом мире» присутствуют в статьях моих уважаемых оппонентов, а потом вдруг наклонился ко мне и прошептал умоляюще: «Не ослабляйте напора!» Это прозвучало: нас держат за глотку ведомственные интересы, но мы ведь тоже люди и всё понимаем! И вы должны нам помочь спастись от самих себя.

С этими словами я обращаюсь и к вам, крупнейшим специалистам по проблемам энергетики: помогите нам спастись от самих себя!

1 марта 1989 года

Так кто же заплатит? [Туча с грифом «секретно»]

Депутатский запрос
Заместителю Председателя Совета Министров СССР,
председателю Бюро по топливно-энергетическому комплексу
Щербине Борису Евдокимовичу,
Министру атомной энергетики
Луконину Николаю Федоровичу

Начну с объяснения. 26 апреля в Минске состоялся «митинг молчания»: по призыву Белорусского народного фронта тысячи людей собрались у Дома правительства, И стояли молча целый час. Простите за неофициальный стиль, но не «икалось» ли вашему министерству? Потому что, конечно же, люди в своих мыслях поминали и его. Столько лет официальные инстанции молчали о чернобыльской беде жителей нашей республики, ее масштабах, а когда пресса, наконец, заговорила, вот так выразительно помолчали теперь уже они, белорусы…

Годами жителям десятков районов втолковывали, что лишь три белорусских района пострадало, а у остальных всё в норме, И вдруг: «Знаете, тут жить нельзя, а что три года вас тут продержали, извините. Но и сейчас всех переселить мы не в состоянии. Поезд ушел. С финансами туго, а тут еще Армения»[97] … Есть постановление Политбюро о дополнительной помощи пострадавшей Белоруссии, но чтобы переселить всех сейчас, все равно средств не хватит…

Вот одно из писем, которые получаю, конечно, не я один. Возможно, и вам их пересылают.

«Обращаются к Вам жители д. Самотевичи Костюковичского р-на Могилевской обл. с просьбой быстрейшего отселения нас с зоны жесткого радиационного режима.

Я не буду останавливаться подробно на всех фактах, так как Минздрав решил вопрос отселения нас с этой зоны, так как дальнейшее проживание в этой зоне не безопасно для здоровья всего населения.

Зараженность наших земель, то есть посевных площадей, от 45 до 100 кюри на 1 кв. км и выше. (А допустимая норма в пределах 1–5 кюри — так, кажется, по таблицам ученых. — А. А.) На днях обследовали наших детей. В результате обследования выявлено много больных детей: гипоплазия щитовидной железы I

и II степени, увеличение лимфоузлов, анемия, сердечные и нервные расстройства. Врачи сказали, что немедленно надо отселять. Но это сказали врачи и знаем мы. А знает ли об этом Минздрав? Нам сказал обком, что отселение будет через два-три года. А не слишком ли поздно и так уже отселять, не то, что ждать еще три года. Если это угрожает здоровью населения, надо подселять людей в другие районы, в хозяйства, где есть жилье. Мы думаем, что такие хозяйства есть. И мы готовы уехать куда угодно, лишь бы сохранить здоровье детям и самим еще пожить ради своих детей. Пусть нам выплатят компенсации за дома, и мы сами можем трудоустроиться, где кому будет возможность.

По этому поводу мы писали много писем в ЦК КПСС, в ком. общества Кр. Креста, Охрану материнства и др. инстанции, но ответа до сих пор не получили. Видимо, они остались глухи к нашей беде.

А ведь на беду Армении откликнулся весь мир. И им строят. А у нас некому строить, так как наши люди работают в Армении… Автор письма Руденкова Е. М. и другие жители». Так вот у меня вопросы.

1. Правда ли то, в чем жители Могилевщины убеждены (и что подтверждают серьезные ученые), а именно: правда ли, что удаленные от Чернобыля районы Могилевской области — Краснопольский, Славгородский, Чериковский, частично Костюковичский, Быховский, Климовичский и некоторые другие (а также часть Брянских районов) — получили столь угрожающую дозу радиации по той причине, что на них посадили чернобыльскую тучу? Расстреляли ее и посадили. Ту, которая неслась к Москве. Да, восьмимиллионную столицу надо было спасать от «мирного атома». Спасать надо было. Но также и жителей районов, принявших на себя чужую беду. И не три года спустя. Ну а уж если получилось, что три спустя, тогда не медля ни минуты больше. Да, но финансы, все знаем, как круто с этим. Знаем, а потому не только вопрос, но и предложение.

В других странах повелось так: ты отравил, ты заразил, ты и платишь, возмещаешь ущерб. Потому-то в соседней Финляндии нет того, что творится с Ладогой, хотя лесная и целлюлозная промышленность у них не нашей чета — страну кормит.

Раз и мы становимся правовым государством, тогда недостающие миллиарды для спасения лимфоузлов и щитовидок детей Могилевщины, Гомельщины, Брянщины дать обязаны вы, министерство «мирного атома». Спросите: а где мы их возьмем? В других странах ответили бы: а где хотите, там и берите. Но можно и помочь, посоветовать: не построите одну-две АЭС — меньше закрывать придется! (А закрывать не дешевле стоит, чем

построить.) К тому, кажется, идет: Министерство атомной энергетики можно будет именовать Министерством демонтажа АЭС. Почему так получилось — особый вопрос.

Здесь же вопрос, вот какой:

1. Согласны ли вы, ваше ведомство, взять на себя финансовую часть той беды, которую оно же и обрушило на ни в чем не повинных жителей сотен деревень и городишек?

2. Ситуация, в которой оказались люди названных (и многих не названных здесь) районов — результат не сегодня установленной секретности на всё и вся, но особенно там, где пахнет ведомственной вседозволенностью. Мы уже пришли к пониманию (и хочется надеяться, что это найдет отражение в работе Съезда народных депутатов и в законодательных актах нового Верховного Совета), что сокрытие от страны, от граждан, а иногда и от самого правительства нужной информации, приводящее к тяжелым последствиям, — служебное, а то и государственное преступление.

В связи со сказанным вопрос к вам, руководителям атомной энергетики: кто персонально или какие звенья аппарата, вашего и других, прямо повинны в происшедшем, должны ответить за столь непростительное трехлетнее пренебрежение здоровьем и интересами тысяч и тысяч людей? Или если безобиднее ставить вопрос: как получилось, что получилось так?

08.05.1989

«Мы-то переживем, но дети…»

Думаю, что причина общественного резонанса на мои статьи и выступления о Чернобыле — не в каких-то стилистических достоинствах, а в самой проблеме. Прорвало плотину людского горя, гнева, страха, опасения за жизнь своих детей, плотину родительских чувств. Когда произошла трагедия в Чернобыле, у жителей Белоруссии не терялась надежда, что дело поправимо, ситуация прояснится: либо их переселят в безопасные районы, ученые, врачи, государство защитят их от радиации. Защитят их — и особенно их детей, ведь люди привыкли рассуждать так: «Мы уж как-нибудь переживем, чего мы только не испытали — и коллективизацию, и войну, и фашистские лагеря прошли, и „родные“ сталинские… Но дети… Детям-то каково!»

Так поначалу мы верили, что государство нас обережет, скажет нам правду. Но государство про нас позабыло, к несчастью, и пресса безмолвствовала слишком долго. Практически ничего не писали об отравлении воздуха и почвы в Гомельской и Могилевской областях. Люди тешили себя самообманом: раз не бьют тревогу — значит дела наши не так-то уж плачевны! Не могут же наших детей обманывать!

Оказалось, что могут. Все. Чиновники, ученые, врачи, пресса…

Уже при 10–15 кюри на квадратный километр жить опасно, а в некоторых районах Белоруссии степень заражения дошла до 100 и выше кюри. В каком городе я ни бываю, хожу, допустим, по Москве, смотрю на детишек — таких красивеньких, ухоженных, нарядных — и все думаю: а если бы вдруг (не дай Бог, конечно!) мамы этих малышей узнали, что их дети три года жили в условиях повышенной радиации? Какое бы горе испытали эти мамы! Как бы зарыдали эти женщины! Белорусские матери, о, ужас, четвертый год переживают такие страшные, чудовищные душевные потрясения! Представляете?.. И у меня есть данные, что число пострадавших измеряется не десятками, а тысячами. Трагедия не обошла и мою семью — моих племянников, которым в момент катастрофы было по три годика. В лимфатических узлах, в железках племяшей уже есть аномалии. Сколько они за эти три года перепробовали медикаментов, сколько врачей осматривало их, даже в Москву их привозили. И это еще не самый страшный вариант. Они находились в Бобруйском районе, относительно далеко от места взрыва. Что же говорить о более близких к Чернобылю местах! Это никогда не должно повториться! Иначе, как же нам в глаза наших детей смотреть?..

[1989]

«Жить на земле, и жить долго»

Владимир Синельников[98]. Беседа, которую сейчас прочтете, состоялась ровно год назад [летом 1988 года].. Тогда же хотели включить в фильм интервью с академиком Сахаровым.

…А когда картина была готова, те, кто оберегал нас от радиации, теперь уже под знаменем национальной безопасности более полугода не выпускали «Колокол Чернобыля» к зрителю.

…Беседа, с частью которой вы познакомитесь, коснулась широкого круга проблем нашей жизни. Этому во многом способствовало участие в ней Алеся Адамовича (надо сказать, что они встретились впервые в жизни).

…Снимали заседание международного фонда «За выживание и развитие человечества», в который вошел академик Сахаров. Сначала только в Москве…

В. Синельников. В мире сейчас существует неприятие атомной энергетики как таковой. А поскольку скомпрометированы и другие источники энергии, то некоторые считают, что лучше жить при лучине, но только не подвергать себя и своих детей опасности. Что вы думаете по этому поводу?

Андрей Сахаров. Жить при лучине — это значит вообще жить без всяких или большей части достижений цивилизации. Но есть такая эмпирическая закономерность, средняя продолжительность жизни очень сильно растет в линейной зависимости от расхода энергии на душу населения. Поэтому представляется, что в смысле человеческих жертв и человеческих страданий отказ от производства больших количеств энергии на душу населения — это тоже убийство. Только убийство другим способом. Энергия нужна. Только как ее получать сегодня?

Альтернативные, чистые источники энергии в настоящее время экономически не конкурентны с «грязными», даже с гидроэлектростанциями. Это положение, по-видимому, сохранится очень длительное время. Хотя, конечно, и здесь происходит непрерывный процесс. Ядерная энергия сейчас дороже, чем получаемая с помощью привычных источников, но нефть и газ в перспективе будут истощаться, уголь экологически очень вреден, любые тепловые станции создают парниковый эффект. По-видимому, в перспективе все большую и большую роль должна играть все-таки ядерная энергетика. Во всяком случае, на протяжении достаточно длительного времени, на которое мы можем делать технические прогнозы. Ее, конечно, надо сделать безопасной. Тут есть разные пути.

Прежде всего, усовершенствование ядерного реактора.

Созданы водоводяные реакторы, в которых нечему гореть; реакторы с газовым охлаждением, в которых не образуется взрывчатая смесь — гремучий газ; реакторы, в которых при любой аварии происходит уменьшение реактивности. Всё это в принципе возможно. И всё же стопроцентной уверенности в полной безопасности нет. К примеру, проблемы терроризма, обстрела ракетами и бомбардировка с воздуха с применением обычных взрывчатых веществ остаются до тех пор, пока мы живем в таком мире, как сейчас. Мне присылают много писем из Армении, авторы которых очень боятся, как бы какие-нибудь террористы не взорвали их станцию, которая близка по конструкции Чернобыльской… Ну, может быть, несколько лучше…

Алесь Адамович. Академик Легасов мне говорил, что, по его предположению, первой взорвется Армянская атомная.[99]

А. Сахаров. Да, я знаю это его высказывание. На ней уже было много разных неприятностей локального характера… На Ленинградской были еще большие неприятности. В общем, они идут в первом ряду, эти две станции.

А. Адамович. Еще спасибо душманам, что они не пальнули по Армянской станции. Но у них, наверное, такой ракеты нет…

А. Сахаров. Да, им довольно далеко. Хотя в принципе всё могло быть. В общем, вывод у меня такой. — кардинальным решением безопасности является подземное расположение ядерных реакторов.

А. Адамович. А вот что делать с теми станциями, которые уже стоят на земле, и в том числе четырнадцать таких, как Чернобыльская?

А. Сахаров. Надо делать защитные колпаки. Это мера, которая заметно снизит опасность большей беды. Потом постепенно консервировать станции.

А. Адамович. Мне говорили люди опытные в этих делах, что над чернобыльским реактором колпак невозможно создать в принципе и над уже действующими четырнадцатью станциями, подобными Чернобыльской, — тоже.

А. Сахаров. Слово «в принципе» тут, наверное, неточно. Если вложить большие деньги — всё можно сделать. Но, конечно, неизвестно, что дешевле — закрыть реакторы и построить подземные или же… Причем подземный реактор может быть и графитовый, тут мы можем себе позволить это, или водоводяной, какой хотите.

Кроме того, есть очень важный экономический фактор — это консервация станции. Каждая станция, скажем, через тридцать лет выработает свой ресурс, и ее надо законсервировать. Если это была наземная действующая станция, то проблема консервации

необыкновенно сложна, надо делать саркофаг или разобрать ее с помощью роботов и сделать зеленую лужайку. Это стоит почти столько же, сколько построить новую станцию. А подземную вы можете просто закрыть на ключ и оставить навечно.

А. Адамович. Против вашей идеи есть аргумент — подземные воды. Можно отравить подземную нашу коммуникацию…

А. Сахаров. Если делать с умом, то этого не произойдет. Если в скальном грунте — это уже исключено, У нас есть достаточно много мест, даже в европейской части СССР, где геологические условия благоприятны, где почвенные воды текут над непроницаемым глинистым слоем. И вы всегда можете сделать сравнительно дешевый поддон, через который даже расплавленная масса, образовавшаяся при аварии, не проникнет, В общем, при учете геологических условий эта опасность может быть сведена до минимума.

В. Синельников. Можно ли сказать, что проект, методы строительства и эксплуатации Чернобыльской станции предопределили неизбежность трагедии?

А. Сахаров. С полной уверенностью этого сказать нельзя. Но, конечно, в реакторе был ряд недостатков очень серьезных. Возможность аварии, именно катастрофической аварии, была потенциально заложена. Какие это недостатки? Во-первых, отсутствие защитного корпуса. Во-вторых, та, что реактор на графите, а графит может гореть, в-третьих — положительный коэффициент паровой реактивности, то есть при образовании пара система разгоняется, в-четвертых, там такая конструкция регулирующих стержней, что при введении начальной их части реактивность увеличивается. Кроме того, станция не была снабжена автоматической защитой. Современная кибернетика предполагает оснащение любого опасного производства системой, которая должна исключить возможность катастрофически ошибочных решений. Есть менее существенные, но в совокупности очень серьезные недостатки.

В. Синельников. Но на скамье подсудимых после чернобыльской катастрофы были только эксплуатационники, работники станции, а всё, что вы сказали…

А. Сахаров. Это к ним вообще не имеет никакого отношения. Эксплуатационники, работники станции виноваты в том, что они разработали опасную программу испытаний.

А. Адамович. Вот Легасов писал в «Правде», что конструктор станции знал о недостатках, которые вы называли, они были очевидны…

В. Синельников. А вы, Андрей Дмитриевич, в своей статье в «Московских новостях» называете фамилию академика

Александрова.

А. Сахаров. Да, на Александрове, конечно, большая персональная ответственность за выбор этого направления. Перед ним стояла такая дилемма: либо подождать, когда у нас будет построен «Атоммаш», и через несколько лет можно будет делать более совершенные реакторы, либо развивать энергетику на бескорпусных графитовых реакторах, более громоздких, между прочим.

А. Адамович. Можно подумать, что у нас уже не было ни нефти, ни газа, и мы задыхались без ресурсов.

А. *Сахаров*. Ход мысли был такой, что надо начинать, иначе мы потеряем темп, и когда нефти не будет, мы окажемся у разбитого корыта.

А. Адамович. Но ведь теперь уже убедились, что этот тип станции и водяные тоже — вчерашний, может, позавчерашний день атомной энергетики, что, наверное, будут созданы более безопасные станции. Но продолжают в эйфории ставить и множить те же станции…

А. Сахаров. Но новых сверх четырнадцати, насколько я понимаю, не строят.

А. Адамович. А водяные строят.

А. Сахаров. Водяные будут строить до 2000 года, и остановить это ужасно трудно. Для этого нужно волевое решение на самом верхнем уровне. Я считаю, что необходимо прекратить строительство наземных реакторов, хотя это будет означать потерю темпа нашей атомной энергетики на пять, может быть, несколько больше лет.

А. Адамович. Японцы не боятся потерять темп. Они дожидаются новейшей технологии. Мы ведь тоже можем через пять лет взять новейшую, вместо вот этой старой…

А. Сахаров. Японцы не боятся, а мы боимся. На самом деле мы должны вообще отменить пятилетний план по атомной энергетике, потому что и следующий пятилетний план не учитывает изменений экономической структуры государства.

А. Адамович. Он противоперестроечный.

А. Сахаров. Да, он противоперестроечный. Пятилетний план по атомной энергетике всё равно надо выкинуть в мусорную корзину, правда, это удар по всем тем, кто себя связал работой в атомном энергостроении. Создан задел на будущее, а это многомиллиардные затраты.

А. Адамович. Значит, погибай вся страна, но проекты, чтобы осуществлялись, и зарплата шла.

А. Сахаров. Аналогичную картину мы видим в очень большом числе других наших начинаний. Сейчас исподтишка строят все-

таки Волго-Дон-2 и Волго-Чограй и таким образом делают необходимым поворот рек, который действительно необычайно опасен экологически. Это идет по такой страшной ведомственной инерции, за которой стоят, конечно, конкретные интересы сравнительно небольшого числа людей, зато очень влиятельных. Это страшно.

В атомной энергетике действуют те же механизмы. Тем не менее, добиться отмены наземного строительства реакторов необходимо. Я думаю, что это задача очень трудная в смысле психологического поворота мышления.

В. Синельников. Вернусь к Чернобылю. Учитывая масштаб преступления, считаете ли вы справедливым, что не понесли наказание люди, которые гораздо больше виноваты, чем наказанные? Ведь если все останется, как есть, то легко укрепиться во мнении, что ничего не нужно менять.

А. Сахаров. Я думаю, что проблема наказания — это проблема сложная. Всегда в этом есть и отрицательная сторона. Но проблема ответственности и проблема вины, несомненно, должна быть.

А. Адамович. Ну, вот у Легасова, я думаю, это чувство было.

А. Сахаров. Я не знаю, какую он лично играл роль во всей предыстории…

А. Адамович. Ну, во всяком случае, они с Александровым влияли на политику «аэсизации» страны, и в нем чувство вины жило очень сильно. Оно глушилось, но человек, который покончил с собой… Со второй попытки… Я с ним разговаривал. Он мне график назвал взрывов станций, вот говорит: эта взорвется, эта. Я спрашиваю: это понимают другие ученые? Он отвечает: думаю, что да. Почему молчат? Он говорит: клановый интерес. Очень мощный интерес.

В. Синельников. Сегодня общественное мнение предъявляет чрезвычайно большой счет науке и ученым как людям, при содействии которых научно-технический прогресс оборачивается опасностью. Насколько это справедливо, как вы считаете?

А. Сахаров. Ученым все-таки в большей мере, чем ведомственным кланам, присуще чувство ответственности. Но не забывайте, мы только начинаем понимать всё происходящее на Земле в комплексе. Здесь очень трудно выделить главное звено и найти правильную стратегию. Сейчас к этим проблемам привлечено внимание во всем мире, но остановить прогресс невозможно.

Можно ли остановить поиск лекарств, поиск в области биотехнологии, в области генной инженерии? Нельзя. Без генной инженерии мы рискуем оказаться беззащитными перед СПИДом и

перед другими опасностями, которые будут нас подстерегать в ближайшем будущем.

А. Адамович. А если высказать такую мысль, я ее академику Велихову высказывал: если сегодня «запретить» атомную энергетику, гений ученых пойдет по пути поисков альтернативных способов получения энергии?

В. Синельников. А солнечная энергия?

А. Сахаров. Сейчас вкладываются средства в солнечную энергетику, но, наверное, недостаточные. И это не означает еще возможности обойтись без ядерной энергии. Реальный технико-экономический прогноз на ближайшие десятилетия показывает, что она все-таки нужна.

А. Адамович. Мы игнорируем одну, очевидную, вещь. Вот Михаил Сергеевич Горбачев, когда собирал энергетиков-атомщиков, предупредил: еще одна станция взорвется, ни нам, ни вам делать будет нечего в этой стране.

Еще один Чернобыль, и наша страна просто переломится пополам. Никакой героизм больше не спасет. Будет ярость народная. Просто начнут ученых отлавливать, как в средние века врачей отлавливали и топили. Всё будет, всё возможно.

А. Сахаров. Я согласен, что второй Чернобыль, даже не очень большая авария, более локальная, скажем, всё равно будет иметь совершенно неописуемые человеческие последствия.

А. Адамович. И вот тогда начнем закрывать эти станции, впопыхах…

А. Сахаров. Тогда уже будет не до станций, я согласен в этом с Горбачевым. А что ответили Горбачеву?

А. Адамович. Хорошо могу себе представить, как они потупили глазки и сказали: честное слово, больше не взорвется!

А. Сахаров. Речь шла о закрытии четырнадцати станций?

А. Адамович. Говорят, да. Более того, шел разговор о создании независимого института контроля. Но для такого института у нас не находится кадров, то есть специалистов с альтернативными взглядами.

А. Сахаров. Еще раз могу совершенно, авторитетно сказать следующее. Есть одно кардинальное решение: подземное расположение ядерных станций… У нас есть только две возможности: или никакой, или подземная ядерная энергетика.

В. Синельников. Скажите, а практика такого строительства в мире уже есть?

А. Сахаров. Есть, но в небольшом масштабе. В Швеции, во Франции. Я считаю, что должен быть международный закон, запрещающий наземное строительство ядерных реакторов. Международный закон должен гарантировать нас от этой

опасности и одновременно успокоить мировое общественное мнение. Когда люди находятся в панике, это просто ужас. Все-таки значительная часть всех тех симптомов, на которые люди жалуются, — психогенная.

А. Адамович. Понимаете, вот то, что в Белоруссии люди не боятся, выгодно ведомствам и губительно для людей. Они сидят в своих зараженных деревнях. Проложили асфальт до школы, дети едут туда по асфальту, возвращаются по асфальтику, и предполагается, что они не выходят в сад, в лес, в огород. А поскольку все говорят: покидать места эти жалко — родина — и опасность невелика, люди живут. А надо бы испугать, потому что они набирают рентгены… А дети? Вы представляете, дети, для которых враждебен дождь, трава, враждебны яблоко, груша в собственном саду. Представляете, кто это вырастает даже если не биологически, то психологически. У нас только на Могилевщине более тридцати семи таких зараженных населенных пунктов. Но поскольку радиоактивность обнаружена потом, поселки не вошли в сферу правительственных забот.[100] Эти районы как бы не существуют. А в народе ходит упрямый слух, что радиоактивное облако посадили на Могилевщине, на Брянщине. Спасали Москву. Был такой факт?

А. Сахаров. Я думаю, что это абсолютный факт. После выброса, по-моему, 5 мая, возникло радиоактивное облако, которое пошло на Москву, и была применена авиация, выкинувшая соответствующие химикаты. Было ли это целенаправленное действие или осаждение облака в Белоруссии — случайность? Во время американской катастрофы 1979 года многие газеты непрерывно печатали радиационные карты, хотя цифры радиации были очень скромные. У нас же я не видел ни одной карты, опубликованной в печати.

А. Адамович. У нас медики в Белоруссии подняли эту проблему, сказали: дайте нам радиационные карты, чтоб мы могли грамотно работать в этой местности. Никаких карт они пока не получили, ибо всё делается для сокрытия беды…

А. Сахаров. Я считаю, что абсолютно необходимо иметь радиационные карты. Они должны быть доступны медикам, чтобы четко контролировать всю радиационную обстановку. Это даже обсуждению не подлежит.[101] Кроме того, все люди, которые соприкасаются с радиоактивностью или занять! ликвидацией последствий аварии, должны иметь индивидуальные дозиметры. Все люди должны точно знать, что им грозит.

А. Адамович. А как вы посмотрите на такую практику: в районах, где посадили облако, производят сельскохозяйственную продукцию. Но одновременно завозят туда чистые продукты.

Молоко здешнее нельзя пить, овощи и мясо есть нельзя, их отправляют в Могилев, а что дальше делают — большая загадка. Утверждают, что всё это идет для «невредных добавок» в продукты. Агропром настаивал на производстве продуктов в этих районах, хотя наша республика много раз просила исключить их из планирования…

А. Сахаров. Но население надо предупредить… Люди должны иметь право сами решать свои проблемы с открытыми глазами.

А. Адамович. Есть еще одна проблема, уже новейшая, которую вы, наверное, тоже знаете. Мне позвонил один человек (житель из Брянской области). Их 120, которые схватили радиацию, (большинство спасали нас в Чернобыле) и лечатся в московской шестой больнице. Получить спецпенсию им не удается. А когда заявляют свои права, их называют симулянтами. Они писали и Чазову, и в «Литературную газету», но пока безрезультатно.

А. Сахаров. Ложь и умолчание — ужасны, они всегда приводят только к большому вреду.

Я много занимался проблемой радиации в период испытаний. В 53-м году испытания проводили наземно, поднималась радиоактивная пыль. Мы потребовали эвакуации населения из подветренной зоны. Начальство очень боялось огласки, но пошло нам навстречу. Это было в районе Семипалатинска. След накрыл несколько населенных пунктов, но когда оттуда уже было эвакуировано население. Все-таки до, а не после.

А. Адамович. Проклятие лжи висит над атомной энергетикой. Правду говори — не поверят! Андрей Дмитриевич, а я вдруг вспомнил, что вы отец нашей водородной бомбы. Как вы это сами внутренне переживаете?

А. Сахаров. Я, правда, был не единственным отцом. Это коллективное дело, но от этого не менее страшное. Тогда мы были убеждены, что создание сначала атомной бомбы (я в этом участия не принимал), потом термоядерной — необходимо для установления мирового равновесия, для того, чтобы наша страна могла спокойно и мирно развиваться, не находясь под прессом подавляющего превосходства другой стороны. Я и до сих пор не могу этого исключить. Мы — я включаю сюда и американцев — создали оружие, которое дало человечеству мирную передышку. Она еще продолжается. Но я убежден, что эта передышка не бесконечна. Если будет продолжаться ядерное противостояние на таком чудовищном уровне, который достигнут сейчас, то никакое «честное слово» не поможет. Военные уже не умеют обойтись без ядерного оружия. Например, как уничтожить подводные лодки противника с 16 или с 24 ядерными ракетами? Единственный, реальный способ — применить против — ядерное оружие.

Соблазн есть, и большой.

А. Адамович. А вот у нас, у гуманитариев, есть иллюзия, что у физиков должен быть «комплекс Оппенгеймера»[102], синдром вины. Это так или нет?

А. Сахаров. Это иллюзия. Мы себя успокаиваем тем, что мы отодвигаем возможность войны.

В. Синельников. А экстремистская безответственность малых стран?

А. Сахаров. Они пока что все-таки не имеют ядерного оружия. Вряд ли будут иметь в обозримый срок. Во всяком случае, такого, как великие державы, и хотя это антидемократическое решение — о нераспространении ядерного оружия, — оно, по-видимому, было совершенно необходимо…

В. Синельников. Вот о чем я хочу вас спросить. Выплеск апокалипсических настроений сегодня, толки о сроках, которые нам поставлены в Библии, существуют. Всё чаще звучат голоса, что наша цивилизация конечна, как всё в этом мире. Как наука должна отнестись к этим утверждениям?

А. Сахаров. Ну, тут две стороны вопроса. Сначала об ответственности науки. Я считаю, что острота глобальных проблем, стоящих перед человечеством, — экологической опасности, термоядерной войны и других — не просто создана наукой или прогрессом (лучше говорить — прогресс, потому что наука — это нечто более узкое). Она создана, прежде всего, общественным, политическим и социальным развитием мира, его сложившейся структурой.

В мире, разделенном на две системы, существует, можно сказать, глобальная конкуренция, в которой есть фактор взаимного недоверия, есть желание не отстать от соперника, более того, обогнать его. Так называемым реальным политикам (я говорю в кавычках и с иронией) рядом с этим желанием экологические проблемы представляются какой-то романтической мечтой. Мне кажется, что главная опасность для человечества — разделение его на две системы. Именно из-за того оно, человечество, может погибнуть или в огне термоядерной войны, или экологически.

А. Адамович. А может быть, проблема не в разделении на две системы, а в отношении к другой системе как к непременному врагу, который должен исчезнуть с лица земли…

А. Сахаров. Пока две системы существуют и развиваются на параллельных началах, сейчас даже мирно развиваются. Но всё равно обе держат камень за пазухой. Желание не отстать и обогнать сохраняется.

А. Адамович. Но, может быть, это оттого, что каждая хочет

собой заменить другую?

А. Сахаров. Не только поэтому! Нет

А. Адамович. А если чувствовать в другой системе партнера, который помогает мне быть лучше?..

А. Сахаров. Если создастся такая идеальная ситуация, то уже нет разделения на две системы. Это возможно только при сильнейшем сближении. К счастью, в какой-то мере, я считаю, такое сближение реально происходит. С одной стороны, наша административно-командная система, назовем ее сталинистской системой, показала свою неэффективность в условиях научно-технической революции и интенсивного хозяйства. С другой стороны, капиталистическая система вводит очень много социалистических элементов: участие трудящихся в распределении прибыли и в управлении производством. Можно назвать еще и появление государственного сектора в народном хозяйстве, очень мощную систему социальной защиты.

А. Адамович. Значит, мы нужны друг другу?

А. Сахаров. Да, мы нужны друг другу. Но социальная система передовых капиталистических стран гораздо совершеннее нашей. Мы только приближаемся к такой социальной структуре защиты интересов детей, стариков, нацменьшинств, нуждающихся… В обеих системах наблюдаются элементы движения. С нашей стороны — то, что называется перестройкой. Перестройка — движение к плюрализму, в противном случае никакая это не перестройка, одни только слова. А плюрализм это конвергенция, сближение, реальный процесс, который уже происходит, который необходим.

В. Синельников. Слово «конвергенция» стоило вам нескольких лет жизни в Горьком…

А. Сахаров. Да, это слово стоило мне довольно дорого.

А. Адамович. Евтушенко написал в «Советской культуре», что слова «конвергенция» у нас боятся больше, чем ядерной бомбы. Но тут можно и поспорить с вами. Допустим, вчера думали, что национальные особенности будут стираться, исчезать, а сейчас во всем мире они, наоборот, подчеркиваются. И значит, проблема не в том, чтобы их стереть, а чтобы научиться воспринимать дружески чужую особенность. Так же, наверное, и с социальными проблемами. Вовсе не обязательно сближение, но необходимо отношение к другой системе, как к естественному отличию от тебя самого.

А. Сахаров. Есть большое различие между сосуществованием и национальными системами. Мирное национальное сосуществование, безусловно, неизбежно. А сближения социальных систем необходимо добиваться, потому что это

принципиальная задача построения общества, которой непросто найти единственно правильное решение. Оно возможно только на путях встречного движения, взаимного обмена опытом — здесь и нужно сближаться.

А. Адамович. Но ведь обязательно появится мессианство, желание свое навязать другому.

А. Сахаров. Должно быть встречное движение. А мессианство — это всегда экстремизм.

В. Синельников. Вы рискнули бы предположить фатальную нашу обреченность, как это делает религия?

А. Сахаров. Есть общий и несомненный предел существования цивилизации на земле — существование солнечной системы. Это десять — двенадцать миллиардов лет, земля уже просуществовала более трети отпущенного ей времени.

А. Адамович. Ну, Циолковский обещал, что мы превратимся в луче^вую энергию и рассеемся по вселенной.

А. Сахаров. Я думаю, что это не так. Человечество все-таки должно жить на Земле, жить долго, не загубить себя в ближайшие несколько столетий, или несколько десятилетий, или несколько лет. Конечно, в отдаленной перспективе оно будет колонизировать другие миры, что не означает прекращения жизни на земле. И все же разрешите за несколько миллиардов лет вперед не заглядывать, нет никаких данных для представления о том, что там будет. А вся наша цивилизация в сравнении с этим сроком — мгновение.

А. Адамович. Что совершенно точно: слова «капитализм» и «социализм» через миллиарды лет никто знать не будет…

А. Сахаров. Я не знаю, будут ли слова вообще. Может быть, способ общения и мышления будет другой, но это нас совершенно не должно волновать. На тысячелетие вперед планировать жизнь человечества, наверное, можно, но мы должны выйти на какой-то стационарный режим, который совместим с экологической безопасностью. Это произойдет, как я думаю, как я надеюсь, на протяжении нескольких десятилетий или столетий, и в стационарном режиме человечество будет сохраняться, жить на воспроизводимых ресурсах, не нарушая среды обитания, — вот идеальная схема, которая возможна только с использованием достижений науки, будущей науки. Уже сегодня у нас довольно широкий диапазон возможностей. Если вернуться к ядерной энергии, с которой мы начали, то она принадлежит именно к этому диапазону. На путях бедности мы не придем к благополучному миру. К нему можно перейти, только благополучно развиваясь, имея высокий уровень жизни, имея возможность не беспокоиться за себя и за своих близких.

А. Адамович. Но мы ведь согласились: еще один незапланированный «мирный» взрыв — и конец стране.

А. Сахаров. Взрывов быть не должно. Это нужно исключить не с вероятностью честного слова. Не строить наземных станций, категорически не строить. А мы всё время возвращаемся к новым экологически вредным проектам, и каждый проект имеет своих защитников. Нельзя этим защитникам поручать экспертизу на безопасность, это даже психологически для них непреодолимый барьер.

А. Адамович. Вы считаете, что экологическая опасность сегодня становится, чуть ли не номером один?

А. Сахаров. Я думаю, нумеровать опасности — не так уж обязательно. Мы можем без этого обойтись, если примем твердое решение, что не упускаем из вида ни ту, ни другую — ни военную, ни экологическую. Вот такое решение принять необходимо. Вот, например, есть проблема бразильских лесов. Моя жена говорила на Пагуошской конференции, что надо платить бразильцам за кислород. Если мы можем платить крестьянам в Турции, чтобы они не разводили мак, то тем более можно платить бразильцам, чтобы они не рубили свои леса. Это решение может быть принято международной организацией: установить определенный процент национального дохода, маленький процент, скажем, одна десятая процента, на самом деле это будут колоссальные деньги. Я не знаю, какой суммарный национальный доход на Земле, но он триллионами исчисляется… Иначе бразильцы через 50 лет лишат нас «легких», ну просто дышать нечем будет…

В. Синельников. А озонная дыра?

А. Сахаров. Проблема озонной дары очень неясна в научном смысле. Мы не знаем, что является ее причиной, может быть, это проявление каких-то периодических космических процессов, которые Земля уже много раз переживала и выходила из них без больших потерь.

А. Адамович. Японцы уже отнеслись к этому практически, они закрывают фреоновые производства…

А. Сахаров. Есть международное решение по этому вопросу, оно очень интересно составлено, развитые страны сокращают производства, слаборазвитым странам оно разрешено. Советский Союз к слаборазвитым странам отнесен…

А. Адамович. А мы и обрадовались? А была идея у американцев — надувать шары озоном и запускать, то есть латать дыры в атмосфере. Поднимать их туда и там озон выпускать.

А. Сахаров. У меня есть более сумасшедшая идея: колоссальное количество озона образуется при высотных ядерных

взрывах.

А. Адамович. Образуется озон?

А. Сахаров. Да. Так чудесно пахнет после взрыва.

А. Адамович. Да тот ли это озон?

А. Сахаров. Озона двух сортов не бывает. Это как осетрина второй свежести.

В. Синельников. Вы, пожалуйста, не высказывайте эту идею.

А. Сахаров. Да, я боюсь ее высказывать. Но если дойдет до катастрофического положения…

А. Адамович. А вот была когда-то идея одного дипломата: если разоружение не получается, давайте над Антарктидой взорвем водородную бомбу, соберем всех политиков, корреспондентов, пусть посмотрят в натуре, что это такое. Может быть, и напугаем.

А. Сахаров. Один из моих друзей высказывал другую идею. Построить город, людьми его не заселять, поместить там животных… Да… Сделать там коммуникации, газ, провести электроэнергию, в общем, реальный город, потом взорвать большую термоядерную бомбу и показать людям. Это будет реальная демонстрация.

Я должен сказать, что когда в свое время я был на испытаниях, было построено семь или восемь больших зданий, и, когда я шел мимо них разрушенных, это было очень сильное впечатление.

В. Синельников. А у вас есть личная доза облучения?

А. Сахаров. Может быть, и есть. Я совершил большую глупость после испытания 12 мая 1953 года — из машины вышел на поле. Я не знаю, какая там была доза, это было минуты две-три, а потом мы уехали довольно скоро, я не знаю своей дозы…

А. Адамович. Андрей Дмитриевич, вам не приходили мысли о том, что не стоило выносить из лаборатории «рецепт» бомбы? Не кажется вам, что все последующие годы вам приходилось бороться с последствиями своего изобретения?

А. Сахаров. Тогда я считал, да и сейчас считаю, что, передавая это оружие Советскому правительству, я способствовал поддержанию стратегического военного равновесия.

Вообще я человек эволюционирующий… но не настолько!..

[1989]

Телеграмма

Минск ЦК КПБ товарищам
Соколову Е. Е. Игрунову Н.С.[103]

Представители минской общественности обратились ко мне как народному депутату за содействием отметив что городские власти не разрешают митинг молчания по случаю годовщины чернобыльской трагедии Непонятно, как можно лишать людей права выражать подобные чувства. И вряд ли возможно справиться без участия этой общественности с той сложной ситуацией в какой оказались наши южные и восточные районы Мы и без того слишком упустили считая что начальству и специалистам виднее что и как делать кому следует и кому не следует знать всю правду о чернобыльской ситуации Так разумно ли отталкивать общественность и на этот раз Не лучше ли было бы направить эти чувства народа на помощь пострадавшим районам

Алесь Адамович [1989]

Выступление на митинге I\-го «Чарнобыльскага шляху»

Дорогие минчане! Я к вам все-таки приехал, хотя я знаю, что вы очень на меня обижены, что я назвал ваших руководителей «вандеевцами». Я вот что хочу сказать: мы здесь говорим о лицах, которых надо судить. Действительно, Чернобыль связан не только с большой ложью, но и с прямыми преступлениями, служебными преступлениями. И, безусловно, мы придем все-таки к экологическому Нюрнбергу. Это неизбежно в нашей стране. Потому, что если не остановить эту безответственность, эту круговую поруку лжи на всех уровнях, на самых высоких, мы не спасемся, если не от Чернобыля этого, то следующие такие события будут неизбежны. А мы живем в такой удивительной стране, когда всё время одна половина народа со стыдом время от времени встречается с другой половиной народа. В [19]56 году половина страны со стыдом встретилась с той половиной: которая пришла из лагерей, которая сидела в лагерях, про которую мы не хотели знать и не хотели думать. Мы сегодня встречаемся с половиной Белоруссии, которая три года жила за невидимой полосой. Сегодня мы с ними встретились и снова должны чувствовать себя виноватыми. Не только они виноваты, но и мы виноваты.

Достаточно ли ученые вчера делали то, что они делают сегодня и должны делать? Достаточно ли это делали писатели, журналисты, телевидение? Нет, не делали этого. Если бы пришли наши руководители сюда, может быть, они бы вам много рассказали, как много они сделали. Я еще в [19]8б году в мае месяце слышал от Слюнькова всю программу той работы, которая должна была делаться в Белоруссии. Правда, меня тогда немного удивила одна такая деталь. Я ее скажу. Она не документирована, но если человек и откажется, все-таки она была. Помню, меня что удивило. Николай Никитович мне говорит: «Мы были в Совете Министров и нам, не нам, а украинцам (вот здесь украинские товарищи будут выступать) говорят: учитесь у белорусов, надо так, как белорусы». А как белорусы? Мне было сказано: украинский премьер-министр полтора часа плакался, просил помощи, а наш Ковалев за 10 минут сказал, что всё хорошо. Но эти десять минут дорого нам обошлись. Мы отказались от той помощи, которую все-таки получили украинцы. Эта помощь, хоть их тоже не спасает. Им нужна чистая земля. Вот эта наша, белорусская скромность за счет народа. Потому, когда б они сюда

пришли наши товарищи-руководители, они бы рассказали, как сегодня много делается, как кладем мы асфальт, как ставим вместо деревянных каменные столбы, как миллионы и миллионы бросаем на помощь будто бы нашему народу.

Но почему же ничего не получается, кроме вреда, от их труда? Дело уже не только в этих людях, судить нужно не только этих людей, но ту системку, которая каждый раз нас ставит на край гибели. Один из ученых, но он больше энкэведист, чем ученый, академик Петросьянц, когда люди бежали, как в 41-ом году, женщины с детьми бежали из чернобыльских мест, он сказал: «Наука требует жертв». Вся наша история почему-то замешана на жертвах. Мы провели индустриализацию, получили одни жертвы и отравленную землю. Мы огромные жертвы отдали, чтоб создать коллективное хозяйство. И получили пустые магазины, и получили раскрестьяненную страну. Мы в войну победили: 4 или 5 наших человека за одного противника. Мы всё время в жертвах. И вот теперь и Чернобыль — опять жертвы и жертвы. Так, что ж это за такая системка у нас, которая требует от нас всё время жертв, а на 45-ом году после войны страна-победитель не может себя прокормить? Чего же мы ждем? Если мы хотим, чтобы те 700 миллионов, которые Верховный Совет выделил, но и деньги, которые собираем на взносы, на открытый счет, те средства, которые мы будем сами собирать, чтобы они были реализованы опять не против людей, чтоб не эти потемкинские, чернобыльские деревни строили, а спасали людей, то мы должны заменить всех людей, кто, так или иначе, лгал эти три года. И сделать это вы можете. И если белорусы вновь это не сделают, ну что ж, пусть вновь на себя обижаются. Самый реакционный избирательный закон во всех республиках это тот, что выдвинут нашими руководителями. Все реакционные моменты старых законов избирательных у нас здесь присутствуют в этом законе. Поэтому те альтернативные законы, которые выдвигают белорусские депутаты народные, должны быть поддержаны нашим народом. И если этот закон будет принят, тогда все эти «штукары», которые снова и снова хотят сидеть на этом месте и больше их ничего не интересует, они просто уйдут, туда, куда они заслужили.

Я думаю, что может самое главное, что, ждет нас в будущем месяце, это то, чтоб не прошел этот реакционный закон в Белоруссии. Сейчас вот что: на днях в «Комсомольской правде» страшный такой, но выразительный образ был, что из десяти атомных, радиоактивных бомб, которые сбросил Чернобыль на людей, семь взорвались в Белоруссии. Семь бомб взорвались, и никто не услышал, никто не услышал во всем свете, потому что

мы не хотим, чтоб нам помогали. Почему мы не хотим, чтоб нам помогали? А и мы, и вы знаете, кто не хочет, почему не хотят. Когда Сталину, после войны предложили «план Маршалла»[104], он отказался. Почему отказался? Потому, что нужно было показать лагеря, показать зэков, показать нашу системку. Сталин этого не захотел. И народ надрывался 10 лет после войны, поднимая страну. Просто надорвался и психологически, и физически. В то время как Европа, благодаря «плану Маршалла», поднялась. Теперь мы должны, безусловно, потребовать и попросить помощи под проектом МАГАТЭ, ЮНЕСКО. Японцы нам предлагают, предлагает, я знаю, Лос-Анджелес свои дозиметры. Но когда они приедут, настоящие ученые, настоящие деятели науки, а не те, которых приглашают наши Ильины, и лоббисты атомной энергетики. Они раскроют глаза нам на преступления наших служебных, медицинских и научных людей, не всех, конечно.

Я хочу сказать, вот сегодня ко мне подошел человек, который сказал, что те деньги, тысячи уже, миллионы, которые идут на Чернобыль, на помощь Белоруссии, я боюсь, что они пойдут снова на покраску заборов разных, потемкинских деревень. Нужно, чтоб народ и общественность взял под контроль эти средства. Вот взяли 100 тысяч, которые дал Союз кинематографистов, и сделали конкретное дело: забрали интернат сирот и переселяют его. Велихов, который здесь выступал, он договорился с американцами, чтоб тысячу детей белорусских взять и повезти в Америку, Францию. Пусть эти несчастные дети поедят чистые фрукты.

И вот я хочу сказать: общественность, и народный фронт и все общественные организации, и Союз писателей, и ученые должны эти деньги взять под контроль. Нельзя доверять этим людям, которые даже если б хотели сделать добро, они не могут сделать, ибо они не видят человека. Они только видят служебную свою выгоду. Спасибо.

Чернобыльский путь Материалы митинга

Из 10 атомных бомб, которые скинул Чернобыль на людей, 7 взорвались в Белоруссии!

Виновников Чернобыля нужно судить. Неизбежен экологический Нюрнберг, ведь если не остановить эту безответственность, эту круговую поруку и большую ложь на всех уровнях, мы не спасемся и от Чернобыля, и от неизбежных новых катастроф.

Половина территории Белоруссии 3 года жила за невидимым барьером. Мы все виноваты в этом: достаточно ли ученые, писатели, журналисты били тревогу? Нет! Многое об этом могло бы рассказать белорусское партруководство во главе со Слюньковым и Соколовым, которое не настояло на немедленной помощи пострадавшим районам (в отличие от Украины).

Сейчас в зараженной зоне положен новый асфальт, вместо деревянных построены каменные дома — миллионы рублей выброшены на ветер — ведь людей оттуда нужно было давно выселить. Судить нужно не только безответственное начальство, но и Систему, в который раз ставящую нас на край пропасти.

Академик Петросьянц заявил, после аварии: наука требует жертв. Но вся наша история почему-то замешана на жертвах: итог коллективизации — одни жертвы и отравленная земля, пустые магазины и раскрестьяненная страна; войну выиграли, отдав за одного немца 4–5 наших людей. Что же это за Система, которая всё время требует жертв и на 45-м году после войны не может себя прокормить? Чего же мы ждем?

Если мы хотим, чтобы 700 млн. рублей, собранные в Фонд Чернобыля и выделенные Москвой, были потрачены вопреки здравому смыслу, чтобы не строили опять показушные деревни, а спасали людей, мы должны заменить всех тех, кто, так или иначе, лгал нам эти 3 года! И после демократических выборов все эти хитрецы, которым очень уж хочется уцелеть на своих постах и которых больше ничего не интересует, просто пойдут туда, куда они заслужили.

Почему они не хотят помощи? Сталин, когда СССР предлагали после войны «план Маршалла», отказался, ведь тогда нужно было показать лагеря, показать зэков, показать нашу Систему. Сталин этого не захотел, и народ 10 лет после войны, обновляя страну, просто надорвался психологически и физически. А в это время Европа благодаря «плану Маршала» поднялась куда быстрей. Теперь мы обязаны просить помощи МАГАТЭ, ЮНЕСКО, ООН, Японии (современные дозиметры) и США, и приехать

должны не лоббисты атомной энергетики (типа Ильина), а настоящие ученые, которые раскроют нам глаза на преступления наших царедворцев и придворных ученых, которые не видят живых людей, страдающих из-за их самоуправства.

Общественность должна взять под контроль народные средства, собранные в Фонд Чернобыля. Союз Кинематографистов БССР, выделив 100.000 рублей, смог переселить сирот в безопасные районы. Есть договоренность с США и Францией о лечении тысячи белорусских детей.

[1989.30.09.]

«Наконец заговорили о Белоруссии…»

Наконец заговорили о Белоруссии — в связи с Чернобыльской аварией. Из десяти «хиросимских» бомб (если сравнивать радиационное заражение), как сказано было недавно в «Комсомольской правде» (от 2 сентября), семь накрыли Гомельскую, Могилевскую и частично другие области и районы именно этой республики. Уж насколько многотерпеливый народ, но терпение и его иссякло — и тогда заговорили. А какой ложью (высокопоставленных медиков, биофизиков, партийно-советских визитеров) испытывали доверие народа: мол, еще полгодика, годик, и мы сами будем приезжать, с собственными детьми к вам отдыхать, на ваше прекрасное молочко, по грибы!.. И строили, строили, не жалея сотен миллионов рублей и дефицитных материалов — только бы не отселять, только бы изначальная неправда, заявленная ими и их предшественниками (мол, лишь три района неблагополучные, а остальное чистенькое!), чтобы всё это продержалось еще, не рухнуло. А тем временем кто-то пойдет на повышение, а кто-то на заслуженный отдых, а кто-то диссертацию завершит… Большая ложь аппарата принимала всё более бесчеловечные формы. И вот пришла пора: заговорили о Чернобыле, как о преступлении — служебном, «научном», просто уголовном. Об «экологическом Нюрнберге…»

А они защищаться, а они наступать, естественно — аппарат это делать умеет.

Судебная повестка, Наровля, народный суд вызывает Вас к 11 часам 30/ 09. 1989 г. для беседы по адресу: Наровля, народный суд (и адрес, фамилия вызываемого).

Приглашения в суд, к прокурору получили в эти дни сотни жителей пострадавших районов. В связи с заявлениями или просьбой — разрешить им митинг в столице республики. Всех кто подписал просьбу — в суд, «на беседу», ГАИ получило указание не пропускать автобусы…

А тем временем в столице этим людям приготовили жилье в квартирах минчан, походное питание — это люди из «Народного фронта», ну, а власти объявили выезд на субботник, нет, нет, в их же, пострадавших, пользу. Но встречаться им ни к чему. Пусть они будут там, там и разберемся, а мы здесь… Ну, совсем как в 1956 г., когда две части народа, которые «там» и «здесь» должны были повстречаться. А начальству волнение: а не сработает ли критическая масса!

Пока на окраинной улице Минска для «Чернобыльского марша» к Дому правительства собралось людей еще около сотни,

минчан и тех, кому все-таки удалось прорваться из «зоны» — милиция разговаривала одним тоном: нельзя, никуда не двигаться, потому что нельзя! Когда собралось людей тысячи, тон стал меняться: взывать стали к авторитету народных депутатов. А когда 30 тысяч, 50 тысяч — пришлось открыть проспект для марша с черными полотнищами, на которых: Хойники: цезий — 60 кюри на км^2, стронций — 70,9 кюри на км^2; Ветковский р-н: — 50,175; Климовический — 47; Костюковичский — 71; Быховский — 30 кюри…

У Дома правительства люди останавились и назвали тех, кто все три года осуществляли политику успокоения жителей этих районов, а сегодня сказали, в какой уже очередной раз: мол, ошибка, признаем, зато вон какую программу предлагаем, с вами мы!

Но не вышли. И тогда заговорили сами люди из тех районов. Митинг длился около трех часов, а назавтра — пресс-конференция этих людей, простых женщин, мужчин из деревень и поселков, где бюрократия поставила еще один преступный эксперимент. По выживанию. Собстенному выживанию в условиях перестройки. В резолюции митинга минчан и людей из пострадавших районов одно из главных требований: начать расследование по чернобыльскому преступлению лиц и организаций к нему причастных.

А также — практические предложения и требования, соответствующие масштабу бедствия, которое обрушилось на эту частичку человечества — Белоруссию.

[1989]

Ратаваць будучыню

[Выступление на прэс-канферэнцыі пасля «Чарнобыльскага шляху»]

— Раней нам даводзілася слухаць несумленных спецыялістаў, такімі іх рабіла прыналежнасць да ведамаснага інтарэсу, — тады мы уступалі ў спрэчкі. Нам даводзілася складана, бо у вучоных былі аргументы. Вось, скажам, пасля артыкула «Честное слово, больше не взорвется!» у «Новом мире» да мяне зачасцілі спецыялісты з курчатаўскага інстытута і заманьвалі, заманьвалі ў свае сцены. Давайце, казалі, паспрачаемся. Але як мне, неспецыялісту, з імі спрачацца? Я ім прапанаваў знайсці нейтральную паласу, запрасіць навукоўцаў, якія стаяць на супрацьлеглых пазіцыях, — і тады ужо размаўляць. Дзякуй Богу, што ў грамадстве адбыліся таюя змены, якія даюць магчымасць выступаць сумленным спецыялістам. Радасна, што беларусюя вучоныя сёння стаяць на перадавых грамадзянскіх пазіцыях. Праўда, не усё ад іх залежыць — пакуль што застаюцца нейкмя галоўныя рычагі ў руках апаратчыкаў, якія дастаткова выразна праявілі сябе ў чарнобыльскай сітуацыі. Сказаць, што яны праявілі некампетэнтнасць, — гэта самае мяккае абвінавачванне. Яны паказалі няшчырасць перад сваім народам. Не мелі даных? Мелі. Але (акрамя, бадай што, былога сакратара ЦК КПБ Аляксандра Трыфанавіча Кузьміна, які ўсё ж спрабаваў змагацца) хавалі іх у сейфах. З разлікам, што, маўляў, я потъгм куды-небудзь з'еду і праз два-тры гадочкі ўсё забудзецца. Дык вось, пакуль рычагі ў руках тых хто праявіў абыякавасць да лёсу народа, «неспецыялістам» трэба не з вучонымі перацягваць канаты, а вось з гэтай кагортай. Так, Чарнобыль — гэта пытанне больш чым маральнае, гэта — пытанне палітычнае і, магчыма, юрыдычнае.

Выступалі таксама Г. Грушавы, С. Шушкевіч. З. Пазняк, М. Ігнатовіч, І. Ліштван, Я. Пятраеў, А. Шадыра, іншыя.

[1989]

Заключительное слово А. Адамовича на пресс-конференции после «Чарнобыльскага шляху»

Наверное, я не вам буду давать напутствия, а просто, поскольку здесь сидит пресса, которая тоже под прессам здесь у меня на Родине. Я хочу им сказать, что, наверное, нужно рваться как-то быстрее вперед. Вот могу сказать, что в эту среду, или в следующую среду у нас в газете «Московские новости»[105] будет отчет о круглом столе, где присутствовали люди, которые занимаются этой проблемой из Украины, Белоруссии, а также из русских областей. Там оговорено уже всё до конца. Называются фамилии, называются организации, называют и тех, кто имеет отношение к преступлению под названием «Чернобыль». Поэтому я думаю, я знаю, что всё в ваших руках. Могут появиться и появятся, наверное, такие отчеты, которых затем можно и стыдиться. Но, наверное, нужно что-то делать уже всерьез, потому что сегодня мы говорим о служебном преступлении, так сказать, людей административной системы, а завтра будем говорить о профессиональном преступлении работников печати, так что давайте, не будем сами себе создавать проблемы.

[1989]

Письмо М. С. Горбачеву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

В Белоруссии назрела взрывоопасная ситуация. Это сегодня не новость, к сожалению, в нашей стране. Но мы решили Вам написать, потому что побывали в Минске во время Чернобыльского марша, разговаривали с людьми из 12-ти пораженных радиацией районов и поняли, как можно хотя бы на ближайшее время несколько разрядить обстановку.

Когда даже такой уравновешенный человек, как белорус, изо дня в день наблюдает, как дети его становятся анемичными, теряют сознание, а из носа, ушей идет кровь, но даже фруктами, овощами со своего огорода, молоком от собственной коровы не может поддержать их — всё отравлено радиацией — он способен взорваться в любую минуту. Никакие обещания властей или ученых исправить положение и даже переселить деревни в чистые области и районы, а тем более, когда всем ясно, что 500 населенных пунктов — это очередь на несколько лет (после того, как уже прожили три года в опаснейших зонах), обстановку не разрядят. Нужны немедленные практические меры. Мы видим такой вариант: всех детей из подлежащих переселению мест отправить на проживание и учебу на всю осень, и зиму в незаполненные дома отдыха и санатории Крыма и Кавказа. (А возможно, и в другие места, притом с учителями, а в некоторых случаях с матерями или бабушками — то, что предпринято было после землетрясения в Армении.)

Только обезопасив детей (это касается таких же районов Украины и Брянщины, но мы считаем, что в Белоруссии накалилась обстановка особенно), можно предотвратить назревающий взрыв. И нельзя будет потом винить этих людей — дети ведь, об их здоровье и жизни стоит вопрос!

2.10.1989 г. Е. П. Велихов
А. М. Адамович

Где средства взять? Прекратить дальнейшее строительство в зонах, подлежащих переселению. Поселок Майское на Могилевщине обошелся в 12 млн. рублей, а жить в нем никто не будет — это не единичный случай. Эти-то средства и нужно использовать на реальную помощь людям.

Белорусская беда

Жертвы Чернобыля на улицах Минска

Не из всех зараженных чернобыльскими выбросами районов Белоруссии, а лишь из двенадцати смогли пройти маршем по Минску 30 сентября — те, кто вырвался из «зоны». Что за нелепость, почему этим людям пришлось вырываться и прорываться к собственной столице! Ну а почему, можно спросить, многие из этих районов вообще не числились в списках пострадавших? Вначале, и очень долго назывались лишь три района: Брагинский, Наровлянский, Ельский.

Когда Белорусский народный фронт откликаясь на зов о поддержке местных «инициативных групп по самоспасению», объявил о марше «Чарнобыльскі шлях», власти тут же назначили на этот день выезд города на субботник. Субботник неподготовленный, экспромтный — только бы не встретились минчане с людьми из «зоны».

Невольно вспоминаешь 1956–1958 годы, когда состоялась встреча двух «половинок» народа и одна тоже вырвалась и тоже из «зон». Разные вещи? Может быть, и разные. Но как, наверное, аппарату тоже неуютно было от этой встречи…

Потом на митинге у Дома правительства, а также на пресс-конференции жители из «зоны» показывали повестки в суд, вызовы к прокурору — в ответ на заявленное желание участвовать в марше. ГАИ имела приказ не выпускать подозрительные автобусы из Наровлянского района, из Хойникского, из зараженных районов Могилевской области…

И все-таки состоялись и марш и митинг. Минчане разобрали приезжих по квартирам. Пока людей собралось лишь несколько сот, у властей с ними был короткий разговор: нельзя, потому что нельзя! Через час было уже несколько тысяч, а к 14 часам — более 30 тысяч. Пришлось открыть для них проспект Ленина. На черных полотнищах, идущих под холодным дождем: Хойникский район: цезий — 60 кюри/км^2, стронций — 70,9 кюри/км^2, Ветковский район: цезий — 50, стронций — 175; Климовичский: цезий — 47; Костюковичский — 71 кюри/км^2…

И конца этому нет. Да, не такая уж малая республика Белоруссия, но для такой неохватной беды — мала. Едва ли не треть ее территории стала опасной для здоровья, для жизни. Но три с половиной года сотни тысяч прожили (живут) там. И нет виноватых, вроде бы нет. Ученые, медики? Так они не имели

достаточно данных, а какие имели, на это власти не реагировали, наоборот, запрещено было разглашать. Власти? Их дезинформировали специалисты, а вот теперь, когда узнали степень угрозы, всё будет иначе. Атомное министерство? Так оно, оказывается, и есть пострадавшая сторона. В «Известиях» мы вычитали недавно, что собранные народом деньги для жертв Чернобыля — миллионы и миллионы — в немалой доле пошли на возмещение его расходов. Убийца получил компенсацию от жертвы. Куда уж дальше по пути бюрократического абсурда?

У Дома правительства люди остановились, чтобы пригласить на митинг тех, кто мог бы объяснить, как оно так получилось. Выйди они на трибуну, могли бы рассказать, какие несчитанные миллионы вложены в программу спасения… нет, не людей, а престижа тех, кто не желал в 1986 году ни видеть, ни сообщать правду о масштабах бедствия, обрушившегося, прежде всего, на Белоруссию. Сколько построено домов, деревень (сегодня навсегда оставленных), асфальтовых дорог, только бы люди не спрашивали, сколько этих самых «кюри» да «бэров» у них в спальне или в волосах детей. Не спрашивали хотя бы до тех пор, пока не уйдет чиновник на повышение, а кто-то не дослужится до персональной пенсии, не защитит диссертацию. На беду нашу, похвалили тогда, в первые месяцы Чернобыля, белорусское руководство, поставили его даже в пример украинцам: учитесь, мол, не плачутся, не просят помощи, на себя рассчитывают! С этого и началось? О, этот административный восторг!..

Никто не вышел к 30 тысячам. С ними говорили те самые люди из «зоны», историки, литераторы да ученые (из Москвы Евгений Велихов!).

В единогласно принятой резолюции есть требование: расследовать деятельность лиц и организаций, ответственных за чернобыльскую ситуацию в Белоруссии, а также обратиться за помощью к международным организациям. Спасать приходится уже целый народ: безответственная показуха, недооценка, а то и сознательное искажение масштабов бедствия привели к безудержному размазыванию радиации и там, где ее вначале не было.

Экологические Куропаты ждут своего расследования. И также средств, мер, которые уже не по силам одной республике.

1989

Большая ложь
Кто ответит за умолчание истинных причин и последствий чернобыльской трагедии?

I Круглый стол «Московских новостей»

Ю. Щербак: Ложь началась не сейчас — три с половиной года назад. Полагаю, самой существенной правды об аварии мы еще не знаем.

Первое…ряд очень крупных и ответственных специалистов пришли к выводу, что главной причиной аварии явились заложенные в сам реактор РБМК-1000 конструктивные недостатки в системе безопасности.

…Второе. Необходимо ответить на вопрос: куда пошла информация об аварии, каково было ее качество и на каких «этажах» она искажалась?

…А киевская первомайская демонстрация?…Что это — безграмотность? Или же такое, с позволения сказать понимание долга, который диктует: лучше самому стать жертвой радиации — только бы не говорить правду людям.

…*А. Адамович*: Аналогичная картина была и у нас, в Белоруссии. В первые дни после аварии наш белорусский профессор-ядерщик В. Нестеренко обратился к республиканскому руководству с перечнем незамедлительных мер, включая эвакуацию населения. Напомню — коли мы говорим о конкретных лицах — первым секретарем ЦК БКП тогда был нынешний член Политбюро, секретарь ЦК Н. Слюньков, Председателем Совмина БССР — ныне занимающий эту должность М. Ковалев. Так вот, Нестеренко в высоких сферах ответили в том смысле, чтобы он не лез не в свое дело, и попросту выгнали из кабинета. Ну, Нестеренко, не будь дурак, взял дозиметр и пошел мерить фон у цэковских секретарш и посеял там такую панику, что пришлось начальству как-то реагировать. Но именно «как-то». Десятки тысяч людей, накрытых радиационным облаком, остались жить там, где и живут по сегодня.

«МН»: Итак, очевидно: ложь вокруг чернобыльской катастрофы началась с первых ее мгновений. На первом году перестройки, когда гласность лишь пробивалась сквозь мерзлоту

сталинского социализма, отлаженный механизм секретности и полуправды, что называется, не засбоил. Простить это, конечно, нельзя. Но подобное можно хотя бы — зная наши реалии — как-то понять. А дальше? Казалось бы, сама обстановка в стране уже не позволяла говорить неправду?

…*А. Адамович*: Теперь я хочу сказать, что преступление, которое началось в 1986 году, продолжалось и продолжается. Менялись его формы, но оно ничуть не становилось меньше. Я спрашиваю себя: почему молчали три года и не говорили о степени радиационной загрязненности Белоруссии, Украины, Брянщины? Почему на подтверждение этой лжи была задействована и местная наука, и московская, в особенности Институт биофизики Минздрава, возглавляемый вице-президентом Академии медицинских наук (!) СССР академиком Ильиным? Лишь спустя три года после Чернобыля, наконец, сказали: треть Белоруссии заражена, пятая часть пахотных земель «убита». Вот цифры: РСФСР — 1000 квадратных километров «грязной» земли, УССР — 1500, БССР — 7000 квадратных километров! Врать продолжали даже тогда, когда стала всплывать информация, убеждали, например, что никто не умирает от радиации. Но когда вскрывали людей, умерших якобы от других болезней, например, от ишемии, то оказывалось, что у них в легких — это зафиксировано белорусским профессором Е. Петряевым — в огромном количестве так называемые горячие частицы. До 15 тысяч! 2000 таких частиц — гарантия рака…

А. Адамович: На Съезде народных депутатов мы все наблюдали за перепалкой между председателем Госкомгидромета Ю. Израэлем и Председателем Президиума Верховного Совета УССР В. Шевченко, как они пытались друг на друга свалить вину. Шевченко обвиняла Израэля в том, что он давал в республику не ту информацию, а Израэль, в свою очередь, теперь выплескивает на страницы газет документы, показывающие, что он всегда говорил правду, только правду и ничего, кроме правды. Наш академик Борисевич рассказывал мне, как он пришел к Ю. Израэлю с данными о катастрофическом положении шести районов Могилевской области — теперь тому много свидетельств. Израэль же перед ним выложил документы, что всё-де в порядке. Но я не удивлюсь, если завтра у него окажутся и документы обратного порядка.

Однако я не стал бы обвинять только аппаратчиков и бюрократов. Хотя, конечно, вина таких людей, как Щербина, который был председателем правительственной комиссии, огромна. Немалую долю вины должны с ними разделить и наши ученые, и физики, и медики. Как же медики могли подписывать

документы, скрывающие истину от людей и тем обрекающие их на страдание? И отвечаю: это клановое мышление. Оно есть везде. Но у нас оно приобрело гипертрофированные размеры, ибо получило колоссальную идеологическую цементировку.

Ю. Щербак: Наука и медицина превратились у нас в служанок политической системы. Это самое страшное, что может с наукой произойти.

«МН»: Итак, вскоре после аварии на Чернобыльской АЭС стало очевидно, как пагубно сокрытие правды. Но и эта очевидность мало поколебала тех, кто продолжал пребывать в уверенности: одна гласность — для всех, другая — для избранных. В зонах повышенной радиации болели дети, умирали или кончали самоубийством взрослые. А страна читала Гроссмана и готовилась печатать Солженицына — узнавала правду о своем прошлом и хотела верить, что нет зон, закрытых для гласности. Но зона чернобыльской лжи оставалась. Теперь и это очевидно. Какие же сделаны выводы?

…*А. Адамович*: Раз, начав говорить неправду, трудно остановиться. Новая неправда, свалившаяся на измученных людей, которые уже не знают, кому верить, и не верят теперь никому, — это так называемая концепция 35 бэр. Такую предельно допустимую дозу, полученную в течение жизни, определили для пораженных районов ученые из центра во главе с академиком Л. Ильиным. Определили для всех — для здоровых мужчин и для беременных женщин, для стариков и детей. Против этой концепции выступили и белорусские, и украинские ученые, доказывающие, что расчет, мягко говоря, некорректен, что он не учитывает, сколько люди нахватали радиации в первые дни и месяцы аварии; не учитывает расчет и степени радиоактивного заражения воды и почвы, не учитывает, наконец, что люди вынуждены питаться «грязными» продуктами. Но не учитывать это невозможно! Можно только на это закрывать глаза! Зачем? Затем, что если больше 35 бэр, людей надо отселять.

Белорусских ученых упрекают в некомпетентности, поскольку комиссия ВОЗа согласилась с этой концепцией. Действительно, согласилась. Но когда профессора Пеллерина в Белоруссии спросили, почему он поддерживает концепцию, он ответил просто: «Но у вас же всё равно нет денег на переселение». Хотя бы честно! Кстати говоря, буквально несколько дней назад, на сессии, я говорил с академиком Велиховым, и он в присутствии Горбачева и Рыжкова сказал, что все эти 35 бэр взяты с потолка, что ясно: люди не должны жить там, где они не могут съесть картошку с собственного огорода, выпить молока от своей коровы.

Ю. Щербак: У нас в стране принят документ «Нормы радиационной безопасности» (принят он, в частности, тем же Ильиным), где сказано, что за превышение радиационных норм положена уголовная ответственность. Так вот 35-бэровская концепция находится в полном противоречии с этим документом. И второе. Международный комитет радиационной защиты постоянно снижает порог предельно допустимой дозы. Выступавший у нас на парламентских чтениях по поводу челябинской аварии Жорес Медведев говорил, что для профессионалов, то есть для людей, работающих на АЭС, ПДД снижена до 20 бэр. А у нас для детей 35!

…И два слова о нынешней ситуации в Чернобыле и на станции. Передо мной газета «Трудовая вахта», которая издается в зоне Чернобыля, датированная 20 июля 1989 года…Цитирую: «…предстоит пересмотр чернобыльской трагедии, это будет, когда общество избавится от гнета официального мнения, когда будут лишены рычагов давления Щербина, Чазов, Ильин, Луконин, Израэль и все, кто с ними работает. Когда закончатся успокоительные оценки Минздрава? Пора бы также узнать и обнародовать имена тех, кто выбрал место для Славутича и заставил нас решать сложные психологические проблемы и немалые дополнительные расходы». Речь идет о том, что город Славутич построен на «грязном» цезиевом пятне, и поэтому большинство персонала, располагая данными дозиметрического контроля, отказывается здесь работать.

А. Адамович: А теперь давайте посмотрим, во что эта ложь вылилась. А вылилось это в большое преступление уже перед всей страной. Вместо того, например, чтобы вовремя локализовать радиацию, не дать ей расползтись, ее «размазали» сначала по Белоруссии — если на Украине еще были какие-то контрольно-пропускные пункты, то у нас, их либо не было вовсе, либо быстро сняли. А потом радиационная грязь поползла по всей стране. Мы уже слышим: от белорусского мяса отказываются на Севере, в Средней Азии, в других местах. А мы продолжаем наращивать производство и масла, и мяса в радиоактивно зараженных зонах. Вот документы. Хойникский район — один из тех районов, который сразу был объявлен как радиационно опасный. Здесь всё загрязнено, никакого сельского хозяйства вести нельзя. Однако план 1985 года по молоку был 32 500 тонн, 1989-го — 36 000, по мясу был 7,5 тысячи тонн, стал 7,8 тысячи тонн. В совхозе «Судаково» директор Садченко Николай Иванович добивался, чтобы с него списали 500 га «грязной» земли, а ему еще 124 га добавили, планы по молоку и мясу подняли в полтора раза. А у него в деревнях Ломачи и Тульговичи — ученые из Обнинска

померили — по плутонию 5,4 кюри на км^2, тогда как норма — 0,1! Так на наших с вами глазах продолжает работать механизм бюрократического убийства народа — убийства слепого, бессмысленного, даже незлобного, просто нормальная работа бюрократического механизма.

…*А. Адамович*: И последнее, о чем я хотел бы сказать, поскольку наш разговор, очевидно, подходит к концу. Я прошу выделить это черным шрифтом. **Люди, повинные во всех этих преступлениях, во всей этой лжи и обмане, укрывательстве истины, — эти люди ситуацию изменить не смогут. Так как они и дальше, скрывая свою ложь, должны будут изворачиваться и лгать. Поэтому те, кто еще не успел уйти на пенсию, должны уйти со своих постов.**

«МН»: Собирая этот «круглый стол», редакция ставила перед собой задачу выстроить от начала до конца всю цепочку большой чернобыльской лжи, понять до конца ее механизм. Сделать это, как видите, не удалось…Полная правда о Чернобыле необходима потому, что, не извлекая уроков из пережитого, мы тем самым делаем потенциально возможным новые преступления государства против личности.

Таким образом, мы расцениваем эту публикацию как исходный материал для дальнейшего расследования…

Принимали участие: народные депутаты СССР — А. Адамович, Ю. Воронежцев, А. Ярошинская, член ВС СССР Ю. Щербак и другие.

Круглый стол вела Евгения Альбац.

[1989]

Тихое имя

[Из интервью]

…Договорились с ним [А.Адамовичем] о литературной беседе. И вдруг накануне звонок: «В „ЛГ“ не смогу быть, пойду на сессию Верховного Совета». — «Зачем? Вы же не член Верховного Совета?» — «Будет обсуждение вопроса о чрезвычайных мерах. Хочу выступить». И выступил. А потам, в конце заседания. М. С. Горбачев попросил его, Е. П. Велихова и Е. Е. Соколова задержаться для разговора, был и Н. И. Рыжков.

— Можно узнать, о чем шел разговор?

— Дело в том, что мы с Велиховым послали Горбачеву письмо о послечернобыльской ситуации в Белоруссии. Проблема предельно обострилась.

Я вспомнила всесоюзный писательский пленум весной 1987 года в Москве и тревожное выступление Адамовича на нем: замалчиваются масштабы последствий чернобыльской катастрофы для Белоруссии; вместо того чтобы локализовать радиацию в тех местах, где поражена земля, ее размазывают по республике и дачее по стране — в первую очередь через продукты: «Едите наш сыр, так имейте это в виду!» Он говорил о том, о чем сегодня пишет вся наша пресса, но тогда… Сокращать у Адамовича пронизанные болью строки просто рука не поднималась, сделала это цензура.

Имело это выступление и свое продолжение. Стенограмма попала в Минск, и там были приняты экстренные меры — не по чернобыльским делам, по неугомонности Адамовича: как его укротить, поставить на место. Экстремист, паникер, пацифист, чуть ли не глава какого-то там заговора — какие только ярлыки не клеили ему! Почитать минский журнал «Политический собеседник» — страшнее «врагов перестройки», чем Адамович и Быков, нет. Его это, естественно, огорчает, но, конечно же, не усмиряет — партизанскую школу не перешибешь.

— Опять воюете? Теперь Чернобыль не отпускает?

— После 1945-го лет десять всё снилось, что опять война идет. Как ни ужасна была, но 9 мая она закончилась, нам все-таки остались земля, реки, лес, летний освежающий дождь… Ну а кто назовет дату окончания чернобыльской трагедии? И снов чернобыльских? И когда вернутся к белорусам, украинцам, жителям Брянщины их земля, их вода, их воздух? 30 сентября, во время «Чернобыльского марша» по центральному проспекту

Минска, выступали женщины «оттуда» — из пораженных районов, — спрашивали об этом. Кто может им ответить и что обещать? Переселим к 1995 году?.. Был я недавно в Цюрихе и, выступая перед ученой аудиторией, обрушил и на их «физиков» нашу ситуацию — как вину науки. Некоторые обиделись: обвиняйте, мол, политиков! Они принимают решения. А доктор Ханс-Рудольф Цуллигер — молодой еще по возрасту, один из создателей швейцарских АЭС, — у которого мы с американцем Крейгом Барнсом и его немецкими коллегами по миротворческой организации «Beyond War» [«Без войн»] заночевали, утром устроил нам экскурсию по своему дому. Не дом, а технический агрегат, сам себя (за счет солнечных батарей) обогревающий, питающий энергией. Свою же энергию физика хозяин как раз и направил в эту сторону — на поиски альтернатив атомному «будущему». Не дожидаясь решения политиков, ученый сам принял решение. Нашего Чернобыля хватило и этому швейцарцу. Даже радикальное предложение А. Д. Сахарова — упрятать все АЭС под землю, в скальный грунт — кажется швейцарцу недостаточным: никаких АЭС! А кое для кого из наших «аэсизаторов» всё еще мало.

Впрочем, надежда приходит иногда с неожиданной стороны. Я стал укрепляться в ней, когда на всебелорусском митинге 30 сентября выступил новый директор Курчатовского института Е. П. Велихов и поддержал гуманную «чернобыльскую формулу» белорусских ученых: общество, государство обязаны обеспечить право и предоставить возможность переселиться в безопасные места каждому, кому мы же лицемерно-заботливо запрещаем употреблять овощи со своего, ставшего смертельно опасным огорода, молоко от своей коровы. А не эти скользкие, издевательские «бэры» (вначале 70, потом 50, затем 35), когда не учитывается самое главное — зараженность продуктов, воды, а только лишь «фон», который «центральная» ведомственная команда вице-президента АМН Л. А. Ильина, усиленная авторитетом лоббистов западной атомной энергетики, снова пытается навязать белорусским детям — у них уже кровь идет из носа и ушей от послечернобыльской анемии. Е. П. Велихов предложил свою помощь, чтобы отправить тысячу белорусских ребятишек за границу по давно налаженной им программе обмена детьми. (Но, конечно, американских не в Могилевскую или Гомельскую области.) Более того, он подсказал идею выселить на зиму всех детей из опасных районов — по образцу спасения и учебы в курортных местах армянских ребят после землетрясения — и тем временем переходить к программе полного переселения.

Вот такие разные у нас программы, концепции. И вице-президенты тоже. Что ж, «плюрализм» и здесь, не только в научной, но и в нравственной сфере.

— *А белорусская литература в такой ситуации — что она? Слышен ее голос?*

— Есть публицистика, поэзия, случается, и настоящая. Видимо, так болит, что в публицистике исходим криком, не до романов и повестей…

Интервью вела корреспондент «Литературной газеты» И. Ришина.

1989

На краю пропасти

— Как теперь перед глазами — третья полоса газеты «Знамя юности». Броский заголовок «Читайте Адамовича!» Отличные снимки и рубрика: «Координаты души». За внешней броскостью материала искусствоведа Владимира Бойко — глубокое исследование тончайших нюансов творческой лаборатории писателя, его мировоззрения и позиции. Раздумья, тревоги и живая боль нашего современника, от чего в большинстве своем мы уже отвыкли. А может, и не умели никогда…

Подписывая тот номер в печать, я прекрасно понимал, каким будет для меня утро завтрашнего дня. И не ошибся: сектор печати ЦК КПБ сработал, как будильник. «Так к чему это газета призывает молодежь? Читать Адамовича?! А почему не Ленина?». Как можно было отвечать на эти нелепые вопросы? Впрочем, там и не ждали ответов. Пришла в движение камнедробильная машина — ну как же: не согласовал, проявил самостоятельность и непослушание. А в таких случаях административная ярость не знала предела. Угрозы, оскорбления в адрес редактора — дело обычное. Но речь не о том.

Было совершенно ясно, Алесь Михайлович, что над вашей головой собираются тучи с весьма зловещей начинкой… Все, у кого действительно болит душа за белорусскую культуру, кому не безразлично духовное богатство нации, прекрасно понимали, что ваш срочный отъезд в Москву не что иное, как почетная ссылка. Но, очевидно, ваши недруги не учли то обстоятельство, что дальнобойная артиллерия порою эффективнее прямой наводки. И наивно было рассчитывать оторвать ваши корни от республики, ее народа. Выступления по телевидению и в печати (особенно публикация в «Огоньке»), где вы идеологическую обстановку в республике определяете одним емким понятием «Вандея» и называете фамилии чиновников от идеологии, повинных в этом. В затхлой, подвальной атмосфере откровенного натравливания рабочего класса на интеллигенцию эта публикация была действительно глотком чистого воздуха. И хотелось посоветовать каждому, у кого болела душа от мучительных вопросов и несоответствий нашего времени: «Читайте Адамовича», блестящий судебный процесс над сталинизмом, наконец, ваши слова как народного депутата страны, прозвучавшие с трибуны съезда Советов, со всей очевидностью говорили о том, что боль республики — это ваша боль. Она неотделима от вас, как память. И, право, уже от одной мысли, что в наш прагматичный, расчетливый век есть такие борцы за правду и справедливость,

становилось легче дышать…

Ради Бога, Алесь Михайлович, не поймите мои слова как некую неумеренную похвалу в ваш адрес: любой нормальный человек в республике, искренне верящий вам, я думаю, произнес бы их во много раз больше. Знаете, до сих пор больно и стыдно за попытки обвинить вас в оскорблении белорусского народа, в неком злостном подстрекательстве и паникерстве. В ход против вас было пущено тупое, примитивное, как дубина пещерного человека, оружие. Хотя чему тут удивляться: каковы бойцы — таково и их оружие… И все-таки, Алесь Михайлович, чем вызвано к вам столь неприязненное, если не сказать враждебное отношение со стороны управленческого аппарата? Насколько мне известно, после чернобыльской трагедии вы обращались с письмом к Михаилу Сергеевичу Горбачеву…

— Да, это так. Но прежде чем ответить на вопрос, надо представить само письмо. Тогда, возможно, и комментарий не потребуется.

— Вы правы, Алесь Михайлович, комментарии здесь ни к чему. Но тогда с новой силой возникает вопрос, который, я думаю, не дает покоя миллионам жителей республики: как же так случилось и кто в этам виноват, что на огромной территории Белоруссии (кроме трех районов) люди и слыхом не слыхивачи о постигшем их несчастье? Почему преступное молчание длилось три года?

— Трудные вопросы, но я попытаюсь на них ответить. Казалось бы, реакция на мое письмо была самая благоприятная. 3 июня Михаил Сергеевич Горбачев получил письмо, а на следующий день зачитал его на Политбюро, где присутствовали и руководители республики. А еще через два дня я возвращался в Минск в одном вагоне с представительной комиссией (разумеется, по чистой случайности, да и узнал я об этом, спустя время). Так что реакция была незамедлительной, но произошло нечто странное. Эту представительную комиссию едва ли не с вокзала готовы были завернуть назад. Ее все-таки приняли, но весь разговор свелся к тому, что автор письма — человек несерьезный, некомпетентный и вообще — писатель, у которого, как известно, реальность тесно переплетается с вымыслом. Так стоит ли придавать этому значение? И это вместо того, чтобы показать весь масштаб бедствия и просить, просить незамедлительную помощь, как просят добрые люди.

Если иметь в виду, кто входил в состав комиссии — председатель Госгидромета, ответственные работники из министерства приборостроения и ряд других номенклатурных работников — то, надо полагать, эту версию они приняли охотно и одобрительно. Они ведь сами — рычаги этой отработанной

административно-бюрократической машины.

Но получилось, однако, не совсем гладко: на беседе присутствовали белорусские ученые Борисевич Н. А., Нестеренко В. Б., которые не могли пойти против совести и выдать желаемое руководством республики за действительность. Они как раз и подтвердили факты, изложенные в моем письме: поражены не три района, как информировали Москву, и не только Гомельская область. И мы совсем беззащитны перед радиацией — нет приборов…

Каковы же результаты всей этой истории? Не стану утверждать, что они нулевые. Ведь какие-то приборы появились, что-то делается и за пределами Брагинского, Наровлянского, Хойникского районов. Тем не менее ситуация в Белоруссии считалась более-менее благополучной. А слухи и паникерство — это, дескать, от некоторых ученых и писателей.

Был в этой невеселой истории и очень конкретный результат — все, кто давал информацию для письма, были уволены.

— И само собой, Алесь Михайлович, не замедлили рассчитаться и с вами…

— Разумеется. Меня выжили из Белоруссии… Здесь я, пожалуй, перейду к некоторым обобщениям. Я не стану обвинять конкретных лиц, имеющих непосредственное отношение к последствиям чернобыльской трагедии. Порой слишком с близкого расстояния приходится мне наблюдать тех, кто находится на самой вершине административно-бюрократической пирамиды. На мой взгляд, их личные качества не играют особой роли. Не в них суть…

Я даже задумал такую вот повесть. Ахнуло еще несколько Чернобылей, но наша административно-бюрократическая система действует, как всегда. Как действовала и с первым Чернобылем. Постепенно вымирают люди, а информация, как внутри страны, так и на весь мир идет такая, что у нас стало даже лучше, чем было до катастрофы. Всё функционирует как прежде, а людей становится всё меньше и меньше. И хотя страны, по сути, уже нет; противник по-прежнему считает нас опаснейшим врагом. В один из кризисных моментов он не выдерживает и наносит ядерный удар по стране, которой не существует, но где, тем не менее, бюрократическая система так мистифицирует мир, что никто этого не заметил. Как, впрочем, в свое время не замечали миллионов советских людей, сидевших в лагерях. И вот из-за несуществующего врага погибает от радиации и сам агрессор. И весь мир.

Наблюдая действия нашей бюрократической машины в связи с чернобыльской аварией, невольно думаешь, что нет такого

абсурда, который не может стать реальностью. Мне один большой деятель, с которым я вел беседу о ситуации в Белоруссии, несколько часов подряд доказывал, что всё у нас делается правильно и хорошо. С восторгом рассказывал ([Салтыков-] Щедрин это называл административным восторгом), как на беседе у Рыжкова Председатель Совета Министров Украины Ляшко полтора часа плакал в жилетку и просил помощи, а наш представитель отчитался за 10 минут. И тогда его похлопали по плечу и сказали: «Учитесь, украинцы, у белорусов». А я, слушая и наблюдая этот восторг, с болью подумал: «Ради вот такого похлопывания по плечу они готовы списать хоть целый народ». Вот тогда, пожалуй, и возникла у меня идея той повести.

— А ведь такие «объективисты», Алесь Михайлович, не исключение и в высших эшелонах власти, куда они попали «за крупные достижения» в своих республиках и краях. В свое время они активно творили застой, а теперь, выходит, так же активно его преодолевают? Что-то не очень верится в такие чудодейственные перевоплощения. Административно-бюрокртические методы руководства жили и живут а каждой клетке их организма. Если бы это было иначе, то откуда мог возникнуть застой?

— Так вот, если бы в 1985 году не началась попытка ломки этой бюрократической системы, то мы и по сей день, никакой информации о Чернобыле не имели бы. Как десятки лет не имели никаких сведений о катастрофе под Челябинском. И то, что сделано и делается для пострадавших, что, наконец, заговорили вслух о трагедии Белоруссии, объясняется не сменой плохих руководителей на хороших. Стала давать трещины монолитная система бюрократии. И только сломав ее окончательно, можно надеяться на спасение.

Интервью Леониду Екелю, заместителю главного редактора журнала [Родник/Крыніца].

[1989]

Выступление на Втором съезде народных депутатов СССР

…И в заключение, позвольте напомнить, что я — белорус. В Минске проходила Чернобыльская ассамблея, и она приняла Обращение ко Второму съезду народных депутатов. Есть там голос и белорусов. Пострадала Украина, русские области. Но так получилось, что из 10 хиросимского калибра (по радиации) бомб 7 упало на наши районы. Белорусы часто встречали нашу общую беду первыми, такова их история. А вот просят о помощи они обычно последние — такова их национальная особенность. А раз уж просят, значит, беда настоящая и неподъемная.

Спасибо вам, если вы услышите их голос!

1989.14.12.

«Ветер, к счастью, дул не на Киев…»

Фраза эта из одной из газетных публикаций о Чернобыльской аварии. Казенный автор, во что бы то ни стало, хотел порадовать читателей, хоть чем-нибудь. Кого он порадовать никак не мог, так это белорусов: ветер все первые семь дней дул как раз в их сторону, на север и северо-запад. И именно на Белоруссию, на ее города, села, реки, поля, леса в основном и осели те миллиарды кюри (по подсчетам некоторых наших ученых 4/5 от общего количества), которые выбрасывал и выбросил пылающий кратер четвертого блока. Это несколько сот хиросимских бомб (по радиации, в основном — цезий).

А весь мир смотрит «в сторону Киева» да еще на «тридцатикилометровую зону». С этой зоной, она прямо-таки заворожила сознание мировой науки, дальше уже мало что различают. Пусть простят меня, но невольно вспоминаешь фокус с курицей: посадят ее на темный пол и обводят мелом круг — курица ни с места. Фокус этот проделан с мировым общественным мнением стараниями наших властей и прессы — в первые недели Чернобыля. Наши белорусские власти, как сообщили про три района, которые поближе к АЭС, так и держались этой версии целых три года, даже от помощи центра отказывались. Необъяснимые никаким здравым смыслом проявления нашей командно-бюрократической системы, идущие от сталинистского пренебрежения правдой и человеческими жизнями. Но чем и как объяснить, что и Всемирная организация здоровья и МАГАТЭ не раз содействовали (и все еще способствуют) преступному сокрытию истины.

Белорусы говорят: ворон ворону глаз не выклюет. Имея в виду, что действует всемирный клан лоббистов атомной энергетики.

Именно эта ситуация подтолкнула многих «неспециалистов» (меня тоже) заняться, как нас упрекают, «не своим делом».

Сегодня вообще стало нормой, когда писатель делается то народным депутатом, то участником экологических движений и еще движения десталинизации («Мемориал»), или «зеленых». Но то, что меня пригласили еще и в Московский международный энергетический клуб, избрали гуманитария членом клуба ученых-энергетиков, видимо, свидетельствует, что в «неспециалистах» стали нуждаться. Ну, хотя бы вот в каком смысле. Как-то случился у меня разговор с крупным руководителем нашего атомного ведомства. Он начал, конечно, с упреков в нашем непонимании, в некомпетентности и заклинаний, что без атомной энергетики нам

не обойтись. Обижался, что мы, «зеленые», «давим на Горбачева». Но вдруг, прощаясь, наклонился, что-то в глазах его переменилось, человек вдруг произнес, почти умоляюще: «Не ослабляйте напора».

Я это так понял: мы люди зависимые, а вам публицистам можно, спасайте нас от самих себя!..

Может, мне лишь показалось, но что действительно факт: специалисты-атомщики, крупные ученые физики, и не малое число их, особенно после Чернобыля и особенно в Белоруссии стали принципиальными противниками «мирного атома». Отсюда идея моратория на строительство АЭС в нашей стране. Да и куда денешься, если общественность своими действиями практически установила его. Из 38-ми запланированных новых атомных блоков работа на 36 парализована «зелеными».

А. Д. Сахаров вот такой путь спасения атомной энергетики (и от «мирного атома» спасения) предлагал: всю ее убрать, спрятать в скальный грунт под землю, в шахты. Что ж, неплохой путь отступления для тех, кто не сразу способен переквалифицироваться на разработку альтернативной энергетики.

Ну, а что главная жертва Чернобыля — Белоруссия?… У меня на стене за спиной висит карта моей республики, заштрихованная почти наполовину. Недавно, во время Московской конференции по мировым проблемам экологии я подарил такую же Пересу де Куэльяру[106] с просьбой от белорусов взять под контроль ООН нашу послечернобыльскую ситуацию. Так вот: поражено 7 тысяч кв. км (и еще несколько тысяч на территории Украины, России), четвертая часть пахотных земель Белоруссии заражена радиацией (от 5-15 до 140 кюри на километр и выше), даже по официальным данным (напор общественности сказался, заговорили), в зоне повышенной радиации оказалось 27 городов и около 3000 других населенных пунктов, а это более чем 2,5 млн. человек. Нужно переселить в чистые районы 450 тысяч (100 тысяч — срочно). Хотя все сроки давно прошли: сделать это надо было три с половиной года назад.

Для нас Чернобыль не позади не только потому, что гроб с заразным покойником (саркофаг 4-го блока) надо будет как-то убрать с нашей земли, обезопасить окончательно. (А заодно и еще 15 АЭС чернобыльского типа, особенно опасных). Чернобыль впереди потому также, что лишь сейчас обнаруживаются его долговременные последствия. «Радиационный СПИД» (ослабление иммунной системы) уже несколько лет косит людей, провоцируя сердечно-сосудистые и легочные заболевания. А сейчас началась, открылась полоса лейкемии, особенно детской.

И обнаружилось, что медицина не готова к этой болезни в таких масштабах. (Специалистов и медицинского оборудования для трансплантации костного мозга у нас катастрофически не хватает). А впереди — онкологические беды.

И, может быть, главное: на десятки, а то и сотни лет люди, которым жить на зараженных или полузараженных территориях (Белоруссия слишком мала для столь большой беды), лишаются самых обычных радостей, но которые столь необходимы человеку: полежать на траве или в теплом песке над рекой, прогуляться по росе или по грибному лесу без ощущения, что и лес, и роса, и дождливое небо — твои враги, медленные убийцы. Каково ребенку вырастать, коль ему на каждом шагу напоминают: по асфальту можно, а по песку ни в коем случае, в спальне у нас «чисто», а вот на кухню ходи пореже, там дозиметр «частит». (Это когда будут дозиметры, их всё еще только осваиваем: заинтересованные ведомства, лоббисты «мирного атома» тормозили и это дело, борясь с «радиофобией» — любят они это слово и все неприятности им объясняют).

Хотя нам еще толкуют насчет «безопасности» АЭС, но с этим для жителей нашей страны все ясно. Психологически, морально атомная энергетика — если иметь ее ближайшее, а возможно и отдаленное будущее — у нас мертва.

Но нам всё равно толкуют еще об ее дешевизне — АЭС. До самого последнего времени, несмотря на очевидную нелепость этой цифры, убытки от чернобыльской аварии официально оценивали в 6–8 млр. рублей.

Передо мной лежит работа, выполненная проф. Ю. И. Корякиным [«Оценка экономических потерь, вызванных Чернобыльской катастрофой»] по заданию Союза «Чернобыль» (Союз ученых и ликвидаторов, т. е. людей, участвовавших в ликвидации последствий аварии и пострадавших при этом). Ю. И. Корякин убежден, что без атомной энергетики не прожить, тем более можно думать, что он не завышает цифру экономических потерь, вызванных чернобыльской катастрофой. Так вот с учетом выводимых из оборота земель, переселения сотен тысяч людей из зараженных районов Белоруссии, Украины, России, средств, затрачиваемых на лечение людей, ну, и прямых затрат в дни катастрофы — всё на всё обойдется нам к 2000-му году в 170–210 млр. рублей. (А многие ученые просто не учитывали, оговорившись, что не имеют данных).

Не знаю, сколько лет пройдет (потеряем) и какие сюрпризы готовят АЭС другим странам (не дай-то Бог!) нам всем, пока мы поймем окончательно: солнце, ветер, морские отливы-приливы и прочие природные источники энергии — вот куда надо бросить

все ресурсы: ум и энергию ученых, энтузиазм и готовность / раскошелиться государств и бизнесменов. При этом воспитывать в людях всех стран понимание: энергосбережение, разумная умеренность в потребностях становится условием выживания людей на планете. Проблемы АЭС — мировая проблема. Она и твоя, независимо от того, строит твоя страна атомные станции или не строит. На территории Белоруссии нет ни одной АЭС. А между тем Белоруссия стала главной жертвой самой крупной в истории аварии. В этом смысле можно сказать: французские станции — это и испанские, и итальянские, а немецкие АЭС — это и австрийские. (Хотя сама Австрия, население ее, как известно, отказались от благ «мирного атома»).

И что, и дальше будем уподобляться крестьянам, которые, бывало, строили свои наружные сортиры, ставя подальше от своего дома и так, чтобы прямо у забора соседа? Посмотрите на карту европейских АЭС: не та ли древняя хитрость? Но она никого не спасает и не спасет.

Спасение — в альтернативной, не отравляющей и не разрушающей природную среду энергетике.

Алесь Адамович, писатель, член-корреспондент Академии наук Белоруссии, член Московского международного энергетического клуба

1990 г.

Обуздать «мирный атом»

(Выступление в Бохуме, Западная Германия, 22 мая 1990 г.)

Выслушав доклады немецких коллег по Клубу и, главное, увидев распираемый зеленью Рур, который ожидали увидеть чем-то вроде нашего черно-запыленного Донбасса, поверишь в немецкую технологию и немецкое трудолюбие еще больше.

К чему остается, однако, недоверие по-прежнему — это к атомной энергетике. Даже в немецком варианте. Если не произойдет коренное изменение в международном статусе ее,

Во-первых, мы из «страны Чернобыля», где на огромных, в десятки тысяч квадратных километров территориях, люди живут в тревоге и неопределенности, дети лишены беззаботной радосл от общения с природой. А продукты питания стали важнейши звеном в заболевании людей — «внутреннее облучение». Вот в Москве исчез сыр. Прежде его поставляла в основном Белоруссия. Ей его и потреблять — как будто белорусы повинны в Чернобыле…

Ну, а во-вторых, потому доверие к атомной энергетике в нынешнем состоянии падает, невзирая на успехи отдельных стран в создании всё более надежных технологий, что в мировом масштабе о «мирном атоме» всё равно приходится судить не по сильным звеньям, а как раз по слабым. Как мы оцениваем надежность или ненадежность любой машины: рвется там, где тонко! И потому не по японским или немецким реакторам приходится оценивать надежность и безопасность мировой атомной энергетики, а по все еще действующим нашим (чернобыльского типа, да и другим тоже) какие бы изменения в них ни были внесены. Да и в других странах, особенно третьего мира — разобраться бы, что там установлено, чем грозит.

Кто-то может подумать, сказать: это ваша забота, а вот наши реакторы!.. Но такая уверенность невозможна после Чернобыля. Ведь Белоруссия, пострадавшая больше всех, не имела и не имеет на своей территории АЭС. И не потому ли Швеция, например, заколебалась в своем решении отказаться от АЭС: отсутствие своих АЭС никак не обезопасит страну, когда они имеются у соседей. И не только близких, но и далеких.

Мир уже узнал, как моя Белоруссия подсчитывает ущерб: будто еще одна война над нею прогремела: пострадало (по официальным данным) 27 городов и около 2700 деревень, населенных пунктов. Еще бы: «сброшено» 300 хиросимских (по

радиации) бомб! «Отнято» невидимым врагом (изъято из оборота) около 1/4 белорусской земли (только пахотной). Враг, невидимый, но тем более грозный, оставил свои «гарнизоны радиации» (где 1–5 кюри на километр, а где 40-140 и гораздо выше) почти во всех областях республики. (Тоже самое, в северных областях Украины, в западных — России).

Говорим, всё еще по инерции, о задаче: преодолеть последствия Чернобыльской катастрофы. И всё больше осознаем, что преодолеть полностью в обозримом будущем не удастся! Чернобыль не позади, он впереди. Постоянная стесненность бытия, болезни, стрессы, отнятая у миллионов людей уверенность существования, всё новые угрозы не только живущим рядом, но и удаленным от Чернобыля территориям. Например, стали задумываться: а что, если паводок поднимет радиоактивный ил со дна Припяти, Днепра и поволочет его по Днепру — в Черное и в Средиземное моря?

Когда какая-то страна начинает обзаводиться ядерным или химическим оружием, соседи нервничают. Вот так же беспокоиться приходится, когда сосед строит АЭС, а ты знаешь, что не располагаешь никакими правами хотя бы контролировать качество строительства, эксплуатации опасного объекта. А почему, собственно, нет таких прав у соседа, если опасность в случае катастрофы у каждого вполне «белорусская»: не имеешь «мирного атома», так получишь, и даже может быть больше, чем сам хозяин. Если с ветром не повезет.

Выводы напрашиваются самые серьезные, если исходить из горького опыта самой крупной (как сказано в постановлении Верховного Совета СССР по Чернобылю) катастрофы XX столетия. Напрашивается несколько вариантов решения проблемы атомной энергетики в мировом масштабе.

1. Полный отказ от «мирного атома», который не оказался ни мирным, ни надежным в энергетике.

2. Упрятать все АЭС под землю, строить только подземные, в скальном грунте, а ныне существующие во всем мире «поверхностные» закрыть (предлагал этот проект еще Сахаров А. Д.).

3. Строжайший контроль, международный, над атомной энергетикой — на всех этапах: от проектирования до эксплуатации, подготовки обслуживающего персонала и т. д.

Рассмотрим вариант последний, третий. Это нечто вроде нового «плана Баруха»[107], но по отношению к «мирному атому». (Хотя думается, что не закрыт окончательно вопрос и о коллективном владении, через ООН, остающегося после всех сокращений, атомным оружием).

Вот некоторые аспекты этого возможного соглашения по атомной энергетике:

а) Разработка, конструирование, создание общими усилиями оптимально безопасного реактора и обязательство стран не использовать другие, которые хуже, ниже по уровню

безопасности;

б) коллективная помощь тем, кто вынужден будет избавляться от устаревших типов реакторов, АЭС;

в) поддержка идеи подземного строительства АЭС, которое имеет свои, уже обнаруживающиеся, проблемы;

г) обязательство полной компенсации населению всего ущерба, если кто-то пострадает от атомной энергетики. (Чтобы не повторилось недопустимое: то, что и поныне продолжается на территориях, обездоленных Чернобылем).

Создание Московского международного энергетического клуба — инициатива страны, где случился Чернобыль. Кому же, как не нам, не нашему Клубу, выступить инициатором плана Международного контроля, строгого, реального, за развитием атомной энергетики? Без такого контроля у этой отрасли энергетики будущее — лишь до нового Чернобыля. Так стоит ли дожидаться непоправимого? Давайте опережать события хотя бы в таких делах.

«Повивальной бабкой ядерной бомбы…»

Повивальной бабкой ядерной бомбы фактически был фашизм. Он ускорил, как уже отмечалось, ее рождение, насильственно-вынужденное (если иметь в виду ученых-физиков, причастных к созданию первой бомбы).

И очень точно и, главное, своевременно несколько лет назад советский физик-академик Е. П. Велихов уравнял их — бомбу и фашизм.

Вот так началась атомная эра — с печатью проклятья. Не лежит ли печать эта — насильственно-преждевременных родов — и на мирном атоме. Оказывается, он оборотень: вполне мирная АЭС превращается вдруг в долговременную Хиросиму.

И не случайно, что после аварии на мирной станции в Чернобыле, люди еще острее ощутили всю угрозу всеобщей гибели, заключенную в 60 тысячах боеголовок, которые в арсеналах ядерных стран.

Мы все должны осознать, что авария в Чернобыле, взволновавшая весь мир и ставшая настоящей трагедией для наших народов, не идет ни в какое сравнение с возможными последствиями взрыва одной-единственной ядерной бомбы даже «тактического назначения». А их в одной Европе, в одной ФРГ — сколько?

У ядерного разоружения, у полного запрета на ядерное оружие одна альтернатива — полное самоистребление рода человеческого.

Ну, а «мирный атом»? Если он станет действительно гарантированно мирным, у него не будет противников. А сегодня их немало — и среди ваших «зеленых», ваших граждан.

И я, белорус, их понимаю. Думаю, что поиски новых нерадиоактивных источников энергии — нравственный долг ученых перед обеспокоенным человечеством.

[1990]

Лицом к Апокалипсису [108]

1. Физические реальности Судного дня

Мы прослушали интересные доклады и выступления, в которых Апокалипсис — понятие философское, теологическое или же психологическое. Ну, а Апокалипсис — физическая реальность — что он такое? Сегодня это, прежде всего, ядерное оружие. Его Джонатан Шелл, в своей замечательной работе «Судьба Земли», давно назвал: оружием Судного дня.

Когда показал свои зубы дракона «мирный атом» — в Чернобыле, сквозь растерянный журналистский лепет и оправдательное бормотание науки грозно прорвались слова прямо из пророчеств Иоанна Богослова: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда… и пала на третью часть рек и источники вод… Имя сей звезде „полынь“…» (В украинском языке «чернобыль» означает «полынь обыкновенную».) Помню, когда я услышал это от одного физика летом 1986 года, мой материалистический, атеистический ум посрамленно поклонился необъяснимому. И я решил посрамить его еще и публично, процитировав Откровение Иоанна Богослова на проходившем в Москве съезде писателей: шок был в зале. Думаю, что и в президиуме, где сидел сам Егор Лигачев. Но мы всё равно еще не осознавали близости бездны, которая открылась у ног наших… Впрочем, кое о чем мы догадывались. Особенно у нас, в Белоруссии. Страна эта, оказывается, особенная. Знаете, это, как бывает с некоторыми людьми, их называют невезучими. И другие болеют, попадают в аварии. Но невезучих не обойдет ни одна болезнь и ни одна авария. Хоть плачь. Вот так и с моей Белоруссией. Сколько войн вела Россия, и с Россией вели, все самые главные прокатывались по Белоруссии, и ее народу. И шведская, и с Наполеоном, и все войны с немцами. То, что мы пережили в войне, 1941–1945 гг. можно назвать «атомной войной обычными средствами». Один американский публицист побывал на кладбище белорусских деревень под Минском (их сотни и сотни, сожженных вместе с людьми, убитых деревень), потом написал: трудно реально представить трагедию другого народа для этого надо то же самое хотя бы спроецировать мысленно на свою страну, на свой народ. Вообразим, что убито 50 млн. американцев, сожжены все города и деревни Америки за исключением, например, восточного побережья, — вот масштабы трагедии Белоруссии. Сопоставимые (по результатам) разве что с

атомной войной…

И вот мир снова обнаружил, что мы уже в 1986 году ощутили, о чем пытались сказать, крикнуть, но нас долго не слышали ни в Москве, ни за рубежом, ни в самом партийно-правительственном Минске: Белоруссию снова накрыла тень Апокалипсиса!

Сегодня, наконец, увидели, услышали: из 350 условно-хиросимских бомб (по радионуклидам) 300 упали на север от Чернобыля, т. е. на Белоруссию: на 27 городов, на 2700 деревень, (это по официальным данным, все еще заниженным). Как минимум четвертая часть населения (2,5 млн. из 10) живет (вот уже 3,5 года) в зараженной местности. Где ни молока от собственных коров попить без дозиметра (а дозиметры до сих пор прячут от населения), ни ягоду съесть.

Одна четвертая часть населения… Кстати, одна четвертая жителей Белоруссии погибла в последнюю войну. Вот еще одна для белорусов «апокалипсическая» цифра!

Ясно, что, живя на столь помеченной трагической судьбой земле, нельзя было не воспринимать с особой, с физической остротой и любые знаки «ядерного Апокалипсиса». Которые мы особенно стали замечать после начала брежневской авантюры в Афганистане, и начавшегося во всем мире соревнования: кто больше приготовит ядерного горючего для общего акта самосожжения.

Было естественно, что в это время лично меня очень тянуло встретиться, поговорить с людьми, которые непосредственно у «кнопок Судного дня» — прежде всего с капитанами ядерных подводных лодок. Чтобы понять, чего ждать от них.

Судьба меня свела с тремя (один из них американец). На ком душа успокоилась? На солдате-мальчишке, тоже ракетчике — он обслуживал «кабели» на ядерной установке.

О них обо всех и расскажу.

2. Так нажмем или не нажмем?

Время и впрямь было критическое и, как оказалось, поворотное (близящаяся перестройка). Но тогда казалось: два тяжеленных состава по однопутной насыпи стремительно сближаются лоб в лоб, вот-вот врежутся. Все и перед всеми всеща правы! Так определял для себя формулу, по которой погибнет мир, — в повести «Последняя пастораль», которую писать начал, день за днем, слушая речи в ООН, где работал осенью 1982 года в составе белорусской делегации. В апреле 1983 года мы организовали в Минске встречу, конференцию писателей и

публицистов, кажется, первую у нас, на тему ядерного Апокалипсиса.

Классически прозвучала на конференции жалоба моего ироничного соавтора по «Блокадной книге» Даниила Гранина: «Адамович тащит меня на край пропасти — нарисовал жуткую картину конца света, а тут еще Карякин[109] добавил — и говорят: работай! А я не могу работать на краю пропасти».

Действительно, это тогда была проблема: чувство всеобщего конца, погибели — оно спасительно или губительно? Мобилизует человека, людей на сопротивление грозящему или обезволивает, совершенно уже, перед неизбежностью, только ускоряя сползание к пропасти?

Задолго до этого (в 1955 г.) прозвучал «на весь мир» Манифест-предупреждение Рассела — Эйнштейна. На весь-то, на весь, но услышали его немногие (у нас опубликован, открыто и полностью, лишь в 1989 г. в журнале «Дружба народов»). Время нового мышления всё не наступало. Даже строптивый академик Петр Капица не принял главной мысли Манифеста: мир погибнет, человеку не выжить, если ядерное оружие будет оставаться на планете, а мир будет по-прежнему идеологически и политически разорван. Великий физик зачем-то стал гадать-прикидывать, насколько организм человеческий сможет адаптироваться к радиоактивному заражению…

Вначале и академик Сахаров создавал оружие Апокалипсиса (и его подчинила мысль, что спасение в равновесии страха) и лишь в 60-е годы понял: спасение на путях конвергенции социальных систем, а свой долг стал видеть в борьбе за то, чтобы общество, которому он вручил свой гений физика, перестало быть закрытым, чтобы уважались права человека, жизнь человека, а тем самым, и рода человеческого.

Ведь вызывали меня, например, после той Минской конференции в ЦК партии Белоруссии, где сообщили удивительную «формулу политики», высшей, по-видимому: «Если из всего нашего народа уцелеет 10 человек, важно, чтобы они остались советскими людьми. Советскими». Вот что, оказывается, важнее самого выживания рода человеческого.

Впрочем, генерал Хейг, госсекретарь Соединенных Штатов Америки, тогдашний, исповедовал нечто схоже-каннибальское, помните, знаменитое генеральско-секретарское: «Есть вещи поважнее мира и пострашнее войны…»

Я всё старался прорваться к капитанам подводных монстров, существующих ради того, чтобы «при необходимости» своими двумя десятками ракет снести целую Европу или Америку.

Первый такой разговор я «рассекретил», выступая на

Московском форуме «За выживание человечества» — был уже 1986 г. «Московские новости» напечатали и начался шум, обвинения в «кощунстве» и «предательстве». Как: они нас да, а мы их нет? Они — миллиард снесут, испепелят, два миллиарда жизней и не получат того же в ответ? Да и вообще, никакого капитана не было, Адамович его придумал! По причине зловредного своего пацифизма.

Но капитан был, и разговор был. В семейной домашней обстановке, за чаем. На вопрос мой: я предложил «модель ситуации» — они нанесли удар, испепелили полмира и вторую половину засыпали радиацией, кнопка возмездия под вашим пальцем — ответите агрессору (но, возможно, что и ошибка компьютеров) — нажмете или не нажмете? Жизнь уцелевших людей и стран, а возможно, и само будущее рода нашего и вообще существование жизни на земле — в ваших руках.

Сидевшие за столом мать и дочь капитана откликнулись немедленно: «Конечно! Они же нас убили. Нашу страну».

Голоса из прежних времен: папа, отомсти — плакаты и призывы неядерной Великой Отечественной живут и поныне в нашей памяти, в нашем сознании.

Капитан всё не отвечал. И вдруг вернул мне вопрос: ну, а вы как бы поступили?

— Нет, не нажал бы ни при каких обстоятельствах! Иначе именно я, мы будем убийцами человечества. Тот, нажавший первым, подлец — убийца половины человечества, а я — всего рода людского. Всекаин!

— Ну, а я, — наконец ответил капитан, — я не скажу, как поступлю. Они не должны этого знать.

История эта имела продолжение поучительное. В том смысле, что проявила, от чего и к чему мы поднимались в своем сознании. И как стремительно. Летом 1987 г. генерал Дмитрий Волкогонов, тогда второе лицо в политуправлении Советской Армии, очень легко вызвал гнев и возмущение не троллейбусной, а писательской публики в зале Дома литераторов, когда упрекнул некоего писателя, (не называя имени), в немыслимой безответственности и кощунстве (пересказал беседу с капитаном мнимым, по его убеждению, потому что советские воины в отличие от некоторых писателей «не такие»).

Когда я все-таки не пожелал быть анонимом и вышел на трибуну: мол, это я такой плохой! — и попытался объяснить и развить свой разговор с капитаном, убедить, что времена «возмездий» ушли бесповоротно, пришлось преодолевать несколько шквалов искреннего возмущения из писательского зала. А после в вестибюле знакомый, близкий мне фронтовик,

поэт, сказал как-то растерянно: «Не знай я тебя, решил бы, что говорит предатель!»

Но прошло всего лишь полгода, горбачевская политика нового мышления привела его в Вашингтон, был заключен первый в истории договор о ликвидации целого класса оружия ядерного, и когда в газете «Советская культура» снова вспыхнула полемика: нажал бы, не нажал!.. — в ответ на письмо моих земляков Бегуна и Бовша она прозвучала глухо, почти не резонируя на общество.

Людям становилось многое привычным, что недавно казалось абсолютно неприемлемым.

Помнится, что там, в Вашингтоне, Горбачев, счастливый тем, что им удалось с Рейганом совершить, отметил, подчеркнул благодарно, что вело его к этому и общественное мнение, а его, общественное мнение, подталкивали публицисты, писатели и т. д.

Расскажу про такого вот «подталкивателя» — солдата советских ракетных войск, который приезжал ко мне специально, поговорить. Его едва не посадили (но потом досрочно демобилизовали) за упрямую мысль, фразу:

«А я на месте Горбачева не ответил бы даже на первый удар…» — «Значит, ты порубишь кабели?» (Он обслуживал кабельное хозяйство при ракете.) — «Нет, я свой долг выполню, но на месте Горбачева я бы…»

Позвонил он мне из Чернигова и попросил «10 минут для разговора». Не по телефону, а с глазу на глаз. Когда появился у меня дома, сразу же начал с полемики. Прочел, мол, «Последнюю пастораль», не кажется ли вам, что вы приглашаете противника нанести первый удар (т. е. провоцирую его, укрепляя в нем надежду, что не ответим ударом на удар?). Раз во имя жизни человечества мы готовы пожертвовать собой, собственным народом…

Вопросы действительно крутые и даже страшные. Но в том-то и дело, что новое мышление, если всё додумывать до конца — это нечто пострашнее и потрагичнее гамлетовского, личностного: «Быть или не быть?» Тут о народе, о человечестве!

Я пытался объяснить, что вкладывал в «Пастораль», из чего исхожу, но солдат (уже в джинсах, демобилизованный) наконец открылся: он лишь испытывал мою логику и доказательства. Чтобы убедиться в своих убеждениях. Потому что это и его убеждения, и пришел он к этому сам, в армии. И рассказал, как уговаривали и угрозами суда «за предательство» старались вернуть его к доатомному мышлению. Чтобы он публично, перед всей частью отрекся от «новой веры». Не отрекся: «Я свою, солдатскую, службу исполню, но на месте Горбачева…»

Ну, а Горбачев — на своем месте? Сегодня у нас в стране ему

не очень уютно в роли лидера перестройки: балки перекрытия старого сгнившего здания, столбы падают, рушатся чуть не на голову, куда и отклоняться? Но что бы ни случилось, как бы ни пошли дела, одно сегодня ясно: этот парадоксальной судьбы лидер дает миру еще один шанс — избавиться от значительных запасов ядерного оружия, самого тяжелого, опасного, которое завтра может стать и орудием (и оружием) хаоса. В стране и во всем мире. На Западе немало пишут, с оправданной тревогой: а кто будет им распоряжаться, советским ядерным арсеналом, если захлестнет страну анархия? Ну, так не медлите, всё надо сделать, вместе с Горбачевым, и заранее разоружить этот возможный хаос. Разоружаясь вместе с ним, не торгуясь, не до того сейчас, поймите!

Доядерное оружие сопровождалось таким мышлением: если у другой стороны есть это, надо, чтобы и я такое же имел, а то и посильнее. Потягаемся! Ядерное оружие должно диктовать совсем иную логику: если оно есть у возможного противника, а у меня тоже есть — оно одинаково опасно для обеих сторон и потому как средство войны бесполезно. Надо от него избавиться. Пока не поздно. А тем более — в нынешней ситуации. Если наши и ваши советники по этим делам начнут расчетливо торговаться, пытаясь выгадать на каком-то другом классе ракет (морские и т. п.), а в результате многомегатонные так и останутся в шахтах, не придется ли завтра пожалеть, если они окажутся совсем в других руках: а ведь их могло и не быть, была возможность их не иметь против себя!

Происходило всё описанное и происходит на фоне, я сказал бы, на гребне из глубины напирающей еще одной волны — нарастающей экологической катастрофы. Когда скорости или силы суммируются со встречной, момент последнего удара (если события к нему влекут) сокращается соответственно. И это надо учитывать: военную угрозу — когда речь идет об экологической, и наоборот. И поторапливаться (не опаздывать!) вдвойне.

Случись большая война (даже неядерная), результат был бы близок к той же, ядерной катастрофе. Первоочередной целью неядерных ударов стали бы ядерные реакторы, АЭС. Многие уже позаботились, чтобы их были сотни: «Если произошел бы выброс лишь 10 процентов радиоактивных веществ из всех европейских АЭС, — пишет Лен Семейко (статья „Ядерное сдерживание безъядерного оружия“ // Новое время. 1990. № 18.), — то, по оценкам некоторых ученых, в течение 10–15 лет катастрофические последствия этого были бы в четыре раза большими, чем при ядерных взрывах общей мощностью 2500 мегатонн».

Если до Чернобыля (вот где военный атом перемигнулся зловеще с «мирным» — как сообщники!) это еще было кому-то невдомек, то сегодня…

Эту часть выступления завершу еще одной (нет, двумя) беседами с капитанами атомных подлодок. С американским и еще одним советским. Джеймс Буш приехал в казахскую степь за тем же, что и я: наблюдать мирное уничтожение, первое (наконец-то!), ракет средней дальности. Высокий, спортивный, хотя уже слегка седой подводник-пацифист мои вопросы: нажал бы он. не нажал — когда пацифистом не был, а по-воровски прятался под водой? — воспринял почти иронически:

— Конечно! И не рассчитывайте на что-либо иное. Нас для этого готовили, а иначе мы не служили бы в армии. Более того, скажу: когда списывали на берег, некоторые мои офицеры высказывали нечто вроде сожаления: эх, не пришлось на деле испытать такую мощь!

И еще раз нажал на главную мысль свою:

— Не рассчитывайте слишком на военных в этом деле. Поступит команда — и всему конец. Потому-то я и приехал сюда, стал пацифистом. У военных надо отнять эти игрушки.

Рассказал об этой встрече еще одному капитану, белорусу, другу детства, тоже отставному:

— Понятно, присяга, долг военного человека. Но ведь вам уже сказано: победить невозможно в ядерном поединке, вы же не на победу работать будете. Тогда на что? Кто больший вклад внесет в коллективное самоубийство? Как ставится задача при том, что это уже сказано, осознают все.

— Задача ставится сознательно узкая: уничтожить такую-то цель. Например, подлодку врага с ракетами и боеголовками. Впрочем, это узнаем — цель — в последний миг.

— И ни о чем больше не думай? Цель — пли!

— Ни о чем больше. Именно.

— Ну, а если цель — целый континент? Сегодня это как раз для одного залпа, одной подлодки.

— Победить в конкретном поединке. И не заглядывать, что дальше. А что еще тут возможно при такой-то ситуации?

Значит, спасение — думать о целом, обо всем и не выделять для себя цель — «врага». У ядерного оружия цель одна — человечество. Всё человечество.

Юрий Карякин когда-то (как раз в то время, о котором речь идет) прокричал остро, пронзительно: «Не опоздать!»

Сейчас, когда столько проблем (помимо ядерных и вместе с ними) навалилось на нас — экологических, социальных и пр., — хочется добавить к этому: «Не растеряться!» Перед камнепадом

проблем, кажется, что неразрешимых, не растеряться. Не отчаяться.

3. Апокалипсис — это сколько рентген?

Народ наш: белорусы, украинцы, жители западных русских областей тоже пораженных радионуклидами, — уже измеряют историческое время так: «до» 26 апреля 1986 года и «после». До Чернобыля и после Чернобыля. Всё больше осознаем: Чернобыль не позади, он впереди. Нам жить и жить (и умирать) рядом с ним десятилетия, столетия, даже после того, как все блоки чернобыльского «миллионника» будут убраны с глаз. Сейчас Чернобыль в почвах, в воде, в продуктах питания. Потом он проявлять себя будет через гены — в течение столетий. Это настолько серьезно для украинцев, русских, живущих на пораженных землях, а для белорусов — для всех, для целой нации (у нас поражено практически всё, а что еще чистое, завтра может загрязниться), что и такие вот идеи-предположения звучат: отселить несколько десятков тысяч белорусов подальше от родной земли, с тем, чтобы после, через 100, через 200 лет, их здоровый генофонд вернуть назад… Грамотно это или безграмотно по науке — не столь важно. Но само по себе страшно, что о таком мы вынуждены уже думать.

Биологические последствия Чернобыля, но есть и социальные. И они будут нарастать, в Белоруссии, на Украине, да и в России тоже.

Например, в апреле 1990 г. в самых загрязненных районах, на Гомельщине прошли забастовки на крупных заводах (до этого были в районных центрах) с требованием суда над теми партийными, государственными деятелями и их интересы обслуживавшими «учеными» (поименно), кто повинен в большой лжи в преступном сокрытии правды о катастрофе и ее последствиях. Повинных в ситуации, когда над огромной массой людей и над обширными территориями проводится какой-то бюрократический эксперимент: а что будет, если делать всё не то и не так, как диктует здравый смысл? Например, не локализовать срочно опасные зоны радиации, а производить там продукты питания, наращивая это дело, вывозя их, «грязные», чтобы завозить «чистые». Или: вместо того чтобы людей из этих зон отселять, все средства и ресурсы бросить, направить на сизифов труд: отмывать от радиации дома, заборы, деревья, называя это «дезактивацией». (2,5 миллиарда рублей затратили в Белоруссии в основном на это да еще на строительство «кулыобъектов» и

асфальтовых дорог, улиц, там, где жить нельзя, невозможно, и откуда сегодня всё равно вынуждены отселять.)

За этим абсурдом — что? И кто?

Наша великолепная командно-бюрократическая система на основе однопартийности, когда решает некомпетентность и псевдонаучная самоуверенность догмы, а обосновывает эти решения ведомственная, лишенная всякой нравственности наука.

Но только ли некомпетентность всему виной? Неужто в такой глобальной лжи не было корысти? У кого-то и в чем-то.

Что же на самом деле произошло, почему так повели себя власти, многие ученые, атомщики, медицина, экологическая служба? Да, сама тоталитарная система, от которой мы избавляемся, но которая сформировала этих людей и определенные структуры, традиции, все это предопределила. Но конкретнее — как всё происходило?

У нас в стране существовала просто-таки эйфория в отношении атомной энергетики. Самая чистая, самая безопасная и дешевая! Можно реакторы прямо под стеной московского Кремля устанавливать. (Вот бы установили!). Это утверждали проектанты реакторов (академики Александров, Доллежаль и др.), работники атомного министерства, строители АЭС. Они даже тренажеры не делали на АЭС — и на этом «экономили». Передалось это и эксплуатационникам. Никакой разницы между АЭС и тепловой станцией!

А когда ахнуло, первая реакция и стремление всех этих людей и ведомств — преуменьшить масштабы беды, а тем самым и собственную вину. Как им не стремиться преуменьшать угрозу здоровью людей, руководителям Министерства здравоохранения, если они не имели, не подготовили специалистов достаточно. А те ведомства и начальники, которые без дозиметров, измерителей чистоты продуктов питания оставили страну, и это сразу обнаружилось?..

Все они — от Главатома до Института биофизики и Министерства здравоохранения — бросились не изучать обстановку, а закрывать ее пеленой секретности. Чтобы вина их перед народом, страной не была столь велика.

А в результате эта вина удвоилась, потому что три года людей уговаривали жить там, где жить нельзя, питаться тем, что нельзя использовать в пищу, вдыхать отравленную пыль — вот почему сегодня никто не верит ни этим руководителям, ни этим ученым или медикам. И радиофобия тут ни при чем (они все на нее сваливают). Налицо преступление перед собственным народом — об этом у нас говорят, пишут в открытую.

Любопытно что: послушная ведомствам наука, люди и

власти, теряющие доверие у своего народа, всё чаще апеллируют к авторитету международной науки. Но не к независимым ученым, а к таким же лоббистам атомной энергетики, как и они сами. (Из МАГАТЭ, из Всемирной организации здоровья.)

Но общественность (в частности, Сахаровский комитет, недавно созданный вдовой академика Еленой Боннэр) самостоятельно устанавливает связи с независимой наукой, независимыми учеными других стран — в интересах всего человечества. Чернобыль — это не наша только катастрофа. Это тИанётарная беда. И преодолевать ее последствия (насколько это возможно) приходится общими усилиями.

На втором заседании Московского международного энергетического клуба, проходившем в Бохуме (Западная Германия), я, хотя и неспециалист, предложил вернуться к американскому «плану Баруха», но применительно к «мирному атому». Т. е. ввести строжайший международный контроль за установкой и эксплуатацией АЭС. И, может быть, принять идею А. Д. Сахарова об исключительно подземных АЭС. Во всяком случае, убрать с планеты все потенциальные Чернобыли, помогая в этом деле друг другу.

Выводы напрашиваются самые серьезные, если исходить из горького опыта самой крупной (как сказано в постановлении Верховного Совета СССР по Чернобылю) катастрофы XX столетия. Напрашивается несколько вариантов решения проблемы атомной энергетики в мировом масштабе.

1. Полный отказ от «мирного атома», который не оказался ни мирным, ни надежным в энергетике.

2. Упрятать все АЭС под землю, строить только подземные, в скальном грунте, а ныне существующие во всем мире «поверхностные» закрыть (предлагал этот проект еще Сахаров А. Д.).

3. Строжайший контроль, международный, над атомной энергетикой — на всех этапах: от проектирования до эксплуатации, подготовки обслуживающего персонала и т. д.

Рассмотрим вариант последний, третий. Да, нечто вроде нового «плана Баруха». (Хотя думается, что не закрыт окончательно вопрос и о коллективном владении, через ООН, остающегося после всех сокращений атомным оружием.)

Вот некоторые аспекты этого возможного соглашения по атомной энергетике:

а) разработка, конструирование, создание общими усилиями оптимально безопасного реактора и обязательство стран не использовать другие, которые хуже, ниже по уровню безопасности;

б) коллективная помощь тем, кто вынужден будет избавляться от устаревших типов реакторов, АЭС;

в) поддержка идеи подземного строительства АЭС, которое имеет свои, уже обнаруживающиеся, проблемы;

г) обязательство полной компенсации населению всего ущерба, если кто-то пострадает от атомной энергетики. (Чтобы не повторилось недопустимое: то, что и поныне продолжается на территориях, обездоленных Чернобылем.)

Незадолго до смерти (до загадочного самоубийства) академик В. А. Легасов, внутренне обожженный чувством вины за чернобыльскую трагедию, так вот он мне продиктовал «график» новых катастроф типа чернобыльского. (Недавно мы закрыли одну из таких станций — Армянскую АЭС, на очереди — Ленинградская, Смоленская и др.)

А что, если перед глазами Господа Бога уже лежит такой свиток, график — угадать бы. «Береженого Бог бережет!» — говорят у нас в народе. Так давайте будем береженными — беречь свою единственную планету. Вместе, общими стараниями, усилиями, программами.

Чернобыль: атомная энергетика и права человека

При современном развитии техники и технологии под угрозой оказались основные права личности: право на жизнь и здоровье. Атомная энергетика создала такую угрозу не только для ныне живущих, но и будущих поколений. Являясь порождением военной технологии, атомная энергетика в ряде стран оказалась под сильным влиянием военно-промышленного комплекса со свойственными ему групповым эгоизмом, секретностью, пренебрежением к жизни и здоровью человека. Группировки, несущие ответственность за последствия, всегда стремятся преуменьшить ущерб, нанесенный их деятельностью.

Ущерб при авариях на АЭС, как правило, очень велик. Так, в Тримайл-Айленд в США, по оценке американских специалистов, ущерб составил 135 млрд. долларов, хотя при аварии никто не пострадал. Однако ущерб от Чернобыльской аварии по официальным данным — 8 млрд. рублей. (?) При этом только в Белоруссии загрязнено более 1/4 пахотных земель, требуется переселение более 100 тыс. человек из более 400 населенных пунктов.

Учитывая длительный печальный опыт, ЧП на ЧАЭС и обстоятельства, связанные с этим, позицию Министерств и ведомств, замалчивание, искажение и даже прямую ложь этих ведомств, настойчивые попытки сокрытия истинного ущерба, вредных последствий для здоровья и экономики страны, нам представляется необходимым установление истинных размеров последствий катастрофы, в т. ч. ее влияния на дальнейшую политику в области ядерной энергетики.

Нам представляется, что для того, чтобы развитие атомной энергетики было в принципе возможным, должен быть удовлетворен ряд условий, таких, которые сделают атомную энергетику приемлемой как для населения регионов, в которых будут расположены АЭС, так и для человечества в целом.

Такими условиями должны быть:

ОТКРЫТОСТЬ, под которой подразумевается ИНФОРМАЦИЯ об истинных размерах риска, его характере, возможных аварийных ситуациях со всеми их вариантами, возникновении аварийных ситуаций, планы действий в аварийных ситуациях, фактический уровень безопасности, план мер по повышению безопасности, немедленное оповещение об аварии, полные и своевременные данные о характере последствий и величине

ущерба.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

— владельцев источника опасности перед гражданами, местными властями другими предприятиями в данном регионе;

— властей региона перед гражданами, владельцами других предприятий;

— государства перед гражданами, владельцами других производственных объектов, властями региона;

— за информацию о риске, возможном или понесенном ущербе, своевременность оповещения об аварийной ситуации или аварии, своевременность выполнения работ по защите населения, локализации аварии, ликвидации последствий аварии.

СИСТЕМА ГАРАНТИЙ такой открытости и ответственности, включая уголовную, за сокрытие информации, своевременное не оказание в полном объеме медицинской помощи.

Также должна быть обеспечена реальная, подкрепленная материально, возможность выбора каждым человеком отдельно и населением региона и страны в целом своей линии поведения в решении вопросов строительства АЭС или отказа от него, проживания в данном регионе или выезда, возможность оценки достаточности мер безопасности или необходимости дополнительных усилий и вложений для ее обеспечения.

Таким образом, должна быть обеспечена свобода принятия решений, т. к. без выбора свободы не существует. И только при наличии выбора может быть обеспечено доверие населения, как необходимое условие существования опасного производства.

Сказанное имеет отношение, по меньшей мере, к двум серьезным аспектам атомной энергетики: 1) — к проблеме захоронения радиоактивных отходов (вполне удовлетворительное решение, которой еще не найдено) и 2) — к проблеме безопасности эксплуатации атомных объектов. В последней особо важной представляется необходимость вывода из эксплуатации реакторов РБМК, аналогичных чернобыльским, не удовлетворяющих современным требованиям по безопасности, надежность которых в принципе не может быть доведена до требуемой. При этом нас не должны вводить в заблуждение успокоительные заявления даже некоторых организаций, имеющих международный статус, таких, например, как МАГАТЭ и др.

Учитывая транснациональный характер угрозы атомных катастроф, считаем необходимым разработку и принятие ООН Кодекса ядерной безопасности и системы международного контроля под эгидой ООН.

Главная угроза настоящего периода — это опасность не

столько военная, сколько техногенная. Многоликость этой опасности, множественность аварийных ситуаций, которые могут возникнуть при маловероятном сочетании обстоятельств, каждое из которых безобидно само по себе и не вызывает тревоги у руководителей и персонала, зависимость критической ситуации от квалификации, здоровья, психологического состояния, настроения тысяч людей, их умения взаимодействовать как между собой, так и со сложнейшей и не вполне надежной техникой — вот характерные черты нашего времени. Своекорыстие компаний и ведомств, национальные разногласия, возможность терроризма — всё это усугубляет опасность.

Мы убеждены, что правительства не смогут своими силами решить проблему безопасности человечества. Необходимо развернуть мощные общественные движения, охватывающие людей, стоящих на всех участках потенциально опасных производств, науки, проектирования. Взаимодействие общественных сил и правительственных органов — вот что может решить задачу обеспечения безопасности общества.

В Советском Союзе возникло подобное неформальное общественное движение — Союз «Чернобыль», объединяющее около 100 тысяч участников работы по ликвидации последствий аварии. Союз ставит своей задачей не допустить повторения Чернобыля и помочь всем пострадавшим. Мы хотим установить связь со всеми организациями и лицами, обеспокоенными тем, что произошло, и тем, что может произойти. Мы привлекаем ученых, врачей, журналистов, оказываем медицинскую и социальную помощь, защищаем права пострадавших.

Однако ни Белоруссия, ни Украина, ни весь Советский Союз не могут своими силами справиться с оказанием полноценной медицинской и социальной помощи большому количеству пострадавших. В ближайшие годы следует ожидать рост заболеваемости, в частности — лейкозами. Уже сейчас требуется проведение трансплантации костного мозга значительному количеству детей. Это в СССР не делается из-за отсутствия необходимого оборудования.

Мы призываем общественные силы и правительства всех стран; международные организации и, в первую очередь, ООН объединить усилия в создании надежной системы общественной безопасности, включая систему контроля.

Мы призываем оказать советскому народу медицинскую помощь, предоставив необходимое оборудование и медикаменты, принять на лечение наших детей.

Мы призываем оказать помощь народу Белоруссии в скорейшем переселении с зараженных территорий 100 тыс.

человек, путем предоставления оборудования и строительных материалов.

Чернобыльская катастрофа должна послужить всему человечеству поводом осознать всю глубину опасности технических и политических амбиций и предрассудков, страшную цену которым народы платят своей жизнью и здоровьем. Перед будущим всех детей нашей планеты должны отступить национальное чванство, государственная самоуверенность, групповая ограниченность.

А. М. Адамович,
член Исполнительного Комитета Союза «Чернобыль»
1990 г.

Куропаты, Хатынь, Чернобыль…

1

Мы большие торопыги. Семьдесят лет брели, гонимые, и друг друга поторапливали в заданном направлении. Сделали несколько шагов в обратном направлении и уже сами поверили, других убеждаем: все, со Сталиным разделались! Теперь главный редут Системы, Номенклатуры — досталинские времена и фигуры! А со Сталиным покончено!

Ну, а после того, что видели, слышали на конференции — съезде РКП и на XXVIII съезде КПСС, столь же уверенно будем утверждать, что за *С т а л и н а они уже не держатся?*

Но я не стану заострять внимания на престарелых партийных Ноздревых, столь нахраписто и шумно пытавшихся снова сбывать нам, подсунуть свои ценности, как гоголевский персонаж — борзых и старых кляч. Я о тех, кто помоложе, кто при Сталине и не жил, не знают и не осознают, что для несчастной страны означал бы откат к прежним формам существования — и ради чего? Ради права и впредь быть некомпетентными и полуграмотными погонялами народа, их ненавидящего? Соблазна ради лакейских привилегий, которыми пренебрежет любой работающий в развитых странах, как оскорбительными и жалкими.

Потому все-таки о сталинизме.

2

Как-то попал я в семью старых большевиков, Даниил Семенович Данин[110] меня с ними познакомил, и начали припоминать, как гостил здесь когда-то А. И. Микоян[111] («вот на этом диване сидел») и у него спросили: ну, зачем при реабилитации (а это была хрущевская «оттепель»), зачем столько времени на каждое дело тратить? Что вы дурака валяете? Разве не ясно, что всё это беззаконие было? Конечно, ответил бывший соратник Сталина, так и надо бы сделать — сразу реабилитировать всех «политических». Никакие они не враги. «Но тогда преступниками окажемся мы, — прикинул Микоян. И вдруг закончил: — Кем мы, впрочем, и являемся».

Вот и на такие признания способен был Анастас Иванович.

Для моего поколения это всё — часть нашей памяти, детской,

юношеской, взрослой. После суда-процесса по иску И. Т. Шеховцова я получал сердитые письма: «Ну, что вы знаете о Сталине, о том времени?»

Помним, знаем не мало. На нашей памяти вон сколько войн было: «освободительный поход» в Западную Белоруссию и Украину, война с Финляндией и Отечественная. Ну, и, конечно, наш позор сегодняшний — вторжение в Афганистан.

Но самая длительная и тяжелая, преступная — война Сталина против своего народа. Главная вина, в которой готов был признаться импульсивный Микоян.

Знаки, особенно болевые точки истории моей Белоруссии: Куропаты, Хатынь, а теперь еще и Чернобыль.

Ведь страна жила в состоянии перманентной войны и в довоенные годы. Согласно сталинской формуле об обострении классовой борьбы по мере нашего «успешного» продвижения к социализму.

Люди с трудом верят в потери, которыми оплатили мы 70 лет утопии. И в 40 миллионов Роя Медведева, и в 60 — Александра Солженицына, и даже в 3,7 миллиона В. А. Крючкова, председателя КГБ.

Когда читаешь «Большой террор» Роберта Конквеста, не можешь не чувствовать, что автор берет цифры по минимуму, не может, просто не способен западный ум поверить в десятки миллионов убитых собственными властями.[112]

А между тем любые уточнения идут именно в сторону увеличения, как по потерям в войне с Гитлером, так и по итогам сталинской войны внутри страны. Лет пятнадцать назад белорусы сообщили свои потери в Отечественной войне: 2 миллиона 230 тысяч. Каждый четвертый житель республики.

Но это такая же условно приближенная цифра, как и 20 миллионов всех потерь (названные Хрущевым — против 7 миллионов, цифры, «назначенной» Сталиным), потому что сегодня историки уже приблизились к 30 миллионам. А Белоруссия, оказывается, потеряла, заплатила 4 миллиона жизней в войне с фашизмом — это уже почти каждый второй.[113]

Так возникает цифра 110 (она уже называется) миллионов — общих прямых потерь за нашу менее чем столетнюю историю.

Куропаты и Хатынь — в одном ряду. Куропаты — это сталинские Хатыни, геноцид по-сталински. Ни один народ нашей страны, ни одна социальная группа, ни одна профессиональная категория людей и ни один возраст — даже дети сидели в лагерях, ссылались, а с 12 лет расстреливались по апрельскому указу 1935 г. — не избежали общей судьбы.

Ну, а что такое немецкие Хатыни, как не сталинские

Куропаты. Ведь Куропаты (как и наши концлагеря) появились на земле раньше.

Когда мы, услышали, узнали из расследований Зенона Позняка, как «черные вороны» в 1937–1938 гг. по ночам шныряли по округе, хватали мужиков из первых попавшихся хат и везли расстреливать в Куропатский лес, мы не могли не вспомнить практику немецких карателей. И никак не могу забыть свои два недоумения, когда, во-первых, минская цензура и стоящие за ней «органы» возражали против названия повести: «Каратели». Обиделись: у нас, мол, тоже карательные организации есть. Второе недоумение: Петр Нилыч Демичев[114] обиделся на то место в нашей с Борисом Луценко[115] пьесе «Возвращение в Хатынь» [1977 г.], где немец-каратель ссылается на приказ («Зачем же вы, — поучал нас идеолог, — у нас тоже приказы надо выполнять!»).

Не сознавая того, они родство душ и дел учуяли — вот и на таком уровне.

Геноцид есть геноцид, по расовому ли проскрипционному списку, по классовому ли. Или просто, как в Куропатах: спущен план «по врагам народа» и его надо выполнять, а лучше перевыполнять (для себя безопасней) хоть за счет безответных мужиков — колхозников.

Война с собственным народом началась уже в 1918-м, называлась «военный коммунизм». Нэп был непродолжительной по времени, но все-таки победой народа (крестьянства, прежде всего) в схватке с безжалостной утопией. Но кажется единственной и последней победой в той куропатской войне.

На многие десятилетия над поверженным народом был установлен режим сродни военно-оккупационному. Потому что сталинские колхозы и политотделы при МТС — это не что иное, как гарнизоны. А ГУЛАГ по всей стране — чем не лагеря пленников? А суды за 20 минут опоздания над рабочими, что это, как не военный режим оккупантов?

Правда, когда пришли зарубежные оккупанты на смену внутренним, мы упрямо повторяли: «Долой гитлеровские сто граммов, да здравствует сталинский килограмм!», но те, кто получали в наших лагерях сталинскую пайку, после того, как получали немецкую, большой разницы, конечно, не замечали. Как и во всем остальном.

Чтобы победить немецких оккупантов, нам надо было хотя бы мысленно отделить своего вождя от их вождя, свои порядки от их порядков — давалось это не легко, но победы ради старались вовсю.

В том и трагизм был ситуации, что, платя огромную цену за

победу над Гитлером, народ приближал и полную победу, абсолютное торжество сталинской тирании. Как самозабвенно лгали мы, партизаны, себе и несчастным бабам, колхозникам, которых фашисты жгли, убивали за помощь нам, «сталинским бандитам»: зато колхозов уже не будет! И всё будет не так, как до войны!

Надо было победить Гитлера. Любой ценой, ничего другого не оставалось. Его империя, его бесчеловечный режим собирался существовать тысячу лет. Ну, а сталинизм, хочется надеяться, действительно при последнем издыхании. Важно было не отчаяться, не поддаться чувству мести за всё пережитое (многие все-таки поддались), устоять между двух тираний, оставаться человеком в бесчеловечных условиях. (Кстати, это глубинная тема всей военной прозы Василя Быкова.)

В моем родном поселке Глуша, вблизи Бобруйска, установлен памятник подвигу и жертвам земляков в Отечественной войне. Все знакомые фамилии. А в сознании рядышком такие же, тоже с окончанием на «ский»: Слоевский, Витковский… Этих нет на памятной стеле, их забрали и убили в 1937–1939 гг. — почти столько же, как и немцы убили. 83 «врага народа» на заводской коллектив из 300 человек! И всего лишь за польские окончания фамилий: конечно, шпионы польской охранки, дефензивы!

Как вообще разделить-отделить: этих убил Гитлер, а этих — Сталин? Если они народ наш убивали на пару, один, ворвавшись в страну извне, другой — изнутри. Дублеры.

Совсем не натяжкой будет утверждение: каждый из них убивал и врагов другого. Сколько гитлеровской военной машине понадобилось бы усилий, времени, чтобы перемолоть 40 тысяч советских, опытных военных командиров — Сталин сделал за него эту работу накануне войны.

А уж как поспособствовал Гитлер своим геноцидом в лагерях военнопленных и на оккупированной территории тому, чтобы не объявились у Сталина настоящие противники после войны, когда люди наши вышли временно из-под гипноза власти Сталина, за границы навязанного им «рая» и увидели, как живут другие. Думается, не раз в мыслях или чувствах добрым словом, уцелевший тиран поминал мертвого: сколько тот работы нужной выполнил! Вот только евреев не всех порешил, этих убийц в белых халатах, приходится самому этим заниматься на виду у всего мира… А как хорошо поработал Гитлер над этими очкариками — интеллигентами, московскими и ленинградскими ополченцами, — ладно, с остальными справится теперь и Жданов!

Конечно, Сталин самоубийцей не был. Наоборот, трусом был, вечно дрожавшим за собственную шкуру. За что и мстил всем,

потому что боялся всех. И наверное, специально и особенно за тот паралич воли и страх расплаты, который испытал в первые недели и месяцы войны…

Победы, он, конечно, хотел. Над Гитлером, так обманувшим его — единственный человек, которому он поверил. «Доигрался, подлец!» — это ему хотелось сказать поверженному Гитлеру, и он смог это сказать.

Но не меньше стремился он к окончательной победе над собственным народом, над собственной страной. И поэтому жертвы той и другой войны суммировались. Победить Гитлера он стремился, жалеть «своих» людей он не только не умел (не дано было от природы), но и расчета никакого у него не было жалеть «потенциальных врагов»

В Белоруссии лет 10 назад создан был художественный фильм «Пламя» — многосерийная партизанская эпопея. О том, как партизаны Белоруссии выполнили задание Москвы, а точнее — самого Сталина! Героическая сторона событий отражена старательно, об остальном, в те времена авторы кинофильма рассказать не посмели.

Хорошо помню, как радостно откликались партизаны на любой намек, что такая-то операция — «по заданию фронта, Москвы». На «рельсовую войну» — взрывать железные дороги во время Курской битвы — шли как на праздник.

Думаю, что так разворачивались события и на Витебщине, куда в 1944 г. собраны были для «стратегического взаимодействия с фронтом» отряды и бригады почти со всей Белоруссии — десятки тысяч партизан.

Разгромили, разогнали на значительной территории все немецкие и полицейские гарнизоны — оккупанты вначале были в панике. Тем более что ожидали, конечно, наступления тут Советской Армии.

Но наступления не последовало. То ли у советского командования планы поменялись, то ли сама идея Сталина — собрать в одно место партизан — была всего лишь «военная хитрость»: пусть немцы поволнуются.

Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко в своих воспоминаниях, хотя и описывает эту операцию, никак не объясняет: почему партизан вовремя не оповестили, когда они сами оказались в мешке, что общая согласованная операция отменяется? Или не посмел пойти к тому, кто ему это задание давал, и выяснить: как дальше быть партизанам?

Они ждали, они держались до последнего, привычно веря, что «раз Сталин сказал — железно», а вместе с ними в блокадном

мешке оказались десятки и десятки тысяч местных жителей, женщин, детей.

Вот уж когда Гитлер мог поблагодарить Сталина: эти неуловимые партизаны сами собрались, полезли в мешок. Никогда не удавалось окружить столько отрядов, целые бригады, притом сидят и не уходят, есть возможность уплотнять кольцо.

И когда, за много недель, уплотнилось оно (фронтовыми дивизиями) донельзя, решили, наконец, партизаны прорываться. На Витебщине стоит памятник «Прорыв» — вот здесь летней ночью 1944 г. 800 автоматчиков (партизанам казалось: никто не остановит такой напор!), а следом отряды и население бросились вперед. Прямо на затаившиеся немецкие танки. И полегли — тысячи.

Нарочно это Сталин подстроил? Не станем это утверждать. А что безжалостно — так впервые ли? Но когда после войны, уже на исходе кровавого царствования запало в сознание его подозрение, навязчивая мысль, что бывшие партизаны и подпольщики — потенциальные террористы, а потому надо с ними со всеми заново разобраться, думается, что ниточка тянулась и к тому 1944-му: «Слава нашим партизанам и партизанкам», но лучше, спокойнее, надежнее, если героически погибшим!

Поколение мое в основном уцелело, хотя и воевало с Гитлером. Оно уцелело и после Победы. А это было тоже не просто. Видимо, лишь потому не обратилось в лагерную пыль, что не дошла до нас очередь (а только-только доходила) в графике сталинских репрессий против каждого оперившегося поколения.

Мы, конечно, очень бы удивились, если бы с нами, партизанами, поступили, как прежде — с нашими противниками полицаями и власовцами. Как можно нас, проверенных самой войной?! Как будто не были проверены, революцией и гражданской войной те, кого истребил Сталин в 30-е годы. За это самое и истребил: проверен, значит, самоуверен, а такие нам не нужны. Замаранные и запуганные — вроде Вышинского, на всё готовое — куда лучше.

Не из этого ли исходил Лаврентий Берия, когда ставил задачу, цель: каждого третьего гражданина страны сделать сексотом. Чтобы уж замаранные, а значит, свои, были почти все! Вот к какому «идеалу» нас вели — о нем вы тоскуете, «идеалу» нас вели — о нем вы тоскуете, партноздревы, протестуя против департизации КГБ, армии, учреждений?

Куропаты, Хатыни. А сегодня — Чернобыль…

Май 1986 года… Мальчик несет две бутылки молока, серьезный, гордый: мамин помощник. Что бы он подумал, как испугался бы, когда бы идущий навстречу ему взрослый подскочил к нему и выхватил эти «гранаты». Такими они казались в руках детей в то время. Я уже побывал у первого секретаря ЦК КПБ Н. Н. Слюнькова, из 6-часового разговора убедился: приборов для замера уровня радиации в продуктах питания в республике нет. И, кажется, просить их не очень собирались: зачем, всё почти в норме, вот только там, на юге, в уголке, не вполне благополучно! Ну, да всё под контролем! «А приборов все-таки нет?» — «Да, нет…» Вот такая беседа накануне моей поездки к М. С. Горбачеву. (Узнали от меня об этой поездке и позвали поговорить, убедить, разубедить.)

Позволю себе привести письмо М. С. Горбачеву [от 1 июня 1986 г.], цифры и факты, в нем фигурирующие, получил я от ученых-физиков В. Б. Нестеренко, Н. А. Борисевича, а также работника ЦК КПБ А. Т. Кузьмина.

Сегодня ученые прикидывают: из 350 «хиросимских» (по выпадению радионуклидов) бомб почти 300 упали на Белоруссию.[116] Оказывается, вот они, истинные масштабы катастрофы. А Минск информировал Москву: у нас пострадали только три района…

Не буду рассказывать, как отвез письмо, какие были звонки и разговоры через помощника Генсека Черняева Анатолия Сергеевича. Результат был, надо сказать, немедленный: в Минск выехала представительная комиссия, и все на уровне министров и замов — сам не ожидал. По неистребимой нашей интеллигентской наивности, я, хотя и догадывался, что причинил республиканскому начальству неприятность, дезавуировав сверхоптимистическую его информацию, но уверен был, что мы друг друга поймем. Писатель взял на себя роль паникера просителя, что ж, и воспользуемся теперь приездом Комиссии и получим всё, что можно.

Но произошло нечто уму непостижимое. Товарищи Слюньков, Бартошевич (второй секретарь ЦК КПБ), Ковалев (Председатель Совета министров БССР) прямо-таки стенку выстроили против всякой помощи республике. Не думаю, что и Комиссия прилагала сверхусилия, чтобы прошибить эту стенку. Не надодак и не надо! Раз у вас все хорошо, нам тем лучше! Где у нас те приборы, или лишние медикаменты, или стройматериалы!

Уже после я понял, насколько не случайной была та радость (С.-Щедрин называл это «административным восторгом»), с какой первый секретарь ЦК Белоруссии сообщал в разговоре со мной о «проколе» украинцев и «успехе» белорусов. Это когда

руководителей УССР и БССР покликали в Москву — по поводу чернобыльской аварии.

Ляшко (украинский премьер) полтора часа клянчил и плакался, как у них все плохо и надо им помочь. А наш Ковалев за десять минут отчитался. Николай Иванович Рыжков похлопал его по плечу: «Вот, учитесь у белорусов».

Дорогой Николай Иванович, ну, что вы сделали? Мы, конечно, рады, что всегда ставят в пример нетребовательность и скромность белорусов. Но ведь надо и свои кадры знать. Они что после этого — где уж искать помощи, — они и свои поливальные машины отправили в Киев. А всех, кто не оптимист по-Слюньковски, по-Бартошевичски, тотчас отстранили от чернобыльских дел. Всем кто хотел оставаться при должности, строго-настрого велено было исповедовать одну истину: у нас нет причин для беспокойства, директора атомного центра В. Б. Нестеренко уволили, президента АН БССР НА. Борисевича сместили, секретаря по идеологии А. ТКузьмина (посмел связаться с паникерами) отправили на пенсию…

К слову сказать, когда двое первых попали в списки на республиканских выборах, их и три года спустя, настиг все тот же высокий гнев. Хотя, казалось бы, республиканское начальство сильно поменялось. Но нет, памятлив аппарат в таких делах. Чуть ли не в один день одна и та же статья, чернящая Борисевича и Нестеренко (и за что?.. Именно за Чернобыль!), появилась в «Вечернем Минске» и московской «Рабочей трибуне»…

А мне очень хотелось бы узнать подробности разговора руководителя союзного КГБ тов. Чебрикова с соответствующей организацией в Минске — по поводу уже моей особы. Вот и такая была реакция, это мне известно. Как же, вмешались в «их» дела! Такие дела всегда считались не нашими, а их — даже если тебе на голову посадили целый реактор. («Ишь полез куда — в большую политику!» — доносилось, как эхо. И в очередной раз «попал под колпак».)

Но все наши личные неприятности — какое это имеет значение в сравнении с тем, что сотворили с народом Белоруссии, с украинскими и русскими областями за более чем три года преступного бездействия. А если и действий, то чисто отвлекающих, декоративных, хотя и очень дорогостоящих: помывки деревьев и дорог, активного строительства «культобьектов» в зараженных районах и т. п.

В этой Большой Общегосударственной Лжи прямое участие принимала и наша руководящая медицина (ее Институт биофизики и сегодня, если и отступает под натиском общественности, то в самом арьергарде), к сожалению, многие и

многие ученые: физики, биологи и пр. Последний их крупный залп по правде о Чернобыле, прорвавшейся сквозь стену секретности, — это обращенное наверх «письмо 92-х». И хотя в нем не мало титулованных имен, не услышал их Верховный Совет СССР, не принял 35-бэрную концепцию, по которой дети и беременные женщины приравниваются к работникам-специалистам АЭС. Да, завод Большой Лжи явно кончается.

Но вот интересная закономерность: все участвовавшие в обмане народа пошли на повышение. Из района — в область, из области — в Минск. Ну, а из республиканской столицы, конечно, куда — в Москву, если надо, то прямо в Политбюро. Может, и не все за эти дела, но народу не прикажешь думать, как кому удобнее.

Как-то спросил у академика Андрея Ивановича Воробьева: можно определить первоисточник Большой Лжи о Чернобыле? Согласились, что источников было много. Каждое ведомство, которое оказалось не на высоте (а кто на высоте?), было заинтересовано в этой лжи: малая авария — и их вина малая, а если это катастрофа, значит; и вина их большая. И как это бывает: пряча одни преступления, сотворили новые, еще большие: разве не преступление против человечности вот это — сознательное сокрытие от сотен тысяч людей правды о том, что жить на тех землях нельзя.

Еше Сталиным отрегулированные партийно-государственные структуры, избавленные от контроля снизу, сформированные в целях перманентной войны с народом, действовали и на этот раз как им и положено.

В полувоенной униформе партначальников сталинских времен был немалый смысл: это внешнее выражение сути и предназначения партии «нового типа», созданной для захвата власти, существующей для бе удержания и укрепления, а поэтому изначально военизированной. Именно эта изначальная, ленинская суть и форма партии сослужила Сталину главную службу, как в расправе с самой партией (почти военная дисциплина и психология по рукам и ногам вязала его оппонентов-противников), так и в войне со всем народом, в которой диктатор опирался на слепую готовность партии подчиниться и выполнить любую волю верхов. Любой ценой. (Тот самый «демократический централизм», с которым не захотели расстаться на XVIII съезде.)

Пронизывающие все и вся закостеневшие структуры сработали в ситуации с Чернобылем по нормам всех прежних деяний партаппарата. Разве не связана была, например, коллективизация, и ею вызванный голод с такой же секретностью

и Большой Ложью на весь мир? Да и когда не лгали? Когда рухнули все наши фронты, а народу Сталин сообщал, что в Германии вот-вот кончится бензин и начнется революция?

Лги, а не то положишь партбилет! — вот первая заповедь аппарата. А это — что погоны потерять.

Вся наблюдавшаяся картина Большой Лжи и все наши малорезультативные попытки проломить или обойти стену (вплоть до конца 1988 г.) — всё это так и просилось прямо в роман-антиутопию. Но как теперь чаще всего происходит, энергия уходила, тратилась на всё новые и новые попытки прямого, непосредственного действия, не до романов было. Но фабула выстроилась вот такая.

Мир расколот по-прежнему: «Лучше быть мертвыми, чем красными» (или, наоборот, «не красными»). Нацелены на города, страны, континенты ядерные арсеналы, вот-вот случится срыв — психики или техники.

А у нас еще один Чернобыль, да нет, целая адская цепочка (по «графику Легасова»). Мир, конечно, зафиксировал бешеное повышение радиационного фона, но МАГАТЭ и подобные организации на Западе, как и в истории с первым Чернобылем, блюдут авторитет атомной энергетики и помогают нам врать. Ну, а в наших «зонах», как и во времена первого Чернобыля: «никакой паники», положение лучше, чем когда-либо прежде, именно там строим дома отдыха, культурные центры, фабрики по переработке пищевых продуктов, пашем, сеем, убираем — ну, всё, как в Белоруссии в 1986–1989 гг. Специалисты из Минздрава, Госкомгидромета, Института биофизики, членкоры и академики заверяют народ, что есть и пить можно все (только руки мыть), главное, не поддаваться радиофобии. Население благополучно вымирает (тем более что добровольцев-«ликвидаторов» очень мало: все помнят, как отблагодарили их за первый Чернобыль), а в газетах — подвиги, победы.

Противная сторона заподозрила неладное. Отчего обезлюдели города? Не засовывают ли население в бомбоубежища, не готовят ли ядерное нападение? Не выдержали нервишки — ударили из всех шахт. И убили, отравили все страны, все континенты и себя тоже.

Мое второе письмо о чернобыльских делах М. С. Горбачеву (напечатано как статья в «Новом мире»: «Честное слово, больше не взорвется, или Мнение неспециалиста») имело более прямые и заметные результаты. Но и время было уже другое — 1988 год, начало марта. Но как же у нас всё трудно дается, даже при прямой поддержке и заинтересованности Первого лица в государстве!

А что, если это нарушение самой природы Системы, запатентованной самым кровавым в истории правителем: она не приемлет на месте Первого человека в государстве никого с добрыми, человечными намерениями, не кровопийцу, не жестокосердого? Вон как конвульсивно Система эта пыталась от него избавиться, отторгнуть — на последних партийных съездах.

4

Трудно самим себе признаться, от какого мира мы уходим, во что нас превратила Система. В газете «Совершенно секретно» напечатан отрывок из книги [«Последняя война» английского лорда, писателя] Николаса Бетелла о судьбе казаков, воевавших на стороне немцев и переданных англичанами Сталину (1990 г. № 6). Вся трагедия в том, что казаки не одни, а с семьями, при них дети, а значит, и их передают в руки Сталина. А какие руки у «лучшего друга детей», знали хорошо. Отец стреляет, убивает жену и детишек — только бы не это. Мать бросается с моста с ребенком — лучше на дно, чем к Сталину.

В работе Бетелла присутствует и та правда, что казаки, служившие у немцев, вели себя в Югославии, куда их послали бороться с партизанами, как жестокие каратели, на их совести немало убитых, сожженных заживо мирных жителей, чьих-то матерей, детей. Об этих частях жуткая память и у наших людей, действовали они и в Белоруссии.

Так что: по делам вору мука? Да, по делам, пока это касается самих карателей, даже если у них была «русская идея», «казацкая идея», украинская или белорусская: если ты палач, замучил ребенка, ты теряешь право называться борцом за идею. Ты всего лишь маленький Сталин, возненавидевший «большого». Яблоко, которое недалеко падает от яблони.

Когда мы собирали материал для книги о Хатынях — «Я из огненной деревни», — бывшие жертвы карательных акций всё спрашивали у нас и как бы у самих себя: «Ну, ладно, чужеземцы, но как могли свои так измываться над своими?!» Ну, а до войны не измывались над своими — вот там, тогда и научились. Ну, а кто был наш вождь и учитель — известно. И как раз по детям самый специалист был: умел расколоть самого твердокаменного ленинца, заставляя объявить себя шпионом и подонком — и именно через детишек. Арестованные понимали, в чьих руках оказались дети, в каких руках.

Ладно, он. Но мы-то, мы! Как легко (не сразу, но старания учителей пошли впрок) люди соглашались, что, если человека

отделить от остальных словцом «элемент», «кулак», «враг народа», «вредитель», с ним можно делать что угодно. Главное, что мы чистые. Пока, конечно, очередь до тебя не дошла, но человек этого знать не хочет.

Раз человек — винтик, его не так уж сложно приспособить к другому механизму, ну а смазка новая, нацистская: «бей жидов», «бей коммунистов», «сталинских бандитов»!

А иногда идеологическую смазку бессовестно смешивали, я сам слышал, как полицай орал на крестьян: «Кулацкое семя!»

Мне всегда казалась исполненной страшного смысла судьба двух деревень на Полесье, где жестокий механизм перемалывания народа сработал особенно наглядно. Недалеко от Березины эти деревни, обе назывались Ковчицы («первые» и «вторые»). Одну из деревень называли еще Ковчицы-еврейские. Со времен «оседлости» там действительно жили евреи вперемешку, конечно, с белорусами. У нас в отряде был мальчик Рубин (имя забыл), он рассказывал, что когда евреев стали убивать в Бобруйске, в Паричах (это по соседству) на улице его остановил сосед, он увидел в руках у мальчика коньки (кузнецу нес в ремонт) и сказал:

— Отдай коньки моему Кольке (Колька был друг того мальчика), тебя все равно убьют.

Заплакал, побежал домой. А когда приехали, пришли убивать (и этот сосед, уже с полицейской винтовкой), Рубины спрятались на чердаке у другого соседа и слышали разговор внизу;

— Не знаешь, куда эти убежали?

— В лес, куда же. Теперь от них ты будешь убегать.

Партизаны перебили ковчицких полицаев осенью 1943 г., а сами поселились в их домах, в их семьях. Нас хозяйка кормила картошкой, мы с ней и детьми ее делились мясом, консервами. (Уже наведывались к своей армии через линию фронта.)

Да, именно так: в домах, в семьях убитых нами мужей, отцов. А что было делать, если начатая, еще в гражданскую, война со своими продолжалась *в н у т р и* войны с немцами?

Утром 25 декабря 1943 г. (такие даты помнишь) Ковчицы атаковали немцы и власовцы. К вечеру нас из деревни вытеснили. Теперь там памятник 82 погибшим партизанам. И 102 жителям Ковчиц — семьям полицейских, которых немцы и власовцы перебили, почти всех, кого достали. Такая она, наша история.

А когда пришла одна на всех Победа, многие, очень многие скоро убедились, что, нет, побед много. Одна — та, что на груди у Сталина, уже Генералиссимуса, единовластного хозяина страны. Другая у тех, кому достались паспорта. И совсем иная (и победа лиг) у беспаспортных колхозников. До сих пор помню, как мы,

горожане, встречались с хлопцами, нашими бывшими партизанами, и как не получались, гасли разговоры об общих наших делах в войну. Мы ведь их Победу похитили: Сталин — у нас у всех, а мы, горожане — у колхозников.

Когда мы снова слышали на XXIII съезде партии настырное, ноздревское расхваливание преимущества сталинской системы земледелия, было и противно, и стыдно: ведь еще в 1943 г. мы добросовестно врали нашим бабам и мужикам насчет новых порядков там, под Москвой: людям так обидно было умирать за эти самые колхозы. И смешно делалось от нелепости происходящего, когда в помощь себе на трибуну Егор Кузьмич, как Вия (снова-таки Гоголь), кликал: «Стародубцев! Где Стародубцев?» Наверное, уже не услышим Лигачева с таких трибун, но Стародубцев остается на своем месте. Террором и долголетней крепостной зависимостью лишили земледельца всех желаний, а теперь нам председатель Крестьянского союза говорит: не хотят люди быть вольными на земле, а хотят нас, председателей!

Сколько же это может продолжаться? Кто и зачем, по какому мандату от народа на столько лет вручил судьбу нашего земледелия Лигачеву, а дело перестройки промышленности — Слюнькову? Ну, хоть бы у белорусов спросили или у томичан. Но и то сказать: у этой партии свои традиции в таких делах, да и цели скорее преследовались внутрипартийные, а не государственно-хозяйственные…

25 июля 1990 г.

Чернобыль и власть

Ученые считают: из 600 условно хиросимских (по радиации) бомб 450 упали на Белоруссию.

1. «Учитесь у белорусов…»

Чернобыль и власть — почему я берусь писать об этом, хотя сам очень далек от «коридоров власти»?

Особенностью нашей страны, системы, как она сложилась за семь десятилетий, является то, что у нас всё — политика: пахота земли, уборка урожая, литературная деятельность, всё, всё. А уж тем более — атомная энергетика или, например, строительство гидростанций. Поэтому, когда я попытался напрямую вмешаться в послечернобыльскую ситуацию в Белоруссии, сразу же раздался в Минске телефонный звонок «самого Чебрикова» (председателя КГБ), а мне потом передали слова неодобрения очень высоких начальников: «Куда он лезет — это же высокая политика!»…

До Чернобыля мне и на ум не пришло бы по каким-то делам и проблемам обращаться «на самый верх»: подальше, подальше от них держись, никому из писателей добра и чести не приносила близость к «царям»! А тем более — к Политбюро. И в то же время сказано: русский писатель — больше, чем писатель. (Я — писатель белорусский, но эта традиция у нас общая). Чем только писатель в нашей стране не занимается: западному этого, пожалуй, и не понять.

Например, помогаем одной части ученых опрокидывать проект или направление другой группы ученых, чаще всего обслуживающей ведомства, т. е. ту же власть. Ну, а что делать, если в советской науке, как и в политической жизни, всегда процветала монополия направления или лиц, тот или другой вариант лысенковщины? Не приближенные к властям ученые публичного голоса почти не имели. И вот случалось, что за них первыми голос подавали писатели, т. е. неспециалисты. Не все, конечно, писатели, многие как раз хвалебные оды сочиняли «грандиозным проектам и планам партии». Но всегда находились и «рискованные». Не выступи Сергей Залыгин в 60-е годы против проекта затопления бесконечной западносибирской, обской низины и строительства там ГЭС — жить бы нам (или как в России говорят, куковать) без тюменской нефти и газа. Или добывали бы их втридорога — из под воды. Несколько упрямых

публикаций, выступлений писателя С. Залыгина проломили стену, плотину научно-ведомственной монополии на истину, следом включились в полемику несогласные с проектом ученые — и Тюмень была спасена.

Та же история — с Байкалом. И именно писатели избавили, спасли страну от разорительного и непредсказуемого по последствиям «проекта века» — поворота на юг сибирских рек. Ох, эти «проекты века», напоминающие преступления века…

Сказанного, по-видимому, достаточно, чтобы пояснить цель и пафос вот этого моего письма М. С. Горбачеву: не просто привлечь внимание властей и получить помощь, но, прежде всего, проломить стену молчания вокруг самой большой трагедии Чернобыля — трагедии Белоруссии.

У письма этого была предыстория, было и продолжение. Так получилось, что как раз в ночь с 25 на 26 апреля я летел лечиться на Кавказ, а на земле в это время всё как раз совершалось. Первая информация по телевидению об аварии в каком-то Чернобыле прозвучала невнятно, но тревога кольнула: в 1986 г. мы всё еще жили с привычкой, что о таких вещах не сообщают, но уж если сообщили… Вдали от родины тревога о том, что дома происходит, всегда острее. Поэтому, когда вернулся в Минск, оказался, может быть, самым восприимчивым к чернобыльской информации. Те минчане, кто приняли на себя «чернобыльский дождь» 26-го и 27-го апреля (люди отдыхали на озере, загорали, никем не предупрежденные) были встревожены, но считали своим долгом храбриться: а ничего, живем, всё нормально! Мне, «неветерану», храбриться было нечего, я тотчас понес проверять одежду дочери, «одежду того дня», «грязно!» Выбросил. Ко мне приходили, со мной встречались — писатель — знакомые, в том числе ученые Академии наук Белоруссии, физики, биологи, нагружая меня тревожной информацией. Как бы с расчетом нагружая: это как-то надо обнародовать, дать этому выход! А как обнародуешь, если в газетах чуть ли не праздник, не ликование казенно-журналистское: такой повод народу, советским людям проявить свой коллективизм и героизм! У нас и землетрясения как бы «ради этого» случались: продемонстрировать преимущества социалистической системы, когда все за одно и нет таких крепостей, какие бы мы не взяли!

Венчала весь этот кощунственно-неприличный «праздник», пожалуй, статья в «Правде», бодро оповестившая страну заглавием: «Соловьи поют над Припятью».

И те, и другие, своего добились (если того добивались): стало невмоготу молчать и ничего не делать. Начал обрывать телефоны и лацканы пиджаков у московских коллег по Комитету советских

ученых: ну, уж они-то понимают; что если ветер дул не на Киев («к счастью», как было в газете «Известия» написано), тогда — на Гомель, на Могилев, на Белоруссию дул — именно на севере прозвучали первые сигналы международной тревоги, из Швеции.

Но все были словно заворожены «тридцатикилометровой зоной» и за пределами ее ничего почти замечать не желали. (Ну, чем не банальный эксперимент с курицей: посадите на пол, обведите мелом круг — всё, замерла, сидит неподвижно!).

Через философа Юрия Карякина мне удалось, наконец, выйти на помощника М. СГорбачева — на Анатолия Сергеевича Черняева. Выслушал и всё понял, первый: готовьте письмо, как можно больше точной информации!

Вот с этого, с удачи, и началось мое практическое знакомство с проблемой: Чернобыль и власть.

А в Минске вещи происходили удивительные. Даже высшее руководство республики, от которой Чернобыль в 6-ти километрах, какое-то время пребывало в неведении о происшедшем. Как мне потом пожаловался Слюньков Н. Н. (первый секретарь ЦК Белоруссии): «даже Щербицкий[117] даже не позвонил!» Сосед называется! То же самое на более низком партийном уровне: по обе стороны Припяти, на белорусском и на украинском берегу, жили-дружили секретари райкомов, часто уху варили сообща. И вот белорусские начальники видят: что-то обезлюдел украинский берег. Переплыли речку, а там уже ни одного жителя — эвакуировались. И ни слова, хотя бы по телефону: и не потому, что друзья они плохие, а потому, что хорошие партработники, превыше всего блюли тайну партийно-государственную.

Вот в эту цепочку, таких вот правил игры и взаимоотношений, я норовил встроиться со своей тревогой, письмом, наивно полагая, что правды они ждут и ей обрадуются.

Узнав, что я еду к Горбачеву, меня тотчас позвали на самый высокий республиканский уровень — к Николаю Никитовичу Слюнькову, Первому секретарю ЦК КПБ. Может быть, мне что-то непонятно и потому я решил ехать? Мне разъяснят…

Меня, неспециалиста, позвали сами. Моим мнением заинтересовались. Потому что я каким-то ухищрением смог выйти на уровень выше республиканского, на горбачевский. А вот когда в этот же кабинет прорывался в первые же после аварии дни настоящий специалист, руководитель белорусского атомного центра Василий Нестеренко, перед ним все двери захлопывались. Еще бы: из Москвы никаких распоряжений, а этот шумит, паникует, требует, чтобы людей оповестили об угрозе их здоровью, убрали с уличных лотков пирожки и фрукты, не

проводили массовых мероприятий. (Может, и майской демонстрации не проводить?!)

Не без юмора он, Василий Нестеренко, хотя и говорили, что плакал (в прямом смысле) от отчаяния, что не слышат, не хотят ничего понимать, воспринимать. Но когда его гнали от начальственных дубовых дверей, он что придумал: мерить дозиметром щитовидки у секретарш. Те — в панику. Немножко, но передалось это и их начальникам, забеспокоились…

Вот от него, от Нестеренко я и получил конкретную информацию (о типах нужных нам приборов и т. д.). Он искал обходные пути, чтобы как-то прошибить стену, ну, и вышли мы друг на друга. У него, да еще у Николая Борисевича, президента Академии наук Белоруссии, получил я основную научную информацию. И для письма, и для разговора со Слюньковым.

Не очень-то я был готов к разговору: у руководителя республики вроде бы все «данные» об уровнях радиации по различным районам Белоруссии, а у меня лишь неотступная тревога и знание, но тут уж точное, что приборов для защиты миллионов людей от внутреннего облучения через продукты питания нет. Совершенно отсутствуют они, и когда будут неизвестно. А главное: будем ли стараться их получить, купить, сделать, если и впредь будет считаться, что «ветер дул никуда…»

Шесть с половиной часов государственного времени отнял я у первого лица республики. Я-то понимал, когда шел к нему, что меня позвали лишь потому, что теперь я не просто какой-то там писатель, нет, я человек, который едет к Горбачеву. Лишь в этом качестве я нужен и интересен, а точнее, опасен. Но хочется всегда думать о людях получше. Тем более что и плавный голос, и широкая улыбка, и воспоминание хозяина кабинета о своем голодном послевоенном детстве «пэтэушника» (ученика производственно-технического училища), рабочего на строительстве минского тракторного завода — всё настраивало на доверительный тон, даже на искренность. Ну, разве ему тоже не хочется, чтобы было как можно лучше? Кто же захочет; чтобы было Хуже? Да, да, уровни радиации в миллирентгенах и кюри на километр вроде бы не такие страшные (по его бумагам), правда, делали замеры больше с воздуха, с вертолетов и самолетов, но даже если и так — приборов для контроля за продуктами питания нет?.. Нет. Так это же вон чем грозит!

О переселении… Из «зоны» увезли людей. Ну, а которые рядом с «зоной», там детям жить можно? И почему людей не увезли подальше от «зоны», раз уж стронули с места, а поселили почти рядом? Не придется переселять еще раз? Ответ, который мне дан был, слово в слово и по пафосу совпадал с тем, что я

потом слышал от директора института биофизики Академии наук СССР академика Л. А. Ильина: мол, эвакуируя такую массу людей, не обойтись без травм и даже жертв. Так что надо еще подсчитать, что гуманнее… (Пройдет несколько лет и мы услышим, увидим, как ученые типа Ильина или Председателя гидрометеорологической службы Израэля будут спорить прилюдно с партийно-государственными деятелями, кто и кого обманывал и кто требовал лжи. До сих пор спорят и приводят доказательства. С переменным успехом. Но тогда было полное единение между ними в действиях и взаимопонимание).

Еще проблема, которую республиканскому руководителю пришлось обсуждать с писателем (напомним: который едет к Горбачеву) — куда дели мясо зараженного скота. Ведь это тысячи тонн. В холодильниках? А не лучше было в могильниках оставить? Что с ним потом будем делать?… Снова ссылка на науку: вылежится — освободится от некоторых «элементов», а там видно будет. (Ну, а там, как уже известно, его стали смешивать с чистым продуктом — преступление, кстати, тоже освященное ведомственной наукой, московским Институтом питания).

Не могли не заговорить о судьбе строящейся в 30-ти километрах от Минска тепловой атомной станции — неужто и после Чернобыля продолжим? Мне были выданы цифры: потребность города в тепле, запасы нефти в Тюмени, средства, затраченные на строительство…

За окном здания, в котором мы находились, уже зажглись неоновые буквы и слова над крышей музея Великой Отечественной войны: «Подвиг народа бессмертен». Что пришло мне в голову, но я вдруг показал на светящиеся слова Николаю Слюнькову: «Вот, и ваше имя вот так, если спасете Белоруссию».

Прошло с того дня почти четыре года. Нет в Белоруссии более ненавистного миллионам людей имени, чем это —

Слюньков. На минских митингах плакаты: «Судить Слюнькова!» Скандирования во время чернобыльских забастовок в Гомеле: «К суду Слюнькова! Нужен чернобыльский Нюрнберг!»

Страшный итог жизни, в общем-то, не самого плохого человека, который встречался на моем пути. Он, конечно, в тот день, когда мы осторожненько перетягивали канат — каждый к своей правде — не догадывался, куда принесет его волна, уже подхватившая. Верно и преданно служа системе, выполняя все правила аппаратной игры, этот бывший «пэтэушник» буквально через полгода после Чернобыля стал членом Политбюро КПСС — о чем еще может мечтать партиец? Но развеялось всё, как мираж, после XXVIII съезда КПСС: он уже не член Политбюро, он лишь Слюньков, а это действительно страшно — носить сегодня

фамилию, проклинаемую народом, понявшим, как его обманули и предали.

Три с половиной года больше миллиона белорусов (а сколько украинцев на своих таких же землях, а сколько русских на Брянщине и в Калужской, Тульской областях — тоже преданых своими руководителями) жили там, где жить нельзя, молоко от своей коровы пить нельзя, (подоил и вылей в яму), яблоко, гриб съесть опасно, и вдруг им сказано, они и сами давно предчувствовали, а сейчас поняли: они, их дети были лишь заложниками в какой-то бесчеловечной игре, партийно-аппаратной. Их держат, как подопытных кроликов — и даже сказав правду, все не переселяют.

А начал в Белоруссии это (и действительно так), он, Слюньков.

Конечно, не он один, и не был главным звеном в Большой Общегосударственной Лжи. Но в Белоруссии — он, как на Украине — Щербицкий, а в русских областях — свои руководители.

Ключевым в том нашем шестичасовом разговоре был, пожалуй, вот этот момент. Слюньков вдруг сказал:

— Позвали нас к Председателю Совета Министров Рыжкову, так Ляшко (украинский премьер) полтора часа плакался, клянчил о помощи, а наш Ковалев (белорусский премьер) за десять минут отчитался. Так Рыжков похлопал его по плечу: «Вот, украинцы, учитесь у белорусов!»

Не знаю, чего в словах Слюнькова было больше: призыва не ехать, не клянчить? Вон как на это смотрят там, наверху. Или же это был тот щедринский «административный восторг» чиновника, похваленного и поощренного, который готов теперь в лепешку расшибиться (и кого угодно заложить) только бы еще раз похлопали по плечу.

И всё равно трудно объяснить, как и что произошло после того, как письмо мое (я его все-таки отвез и передал) было неожиданно зачитано на заседании Политбюро (4 июня 1986 года). И Горбачев распорядился, чтобы в Белоруссию было послана комиссия. Авторитетнейшая комиссия выехала и так получилось, что я возвращался в Минск в-одном вагоне чуть ли не с двумя десятками министров и замминистров. Они не знали, что это я их везу в Минск, но и я этого тоже не знал.

2. Эх, Николай Иванович, что же вы сделали?

В одной из статей я вот так упрекнул Председателя Совета

Министров Н. И. Рыжкова и именно за то, что он столь неосторожно похвалил, в пример поставил «скромных» белорусских руководителей. За счет собственного народа, нетребовательных и скромных. И без этого готовые пренебречь его интересами во имя партийной и государственной дисциплины, после того похлопывания по плечу они вообще голову потеряли в стараниях доказать, что поощрения достойны. Чего стоит хотя бы такой факт: засыпанная радионуклидами республика отправляет в соседнюю, пострадавшую меньше, все наличные поливальные машины. Мыть улицы, асфальт Киева, словно в этом не нуждался белорусский Гомель или Могилев. Так удивительно ли, что Московскую комиссию они завернули, чуть ли не с вокзала: не нужна нам помощь, сами справимся, да у нас и не так плохо, как вас и Горбачева информируют эти писаки! Казалось бы, приехали министры и замы приборостроения, союзной медицины, зам. председателя Госплана и прочие — воспользуйтесь, добивайтесь чего можно получить, тем более что вас уже обвинить не в чем: не вы клянчили, за вас это сделали. Ничего такого не произошло. Наоборот, когда тот же В. Нестеренко и другой физик Н. Борисевич заикнулись об истинных масштабах радиационного поражения на Белоруссии — это им дорого обошлось. Их немедленно удалили с руководящих должностей. Заодно нас с Нестеренко из списка баллотирующихся в академики: и это у нас контролировала партия.

Но всё это пустяки в сравнении с тем, что сделали с Белоруссией, с ее населением. Сегодня республика (вся) объявлена зоной бедствия. Конечно, Чернобыль виноват. Но и вся послечернобыльская политика руководства республики — причиной тому.

Жители «зоны» да и всей Белоруссии особенно возмущены тем, что сам Слюньков «сбежал в Москву» — после того, как отказался от всякой помощи республике. Да, это так. Но самое большое несчастье даже не в отказе от помощи. Не очень-то готово было руководство комиссии по ликвидации последствий Чернобыльской аварии, тот же глава комиссии Б. Е. Щербина расщедрится на серьезную помощь. Когда Белоруссия все-таки попросила валюту на приобретение хотя бы самых необходимых приборов (уж насколько настойчиво просила, не знаю) заместитель Рыжкова Архипов прислал такой ответ Совета Министров СССР: валюты не будет, обходитесь собственными ресурсами.

Воистину страшное последствие послечернобыльской палитики Слюнькова, Бартошевича (второй секретарь ЦК КПБ),

Ковалева (Председатель Совета Министров БССР) заключалось в том, что они своим поведением задали программу всему государственному и партийному аппарату республики. Например, успехи или неуспехи работников медицинского надзора (от министра до врачей санэпидстанций) оценивались не по строгости контроля за продуктами питания и т. д., наоборот, насколько их деятельность и поведение соответствуют принципу: нет повода для паники. И вообще у нас всё хорошо. Поэтому и в Минске на центральном, комаровском рынке, и у себя на родной Могилевщине я наблюдал одну и ту же картину: женщина в белом халате сует в корзину с ягодами или грибами «микрофон» очень грубого, не восприимчивого к большинству излучения аппарата «Д-5» и даже не глядит на стрелку: а что глядеть, всё равно ничего не покажет, да и не требует никто никакой строгости или точности? Похоже, что как раз обратного требуют.

А уж обойти даже такой контроль проще простого: купи килограмм-другой ягод или грибов, мяса или молока сколько-нибудь, которые уже прошли «проверку», неси это к женщине в халате и получай разрешение на продажу всего, что ты сам привез на базар.

Правила игры, заданные на самом верху и в самом начале, выдерживались все последующие годы — и при новом руководстве республики. Действуют они, пожалуй, и сегодня. В результате: вместо того, чтобы локализовать радиоактивное пятно, и без того огромное, его размазали по республике и за пределами ее. Особенно потому, что в зараженных районах не только не прекратили земледельческих работ и животноводства, а даже наращивали и увеличивали планы, стремясь как бы и этим подтвердить, что изначальная оценка ситуации была верная. Где возводили дворцы культуры, пищеперерабатывающие цеха и т. п.? — в зараженных районах прежде всего. Дело в том, что средства на «ликвидацию последствий» все-таки выделялись Белоруссии, и даже не малые. Тратить их можно было лишь в пораженных зонах. Ну, и тратили: не на переселение людей, не на серьезный медицинский контроль и лечение, а на отмывку домов и даже деревьев, асфальтирование дорог, строительство школ-интернатов для детей (чтобы они поменьше находились на улице или, не дай Бог, в лесу, на реке) — сотни миллионов рублей и горы стройматериалов истратили впустую, не жалели, только бы люди жили там, где жить нельзя, невозможно. В партийных сейфах лежали карты с указанием: 40 кюри/км,2140 кюри, 300 кюри, но опасными «районами жесткого контроля» в Белоруссии по-прежнему (и в 1987, и в 1988–1989 гг.) считались лишь несколько районов.

Так что дело, конечно, не в Слюнькове только, или Щербицком, или Щербине, Ильине, Израэле, Чазове — крупных партийных или академических чиновниках. Они лишь звенья и проявление Системы. Созданной и возникшей из «партии нового типа», ленинской, построенной по принципу военной организации. Отрегулированная Сталиным за десятилетия террора, эта партия, вросшая в государство, слившаяся с государственными структурами, действовала в послечернобыльской ситуации по тем же правилам, теми же средствами, которые народам нашим уже обошлись в десятки миллионов жертв.

Но зачем это Системе — такие жертвы и страдания людей, что это ей давало, могло добавить? Она что «нарочно» вредит людям? Да нет, просто она не запрограммирована на обратную связь, на восприимчивость, на чужую боль и чужие, не аппаратные, чувства. Это всё равно, как упрекать мертвую природу в нечувствительности к ушибам и боли живых существ. В том-то и дело, что тоталитарная система сталинского типа (а она всё еще этого типа, невзирая на перестройку) в каком-то смысле *мертвая, неодушевленная*.

Я потом интересовался у одного секретаря обкома: вы же знали, понимали, что жить людям нельзя в ваших районах? Оказывается, знали уже в 1986 г. И даже некоторые докладывали начальству повыше. И что? А им отвечали: у нас есть наука и она подтверждает, что надо продержаться полгодика, годик, климат в Белоруссии сырой, дождливый, радиация уйдет в грунт, «растворится» (вот такая наука!).

— Ну, а что потом?

— А потом к нам приезжали сами ученые, из института биофизики, говорят, мы не учли, что в горящий реактор засыпали песок, свинец, излучающие частицы оказались как бы в не размываемых стеклянных капсулах. Говорят, мы ошиблись.

3. «Пора ставить на место…»

Как-то по телевидению в 1989 г. показывали: Михаил Горбачев приехал на Чернобыльскую АЭС, с ним Председатель Бюро Совета Министров СССР по делам энергетики Щербина, председатель Гидрометслужбы Израэль и новый директор Чернобыльской станции. Заверяют руководство страны, что с атомными станциями теперь всё в порядке. А если в чем и непорядок, так повинны в этом писатели, газетчики: мешают атомщикам трудиться во благо народа. Даже организовали «голос

из толпы»: уймите, мол, печать, «неспециалистов».

Горбачев как-то все уходил от разговора, понимая, конечно, что чиновники хотят показать народу, на чьей он стороне. А потом все-таки показал: нет, мол, без помощи общественности трудно добиться главного — безопасности АЭС.

Это один лишь эпизод постоянной борьбы между теми, кто «саркофаг» хотел бы соорудить и над самой проблемой Чернобыля — полную секретность всех данных — и теми, кто сознавал: Чернобыльская катастрофа может повториться в любой час. Тревога нарастала, как ее ни глушили, людей, пытающихся заговорить вслух об этом становилось всё больше. Но в печать, на телевидение нас не выпускали. Когда в 1987 г. я выступил в минском Доме кино перед журналистами, а телевидение снимало наш об этом разговор, материал пролежал «на полке» почти три года. До поры до времени это был наш исключительно устный жанр — Чернобыльская беда. Для белорусского писателя Виктора Козько и украинца Юрия Щербака, для журналиста Бориса Куркина и физика Григория Медведева.

В этом жанре я попытался добиться чего-то на Пленуме советских писателей летом 1987 г. Побывав в Госагропроме, в этом монстре-ведомстве, порожденном, как ни печально, перестройкой и возглавлявшемся земляком нашего Генсека Мураховским, я убедился: ничего через аппарат добиться невозможно. А ходил я к ним с идеей-требованием: прекратить сельхозработы на зараженных землях и практику смешивания «грязных» радиоактивных продуктов (мясного фарша, молока, яичного порошка и пр.) с незагрязненными, чистыми. Это делалось отчасти потому, что «план» на продукцию из зараженных районов Белоруссии (и, конечно, Украины, России) нисколько не снижался. А надо бы земли эти вообще выводить из оборота. В ответ я получил письмо за подписью академика Н. А. Корнеева, в котором писателей приглашали…на борьбу с радиофобией. И на разъяснение народу правильности политики властей.

С этой же проблемой я вышел на трибуну писательского собрания. Слушали. Особенно, когда сообщал москвичам, что они едят сыр из такого вот смешанного молока. И что это наша, белорусов, благодарность за научные рекомендации московского Института питания.

«Литературная газета» набрала текст выступления, но у цензоров был самый строгий наказ: о Чернобыле ничего в таком духе не пропускать.

Приказов таких и запретов, как, оказалось, была уйма. Например, для медиков: никак не связывать заболевания,

инвалидность людей из зараженных районов (и даже тех, кто прямо участвовал в ликвидации аварии) с Чернобылем. Мне позвонили из московской клиники ликвидаторы, прямо об этом сообщили. И имена-фамилии главных контролеров над этой практикой назвали: доктор Гуськова, академик Ильин. (Да, да, та самая симпатичная доктор наук Гуськова, с которой так успешно доктор Гейл сотрудничал в 6-й поликлинике Москвы сразу после аварии. Но откуда было знать американцу то, что и мы узнали не сразу. Возможно, специалист доктор Гуськова и стоящий, но как бывает карательная психиатрия, и ее практикуют тоже специалисты, так и вот такая радиология бывает — служащая не людям, а Системе).

Когда я ходил в Госагропром, выступал на писательском Пленуме, у меня, уже, казалось, наученного Слюньковым и его командой, всё равно оставалась иллюзия, что они там наверху нуждаются, бедные, в нашей помощи. Разве не будет рад в глубине души новый секретарь ЦК Белоруссии Ефрем Соколов, если кто-то там, без его стараний и риска с его стороны, добьется сокращения плана на централизованные поставки. Всё то же наивное непонимание наше, что им ничего так не жалко, как власти, чем они никак делиться не склонны, так это властью и авторитетом. Им все кажется, что если, например, что-то полезное сделать хотят неформалы, народные фронты (или вот такие одиночки-писатели) — это замах на авторитет партии (а, следовательно, и их лично). Н. Н. Слюньков прямо заявил: «Этот писатель думает, что у него одного душа болит за республику!»

В газете мое выступление не появилось. Но на столе у руководителей республики — немедленно. Долготерпение их лопнуло. Были позваны редакторы газет, возникла даже идея нового издания для таких дел — «Политического собеседника». Формула-указание: «Всё, пора их ставить на место!» (Когда они разрабатывают вот такие ходы за дверями кабинетов, им кажется, что мы об этом не узнаем).

С этого началась активная газетная и устная кампания, в результате которой я оказался жителем Москвы. Что ж, поближе к Горбачеву, к перестройке — свои в этом преимущества. И я ими вскоре воспользовался.

4. Второе письмо.

С ленинградцем Даниилом Граниным решили мы идти на Старую площадь к Горбачеву с нашими общими писательскими проблемами. Это была уже весна 1988 г. В Москве своя борьба —

за влияние на ход перестройки со стороны демократов или консерваторов — из числа писателей. Разве могло нам нравиться, когда от имени писателей (т. е. и от нашего имени) на партийных съездах глаголят, например, дремучий лигачевец Марков или любимец генералов — Карпов. Что у нас с ними общего: членство в одном Союзе писателей? Так зачем такой Союз — прибежище для литчиновников…

Конечно, идя на встречу, рассматривали, как тут устроился наш, тогда еще абсолютный кумир, Михаил Сергеевич: у секретаря ЦК Белоруссии кабинет и обстановка куда внушительнее! Поднялся навстречу, здороваясь. Ко мне: «А, Олесь! Или по-белорусски как: „Алесь“?

Было естественно поблагодарить его за ту немедленную реакцию на мое письмо о Чернобыле, о Белоруссии.

— А, то твое испуганное письмо!

Горбачевское „ты“, я знаю, некоторых коробит, но я и сам часто сбиваюсь на этакое панибратство. С людьми даже малознакомыми. Наша невоспитанность: у меня — партизанская, у него — специфически партийная. Хорошо, если бы это был наш самый большой недостаток.

Но про письмо он сказал: „испуганное“. Вот это и произошло — с такой информацией, с таким заключением вернулась тогда к нему Ильинско — Израэлевская комиссия. Ясно, что доложено было: преувеличения, эмоции неспециалиста, писатели, они такие!

— Ну, как у вас в Белоруссии дела?

— Дела гораздо хуже, чем я писал тогда.

Из двух часов общего разговора, по крайней мере, половину времени забрал Чернобыль.

Всё, что не находило выхода в печати, я старался, спешил выложить первому лицу в государстве. Заметно было, что такая информация сюда просто не доходит. Помрачневший Горбачев вдруг сказал:

— Напиши мне всё это. Напиши.

Приободренный, я решил „расширить прорыв“ — заговорить вообще об атомной энергетике в наших условиях. Сообщил, какой апокалиптический „график“ оставил покончивший с собой академик Валерий Алексеевич Легасов. Продиктовал мне (я однажды побывал у него в больнице) график „новых Чернобылей“, т. е. последовательность будущих взрывов станций чернобыльского типа. А их — пятнадцать реакторов.

— Ну, Легасов тоже во многом повинен… Действительно, до того, как самоотверженно гасить Чернобыль и затем придти к драматическим выводам обо всей нашей энергетической

политике и практике, этот баловень судьбы вполне вписывался в структуры и действия, приведшие к Чернобылю.

— Видимо, так, — возразил я Горбачеву, — но он хотя бы искупил и так страшно свой грех, а другие…

— Почему же нам они не сообщают об этом?

— Я спрашивал у Легасова: знают об этом другие ученые? Знают, ответил. А почему молчат? Клановый интерес. Горбачев взглянул на сидевшего за столом вместе с нами помощника своего Ивана Фролова:

— А ведь, правда, наверное: клановый. И снова повторил:

— Напишите мне об этом. И даже срок указал:

— До восьмого марта постарайся.

Этот разговор, казалось бы, случайные его фразы, многое объяснили потом — в событиях, которые последовали за нашей встречей.

Письмо я написал, перед этим обзвонив знакомых мне академиков (встретиться — времени не оставалось), ища подтверждения или опровержения каким-то своим мыслям и представлениям — у Велихова, Воробьева, Капицы, Гольданского, Моисеева.

События развиваться стали в неожиданном направлении, как это часто бывает с Горбачевым: самую крупную карту выкладывает, когда никто не ждет. Когда он требовал: напиши мне! — видимо, что-то уже планировалось. И разговор только подтолкнул уже вызревавшее. Потому и срок указывался, торопил с письмом, с информацией, о которой услышал.

Дальше — с чужих слов. У Горбачева (присутствовал и Рыжков) собраны были „атомщики“: руководители, ученые. Ну, как, мол, дела после Чернобыля? Отчеты пошли: делается, сделано то и то, такие-то трудности, но преодолеваем. Обычная, ни к чему не ведущая чиновничья игра-присматривание: а зачем нас все-таки позвали? И тогда заговорил Горбачев: еще один Чернобыль, и нас с вами не будет здесь — это вы понимаете? Страна не выдержит нового Чернобыля, народ не простит. Безопасность станций — главная цель и задача. Нужен, возможно, специальный институт по безопасности АЭС…

Но самое главное, „козырное“: каждый из вас едет на какую-то АЭС и привозит заключение, под *личную ответственность*, насколько станция надежная.

Ваша клановая, круговая безответственность — это больше не пройдет! — так, видимо, прозвучало.

И вот что произошло дней десять спустя: одиннадцать (!) реакторов предложено было готовить к остановке. Переполох начался в Совете Министров: а чем компенсировать энергию их?

И хотя закрыли, в конечном счете, всего лишь армянскую АЭС, но приговор послечернобыльской безответственности и показухе был произнесен. Важно было не дать заглохнуть импульсу. Вот почему я решил печатать письмо, в виде статьи. Я знал, что несколько чернобыльских статей (Г. Медведева, Б. Куркина и др.) уже лежат в редакциях журналов, но только Ю. Щербаку в „Юности“ удалось напечатать репортаж-голоса „Чернобыль“. Решил пробиваться через „Новый мир“, там редакторствует упрямый Сергей Залыгин.

Статью набрали, пошла в цензуру — и, конечно, в „директивные органы“. В ЦК, к Щербине, в Совет Министров, куда еще можно только предполагать. В „Новый мир“ тотчас были присланы три письма ученых высокого служебного чина, обслуживающих атомное ведомство. „Выступление в печати, обращение в высшие партийные органы писателя А. Адамовича по проблемам атомной энергетики, в частности, предлагаемая к публикации в журнале „Новый мир“ статья, не позволяет специалистам в области энергетики оставаться в стороне от этой целенаправленной кампании…“

И дальше на нескольких страницах академик Н. Н. Пономарев-Степной и доктор физико-математических наук А. Ю. Гагаринский, утверждали, что такие, как Адамович наносят удар и „неприемлимый урон народному хозяйству в самый критический для его перестройки период“.

Другой ученый, заместитель директора Института биофизики Министерства здравоохранения СССР К. И. Гордеев, ссылаясь на фрагмент моей статьи, опубликованной в „Московских новостях“ (нам удалось прорваться вначале с фрагментом [статья „Честное слово, больше не взорвется…“] „МН“ № 29 за 1988 г.), особенно был возмущен утверждением, что „всё, что связано с радиационными последствиями аварии, либо замалчивается, либо искажается и существенно в угоду „атомного ведомства“… С этим нельзя согласиться, так как подобное утверждение полностью отрицает ту громадную и разностороннюю работу, которую с первых дней аварии постоянно выполняют в пострадавших районах специалисты медицины, Госкомгидромета, Агропрома, работники местных и центральных советских и партийных органов по доведению до населения параметров фактической радиационной обстановки в каждом населенном пункте…“ И т. д. и т. п.

Я не отвечал доктору технических наук Гордееву, так же как и А. П. Поваляеву, „заместителю начальника Главного управления“ разных служб Госагропрома, а если бы пришлось, спросил бы: какое, например, участие их ведомства принимали в

сознательном лишении всего населения дозиметров. Вот так они „доводили до населения“ правду о радиационной обстановке: всячески, тормозили (и всё еще тормозят) выпуск индивидуальных дозиметров.

Нет, письма этих ученых были для нас, для редакции, как дар неба. Теперь можно было напечатать их тоже, чтобы сопровождали статью писателя, как конвой. Плюрализм мнений!

Что же их (и не только их) взволновало так в моем письме Горбачеву (к ним пришедшем как статья)?

Вот она — в законченном виде.

5. „Честное слово больше не взорвется, или Мнение неспециалиста…“

Почти полгода борьбы с цензурой, с Главатомом и обслуживающими его ведомствами, с самим Советом Министров СССР (ведь Щербина Б. Е., наш главный тогдашний оппонент — заместитель Н. И. Рыжкова). И, наконец, статья в „Новом мире“ была опубликована (№ 8. 1988 г.).

Не сразу, но пошли и другие публикации в разных изданиях, удерживать секретность ведомствам было все труднее. Назову лишь новомирские публикации: „Цена мнений: неспециалиста и специалистов“ А. И. Воробьева (1989.№ 3), „Атомная энергетика — надежды ведомств и тревоги общества“ — страстные, спорные отклики ученых различных взглядов и людей, живущих на зараженных землях» (1989.№ 4). И, наконец, работа Г. Медведева «Чернобыльская тетрадь». [Новый мир. 1989. № 6].

Борьба с политикой властей вышла на новый качественный уровень, когда в этот спор вступили общественно-политические движения — Белорусский народный фронт и украинский «Рух». Люди из «зон» наконец заговорили на митингах, вышли на манифестации, стали прибегать к забастовкам.

Атомная энергетика и ее авторитет в нашей стране практически повержены, и причины этого не только в самой Чернобыльской катастрофе, но еще и в бездушной и лживой послечернобыльской политике властей. Ни один из 38 вновь строящихся реактор-блоков общественность не позволила ввести в действие. Когда ситуация дошла до того, что на Хмельницкой АЭС, например, операторы действующих блоков с трудом могут пройти, прорваться сквозь кордоны разгневанных людей к своим пультам, министерство атомной энергетики в панике протрубило большой сбор — как сторонников, так и противников атомной энергетики. Позволю себе по «Правительственному вестнику»

(1990.№ 30/56. июль) процитировать собственное выступление: «Я считаю, что своей безответственностью, трудовой безнравственностью мы заслужили мораторий на АЭС. Но сегодня я попробую говорить с позиции защитника атомной энергетики. И в этом непривычном для себя качестве скажу — отрасль должна стать самым строгим своим критиком. Поймите, еще одна авария не обязательно у нас — будет означать конец атомной энергетики (в мировом масштабе). А пока отрасль идет позади, лишь уступая критике со стороны, нажиму публицистов, требованиям общественности, веры ей не будет. Хоть какое-то доверие получите, когда профессионалы будут опережать общественность в гласности, откровенности. Именно тот, кто заинтересован в развитии атомной энергетики, должен быть особенно нетерпим к любым изъянам техники, недоговоренности, дезинформации. И еще — нужна добровольная зависимость от мнения международной общественности: только с ее помощью наша атомная энергетика может вернуть доверие людей».

Позволю себе такую параллель: вряд ли способен поверить народ наш в какую-то обновленную модель социализма (гуманного, демократического). Чем дальше, тем яснее: не верит и не поверит. Так же он не верит и физикам, атомщикам (тут они в положении наших коммунистов). Что те создадут безопасные реакторы, «абсолютно безопасные» АЭС. Сталин и Чернобыль окончательно добили: один — идею и практику коммунизма, второй — атомную энергетику в нашей стране. По крайней мере, на обозримые времена.

6. Прорыв совершен, нужен еще один.

Да, сегодня, в конце 1990 г., мы живем несколько в иной ситуации, если иметь в виду наши чернобыльские дела. Как и во всем остальном в стране: гласность почти полная, а вот дела отстают.

Уже и Верховный Совет СССР принял постановление, в котором прямо сказано: недооценены были масштабы катастрофы и, кроме того, огромный вред принесла царившая в этих вопросах непроницаемая секретность.

Так что с гласностью как бы всё нормально.

Принята и практическая программа (а точнее, несколько национальных программ по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы; белорусская, украинская, российская). Определены, названы средства, необходимые для выполнения программ — это десятки миллиардов рублей.

(Кстати, общий ущерб от аварии, прежде, теми же «оптимистами» из ведомства определяемый в 8-10 млрд. рублей, сегодня подсчитан объективными учеными, и вот Ю. И. Корякин [в своей работе «Оценка экономических потерь, вызванных Чернобыльской катастрофой»] называет цифру: от 170 до 210 млрд. рублей. Но и это без расходов на медицинское обслуживание, пострадавших). Наконец осознали: Чернобыль — не позади, он впереди. На десятки и даже на сотни лет впереди. В социальном медицинском, психологическом смысле. Это катастрофа глобальная, без преувеличения, величайшая в XX столетии. «Ликвидировать последствия» Чернобыля просто невозможно. Вопрос стоит о том, как хотя бы адаптироваться к тем условиям, которые созданы на огромных территориях «мирным атомом» и как сделать переносимой, возможной жизнь для миллионов белорусов, украинцев, русских. Как обезопасить другие земли, страны, народы от первого и от возможных, последующих Чернобылей. «График Легасова» — разве он не может быть продолжен на АЭС в других странах? А что если такой «график» уже лежит перед глазами Господа Бога?..

То, что именуется сегодня «мирной» жизнью, для сотен тысяч людей — в каком-то смысле пострашнее войны. Хотя бы потому, что враг невидим и вездесущ. А уж белорусы-то знают, какова она, война: каждый второй житель республики погиб во второй мировой войне. И все-таки спросите у женщины из могилевской или гомельской деревни, которая вот только что подоила свою коровку, но не вылила молоко в яму-«могильник», как ей предложено и положено делать постоянно, а принесла в дом, чтобы добавить потом в корм кабанчику (что тоже не стоило бы делать). Отвернулась, а ее ребенок, выросший на молоке магазинном (конечно же, дефицитном) как в чудо, погрузил в теплое, пенистое свой пальчик и лизнул — а мать увидела. Напуганный разговорами взрослых об этих невидимых «кюри» и «бэрах», подстерегающих его на каждом шагу, ребенок отдернул руку: «Ой, мама, я не пил, я только попробовал!» Каково матери? А этим детям, какими сжавшимися внутренне, обворованными они вырастают (не говоря уже об увеличенных «щитовидках», вечно воспаленной носоглотке, анемии от малоподвижности и отсутствия витаминов, хотя яблоки в садах и ягодники ломятся от плодов) — у них невидимый враг отнял радость дождя, росы утренней, общения с лесом, рекой, счастья сорвать гриб или вырвать и съесть морковку, огурец. Не пробеги по улице (пыль особенно опасна), не сядь на траву. Они и бегают, и садятся, и купаются в реке — дети же! А потом их везут в Минск. Как и предсказывали еще в 1986 г. добросовестные медики, нарастают

заболевания лейкемией, раком крови. Но, говоря про «обыкновенные» болезни, потому что ослаблен иммунитет: «радиационный СПИД».

Ну, а что та женщина, только что принесшая в дом опасное молоко. Она занята делом еще более опасным для своего и детей здоровья — начинает готовить завтрак в обыкновенной «русской печи», которую топит дровами или, что еще хуже, торфом. Тут уже побывали кочующие дозиметристы, сунули прибор в печь: «О, тетка, у тебя не печка, а реактор! Ты куда пепел выносишь?» А куда она выносит — на огород. Да и разве вынесешь эти проклятые «рентгены», приходится яичницу жарить в «реакторе». Ей всю квартиру проверили, а лучше бы и не делали того, раз ей и дальше жить здесь, и неизвестно, сколько еще, с детьми: «Детей лучше держать в той комнате, а в этой дела похуже, надо вымыть, вычистить…»

А разве не моют, не чистят. И землю вывозили, и заасфальтировали дворы, чего только не делали, а невидимый враг снова и снова возвращается, он повсюду. Около 400 тысяч людей в одной только Белоруссии нуждаются в немедленном переселении. Десятки тысяч детей. Даже по официальным данным засыпано радионуклидами — 27 городов, 2670 населенных пунктов — попробуй всех пересели сразу. Времени-то сколько потеряно? А средств? И их в стране не хватает для всего.

Без помощи международной та женщина с ребенком неизвестно еще когда вырвется из чернобыльского кошмара.

Когда в Минске по призыву Белорусского народного фронта проходил Марш, названный Чернобыльским (осенью 1989 г.) я уговорил поехать со мной физика-атомщика Евгения Павловича Велихова, который тоже в 1986 г. гасил реактор: «Посмотрите, как еще много надо гасить!»

Хотя минские и районные власти по привычке пытались помешать людям приехать из зараженных зон (знали, какие будут лозунги и что услышат на митингах в свой адрес), собралось более 30 тысяч человек. Над каждой группой людей «оттуда» черные полотнища с цифрами: какая и где радиация, цезий, плутоний, стронций. Повидал, послушал всё происходившее новый директор Курчатовского ядерного института, где так болезненно воспринимали всегда «замах» общественности на «мирную» ядерную программу, и когда мы вернулись на заседания Верховного Совета, Велихов сам предложил: надо писать письмо Горбачеву, надо вывозить детишек.

И тогда-то возникла идея: обратиться к западным международным фондам, организациям с просьбой приглашать детей Чернобыля на отдых и лечение.

Практика эта сейчас приобрела размах очень широкий.: Индия, Израиль, Голландия, ФРГ, Испания, США, Англия, Канада, Италия, Греция, Япония, — где только не побывали детишки из Богом забытых Краснопольского, Брагинского, из других районов Белоруссии, Украины, брянские и тульские.

Низкий поклон вам, кто позвал их, на две, на три недели помогли забыть, что молоко — враг, яблоко — опаснее гранаты, рыба — яд, воздух — яд, всё вокруг — враг тебе.

Но в это время в минских клиниках всё равно умирают от лейкоза дети: по телевидению вся страна знакомится с печальным личиком, со слабой улыбкой ребячьей, мы узнаем имя маленького страдальца, а через какое-то время нам сообщают: тот Васенька, та Оленька уже умерли…

Ведь в Минске нет возможности делать даже пересадку костного мозга, а попасть в зарубежную клинику, пока очень трудно. Были приглашения из ФРГ, из Испании…

Брюссельская фирма «Эутон» берется построить в самом зараженном из больших городов, в Гомеле, лечебно-диагностический и научный комплекс, международный по статусу, независимый от наших структур. Хотя советская сторона тоже вкладывает 50 млн. долларов. Но очень необходимо финансовое кредитование зарубежных фирм, фондов. Цель: оказывать современную медицинекую помощь населению с тем одновременно, чтобы результаты наблюдений стали достоянием мировой науки. Только такое постоянное наблюдение и одновременно лечение на высшем медицинско-технологическом уровне способно дать ответы на медицинские и гуманитарные проблемы, встающие перед современным человечеством.

Брюссельский научный совет по Гомельскому проекту возглавляет академик Воробьев Андрей Иванович. При госпитале будет создана образцовая ферма по производству чистой продукции. Что тоже очень важно.

Был я недавно в Японии по приглашению общественных организаций, обеспокоенных безудержным строительством АЭС на японских островах. Случилось так, что группа лоббистов ядерной энергетики побывала в Москве, с кем они встречались, от кого получали информацию, можно лишь предполагать, но, вернувшись, объявили на всю страну: Чернобыльская трагедия — это миф. Ну, погибло тридцать человек! А остальное — проявление психоза, радиофобия, не более.

Мы и прежде были свидетелями такого вот странного «облучения» зарубежных специалистов после того как они пообщаются с уже упоминавшимися нашими чиновниками от науки. Горько и стыдно было белорусам слушать летом 1989 г.

приехавших в пораженные районы представителей МАГАТЭ: Пеллерина, Бенинсона, Уайта, когда они навязывали нам, белорусским крестьянам, так называемую «концепцию Ильина»: сидите, может, еще и не наберете 35 бэр. Тем более, что у Рыжкова нет для вас средств, денег. От кого же эти ученые приехали: от МАГАТЭ или от нашего министерства финансов? Но, скорее всего — от атомной энергетики, ее мировой престиж — превыше всего. А потому Чернобыля не было! После многочисленных встреч, выступлений в Токио и Нагасаки, обширной прессы и телевизионных передач — японцы относятся к ситуации в мировой атомной энергетике и к своим, наверное, достаточно качественным АЭС с огромной ответственностью — я получил письмо от молодых своих японских друзей (написано по-русски):

«Уважаемый Александр Михайлович!

Прошло полтора месяца, как мы слушали Вашу лекцию. С тех пор мы разговаривали с нашими депутатами парламента и советским посольством, и слушали доклад члена японской делегации, которая инспектировала Чернобыль.

И мы решили провести „благотворительный аукцион для детей Чернобыля“. Японские артисты, политики и художники предложат свои личные вещи и мы продадим их…» (И дальше вопросы: куда и что присылать, какие медикаменты, аппаратуру).

Дорогие, милые ребята, девчата, японские наши друзья Масамоси Такэучи, Харухиса Исикава, Кёкео Эндо, Юи Кимура, а также друг мой Таке, в доме которого я ночевал и который называл себя «лесорубом», то, что движет вами — спасет нас всех. Не только от последствий прошлых катастроф, но и будущих.

Маленькую Японию опоясывает то ли ожерелье, то ли петля (как, с какой точки зрения взглянуть) из 37 АЭС и еще стольких же строящихся. А сколько в других странах, во всем мире их — потенциальных Чернобылей. Можно уверить себя, других: ну, наша технология не подведет! Это в нашем-то мире, где еще и войны вспыхивают, и терроризм процветает? Андрей Дмитриевич Сахаров, один из тех, что стоял у истоков атомной энергетики, не случайно пришел, в конце концов, к однозначному выводу: все АЭС с поверхности планеты следовало бы убрать, а если строить, то под землей, в скальном грунте.

На втором заседании недавно созданного Международного Московского энергетического клуба, которое состоялось в Бохуме (ФРГ) обсуждался и этот вопрос. Я, например, сторонник (согласились и некоторые, куда более квалифицированные специалисты) возрождения американского «плана Баруха», но уже для «мирного» атома.

Строжайший (с санкциями) международный контроль за качественным уровнем атомной энергетики (проектирование, строительство, эксплуатация). Если какая-то страна (как Австрия, Швеция) готовы отказаться от риска иметь АЭС, они должны иметь гарантии, что не пострадают от соседей. (Как Белоруссия пострадала).

Член клуба профессор Залесски (Франция) начал практическую работу по созданию Международного Фонда для закрытия атомных станций, которые опасны для всех. Сделан подсчет, анализ: у кого и сколько таких станций. И снова сконцентрировалось внимание на тех пятнадцати «Чернобылях», о которых перед концом своим с тревогой говорил Легасов. Но не только у нас есть они, потенциальные Чернобыли. И потому так необходимо международное соглашение, возможно, в рамках ООН, о каком-то варианте «плана Баруха» для «мирного» атома.

Чтобы кроме всего прочего, население других стран не оказалось в случае новой беды в таком же положении, в каком мы оказались. Нужна постоянная готовность (международная) тут же отселить, лечить, спасать.

Но нужно и кардинальное решение проблем энергетики, развития альтернативных форм ее, чтобы не оставаться заложниками ядерной. Даже усовершенствованной.

А что, если действительно перед глазами Господа Бога уже лежит «график» нашего людского безумия?.. Чтобы не произошло новых бед, люди должны извлечь все уроки из нашей трагедии.

Сообща погасить Чернобыль, который все еще пылает на огромных территориях Белоруссии, Украины, России.

25-29 августа 1990 г. Москва.

Выступления в Японии

1. Беда учит

Я приехал из страны, где рейтинг, авторитет всего японского (технологий, трудовой морали, даже вашей программы атомной энергетики) очень высок. Поэтому я никак не собираюсь, да и не могу, ставить своей целью, рассказывая о наших мирных атомных программах, как-то воздействовать на ваши через общественное мнение. Нет и нет, меня пригласили рассказать правду о чернобыльской катастрофе, как она видится из Белоруссии, откуда я родом. А уж вы сами, если угодно, используйте эту правду применительно к своим условиям. Ведь они не одинаковы, наши и ваши условия: у нас нефть, газ, уголь — на десятилетия хватило бы. У вас этого нет, и вы исходите из этого в своих программах. Мы же без АЭС могли бы и можем просуществовать еще лет 20–30, дожидаясь действительно безопасных технологий. Не своих, так чужих, ваших, например.

Так что мы объективно даже заинтересованы, чтобы вы активно развивали атомную энергетику.

Но хотим быть честными и рассказать вам всю правду. А уж вы сами делайте из нее выводы.

Есть нехитрый фокус: курицу сажают на пол, обводят мелом круг, и она сидит, не шевелясь, завороженно.

Приблизительно так произошло с мировым общественным мнением (и японским тоже) после Чернобыля. Все внимание в 30-километровую зону. И лишь про жертвы первых дней и недель аварии говорят, пишут — про 31 человека с лучевой болезнью.

А что произошло и происходит на самом деле?

Чернобыль для нас не позади, а впереди.

Радиоактивная грязь обнаружена на 10000 км^2 Белоруссии, 2000 км^2 Украины и 6000 км^2 западных областей РСФСР.

Мир долгое время смотрел лишь в сторону Украины, на Киев. Не обратив внимания на сообщения, что ветер дул в основном (первые недели, самые страшные) на север, т. е. на Белоруссию.

Ученые подсчитали, что по цезию (а еще плутоний, стронций, горячие частицы и т. д.), — так вот только по цезию-137 — чернобыльская катастрофа равна 350 Хиросимам. 30 «хиросимских» бомб — на Украину, 20 — на русские земли и почти 300 хиросимских (по радиации) бомб — на Белоруссию. Зараженность различная: от 5 до 140–200 кюри на км и выше.

В Белоруссии 1/4 пахотных земель, лугов, угодий «грязная»,

т. е. и продукция их опасна для здоровья. А это условия жизни 2,5 млн. человек. Притом 150 тысяч живут на землях, где от 40 до 140 и выше кюри на километр. До сих пор они не переселены на чистые территории. Выселяли лишь из 30-км зоны.

Почему так, как могло так быть и почему продолжается — это особый разговор о нашей бюрократической системе. Или о прямом служебном преступлении. А пока о фактах.

Вы от радиационных последствий Хиросимы (если иметь в виду излучения на пораженной территории) избавились достаточно быстро. Наши территории будут опасны еще десятки лет: «мирный» атом, когда он вырвался из-под контроля, оказывается, еще опаснее «военного» (время полураспада при взрыве реактора тяжелых элементов куда длительнее).

Врачи, ученые (не лоббисты атомной энергетики, а таких у нас тоже хватает) предсказывали: вначале «радиационный СПИД» — ослабление иммунной системы и инвалидность или смерти от «обычных» болезней (легочных, сосудистых и т. д.), затем, через 2–3 года всплеск рака крови, лейкоза (он уже начался), через 10–20 лет онкологические последствия, дальше — генетические.

Всё идет по этому страшному графику, и десятимиллионный народ, белорусы, стоит перед реальной угрозой национальной катастрофы. Белорусам вообще достается от матушки-истории. Во второй мировой войне погиб каждый четвертый житель Белоруссии. Сейчас угроза нависла над каждым пятым. Еще бы — 300 Хиросим! Ну, и, конечно, своя беда у украинцев, у русских.

Пришлось признать, на государственном уровне — в предложенных Верховному Совету СССР, программах трех республик по преодолению последствий чернобыльской катастрофы — говорится прямо: страна без международной поддержки не совладает с этим. Требуются десятки и десятки миллиардов рублей и главное — технология, медицинская помощь всего мирового сообщества. От казенного оптимизма прошлых лет не осталось и следа. Вопрос ставится так: «ликвидация последствий чернобыльской катастрофы», полное преодоление ее последствий невозможно в принципе. Проблема стоит в глобальном плане, это всей планеты проблема: как приспособиться, адаптироваться всей биосфере Земли к Чернобылю, к новому для нее постчернобыльскому состоянию. (Реальна угроза Средиземному морю, а значит, Европе, Северной Африке: днепровский радиоактивный ил в любой момент при паводке может двинуться к Черному морю.) Последствия Чернобыля полностью ликвидировать невозможно — для всей Земли. Как и для отдельных людей, пострадавших от аварии.

Вопрос стоит хотя бы о смягчении последствий. Например, в

стране явно не хватает опыта и аппаратуры для лечения детского и вообще лейкоза. В Белоруссии вообще нет этих возможностей, хотя заболевания именно здесь наибольшие. А впереди возрастание онкологических и генетических проблем… Многие страны уже принимали наших больных детей, или есть уже договоренность: Индия, Израиль, Голландия, США, Испания… Но, повторяю, для Белоруссии важнее всего и уже выдвигалась такая идея: создание международного медицинского центра в пораженных зонах — для изучения и смягчения биологических последствий катастрофы. Последствия, конечно, не только биологические, но и психологические, а также социальные. Катастрофа для нашего народа, считается, пострашнее всего пережитого нами в годы войны. Там убили миллионы людей, сожгли сотни городов и десятки тысяч деревень, но выжившим осталась плодородная земля, чистая вода, радости детства, грибы, ягоды, овощи. Сейчас для миллионов людей всё это стало опасным или враждебным. Притом угроза не сужается, не становится меньшей с годами, а наоборот — возрастает. Например, украинский Днепр, а также Припять питают водой города, где живут 35 млн. человек. Удалось осадить на дно хранилищ и запруд радионуклиды, но их там накопилось столько, что достаточно большого паводка, как 35 млн. человек испытают новый Чернобыль. А следом, как уже говорилось, это распространится и на побережья Средиземного моря.

Или — «горячие частицы». Когда горел реактор, уран, графит, жерло четвертого блока засыпали песком, свинцом и пр. — все это в виде сплавленных частиц рассеялось на огромных территориях. Очень опасны «горячие частицы» при вдыхании: вскрытие умерших показывает — до 10–20 тысяч в легких человека. А это — гарантированный рак. Но и еще одна угроза: со временем эти частицы начнут распадаться под воздействием природных факторов — и новый всплеск радиации на огромных территориях.

Вы хотя бы живете в Хиросиме, приезжаем мы, иностранцы, в Хиросиму. В «наши» Хиросимы (в Белоруссии — 27 городов, 2700 деревень — по официальным данным) приходить, приезжать надо с дозиметрами, которых у нас, кстати, тоже катастрофически не хватает.

Мы к чернобыльской катастрофе оказались совершенно неготовыми. Сгубили нас оптимизм и эйфория атомщиков, безответственность государственного аппарата. Один из авторов чернобыльского реактора, академик Александров, заверял, что эти штуки можно в центре Москвы, на Красной площади устанавливать.

Сейчас мы умнеем, но какой ценой! Пусть умнеет и весь мир, помня, что дурацкий, как оказалось, лозунг времен расцвета атомной энергетики «Мирный атом — в каждый дом» может осуществиться на практике. Но слишком всерьез. В деревнях люди знают: вот на кухне опасно быть, а в спальне менее опасно — «мирный» атом у них под подушкой, в тарелке. Даже на могилу к умершему от лучевой болезни отцу (если он заболел в Чернобыле) приходить надо не очень часто: земля «светится».

Ваши программы — это ваши программы. Не нам японцев учить технологии. Но на нашей беде поучитесь все-таки и вы.

И помогите нам.

2. Хатынь, Хиросима, Чернобыль…

Как стремительно множатся знаки беды в наш век: после Хиросимы и Нагасаки — Чернобыль. Если спросите у белоруса (а я из Белоруссии), что еще равновелико названным трагедиям, он назовет Хатынь — деревню под Минском, где кладбище-мемориал 628 белорусских деревень, сожженных немецкими фашистами вместе с людьми. Люди сгорели заживо, как и в Хиросиме, — больше 100 тысяч. Поляки назовут Катынь — место сталинского геноцида под Смоленском. Хатынь и Катынь — звучат похоже, да и по сути одно и то же: геноцид.

Да, всё это знаки геноцида, покушение на жизнь целых народов, наций: атомный геноцид, фашистский, сталинский…

В Белоруссии сегодня говорят о чернобыльском геноциде по отношению к белорусскому народу. Тут и цифры потерь соотносимы: в годы минувшей войны погиб каждый четвертый житель Белоруссии (2,5 млн. из 10). Сегодня ровно столько жителей Белоруссии живут на пораженных чернобыльской радиацией территориях. Там свирепствует «радиационный СПИД» — стали смертельными некоторые обычные болезни, поскольку ослаблена иммунная защита. Растут заболевания крови, лейкоз, особенно у детей. А впереди — онкологические заболевания и генетические изменения.

Потому-то мы и говорим: Чернобыль не позади, он впереди. Я говорю, прежде всего, о Белоруссии не только потому, что сам я белорус. Но еще и потому, что именно эта республика Советского Союза больше всего пострадала от аварии. Чернобыльская АЭС размещена на территории Украины (в 6 км от белорусского Полесья). Но как писала одна наша газета в дни катастрофы: «Ветер, к счастью, дул не на Киев…» Но он дул куда-то. И именно в сторону Белоруссии.

Ученые считают: из 350 бомб (по радиации, по цезию-137 прежде всего), равных хиросимской, 300 упали на Белоруссию. Досталось и Украине, и русским западным областям, ну, а Белоруссия пострадала снова не меньше, чем в годы минувшей войны. Заражены 27 городов, 2700 деревень на территории более 10 тыс. кв. км (это по официальным данным). А это — надолго. Страшная трагедия Хиросимы, Нагасаки длится и сегодня — в судьбах пострадавших и ныне живущих жертв атомной бомбардировки, в памяти японского народа. Но сами земли, воды, растительный мир очистились сравнительно быстро. Так бывает при взрыве бомбы: тяжелые элементы разрушаются. Взорвавшийся реактор, как вулкан, выбрасывает их в устойчивом виде: цезий, плутоний, стронций, «горячие частицы» (уран в оплавленном виде, как бы в маленьких капсулах) и т. п.

На десятилетия у людей, у народа отнято не только здоровье, но и — земля, вода, небо, молоко, овощи, фрукты, грибы. У детей — нормальное детство. Разве не геноцид?

Невольно подумаешь, скажешь: он проклят, атом! И не только военный, но и «мирный». Как бы проклятие на нем. Не потому ли, что оружие атомное (а следом и атомная энергетика) родилось под знаком фашизма. Всем известно, что бомба делалась из страха перед Гитлером, коричневым монстром фашизма. Пытались защититься от него с помощью атомной бомбы и не заметили, что он, этот монстр, спрятался в эту же бомбу. Юркнул в нее, спрятался и скалится издевательской скелетной ухмылочкой из бомбы.

6 августа 1945 года был убит не просто японский город — похоронено было само бессмертие рода человеческого. Человечество в один миг стало смертным (хотя и не сразу это осознало).

Не все и до сих пор осознают, что новое состояние у рода человеческого, новый отсчет времени начался и с 26 апреля 1986 года. До Чернобыля и после Чернобыля — это разное мироощущение, это по-новому опасные пути человечества в будущее. Угроза экологического коллапса, экологической гибели сразу придвинулась вплотную. И не только для белорусов. Или для Советского Союза (мы кожей ощущаем: еще один Чернобыль — и нам крышка!) чернобыльская катастрофа не только разбросала, рассеяла радиацию по всей планете (сотни миллионов кюри), она постучалась в каждую дверь, в каждое окно жителя планеты: вся современная цивилизация под угрозой экологического самоуничтожения, в прямом, физическом, смысле. И не спасут никакие защитные противоаварийные системы. Не взорвутся АЭС сами — помогут террористы или «обычные», малые

войны. Андрей Дмитриевич Сахаров, как известно, предлагал человечеству убрать все АЭС под землю. Но всё это чисто технические решения. Их явно недостаточно, хотя они тоже нужны.

Один из инициаторов нашей атомной программы, ставший и жертвой ее, — Валерий Алексеевич Легасов незадолго до того, как решился на самоубийство, говорил: Чернобыль случился оттого, что наши инженеры, техники, ученые стоят не на плечах у Толстого или Достоевского, т. е. великих мыслителей-гуманистов, а на плечах таких же, как они сами, «технарей». Чисто технологическая цивилизация обречена на самоистребление, самоубийство. Никакие противоаварийные системы не спасут; самые совершенные и изощренные. Лишь культура, высокая, нравственная, гуманистическая культура, которая всегда предполагает самоограничение материальных запросов и рост духовных, может стать настоящей защитной, противоаварийной системой нашей цивилизации.

Говорю это я, приехавший из страны, где люди так влюблены в японскую технологию и очень многие верят, что спасение в ней. Да, действительно нам нужна ваша технология, ваша помощь для преодоления последствий Чернобыля. Но нам еще больше нужно, необходимо взаимопонимание, осознание, что род наш человеческий — единый. А после Хиросимы и Нагасаки, после Чернобыля — особенно. И чем скорее вы и все другие страны, народы поймете, поймут, поймем, что создалась новая ситуация в мире, для всех новая после Чернобыля, тем меньшие беды и катастрофы нас будут поджидать в будущем, может быть, за ближайшим углом, перекрестком истории.

Мы привычно говорим, пишем: «преодолеть последствия чернобыльской катастрофы». Преодолеть их окончательно, полностью невозможно. Можно лишь немного отстранить их от детей Белоруссии, Украины, России (более 250 тысяч жителей необходимо переселять немедленно). И надо, необходимо срочно создавать современные медицинские центры по пересадке костного мозга — наступает на нас, на наших детей буквально эпидемия лейкемии, рака крови. При этом центр такой в Белоруссии мы хотели бы создать международный, научно-медицинский — проблема послечернобыльского существования, повторяю, всё больше осознается как общечеловеческая проблема. Тут никак не обойтись без участия японских ученых, без вашего научного потенциала, опыта, технологии.

Мы спасемся, если всегда и во всем будут рядом с нами и в нас великая культура Востока и Запада, великие религии, каждая из которых содержит, исповедует главное человеческое чувство:

тебе сейчас плохо? Ну, так вот так бывает и другому, когда плохо ему! И чужой беды не бывает: особенно после Хиросимы, после Нагасаки, после Хатыни и Катыни. После Чернобыля.

3. Радиофобия ли?

Подсчитано уже: на Белоруссию, на Украину и русские области Чернобыль обрушил 300–350 «хиросимских» бомб (если измерять по радиации, по цезию-137, прежде всего, а также плутонию, стронцию). На зараженных территориях, (почти 20 тыс. кв. км), проживает около четырех миллионов человек (там, где уровень радиации от 1–2 кюри/км до 40-140 кюри/км, т. е. где и продукты питания — молоко, овощи, грибы и т. д. — «не чистые»).

К этому следует добавить, что целых три года власти и ведомственная наука, (а она у нас всегда обслуживала в основном ведомства, в том числе и мощное атомное), правду о реальной обстановке держали под строгим секретом (замеряли, изучали, но всё скрывалось: кажется, так действовали в первые годы после трагедии Хиросимы и Нагасаки американцы, но они были оккупанты, а это — собственные власти!). Что же удивляться, что сейчас, когда случился прорыв гласности, прорыв общественности также и в послечернобыльские тайны-секреты, огромная тревога навалилась на миллионы жителей пострадавших областей и районов. Преступившие нормы профессиональной честности и морали деятели медицины, радиологической науки и др. (такие, как вице-президент Академии медицинских наук Ильин, председатель Госкомгидромета СССР Израэль, бывший министр здравоохранения СССР Чазов и др.) склонны всё теперь сводить к радиофобии. Мол, никакой реальной опасности не было и нет, а есть — массовый психоз. В котором повинны пресса, общественность. А тем временем растет количество заболеваний, особенно лейкемией и особенно среди детей в зараженных местностях. Молодые люди, никогда не жаловавшиеся на здоровье — из числа участвовавших в ликвидации последствий взрыва 4-го реактора, тысячи и тысячи так называемых «ликвидаторов», — стали или становятся инвалидами.

Что же произошло на самом деле — и не с народами белорусским, украинским, русским, которые никогда не отличались ни мнительностью, ни слабостью духа, — неужто всё это лишь радиофобия? Или же попытка тех, кто во всем виноваты, преуменьшить и вину свою и саму катастрофу. На митингах и во время чернобыльских маршей в моей Белоруссии люди требуют к

ответу тех, кто отнял у них спокойствие, отнял правду и отнимает здоровье.

Что же на самом деле произошло, почему так повели себя власти, многие ученые, атомщики, медицина, экологические службы? Да, сама тоталитарная система, от которой мы избавляемся, но которая сформировала этих людей и определенные структуры, традиции, все это предопределила. Но конкретнее — как все происходило?

У нас в стране существовала просто-таки эйфория в отношении атомной энергетики. Самая чистая, самая безопасная и дешевая! Можно реакторы прямо под стеной московского Кремля устанавливать. (Вот бы установили!) Это утверждали проектанты реакторов (академики Александров, Доллежаль и др.), работники атомного министерства, строители АЭС. Передалось это и эксплуатационникам — никакой разницы между АЭС и тепловой станцией!

А когда ахнуло, первая реакция и стремление всех этих людей и ведомств — преуменьшить масштабы беды, а тем самым и собственную вину. Как не стремиться преуменьшать угрозу здоровью людей руководителям Министерства здравоохранения, если они не имели, не подготовили специалистов достаточно? А те ведомства и начальники, которые без дозиметров, измерителей чистоты продуктов питания оставили страну, и это сразу обнаружилось?..

Все они — от Главатома до института биофизики и Министерства здравоохранения — бросились не изучать обстановку, а закрывать ее пеленой секретности. Чтобы вина их перед народом, страной не была столь велика.

А в результате эта вина удвоилась, потому что три года людей уговаривали жить там, где жить нельзя, питаться тем, что нельзя использовать в пищу, вдыхать отравленную пыль — вот почему сегодня никто не верит ни этим руководителям, ни этим ученым или медикам. И радиофобия тут ни при чем. Налицо преступление перед собственным народом — об этом у нас говорят, пишут в открытую.

Любопытно, что послушная ведомствам наука, люди и власти, теряющие доверие у своего народа, всё чаще апеллируют к авторитету международной науки. Но не к независимым ученым, а к таким же лоббистам атомной энергетики любой ценой, как и они сами. (Из МАГАТЭ, из Всемирной организации здоровья.)

Но общественность (в частности, Сахаровский комитет, недавно созданный вдовой академика Еленой Боннэр) самостоятельно устанавливает связи с независимой наукой,

независимыми учеными других стран — в интересах всего человечества. Чернобыль — это не наша только катастрофа. Это планетарная беда. И преодолевать ее последствия (насколько это возможно) приходится общими усилиями. Известный наш радиобиолог академик А. И. Воробьев уже вел переговоры с японской стороной о создании в Белоруссии международного научного центра по изучению и ликвидации последствий аварии. Если угроза новых Хиросим как бы отступает в результате изменений, происшедших в Восточной Европе и в СССР, то новые Чернобыли столь же, если не больше, чем вчера, вероятны. Невзирая на все защитные меры. Не случайно А. Д. Сахаров предлагал все АЭС упрятать под землю, в скальном грунте (чтобы уберечь нас от террористов, уберечь реакторы от малых войн и т. п.).

Незадолго до смерти (до загадочного самоубийства) академик В. А. Легасов, внутренне обожженный чувством вины за чернобыльскую трагедию (и не только внутренне: он много месяцев «гасил» реактор), так вот он мне продиктовал «график» новых катастроф, типа чернобыльской. (Недавно мы закрыли одну из таких станций — Армянскую АЭС, на очереди — Ленинградская, Смоленская и др.)

А что, если перед глазами Господа Бога уже лежит такой свиток, график — угадать бы. Береженого Бог бережет! — говорят у нас в народе. Так давайте будем береженными — беречь свою единственную планету. Вместе, общими стараниями, усилиями, программами.

1990 г.

Письмо в Японию

Дорогой Эй-Сан!

Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить Вас и всех, кто имел к этому отношение, за внимание и помощь, которые нам были оказаны. Посылаю первый отклик на Вашу благородную акцию — помощь жертвам Чернобыля. Эта заметка из «Московских новостей» (№ 49)[118] на русском языке. Деньги я вручил лично главному врачу детского отделения 1-й гематологической клиники г. Минска Алейниковой Ольге Витальевне. (Она вам напишет, будут присланы фотографии). Глубокая благодарность всем, кто причастен к этой акции. Присутствовал и руководитель фонда «Детям Чернобыля» Грушевой Геннадий Владимирович, на счет которого Вы согласились переводить (через Берлин) деньги, отчисление от кинофильма. Мы условились, что он будет перед Вами отчитываться, что и за сколько купил для Минской клиники, а главврач Алейникова будет, в свою очередь, сообщать, что она от фонда «Детям Чернобыля» получила. Контроль, как видите, двойной — так лучше для всех.

Я уезжаю на месяц в отпуск на Кавказ, надеюсь «мост» будет действовать. Рад буду потом Вас повидать в Москве. Привет Хонжо-Сан и всем, кто с вами!

Алесь Адамович 14.12.90 г.

С миллионом в кармане

Именно так и было: писатель Алесь Адамович вез вот таким необычным образом миллион иен из Японии. Однако богачом А. Адамович был только в дороге: по приезде в Минск он передал деньги по назначению — для детей Чернобыля. И ответил на несколько вопросов.

— Александр Михайлович, этот миллион пожертвования. Не привыкли мы пока к этому слову, как и к своему беспомощному положению… Однако вы одним из первых поняли, что под лежачий камень вода не течет (а ведь из окаменелого, шокового состояния мы не вышли до сих пор!), и начали прорываться через зону упорного молчания — к разным людям. Теперь вот тревожный набат забил и в Японии. Кому там конкретно адресовать наше «спасибо»?

— Всем людям. Как только в Японии узнали всю правду о масштабах нашей беды, так сразу по стране началось мощное движение благотворительности. Как дерево весной переполнено соком, так и Япония сейчас полна этим чувством. Деньги собирают даже старики и дети, причем порой и больные. Я, к примеру, видел, как собирал деньги маленький мальчик, он был в коляске (у него полиомиелит)… Так что можете представить, как искренне нам сочувствуют, как хотят помочь. Сейчас начали собирать средства и фирмы.

— Но ведь, казалось бы, японцы, пережившие первыми ядерный взрыв, должны бы одними из первых и догадаться, каковы масштабы нашей беды. А у них глаза только сейчас открылись?

— В том-то и дело, что они мыслили по аналогии. У них ведь как происходило? Взрыв, погибли люди. Это всё было. Но потом оставшиеся вернулись в родные места, и… жизнь продолжалась. А у нас? Как сообщала официальная пресса, погибло около 30 человек, облучилось несколько сот. Вот вроде и всё. Остальное — так, радиофобия.

А что воздух, земля, вода практически навеки стали отравленными, что результат смертоносного воздействия растянут во времени, а масштабы ужасны — этого они не знали. Я, гуманитарий, как мог, объяснял им разницу между «их» взрывом и аварией на станции. И они поняли. И сразу же стали активно действовать. Сейчас, повторяю, движение пошло по всей стране. Тем более, что японцы — вообще очень отзывчивы и сердечны.

К тому же в эти дни они невольно вспоминают и то добро, которое мы сделали им в шестидесятые годы. Тогда разразилась в

стране эпидемия полиомиелита, американская вакцина запоздала, а наша пришла как раз вовремя, и они спаслись. Эта действительная история была взята в основу сюжета советско-японского фильма «Шаг» — он сейчас идет на экранах Японии. Вот такой перекинулся печальный мостик — от их полиомиелита до нашей лейкемии. И по обе стороны — дети… Корпорация «Сигато филм продакшн ЛТД», которая финансировала этот фильм, решила 50 иен от каждого проданного билета на «Шаг» перечислять на пожертвования нашим детям. Потом будет помощь лекарствами, приборами.

— Передела вам лично в руки такой суммы означает полное доверие именно вам. Но ведь японцы могли бы и без мороки просто перечислить эти деньги на какой-нибудь счет.

— Могли бы, но не захотели. Поскольку правительственный канал считают ненадежным — Армения многому научила. Поэтому у японцев было одно условие: чтоб деньги пошли строго по назначению — детям. Мало того, они целенаправленно адресовали их в основном на нужды детского гематологического центра в Минске — о нем слышали.

— В свою очередь и вы должны быть уверены, что фирма-распорядитель, которой вы доверите деньги, будет дорожить и своей репутацией, и вашей. Кого вы выбрали своим доверенным лицом?

— Общественную организацию — благотворительный фонд «Детям Чернобыля» при БНФ, которым руководит Геннадий Грушевой (он народный депутат БССР). Я вижу, что его фонд делает конкретное дело — организует помощь (и из-за рубежа) детям лекарствами, питанием, распределяет ее. Свыше двух с половиной тысяч ребят были отправлены летом на оздоровление во многие страны, начали отправлять и больных на лечение. То есть здесь, повторяю, делают дело. Многие же другие фонды, организации (государственные!), как я наблюдаю, склонны, в основном, накапливать деньги на счету. А кому от этого польза? Ведь ясно: больные дети нуждаются в прямой помощи, и притом быстрой.

Беседовала Лариса Коктыш.

Последняя весть: японская киноактриса, исполнительница главной роли в фильме «Шаг» Комахи Курихара привезла в нашу страну 50 ящиков благотворительного груза (с лекарствами, питанием). Предназначен он для детей гематологического центра нашего города.

1991 г.

«Нас ужо не лічаць ядзерным монстрам»

З прамовы ў Доме літаратара

…На той жа канферэнцьй, у Ньюпарце, адна жанчына прапанавала кнігу пра Чарнобыль выпусціць. А тэму я прапанаваў — «Чарнобыль і ўлада».

… І Слюнькоу, і Барташэвіч — звычайныя людзі, не пазбаўленыя добрых, чалавечых якасцей, але як яны, ведаючы, што падстаўляюць цэлы народ, усю рэспубліку пад смяротную пагрозу, маучалі? Як? Яны вінаватыя ў тым, што, маючы інфармацыю пра рэальную небяспеку, нічога не зрабілі. Памятаю, падчас маёй сустрэчы са Слюньковым, былі ў мяне звесткі — ад Несцярэнкі, Барысевіча, Кузьміна — што палова Беларусі забруджана! 6 гадзін мы прасядзелі. Не змог я сцяну прабіць… Слюнькоў з сейфа нешая паперы, карты дастае, на яюх значацца усяго тры раёны. А я ж ведаю, што яму дакладывалі пра ўсё! Ужо да вечара дасядзелі, я і гавару: «Мікалай Мікітавіч, Вам жыць у вяках! Ад таго, якія Вы прымеце рашэнні, — Вам жыць у вяках! Ці вас будуць праклінаць, ці вас будуць благаслаўляць…» Ён, я думаю, толькі ўсміхнуўся, маўляў, трызненне інтэлігенцкае. А зараз жа проста жудасна назіраць лёс гэтага чалавека! Памятаеце, у «Майстры і Маргарыце» Іешуа гаворыць Пілату: «Колькі будуць памятаць мяне — столькі будуць памятаць і цябе, як майго знішчальніка!» І колькі будуць памятаць Чарнобыль, столькі будуць памятаць і Слюнькова. Так ён і ўвойдзе ў гісторыю…

1990 г.

Толькі не абыякавасць

На пытанні карэспандэнта «ЛіМа» адказвае народны дэпутат СССР пісьменнік Алесь АДАМОВІЧ:

— Алесь Міхайлавіч, вы ўваходзіце ў камісію Вярхоўнага Савета СССР па Чарнобылю, мэта якой, сярод іншага, устанавіць адказнасць тых ведамстаў і асоб, якія, хавалі народа праўду аб маштабах трагедыі, яе прычынах і выні Зрэшты, вы, як вядома, з першых дзён пасля катастро займаліся ёй, шмат напісалі і сказалі аб гэтай трагедыі, яе ўроках. Днямі стала вядома аб распараджэнні Генеральнага пракуро Саюза Трубіна правесці дадатковую праверку фактаў звязаных з утойваннем інфармацыі аб узроўнях радыяцыі ў пацярпелых ад аварыі раёнах. Як бы вы пракаменціравалі гэты крок?

— Яго трэба было зрабіць ужо даўно. Думаю, дарэчы, што рашэнне пракуратуры было прынята не ў апошнюю чаргу пад націскам нашай камісіі. А вось наколькі далёка зойдзе ў сваіх высновах следства… Баюся, што ў выніку, як не раз было, да адказнасці прыцягнуць «стрэлачнікаў». Вы паглядзіце: тыя, хто бессаромна выдаваў дэзінфармацыю на самым высокім афіцыйным узроўні,— такія, як Ільін, Кандрусёў[119], Ізраэль — засталіся пры сваіх пасадах. Упэўнены, што яны і ім падобныя дзеячы будуць трымацца адзін за аднаго, абараняць свае карпаратыўныя інтарэсы да апошняга. Сценка пабудава наймагутная. Ці ўдасца яе прабіць — цяжка сказаць. Многае залежыць ад рэакцыі грамадскасці.

Заўважу, што камісія Вярхоўнага Савета ставіць сёння пытанне аб адказнасці не толькі тых, хто хаваў інфармацьпо, але перш за ўсё, — сапраўдных віноўнікаў катастрофы. Трэба дакапацца да першапрычын. Дырэкцыя, тэхперсанал ЧАЭС, цяпер стала ясна, сумленна выконвалі ўсе інструкцыі. І — панеслі пакаранне. Адказнасць павінны несці і тыя, кто складаў гэтыя інструкцыі, хто праектаваў атамныя станцыі ў Саюзе, а самае галоўнае — аўтары самой канцэпцыі АЭС тыпу Чарнобыльскай. Маю на ўвазе акадэміка Аляксандрава, які дагэтуль нават не ні пакаяўся за зробленае.

Мабыць, не ўсе ведаюць пра камітэт «Чарнобыль — дапамога», старшынём якогавы вы з'яўляецеся. Калі ласка, колькі слоўпра гэту арганізацыю,

Наш камітэт створаны пры Акадэміі навук СССР. Мы трымаем пастаянную сувязь з беларускімі навукоўцамі, якія займаюцца праблемамі радыяцыі, у прыватнасці — з членам-карэспандэнтам АН БССР В. Несцярэнкам, дырэктарам навукова-тэхнічнага цэнтра

«Радыеметр». Гэты цэнтр зараз спрабуе наладзіць шырокую сетку кантролю за радыяцыяй у рэспубліцы з дапамогай удасканаленай апаратуры. Камітэт выдзеліў дзеля гэтых мэт мільён рублёў, купляем у Аўстрыі спецыялізаваны камп'ютэр, з дапамогай якога можна стварыць высокадакладную карту радыяцыйнага забруджання.

— Апошнім часам узнікаюць усё новыя неўрадавыя арганізацыі, якія спрабуюць дапамагаць ахвярам Чарнобыля. Нядаўна, скажам, з'явілася яшчэ адна — «Зыніч». Ёсць, напрыклад, дзве арганізацыі з аднолькавай назвай «Дзеці Чарнобыля», кожная — са сваім рахункам. Ці на карысць гэта справа?

— З камітэтам «Дзеці Чарнобыля», які ўзначальвае Г. Грушавы, у нас усталяваліся добрыя дзелавыя кантакты. Гэта надзейная арганізацыя, якая карыстаецца высокім аўтарытэтам за мяжой. Іх банкаўскі рахунак зафіксаваны ў Берліне. Я не хачу нічога кепскага сказаць пра астатнія дабрачынныя арганізацыі. Памойму. ю чым больш іх будзе, тым лепш. Але я не магу зразумець, калі члены адной арганізацыі пачынаюць абвінавачываць усіх «сапернікаў», прэтэндуючы на нейкую выключную сваю ролю. Гэта бнтэжыць і тых людзей за мяжой, якія хочуць нам дапамагаць. Яны пытаюцца: ну што вы за народ такі? Няўжо нават у час агульнай бяды вы не можаце дамовіцца між сабой?

— Цяпер, у сувязі з падзеямі ў Прыбалтыцы, з абвастрэннем усёй унутрыпалітычнай сітуацыі, ці не знікла ў замежных краінах жаданне дапамагаць нам?

— Не, тыя ж японцы, скажам, не збіраюцца адмаўляцца ад дапамогі Беларусі лекамі і сродкамі. На жаль, мы часта не гатовыя прымаць шчодрыя дары, праяўляем незвычайную абыякавасць. Нядаўна мяне адшукаў у Маскве прафесар з Таронта Чарлз Роўд.

У яго нарадзілася ідэя стварыць сваеасаблівы «канвеер здароўя»: у Канадзе маглі б пастаянна лячыцца 15 дзяцей, пацярпеўшых ад Чарнобыля (на месцы тых, хто выпісаўся, прыяджалі б новыя). Са сваёй прапановай ён звяртаўся ў Камітэт аховы міру, іншыя афщыйныя арганізацыі, але яму нават не адказалі. Думаю, нам удасца ўсё ж рэалізаваць гэтую ідэю…

Гутарыў Віталь Тарас.

1991 г.

«Они не хотели знать правду…»

Система воспринимает любую национальную трагедию только лишь как ущерб своей стабильности. Один пример. Я разговаривал с академиком Легасовым незадолго до его смерти. После аварии он каждый вечер звонил и лично докладывал обстановку кому-нибудь из членов Политбюро. Его поразила их реакция. Те, с кем он разговаривал, похоже, меньше всего беспокоились, что происходит с людьми на станции, какова опасность повторного взрыва. Установки с их стороны были такие: «Кончайте там быстрее со своей аварией возиться, у нас тут Запад шумит».

Высшие сановники и не хотели знать правду. Когда в июне 1986 года я собирался ехать к Горбачеву с письмом о том, что в Белоруссии дело плохо, меня вызвал к себе Слюньков, тогда первый секретарь ЦК КПБ, и, дабы повлиять на мое решение, рассказал, как Рыжков принимал руководство Белоруссии и Украины. От республик приехали первые секретари ЦК и премьеры: соответственно Слюньков и Ковалев, Щербицкий и Ляшко. Докладывали по Чернобылю. Ляшко полтора часа рассказывал, какая у них на Украине беда после аварии, как им трудно, как им нужна помощь. Затем Ковалев за десять минут отчитался: в Белоруссии всё хорошо, помощи от центра не надо, сами справимся. После чего довольный Рыжков похлопал по плечу белорусского премьера и сказал украинцам: вот как надо вести себя, учитесь!..

Младший начальник радовал старшего, высший поощрял низшего. Вот их страсти, вот их содержание жизни.

1991 г.

Жить и умирать с Чернобылем

…Пишу эти строки, а за спиной у меня висит на стене карта Белоруссии, на юге и на востоке два большущих пятна: одно смыкается с такими же пятнами на землях Украины, второе — с русской Брянщиной, Орловщиной, Тульщиной… Но это далеко не все тяжело пораженные радионуклидами территории: карта из тех времен, когда только-только стала спадать пелена секретности с постигшей нас беды. Если брать мою Белоруссию, то зловещие клещи обнаруженной и ползущей радиации уже захватывают и западные, а также значительные центральные земли, столица республики Минск зажата ими с двух сторон. А Киев так прямо наколот на вытянувшуюся к нему зловещую стрелу. (Столица Украины ближе к месту аварии, хотя ветер в основном дул, нес смертельное облако на север, на Белоруссию).

Как минимум пять миллионов людей (среди них не меньше двух миллионов — это дети), все живут на этих территориях, как на заминированном поле. Никто не знает, под кем взорвется, кого первого настигнет беда, болезнь, горе. Живут даже на пятнах (сотни тысяч и среди них тысячи и тысячи детей), окрашенных в тревожные красные и бордовые цвета, где уровень зараженности от 40 до 140 и выше кюри на километр.

Чтобы всех их обеспечить чистыми продуктами, а из самых опасных мест и переселить, нужны огромнейшие средства, которых нет, не только у суверенных республик, но и у страны в целом.

И это — надолго. Чернобыль не позади, он впереди, намного десятилетий и даже столетий.

Помню, когда я ездил в Японию по приглашению экологических организаций, люди, познавшие ядерную бомбежку, тоже недоумевали: вот у нас давно живут и в Хиросиме и в Нагасаки. А что же происходит у вас?

А произошло, происходит нечто такое, во что всё еще трудно поверить: не две, а, по меньшей мере, шестьсот «хиросимских бомб» (по радиации, по долгоживущим элементам) швырнул Чернобыль на отмеченные на карте белорусские, украинские, русские города, деревни, реки, поля, леса. Долгоживущие — это которые и на тридцать лет, на триста, и на тысячи лет (цезий-137, плутоний, стронций и др.).

Для конкретного человека, семьи, ребенка — это жизнь в условиях, когда на всё надо смотреть с опаской: на выросшие в твоем огороде ягоды, фрукты, овощи, на воду из колодца или колонки, на траву, деревья, песок и особенно на природный

символ самой жизни — молоко.

…Мальчик очень перепугался, когда мама вошла в дом и застала его за страшным делом, прямо преступлением.

— Мамочка, я не пил, я только пальчик помочил, облизал.

На столе стоит посудина с теплым еще, пенистым, до Чернобыля таким вкусным (ребенок еще помнит) молочком не из магазина, а от собственной коровки. Мать, подоив корову, должна была его вылить в «могильник», а вот пожалела и зачем-то внесла в дом. Как гранату. И печка, в которой все топят дровами — не печка, а домашний реактор. Дрова, торф радиоактивны и вся эта смертельная гадость скапливается в пепле.

В Минске, в огромном здании детской гематологии живет наша боль, наша общая вина — дети из многих районов. Их уже настигли чернобыльские болезни, прежде всего лейкемия, белокровие. Бледненькие, с замедленной жалкой улыбкой смотрят они из-за плеча или из-под руки своих мам (матери при них) на тех, кто приехал или пришел сюда с какой-то помощью. (Работают здесь и врачи из-за границы). Иногда больных детей показывают по телевизору, а потом сообщение: тот мальчик или та девочка уже умерли. Кому-то сделали пересадку костного мозга, а кому-то и не смогли (операция очень дорогая) или опоздали, очередь большая — детские вопрошающие глаза взывают к совести взрослых. Самое страшное — привыкаем к тому, к чему не имеем права привыкать.

Вот заметка из белорусской экологической газеты «Набат» (№ 15. июнь, 1991) — «Вы мало тревожитесь за себя».

«Вы сами виноваты, что люди мало знают о вашей беде, — сказала Кэтэ Вольдеман, председатель международной благотворительной организации „Европа — больным детям“. Во время своего пребывания в Белоруссии она вместе с представителями совместного германо-советского предприятия „Москвич“ Артуром и Христиной Шрам посетила загрязненные районы Могилевщины. Увиденное и услышанное потрясло эту 70-летнюю женщину. Раньше она считала, что неплохо осведомлена о наших чернобыльских проблемах. Кэтэ Вольдеман знала, что в нашей республике есть дети, заболевшие от радиационного облучения, и что им необходима помощь зарубежных клиник. Но она не представляла, что их так много… „Я никогда не забуду молящие о помощи глаза матерей, их лица, — рассказывала по возвращении в Минск Кэтэ Вольдеман. — Я плакала вместе ними. Мне очень хотелось бы помочь им. У меня трое детей, и теперь я думаю о том, какое счастье, что они здоровы. Раньше я этого не осознавала. Мне хочется, чтобы это поняли и вы, белорусы… Сегодня для вас самое главное — спасти своих детей, свою нацию

от вырождения. Вы мало тревожитесь за себя…“

Кэтэ Вольдеман выразила готовность взять на лечение в зарубежные клиники свыше двадцати больных лейкемией детей.

При содействии Артура и Христины Шрам и их фирмы в январе-феврале этого года в Германии отдохнули 300 наших ребятишек. Пятьдесят они готовы принять этим летом. Кэтэ Вольдеман выступила с идеей строительства оздоровительного комплекса на Витебщине. По ее мнению, это должна быть интернациональная стройка.

„Я расскажу обо всем увиденном, и буду призывать к помощи вашим детям“, — сказала на прощание Вольдеман».

Чернобыль — крупнейшая из глобальных катастроф XX века. Проблемы его касаются или еще коснутся всех стран, всех народов.

На дне полноводной реки Припять, в метровом иле Днепра, в грунте на десятках километров вокруг Чернобыля столько радионуклидов, что их хватит на всех, если по Днепру их (в какой-нибудь паводковый год), через подземные реки вынесет в Черное и Средиземные моря или неизвестно куда.

Необходимо лечить людей, но и воды тоже, и землю тоже — иначе это отзовется неизвестно где и на ком. Чернобыль — общая беда и проблема всех людей на планете. Пока существуют и строятся новые АЭС, никто и нигде не застрахован от собственного Чернобыля. А потому надо всем и заранее извлечь все возможные уроки, все данные из первой такой катастрофы. (Собственно не первой, близкая по масштабу ядерная катастрофа случилась в 50-е годы на Урале, но мы-то как раз и не извлекли никаких уроков, а потому столько ошибочных действий было совершено в связи с Чернобылем).

Нужны научно-медицинские международные центры, как в Белоруссии, так и на Украине, в российских областях. Чтобы не налетами и наездами, зачастую научно не подготовленными, а постоянной работой на местах человечество извлекало всю правду и все уроки из этой беды.

Чернобыль не обманешь, закрывая на него глаза, отворачиваясь, убеждая себя, что это не тебя, а других касается. И что есть иные проблемы, более насущные. Их, подобных проблем, действительно много у каждой страны, у каждого народа.

Но есть и проблемы для всех насущные, от которых не уйга. Одна из таких — Чернобыль. Живущие рядом с ним — ваши братья по общей беде.

30 июня 1991 г.

Чернобыль — черная тень системы

В канун горькой годовщины диалог двух народных депутатов СССР, двух публицистов — украинца Ю. Щербака и белоруса А. Адамовича.

«… Каким далеким, идиллически безмятежным представляется теперь тот дочернобыльский мир — спокойный, неторопливый, самонадеянный, годами пребывавший в полусонном, поблажливом, вседозволяющем благодушии. Для всех тех, кто прямо или косвенно причастен был к трагедии Чернобыля, время словно бы раскололось на две неравные части: до 26 апреля 1986 года и после…» Так спустя год после аварии писал Ю. Щербак в своей документальной повести «Чернобыль».

…Ине случайно, конечно, став членом Верховного Совета СССР, он, врач, писатель, уже на новом, парламентском уровне продолжает заниматься чернобыльскими вопросами.

Душа А. Адамовича тоже обожжена чернобыльской болью. В июне 1986 года А. Адамович привез М. Горбачеву письмо о ситуации в Белоруссии. На писательском пленуме в Москве в 1987 году он буквально взорвал общественность, заявив открыто, с трибуны о том, что по рекомендации московского института биофизики в Белоруссии чистые продукты смешивают с зараженными, и они расходятся по всей стране: «Москвичи, а знаете ли вы, какой белорусский сыр едите?» В марте 1988-го — вторая встреча с М. С. Горбачевым по чернобыльским делам и как продолжение статья в «Новоммире» — «Честное слово, больше не взорвется, или Мнение неспециалиста»…

Ю. Щербак. На заседании парламентского Комитета по экологии состоялось обсуждение Закона СССР о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС. Беспрецедентный закон в истории человечества. Ведь после предыдущих, крупных аварий, катастроф, которых было достаточно в нашей стране, не появился подобный закон. Теперь пришлось его создавать. Очень серьезная, огромная работа. Предусмотрены выплаты компенсации и другие льготы лицам разных категорий, которые трудились, были ликвидаторами или жили и проживают сейчас в районах чернобыльской беды. Этот закон как бы новая точка отсчета.

26 апреля 1986 года — что мы знали тогда об атомной энергетике? Атомщики убедили — то был какой-то гипноз типа Кашпировского, потому что убедили нас, — что АЭС — очень нужная, прогрессивная и безвредная вещь. 1986-й — глухое наше

неведение, сознательная блокада со стороны государства любой информации, ложь, подтасовки… Таков начальный период. И через пять лет — Закон, уже принятый в Белоруссии и на Украине, а теперь союзный законопроект. Мы проделали огромный путь, хотя сказать, что все тайны Чернобыля раскрыты, разумеется, нельзя. У чернобыльской истории множество аспектов — и политические, и социальные, и нравственные, и технические и…

На мой взгляд, Чернобыль показал, что существуют тупиковые пути развития технической цивилизации, существуют потенциальные возможности уничтожить, если не всё человечество, то часть его, вовсе не прибегая к каким-то военным акциям. Хиросима и Нагасаки — война, генералы целеустремленно решают сбросить бомбы. Это — одно дело. Но здесь не было генералов, всё возникло в недрах мирного времени. Это новый поворот человеческой цивилизации.

А. Адамович. Вчера я был среди физиков-атомщиков, строителей станций, эксплуатационников, которые, собрав журналистов, публицистов, снова жаловались на то, что у нас блокируется развитие атомной энергетики общественным движением, и довольно злорадно сообщили: а вот армяне сейчас сами просят, чтобы им восстановили работу АЭС. Ну, мы знаем, почему, в какой они ситуации, не от хорошей жизни просят. А в масштабах страны всё по-прежнему. Я формулирую свой взгляд на это таким образом. После Сталина — да и всей этой 73-летней кровавой бани — никто не убедит народ, что можно построить социализм с человеческим лицом. И точно так же никто не убедит людей, особенно белорусов, украинцев и жителей российских областей, на которые легла чернобыльская туча, что можно иметь безопасную атомную энергетику. Это реальность, факты. Горбачеву и Полозкову[120] приходится считаться с первым, а атомщикам придется считаться со вторым, и преодолеть это уже невозможно, потому что слишком дорого оплачены и те, и эти эксперименты.

Обращусь к новым материалам и фактам. В Минске стала выходить газета «Набат», посвященная Чернобылю, экологическим вопросам. В одной статье ликвидатор пишет о том, что с ним вытворяли, что с ним делали чиновники от медицины и вообще власти. Как-то держал я в руках грамоту такого вот ликвидатора. Он принес ее нам, депутатам, со словами: «Передайте правительству, я возвращаю эту грамоту, хотя получил ее на крыше четвертого реактора, получил за свой подвиг, а потом меня просто забыли, нас всех, 600 тысяч ликвидаторов, предало правительство, как оно уже не раз

предавало людей». Ликвидатор в «Набате» буквально кричит: «Атомные сволочи!» Вот она, степень гнева людей, которых на годы лишили помощи, в том числе и медицинской. Чернобыль — не только величайшая катастрофа экологическая, техническая, но и — величайшее предательство тысяч людей, которые жили и живут на загрязненных территориях, и от них это скрывали и всячески уговаривали оставаться там, где жить нельзя.

А как вообще проявилась наша система в чернобыльской истории? Давайте посмотрим. Вот собрали 600 тысяч энтузиастов, молодых людей, солдат, обреченных на послушание, и стали кидать в реактор, как швыряли туда песок с вертолетов. Так и сыпали, и они теперь сыплются от болезней, эти молодые ребята. Проявилось «преимущество» нашей системы и в грандиозной пустопорожности совершившегося: были выброшены миллиарды на гигантскую показушную, безрезультатную работу: мыли деревья, крыши, дороги… По одну сторону дороги снимают огромный пласт земли и везут за несколько километров, сваливают в кучи, а по другую сторону бабка пасет коров, кто-то пашет землю, сеет, собирает урожай… А когда бездумно, спешно строили новые поселки — по 10–20 миллионов рублей каждый, которые сейчас, конечно, брошены? Так вот, если и проявилось какое-то особое качество нашей системы, — то это бессмысленное растрачивание человеческих сил, здоровья, энергии, колоссальных средств — собственно всё то, что привело страну во всех других сферах тоже к полному развалу.

Вернусь к новым материалам. В белорусской «Народной газете» опубликована статья «Дочернобыльская радиация: какой она была? Или что происходило на Полесье в 60-е годы». Выясняется — там испытывали тоща тактическое атомное оружие и подвергли радиоактивному загрязнению десятки районов. «… Через четыре года исследований экспедиция пришла к выводу, что наибольшее количество радиоактивных осадков выпало на белорусское и украинское Полесье, на Мещерский край, Прибалтику и Молдавию. Пик пришелся на 1963-й год».

Ю. Щербак. Я впервые это слышу. Это потрясающие данные. Хочу сказать тоже об этих годах. Один из наших гигиенистов, активно участвовавших во лжи чернобыльской (не буду еще раз называть его фамилию, он прославился на весь мир своим интервью в «Известиях», где утверждал, что радиация в Киеве к 12 мая будет уже отсутствовать, но ведь он — специалист по этим вопросам и его ложь не заблуждение невежды, а сознательное действо), так вот он мне в доверительной беседе говорил: чернобыльская радиация — детский лепет по сравнению с тем, что выпало на территории Украины в 60-е годы, когда

испытывалось советское ядерное оружие. Супербомба — на Новой Земле. Были огромные осадки, дожди. Кстати, ковда я занимался лейкозами, наша лаборатория проводила эпидемиологические исследования, и мы обратили внимание, что где-то в 1968-м, 1970-м был всплеск лейкозов. Более чем, вероятно, что это хвост тех испытаний, которые прекратились в 1962-м году. И вот он оперировал цифрами, то есть были пятна на Украине, но люди не ведали ни о чем, всё строжайше засекречивалось.

А. Адамович. Я могу привести почти анекдотический пример, он абсолютно ложится на эти факты. Председатель одного нашего процветающего колхоза, — а дело было, когда случилась чернобыльская беда, — поставил торжественно перед гостями банку маринованных грибов: «Я человек предусмотрительный, у меня грибы сохраняются еще прошлогодние. Ешьте смело, дорогие». А гости — физики из Минска полюбопытствовали: «Ну-ну, давай посмотрим». Достали свой дозиметр, а он показывает радиоактивность еще выше, чем в Чернобыле, Думаю, что грибы эти выросли под грохот атомных орудий. Наглейшее преступление — опробовать тактическое ядерное оружие на Полесье.

Послушайте, что написано в «Народной газете»: «Пушки мы затаскивали на военный полигон, а сами уезжали за 20 километров на специальный пункт управления. Оттуда и управляли стрельбой. Чем же они были начинены, если самим надо было „откатываться“ на такое расстояние? На этот счет человеку гражданскому не докопаться до истины, но можно догадываться: тоща в 60-е годы на Полесье испытывалось страшное оружие — с атомной начинкой». Вы должны этот факт проверить у себя на Украине. Может, лейкозы и с ним связаны? Но какое же пренебрежение человеком — устраивать смертельные пробы на густо населенных землях! И какая степень уверенности в непробиваемых заслонах секретности!

В минском университете есть физик Александр Люцко, изучивший историю челябинской аварии, притом не только ее саму, но и как она освещалась и исследовалась у нас и на Западе. Он дал мне рукопись своей статьи «Неизвестная катастрофа», которая готовится к публикации в «Набате». Что сегодня особенно поучительно в той истории, когда мы говорим о нашей системе? Оказывается, поведение властей было абсолютно идентично послечернобыльскому, с одной только поправкой: правду от собственного народа и от всего мира там удалось скрыть, то же пытались сделать и в Чернобыле, но не вышло. Да еще: там зэки сыпались, как песок, тут — солдаты. Казалось бы, такая беда случилась в Челябинске, есть наука, военная, невоенная, что ж

она последствия не изучала? Да, изучала — на животных, на людях, долголетние последствия. Но полученные данные надежно упрятали, и то, что могли, просто обязаны были использовать после аварии в Чернобыле, оказалось нереализованным. Всё в сейфах так и осталось, а ученые и партийные мужи талдычили: у нас опыта не имелось, у нас данных не имелось. Теперь мы знаем: всё было, но было специально спрятано. Зато челябинский опыт — против человека, не забыли, развили вовсю. Система обмана, чернобыльская система утаивания, смешение продуктов, которое рекомендовали эмиссары Ильина из института биофизики, пахота зараженных земель, повышенные урожайные планы… всё оттуда, из челябинского преступления, то есть опять показательно, что трагический опыт, который в любой нормальной системе мог быть направлен во благо, — применяли во вред людям.

Тоталитарная система не умеет слышать гениев в собственной стране. Не услышала она и Тимофеева-Ресовского, когда он после челябинской аварии предложил свои уникальные знания для организации радиологического центра по открытому изучению ее последствий. (Об этом рассказывается в прекрасном документальном фильме Е. Саканян о «Зубре»[121]). Ученого просто вышвырнули с Урала. И погрузили всё в черную дыру секретности. А ведь тот Центр мог бы, если не предотвратить Чернобыль, то вооружить нас действенной наукой, и мы не понесли бы таких потерь.

Ю. Щербак. Я был во главе парламентской комиссии в Челябинске. Теперь уже опубликованы данные об этой аварии на Южном Урале в 57-м году, проведено парламентское расследование. Я всё же смею утверждать, что здесь экологическая ядерная катастрофа больших размеров, чем чернобыльская. Но что сделали с людьми — их переселили во времянки, я видел своими глазами этих людей и эти бараки. Сейчас в связи с принятием закона о Чернобыле, о социальной защите, я думаю, будет большой скандал — уральцы, если кто-то из них там остался еще, потому что многие, конечно, уже выехали, предъявят свои права. Медики сделали всё, чтобы затемнить истинное положение, представили нам данные, которые свидетельствуют, что никаких страшных последствий якобы нет. В это трудно поверить: я получал письма от людей, которые рассказывали, что родители погибли, много было заболевших раком. Это естественно, потому что иначе просто быть не могло. Система беспощадна. Я уверен, тысячи местных жителей и зэков прошли через этот ядерный ад. Тогда отходы производства просто выбрасывались. Они накопились в огромных озерах. Мы стояли на берегу самого мрачного озера в мире, —

Карачай, где нет ничего живого, черная вода. Наши дозиметры отметили, что за несколько минут мы там достаточно набрали… Если, не дай Бог, прорвется каскад озер, — а там несколько озер, — воды уйдут в северные реки и может быть заражена огромная зона, вплоть до Северного Ледовитого океана. Мы просто еще не осознали, видно, какая здесь таится опасность для России. Наша беседа вроде бы вышла за пределы Чернобыля. Но ведь всё так тесно и глубоко переплетено, завязано. Если же говорить о собственно чернобыльской ситуации, то на сегодняшний день там множество сложнейших нерешенных вопросов, неотложных, связанных с ядерной безопасностью. Стоит временное укрытие — саркофаг, — что с ним делать? Одной из самых больших технических проблем в мире является именно этот саркофаг. Там трещины… Или крышка, знаменитая «Елена», которая поперек стоит — 2 тысячи тонн, а, к сожалению, могут быть подвижки какие-то, и если упадет она — это тоже очень опасно. Кроме того, существует рядом, так называемый, ХОЯТ — хранилище отходов ядерного топлива, и мы не знаем, как быть с этими отходами. Далее. На территории закрытой зоны 800 «могильников» радиоактивных отходов. Представляете, у 200 из них потеряно месторасположение. То есть в спешке забыли их обозначить, а теперь надо разыскивать, что-то предпринимать. Это — огромные капиталовложения, это огромная опасность, которую мы оставляем даже не внукам, а своим правнукам, потому что всё попадет в воды и т. д. Я уже не говорю о пруде накопителей, где очень высокая радиоактивность… Новые технические данные, наше сегодняшнее понимание проблем свидетельствуют о том, что опасность Чернобыля остается.

А медицинские последствия? В 1986-м году было официально объявлено: заболевших лучевой болезнью — 237 человек, погибли в результате лучевой болезни — 31 человек. Думаю, что эти цифры неправдивые. В 1990-м году на съезде союза «Чернобыль» в Киеве уже называлось примерно 5 тысяч умерших и примерно 50 тысяч больных. Совсем недавно я услыхал новую цифру — приблизительно 7 тысяч умерших. Но это все числа достаточно условные, не точные. До сих пор сознательно глушится такая информация.

Когда на комитете обсуждали союзный закон о социальной защите, я сказал, что не понимаю, почему государство не вводит специальный медицинский паспорт для ликвидаторов, для людей, живущих в районах поражения. В комитете Верховного Совета СССР мы провели два слушания на тему медицинских последствий Чернобыля. И чиновники от медицины вынуждены были предоставить нам материалы, фактические данные. Не

стану сейчас их касаться. Замечу только, что сегодня, через 5 лет после Чернобыльской катастрофы, мы, конечно, стали гораздо больше понимать.

Мы пытаемся разобраться и в политическом механизме. Работает парламентская комиссия Верховного Совета по выяснению причин аварии. В украинской экологической ассоциации «Зеленый свет», где я являюсь председателем, шесть независимых адвокатов расследуют эту историю. Были предложения назвать это «Чернобыльский Нюрнберг». Я против подобного трибунала, против таких названий. У нас нет намерений, карать, сажать людей, но необходимо понять механизмы действий.

Вот, скажем, кто дал приказ отключить телефон от города Припять? Это же противоречит всем законам. Мы пытаемся сейчас установить: или действовали секретные инструкции — покажите нам их, или то было волевое решение… Это на низовом уровне, а кто на верхушечном, на уровне Кремля дал приказ перекрыть всякую информацию? Известно, что в 3 часа ночи директор АЭС Брюханов звонил в главк. Утром прилетела первая комиссия, министерская. Они увидели огромные масштабы аварии, это уже пошло на уровень Совмина, то есть Рыжков, по закону, должен был утром всё знать. Когда известили Горбачева — не знаю, были слухи, что якобы в 12 дня 26-го. Кто же распорядился сведения засекретить? Сейчас трудно установить, но сделать это надо. Надо поднять протоколы Политбюро, спросить этих господ, которые там заседали, спросить и Президента: какие решения тогда были приняты? Вот такие серьезные вещи, скажем, по политической линии. Наработан огромный материал. На вершинные структуры власти наши эксперты пока не вышли, где-то у подножья пирамиды еще работают. Я вообще боюсь, что будут определенные попытки, — чем выше мы станем выходить, — торпедировать всю нашу работу. А на уровне Киева этих вопросов не решить. Члены нашей независимой адвокатской комиссии встречались с бывшим Председателем Президиума Верховного Совета Украины Валентиной Семеновной Шевченко. Она объясняет: нам давали такие указания, мы не знали подлинных цифр радиации. И вы представляете, она — женщина, мать, стояла на трибуне 1 мая 1986 года, когда полуголые детишки радостно приветствовали нашу родную партию, родное правительство. Щербицкий стоял, стояли эти люди, которые должны были содрогаться от ужаса при виде детей. Они должны были сами уйти и всем сказать, чтобы никто не выходил на демонстрацию, — у них не хватило мужества это сделать.

Теперь открываются многие подробности… Мне показывали кое-какие документы. Например, ЦК Компартии Украины, сознавая все-таки опасность, вроде бы действительно проявил инициативу и хотел вывезти киевских детей в первые дни мая. Ильин и Израэль подписали бумагу, — я сам держал ее в руках, — из которой следует, что нет такой необходимости, поскольку ситуация здесь не угрожает здоровью детей. ЦК Компартии Украины, понимая, что народный гнев не уменьшается, а только возрастает, и что Чернобыль стал очень крупной ставкой в политической борьбе, естественно, всеми силами старается показать, что они не виноваты.

Какова же у политиков мера политической ответственности?

Чернобыльское расследование вскрыло самые неприглядные стороны нашей политической системы, показало ее полную неэффективность, отсутствие отлаженных механизмов четкого автоматического реагирования. Она всегда реагировала только так, как требовало высшее руководство, но соответствовало ли сие закону? Мы сейчас 5-ю годовщину «отметим» и боюсь, что на следующий день после этого, вздохнем и скажем: Бог с ним, сделали, что могли, забудем, и до 10-й годовщины вообще не будет публикаций. Я не за то, чтобы нагнетать, накалять искусственно обстановку в обществе и так много проблем, льется кровь, и, конечно, Чернобыль, в общем-то, отдаляется. Отдаляется во времени, но проблемы не только не исчезают, — они и не убавляются пока.

Более того, например, то, что происходит, происходило в России, я считаю, на уровне тягчайшего преступления против человечности. Российское начальство оказалось еще более реакционным, дремучим, чем даже белорусское и наше украинское, которое возглавлял такой реакционер, как Щербицкий. Не могу понять, как можно столь бесчеловечно относиться к своему народу. В прошлом году я с ужасом узнал, что через 4 года после аварии есть еще села, живущие на пятнах 100 кюри, — это вообще не допустимо, это уничтожение людей, геноцид. Кстати, в беседе, я говорил Борису Николаевичу Ельцину, что необходимо заняться чернобыльской бедой в России. Надо провести и тщательное расследование, посмотреть, почему же бывшее руководство — Воротников, Власов не обращало внимания на такую беду, ничего не предпринимало. В областях же знали, карты были засекречены, лежали в сейфах обкомов, облисполкомов, их надо поднять. Где же ответственность перед народом?!

А. Адамович. Я когда-то разговаривал с академиком В. Легасовым и спросил его: а какая реакция была у Москвы на

информацию, которую вы передавали по телефону из Чернобыля. Он сказал: там мало интересовались что, конкретно, происходит, главное было — поторапливание: слушайте, на Западе шумят, так давайте кончайте это! Легасову это казалось странным, если не диким.

Другой разговор — с секретарем обкома одной из наших самых пострадавших областей, теперь бывшим. Я знаю, он вел себя, как и всё начальство на местах, то есть предательски по человеческим меркам, а с их точки зрения — дисциплинированно, по-партийному. Спрашиваю: откуда шел на вас нажим, кто направлял? Он говорит: приезжали из Москвы ученые и убеждали — товарищи, это на несколько месяцев, уйдет всё в землю, у вас в Белоруссии много дождей, уйдет, пересидите, перетерпите, народ не волнуйте, ну, полгода и всё. Потом, говорит, прошло полгода, год, появляются те же ученые. Мы тревожимся, что лучше не становится. Они извиняются — дескать, ошибку допустили, не учли: частицы радиоактивные оказались в капсулах как бы стеклянных и не растворяются в почве, то есть, попросту несут ахинею. Я у него спросил: а на уровне Москвы кто направлял эту политику большой лжи? Он говорит: по-моему, Совет Министров, по-моему, Рыжков.

Велика трагедия Украины, велика беда России. А почему здесь, в России, самым наглым образом бездействовало начальство, наверное, народ должен спросить уже не только с этого начальства, а и с себя: доколе он может быть столь терпеливым? Доколе над его безропотным терпением, которое поэтизируется в литературе и поныне, будут так измываться, — это он у себя тоже должен спросить. А Белоруссия — республика небольшая, и ей угрожает уже полная национальная катастрофа. Два наших крупных ученых Р. Гарецкий[122] и А. Кудельский[123] (их статья в «Немане» называется очень характерно — «Кукушка, кукушка, сколько жить нам на Белой Руси?») пишут: «Чудовищные клешни радиоактивного краба вот-вот сомкнутся на горле полуторамиллионного Минска, — смотрите, они уже совсем близко… Близок день, когда черный и серый пепел радиоактивности, который на нашей карте означает уровень загрязнения более 5 Ku/км^{2}и менее 5 Ku, засыплет светлую часть республики. И ветры, изображенные здесь в виде так называемых „роз ветров“, самые длинные шипы которых угрожают западу и северо-западу, станут перевевать его все дальше и дальше — на поля, на леса, на детей, на будущее». То есть речь идет уже не о беде части нашего народа, отдельных групп населения, а, по сути, о катастрофе всей нации.

Заканчивая наш разговор, я вернусь к его главному стержню.

Ну, разве много лет атомной истории, она ведь и не велика вовсе, но за это недолгое время наша система смогла поставить под угрозу жизнь на территории чуть не всей страны.

Годовщина Чернобыля напоминает: он не позади, он — впереди на многие, многие десятилетия. Как и другие последствия, более чем семидесятилетнего тупикового марша нашей системы, которая, конечно, не имеет никакого права на дальнейшее существование.

1991 г.

А был ли Чернобыль?: Третье предательство

В итоговом документе комиссии МАГАТЭ [Международное агенство по атомной энергии при ООН, создано в 1957 году] самое поразительное, ключевое место: критика в адрес нашего академика Л. А. Ильина. И за что же покритиковали коллегу западные ученые, обслужившие организацию, призванную «содействовать развитию атомной энергетики»? (По пословице: «Богатому детей колыхать». Мало есть отраслей богаче, а, значит, и щедрее). Представьте, Ильина и его команду упрекнули, что они… преувеличили отрицательное влияние чернобыльских выбросов на население. Занижали (а совсем не завышали) «допустимые нормы» радиационного воздействия на человека.

Легко представить, как коллега, через которого во все обозримые времена осуществлялись научные контакты западных специалистов его профиля с нашей страной, который контролировал «нормы» самой информации о Чернобыле, идущей за рубеж, как коллега просит давних знакомых: а вы меня раскритикуйте, именно меня. То-то будут физиономии у наших горлопанов! (Которые вот уже столько лет называют академика Ильина в ряду некоторых других — «чернобыльским преступником». Именно за «завышенные нормы», за организованную дезинформацию населения и пр. и пр.).

Совершено еще одно чернобыльское предательство собственного народа. Первое случилось, когда людей не предупредили о радиоактивной йодистой туче, повисшей над их щитовидками, повели детей на демонстрации, даже не предупредили, что окна, форточки надо закрывать, а потом, задним числом, рассказывали байки о липовых миллионах спасительных таблеток, которые будто бы распределяли с первых дней среди населения. (У нас в Белоруссии перепроверили: обман полнейший!).

Предательство второе: многолетняя ложь населению, преступная дезинформация жителей тысяч деревень и десятков городов, которых атаковал (и атакует) цезий, плутоний, стронций.

И вот предательство третье — с участием МАГАТЭ. Только-только (усилиями честных ученых и общественности) наметился какой-то просвет впереди у людей, ставших заложниками «мирного атома», им действительно стали помогать, весь мир принимает на излечение наших детей, кое-кого уже и переселили,

готовились переселить — стоп! Оказывается, ничего этого не надо. Читайте заключение комиссии МАГАТЭ, читайте торжествующие интервью непотопляемого Ильина, у которого, как он заявляет, «совесть всегда чиста».

Что же за всем этим стоит? Все-таки среди ученых, присланных МАГАТЭ, немало признанных специалистов, дело свое знающих. Знать-то они знают, но почему же комиссия не обследовала ни ликвидаторов, ни категории населения (а их сотни и сотни тысяч), наиболее пострадавших?

Искали «вещь» не там, где потеряли, а воистину как в анекдоте — под фонарем, где посветлее.

Мне довелось познакомиться с американкой, которая в Минск приезжала с идеей создать фильм о Чернобыле специально для молодежи на Западе. Рассказывала, а я почти не верил: в Америке ей уже звонят, уже предупреждают — лучше не надо, для тебя будет лучше!

Богат и славен «мирный атом», ничего не скажешь! И интересы свои, доходы защитить умеет. А тут этот Чернобыль, так можно, в конце концов, потерять все приоритеты перед другими отраслями энергетики. Особенно, когда весь мир вовлекли в дело помощи, спасения пострадавших.

На днях участвовал в работе Международного фонда помощи жертвам Чернобыля. Вместе с зарубежными членами Фонда обсуждали ситуацию, созданную акцией МАГАТЭ. И хотя на Западе вряд ли будет столько обрадовавшихся, что помогать не надо, как отыскалось уже у нас, но проблемы возникли. Конечно, никуда и ничто не исчезнет, посеянное, порожденное Чернобылем. Через короткое, думаю, время, обнаружатся и масштабы, и истоки Большой лжи, изначально нашей, но теперь получившей поддержку с Запада. Поддержали — как веревка висельника!

Но и у Международного фонда помощи, и у нас всех есть иные адреса и коллеги, процесс, начавшийся, не остановится. Хотя кое-где в зонах и повыше начальство наше во всю начало использовать авторитет западной науки для оправдания отечественной своей бездеятельности и черствости. И своих прежних преступлений перед «чернобыльцами». Хотя слушания по Чернобылю, проходившие в рамках I Международного конгресса памяти Андрея Сахарова и несли на себе печать мощного воздействия на западных ученых тех же сил и организаций, о которых говорилось, были приняты серьезные научные рекомендации по последствиям Чернобыльской катастрофы. Одна из них: «Если для восстановления доверия необходимо сместить со своих постов определенных должностных

лиц, (повинных в насаждении секретности, в дезинформации и т. п. — А.А.) это должно быть сделано»… Где вы сейчас, на каких ключевых постах, уважаемые Ильин, Израэль, Кондрусев[124], Бурьяк[125], Савченко[126], Камай[127] (три последние — белорусские руководители) и все те, имена которых уже в зубах навязли?

P. S. Уже написав заметку-отклик на «проект МАГАТЭ», решил поехать и посмотреть: а как сегодня наши научно-публицистические споры смотрятся оттуда, где людям жить надо, работать, добывать пищу — среди радиоактивной грязи? Вот один из центров поражения: Краснополье Могилевской области. Ехали от Климович через деревни Батьковичи, Горное, Степанов хутор, Заборье — выморочный край, бегут люди от проклятых кюри, сползаются в Краснополье, где «почище». На полях, если копны, то пожухлые, прошлых лет, если что-то выросло, то самосейка-жито, дичающий подсолнечник, а больше — бурьян до самого горизонта. На крыше пустоглазой избы белорусская птица бусел (аист). Не улетел следом за хозяевами. (Выполняет рекомендации МАГАТЭ). И вдруг новенькие, с иголочки коттеджики — белорусские потемкинские деревни. У нас их прозвали «кичкайловскими»[128] по фамилии одного из начальников, тех, что спустя 3 года проявили наконец-то «заботу»: выстроили новые поселки «под переселение» прямо на радиоактивных пятнах. (Вот кого сегодня порадует проект МАГАТЭ: они, оказывается, действовали по науке). Между деревнями Полесское и Волосевичи (это уже Гомелыцина) на разъезженной лесной дороге цифры моей «Сосны»[129] прямо-таки заплясали (в машине — 30–35 кюри, снаружи, поближе к лесу, почти вдвое больше). Аж взвизгивает дозиметр, как собака, почуявшая покойника.

Вырвались к деревне, к людям: «В тот лес ходите?» — «А то, как же? Если оглядываться на всё, жить невозможно»

И действительно: тут «чисто», а через километр, а то и о метров — «грязь». Ноу проблем! Переселять не надо, лечить не обязатеьно, разве что от радиофобии. «Чистые продукты завозят?» — «Вот, наперстки болгарского сока. Четыре баночки на ребенка. А остальное — свое. Или с Рогачевского молочного завода. Что другим не скормили, то нам».

Люди живут не просто на зараженной земле. Но и всё еще в нашей распределительной системе, которая сама по себе беда, где уж ей кого-то спасти об беды.

Алесь Адамович, сопредседатель Международного фонда помощи жертвам Чернобыля

1991.30.07.

«Второй раз они до Москвы доехать не дадут…»

…Я уже упоминал, что у меня самого были кое-какие впечатления от личного (и через письма, телефонный разговор) общения с нашим лидером [М.С. Горбачевым].

Выйти на него заставил Чернобыль. В мае, в июне 1986 года.

То, что в апреле-мае происходило в стране, в мире, из Белоруссии выглядело кошмарным сном: все вроде бы кричат, бегут спасать подорвавшегося, ты знаешь, что несчастье случилось с тобой, именно с тобой, а все устремились мимо тебя, куда-то в другую сторону, тебя не замечают. Пытаешься звать на помощь, подать голос — не слышат за собственными криками. Из 600 условных хиросимских бомб (по долгоживущим элементам) 450 упали на севере, т. е, в Белоруссии (как писала газета «Известия»: «Ветер, к счастью, дул не на Киев»). Но знать про это одним было «не выгодно» (властям), другим недосуг, третьим запрещалось и т. д. Ну, уж ладно ошалевшая зарубежная и продажная наша пресса, московские власти, у которых одна была цель: преуменьшить перед всем миром масштабы катастрофы (ну, а минские власти — как нитка за иголкой), но ученые, ученые… К кому я ни обращался в Москве, к самым солидным, серьезным вроде бы настоящим ученым — глухая стена. Какая может возникнуть в такой ситуации навязчивая цель, тактика у советского человека — ясное дело: прорваться на самый верх, к тому единственному, чье одно слово заставит всю эту машину развернуться в другом направлении. К счастью, у моего друга-философа есть близкий знакомый, а тот помощник Горбачева. Мне было сказано: пусть возьмет, соберет всю, какую сможет, информацию и привозит в Москву. Но не позже начала июня месяца: 4 июня — заседание Политбюро. Несколько работников Белорусской Академии оснастили меня цифровым материалом, узнал, каких приборов нет и в каких нужда, достоверные данные получил, какие районы и сколько поражено: не 3, а более 30, но обследованы не все области.

Ученые наши (Василь Нестеренко, Николай Борисевич, а также секретарь ЦК Александр Кузьмин) сильно рисковали, выдавая мне «государственную тайну». Потому что «данные» официальные были таковы: в Белоруссии пострадали три района, которые впритык к Чернобылю, а остальные — сплошь героизм, трудовой энтузиазм, братская помощь пострадавшей Украине.

В один миг я стал не просто Адамовичем, а *человеком,*

который едет к Горбачеву. Как только узнало об этом первое лицо в республике Слюньков Н. Н., меня попросили к нему прийти. Письмо уже написано, билет взят на 2 июня, а день встречи мне назначен — 3 июня. Решил все-таки задержаться (к 3-му поспеваю) и встретиться с Первым секретарем ЦК КПБ. Если я чего-то еще и не понимал в этой системе и в первых людях ее, Николай Никитович, сотоварищи помогли излечиться от последних заблуждений и иллюзий.

Явился я к Слюнькову без малейшей предвзятости: в конце концов ситуация такова, что нам ничего не остается, как делать общее дело — спасать нашу родную Беларусь. Уж он-то не хуже, а лучше и полнее меня информирован, знает, чем всё это грозит целому народу. Да, партийная дисциплина, ему, может быть, и не позволено то, что могу сделать я, беспартийный писатель, из тех, кому «законы не писаны», но тогда распределим роли: я прорываюсь к Горбачеву, всё ему выкладываю, как оно есть, а тебе остается приехать на готовое и пожинать плоды. Без малейшего риска. Более шести часов он убеждал меня, что «ситуацию держим под контролем», по памяти называл массу цифр, стоило мне заикнуться: а вот украинцы делают то-то и то-то, как он поднимал трубку и одному, второму, третьему министру — нагоняй: почему не делаем то-то и то-то? Что ты еще хочешь, что нужно? Чтобы человек для тебя сплясал? Нет, я этого не хотел, одного добивался, дожидался: он согласится, что нас ждет национальная катастрофа, если не подчинить все строжайшему медицинскому контролю, не обезопасить людей от грозящего им внутреннего облучения через продукты питания, а для этого нужны приборы, десятки, сотни, а некоторых — тысячи приборов. Мир должен узнать правду про Беларусь. Казалось, что еще один довод, еще одно воспоминание общее: как было в войну, после войны… Про письмо Горбачеву он меня не спрашивает, показать, слава Богу, не требует, лишь поинтересовался, через кого… Но вдруг прорвалось у него, и тут человек потерял «образ», «вышел из образа», которым меня почти заворожил. Исчез куда-то белорусский мальчишка из разоренной войной деревни, попавший в ФЗО, голодавший на окраине Минска, где строили тракторный и автозавод, мечтал, как он когда-нибудь «наестся от брюха». Вырос, как у нас писали всегда, до директора завода-гиганта, до Первого лица в республике (а затем — до члена Политбюро ЦК КПСС). И до самого ненавидимого добрыми белорусами человека, какой только есть на земле. Как это случилось, произошло с тем голодным пареньком — не простая история. Настоящий Слюньков (и даже абрис машины, частью которой он стал, в которую «врос») вдруг выглянул, когда он мне

рассказывал про встречу белорусского и украинского руководства с премьером СССР Рыжковым Н. И. — Председателем комиссии по Чернобылю, который обрадовано похлопал белорусов по плечу: вот, украинцы, у кого учитесь!

Т. е. не жалуйтесь, что все так плохо, у белорусов похуже, а помалкивают. Даже отказались от помощи. Не будоражат весь мир своей бедой.

Интересно: знал, когда со мной беседовал и об этом рассказывал с придыханием, восторгом, забыв даже, что с писателем держи ухо востро, они что соглядатаи, перед ними маску не снимают ни на миг, — знал он, что его «берут» в Политбюро? Ясно, что оценили именно те качества, то поведение, которые этот писателишка осуждает, хотел бы его лишить всего, высшей цели, мечты любого партдеятеля — стать членом Политбюро. И ради чего? Любви народной? Вон даже на пафос перешел:

— Николай Никитович! Видите, над музеем Отечественной войны светятся буквы: «Подвиг народа бессмертен»? С нами случилось что-то пострашнее даже той войны. Как вы поведете себя, такие и буквы останутся про вас.

На смену ему пришли новые Первые секретари ЦК Беларуси, сначала Соколов, потом Малофеев, а преемственность не прерывалась: не просто Слюньков Н. Н., а член Политбюро ЦК КПСС оставил наследство — зараженную радионуклидами более чем на 60 процентов территорию, миллионы живущих на ней людей. Конечно, какая-то правда об этом уже обнародована, но какой секретарь ЦК республики станет действовать так, что его слова, поведение совпадать будут с лозунгами и плакатами на митингах: «Слюнькова под суд!» Это члена-то Политбюро?

Когда Анатолий Сергеевич Черняев [помощник М. С. Горбачева] прочел мое письмо Горбачеву, посерьезнел этот и без того всегда серьезный человек: — Да, это серьезно. Передам сегодня.

Три «серьезно» подряд, но это как раз выражает ту ситуацию. Вечером он позвонил: письмо прочитано, вас благодарят.

Потом мне рассказывали, что письмо было распространено по отделам, состоялся разговор об этом и на заседании ПБ (так аппаратчики называли партолимп). Ясно, что «весточка из Белоруссии» совершенно ни к чему была как Рыжкову, так и Слюнькову. У них был свой интерес: оба госплановцы, соседи когдатошние по дачам — решили, видимо, снова «съезжаться», уже под крышу ПБ [Политбюро]. Ведь у них там свой расклад чужих и своих людей. Когда-то после писательского съезда мне сведущие люди втолковали: Георгий Мокеевич Марков[130] —

человек Лигачева, Владимир Карпов[131] — тоже, но, значит, и Яковлеву [Александру Николаевичу] разрешено двоих «иметь» (но не больше!) в руководстве Союза писателей. У них все по точному раскладу: сколько кому карандашей и сколько «своих» людей, механизм, отработанный до деталей.

Это только Горбачев мог важнейшее звено — кадры передать в руки Лигачева. Михаил Сергеевич «чистит» верхи, а Егор Кузьмич ему выстраивает новую очередь — из таких же. Лидер их и получает в помощь перестройке. А потом (время от времени) делает удивительное открытие: партия тормозит реформы!

Мы с Граниным специально ходили к Горбачеву, напросились в апреле 1988 года — каждый со своим. Я всё с той же чернобыльской бедой, Даниил Александрович — жаловаться на областную судьбу своего Ленинграда. И произошел попутно разговор о «кадрах», во-первых, о Лигачеве, во-вторых. На мое замечание, что «севруки»[132], среднее звено аппарата, все демократические начинания блокируют, Михаил Сергеевич воскликнул, почти пожалел меня, какой я неосведомленный:

— Алесь! Да ты знаешь, сколько мы поменяли первых секретарей. Почти 80 процентов!

— А новые — откуда? Из той же корзины, — нагло парировал я. (Обращение «Алесь» вроде давало мне право на такой тон.)

Я только не добавил: «из корзины Лигачева».

Потому что про Егора Кузьмича Горбачев говорил, ну, как пушкинский Гринев про Савельича, своего заботливейшего и добрейшего ворчуна-слугу. Помню про ордена, про «Героев» сказал, гордясь:

— Только мы с Егором Кузьмичом и не награждены.

А когда я поблагодарил Михаила Сергеевича за то, что в позапрошлом году он прислал в Белоруссию представительнейшую комиссию — реакция на мое письмо, — Горбачев воскликнул:

— А, это твое испуганное письмо? Ну, как у вас там?

— Надо бы хуже, да некуда! То, что я писал, — это еще цветочки!

Но по его выражению «испуганное письмо» — понял: именно так и прикрыто было это дело: паникер-писатель, что его принимать всерьез! Александр Трифонович Кузьмин, которого после этой комиссии Слюньков выгнал из ЦК (и за непонятную дружбу с Адамовичем), сообщил мне, что был звонок от Председателя КГБ Чебрикова, интересовался в Минском КГБ, кто такой Адамович и что ему нужно.

Высокая комиссия (а это Израэль, люди Ильина, Шербины — прямо от Рыжкова люди) выслушала минское начальство,

погостили и уехали, а следом за ними — и Слюньков.

Кузьмин Александр Трифонович счел необходимым предупредить меня:

— Второй раз они вам не позволят доехать до Горбачева. Уж он-то их знал.

Немало написано и говорено о том, что Горбачев не умел доводить добрые свои порывы до практического результата. И этот случай вроде бы доказывает, что это так. Так, да и не совсем. Наша привычка ждать милости сверху. А «милость» была одна, но решающая. Горбачев помог нам обрести гласность. Уста распечатал — прессе, телевидению. Ну, и добивайтесь сами того, что считаете правильным. Не дожидайтесь, что всё за вас сделает Горбачев. Или кто-то другой. И не скулите, если это у него не получается. Это не у него — у вас не получается!

Вот и с Чернобылем. Когда я поведал Горбачеву про «график Легасова» (незадолго до смерти, самоубийства, ученый сообщил мне последовательность, с какой, по его мнению, будут происходить новые Чернобыли, какая, АЭС за какой), Горбачев сразу помрачнел:

— Почему же они нам этого не говорят?

— Я спрашивал Легасова, почему ученые молчат. Он ответил: клановый интерес.

— А что — и правда. Клан! — повернулся Горбачев к Фролову Ивану, который тогда ходил у него в помощниках. — Напишите мне про это, — потребовал у меня Горбачев, — подробно про всё, о чем рассказывали.

И срок назначил — к 7 марта.

Мое второе письмо Горбачеву потом было опубликовано в «Новом мире», статья называлась: «Честное слово, больше не взорвется, или Мнение неспециалиста». Сергей Залыгин[133] мог бы рассказать, какие важные персоны в Совете Министров и Политбюро противились печатанию статьи. Хотя она (в виде письма) уже полгода была в руках у Горбачева и даже имела вполне практические последствия. Сам я не был на том собрании специалистов-атомщиков в Кремле, но по рассказам академика Шейндлина и бывшего руководители комитета по науке Кириллина кое-что знаю. Никто не понимал, по какой причине их всех собрали. Горбачев молчал, говорили специалисты. Осторожно похваливали себя за сделанное по линии безопасности АЭС — после Чернобыльской аварии. Но гадали, гадали, где зарыта собака. Горбачев, наконец, задал им вопрос (который и я задавал — ему самому): вы понимаете, что, будет со всеми и где мы с вами окажемся, если случится еще один Чернобыль? Это вы ясно себе представляете?

Ах, вот для чего их собрали! Конечно, посыпались предложения по безопасности АЭС, цифры, данные. Видимо, памятуя про «график Легасова» и про «клановые интересы», Михаил Сергеевич вдруг предложил: пусть каждый из специалистов поедет на определенную АЭС и даст авторитетное заключение (под собственную ответственность), какая из станций может работать дальше, а какие должны быть закрыты немедленно.

Вот так — не спрячетесь теперь за «авторитет науки», за коллективную безответственность!

И разъехались кто куда, и вернулись, и доложили: аж 11 станций должны быть закрыты! Это, напоминаю, весна — лето 1988 г. Николай Иванович Рыжков всплеснул руками: это невозможно, целые регионы обесточим, остановим производство! Надо повременить.

Так что второй раз до Москвы я все-таки доехал. Тем более что прошел по конкурсу и стал директором Института киноискусства…

1992 г.

Па прапісцы — я ў Маскве, па менталітэту — грамадзянін Беларусі

… — Я чытала ўрывак з вашага артыкула пра Гарбачова Не буду крывіць душою, мне не спадабалася з якім, выбачайце, «придыханием» вы пішаце аб ім. Ён выратаваў краіну ад адядзернай пагрозы, кажаце вы. Але як забыць пра Чарнобыль праўду аб якім вы так смела і рашуча даводзілі свету, пра тое, што Гарбачоў пяць гадоў не знаходзіў часу, каб наведаць Беларусь?

— Я калісьці на такое пытанне так адказаў свайму аднаму сябру з Украіны. Ён напісаў мне амаль усё гэта, ну яшчэ і шшае… Я адказаў: спачатаку вы падзякуйце гэтаму чалавеку, што ён так ці інакш дапамог разваліць гэтую сістэму таталіарную. Прытым разваліць мірным шляхам. Тое, што там адбываецца і льецца кроў, гэта, вядома, трагедыя, але гэта не ядзерная вайна.

Мудры Ландау у 1956 годзе гаварыў, што гэта сістэма можа рухнуць у выніку ядзернай вайны. І вялікае шчасце будзе, калі яна без яе сыдзе з гістарычнай арэны. І ніхто не мог паверыць, што гэта адбудзецца. І гэта адбылося. І адмаўляць заслугу гістарычную Гарбачова, — хацеў ён гэтага, не хацеў — гэта іншая справа, — але ён гэтаму спрыяў.

Таму я гавару: давайце яму спачатку падзячым, што гэтая таталітарная камуністычная сістэма мірна усё-такі, без ядзернай вайны сышла з гістарычнай арэны, а потым прад'явім яму тыя прэтэнзіі, аб якіх вы гаворыце. У тым ліку і за Чарнобыль.

Дык вось яшчэ і за Чарнобыль, што я хачу сказаць. Я чытаў, дарэчы, здаецца, у вашай газеце «Свободные новости» такія прэтэнзіі і да сябе таксама, маўляў, вось вы так гаворыце пра Гарбачова, а між тым, Гарбачоу больш вінаваты, чым Слюнькоў, Рыжкоў і г.д.

Ну, хто з іх больш вінаваты… Я лічу што ўсе яны былі часткай гэтай бесчалавечнай сістэмы, якая сама па сабе была больш за ўсё вінавата, а яны былі, нават генсек, вінцікамі гэтай сітэмы. Але я усё-такі ведаю адзін факт. 4 чэрвеня 1986 года, калі я даў сваё пісьмо Гарбачову, ён, што б пра яго ні гаварылі, нават пішуць у вашай газеце, сабраў велізарную камісію, у якую уваходзілі міністр прыборабудавання, міністр аховы здароуя, усе Ільіны і Ізраэлі… — больш за 40 чалавек, і былі пасланы ў Беларусію разабрацца, а што ж на самай справе, праўду напісаў Адамовіч, ці ўсё гэта пісьменніцкае перабольшанне.

Значыць, яго рэакцыя была нармальнай чалавечай рэакцыяй. І што атрымалася далей.

Яны ўсе сюды прыехалі, іх ледзь не з вакзала завярнулі гэтыя Слюньковы, Бараташэвічы, Кавалёвы… Ну яны, вядома, не завярнулі, прынялі іх усіх,) сталі расказваць, як усё добра ў Беларусі, што ў нас толькі тры раёны паўднёвыя забруджаны, што мы такія шчаслівыя і добрыя, што ўсе свае палівальныя машыны адправілі ў Кіеў, што ўсё гэта казкі, што там напісаў гэты пісьменнік. І калі Барысевіч і Несцярэнка спрабавалі нейкае слова сказаць на гэтым высокім сходзе, як накінуўся на іх Слюнькоў, праз нейкі час і аднаго, і другога вышвырнуў з працы.

Дык вось, давайце браць чыста чалавечыя якасці. Той самы Гарбачоў усё-такі, калі ён прачытаў пісьмо: рэакцыя яго была па-чалавечы зразумелая, усё-такі добрая. Ён паслаў велізарную камісію, каб яна прыехала і тут разабралася. А якая рэакцыя адваротная была ў Слюнькова, які ўжо нацэліўся у палітбюро ў Маскву… Ён усё гэта зрабіў, каб вынкі гэтай камісіі былі ніякія.

Пагэтаму для мяне факты ёсць факты, і калі гэта яшчэ спалучыць, што ён сапраўды выратаваў чалавецтва ад гэтага апакаліпсіса ядзернага, што здолеў мірным шляхам знішчыць гэтую камунстычную сістэму, гэта дае мне права адносіцца да яго па крайняй меры, справядліва. Ведаючы ўсё, усё…

Вось у «Немане» будзе надрукавана маё вялікае эсе, называецца «Самолечение от коммунизма», дзе ўсе мае пазіцыі ў гэтым сэнсе зможаце зразумець…

З інтэрв'ю Г. Айзенштадт.

1992

…ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ ЧЕРНОБЫЛЬ

Последняя ли пастораль?

(Из интервью)

Беседа происходила в Москве, вскоре после Международного кинофестиваля, на котором Адамович возглавлял, как известно, жюри конкурса документальных фильмов и где они со Стэнли Крамером обсуждали, как делать вместе ленту о Чернобыле. С этого и начался наш разговор.

— Со сценарием мучаетесь?

— Сразу навалились сомнения. Я даже у Габриэля Гарсиа Маркеса начал выспрашивать, каким он видит художественный фильм о Чернобыле. «Документальным!» — сразу же ответил он. Но фильм все-таки задуман как художественный. В этом пока главная сложность и трудность.

Стэнли Крамер хочет широкого международного участия в этом фильме. А тем самым и осмысления с позиций всего человечества. Тут и белорусам есть что сказать. Пусть скажут слово те, на кого волей судеб «дул ветер». Не впервые, увы, дует в нашу сторону. Ну, а мысль общечеловеческую для этого фильма можно вычитать и в нашем славянском эпосе — «Слове»: «И стали князья про малое „это великое“ молвить…».

Ничего опаснее в век атома нет, чем подмена ценностей. Пренебрегли главным во имя второстепенного, «малого», преходящего — жди Чернобыля, может быть, планетарного!

Нет, это не конечная мысль фильма (ее еще предстоит найти); но в качестве исходной, рабочей может пригодиться.

Письмо С. Крамеру [134]

Dear Stanley! Дорогой Стэнли!

Надеюсь, Вы здоровы, поправилась нога? В Москве Вы всех поразили целенаправленной энергией мысли, чувства. И тем, как последовательно Стэнли Крамер выверяет дела и страсти людские интересами всего рода человеческого. (Кратко формулирую то, что слышал от многих)

Что я наработал за месяц по фильму?

Собрал, что только смог, что было в печати, кого сумел, порасспрашивал. В сентябре предстоит встреча с московскими учеными-специалистами. Академик Велихов обещал помочь.

Надеюсь получить доступ к протоколам чернобыльского суда и, может быть, побеседовать с непосредственными виновниками беды — бывшим директором АЭС, старшим инженером и др.

Тогда в Москве я спросил у Габриэля Маркеса: какой ему видится художественный фильм о Чернобыле. Он ответил: «документальный».

Сегодня, может быть, й так, но пройдет год-два и именно **художественное** исследование события заинтересует людей наиболее. Куда и документальные кадры, возможно, войдут, но как элемент художественного целого.

Всё больше убеждаюсь — по мере того, как работаю — что прав Стэнли Крамер.

А пишу я одновременно и сценарий и рассказ, поочередно переступаю с ноги на ногу.

Знаете, чем знаменит был новенький городок Припять невдалеке от четырехреакторного Чернобыля — количеством детских колясок на вечерних улицах. Средний возраст жителей — 26 лет. Тем более обидно и горько было молодой паре, семье — бездетной. И вдруг после многих лет, оказалось, что и нашей героине быть матерью. Она уже разговаривает с будущим ребеночком, чем бы ни занималась, рассказывает, что есть что и кто есть кто, ссорится с ним, мирится. Слова любви, ласки, укора одновременно и к ребеночку и как бы к мужу. Он оператор на 4-м блоке АЭС. Его-то (единственного) и похоронит взрыв на станции. А женщина пройдет всё: через вранье и самообман (нет, не случилось самое страшное!), эвакуацию (у пустых домов, у каждого подъезда — коляски, брошенные детские коляски, вот тут и куклы, Ваши любимые!) Начальное движение — подальше, подальше от эпицентра беды! Но тут же — встречное устремление, обратное движение — не только машин, рабочих, военных, специалистов, но всех помыслов нашей героини. Ведь

там, в развороченном чреве реактора, погребен ее Костя. Это и над ним, ее возлюбленным, возводится саркофаг. Живя какое-то время у его родителей, в белорусской деревне, каждый вечер видит на экране телевизора убийцу-реактор. Могилу-реактор. Тревога ее и других всё нарастает — ожидание Большого Взрыва. Какое-то время он был вполне реален. (Можно даже продемонстрировать, как реальность, самое неблагоприятное развитие событий — Большой Взрыв, которого не было, но который мог быть и может случиться в любую минуту). Не знаю, как Вы относитесь к снам в кино. А я себе хорошо представляю, как плотно набита снами деревенская изба, куда вначале перебралась наша героиня: старикам снятся ужасы минувшей войны (Вы заглянули в книгу «Out of the fier»?), молодой женщине — чернобыльские, а ведь есть еще и ребеночек, у которого свои сны, уходящие в миллионнолетнюю даль, а еще зритель, который в этом и за этим вправе увидеть будущий апокалипсис… (В снах героиня вполне могла зайти в больницу, там много женщин, много таких, как она. Здесь убирают облученный плод (аборт) — это делалось с испуга в первые недели, и где врачи, медперсонал — в черных респираторах, мрачных противочумных одеждах — то ли сны, то ли реальность).

Не знаю, как у других, но у наших людей два разных времени было, говорили: это было до войны, это — **после** войны.

Сейчас новые два времени: **до** Чернобыля и **после** Чернобыля. И в фильме с какого-то момента (когда героиня что-то наконец поймет, осознает) время должно измениться, т. е. ритм, темп движения, событий, да и вся стилистика. Как это, я еще не знаю, может быть, когда потекут сны, видения. А точнее — когда начнется обратное движение: не из Чернобыля, а к нему.

Да, вот эти встречные устремления, движения, противоположные: подальше, подальше от реактора-убийцы и одновременно — назад, туда, где погребен ее любимый! В снах, разговорах с ребеночком, через телевизор снова и снова возвращается к реактору-убийце, который одновременно и ее Костя. В каком-то смысле — модель извечного человеческого влечения к тому, что больше всего пугает (смерть, гибель), что и влечет, как пропасть, и гонит, отталкивает. (Не та ли игра человеческих страстей и вокруг ядерного оружия?)

А финальную сцену можно и так представить: женщина, несущая в себе будущую жизнь, каким-то образом возвращается к могиле-саркофагу, проходит по мертвому городу (и всё те же детские коляски), потом видим ее сидящей у черной стены саркофага, а на площадке ни души живой, трудятся одни лишь экскаваторы-роботы, роботы-стеноукладчики — сооружают

вторую стену. Стена растет, уже видим лишь грудь, одну голову, уже только глаза женщины…

И уже не понять, сны это ее или реальность. Одно переходит в другое. И само время, то ли живое, то ли уже мертвое…

Ну, и еще одна линия сюжета. Пока не знаю, как ее выразить: через образы реальных людей или всего лишь голоса на фоне катастрофы. (Если звучит голос матери, обращенный к будущей жизни, тогда возможны и другие голоса). Люди, дела, интересы, которые и явились причиной катастрофы, а когда случилось, многие — ведут себя, как бездушные автоматы. Они не просто отключили аварийную автоматику и тем взорвали реактор. Они давно отключили в себе все запреты: совесть, принципиальность, сострадание, честность. Всю автоматику нравственную, которой род людской до сего времени спасался, держится.

Ну, и конечно, есть еще документальный материал западный (Вы его лучше знаете) — толпы бунтующих против недоброго атома.

Я так понял по телефонному звонку из Лос-Анджелеса, что возможен Ваш (Давида Путтнама, Позолини) приезд к нам сюда. Или мой — в США. Видимо, к этому времени я наработаю больше.

Ничего любопытного для нашего фильма (или вообще для кино) Вы не вычитали в «Последней пасторали»? Я не связываю это никак, но если у Вас будут соображения, тоща, может быть, что-то используем.

Жду Вашего письма.

Привет Вашим близким, а также Давиду, Позолини!

Алесь Адамович

[1987]

… ИМЯ СЕЙ ЗВЕЗДЕ — ЧЕРНОБЫЛЬ[135]

Сценарий кинофильма

I. На берегу водозаборного канала, в котором сквозь небесно-голубую зыбь отражается здание АЭС (слепящая белизна и таинственность Тадж-Махала[136]), сидит с удочкой человек в белой рубахе. Вытащил большую рыбину, снял с крючка и бросил в воду. Тут же попалась еще одна — и ее пустил назад в воду. И так раз за разом…

На воде прикрепленный к бую щит: «Ловить рыбу и употреблять в пищу запрещено!»

Вдруг взбурлила вода, как закипела, — столько ее, рыбы, испуганно, плотоядно клубящейся!

Мужской, почти дикторский голос:

— «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь… Имя сей звезде — полынь[137]: и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки…»

Голос женский (кухонные полки, мойка, газовая плита — молодая женщина готовит ужин):

— Лежи спокойненько, кому сказано! А я тебе буду всё рассказывать.

Женщина в легком халатике, подчеркивающем ее тревожно-счастливую, первую — это сразу заметно — беременность, разговаривает с тем, кто в ней.

— Я готовлю ужин нашему папочке, а он пусть еще поспит, у него ночная смена. Пока вот попьем с тобой чаю. Ты же любишь кисленькое, клюквенное. И попросим папочку, чтобы нас взял на Припять. Пока будет ловить рыбку, мы послушаем соловьев, и как лягушки квакают. Ква-а-ква-а!.. Ну, малыш (положила, как бы усмиряя, руку на живот), не хулигань своими ножками. Маме же больно! Такому нехорошему еще и подарки покупаем. Папка даже коляску притащил. Такую дорогую. Не дерись, а лучше слушай внимательно.

Возится у плиты, моет посуду…

— Сейчас весна, скоро майские праздники и День Победы. Съездим к твоим бабушке и дедушке. Они у тебя белорусы, а мама и украинка, и сибирячка, и ты будешь серединочка-наполовиночку. Мы скоро увидимся. Ты на кого больше похож? Если на папку, я не обижусь. Он будет рад, он как дитя, твой папка.

— Ты это с кем здесь? — голос появившегося на кухне заспанного мужа. — Сны, черт, какие! Правду говорят: нельзя спать, когда садится солнце. Рыбы, рыбы! А я ловлю и выпускаю, ловлю и бросаю. Представляешь?

Хотел обнять хозяйку, но увидел, что стол готов, накрыт, сел к столу.

— А больше ничего?

— Тебе же дежурить.

— Да, дежурить, — сразу погрустнел. — Главный наш придумал какую-то там хреновину. Экспериментик. Хочет отличиться перед юбилеем. Так с кем любезничала, пока муж спал?

— Есть с кем.

— А нам можно? — пытается припасть щекой, ухом к халатику.

— Лучше скажи, — жена старается быть строгой, — как месяц доживем? Все деньги на коляску угрохал, в долг залез. А надо же и старикам твоим что-то привезти.

— А что им надо? Еще и нам отстегнут сотенку-другую. Внуку на зубок.

— Совесть нам надо иметь?

— Ничего, премию получу. Все катят своих в колясках, ну и я решил.

— Господи, как я им всем завидовала! Думаю: ну почему? почему? Уже про твой реактор проклятущий думала. Сидишь на нем день и ночь!

— Ага, я, значит, виноват! Вот как!

— Чего только не передумалось за эти три года.

— Да нет, наш блок — чистюля! Не то, что вонючки-соседа. Редко-редко когда пукнет — как младенчик во сне.

— Нашел себе младенчика!

— Тише, жонка. Вон как тебе повезло: муж — атомщик! Не какой-нибудь мазюка-строитель.

— Давно ты им был?

— Хочешь сказать, что твой дядька-директор меня осчастливил? Где они еще такого оператора найдут. На курсах, знаешь, как твоего мужика ценили. Особенно преподавательницы.

Хоп!

Была в руке вилка, а уже нет ее! Поискал и нашел ее в кармашке у жены. Заодно и расцеловал. Чтобы не хмурилась, не пропадала у нее улыбка с лица. Чувствуется, что не любит он ни трудных проблем, ни серьезных разговоров. Но жена снова к своему возвращается.

— Я бы уехала отсюда. Хоть за Урал, там еще тетка моя жива.

Или хотя бы в Гомель. Костик, а? — почти умоляюще. — Или к твоим старикам. Уедем в Белоруссию. Не хочу ни этой квартиры, ни атомщика — ничего! Я за него боюсь.

— Стопроцентная безопасность! Наш РБМК[138] можно на Красной площади устанавливать. Академик сказал. Ты же не академик? Ладно, не опоздать бы. Эксперимент у нас. А надо еще на Припять забежать, щуку поводить.

— Возьми и нас на реку. Мы тихонько будем сидеть.

2. Над спокойной полесской белорусско-украинской рекой Припятью, вдоль которой тянется новый, с иголочки, город атомщиков с тем же названием Припять, — ясный, тихий закат. Распустившаяся черемуха на берегу собрала на себя последние лучи солнца. На воде неподвижно застыли рыбацкие лодки. А из недалекого парка голоса, смех, трещат-грохочут «американские горки»[139], будто щебенка пересыпается в металлическом барабане.

Костя застыл над спиннингом. Аня сидит на расстеленном одеяльце и вяжет.

— А что это за эксперимент у вас? — вдруг спрашивает вполне беззаботно, считая петли на своем вязанье.

Костя грозно глянул в ее сторону: тише, клюет! Быстро стал подбирать леску, работая маховичком.

— Па-аехали, сказал кот Васька, потащив воробья по крыше! Ну-ну, давай, давай… Э-эх! Вот что, значит, под руку говорить. Эксперимент, говоришь? Видела, как левое ухо правой рукой достают? (Показал.) Ну, да им виднее. Ты начальник, я дурак, я начальник — ты дурак.

Аня смеется.

— Объяснил!

— Ну, как тебе еще? Видишь — катушка? Пошла леска-маховичок, сам раскручивается. Вот эту энергию хотим уловить и подать на турбину. Пока не включились дизеля. Это — при аварийном отключении реактора. Конструкторы не предусмотрели — приходится энергетикам. Ну да обойдемся без них, сами с усами, сядем на аварийку, аж запищит.

— Как у вас все просто.

— Поймаем момент тютелька в тютельку. Для того и существуем мы — операторы!

По реке с грохотом проносится «Метеор» — катер на подводных крыльях. Никак не получается тихого речного заката: «американские горки» мелют свою щебенку в парке, а тут этот грохот…

— Вот тут и полови! — сердится Костя. Оставив удилище

(прижал камнем), направился к жене. А она пожаловалась:

— Мне что-то не по себе, Костя.

— Что? — пугается муж. — Ты мне смотри! Это директору да главному инженеру надо досрочно. Мне — не надо. Поняла?.. Что, что с тобой?..

— Правда — нехорошо. На душе.

— А, на душе? — обрадовался Костя. — Это пустяки. А я-то подумал…

— Я почему-то *е г о* не слышу. Будто и нет его.

— Есть! Еще как есть! — обнимает ее Костя. — Дрожишь вся, замерзла. А я дурака валяю. Да пусть она, эта щука, хоть сто лет сидит под своей корягой!

3. Парад детских колясок на вечерней улице Припяти. Особенно много на просторном бульваре, где тополя в четыре ряда. Мамы, папы, сами еще очень молодые, прогуливают своих младенцев — тех, что сосредоточенно сосут пустышки, и тех, кто постарше, что топают рядом, вцепившись в коляску, помогают. Дружно оглядываются, но нет, это не модница прошла, а двойняшек провезли. Как самые шикарные автомобили, ревниво разглядывают встречные коляски-спорыши.

Костя важно ведет под руку свою Аню, в другой руке — спиннинг. А будущая мама здесь какая-то другая уже, нет обычной стеснительности, живот свой несет гордо, как бы с вызовом. А ее и дети окликают:

— Анна Денисовна, добрый день!

— Анна Денисовна, тетя Аня, мы с мамой гуляем!

— Мой детсад, — сообщает она Косте. — Когда играю им на пианино, песенки поем, наш смирненько лежит. Его и не слышно. Засыпает, как ты тогда — в театре.

— Нашла, куда человека повести! В оперу! Да еще на трезвую голову.

4. Прощаются у автобуса с табличкой: «Припять — АЭС». Аня просит:

— Уедешь следующим.

— Опоздаю.

— Они же часто ходят. Или я тебя провожу. До станции, и, не выходя, поеду обратно.

— Уговорила! — целует.

5. Прощаются на виду у здания АЭС. Оно праздничное, как бы любуется само собой: в огнях и светящихся буквах: «Наши миллионы КВТ — это тепло и свет людям!» А площадка, где

продолжается строительство: — «Сдадим досрочно 5-й блок!»

— Ну вот, теперь будешь одна дожидаться автобуса. Мне надо бежать, — упрекает Костя. — Что это сегодня с тобой?

— Что, что? Вот тебе бы рожать!

— Второй раз будет веселее, дурочка! — убегает.

6. Аня у себя дома, на балконе. Смотрит с десятого этажа на город, свободно раскинувшийся у реки. А внизу, в просторных дворах, где темнеют тополя, сосны, — предсубботняя жизнь. Голоса и музыка со всех балконов, детские крики и плач, смех.

Аня уходит в спальню, долго лежит с открытыми глазами. Разговаривает с ребеночком, но уже не вслух: «Ну что ты сегодня такой? Славненький мой, всё будет хорошо, скоро мы встретимся»…

(Вспомнила: «Дурочка!» — слово Кости, повторила, засмеялась.) «Мама легла спать, и ты спи! Спи, мой сладенький! Кому сказала?..»

Закрыла глаза. Время как бы остановилось. За окном две вспышки. Точно зарницы осенние. Глухой удар и тут же второй.

Проснулась не сразу. Вслушивается.

— Нехороший! Разбудил маму.

Лежит, уйдя в себя, все еще ничего не замечая. Нет, что-то вроде изменилось в мире. В комнате по потолку, по стенам ползают отблески, тени.

Встала, пошла к окну, вышла на балкон. Там уже встревоженные голоса соседей. И свет откуда-то из-за дома, поверх крыши льется. Люди на балконах задирают головы, чтобы разглядеть.

— На АЭС что-то…

— Слышали, бабахнуло?

Небо пульсирует где-то за домом тревожным заревом. Аня бежит к двери, в коридор, чтобы посмотреть с лестничной площадки туда, где что-то горит. Тут у окна сбились соседи. Где-то недалеко, в трех, в четырех километрах — пожар. Но не просто пожар. В высвеченном небе висит нечто, похожее на огромный парашют, какое-то вещество. (Не дым, не облако, а вот именно — вещество).

— Что же это, что, Господи? — женский, извечный женский стон-вздох.

Слышно, но не видно, как внизу проносятся пожарные машины.

Аня вернулась, вбежала в свою комнату, схватила телефонную трубку, набрала номер. Там — глухо. Смотрит на трубку со страхом, кладет ее тихо, осторожно.

Хватает одежду, начинает одеваться.

7. Во дворе у подъезда толпятся люди, смотрят на пожар. Отсюда, с этой стороны видно, какое зловещее облако-гриб висит в высвеченном небе — оно надувается, пульсирует, снизу воспаленно-красное, а выше синюшное до черноты. Кажется неподвижным, зажатое ночью, но в то же время ощутимо, заметно, как в нем всё клубится, клокочет…

И на улице стоят люди, смотрят в сторону пожара. Проносятся две санитарные машины. Аня пошла следом. И чем дальше она уходит по улице, затем по шоссе, уводящему из города в сторону пожара, в сторону АЭС, тем больше идущих, бегущих людей.

И в основном, это женщины. Пытается бежать, не отставать от них и Аня, но ей тяжело.

Какой-то молчаливый исход из города женщин — туда, где беда, они ощущают: великая беда случилась, и где их мужья, их сыновья. Зарево надвигается на них, мертвит лица, плещется в глазах.

Аня всё больше отстает, хотя и старается изо всех сил. А ее обгоняют задние. Но впереди уже остановились, остановлены. Несколько машин со световыми мигалками, люди в милицейской форме. На них напирают, пытаются обойти, уйти стороной, некоторые и уходят.

— Нельзя, вам же объясняют. Вы куда, женщина? Там быть опасно.

— А им, нашим, там не опасно?

— Это их служба. И видите, уже почти погасили. Скоро возвращаться будут.

Отсюда видно длинное здание АЭС — все четыре блока. Зарево действительно опало, пригасло.

— Не пустили огонь дальше, — говорит милиционер. — Молодцы, ребята! Вы теперь отмойте их, мужичков своих, хорошенько. Да дайте чего для сугрева. Ну, и пригрейте, как умеете, — заслужили!

Веселый усач-милиционер, кажется, знает, как и что надо говорить в такой обстановке. При этом не забывает любоваться собой, получать от всего этого удовольствие. На лицах улыбки мелькают, отступает тревога. Тем более что огня почти уже не видно, только дымит или парит еще над крышей станции, над небольшим очажком пожара. А машины, автобусы всё проносятся и все туда, к АЭС. Аня устало сидит на траве, уже не может стоять. Несколько милицейских машин промчались в сторону города. А следом — две санитарные. Женщины сразу

забеспокоились.

— Расходитесь, идите по домам, мужчины ваши уже там, а жена где-то бегает, гуляет, — говорун-усач продолжает в полюбившемся ему тоне. Но что-то уже изменилось в настроении женщин. Особенно когда промчался автобус, а за ним второй, и увидели в освещенном салоне полураздетых (некоторые до белья) людей. Даже милиционер усатый замолчал. Но тут же спохватился:

— Ну, вот видите, домой повезли! Расходись, женщины, вас дома дожидаются. Здесь больше нечего делать.

8. Раннее утро в знакомой квартире. Резкий звонок поднял Аню с дивана. Не соображает, что и где она, что происходит. Чувствуется, что уснула, не собираясь этого делать, и теперь не понимает, как это она могла уснуть. Схватила телефонную трубку. Нет, это в дверь звонок! Побежала туда. Уверена — Костя! Распахнула дверь. Там стоит кто-то в белом. И кашляет. На человеке больничный халат, в руке чемоданчик. Вошел, и стало заметно, что халат на нем не белый, а серый, почти черный — от сажи, грязи. Странный он, этот врач. Поставил, как уронил,

чемоданчик.

— Где у вас?.. — устремился в ванную комнату, заглянул и бросился в другую, где туалет. Слышно, что его рвет, просто выворачивает всего. Вернулся в ванную, моет руки, лицо, голову подставил под струю. И только тоща объяснил:

— Простите! Я вот принес на всякий случай. Достал из чемоданчика и подает — таблетку.

— Примите. На всякий случай. Это йодистый препарат. На всякий… Детей не выпускайте…

Прижался спиной к стене и стал бить, бить головой о стену. Глаза блаженно закрыты. Аня смотрит на него с ужасом.

— Вы… оттуда?

Но человек, кажется, не слышит, не в состоянии услышать.

— Простите. Очень болит голова. Вот так — легче.

— Что, что там? Что с ними?

Странный гость пошел к двери, пошатываясь, как пьяный.

— Детей… — не договорил, вывалился в коридор, Аня следом.

— Рвануло! Но как! Как! — выкрикнул почти с восторгом. И бросился в лифт, который тут же устремился вниз.

Аня стоит на балконе. В городе почти никаких примет ночной тревоги, беды.

Суббота как суббота. Люди собираются на дачи, на рыбалку, возле машин дети, прыгают, мечутся собаки, боясь, что их не

возьмут.

Мужчины выбивают ковры, женщины направляются в магазин.

Только у здания, по виду казенного, стоит солдат с автоматом, а регулирует движение машин — тоже не милиционер, а человек в армейской одежде, затянутый в кожу, в белых по локоть рукавицах.

Небо в этой стороне голубое, ясное.

9. Аня спешит по улице, нет-нет, да и посмотрит на задымленный, грязный край неба. Туда, где АЭС, У двухэтажного домика, отгороженного от улицы плотной зеленью и чугунной оградой, остановилась, звонит у калитки. Подошла женщина с метлой и металлической на палке ловушкой для собирания мусора.

— Да уехали, уехали они!

— Куда?

— Знают, куда. Утречком сам подкатил и забрал семью.

— А вы кто?

— Я?.. Племянница.

— Что ж директор не забрал тебя?

— Я хотела только узнать… Муж мой был там, на станции. Аня почему-то робеет перед этой женщиной, даже

заискивает — как случается у врача, от которого ждешь хороших или плохих вестей.

— Нету станции! Одна яма на том месте, — уверенно говорит женщина с метлой и уходит.

10. Аня идет по городу, как ослепшая. Поливальных машин много, вода мыльная какая-то, пена остается после них на асфальте, на зелени. Проносятся среди легковушек и военные бронетранспортеры, «бэтээры» — чуть не сбили Аню, которая сошла с тротуара.

Но город живет жизнью обычной. Оживление у магазинов. Женщины с большими коробками прямо на тротуаре примеряют босоножки.

К ним подходят, оценивающе рассматривают покупки. Многие тут же направляются в магазин.

А две женщины, явно деревенского вида, решили смыть с себя дорожную пыль, благо вода мыльная и течет прямо у тротуара. Одна резиновые сапоги моет, а вторая разулась и ополаскивает ноги. В авоськах белый хлеб, колбаса. Одна из женщин ухитряется: и мыть ноги и откусывать от батона.

По улице, по тротуару ловко и рискованно проносятся

молодые парни, девушки на роллингах, разгоряченные, занятые лишь собой.

А в отдалении в небе висит какая-то муть, грязь, уже вроде бы привычно, что-то висит, как дымок где-нибудь над Этной. Время от времени пролетает в ту сторону вертолет. И птицы, там почему-то полно птиц.

Но в какой-то момент что-то произошло, изменилось. Улица, вся — все лица, головы, глаза — повернулась в одну сторону. Туда. А там — черный, смолисто-тяжелый столб дыма. Вытянулся, высоко встал, подпирает мутное небо.

— О, Господи, опять!

— Вот так люди в войну горели, — говорит старая женщина с авоськой, которая мыла ноги. — Дым вот такой черный. И мятный, аж спать хотелось… Людей живых жгли.

— Каких людей? — кричит на нее человек в шляпе. — Это графит загорелся. Так только графит горит.

— Сволочи! Во, устроили! — Чей-то голос.

— Графит пока сам не выгорит…

— Так вот горели! — женщина всё о своем.

Аня с ужасом смотрит на черный, как из трубы крематория, дым. Там висит вертолет. А над ним туча любопытствующих ворон.

— Песок сыплют, — объясняет молодой парень с роллингами под мышкой. — У речного причала берут. А что ему песок — как слону дробина!

— Раз графит, — размышляет человек в шляпе, — значит, что? Значит, реактор поврежден? Вскрыт? Как же тогда город?

Глядит на толпы людей.

— Значит, реактор?

11. На фоне черно-дымящего реактора, город с его домами, детскими площадками, парками, улицами, рекой, людьми, всё еще не понявшими до конца, что произошло и как переломилась их жизнь, представления не имеющими, какие и где ведутся о них, о городе, АЭС, об их судьбе споры, принимаются решения, верные и ложные, губительные или спасительные, на фоне всего этого — Голоса. Радио и телефонные Голоса, советские и заграничные, перебивающие друг друга, обличающие, оправдывающиеся, укоряющие, уверенные в своей правоте и неправоте всех остальных, правдивые, лживые — всякие. (Радиоголоса — из старых записей, апрель-май 1986 года, документальные.)

А это телефонные переговоры:

— … Так все-таки пожар или взрыв?

— Да нет, даже стекла в соседних зданиях целы.

— Стекла уже в Москве дрожат. От вашего вранья. А вот Правительственная комиссия доложила: взорвался реактор.

12. —… Какая температура?

— Растет.

— Сколько?

— 1200. А точнее — 1205.

— Сколько?

— Перевалило за 1200.

— Вы даете себе отчет, что произойдет, если?..

— Делаем, что только возможно.

— Что нужно, требуйте?

— Азот. Много азота. Будем пытаться охлаждать дутьем. Будем задувать азот.

А город Припять живет всё еще дочернобыльской жизнью. Хотя на горизонте, как Этна, дымит, дышит угрозой, может быть, смертью, казавшийся навеки приручённым «мирный атом», «самый чистый из всех источник энергии»…

Вертолет завис над АЭС, сбрасывает мешки с песком. Люди смотрят, Аня тоже. Не знает она, что это песок на могилу ее Кости. Не знает, но возможно, что догадывается…

13. Аня снова в своей квартире. То на балкон выйдет, смотрит, слушает вечерний город, постоит возле телевизора, на кухню пошла, включила приемничек — нет, ничего, и никто не сообщает. Соседка в дверь позвонила, не заходя, спросила:

— Ну что? Ничего? Это я в магазин выбегала, и, думаю, может, что-то уже сообщали.

От порога смотрят телевизионную передачу «Время».

— Что слышно о Косте, не позвонил?.. Из соседнего дома парень хотел на своей машине в Киев съездить, его брата, пожарника, тоже увезли. Так знаете, машины не выпускают из города. Милиция на дорогах.

— Не выпускают? — не понимает Аня.

Аня осталась наедине со своим всем. С тем, кого у нее, возможно, уже и нет. И с тем, кому еще быть.

— Ну вот, мой сынок дорогой, вот в какое нехорошее время мы захотели тебя увидеть! И почему мы с папкой так уверены, что это ты, а не девочка, доченька? Но это все равно. Где, где наш папочка, где он сейчас?..

Снова заглянула на минутку соседка.

— Не буду заходить. Ой, у Прохоренко несчастье! Умер их старик. Лежал пластом пять лет, и надо же, чтобы именно

теперь…

И тут же убежала. Странное существо, видимо, из тех, для кого общая беда-тревога — как быстрое течение для форели: легче дышится.

Аня не знает, как заглушить свое беспокойство. Достала из шкафа фотоальбом и села к столу. Ревет за окном вертолет, таща за собой направленный к земле столб света — прожектор.

На столе множество фотографий и на всех, где есть Костя, он обязательно смеющийся, озорующий. Вот эта: опрокинулся на траву, лохматая собака облизывает его лицо, а он обхватил ее и хохочет.

Вдруг голос из телевизора:

— «В Чернобыле на атомной станции произошел пожар. Последствия ликвидируются».

И ничего больше. Аня вслушивается. А на фотографиях — радостный Костя.

Уже и на полу и на диване фотографии, как осколки чьей-то жизни. По ним заметно, как хозяйка то за столом сидела, то на диван переходила, то у подоконника стояла. Какой-то дребезжащий звук на кухне, как бывает, когда включается местное радиовещание. Голос очень бодрый, женский: «Внимание, говорит радиоузел города Припять. Граждане, в связи с аварией на АЭС и опасностью заражения местности объявляется временная эвакуация населения города Припяти. Взять с собой на три дня продукты и предметы первой необходимости. Иметь с собой только ручную кладь. Эвакуация временная, на три дня. Транспорт прибудет 27 апреля, время — 10 утра. Автобусы подойдут к каждому дому, ждать следует у подъездов своих домов. Мера чисто профилактическая, непосредственной опасности нет».

Выключилось радио. Тишина на какой-то миг и тут же голоса, выкрики на балконах.

— Вы слышали?

— Мужчины, о, Господи, бросьте вы свое, дурацкое домино! Тут радио сообщило. Эвакуация!

— Какая еще эвакуация? — голос снизу, со двора. — Придумают!..

Аня медленно обошла свою небольшую квартирку, как бы уже зная, что навсегда расстанется не только с нею, но и с тем, что с нею связано. Остановилась перед зеркалом, но не посмотрелась, а погладила его, провела ладонью, как по собственному или чьему-то лицу.

И вдруг как бы дошло до нее услышанное: выкатила из-за ширмочки детскую коляску и начала швырять в нее свои платья,

белье, его костюм положила, ботинки новые мужские. Сняла с буфета и положила в коляску куклу. Распахнула холодильник, забитый предпраздничными запасами продуктов, выкладывает их на стол, вытащила из морозилки мясо, несет его в коридор к мусоропроводу и швыряет туда, бутылки с молоком туда же. Слышно, как бутылки грохаются о железо, падают вниз по трубе. Грохот сплошной стоит — соседи тоже швыряют что-то.

Села к столу, рассеянно смотрит на разбросанные фотографии. Вдруг вода хлынула, потекла по лицу Кости. Испуганно отдернула руку и только теперь опрокинула стакан с остывшим чаем. (С нею такое будет теперь происходить постоянно: сначала результат, а уже потом действие — причина. Звон разбившегося зеркала и только потом видим, как рушится, сползает на пол стекло, зеркало слепнет. Или: голос кукушки и только потом кукушка выскакивает из старинных часов. И тому подобное. В мире что-то поменялось местами.)

Под балконом шум какой-то, хриплый голос магнитофонного Высоцкого: «Спасите наши души, мы бредим от удушья, спешите к нам…»

Аня смотрит не туда, не вниз, взгляд ее задержался на окошке в доме напротив. Там совершенно нагая женщина рассматривает себя в зеркало. Себя, свои длинные волосы, пропуская их сквозь пальцы. Как бы прощаясь с чем-то…

А внизу, во дворе странное движение, перемещение не то людей, не то всего лишь теней. Плотный круг из парней и девчат, а к нему и от него — парами подходят или отходят, удаляясь в ночь. И все в каком-то сомнамбулическом ритме. И на всем отсвет далекого зарева. И какое-то странное свечение.

Неодобрительные голоса с балконов:

— Тут такое, а они чем занимаются!

— Гляди, как сплелись! Стыда не осталось!

— Не трогай ты их. Бедные наши дети. Ты не знаешь, что их ждет.

— Да им лишь бы обжиматься, ничего другого не умеют! В окне напротив все та же рассматривающая себя нагота,

печально-целомудренная, прощающаяся с чем-то, что вот-вот исчезнет, пропадет…

14. У лифта сбилась толпа жильцов дома. С колясками, сумками, много маленьких детей. А у детей постарше тоже или сумка или узелок. А нет — так кошка или клетка с птичками. Дверь в ближайшую квартиру настежь, там кто-то пытается плакать, начнет и тут же обрывает причитания, что-то такое происходит, о чем люди помнят даже у этого лифта, который их

увозит из налаженной жизни.

— Кому теперь его хоронить? — говорит молодая женщина с тяжелыми сумками у ног. — Не до него.

— Семь лет ждал этого дня, — неодобрительно хмыкает мрачный мужчина.

— Похоронят! — этот мужчина, наоборот, веселый, беспричинно веселый.

А может и есть причина — приложился на дорожку. Похоже, что так и есть, пьяноват. — Это живых неизвестно куда. А мертвым дорога накатанная.

И показал пальцем вниз. Туда, куда и лифт бегает — с людьми с верхних этажей.

— Вы вчера купили? Как нарочно, в магазины выбросили хорошие вещи, — женщина рассматривает кофточку на соседке.

В сторонке девушка с огромным букетом черемухи. Аня стоит рядом с нею. Две небольшие сумки у ее ног.

Девушка с букетом не просто в сторонке стоит. У нее и лицо, и взгляд — всё отрешенно далекое, нездешнее. Она всё еще там, где росла эта черемуха, где сама была ночью.

— Ты бы лучше помогла, — сердится на нее полная, красивая женщина, из тех, что всегда уверены, что правильно всё делают, говорят, живут, — а то вцепилась в этот веник. Ничего ей не надо, смотрите вы!

— Молодежь, ночью не найдешь, а утром не добудишься! — как пропел весельчак.

15. Люди стоят в коридоре и у подъезда, у всех дверей всех домов группы жильцов. С детскими колясками, сумками, узлами. Какие-то девушки с нарукавными повязками переходят от дома к дому, предупреждают:

— Уберите в подъезд детей! Почему дети в песке возятся? Чьи дети?

— Попробуй их удержи в этой духоте. Сказали, в десять автобусы будут. А уже час.

— А где вы, девушка, вчера были со своими советами?

— Во натворили, во натворили, чертовы атомщики! А столько гонору было: без фиги к носу не подступись!

— При чем тут атомщики? Раз в год и незаряженное ружье — стреляет.

— Ну, так выброс его, если стреляет!

— Им и премии, и за риск. А за риск нам надо было платить. У бабки на руках кошка.

— Нельзя, бабушка, с кошкой, — говорит молодой парень, защищавший атомщиков. — Радиация шерсть любит.

— Лохматых, как ты! — отрубила бабуся.

— А я собаку заперла в квартире, — забеспокоилась женщина с двумя детьми, — положила еды на три дня, и все. Сказали же на три дня уезжаем.

— Едут, едут! — голоса издали. Автобусы появились большой колонной, расползаются по дворам, к каждому дому, подъезду.

Снова девушки с повязками появились:

— Кто будет записывать? Вы своих знаете. Чтобы никого не забыли, не оставили.

Милиционер уговаривает:

— С колясками все не поместитесь. Коляски оставить надо. Женщина!

— А как же потом с детьми? И вещи тут у нас.

— Всё в руки, на руки. Не поместимся.

А из подъезда двое в темных халатах вынесли покойника. На носилках, прикрытого, простыней. Следом вышла семья с вещами в руках. Немного прошли за покойником и вернулись к автобусу.

Лишь девушка с черемухой не заходит в автобус, мать ей кричит через окошко:

— Что, так и будешь стоять там?

Вошла, как одолжение сделала, и осталась стоять у двери.

А во дворе появился человек с никелированным штырем в руке, на нем какой-то наконечник. На лице у человека — респиратор. На него смотрят из автобуса, кто удивленно, кто насмешливо, а иные встревожено.

— Эй, ты, намордник! Много намерил?

Человек прошел куда-то своим маршрутом, но уже что-то изменилось в этом дворе, сам воздух как бы стал другим. И люди уже, словно по-другому, смотрят на всё.

— Девушка! — крик с заднего сидения. — Здесь дети! Выбрось свои цветы. Кто знает, где ты их наломала.

— Выбрось! Ты что, не слышишь?

— Шастают по ночам, а потом являются!

— Водитель, открой там!

Дверь распахивается, девушка выходит, огляделась, пошла к подъезду. На пути у нее — коляски, коляски. Их полно, куда ни кинь взглядом. В некоторых остались вещи, забыты погремушки, в одной — кукла.

Свои цветы девушка положила у подъезда, на крыльцо. Как на могильную плиту.

Возвращаясь, забрала большую куклу из коляски. Та вякнула, пищала, как живая.

А в окошке первого этажа точно такая же, провожает наивными, широко раскрытыми глазами их обоих.

За автобусными стеклами — живые детские лица, встревоженные, но и радостные: как-никак событие, и столько автобусов, и столько людей, и все куда-то едут…

16. Окраина города, вдали блестит река, а от нее — водозаборный канал, тянущийся к далекому длинному зданию с трубой. На обочине дороги, оттесненные двойной колонной автобусов люди с дозиметрами, бронетранспортеры, солдаты.

А колонна автобусов в два ряда вытягивается и вытягивается из Припяти, уже ни начала, ни конца не видать. Кто-то успел поставить у дороги с бетонной стрелкой-указателем «Принято. 1970» дощатый, наскоро сколоченный щит: «На обочину не съезжать, заражено!..»

На деревьях, что вдоль дороги, — странная выставка самых разных костюмов, плащей, женских платьев и кофт. Целый километр — вот такая витрина лесная.

А вот и отгадка. Люди переодеваются в защитные, (белые и черные) костюмы, их выдают прямо с машин. А собственную одежду куда девать, — развешивают на деревьях!..

Издали АЭС не кажется ни величественной, ни зловещей — банька коптящая, всего лишь. Дикое несоответствие ее вида и масштабов бедствия. Из всех букв праздничного лозунга над станцией остались: «Досроч».

— Всё дымит! — неприязненно.

— Натворила, вонючка! — гневно.

— Вон какая, а сколько от нее всего! — удивленно. Люди неласково прощаются с той, ради которой здесь

недавно поселились, что было и гордостью многих, и надеждой, и привычной работою.

(Это бы надо заложить в саму стилистику фильма: вначале прекрасное, как храм индийский Тадж-Махал, белое здание АЭС, потом почерневшее и вообще серое, как лицо смертельно больного человека — после аварии, а затем оно всё невзрачнее выглядит, действительно банька коптящая, и вот от нее-то — такая грозная волна тревоги, беды, страха, накатывающаяся на деревни, города, на целые страны. Образ ада-«баньки», апокалипсиса-«баньки»! Впрочем, это и не новый образ, не такой ли представлялась вечность ада Достоевскому: закопченная банька с пауками в углу?

И только в снах-видениях Анны будет что-то другое, по-другому грозное, зловещее, демоническое — по мере нарастания в ней чувства боли за погребенного там Костю и вины за него, а, в конечном счете, и собственной вины.)

17. В два ряда колонна автобусов катит по автостраде — уже далеко от АЭС, казалось бы, под обычным небом, среди обычных людей, рощ, здесь вроде бы всё, как было всегда. А у автобусов и следом за ними бегут собаки, большие и маленькие домашние псы. Их не взяли в машины — шерсть, радиация. Дети смотрят на них из окон, зовут, некоторые плачут. Тревогу, беду, недоумение, страх везут с собой автобусы. Это — на многих лицах взрослых. А на некоторых детских лишь радость неожиданного путешествия. Но именно развеселившихся детей мучит какой-то кашель, почти всех. И то, что сразу всех, кажется подозрительным, всё больше тревожит мам и пап, бабушек.

— Ну что вы все, как сговорились! — укоряют детей взрослые. Всё еще не хотят верить в плохое… А дети, решив, что действительно неплохая игра начинается, найдена, уже и нарочно кашляют, чихают — не поймешь, где забава, веселье, где грозная беда…

И вот это тоже одно с другим не вяжется, не стыкуется. На обочинах новенькие щиты предупреждают: «Съезжать с дороги опасно!» Видимо, только что установлены. А чуть подальше от дороги трактора пашут, большое стадо коров.

Люди, жизнь, сама природа еще только готовятся уяснить, осознать, как всё переменилось в этом мире.

У боковой дороги, уводящей в сторону далекого леса (щит: «Конец тридцатикилометровой зоны»), стоят люди в военном и гражданские, показывают водителю: сворачивай сюда! Несколько машин (и та, в которой Аня) поехали по этой дороге. Деревни, украинские, белорусские, разбирают себе гостей-беженцев из ставшей горько знаменитой на весь свет, тридцатикилометровой зоны — «чернобыльцев».

18. Аня уже в кабине грузовика. Двое парней (один за рулем, второй рядом) ее будто и не замечают. Может быть, потому что слишком замечают ее беременность и стесняются. Очень молоденькие ребята.

Съезжают к реке, на старый деревянный паром. Тут телеги, лошадиные морды, несколько коров. И люди крестьянского типа. Старуха с петухом. Плывут молча, как бывает на реке, смотрят на бегущую по бортам воду.

Аня говорит своим молоденьким попутчикам:

— А белорусский берег зеленее.

— Конечно, наш зеленее.

Старик при лошади охотно подтвердил:

— А как же, на то она Белоруссия. Только и ее мелиорация поджелтила. Думали, болото, вода беда. А теперь без воды беда

еще большая. Сушь, песочек.

Вздохнул и философски закончил:

— Потому и этот Чернобыль, что человеку всего мало! Поинтересовался:

— Что, старикам везете, внученька?

Ласково засмеялся. Ане впервые за последние дни стало хорошо, и она даже улыбнулась.

— Мужева родня, они белорусы, деревня Замошье, — сообщила всё так, будто едет в обычный отпуск и Костя где-то там, дожидается ее.

— Это хорошо, дочка. Дети должны жить там, где трава. И молочко тепленькое.

19. Идет по песчаной (ноги тонут, как в муке) улице полесской деревни. Столетние дубы — как огромные, добродушные домашние животные, они на каждом огороде, почти у каждой хаты, Улица широкая, дома вразброс. Как в той же Припяти. Но там, в городе, это новая планировка, а здесь само так получилось, сложилось — из-за послевоенного безлюдия. Деревни сожгли, людей выбили или сожгли в амбарах, в церквах, и потому немногие уцелевшие, вернувшиеся из леса, из партизан или из армии, строились не улицей, а каждый где удобнее, некоторые на пепелище родной хаты. Аня сворачивает во двор с колодезным журавлем, где хороший сад, но хатенка маленькая, какую осилили после войны.

— Ой, детки, вы приехали? — среди двора старушка, тоже очень маленькая. Она кормит индеек, индюков, грозно, сердито снующих у ее ног.

— А Костик? — спросила тут же. — Не приехал?

Аня целует ее и молчит. Хотя и готовилась всю дорогу, но никак не может изобразить беззаботность, начать говорить неправду. Выдавила из себя:

— Его забрали… он уехал в Москву.

— Что? Так плохо?

— Нет, почему! Он не один, их много поехали, — ничего другого не смогла сказать.

— Ну что ты гостей держишь у порога? — голос деда. Вот он не на маленькую хатку свою похож, а на дубы, что на огородах. — Зови в хату, а потом расспрашивай.

— Я сон видела, — обреченно говорит мать.

— У нее сон заместо телевизора, — старик всё старается помочь Ане обмануть и его тоже.

— А уже и по телевизору показали, — старуха снова о том же.

— Уже показывали? — удивилась Аня.

— Ага, ваш город. Ничего, живут люди, — пояснил старик.

— Это было вчера, — тихо сказала Аня.

— И эту, как ее, станцию, на которой Костя работает, — напомнила мать Кости.

Этот разговор все трое внесли и в избу, вместе с сумками Ани.

Старушка тотчас захлопотала, как и принято, в белорусской деревне, накормить гостью. Побежала в сени, в погреб, вернулась с кувшином молока, огромной глиняной миской.

— Свеженькое.

Желтенькую сметану размешивает с творогом:

— Свеженькое всё. Не то, что у вас там. Подзадержалась там за дверью, старик наклонился к Ане,

шепотом спросил:

— Что с Костей? Скажи. Мне можно.

— Я не знаю. Правда, не знаю, папа, — и заплакала.

Но снова вбежала старушка, подозрительно оглядела обоих. Всё уговаривает:

— Ешь, детка, тебе надо за двоих.

— А может, и за троих. В моем роду и тройня бывала, — бодро сообщил дед.

— Мы с ним после войны побрались, поженились, — очень просто пояснила старушка. — Осиротила нас война. Его жонку, моего мужика забрала война. Детей у него трое сожгли и моих хлопчиков тоже. Хотя, что я, я уже тебе рассказывала. И не раз! А у нас с ним один только Костик. Как глаз во лбу.

Снова повернула разговор на то, что мучит ее. Смотрит на Аню умоляюще: просит и боится правды.

— Хотели больше деток, чтобы всех вернуть, а вот, только один. Что ж он телеграмму не отобьет? Из Москвы.

— А сколько было молодежи до войны! — вздохнул старик.

— И рыбы в озерах.

— Ну, тебе бы только рыба! — отмахивается старуха.

20. Вечерний телевизор, в избе полумрак. Старик и Аня сидят на деревянной лаве смотрят передачу, бабка стоит, чтобы лучше разглядеть.

— Довоенные детки все снятся, сколько живу. А Костик вот ни разу. А как молю Бога!

— Тише! — прерывает ее старик.

На фоне (фотография) атомной станции, но целехонькой, какой-то человек объясняет значение и перспективы атомной энергетики. Что и самая выгодная, и прогрессивная, и экологически чистая. Старуха смотрит на него, не понимая,

почему он — ничего о ее Косте, а всё о «перспективах» да об энергии.

21. Спит изба, а за окнами гудят, фарами, светом хлещут по окнам машины. Свет ползет по печке, по стенам, потолку. И как на экране телевизора, начинают выступать, проявляться из ползающих теней какие-то фигуры, оживать сны. Стариков сны — из военного времени. Горящая и кричащая, вопящая к небу церковь — там люди. Людей собаками загоняют в амбар…

И тут же — тихая, широкая река, на траве качается, смеясь. Костя, а вокруг бегает лохматый пес и радостно лает.

А это, похоже, сон не родившегося Аниного ребеночка: какие-то вялые, как водоросли в воде, движения, или это щупальцы, или змея?.. Да, змея, раскрытая пасть, неподвижные глазки, а напротив — раздувшаяся от страха, лягушка, лапы расставила, упирается, сопротивляется влекущей ее силе, но не назад, а вперед ползет. Капли пота, как ужаса капли, на бугристой ее коже. И кричит, совершенно по-детски кричит; человеческим крином.

И тут же — полет в небе, свободный, счастливый. Ане хорошо в небе. Только вот платье надо придерживать, ветер с ним балует, ей неловко, стыдно. Под нее подплывает здание АЭС, знакомая почерневшая крыша, нет, это уже похоже на кратер вулкана, черное грозное чрево. И там кто-то лежит. Кто-то в белой рубахе на черном, лицом книзу.

— Костя! — крик Ани.

— Что, что ты, детка? — проснулась и старуха. — Или тебе тоже война снится?..

22. Утро. Аня одна в избе, у старого зеркала, что висит на стене недалеко от икон с белыми вышитыми рушниками. Рассматривает себя, лицо свое, покрытое пятнами, руки — какие это пятна? Те, что всегда, носили беременные женщины, как природную отметину, знак обновления организма накануне великого таинства рождения жизни? Или же она уже помечена тленом, Чернобылем? А значит, и ребенок! Там, в ней.

Видит в окно, как за забором прошел человек с дозиметром, на ходу провел своей металлической палкой по веткам садовых деревьев.

Вошла старуха:

— Ох, детки, столько новых людей понаехало! Беженцы оттуда, от вас. Как в войну, Господи! Пойдем и мы возьмем какую-нибудь семью. Места хватит; проживем, не привыкать в тесноте.

И старик зашел в избу.

— Хоть бы не пыхкал своей люлькой! — накинулась на него старуха. — Может, ребеночек не любит.

Старик, как пойманный, выдернул люльку изо рта.

— Ничего, папа, ничего, курите! — заступилась Аня.

— Я что! А вот Чернобыль, говорят, пыхкает. Не уймется никак. Сколько людей по свету разогнал.

— Что, такой большой, этот атом? — спросила у Ани старуха. — Бегут люди, как от чумы!

23. Деревенская, утопающая в песке, разбитая скотом, разъезженная машинами, тракторами, комбайнами площадь (за оградой вся эта техника громоздится на виду здесь). Тут же здание почты и правления колхоза. Чуть поодаль — школа. Несколько огромных, как нездешние животные, городских автобусов, которые и привезли беженцев, «чернобыльцев». Они толпятся с вещами у школы, там много и местных жителей. Какая-нибудь бабка, забрав с собой приезжую семью, а то и две, гордясь перед соседями, что у нее сразу так увеличилась родня, ведет их за собой. И действительно счастлива: у нее, может быть, родни-то и нет, война обрубила все корни. А тут сразу объявилось полдюжины внуков. Даже лозунг успели написать, растянуть между двух сосен: «По-братски, по-партизански разделим общую беду с чернобыльцами!»

И тут же на стенах почты и правления плакатики, бумажки, или мелом написано — зов потерявших родных, близких в горячке эвакуации; «Мы в соседней деревне Копачи. Сидоренко Остап и Огрипина». «Мама, я тебя ищу! Мы тебя ищем! Оля, Катя Чудаковы. Ищи нас у тети Франи». «Кто из деревни Каменка Брагинского района? Отзовитесь!»

Тут же зеленая машина, к которой льнет заинтересованная толпа местных жителей и эвакуированных. Две девушки в белых халатах, не вылезая из машины, измеряют «рентгены», «миллирентгены», «рады» — слова эти нет-нет, да и прозвучат в толпе: то бабка старая изречет («Ой, этих рангенов столько, столько объявилось! Люди говорят!»), то пацан (приставил палку к животу такого же, как сам: «Тысяча рентген! Жить будешь, но на карачках!»). Многие люди еще только эхо тревоги несут в себе, и не страх, а возбужденность, оживление на их лицах. Смотрят, как замеряют девушки в халатах невидимую опасность, верят и не верят, что она есть, настигла их.

Девушка, подносящая металлический штырь с наконечником к чьему-то животу, к шее, к детским ботиночкам, говорит, произносит одинаково бесстрастно, не пугая и не ободряя, а,

лишь констатируя: «Чисто», «Грязно», «Грязно», «Чисто»…

Вот женщина подняла внука, поднесла к прибору босоногого.

— Помыть надо ноги, — говорит девушка, вглядываясь в шкалу прибора.

— Заставь ты его попробуй! — виновато оправдывается бабушка.

— А вас — откуда привезли?

— Нас ниоткуда. Мы здешние.

— Здешние? — девушки переглянулись. Пошептались. Одна выбежала и направилась к закрытой большой машине.

Молодой здоровенный парень, по мазутным пятнам судя, комбайнер или тракторист, прошел сквозь очередь, как горячий нож сквозь масло.

— Мерь и меня!

Девушка, не реагируя на его игривый тон, делает свое дело тщательно, серьезно.

— Ну что?

— Ничего нет.

— Ну вот, а вы тут паникуете. Оставайтесь, девушки, у нас, устроим танцы.

— Дай людям работать! Танцы ему! — зашумели женщины, оттесняя его от машины.

Аня стоит в сторонке: подойти или не подойти? Не решилась. Идет через толпу, не слыша ее, вокруг говорят, смеются (мы это видим), но слышим лишь ее разговор со своим ребеночком:

«У нас с тобой всё хорошо, не бойся, сладкий мой! Ну, а что маму тошнит, так оно и должно быть. Ты здоровенький, я знаю, хорошенький, красивенький. Где-то наш папка, о нас думает, беспокоится…»

Увидела сидящего в сторонке от всех мальчика лет шести. Прислонившись к дереву, спит. Явно приезжий, городской, судя по его одежде, даже панамка на голове. Подошла, он открыл глаза. Переглянулись, и мальчик тут же устремился к ней.

— Вы своего мальчика ищете?

— А ты что один здесь? Ты откуда?

— Я из Братина.

— А где все твои? Мамка?

— Меня потеряли. У меня тоже две сестрички есть. И бабушка, и дедушка.

— А что ж ты здесь один?

— Тут меня найдут, увидят. А там столько людей, не увидят. Мальчик покашливает.

— Ты не простыл? На земле сидишь.

— Я нет. Мы привыкли.

— Кто мы?

— Детдомовцы.

— Брагин — это Белоруссия?

— Ага, Белоруссия.

— Так ты из детского дома?

— А как вы догадались?

— Ты же сказал.

— Всех теперь ищут. И меня найдет мама.

— А где все ваши?

— Уехали. Я нарочно отстал, спрятался. Они все говорят, что я скоро помру. Что у меня тысяча рентген. Потому что мне всё время хочется спать.

Он показал десны, провел пальцем — действительно кровь!

— Тебе просто витамины надо есть.

Прошли мимо колодца, уже задраенного целлофаном. Две женщины с ведрами недоумевают, спрашивают у приезжих рабочих:

— Как же воду брать?

— Нам приказано. Будем скважину бить. Одну на всех.

— Ну, а теперь как?..

Аня ведет найденыша к себе во двор. А туда впереди них зашел человек с палкой-дозиметром. Провел ею по кустам сирени, до яблоневой ветки дотянулся.

Из сарая вышла мать Кости с ведром, увидела незнакомого и по-крестьянски накрыла молоко краем юбки. От сглаза. Человек подошел к ней:

— Ну, ну, откройте.

Старуха почему-то оправдывается:

— Молочко это. У меня гости.

Человек бесцеремонно сунул в молоко металлическую палку. Старуха оцепенела от неожиданности.

— Ничего, я его вскипячу, — утешает того, кто ей испортил молоко.

Чтобы ему только не стало неловко.

— Молоко надо вылить, — непонятно сказал тот и направился к сараю. — Есть нельзя.

— Ничего, я прокипячу.

Человек скрылся в сарае, старуха быстренько за ним, оставив ведро на улице, а к нему тотчас направилась большая свинья, опрокинула, рылом повозила по белой луже.

Человек с дозиметром и старуха, как привязанная, за ним следом — обходят двор. Поводил своей палкой у крыши сарая, ковырнув солому (крыша соломенная), дотронулся даже до свиньи. (Человек этот в военном обмундировании, и кто знает,

что привиделось старой женщине, когда он поднес свой штырь к соломе: не то ли, что помнится с войны? Вспыхнула огнем солома!..)

Уходя со двора, дозиметрист измерил и мальчика, волосы.

— Ого! Где успел так? Ты здешний? Ваш мальчик?

— Мой? А что?

— Надо хорошенько помыть ему голову.

И удалился, притрагиваясь палкой ко всему, что попадается на пути.

24. Из окна Аня наблюдает за матерью Кости. Старуха ходит по двору, как лунатик, как во сне. А за нею мальчишка, которого Аня привела. Ведро с пролитым молоком так и лежит опрокинутое. Задержалась возле угла сарая, рассматривает то место, где водил своим прибором дозиметрист; потрогала куст сирени, вглядываясь в невидимое. Яблоневую ветку наклонила к глазам. Корова вышла из сарая. Подошла к ней, потрогала рукой…

Старик сидит в избе курит. Везде полно вещей, узлов, сумок. Чужих.

— Пошли наши постояльцы деньги получать, — сообщает он. — Выдают, кому по сколько, но большие деньги. Во натворил этот атом, так натворил!

Вошла старуха:

— Что ж это, а? Как же люди будут жить? Вот ты, ты всё знаешь!

Это к деду — с укором.

— А что миру, то и бабиному сыну!

— Аннушка, они зачем это всё проверяют?

— Люди проклянут и ту станцию, и атом ихний, и их самих, — говорит хозяин.

— Кого? — встрепенулась хозяйка.

— Кого? Сына твоего! Вот кого!

— Это за что же? Что ты мелешь?

— Разбираться не будут. Был там, значит, виноват!

— Ты что, совсем одурел?

— Это не я одурел. — Ушел из хаты, хлопнув дверью.

— Аннушка!.. — женщина жалобно смотрит на невестку.

— Неправда! Он не виноват, мама. При чем тут он? Он и сам ругался, что придумали какой-то эксперимент.

— Это какой же, что это такое?

— Ну, чтобы еще лучше сделать.

— Господи, говорила я ему: оставайся тут, и в колхозе люди живут! Уже и у нас платить стали. Так они все в город, будто

медом там всё намазано.

25. Машины, огромные скотовозы идут одна за другой по полевой дороге, медленно, переваливаясь на яминах; коровы в кузове заваливаются друг на дружку, глаза коровьи покорно-мученические.

А в интервалах между машинами видим такую же корову на свободе. Девочка при ней, она смотрит на тяжелые машины с любопытством. Ее корова вполне обезопашена, по чьему-то, видимо бабушки, соображению. Копыта обвязаны целлофановыми мешками. И почему-то на рогах целлофан.

Тут же щит, предупреждение: «На обочину не сходить! Опасно!»

А за этим — радио и телефонные голоса. О тревогах всего мира по поводу чернобыльской аварии. О шестидесяти тысячах ядерных боеголовках, в которых — сотни тысяч Чернобылей дожидаются своего часа. Заявления американских специалистов, доктора Роберта-Питера Гейла о масштабах и последствиях катастрофы в Чернобыле. Что думает по этому поводу МАГАТЭ.

И рабочие переговоры Чернобыля — Припяти с Москвой, Киевом…

…— Ветер поворачивает на юг. До этого несло на север и северо-запад. Дуло в сторону Белоруссии, Киев задело меньше. Но теперь угроза Киеву.

— Детей мы вывезли. В основном…

— Какая обстановка? Что предпринимает Комиссия?

— Усложняется обстановка. Есть опасность нового взрыва. Под реактором в бассейне может быть вода. А он постепенно оседает, реактор, может прожечь бетонную подушку.

26… — Температура?

— Снижаем.

— Сколько?

— 700.

— Ого! Молодцы! Даже на душе отлегло. Что, азот помог?

— Нет, азот не пошел. Выдувает; выносит его в сторону, там дыра.

Решили засыпать сверху. Доломитом, свинцом, песком. Чтобы забрать температуру у графита, горит меньше.

— Коллеги московские помогают?

— Да. Непрерывно прорабатывают варианты.

— Прогнозы ваши?

— Рано прогнозы делать.

…— У тебя большие звезды? Будут маленькие. Если к утру

дело не будет сделано.

…— Что? Какие еще разрешения, согласования? Может, вам и стол из вашего кабинета доставить сюда? Писать будете, когда на пенсию пойдете.

…— Все 200 или даже 300.

— Чего? Миллирентген?

— Нет, рентген. Летим ближе?

— Да не надо. Всё хорошо видно, всё, всё хорошо! Мы довольны.

…— Скот будете забирать? Или самим вывозить?

— Какой скот? Вы куда звоните?

— Вы Правительственная комиссия? Вам и звоним.

— Вот как? Будем забирать всё у вас? Не забывайте нас, звоните и по поводу кошки, если у вас есть проблемы с кошкой.

27. В кузове накрытого брезентом грузовика, приспособленного под перевозку людей, и наши старики, родители Кости. Ани с ними нет. Деревенские люди, в основном пожилые и дети, переселяют Костину деревню, вывозят из зоны, ставшей тоже опасной. Кузов забит вещами, даже телевизор, самовар, большие цветастые узлы.

А в стороне от дороги работают огромные машины — скреперы, бульдозеры, делают дело, которое кажется бессмысленным. Срезают на огромной площади чернозем, грунт, его куда-то увозят на машинах. Всё сделалось опасным для жизни, сама земля, которая прежде жизнь воспроизводила.

Страшная и бессмысленная работа, делается она упрямо и как-то даже азартно.

А по другую сторону дороги, тут же, рядом — пашущий трактор. Всё, как было вчера. Беда такая, масштабы ее таковы, что охватить всю сразу одним взглядом, одним решением, одной идеей просто невозможно.

28. Аня и мальчишка, который спит, прислонившись к ней, — в вагоне мчащегося поезда. За окнами обычные, нормальные пейзажи. И пассажиры обычные — с жареной курицей, бутылками кефира, спокойные, благодушно разговорчивые — вполне дочернобыльские.

29… — Температура падает?

— К сожалению, опять растет.

— Сколько?

— Близко к двум тысячам.

— Сколько?!

— 1720 градусов.

— Да от чего? Это же скоро…

— Предел — 2500 градусов.

— И тогда что?..

— Расплавятся таблетки урана.

— И что? Новый выброс?

— Страшно и подумать. Первый был трехпроцентный. А если расплавятся таблетки — вынесет всё. Все сто процентов.

— То есть всю тысячу тонн урана.

— Нет, тысячу семьсот тонн.

— Города?.. Киев, Гомель, Минск?..

— Не только…

30. Вдвоем (Аня с сумками в руках) идут по городу. Видно, что это город большой, если не столичный, то областной. Одна замечается странность: мало, почти не видно детей. А на Аниного мальчика даже оглядываются, невольно как бы. И ему тоже малость не по себе: дети, как собаки, привыкли переглядываться, тянуться, «поводок натягивать» — завидев себе подобного. А тут — одни взрослые, не с кем переглянуться.

Поэтому он заглядывает в каждое стекло, себе подмигивает, показывает язык в витринных отражениях. Заметно, что устал, что очень устает, кажется, лег бы вот здесь под стеночку и уснул.

— Мама Аня, а у твоего брата детей много?

— Взрослые. Уже внуки есть.

— Ого!

— Одного даже, как и тебя, Женей зовут.

— А когда нас пустят назад в Брагин, я поведу и покажу им наш детский дом.

Поднимаются по лестнице, отдыхая на каждой площадке. Звонят. Из соседней квартиры выглянул мужчина в пижаме.

— Вы к Громовым?.. Сейчас жена вам объяснит, а то там телевизор…

И убежал. Выглянула жена:

— О, Анечка, заходите к нам. Ключ у нас.

Вся семья у телевизора, не до гостей им. Там — передача о Чернобыле. Аня чуть не задохнулась от волнения: показывают московскую больницу, пожарников чернобыльских в больничной одежде и возле них врачей. Диктор объясняет: прилетел американец, доктор Гейл. Камера следует за гостем, фиксирует его разговаривающего с больными, улыбающегося.

— А это Хаммер! — подсказывает один из парней. Двое их плотненько уселись в одном кресле. — Самолет медикаментов привез. Японских.

— Может, всё вернется у нас с Америкой. Как во время войны. Не было удачи, так беда поможет, — говорит хозяин квартиры.

Один из сыновей засмеялся:

— А знаете, как можно рентгеноснимок сделать в домашних условиях? Стать между киевлянином и нашим гомельчанином.

— Мирный атом — в каждый дом! — дурашливо выкрикнул другой сын.

— Замолчите! — крикнула мать. — Идиотские шуточки! И, наконец, обратилась к гостье.

— Извините, Аня! Мы тут все расстроились. Ой, вы же оттуда! Даже забыла, что вы в Припяти жили.

— Нет, я от Костиных стариков, — почему-то сказала Аня.

— А Костя? Он же работал на АЭС… А нам такое, такое сообщили! Эвакуировать собираются.

— Ваш город?

— Наш! Как это — такой город? Сколько же надо машин? И куда?

— Эшелоны, говорят, стоят на всех вокзалах, — мрачно буркнул муж.

— А вчера приказ был: ночевать в убежищах, подвалах.

— Ну, это уже перестраховщики, — мрачно прокомментировал муж.

— Мы не ночевали. Одна мама, — похвастался сын.

— Герои вы с батькой. Потому что не знаете, что такое война.

— Какая же война, мама?

— Еще хуже. Там хоть знал, что вода — это вода, а лес — это лес. А тут?.. Сейчас, Анечка, ключ дам. Брат вас дожидался, а потом уехали. Сказали, в отпуск.

31. Аня готовит для мальчика постель. А он сидит на стуле и уже засыпает. Соседка возвращается к своему вопросу:

— Вы так и не знаете, где Костя, что с ним?

— Он в командировке. Его на станции в это время не было, — сказала и, чувствуется, сама удивилась, что так сказала. — В Казахстан уехал на три месяца.

— Ну, так хорошо! — недоверчиво отозвалась соседка. — А то такое про них говорят. Еще бы, столько горя людям принесли. А может, это диверсия?..

Аня промолчала.

— Отдохните, я вас позову, когда обедать соберемся. А может, уже хотите поесть? Что-нибудь приготовлю.

— Спасибо. Пусть поспит. Я так за него боюсь. Надо к врачу сводить его.

— Бледненький какой. Измучился за дорогу.

Аня сидит возле спящего Жени и смотрит на пустые рамки семейных фотографий. Фотографии хозяева увезли с собой.

«Маленький ты мой, я не хочу, чтобы папку твоего проклинали. Пусть я буду лучше плохая, пусть, ему и так плохо. Пусть лучше я буду…»

32. Аня позвонила соседям, попросила:

— Пожалуйста, присмотрите за Женей.

— Мы заберем к себе.

— Он спит. Через какое-то время, пусть пока поспит. Идет по городу, задерживается у витрин, киосков с водой,

лотков с фруктами, люди какие-то очень разные в одежде: одни по-летнему раздеты, по погоде, а другие — как будто сейчас осень, слякоть: в плащах и сапогах и при этом нелепо видеть еще и вуали под шляпкой, старинную, похожее, что ж бабушкиного сундука. Не модничанье это и не вызов современный вкусам. Просто люди по-разному относятся к слухам радиации. Те, что одеты (а точнее — раздеты) по-летнему, те едят мороженое, пьют лимонад, покупают парниковые огурцы, клубнику. В очереди ни одного «ряженого» — те проходят сторонкой, мрачно сосредоточенно, как по зачумленному городу.

А над всем никому не слышные, но где-то там — громкие, резкие, грохочущие, как камни по жести, железнодорожные команды:

— Эти два эшелона направить к Северному. На запасные пути… Восточный вокзал может принять четыре эшелона. Западный — два… Новые гоните на Северный, вокзал…

33. Следом за санитарной машиной Аня входит во доор доли клиники. Идет по затемненному коридору, нереально длинному, и не смотрит туды, куды ей, ох как хочется и как страшно, посмотреть: вдоль всего коридора у стен сидят женщины. Беременные женщины. Что по так, заметно не по всем, у некоторых ничего не заметно, но вот лица, глаза! Мучительное или безнадежное ожидание своей очереди. К тем, кто проходятся-пробегают по этому же коридору: люди в темных, тяжелых, резиновых передниках и белых респиратарах-«лепестках». И тоже странно много, этих бегущих навстречу Ане людей в резиновых, до плечей, передниках, с белым пятном вместо лиц.

Впрочем, Аня, ужасаясь своему решению, тому, что задумала сделать, плохо видит, соображает, и, возмоно, ей только кажется, что и тех и других здесь так много, а коридор такой бесконечно длинный.

Вот ее взгляд на миг выватил несколько женски лиц, ничего, сидят, как на приеме у косметички, даже болтаюто чем-то, посмеиваясь… Иронические фразы долетели до Ани сквозь гул крови в голове и удары сственного сердца;

— Вклад в науку эту их атомную!..

— Ну, я вернуць домомй, ну, я своему благоверному!.. Не знаю что!

— А что ты ему? Погладит по шерстке, и опять замурлычешь, как кошечка.

Аня вдруг бросается назад, наталкивается на людей в передниках, и они налетают, точно ловят, хотт задержать ее, она в ужасе отбрасывает чужие руки — пока не вырвалась за дверь, где солнце, прохожие, город.

Быстро идет по городской улице, казнясь, прося прощения: «Не бойся, сыночек, не бойся, ну что ты так испугался! Мама еще не совсем сошла с ума, она этого не сделает!.. Всё будет хорошо, я тебя не отдам!..»

А над неб, над людьми, которые этого не слышат, громкие с железнодорожным эхом голоса-команды: «К станции Востоной — два эшелона! Северная, примет четыре!..»

34. Аня в толпе, (как и тогда, бегущая к АЭС, навстречу пожару, в основном из женщин состоящей). Сотни женшин движутся вдоль и поперек железнодорожных путей, по рельсам, шпалам куда-то туды, где эти самые таинственные, поджидающие страшного дня, момента порожние вагоны, эшелоны. Разгоряченные, решительные, а в глазах отчаянье и вопрос. Их, передних, задержала шеренга солдат, молоденьких, смущенных, каждый словно перед собой собственную мать, сестру видит и не знает, как быть, как вести себя, что ответить,

— Мамаша, мамаша, дальше нельзя!

— Ну, тетенька, ну, куда вы?

— Девочки, вам же сказано!

На них напирают, на солдатскую цепь, но что с них взять! Крик женский там, где где какие-то чины.

— Ага, нам ждать, а сами, как в Киеве, уже вывезли своих? На машинах да самолетах.

— Да никто и никого не вывозил. Откуда вы взяли?

— Знаем откуда,

— И вас никто не собирается.

— А зачем эти эшелоны? Что они тут делают, стоят?

— Вам же сказано; ситуация полностью контролируется, полностью!

— Слышали мы, слышали эти разговоры!

— Ну что вы, хотите уехать?

— Не хотим мы уехать. Пусть, кто хочет, уезжает.

— Так чего вы хотите?

— Зачем эти эшелоны? Что это означает?

— Стоят и стоят. Кому — какое дело?..

35. Аня уже у собственного дома, уставшая, измученная, но очень спешит. Отпирает замок, с порога вслушивается, что и как тут, устремляется туда, где оставила мальчика. Не находит в спальне, ага, значит, соседи забрали! Взгляд задерживается на включенном телевизоре, там показывают какие-то ползающие странные машины и диктор объясняет, что это роботы, и они заняты очисткой территории, помещения взорвавшейся Чернобыльской станции. Бульдозер без человека прополз какие-то метры, сдвигая куски асфальта, остановился, замер.

И тут Аня увидела, что мальчик сидит в кресле, поджав ножки, почти голенький, а у рта, на подбородке какие-то темные полосы. Он не спит, он без сознания, а может быть, умер! Бросилась к нему, упала на колени, обхватила:

— Сыночек! Сыночек! Женечка!.. Что, что с тобой?.. Прости, прости нас!

Медленно открыл глаза, не узнавая, серьезно и как-то очень строго рассматривает лицо Ани.

— Ну что ты, что с тобой, сладенький мой, славненький?..

— Мама? Я знал, что это ты. Мама! Ты меня нашла?..

— Нашла! Нашла! Это я. Сейчас, сейчас мы…

Берет его в охапку, несет на диван, бежит за полотенцем, стирает с лица страшные пятна.

— Доктор нас посмотрит, и всё будет хорошо!

— А что это? — мальчик рассматривает кровь на полотенце, и тут же сам успокаивает: — Не бойся, это у меня десна. (Показывает, раскрыв рот.) Давно, ты не бойся, мама.

36. Спят в одной постели, Аня и мальчик. Она его обхватила рукой, чтобы чувствовать, что он здесь, рядышком. Лежит с открытыми глазами, а по потолку ползают тени, какие-то пятна света движутся. В глазах ее тревога: так похожа ночь эта на ту — перед катастрофой.

И так же, как тогдаа, закрывает глаза и засыпает. И снова сон, в который раз один и тот же: она парит над реактором, видит, как в чреве его кто-то лежит, кто-то живой. Перевернулся к ней лицом — Костя! Смеющееся лицо Кости!

— Не смей! — кричит она. — Почему ты смеешься? Не смей!

Вдруг погас за окном свет. Не просто во дворе погасли

фонари, а как бы во всем городе. Аня открыла глаза, поднялась с постели. И дальше всё делает странно размеренно, обдуманно, неторопливо-деловито. Собрала одежку мальчика, положила на стол перед кроватью. (В комнате вроде бы темно, но и какое-то свечение там, где Аня что-либо делает, куда движется.) Взяла свое платье, одевается, надела туфли.

И пошла тихонько к дверям. Странно, будто фонарик кто-то несет перед нею.

37. Идет по городу, по улице и всё то же происходит: свет, свечение белой собачкой впереди нее бежит.

38. Уже день, но какой-то без солнца, хотя небо чистое, без единого облачка. Аня идет по широкой автостраде, на которой, куда ни кинь взглядом, ни одной машины. И только, как камнем, падают мертвые птицы. Идет среди ржи по полевой дорожке. Идет через луг.

Выходит к своему городу со стороны реки. Непонятным образом переправилась через нее и оказалась на том самом месте, где когда-то сидела, вязала, а Костя рыбачил.

Идет по городу, по улице Припяти — ни души. Детские песочницы, качели, сказочные домики во дворах. И много машин, брошенных, стоящих как попало. Бронетранспортеры.

И птицы, очень много птиц — под ногами, дохлых.

Вдали виднеется здание атомной станции, оно уже как бы в черте города. Чернеет на фоне серого неба что-то вроде высокого ящика. Похоже на прислоненный к небу, стоймя поставленный, гроб.

Аня всё ближе и ближе к нему подходит, всё медленнее, а он всё выше, громаднее делается, уже отнял само небо, как бы окружает со всех сторон — этот гроб-саркофаг, прячущий и великую беду, и ее счастье, ее любовь, ее Костю.

Вдоль черной стены саркофага начали возводить параллельную стенку, видимо, для страховки — саркофаг над саркофагом. Но не видно работников, одни машины, похоже, что тоже брошенные.

Женщина зашла туда, стоит между стен — высоченной и которую только начали возводить. Слушает, вслушивается в зудящую дребезжащую тишину, безлюдье. Прислонилась спиной к саркофагу и видит, как вдруг задвигались машины-роботы, как одна, ловко подхватив каменный блок, стала укладывать его,

наращивать стену.

Женщина, прижавшись к саркофагу, смотрит, казалось, бесчувственно, как машины-роботы деловито замуровывают ее, и

не делает ни малейшей попытки уйти, убежать.

Уже по грудь не видать ее, уже только голова, только глаза над стеной…

39. В странном каком-то городе по улице ходят люди все в респираторах. Мужчины — в темных, похожих на противогазы, женщины — в марлево-белых. У этого, читающего газету, из-под намордника торчат, как крысиные хвосты, усы. Женщины в парикмахерской, продающие воду и даже пьющие, — никто не снимает респираторов. И как бы не замечают их, вроде бы и не мешают. Смеются, беседуют, голоса гудят, но не разобрать — жизнь как жизнь.

40. — Женщина, вам нельзя спать; не проснетесь! Вам, мама, ни в коем случае спать нельзя!

Больничная палата, лицо Анны на подушке, запрокинутое не то от боли, муки, не то потому, что не хочет, боится смотреть.

Слышен плач-гугуканье новорожденных. Не одного, не двух, слышно, что их много в этом помещении, здании.

— Мама, смотрите, кого родили. А то скажете: не мой, подменили! Смотрите, мама!..

Аня глаз не открывает, и не понять: от слабости или страха. Слабенькое гугуканье новорожденных исчезает в какофонии голосов, перебивающих друг друга, но говорящих об одном: о том, что атомная энергетика альтернатив не имеет, что она самая удобная, дешевая, чистая и даже самая надежная. В этот хор врезаются, вклиниваются и голоса, теснящие, постепенно оттесняющие все остальные, убеждающие, что без ядерного оружия не было бы долголетнего мира, и что он невозможен без боеголовок и ракет, что без грозного атома жизнь на планете

невозможна, немыслима.

Все эти голоса, выкрики, рассуждения мчатся по пустой автостраде, по обе стороны от которой расставлены щиты: «Съезд запрещен! Зараженная местность!», «Сворачивать на обочину не разрешается!», «Заражено!», «Заражено!»

Наплыв — цифра «370». И еще одна — «60000». Голос диктора:

— «Триста семьдесят атомных электростанций уже работают. Шестьдесят тысяч ядерных боеголовок всё еще не уничтожены. Не слишком ли много атомного риска для нашей маленькой планета?

Что, это и на самом деле единственная дорога?»

По сторонам мелькают щиты, щиты: «Местность заражена!», «Заражена!», «Заражена!..»

[1987]

«ОТ НЕ УБИЙ ЧЕЛОВЕКА ДО НЕ УБИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

Мы сидим за столом, спокойно пьем кофе и читаем газету, а в следующее мгновение можем оказаться внутри огненного шара с температурой около десяти тысяч градусов.

Джонатан Шелл. Судьба Земли.

Из записных книжек

(1981–1992 гг.)

1981

5.3.1981.

А что, начинать (квантами) **ту** повесть? Хоть бы с этого — что потом пройдет через основной текст, как эхо из будущего, эхо надежды, а м. б., и безнадежности, а точнее — «последнего предупреждения» людей самим себе.

Произошло. Нейрохирургия или таблетки, но человек обрел инстинкт: не убий себе подобного. Абсолютный запрет существует. Для всех. Кроме тех, кто хитренько уклонился, чтобы обрести власть над всеми. Их группа, или народец маленький, или… Неважно кто, но они прежние — какими были все до таблеток. И могут убить, всё могут — во имя власти. Но других заставить не в состоянии. Что из этого следует? Проследить можно в любом направлении: опять-таки и с + /плюсом/ и с — /минусом/. И надежда, и безнадежность. Например, армия, полиция-милиция, органы… Всё прежнее, но люди иные, не убивающие. (Но мучить, отнимать свободу могут и после таблеток?). Как всё прежнее невозможно. И как дико выглядит для всех, когда **они** вдруг кого-то убивают. Как **всё человечество** на это реагирует. На **одну лишь** смерть. Как сейчас на «миллионную смерть» не реагирует.

Это дает возможность описать ее, смерть — ее отвратительный облик — насильственную как бы через увеличит/ельное/ стекло. Чтобы вызвать к ней отвращение — не меньшее, чем к трупоедению, ужас перед убийством…

…Главное, сама цель повести: отвращение пробудить к убийству, любому, нет, даже к тому, что вроде бы оправдано идеей, даже гуманностью, мыслью о тысячах жизней. Этим убийством спасаемых. Такая, м.б., ситуация — ну хоть бы та, где или одного ребенка, или «кнопка» и — 4,5 млрда!

«Все перед всеми виноваты»… Когда планета осознала себя человечеством — не на уровне Гете или Пушкина, или Достоевского, а на самом обыкновенном (вот и это спустилось вниз, как и знание о человеке), так вот здесь снова и по-новому видится мысль Дост/оевского/ — «все перед всеми»… Нет, это не желание смазать соц/иальную/ вину одних за счет других, это мысль о чел/овеческом/ братстве, к/отор/ая невозможна (путь к нему) через подсчет вечный, кто кого обидел и когда. А — кто и кому когда помог и как все всем необходимы — особенно в общей борьбе за то, чтобы человеч/ество/ выжило. А уж если вину видеть, то и свою — без этого планета не остынет никогда. А жить

на горячей долго не удастся. Думаю, что это — если еще и не стало идеей века — так будет становиться. Если вести подсчет обид — так начни с себя. А уж потом: кто и когда тебе!

…Видимо, каждая лит/ература/ это должна видеть, иметь взгляд на себя и со стороны: глазами соседей — на свой народ…

В этом безумном, безумном мире, где слова социализм, демократия, свободный мир, кто только не забирает себе без всяких на то прав, уже стало главным нравств/енным/ критерием всего этого — готов ли ты пожертвовать своим классовым, национ/альным/, расовым предрассудком и даже интересом, если встанет вопрос о неизбежной войне…

…А ведь главное право не отдел/ьного/ даже чел/овека/, а человечества — на будущее, на жизнь завтрашнюю.

Всё больше осознается в мире, что есть общие интересы и нужно, чтобы кто-то занимался ими — общими (Римский клуб и т. п.).

Кто самой «спецификой предмета» поставлен на это дело — лит/ература/. Кому, как не ей?…

Так получилось, что средство уничтожить противника, а заодно и себя, вместе со всем живым на планете, появилось в руках человеков раньше, чем были решены хотя бы основные и самые взрывные проблемы социальные в мире. А не решать их человечество не может — даже под страхом гибели. Вся ответственность на тех, у кого в руках бомба: найти проход между Сциллой и Харибдой.

А ведь американцы стараются создать ситуацию, когда Россия должна, спасаясь от «Першингов»[140], стать убийцей Европы. Ракетным убийцей старой европейской культуры. Вот в какую роль нас запихивают. Тут мало того, что сейчас делается…

Чужая жизнь — это твоя жизнь.

Что еще?

Да, обида за своих.

Что, все перед всеми виноваты?

Не от этого я шел в «Карателях», но к этому пришел. И к этому. Время не разбрасывать, а собирать… Ибо всё готово, чтобы разметать всё, что есть человечество. И лит/ература/, конечно же, должна дейст/овать/в обратном направл/ении/: собирать человека в чел/овеке/, братство в мире, собирать добрую волю всех людей и всех народов…

Против чего? Или не против. Да, против эгоизма слепого тех

сил, к/отор/ые/ счит/ают/, что после нас хоть потоп, что лучше быть радиоактивным, нежели красным (идеология), черным, желтым, белым (расизм всех мастей), что есть вещи, к/отор/ые стоят атом/ной/ войны и смерти всех и вся.

Главное, что мы должны осознать: нет ничего в мире, ни в нац/иональном/, ни в расовом, ни в идеологич/еском/, ни в экономич/еском/, ни в правовом плане, что «стоит войны» атомной. Исходя из этого, только из этого дейст/уют/ уже и разумные политики. А тем более **обязана** действовать литература. Она ведь для того и нужна, чтобы быть впереди всех в этом — в защите общечеловеч/еских/, гуман/ных/ ценностей.

И потому-то: все перед всеми! В том смысле, что с себя начинай: человек, народ, класс и т. д.

Если что и загубит мир, так эта извечная уверенность всех и каждого и во все времена, что прав он, только он, а все другие не правы и виноваты. Перед ним, прежде всего. Все перед всеми-то, религиозное, которое могло быть когда-то призыв к социальному релятивизму, сегодня звучит, как необходимая, практич/еская/ формула выживаемости **всех.**

Формула эта вопреки корыст/ным/ интересам: нефть, прибыли, престиж, предрассудки, идеологические миражи. Нет ничего, что стоило бы атомной войны, т. е. жизни человечества.

Но это не значит, что теряют знач/ение/ такие ценности, как гуманизм, добро, разум, любовь, братство, принципиальн/ость/, самоотверженность… Наоборот, они обретают особен/ное/ значение, ибо направл/ены/ сегодня против сползания к самоубийству. И поскольку направлены против…

Обретает новое значение это — гуманистич/еская/ направленность лит/ературы/.

8 ноября 81 г. Железноводск.

Брат Яши Мисько, прощально целуя в лоб покойника, прошептал (но было слышно):

«Спасибо, что ты был мне братом!»

Кто и кому так скажет или не скажет — в плане историческом? Народ — народу. Ты был мне братом! Что может быть желаннее, прекраснее? А ведь были, несмотря на вражду и обиды. И надо бы это знать, помнить, а не только обиды. А уж если и обиды, то и свою вину перед другими — тоже.

9.11.81 г.

Телеящик сообщает, что Хейг[141] обещает взорвать в Европе одну бомбочку — в качестве предупреждения. Вот оно! Когда я писал в статье «Достоевский после Достоевского» [Новый мир.

1981. № 10] (еще полгода назад) — это было лишь допущение. А тут — именно об этом. Вот оно, подтверждение, что не из пальца высосал эту проблему — «единственного выстрела»!

Если свершится и начнут сокращать ракеты средней дальности, как выиграет, с каким облегчением вздохнет белорусская земля, которой грозит, м.б., главный ответный удар.

Мало ей тех Хатыней!

Но следовало бы вообще убрать их из всех западных и густонаселенных русских областей. В конце концов, территория наша — на 90 % безлюдная — позволяет это сделать. Туда все, туда — подальше от городов, людей! Если уж они необходимы. Пока они нужны.

Что делать? — веч/ный/ вопрос. Каждое время задает свои. Что делать, чтобы и людям жилось лучше? Раньше. Теперь. Чтобы выжить, жить?… Но пути к лучшему — на минном поле. Нельзя, чтобы даже справедливейш/ий/ эгоизм привел к взрыву.

27.11.81 г.

Новое знание человека.

4.12.81 г.

Во сне, в фантазии, в н/аучной/ ф/антастике/, но вот о чем. Человечество продолжает жить, искалеченное атом/ной/ войной. Но живет. И за это каждый «праздник» — день, когда случилась катастрофа! — славят тех, кто мудро начал и победил. Так здорово ударил и пр., и пр. Правителей и народ славит, от ко/торо/го и уцелел осколок рода человеческого. И есть только один человек, в стороне от всех — который понял, что произошло и **кто** спас хотя бы то, что от homo sapiens уцелело. Да, народ погибший спасся (как чел/овеческий/ род) в своем убийце: род Авеля в Каина роде, но все-таки продолжит себя!

Когда случилось, и у этих было для удара такой же силы — по городам и по всему живому. Но был поставлен ограничитель (программа), и хотя ответили по базам, по шахтам, но когда сработало (предел, если еще да плюс то, противник еще сможет бросить, — всё живое будет убито!). И остановилось — под продолжающейся атакой напавших. И так на самом-самом краешке задержалось, уцелело хоть что-то от рода людского. Чтобы продлился — пусть хоть так, через осколок. Но кто, кто спас и кто победил. Вот это открытие — через того человечка. Это есть — «не убий», которое спасает.

Но как бы обойтись без н/аучной/ фантастики? Нужно что-то принципиально новое. Как предчувствие этой вещи — Флера в

«Хат/ынской/ повести» во сне стреляет в самолет, а там — тоже он, и, может, чтобы кто-то уцелел — тот, что внизу или над ним, но кто-то, потому что и тот и другой одно!

1982

Индия, 6 янв. 1982 г.

Радостно испытывать **беспричинно** добрые чувства к др. народу…А почему беспричинное? Причина — отсутствие причин для неприязни, для обид!

Невероятное разнообразие всего: рас, обычаев, одежды, религий, языков. Представить страшно, что ворвался бы сюда европейский «ариец» с усиками! И пошел бы наводить единообразие! Или китайское.

Бомба не должна взорваться. Нигде. Но именно во имя этого она должна взорваться — уже сейчас! — в сознании художника…

150 малых войн после Хиросимы — это 150 попыток самоубийства, предпринятых человечеством. Какая по счету окажется удачной?!

7.6.1982

Таракан нарушил всю систему электроснабж/ния/ — в Японии, забравшись в систему кибер/нетического/ упр/авления/.

Пример того, что, создавая всё более мощные системы, человек становится зависим от мелочи. Соломинкой перешибить можно. Ведь эдак и человеч/ество/ уничтожит таракан — забравшись в атом/ную/ систему. Когда это могло быть?

Когда-то, чтобы чел/овек/ выжил среди других видов, достаточно было быть человеком умелым. Палка, крем/невый/ нож — орудия труда.

В века цивилизаций глав/но е/, что определяло дальнейший прогресс, — разум/ный/ чел/овек/ — homo sapiens. И вот до атомной бомбы поразумнел человек.

Чтобы жить дальше, ему надо дейст/ительно/ стать чел/овеком/ гуманным. В завтр/ашний/ день войдет он, чел/овек/ гуманный. Или там ему уже не бывать.

Ведь куда его завело чудо разума? До фантастичной мощи, перед к/отор/ой он и бессилен: случай против него. Таракан в системе…

Марш Мира. Июль 82 г.

Анита Педерсон — выступление на вокзале: мы боимся оказаться в хаосе, послед/ствия/ которого неизвестны. Нас

немного, но дома — тысячи. От них мы пришли сюда.

«Нет атомному оружию в Европе, на Западе и Востоке». Нет войне — во всех ее формах.

Этот марш уникальный.

Кончился митинг пением гостей: как молитва о мире. Началась процессия.

Белоруссия, к/отор/ая горела, это чувств/ует/ особенно! Ожог атом/ный/ — обыч/ными/ сред/ствами/.

Кладбище деревень — кладбище городов, стран!

А потом на улицах наши [люди], кого не допускают через неинформированность. Вот где я начинаю думать, что мы **что-то готовим**. И мы — тоже! Или это тупоголовость и инстинкт касты: по привычке! В США они подняли 800 тыс/яч/ [человек]. Боимся, что и у нас?

Стокгольм — Хельс/инки/ — Л/енингра/д — М/оск/ва — Минск. Начали женщины, присоедин/ились/ мужчины. Начали север/ные/ страны.

…Продолжать путь вместе с движ/ениями/ Европы и США — в общечеловеч/еском/ движении за спасение мира.

Давайте по-женски мягко, но решительно, как женщины дома тысячи лет.

Демокр/атия/ север/ных/ стран давала возмож/ность/ воспротивиться бомбе.

Идите с нами! Важен этот момент — отклика…

По дороге из Хатыни подпис/али/ декларацию/. И они, и мы, белорусы. Это она, Хатынь — тоже!

«Каждый русский (т. е. советский) должен быть убит», а потому даешь, даешь еще крыл/атых/ ракет.

Это то же, что было в нацист/ской/ прогр/амме/, но там обращались к идеологич/ским/ аргументам, расистским и пр. Тут главный аргумент — страх перед противником, к/отор/ый «вас всех убьет». Т. е. страх = расистской программе. Когда он направлен против лишь **чужой** бомбы, а не против всякой.

Надо — против всякой, домохозяйки из «Марша-82» правы сто раз!

Раньше и меньшая угроза народу твоему звала людей на костер. А тут — истребят всё в крае, утыканном ракетами, и никто! И меньше всего наши «патриоты», им лишь бы вывески и тиражи — побольше. И весь их патриотизм.

Сказать о том, что, имея такие пространства, совсем не обязательно всё громоздить у зап/адных/ границ и вообще там, где население — неважно, бел/орусы/ они, прибалты или русские. Вон они у себя — в пустынях шахты роют.

Конечно, лучше всего, если бы договорились, — убрать всю гадость из всей Европы. Но если нет — что будем молчать до самого судного дня?!

25.8.82.

…В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант поет гимн завистливому соперничеству, тщеславию, ненасытной жажде обладать и господств/овать/ (в прошлом и наст/оящем/), считая, что это движет общество, историю и выведет к достижению всеобщего правового гражд/анского/ общества, членам к/оторо/го представл/ена/ будет величайшая свобода, совместимая, однако, с полной свободой других.

Без этого, будь люди, как их овцы, они остались бы на уров/не/ животном. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что хорошо для рода его и ведет его по пути раздора!

Но всё это вдруг уперлось в возможность самоистребления — бомбу!

И «механизм прогресса» должен нажать на тормоза резко, сразу, чтобы не поздно было.

Род выживет, если чел/овек/ испугается быть тем, кем был всегда. Хватит, доразвивался на тех путях!

26.08.82 г.

— Не убий! — вначале голос инстинкта выживания рода. Потом это сформулировала религия и, в частн/ости/, грозный Бог Ветхого Завета. Новый — отнес это к требов/анию/ совести.

Сейчас это звучит снова от имени рода, но не инстинкт (к сожалению), а **знание**, что иначе — погибель!

После создания ООН — 120 войн произошло.

ООН всё еще отражает психологию вчераш/него/ дня: временные цели теснят главную: выжить! Да, да, — это главное, а не что-то еще!

Президент Мексики Портилио великолепный образ

употребил: противоречия между Севером и Югом, Востоком и Западом распинают человечество на кресте.

Есть постоянные факторы риска войны — накопленное человечеством оружие.

Есть постоянно дейст/вующие/ факторы мира — это накопленные им же произв/едения/ иск/усст/ва, литературы, классика…

Осознание, что кто-то поверил, что за счет Европы выиграет войну.

США, Евр/опа/, Сов/етский/ Союз — глав/ная/ цель ядер/ной/ опасности. Забывают, что это — 90 % (если не больше) белой расы. Самоубийство человечества? М.б., самоубийство белых — вот это уж точно! И именно самоубийство цивилизации, рожден/ной/ энергией и гением белой расы.

С Гудзона смотрел на кубики Манхэттена и видел: оттуда направлены мои [ракеты] — на меня же, а отсюда их — на всё мое, т. е. снова-таки на меня и даже (теперь) как бы из-за моей спины…

4.10.82 г.

Сколько раз нажмешь (ты, человек) — столько раз и убьешь!

Себя.

Началось — с не-выстрела. Ведь обязательство не бросать первыми [бомбу] — это и есть не-выстрел. Как и тот случай, когда они собирались во Вьетн/аме/ применить, а мы — воздержаться. Не-выстрел…

Он — начало. Как выстрел был началом прежде, всегда. Не-выстрел — начало!..

Идея повести. Человечество решило запустить в космос… Ноев ковчег. Чтобы сохранить вид свой, гены. От каждой нации пару или две. И вот отношения человеческие там, в том мире отобранных. Романы и пр. Чистота или что-то иное. И пр., и пр.

9.12.1982. Нью-Йорк, ООН.

1983

Ядерная война, к/отор/ая уничтож/ит/ всех и вся, никогда не может быть войной справедливой — прав баптист/ский/ священ/ник/ Рой Валентай.

Иск/усство/ как ничто создало ореол войне, нимб. Оно же обязано и снять, разрушить его — в искупление «исторической вины»!!

26.2.1983 г.

Телеперед/ача/. Вице-презид/ент/ АН СССР Велихов Евг/ений/ Павл/ович/ — академик.

Сравнил атом/ное/ оружие с фашизмом — врагом человечества/. И как мы были призваны историей победить фашизм, так сейчас — бомбу. И делаем к этому шаги: не прим/енение/ первыми, отказ от примен/ения/ силы/ и пр., пр.

С того, что атом/ная/ война — это война против человеч/ества/. Да, разоруж/ение/. Но это не решает, если не решен будет одновр/еменно/ вопрос, о к/оторо/м Эйнштейн: др. мышление. Через пару месяцев — снова сделают [бомбу].

Значит, что может сделать лит/ература/ в борьбе за мир? А вот это — готовить то самое другое мышление. К/отор/ое не только — разоружение. Но и невозможность снова всё начать снова.

В 1990 г. арсенал США — до 12 млн. килотонн условного тротал/ового/ эквивалента. Т. е. есть около миллиона Хиросим. Это хватит на 200 млрд. человек (если сравнивать с бомбой хиросимской).

За 6 тыс/яч/ лет — 14513 войн, убито 3 млрд. 640 млн.(«Лит. газета» от 2 марта 1983 г.)

Атом/ная/ война не может быть чем-то другим, как только — войной против человечества.

Ну, а какая у него, у человечества защита?

Медицина? Врачи «обещают» полный паралич мед/ицинской/ помощи.

Молитва?.. Страх? Да, он мобилизует миллионы людей — в Евр/опе/, Амер/ике/, именно в сильных странах. Вот как боятся «своих» правительс/тв/.

Объединиться, поняв, что бомба — это сегодняшний фашизм

(Велихов).

Любое зло имеет продолжение. А огром/ное/ зло — во зле кошмарном. Ведь бомба выползла из фашизма — ученые испугались, что Гитлер «работает» и получит ее раньше. А так бы, очевидно, хватило гражданской совести и мужества не давать ее в руки политиков.

Начиная с 1947 г «Буллитан атомик сайентист» помещает в каждом номере изображение часов, показыв/ает/ день «страшного суда» — ближе, дальше…

Мое: смерть — это не отсут/ствие/ жизни, она — часть жизни. Поэтому бомба убьет и смерть — в этом смысле. Всё убьет — и самое смерть.

Природа вручила свою судьбу в руки (в мозг!) одного вида. И теперь решения глобального масштаба принимаются не в «природ/ной/ лаборатории», а в мозгу человека.

…Человек — единственное существо, сознающее, что оно — смертно. Но и что оно — часть рода, бессмертно. И вот сознает, что и род его смертен. Чувство в квадрате! Вторая смерть.

Мое: атом/ная/ война не только война против человечества, но и против всех будущих поколений, не родившихся (и к/отор/ые не родятся).

У входа стоят будущие поколения, мы — туда и заставили повернуть «назад», в темноту, куда уходить и нам, умершим. «Одни посмотрели и др. надо».
А тут: не надо!

Геноцид против человечества. Вот что такое ядер/ная/ война.

Безмятежность нормальна ли сегодня? Или именно она — безумие?!

Жизнь ради будущего? Не согласны? Но вот стерилизация общая… И ощутите: да, живем ради будущего. Без этого — бессмыслица!

Наши покол/ения/ обречены быть или велич/айшими/ героями, или велич/айшими/ преступн/иками/ и соучастн/

иками/ преступления — в зависимости от того, допустят или нет уничтожения/ будущих всех покол/ений/. (Соучастие в геноциде величайшем.)

Раньше в будущее входили, сейчас приходиться прорываться. И литер/атура/ этому должна содействовать. В социал/ьном/ смысле, да, в нравст/енном/, но и в прямом — биологическом.

Неубий не родившиеся поколения. Через не убий — живых! Живущих.

Эйнштейн: «необузданная мощь атома изменила все, кроме нашего образа мышления, и поэтому мы по инерции движемся к небывалой катастрофе».

Атом/ная/ война это уже даже не война — бессмыслица (т. е. ни победы, ни поражения).

…А потому мнимый оптимизм или, хуже, «аднова живем» — не для писателя. Да и не для человека вообще!

Люди, сгоревшие в Хатынях, испыта/авшие/ немысл/имое в Ленинг/раде/, все они молчаливо присут/ствуют/ в нашем мире.

Страшно быть не в числе сразу истлевших, а тех, кто оглянется, а того прежнего мира уже нет, кругом черное небытие под бурым небом и люди-головешки куда-то ползут, (ослепшие) бредут…

Совсем недавно (не после Шелла[142]?) произошла подмена **послевоенного предвоенным** — и вот в каком смысле. От минувшей войны осталось маньячески-партизанское: прикидывание, как, откуда, чесанул бы из автомата, пулемета…

(Синдром Тупиги [герой повести А. Адамовича «Каратели»] в нас сидел — «мастера»).

Сейчас идешь и видишь: вспышка и через миг — вспыхнул этот, эта, одежда, волосы, сразу черное из нормального. В сознании тот рассказ японца [из Хиросимы]: увидел, как вмиг исчезло лицо, глаза у человека, идущего навстречу (сгорели!), и не сразу ощутил, что сам горит сзади (вспышка сзади).

Может быть, и такой злой ответ на вопрос анкеты: — Что ты сказал бы?

— Самоубийство, а ведь это навсегда! Навсегда лишаете себя

возможности ненавидеть «клас/совых/ врагов» и «красных», этих «черных обезьян» и этих «сволочей белых», навсегда отнимаете у себя и пр., и пр., гадости, к/отор/ые вам всегда так нужны были, казались главнее добра, любви, жалости, здр/авого/ смысла, самопожертвования. Так хотя бы ради возможности еще раз, потом убить всё, себя, всё растоптать — удержитесь на этот раз! Хотя бы ради этого!

8.5.83 г.

О ядер/ном/ побоище кричать громче будет тот, кто живет в будущем больше: у него дети, внуки, он создал значит/ельное/ произведение («на века»), он оставляет, наконец, имя честного, доброго, уважаемого чел/овека/. Негодяям и бесплодным (во всех отношениях) больше «до лампочки» — а что там произойдет. Борьба за мир, марши отбирают не трусов, а совсем наоборот.

14-15 мая 83 г.

Что, что, что делать? Что можно практически сделать? В **наших** условиях. Для начала — вот этот дневник «мертвого (?) времени». Начать, вести дневник: что чувствуешь и как бороться с вязкой обыденностью сознания, инерцией сознания, не желающего сознавать, что иначе, по-другому оно должно функционировать: как действие, постоянно, непрерывно. Ведь грань между временем живым и мертвым истончается ежесекундно!

Время живое и время мертвое! 1983 г. июль, 2.

Конфер/енция/ о совр/еменной/ прозе — поиск адекватной реакции, литературы реакции.

Повторно показывали «мост» Москва — Калифорния. Первый светлый лучик за последние месяцы! Найдена форма, к/отор/ую бы развивать, чтобы систематически смотреть в глаза друг другу, слышать голоса, смех друг друга — вот что могло бы делать абсурдными в глазах все эти бомбы и начиненные бомбами «измы».

Очень интересная была реакция на велиховское: в конце войны объявился новый враг — бомба. Она изнутри нас. Мы считаем это мускулами, а это раков/ая/ опухоль, к/отор/ую следует вырезать…

Аплодисменты долгие, встали!

Адекватная реакция на адекватную реакцию — в том-то и дело, что слова Велихова — тоже адекватная реакция на бомбу.

Бомба — фашизм. Исходное, точка опоры. Сделать бы, чтобы бомбы стыдились, как концлагерей!

И ведь могли перед лицом фашизма отложить на потом каждый свои «идеалы» — и мы тоже — и здесь так же.

Весь материал Шелла под этим углом зрения.

13.7.83 г.

Приехала девочка[143], писавшая письмо главе государства [Ю.Андропову], которого боится ее государство, а его в свою очередь — это боится. Ее встречают на аэродроме дяди, тети, берут интервью, наклоняются, но, м.б., падают ниц перед спасительницей — перед детьми, своей надеждой, чувством чистоты и невинности, к/отор/ые в них задавлены всем, всем, но которые человеческие ведь!

В Хиросиме, Нагасаки — чувство вины выживших за то, что выжили.

См. в «Огнен/ных/ деревнях»! [книга «Я из огненной деревни»].

Надежда была (Нобель и др.), что сверхоружие убьет войну. Убив человечество раньше!

…Бомба — с т/очки/ зр/ения/ этой религии. [БуддизмаЛ С т/очки/ зр/ения/ христианства, мусульманства. Т. е. уничтожение смысла их, религий, так же, как смысла всей человеческой/ истории и культуры.

4.8.83 г.

На две записные книжки не хватило острого чувства истекания времени живого — вот ответ! Что же хотеть от человека и судьбы, если от человека требуется это — на всё оставшееся время?!

Адекватность реакции? Да, конечно. Но природа чел/овеческая/ есть природа и против не попрешь — даже, когда Бомба…Зн/ачит/, задача искусства искать адекватные средства для того, чтобы разбудить адекватную реакцию.

…Адекват/ные/ средства, чтобы выразить это. Вот Шелл — адекватное. Точные данные. И т. д.

У сверхдержав с их ядерным арсеналом всеобщей смерти есть «братья меньшие» — малые страны. Не очень-то люди обращают на «братьев меньших» внимание — и тут это тоже подтверждается!

14.8.83 г.

Бомба. А за ней — ложь или невежество. Клас/совое/ и пр. И всё равно непонятно.

Это как если бы всё было в доме (а планета — дом общий) пропитано горючим материалом (как пропит/ано/, наоборот, противопожарным), а кому-то было нужно, кто-то был бы заинтересован, чтобы этого не знали, об этом не думали. Лгать и дурака валять при этих условиях — непонятно всё равно. Или прав Шелл, что уже и чувство эгоизма утрачено. Вернее, эгоизм меньшего интереса подавляет эгоизм интереса куда более сильного.

В интервью с Аллой Пугачевой, «Комсомолка», 28.8.83 г: петь о любви человечества к человечеству.

Неожиданно! Не человека к человечеству, а самого… А ведь верно: народ себя любит и часто очень, а нация — так и слишком иногда. Ну, а человечество? В нем выработались чувства любви к себе — самосохранения?

Относит/ельно/ идеологич/еской/ борьбы — вот тут «не навязывать» своих взглядов в среде сторон/ников/ мира. С этого начинается понимание ситуации. И думается, что это есть «ключ» вообще к отношениям…

Нелепая надежда выжить: то ли за счет террит/ории/, то ли многочисл/енности/ населения. То же, что торпедирован корабль — не важно, нос или корма поражена — но погибают все, когда тонет, и не важно — 100 чел/овек/ или 3000!

Тут сверхдержава демонстр/ирует/ отнош/ение/ к «малым сим» (из к/отор/ых выходцы и сами американцы). Как неблагод/арность/ чел/овека/ к своим «братьям меньшим» — по тому образцу. Или к «недостранам» — к «мусору» (по Гитлеру).

«Нет предела развитию человечества и никогда человечество не скажет себе: „Стой, довольно, больше идти некуда!..“

Если до сих пор человечество достигло многого, а это, значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно — человечество: скоро захочет оно, в самом деле, сделаться человечеством…»

Виссарион Белинский.

Христианской атомной бомбы нет! — провозгласили американские/ и европ/ейские/ епископы, верующие.

Нет и классово-марксистской атомной бомбы!..

Ведь практически 2/3 человечества не подключены (психологически) к атом/ной/ тревоге (кроме Индии, где Пакистан нависает с его бомбой и где традиц/ионный/ гуманизм): нам бы ваши заботы! Всё еще не их, потому что там — другие (голод и пр.) И потому, что не информир/ованы/ о том, что и их достанет.

И обещание женщины Тэтчер, железной леди, что в женщин, проникающих за колючую проволоку, где начинают подниматься драконьи морды первых «крылатых», будут стрелять… И готовность английских домохозяек все-таки прорывать ограждение. Это то самое, немногое, но много стоящее в людях, что дает надежду. Надежду на то, что они окажутся на уровне угрозы.

15.11.83 г.

Попала в ловушку «интересов Америки» Европа. Попала в ловушку интересов военно-промышленного комплекса сама Америка. Мы в ловушке своей идеологически-политической догмы. И все не ядерные страны — заложники.

Всё человечество — в ловушке. И нет кого-то, кто не захлопнет и мог бы «отомкнуть», «выпустить», выручить.

Кто? Те, кто, осознав всю угрозу, скинут с себя держащие путы страха перед расплатой, перед властями, эгоистич/ского/ расчета и т. п. и станут действовать (действуют) **адекватно**.

Писатель и…

Вроде бы старый вопрос: с кем вы, мастера культуры? Помним выступл/ения/, слова А. Барбюса, М. Горького, Я. Коласа… на Париж/ском/ конгрессе в защиту культ/уры/ — до II мир/овой/ войны.

А еще раньше Толстой, к/оторо/го приглашали в Стокгольм, его: «Одумайтесь!»

Всё так, но что-то изменилось в ситуации.

Там — война угрожала прогрессу, грозила отбросить человеч/ество/.

Тут — само человеч/ество/ под угрозой. Представьте, что Тол/стой/, или Гор/ький/, или Дост/оевский/ знают: есть **1** шанс из 1000, что люди себя уничтожат.

Но, как гов/орил/ Дост/оевский/, чел/овек/ существо, к/отор /ое ко всему привыкает. Тут не 1 из 1000, а 50 на 50, фифти and fifti… И ничего. Даже не пишем всерьез.

Кто выполняет роль: врачи… ученые физики…

Ну, а писатели. Да, публицисты, да!

Ну, а книги наши, даже о войне — соответс/твуют/ ситуации. Боюсь, нет.

…Литература? Конечно, как-то выполняет свою роль. Но не адекватно. Помните, какой она была, когда фашизм встал под Москвой, Ленингр/адом/, Сталинг/радом/.

А ведь — это пострашнее! Над Москвой, Минском, Ленинградом!..

А тон, пафос сильно изменился? Да нет же.

Человеку свойств/енно/ не впускать в себя всю угрозу.

Лит/ература/ не имеет права — не впускать.

Уся наша літ/арату/ра у адносінах/ да рэальнай пагрозы — учарашні, а магчыма пазаўчарашні дзень.

Вядома, я маю на ўвазе і ўсё, што сам пісаў, напісаў… Але сёння неабх/одна/ большае.

Они поставили нас в положение — быть не просто убитыми, но и убийцами Европы (Парижа, Рима и всего-всего, без чего нет и нашей культуры, истории).

Двойной ужас нашего положения! Как из него выйти, нужна двойная сила рывка, но для этого помнить (и говорить) и это: убить Европу? В порядке «возмездия» и т. п. Ужас, ужас, сколько раз (честно это!) согласился бы умереть сам, только бы выпутать людей. Но кому нужна твоя жизнь-смерть, цена ей ничтожна, сегодня тем более.

16.11.83 г.

Всё правильно! Именно это нужно было и как можно скорее: чтобы и наши поняли, чем это всё грозит. Без иллюзий, мол, Россия всё вынесет, вон что смогла! Тут не вынесет сама планета, вся.

И теперь-то и надо бы: убрать и эти, наши средние! Все так все. Это не хуже того, что американцы приставят «Першинги-2» к виску Москвы, Ленинграда, Минска, Киева и т. д. Увидеть бы того «стратега», к/отор/ый подал идею в 1976 г. — как объегорить Запад. Вот и объегорил, мудак, нас, самих себя.

20.1183 г.

1984

Память о победоносной рус/ской/ истории (Россия всякое повидала и выжила, а потому — ничего смертельно страшного быть не может) сегодня губительна. Потому что и тут всё изменилось: этого и Россия не выдержит! А живут старым, и это поддерживается.

7.1.84 г.

Моление о будущем.

Пишут, говорят о хрупком, почти стеклянном «шарике». Взрывы, если они прокатятся по Земле, оставят стеклянную поверхность. Уже в прямом смысле: 1/5 или весь метр толщина остекленевшей от жары почвы. Сквозь него и через 1000 лет трава не пробьется.

10.1.84 г.

Мы живем в мире, где сила обнаруживает странным образом слабость людей: чем сильнее госуд/арство/, человеч/ество/ в целом, тем оно зависит больше от случая, могущего погубить всё!

…Вдруг вот эти категории духовные стали спасительной силой, а не сила мускулов. Велихов: о том, что атом/ная/ мощь — это раковые клетки, а не мускулы.

Это — в масштабах страны, планеты.

…Слабость силы, сила интеллигентности.

…Но дело…в самой ситуации, когда нужен полный пацифизм, да, пацифизм Гринэм-Комоновского накала и в литературе, в ее взгляде на **любую** войну — сегодня, завтра.

18.2.1984 г.

…Но потом подумалось: да, боль, да, беды, муки и еще какие, хватало этого людям и от людей. Всем хватило, во все века.

Но что все муки и беды для бессмертных [людей]. Всегда оставалась надежда или хотя бы знание, что всё минет, а правда останется. Даже от Содома и Гоморры кто-то уцелел — праведники. Даже от Хиросимы, от Бомбы первой, второй. Даже в день, когда бессмертие рода чел/овеческого/ ушло из мира, но люди, большинство, этого не поняли. Не поняли, что они до этого дня все еще жили, если не в раю, [то] в зоне примыкающей, могли засматривать сквозь проволоку.

Изгнал человека из рая окончательно уже не Бог — человек. Сам себя — 6 августа 1945 г. И лишил бессмертия, впервые —

тоже сам человек.

Да, боли хватало, всегда, но оставалось бессмертие. И всё, что было, было счастье. Всё. Счастье бессмертия, надежды, неистребимости правды живой.

Корнелий Саган. Знамен/итый/ астроном и один из авторов исследования о последствиях ядер/ной/ войны:

— Пепел капитализма не удастся отличить от пепла социализма.

Именем справедливой идеи создали несправедл/ивое/ общество.

А теперь это несправедливое, непродуктивное общество навязывают всем — именем всё той же справедливой идеи. До атомного решения готовы упрямиться.

23.2.84 г.

У истории сколько путей? Не случись Октябрьской [революции], — не появился бы фашистский противовес, вариант; а без этого не делали бы в 40-е бомбу, и тем более не сбросили бы ее (помахали пальцем Сталину) и т. д., вплоть до нынешней ситуации…

27.2.84 г.

Таллин. 28.2.1984 г.

У борьбы за мир есть своя тактика и стратегия. Одна — до установления «Першингов». Другая — когда это стало фактом. Стратегия одна и на много десятилетий — полный отказ от оружия масс/сового/ уничтож/ения/ядерного…

Поэтому задача — открывать глаза на опасность послед/ствий/ эпидемии, ее истинная угроза. Слишком много охотников это свернуть.

…Необратимость того, что смогли врачи. Что делают физики, сознающие свою ответственность. Или фильмы, такие как «На след/ующий/день». Именно необратимо.

Да, это относится к стратегии борьбы за мир: постоянное слово правды, чем кончится война, если ее допустят люди.

…Ну, а реакция человека, адекватная ли?

Стык науки и иск/усства/, лит/ерату/ры, шов, где слабина. Но тут как раз сила: симбиоз того и др. Лучший пример: [телемост] Москва — Космос — Калифорния. Идея: выступают ученые, но средства близкие к иск/усству/: посмотреть в глаза друг другу. Чтобы снова вернуться к себе, к человечеству.

Термояд/ерное/ оружие сделало невозможным войну. Война

невозможна, она умерла, как социал/ьное/, историч/еское/ явление. Как орудие и сред/ство/ политики. По крайней мере, мир/овая/ война.

Зато реальностью стала катастрофа, термояд/ерная/ катастрофа.

Мы последнее поколение, знавшее, что мы — бессмертны, род наш человеческий, и первое — познавшее, что мы как раз смертны, способны быть уничтоженными, а точнее — себя уничтожить.

Балахон смерти [на Достоевском] на Семен/овском/ плацу: не может чел/овек/ быть несчастлив, коль у него годы и годы впереди…

Сегодня такой балахон на человечестве, и мы понимаем: те несчастья были счастьем!..

«В отвлеченной любви к человечеству любишь почти всегда одного себя». («Идиот») [Достоевский].

В войну не верил, что меня убьют. Дескать, и теперь не верим, что может быть всему конец, а след/овательно/, и мне.

Но тут я не о себе думаю, о себе меньше всего, а обо всех, а в это верить «легче».

Итог истории — с т. зр. того, что я в **результате** появился. Значит, не только потери, но и + [плюс].

Ну а после атомной, если бы появились уродцы, со своими представ/лениями/ о нормах?

Не будь человека, трагедия мироздания протекала бы перед пустым залом (кто сказал?)

«Деспотизм производит войну, и война поддерживает деспотизм. Те, к/отор/ые хотят бороться с войной, должны бороться только с деспотизмом» (Толстой).

Правота — неправотой, если кто-то и сегодня рад на вселенском пожаре изготовить себе яичницу.

«В конечном счете, сейчас всё зависит от того, чтобы человечество осознало: есть одна цель, один общий враг, угрожающий человечеству — ядерное оружие» Е. П. Велихов.

(17 мая 83 г.) На всесоюз/ной/ конфер/енции/ ученых.

Убийца Пушкина. Ну, а Толстого? А Бетховена! И… Кто? Да тот, что сбросит ее, бомбу. Сколько раз, бесчисленно он — Дантес!

…Нужно, необходимо усилие, чтобы принять в себя всю правду, к/отор/ая уже не позволит жить прежними представл/ениями/, поступками. Видимо, нужна работа, направленная на каждый соц/иальный/ и профес/сиональный/ уровень, а не вообще. По-др/угому/ надо гов/орить/ с учеными, по-иному с писателями и т. д. С массой улицы.

А для этого, — как можно больше людей из различных социал/ьных/, проф/ессиональных/ и пр. групп вовлекать в активное движ/ение/, начатое, напр/имер/, врачами.

Врачи сказали — не только врачам, но и всем. Но своим языком — о последней эпидемии. Физики, да, Велихов, особенно. Писатели: Ананьев, Ким, Айтматов… Философы: Арбатов, Карякин. Публиц/исты/: Федор Бурлацкий и т. д.

Африканцам рассказать, что «атомная зима» — это Заполярье в Мозамбике.

На 30 градусов холоднее станет на Земле — атомная зима!

…На каждого смотрели: этот «стоит» 3 млн., этот — 1 млрд, и т. д. жертв. Геринг, Кальтенбруннер и т. д.

И ведь каждая бомба — это К/альтенбру ннер/, это Геббельс, это — Гиммлер. И вот демократ/ические/ страны будто бы держат каждая на складе, на будущее — Гиммлера, Геринга, Гитлера.

Бомба = фашизм.

Парадокс: заинтересованность противника, чтобы и у тебя была электроника надежная, а иначе — момент случайного срыва усиливается и — начнется. Так что запрет на электронику может сработать и против самого Запада (!).

В «Литгазете» от 14 марта Артур Миллер [американский драматург] о фильме Эй-би-си «День спустя»:

«Обнадеживает, что его все-таки показали. Американцы поняли, что ядерная война — не обычная война. Правда, меня удивил весь этот наш ажиотаж. Какой, они полагали, такая война может быть? Значит, не очень-то много об этом думали».

Никто на свете не знает, сколько времени (какого) осталось… Кроме, возможно, того, кто уже нацелил, устремил палец к

кнопке!

20.3.84 г.

Что бы ответил Карпову[144] и той братии.

— Для вас пацифизм, пацифист — ругательство. А между тем Л. Толстой, Б. Шоу и многие гордились, называя себя так. Что, они не учитывают, что войны бывают «справедливые»? Бывали. Сегодня, когда любая, может повлечь вон что — о какой «справедливости» речь? Да, армия, да, не получается односторонне разоружиться, надо кому-то служить в армии. Ну тогда хотя бы вы, пи-и-сатели (!) смотрели бы чуть вперед. Когда это слово, понятие станет синонимом вообще человека. Будет ведь, когда «не пацифист» равно: выродок, дикарь, монстр!

14.4.84 г.

Женщины Гринэм-Коммона[145] плачут, а мимо проносятся огром/ные/ грузовики: остановить не удалось. Ват они — первые настоящие люди смертного человечества.

16.4.84г

Да, но тот фашизм конечен был, даже победи он. См, Князев[146] — о столетиях.

Этот?.. Что в бомбе? Когда в Л/енингра/де вымирали семьями, знали кто-то живет. Даже в облике врага — жить будет род человсч/еский/. А там — всё образуется.

Здесь — нуль. Если фашизм (бомба) выстрелит Вся энергия не на потом, а на — сейчас. Не дать к этому прийти…

Как люди познают свою **смерть по частям лишь**: такая она неохватная.

Вначале радиацию «не замечали», потом — озонную проблему; только в последнее время стали замечать «атомную зиму», Действ/ительно/, не вмещается в поле зрения человека колосс-смерть, нами созданный для самих себя! Кто — нос, кто — хобот; кто — ногу, кто — брюхо!

Что же в наших-то условиях, возможно, сделать можно?

Быть «Толиками», вот!

Они ходили на виду «абсолютной», всё расплющившей — целые армии наши — силы, немецкой…Ходили по деревням, на вечеринки заглядывали, жили — трое с винтовочками, и ничего. Ничего с ними не случилось — и неделю, и вторую, и месяц.

Они демонстрировали, что — **можно**.

Так и здесь. Пиши, говори, снова и снова. Пусть вопят доносчики из «писателей», пусть гневаются чиновники:

пацифист! — живи и ничего от тебя больше не требуется.

Гляди, что и еще кто-то, и еще. Они раздули нашу конференцию[147], как пацифистскую. Тем лучше. Вот уже сколько проросло, … ребята молодые, наши.

19.4.84.

Повесили на Адамовича «пацифиста»? Ну, и ладно. Сбрасывать, срывать с себя пугливо не собираюсь, не намерен. Пусть будет на мне и на тазах других. «Эффект Толиков» — все смотрят и видят: а ничего, цел даже, живет, как все, значит; не так это страшно — быть «пацифистом», т. е. чуть-чуть не слепцом!

Польза? Польза! Ну и носи на здоровье, Алекс/андр/ Мих/айлович/!

27.4.84 г.

Отнять у генералов и политиков все их дьявольские игрушки, не оставив ничего, — сразу, вряд ли удастся. Но, м.б., действовать такой логикой: для ваших самоубийственных игр достаточно и столько ракет-бомб, что они убьют почти всех, но крыша (климатическая) не обрушится и, значит; хоть на развод кто-то уцелеет, (Да, да, да, вы уцелеете, а кто же еще, кто больше достоин, если не вы, сверхубийцы!)

Но если больше «порога» будут запасы, нет гарантии, что их всех не пульнут, и тогда амба всем и навсегда.

Так вот, в ваших, **ваших** интересах иметь (совместно) не больше столько-то мегатонн (до 5 % от 15–20 тыс/яч/, которые уже накоплены). Усовершенствуйте, если не можете сразу стать вполне людьми, но не копите, не копите **мега** больше «порога»: в собственных-то интересах можете, когда математически подсчитано?!

… А когда начался бы процесс отступления безумия — загнать его в норы (легко сказать!)

30.4.84 г.

Счастье… Могли себе позволить и 30-ние войны в столетние!

И платить тысячами за счастье «миллионов» (при этом соглашаясь со «слезинкой» Дост/оевско/го).

Могли, могли… Даже партизаны… Даже блокадн/ики/… Это эпоха бессмертия, она все окрашивала.

Кончилось. А что началось?

…Вообще война? Но ведь будущая — это не война. Как та смерть — не смерть, а убийство и самой смерти. (Убийство и самой войны, вместе с человечеством).

…И вдруг вон как поворачивается: да не можем, не в состоянии мы ее, войну (анти) нарисовать через прошлую, напрямик. Так, может, через парадокс: даже война была счастьем в сравнении с…

Попытался я в «Неподвижности»[148] это сказать, в конце: не поняли, не приняли, отрезали.

Только в борьбе за мир можно обрести Победу!

Там тысячекрат/но/ — оружие, тут «только» во сто крат. Но это потому, что убить человеч/ество/ можно лишь единожды.

Как время новое, будь оно проклято, всё перевернуло, все понятия. Вот ветераны, идущие 1 июля, слеза, но ведь оно, шествие, лжет, что после войны остаются ветераны.

Не остается от войны ветеранов! — вот правда нового века.

1.7.84 г.

Я страшно люблю обнаруживать, что кто-то знает то, чего я не знаю, умеет то, чего не умею я, а потому смогут, сделают что-то такое, и мир изменится и спасется — то, чего мне не смочь, само собой разумеется.

20.7.84 г.

Мы не погибнем, если сами не станем Смертью — каждый! Человек — это Жизнь, должен быть, стать Жизнью, сберегающей, сберегаемой.

Если насилие повивальная бабка истории, то еще вернее, что сегодня оно скорее — могильщик истории!

27.7.84 г.

А чем не образ: Бомба должна взорваться в сознании, в **совести** людей, чтобы «лазерные лучи» от нас (а не из Космоса) пиками вонзились во все ракеты, боеголовки, погасив, убив затаившиеся мегасмерти.

28.7.84 г.

Гитлер, Сталин, Мао, Рейган — опасность «идеи» вооружившейся. Идея + оружие. Идея — (минус) оружие. Обдумать.

27.8.84 г.

Ну, так делайте сверхлитературу. Если есть, возможен Overkill (сверхубийство), сверхоружие и т. п. «сверх», то сами обстоятельства вынуждают — ведь всегда оружие звало противооружие — так почему не сверхлитература, не сверхкино,

не сверхискусство?!

Оказывается, минируют промышл/енные/ объекты (атомные мины!), чтобы «не достались врагу». Это при климатич/еской/ и пр. катастрофе в случае, если начнется? Они что об этом не знают? Дураки? Да, нет патологические преступники! Да, с ними спасешься!

Начать человечество должно бы с запрета делать правительственные/ убежища. У людей, имеющих их, представление обо всем искаженное.

Атомная **война**? — слово «война» ложное и вредное в таком сочетании. Говорят: надо быть готовым к войне! — и вроде бы правильно, нормально. А вот атомное самоубийство или «омницид»[149] — как прозвучит: надо быть готовым к… чему?

Самоубийству полному истреблению всех?

Ясно, что сумасшедшие!

7.10.84 г.

А ведь почти предсказать можно, учитывая эвол/юцию/др. воен/ных/ министров и презид/ентов/ (Макнамары, Эйзенх/ауэра/), что и он, как только «сойдет с поста» и видеть будет больше угрозы, и понимать безнадеж/ное/ стремл/ение/ победать в ядер/ной/ войне.

Да что далеко да высоко… Вот на днях буквально разговаривал/ не с таким уже и значит/ительным/ лицом, а оно меня, лицо, упрекало, что я недостаточно думаю, забочусь, чтобы «те, кто все-таки уцелеют» несли в себе правильное, «оптимистич/еское/» (так и сказал), одним словом наше мировоззр/ение/. Так и хотелось спросить:

— Ив. Ив… Вы в каком списке? Как ни в каком? Все в каком-то, а у вас признаки, явные, бункерной болезни. К/отор/ую вы почему-то считаете мировоззрением…

И в прежние времена: лучше плохой мир, чем хор/ошая/ война. Теперь, когда война — погибель всему, любой мир, именно любой лучше войны. Это придется принять как норму поведения…

…200 тыс/яч/ заживо сож/женных/ [в Хатынях] — это наша белорусская Хиросима.

2.11.84

Березкин[150] убеждал, что когда убивали Г. Лорку, готовились выстрелить, он ползал у ног убийц, умолял не делать этого. Ну и что?!

О чем умолял великий гений? Поэт. Да о том, чтобы они, люди не лишали себя, себя же, Лорки. Поэзии себя не лишали.

Не так ли и жизнь сегодня, сама жизнь на планете? Почему лишь мужественная поза приемлема? Да нет же, пусть и ползающая, и умоляющая — она велика, высока эта поза, потому что об этом ведь идет речь, и тут не может быть унижения. Как ничем не может унизиться мать, моля о спасении ребенка.

А наши: он о выживании любой ценой! Да, любой! Всей политич/еской/ бутафорией и даже не бутафорией можно и следует пожертвовать!

Вон как жанр «Блок/адной/ кн/иги/» и «Огн/енной/ дер/евни/» стыкуется со сверхлитературой. Психика вытесняет из себя мысль о ядерном исходе, но лит/ература/ должна подхватывать и удерживать, назад, назад вталкивать — опасно это, прятать голову в песок! Как делает «Блок/адная/ кн/ига/» и «Огн/енная/ дер/евня/» — то тоже хочется не знать, забыть, но литература — не позволяет, возвращает убегающих от пережитого, знания.

21.12.84 г.

Есть такая тихоходка, способная переносить радиацию в тысячу раз выше, чем та, что смертельна для человека. Планета, по к/отор/ой ползают одни тихоходки.

Мы с Каряк/иным/ подсчитывали: если из 4 тыс/яч/ — 300 лет мирных, значит, основ/ная/ энергия человечества определялась войной. И соотв/етственно/ складывалась экономика, мораль и пр. Т/ак/ ч/то/, нынеш/няя/ ситуация — ядер/ный/ погреб под человеч/еством/ — результат.

Разоруж/ение/ к 2000 году. Ядерное? Да. Но если останется обычное… А если нет: в головах останется.

В виде формул математ/ических/-физических.

И формул «моральных», к/отор/ые тоже ломать. То, что казалось правильным, как разлад/ившийся/ компас.

…Что может лит/ература/? **Додумывать до конца** и других понуждать.

Вот проблемы войны и мира.

…Но что сделала лит/ература/, чтобы этот процесс всеобщ/его/ осознания опас/ности/ пришел раньше? Мало сделала, очень мало. Наука да, врачи, Велихов, Сагдеев[151] и др., а мы — почти ничего. Был принцип: не пугайте население! победим, если прикажет страна! и пр., и пр. И мы помалкивали. Только недавно… Какие пробл/емы/ сегодня, чтобы не опоздать снова?

Уже опоздали! Бюрократия. Бюджет. А голос из рядов лит/ ературной/ бюрократии: не чернить, хватит! Что хватит?

Где «Баня», где «Ревизор», где?..

1985

Приезжала ред/актор/ журнала [из США] и показала нам разворот: где тут амер/иканцы/, а где русские? Лица, лица, серьез/ные/, улыб/ающиеся/ — земляне. Я это показываю и у нас. Да, не нужно людям это — «лицо врага», враг у всех один — угроза всеобщей гибели. Объединиться? Да, но против него. И тогда неразреш/имые/ пробл/емы/ окажутся вполне разреш/имыми/.

Род человеч/еский/, дети — предмет политики. Война — продолж/ение/ политики? Немыслимость этого, если основой политики станут дети, т. е. будущее как таковое.

…Человек жертвует собой ради, во имя народа. Но, а (страшно сказать!) народ собой может пожертвовать во имя человечества. 20 млн. — да, было! Ну а собой целиком?… не **оставаясь**, как? Да, и это уже норма (высшая) нравственная ядерной эры!

16.2.85 г.

Бункеры — новые, психология — древняя и психология — старая.

Блаженный Мао «просил» малые соц/иалистические/ страны **физически** пожертвовать собой в ядерной войне — ради идеи, социальной. Но любая соц/иальная/ идея ограничена (во времени и вообще), и такое требование неправомерно, антигуманно и по сути фашизм.

Лишь идея человечества — абсолют, и во имя его возможны любые жертвы, но тоже во имя существования рода человеческого, а не чего-то преходящего в этом самом человечестве.

Личный эгоизм в делах войны, мира: негодяям, от которых в памяти остается смрад, им даже «выгодно», чтобы история человечества на них кончилась.

Личности творческой, от которой нечто останется, и людям честным, благородным, о которых хорошая память останется — им лично мир вечный нужен, «предпочительнее». Можно сказать, абсурд, этим ли измеряются подобные дела — война! мир! И этим тоже, на личном уровне, не в сознании, то в подсознании.

24.2.85 г.

Смертность рода — это совсем новое состояние, всё еще не

осмысленное до конца. Так же, как огром/ное/ значение для нравств/енности/ и всего прочего имеет индивидуальная конечность, смертность, так для нее же — рода всего, должно что-то измениться.

Ну, например, само понимание гуманизма, пролития крови во имя. Возвращ/ение/ к религии. Да нет же, просто новый виток по спирали: выживание рода зависит теперь от «не убий!», поскольку убить человека и убитъ человечество — эти понятия опасно сблизились. Как две половинки той самой битвы.

На планете нет надписи на какой-то двери: «Запасный выход». Некуда бежать будет в случаях ядерного пожара.

К обсужд/ению/ «Карателей».

А ведь все вы — каратели, здесь сидящие…

И я тоже, стоящий и болтающий.

И французы, и англ/ичане/, и амер/иканцы/.

Все! Все люди.

Предали и предают планету, их взрастившую. Братьев меньших, с к/отор/ыми из недр земли и прошли путь.

Лошадь, воздух, воду, Рейн, Байкал!..

Каждый род свой, человечество предали: жизни ради сегодня, сейчас предаем будущее — детей, внуков, будущие поколения!

20.5. 85 г.

У homo sapiens много синонимов-определений: производящий, прекрасный и пр., и пр. И вот — убивающий. Сначала соседа, теперь и себя приготовился убить, но ни от одного синонима отказываться не собирается: всё такой же разумный, прекрасный и пр., и пр.

Чтобы человечество спасти, его надо создать — вот формула практических действий, как она видится в свете космического «мосто строительства».

Чтобы человечеству спастись, ему надо возникнуть, стать, а этому космический телемост и служит!

Чтобы человечество спасти, его надо создать — через космические телемосты!

20.5.85 г.

Новые формы коммуникации — телемосты через океаны. Во имя чего, каково содержание?

Семь мостов было уже сделано. В связи с 40-летием бомбеж/ки/ Хиросимы — глобальный телемост, к/отор/ый соединил бы

1 млрд.

Как собрать 1 млрд. в день Хиросимы. Аристофановский дух. Сократовский дух.

Тема детей — общая всем. Это и настоящее и будущее.

Возникла проблема человечества-зрителя. Такое возможно — технически. Человеч/ество/ — болельщик, человеч/ество/ — слушатель. Ужас **человечества**? Радость **человечества**? Не человека, не народа, а человечества.

Главное: человечество должно осознать себя человечеством.

Т.е. судьба одна, общая, во всем.

Мне пришлось выслушать сотни людей — Хатыни, Блокада, чем глубже в себя, тем важнее для всех. Таких людей отобрать. Людей с **судьбой**. Это безотказно действует.

Вы можете представить себя, разговар/ивающего/ с миллиардом. Или что-то показ/ывающего/ мил/лиарду/. Или в чем-то убеждающего. Да просто — млрд. смотрит на тебя, на вас.

Какая мера, степень искрен/ности/, правдивости, **общности** должна быть!

«Не останется оазиса жизни». А что если планета — оазис в мире безмолвия, ближайшего в млн. солн/ечных/ лет. Ведь это мы — оазис, мы, такие, какие есть и др/угих/ нет, не будет. Взглянем на себя глазами Космоса, ждущего от разумных — разума, ума, дела разумного!

Диалектика. Космич/еская/ техн/ика/ способна всех угробить. Но она же ведет к мир/ному/ объединению людей в человечество, через осознание единства судьбы.

Та техн/ика/, что запуск/ает/ ракеты, дает средства для телемостов, зеркала человечества.

Ко всё новым возможностям мы привыкаем, техника несется вперед. Но общества, люди, всё яснее осознают и такую возможность: созданное для войны и ради нее обратить против нее. Каким образом? Есть один и главный путь: техн/ику/, могущую истребить человечество, использовать для **создания человечества**. Каким образом? Сама угроза смерти рода чел/овеческого/ уже работает в этом направл/ении/. Печальная «выгода»? Что поделаешь.

Но те же концерны создали огром/ные/ телеэкраны, возможность/ обращения к млн. и млрд. людей. И всё больше в

мире людей стремятся использовать это для создания, как можно быстрее, человечества. Гово/орят/ о Новом мышлении. Но оно — результат нового мирочувства, психологии. Не опирайся оно на новую псих/ологию/ (массовую), не много будет стоить. Лишь избранным дано будет.

И вот идея: в день Хиросимы использ/овать/ именно так и технику, существ/ующую/ как бы для устройства 1 млн. Хиросим. Нет, пусть послужит миссии общечеловеч/еского/ прозрения.

Какие же технич/еские/ возможности? Она есть и была апробирована в нес/кольких/ телемостах, иниц/иатива/ к/отор/ ых принадл/ежит/ сов/етским/ ученым, общ/ественным/ деят/елям/ (Гольдин, Велихов).

«Катехизис» ядерного века.

1. Не убий человечество: убить человека и убить человечество — эти вещи сегодня опасно соседствуют, сблизились;

2. Додумывать до конца: срочно приводить **формы своего** мышления и любые старые и новые истины в соответствие с изменившейся реальностью, ядерным веком;

3. Нет и быть не может ценностей, цена которым — жизнь рода человеческого, которые стоили бы ядерной войны;

4. Мы — человечество: не делай и не желай другому народу, чего не желал бы своему. Сегодня и жизнь одна на всех, и смерть — одна: готовящий погибель или беды другому, готовит это и себе, своему народу;

5. Победа в атомной войне невозможна, но тем большая цена победы над ядерной войной. Следовательно, героизм, самоотверженность и прочие качества человеческие смысл имеют, содержание, прежде всего, антивоенное. Не военно-патриотическое, а антивоенно-патриотическое воспитание — вот истинная забота о благе своего народа (т. к. это и благо человечества);

6. Вполне разумен был бы договор (наряду с договором о нераспространении ядерного оружия) о нераспространении ненависти, вражды, подозрительности между народами;

7. Опаснейшее наследие доядерных времен: ты всегда и во всем прав, а «он», «она» всегда и во всем не правы. Плохое утешение, поскольку некому будет даже сознавать, что виноват не ты, а «он» в погибели всех и на все времена;

8. Опаснейшая иллюзия ядерного века, назовем её «бункерной»: выживание возможно! Пока она будет существовать, «медным каскам» достаточный простор для подготовки ко всё более гарантированному самоубийству человечества;

9. Быть сегодня «подпольным» или открытым честолюбцем-

эгоистом: миру погибнуть, но чтобы мне чай был, премия была, слава была! — нравственное преступление против человечества.

Бикфордов шнур горит медленно, но есть и для других целей, быстротлеющий, подрывники, бывало, перепутав, погибали. Так и сейчас: никто даже не уверен, быстро или медленногоряший шнур они прижигают огоньком своего политиканства.

23.6.85 г.

Насколько всё отвратительнее сегодня «в свете тысячи солнц»: политический эгоизм, житейское шкурничество и пр. и пр. — ведь за все это платить жизнью рода человеческого.

29 июля 1985

Дитя человечества Саманта Смит — девочка, девчурка с улыбкой Юрия Гагарина!

4.9.85 г.

5 млрд. не имеют права за млрд. и млрд. решать их будущее. Конечно, любой системе ценности ее важны, но через 1000 лет будут у тех млрд. свои и пусть будут; а наши — история рассудит. Не оружие.

Из 4 тыс/яч/ лет 285 не воевали. Значит, вся история обозримая: люди воюют или предвоенное состояние или послевоенное. Всё менялось: (общ/ественный/ строй, расы, народы и пр. и пр.), только это оставалось, пребывало вечно, а, значит, копилось, росло, и доросло. Всё логично — итог, когда от этого и погибать.

Насколько же трудно, сложно с этим бороться — наша природная горбатость. Поэтому не удивляться, что трудно, а делать это…

10.9.85 г.

В войне победить невозможно! Ну, а без войны. Они говорят/: хотят победить без войны, мол, хитрецы! Ну, а вы — можете? Или только на военной всё идее: покончим со всем, но и вы не победите!

В том-то и дело, что расчет на **истор/нческое/ преимущ/ ество**/ системы сегодня перечеркивается **техникой** (во

времена Маркса-Ленина не было этого), а точнее, возможностью немногим людям «разгромить» человечество как род, вид. И всё больше — и там и там ставка на это, а не на «преимущества», т. е. уже не «системы», а две группы людей

«борются», противостоят и решат исход. Ни одна не уступит, тоща, как «системы» еще могли бы приспособиться. Раз так — не с «системами», а с этими группами бороться, их изобличать, изолировать («бункерменов», внесших всё население земли в проскрипционные списки).

Но ведь «группы» не что-то устойчивое, не заговорщики, захватившие рычаги. Нет. Пока. Завтра может и это произойти. Но от того, что они подвижны, текучи, что их именно «системы» производят и родят, не меняет того положения, что это «группы», сравнительно небольшие, а в них — лидеры, те, кто и могут нажать или спровоцировать нажатие.

Выходим к общему: страх перед бомбой разъедин/яет/, хотя должен бы [объединять]. Это экология — объединяет. Инее этой ли стороны зайти и к этому, если не получается.

Ну, уж тут можно. Не стану же я вырубать леса по Енисею, Лене, потому только, что выжигают по Амазонке. (На вашу эколог/ическую/ «бомбу» свою, на «ракету» — свою?)

Не стану, наоб/орот/, ценность этих легких земли — сибир/ских/ лесов только увелич/ивается/ оттого, что вде-то и кто-то рубит…

Философ сказал: Что сейчас человечеству нужно, так это скамеечка — посидеть, подумать.

Нет; такой вотэкран: Минск смотрит в глаза Москве, или Варшаве, или Нью-Йорку. И — об общих делах, пробл/емах/ гов/орить/, думать. Те же системы, к/отор/ые направл/яют/ ракеты. Вот что нужно!

Биосфера родила человека, чтобы он ее **сознательно** организовывал, запасы энергии для этого ему накопила, а он!..

Самые хищники имеют самый сильный инстинкт сохр/анения/ вида — опасное «оружие» дала им природа, а поэтому инстинкт мощный внутривидовой неприкасаемости.

Человека природа (биосфера) родила не хищником трупоядным, а травоядным, и этого инстинкта не заложила. А он взял камень, орудие и стал самым ловким и удачливым убийцей и обратил против себя подобных, и чем дальше, чем меньше врагов в природе у него, тем опаснее враг для него другой человек, такой же вооруженный.

Арендует каждый народ **свою** часть у человечества. И вопрос: так, чтобы не терять, а сохранять во пользу всем!

Победители будут — крысы!

Год назад (полгода) было чувство, что надо держать что-то, а то обвал, рухнет, а вот сейчас — вроде и не так оно уже, и можно оглянуться, и, видя, как все живут, тоже чуть-чуть опуститься. Но что изменилось? Женева, наши Ив. Ив., отступившие (хотя бы на словах), та администрация, осоловело переваривающая вырванные миллиарды. Но всё равно чувство другое. Или тоже устал — держать. Неизвестно что, с кем и как.

6.12. 85 г.

Случайность погубит мир? Да нет, случайность то, что он еще существует, есть, не горит в ядерном огне.

22.12.85 г. Булдури.

1986

Апрель.

Знаете, в чем я всё более убеждаюсь: произошло смещение в псих/ике/ поколений. Вчера еще старшие знали о войне правду и жаловались, что, мол, знать не хотят [молодые]. Фильм «Иди и см/отри/» демонстр/ировался/ за рубежом и у нас, убеждают: именно молодежь всё репшт/ельнее/ требует сказать ей всю правду. Им, им жить дальше, их будущему грозит эта гадина!

Вовремя сказать это должна лит/ература/, кино, театр, телевид/ение/ — чтобы не потерять с нею контакт в важнейшем деле этом.

Дельфины ушли в воду с суши и не вернулись. Нас бы там оставила Природа, было бы лучше и для дельфинов, и для нас.

«Сверхлитература»? Что это такое? А м.б., и повернуть всю классику, ее тяжесть на наш резец, чтобы давил. Т. е. не что-то совсем новаторское, а главное, только главное.

Я уже писал о том, как обнажила история пласты — для нас… Подключать народ. **Знание** войны. Народ/ное/ знание человека, всё знание — напрямую.

И это сверхлитература? Нет, одно из движ/ений/ к ней, к современ/ному/ мирочувствовоанию.

В известной книжке англичанина Кейси «Сотая обезьянка» угадывается поучительная модель поведения, к/отор/ую приложить можно и к людям, с определенной поправкой на наш разум или отсутствие такового у людей. Кстати, отсутствие его, разума, у человека, куда опаснее, нежели отсутствие у животного, потому что пустое место заполняется (у нас) и не инстинктами лишь, которые предсказуемы, а чем-то внешним по отношению к естеству человеческому, как-то: политич/еские/ страсти, сословные, националистич/еские/, технократические.

Так о «сотой обезьянке»…

Казалось бы, люди всё больше информированы о том, что грозит и должно бы снежным комом нарастать сопротивление ядерному/ безумию могильщиков планеты. Да, нарастает, но отнюдь не так лавинообразно, как должно бы, исходя из ситуации всё больше критической.

В чем тут дело, если глянуть со стороны психологии человеч/еской/, (а психол/огия/ — дело литераторов). Метод самонаблюдения — наилучший в делах таких.

Я как-то перебирал записи свои 40-х-50-х гг. Те же формулировки: [бомба] грозит катастрофой всему человечеству.

Но не было всей перестройки самого человеч/еского/мышл-/ения/ и «клеток» существа…

Сильнейшее средство наст/оящее/ об этом лит/ература/ — «Судьба Земли» [Дж. Шелла]…

Огром/ное/ знач/ение/ имело, помню, то, что сделал Е. П. Велихов, говоря о бомбе, как эквиваленте фашизма. Это было смелое заяв/ление/ во времена, когда смелость [даже сказать] — и победы не будет! И выживаемость человечества и т. д.

Ведь и среди умных физиков (не гов/оря/ о мелких политиканах в прессе) существовало и существует вот такое: как нож, бомба может быть и… и.

Велихов сказал смело, и повторил: раковые клетки, а не нож… И полезной быть не может.

Т/аким/ о/бразом/, вот процесс перестройки, захватывая души наши, особенно важно — ваши, ученых-естеств/оиспытателей/ так или иначе входит в сферу политики.

Думаю, что личный момент в нашей смелой мужественной политике, имеет место. Тут важно это, что и высокие политики осознали (но, к сожал/ению/, далеко не везде и не все): нет цены, к/отор/ой жалко, поскольку речь идет вот о чем!

Когда людьми было взорвано первое ядер/ное/устройство, проф/ессор/ Бейнбридж[152] сказал: — Теперь все мы — негодяи.

Общепризнано, что лит/ература/, кино развязывали фантазию ученых: Жюль Верн, Уэллс. Сама идея «звездных войн» из кино запала Рейгану, а возможно и Тейлору.

Сейчас ответст/венность/ лит/ературы/, кино уже не распаливают фантазию ученых и не ученых, а остужают. Как тот Чернобыльский реактор.

Вот и вчера мы видели фильм. И амер/иканский/телефильм: «День спустя». А раньше — Крамер «На послед/нем/ берегу».

Что интересно: потряс фильм Америку, нас, вряд ли,

А наш?.. Потрясет? А между тем надо именно потрясать.

Только так и мы можем донести правду о послед/ствиях/ ядер/ной/ войны.

Одной информации недостаточно. Надо, [чтобы] в человеке/ сдвинулось всё и он не мог жить по-прежнему.

Такой сдвиг давала «Судьба Земли» [Шелла]…

Восприятие молодежью фильма «Иди и смотри».

Сужаем базу и резонас нашего движ/ения/ за мир тем, что оно отключено от экологич/еских/ страстей — (Байкал, реки), а

на Западе это согласуется.

Б. Рассел[153]: Если мы — выдержим 30 лет (не дадим войне разразиться), то сможем и 1000 лет.

1982 г. — Марш…Мы шли рядом с женщ/инами/ и мужчинами/ из Хельс/инки/, и Турку, из Стокг/ольма/, Осло и думалось, вот они викинги XX века, за к/отор/ыми следом движ-/ется/ вся Европа — к Миру, разоруж/ению/. А эти викинги — пожилые женщины, чем же сильны? Чистотой, наивнос/тью/ помыслов, искренностью.

За дни, к/отор/ые мы у вас [Турку. Лагерь мира, июнь.], мы убедились, что эти кач/ества/ сохран/ились/, но движ/ение/ мира помолодело. Молодежь строила этот лагерь, она сегодня — украш/ение/ и сила той Фин/ляндии/, к/отор/ая обьявл/яет/, что снова возглавит движ/ение/ за мир, движение «За Север без ядер/ного/ оружия».

Кто знает, с чего начнется то решит/ельное/ движ/ение/, к/отор/ое… с какого ручейка, м.б., с этого?

Эти викинги XX века, викинги движ/ения/ за мир, к/отор/ые в те годы увлекли за собой полконтин/ента/, хочется верить, что и сегодня это вам удастся.

…Последний раз мы видели в России, Белор/уссии/ викингов в 1982 г. — это были прекрасные викинги, женщины и мужчины с транспарантами: «Нет ядер/ному/ оружию на Западе и Востоке».

Через Ленингр/ад/, Москву, Смол/енск/ — конечная точка Минск. Потом был Марш на Хатынь, к несуществ/ующей/деревне, где покоится прах 628 бел/орусских/деревень, заживо сожженных фашистами.

Тогда был лозунг: Нет бомбе на земле, сегодня — и в космосе.

История знала немало обманов, вел/иких/ обманов и самообманов.

Но те могли загубить чью-то власть, какое-то госуд/арство/ и даже племя. Этот обман — о противоядер/ном/ щите — способен уничтожить само человечество.

Конечно же, и это чувство не только народов и стран, против к/отор/ых направл/ен/ этот стреляющий щит, но и всех независимых крупнейших ученых и деят/елей/ культуры.

Но в этом обмане, грубом и бессовестном, есть элемент самообмана.

Неужели те страны, те правительства, ученые,

промышленники, к/отор/ые готовы принимать участие в СОИ[154], не осознают, что, создав эту систему, люди окончат/ельно/ отдадут свою жизнь, судьбу в руки роботов, компьютеров. Любой срыв в этой сложнейшей системе, а он неизбежен, и человечество сгорит в огне ядерном.

Так неужто корысть, глупость, инертность победят человечество/, склонность — вот такой — ой дождик, как сегодня, считать препятствием, препоной для общего дела.

Но ведь вы пришли, многие придут завтра в ряды сторонников мира.

Планета была свидетелем в нач/але/ 80-х гг., когда марши мира, тронувшись со Скандин/авского/ полуострова, прошли-прокатились освеж/ающей/ спасит/ельной/ волной по всей Европе, по всему миру

Что ж, планета, вас снова ждет, прекрасные викинги, ждет Европа, ждет Америка — вы двинетесь, и все двинутся, как было в 1981-84 гг.

Спасибо, что вы есть и что вы такие честные, чистые, бескорыстные, думаете обо всех, за всех, вы со всеми.

Надо, надо, нужен еще один поступок, шаг, чем бы ни окончилось!

«Известия» от 23 авг. 86 г. В. Астафьев: «Протестует память минувшей войны».

«Если требуется погубить мир и человечество ради доказательства неоспоримости своей системы, умереть, доказывая чистоту и высоту идей, то зачем они, эти идеи, системы, мировоззрения, поставившие мир на край гибели? Кому они будут нужны?»

Модель: две мчащиеся навстречу друг другу машины. Кто свернет? И вот свернули, даже остановились (мораторий), а те всё равно мчатся и норовят в лоб — напугать: сворачивай в канаву, «на пепелище, на свалку истории».

Роман-трагедия. Вот так выразилась ядер/ная/ тема у Айтматова/. [«Плаха»].

Мука, что мы никого не осиротим, т. е. исчезнем и не оставим даже сожаления.

— Ну, м.б., вселенная будет жалеть.

Какое это было счастье кого-то осиротить. Знать, что твой уход — это кто-то остался, кого-то осиротили…

Впереди кино (военного) идет и прошла литература — всё более документальная, всё более антивоенная.

Парадоксальность развития: чем дальше, тем лучше вспоминает лит/ература/. Как это было. И как это бывает. Нам, напр/имер/, показался (это гов/орю/ ради наглядности, чтобы вам яснее было), что [американский фильм] «День спустя» имеет недостатки не потому, что авторы не могли представить во всем ужасе ядер/ную/ войну (никто не может это), а недостаточно помнят прошлую. В народ/ной/ памяти ее нет.

В нашей — даже слишком.

И второе, в чем парадоксальность. Отчего антивоен/ный/ пафос рос всё время. Всё острее «видели» будущую катастрофу.

Из этого «Иди и см/отри/». Хотя тут нет никаких прямых ассоциаций с ядер/ной/ войной, но фильм и об этом. Ибо Бел/ оруссия/ — это ядер/ная/ война (по результату) обыч/ными/ средствами. Один амер/иканский/ журн/алист/ побывав в Хатыни… представил ядер/ную/ войну, пронесш/уюся/ над США — как эквивалент того, что пережила Бел/оруссия/.

Альберт Швейцер[155]: Если мы согласимся с возможн/остью/ применить ядерн/ое/ оружие, мы перест/анем/ быть цивилиз/ованными/ людьми.

Я сказал бы: станем фашистами (бытовыми).

Что это такое — быт/овой/ фаш/ист/?

В Нюрнберге смотрели с ужасом непонимания. Этот готов был убить 30 млн.!

Ну, сколько сегодня среди обык/новенных/ людей, кто готов и 200, и 300, и млрд. убить — мысленно.

— Сбросим, чтобы не дать им сбросить! В этом контексте я расцениваю фильмы такие, как «Рэмбо», «Рокки».

…Задача: чтобы война, военное занятие людей, убийство вызывали отвращение в зрителе. Вся жестокость [в фильме «Иди и смотри»] — чтобы вызвать отвращение к кровопролитию.

Физики сделали бомбу, политики ее быстро приспос/обили/ к своим делам. И когда поняли, что это такое. Мы сделали работу за дьявола!

Сегодня уже политикам приходится часто это повторять, когда понимают; что такое оружие ядер/ное/. Мы сделали раб/оту/ за дьявола!

Война и лит/ература/: проблемы нового мышления. У каждого народа, страны — свои проблемы. Но и их решение — из общего положения. Нет безопасности для себя. Нет чистого воздуха — для себя. И чистой воды… И… И…

Смертность человечества — соверш/енно/ иное мирочувствование.

…И яснее стало чувство: не только физики-химики, но и мы, гуманитарии, ответств/енны/, как используют нас.

Сегодня это: старое мышление — это не **личный** изъян, это — вина за содействие силам, актив/ным/ или инертным, волокущим мир в пропасть.

Вот так хочу поставить вопрос: **вина**!

В политике: безопасность лишь для себя — опас/ная/ иллюзия.

В социал/ьных/ науках: история для себя, для своей системы и отриц/ание/ будущего для других.

Генофонд, нац/иональное/ многообразие — условие будущего. Почему надо думать, что человеч/еству/ легче будет двиг/аться/ в будущее (а не к вырожд/ению/ и гибели), когда у него все пути сойдутся в узком тоннеле одной лишь социал/ьной/ структуры?

Почему не предположить, что через какое-то время человечеству/ понадобятся несколько истоков, ростков и пр. для рождения новых структур?

В лит/ературе/, (иск/усстве/): новый гуманизм. Отказ от арифметич/еского/ — полный. Невозмож/но/ больше: погибнет млн., счастье придет к млр.! Ну, 100 — можно? Ну, а единица.

Убить человека и убить человеч/ество/ — опасно сблизилось, сошлось.

Полное отриц/ание/убийства, как решения истор/ических/ задач. И социальных.

А тем более — войны.

И соответ/ственно/ — милитаризма.

Новое мышл/ение/…Некот/орых/ завораживает слово: *но в о е*. Как в 20-е годы — *новое* искусство. На самом деле — лишь из всего богатства историч/еского/ мышл/ения/ и памяти, но переоцененной. И тут значение имеет уже не наближенность к нам во времени. Бывает и так, что — наоборот.

Если враг не сдается… и — не делай другому, чего… Дело прочно, когда под ним струится кровь…

И: не убий!.. От не убий человека до не убий человечество.

Ну, а практика. Инерция старого мышления. И она — не просто беда. Она в усл/овиях/ ядер/ной/ эры — вина писателя, лит/ературы/. Тем более, что за ней — историч/еская/ вина

поэтизации войны. Которую надо искупать.

Толстой: люди воюют, торгуют. И решают: что такое добро, а что зло.

И еще сегодня, а как это решать в условиях, когда может наступить, говоря сл/овами/ Залыгина — «ничего». Ни зла, ни добра — не будет, кому решать.

…Что добро, что зло — в услов/иях/ глобальных пробл/ем/ экологич/еских/ и «военных».

…Но в условиях, когда возникло «ничего». Не помериться талантом, не сия суета, а именно: перепроверить прошлое богатство мыслей этим «ничего».

Новое мышл/ение/ — это и новое чувство — литературы/. Новая степ/ень/ честности — о судьбе человеч/ества/.

Даже Сталин призвал религию в годы войны — спасать страну.

А тут всю планету — почему ее надо отталкивать?

Смотришь в бездну — она в тебя.

Мы — око материи.

Но она нам глаза в глаза! В/еликий/ Драмат/ург/.

Про СОИ и ее отца Рейгана на Западе гов/орят/ снисходительно, иронически: ну, мол, спятил старикашка, не отнимайте игрушку, не обращайте внимания и давайте договариваться о ракетах наземных, средних и пр.

«Он всё равно не отдаст, не откажется, чудак этакий!»…

Это — как у Мрожека[156], старый маразматик ходит по сцене с «дубальтоўкай», целится, люди хотят отнять, а два дебила — «усовестить» стараются всех:

— Дядэк хцэ стшелить!

«Хцэ» и всё тебе!

Нам не хватает воображ/ения/: идти от того, будто уже свершилось, а потом открутка, и вот мы теперь (не мы, а Рейган и Горб/ачев/) обсуждают снова.

Как быстро договорились бы. Как при нападении марсиан.

У меня ощущение, что Горб/ачев/ именно так и видит, оттого драматич/еская/ сцена после переговоров.

А Рейкьявик Рейгана.

Аксиома нашей эпохи: ядер/ную/ войну нельзя вести, в ней нельзя добиться победы.

Это не Ив. Ив. псих/ология/, а феномен мировой —

бункерной/ психол/огии/. 10 [человек останутся в живых], да. Но в число 10 легко включить и свою драгоценную особу, не грубо прямо, но есть в нас этакий механизм подсознания.

Бункеры Бункеровичи нормой считают бункерное мышление. Потому-то не отводят глаза. А то, что происходит, для них — аномалия. Дискомфорт, желание и готовн/ость/ на старые рельсы.

…Надо быть Дост/оевским/, чтобы в 19 в. заболеть мыслью о гибели человечества. Сегодня этим заболеть — надо немного совести и чувствительности…

Мы сделали работу за дьявола — [сказал американский физик-ядерщик] Роберт Оппенгеймер в конце жизни. Физики часто для политиков и за политиков. Но и политики — за еще большего дьявола.

Рейк/ьявик/ — драма человечества. И драма человеческая. Да, я гов/орю/ о непосред/ственных/ участниках переговоров. Когда-нибудь об этой драме напишут романы или трагедии.

Да, драма.

1987

Индия. 14.1.1987 г.

Весь мир — мой дом, все люди — мои друзья. (Санскрит).

Как теория пересел/ения/ душ реализуется, когда ничего живого не останется, во что можно было бы переселиться?

И думаешь: это ценности всех, человечества, и правильно бы было внушать, внушать: уничтожишь **свое** в США, в СССР и пр., и пр., если начнете. **Свое! Везде твое**!

Ненасилие должно быть основой жизни человечества — Делий/ская/ деклар/ация/.

Собраться бы представителям разных мировоззрений (религиозных: христ/ианских/, ислам, индуизм и пр.), (светских: марксист/ских/, бурж/уазных/ и пр. философий), но не для того, чтобы переманивать в свою веру, истину, и не ради интеграции даже, а чтобы каждый задумался, а что должно в тебе (твоем) измениться перед лицом общей ядер/ной/ угрозы. Ясно, что ни одно мировоззр/ение/ не было готово к этому факту, не все и теперь его включили в себя.

Так вот — включить, прилюдно осознать и переосмыслить.

Дели. 26 янв. 87 г.

Впервые — страх (перед войной) морален, а храбрость — аморальна.

…Видишь по телевид/ению/ все военные игры. Живет субконтинент собств/енной/ враждой и делами. О бомбе-катастрофе мыслить трудно, когда близлежащие проблемы.

Да нет, ценить непрерывность жизни, не перетянуть бы, не перенапрячь, а то ведь сама нить жизни оборвется.

…Утопии — однообразие. Жизненность в многообразии.

Америка — ведь это тоже утопия, к/отор/ую навязывают всем. Хотя чисто природ/ных/ ресурсов на Земле не хватит, если не все, а десятка два стран пошли бы этим путем.

А рвутся, вот и Азия. Оружие, промышленность, давление на эколог/ическую/ среду.

Поспешай, поспешай, а то соседи (региональные) задавят.

Тоже проблема.

Не только сверхдержавы, но вот это соперник/ество/, к/отор/

ое подогревается соперничеством сверхблоков.

Право на разнообразие и на промышл/енную/ «отсталость» (т. е. остаться прежней, аграрной) — эта вещи взаимозависимы.

Но нет, страх перед соседями гонит, гонит в ряды тех, кто уже созрел для Суд/ного/ Дня.

Дать бы, дать третьему миру возможность сохранить свою филос/офию/, культ/уру/, свою природную нетронутость и, главное, варианты социального развития, чтобы не рвались, не спешли в две Глав/ные/ шеренги-колонны!

Это как генофонд сохранить. А кто знает, не придется потом возвращаться, чтобы найти-подобрать то, что потеряли навсегда «большие»? Обратятся к «малым», а те тоже уже потеряли — в погоне за «мощью», промьппл/енностью/, оружием.

Создавая себе будущее (в науке убийств), молодые любители интересной физики будущего лишают человечество.

О терроризме науки по отношению к человечеству.

…Сколько их, молодых и не молодых, гениальных и не очень, тщеславно выстраивающих через науку свое будущее и одновременно лишающих надежд на это будущее всё человечество.

…Цинично добиваются нужных ассигнований. Им просто выгодно, чтобы другая сторона тоже продвинулась на этом направлении, можно поприжать администрации, потребовать новых вложений. Как военные давят на науку — общеизвестно. Как промышленники — тоже. Политики — не секрет.

Но что же получается: и ученые (некоторы) со своей стороны на всех их. Если взывать к совести их, можно услышать: Причем тут совесть? Это всего лишь интересная физика!

Нет, это не интересная физика, когда уже подсчитан ожидающий всех нас результат! Это терроризм науки по отношению к роду человеческому! Ученый всё больше по прямой, сознаваемой гадости становится рядом с полит/иками/, военными — в нравственном смысле. Не потому ли он сегодня становится сам мишенью № 1 для террора? Бернар Бенсон, Тейлор (не Эдвард), в свое время Оппенгеймер, сегодня Сахаров [ученые-физики] — всё это примеры нравственного прозрения грозной науки.

Но знаете, как мне объяснил молодой физик, почему 2/3 Нобел/евских/ лаур/еатов/ США против СОИ. А, мол, что им: они всё получили, да и не способны к новым идеям, старики! А молодым — хочется!

Вот о них молодых, к/отор/ые рвутся к открытиям, карьере,

будущему (к тем же Нобел/евским/ и пр. премиям) не задумываясь, что лишают будущего само человечество.

Они всё больше в глазах человеч/ества/ науку выставляют в роли отвратит/ельного/ террориста.

…Да, я понимаю науч/ная/ мысль не может становиться. И многие открытия изначально не имели в виду воен/ного/ применения. Но пусть никто не приводит старый пример про нож, которым можно и зарезать, и хлеб отрезать. Знаем, знаем, что будет использ /оваться/ для хлеба, а что для крови…

Если еще можно понять что о справедливых войнах говорят; горячась, народы и страны, обойденные-ограбленные, то право даже говорить об этом у ядерных держав, имея свое право на участие в войнах «справедливых», опасный и безответственный анахронизм.

А не ценили, не хотели ценить всё многообразие мира. О, каким прекрасным показался червяк, лучшего наряда не хочу — прими, прими душу мою!

Т.е. переселение в реальном воплощении.

Мир наш состоит, если иметь в виду ядер/ную/ угрозу, из нескольких миров. Хотя угроза одна на всех, если случиться, умереть всем, но некоторым еще предстоят мучительные дни и часы, когда живые завидуют мертвым

Прежде, чем больше оружия, тем защищеннее. Сегодня — больше притягивает угрозу.

Но когда ядер/ная/ зима — никому не отсидеться.

Чел/овек/ теперь столь силен, что мысль его способ/на/ убивать напрямую. Как добиться, чтобы мысленно не убивал?… Как воспит/ать/ таких людей? Только добром или показ/ывая/ и зло?

Истинное терпение любви. Самые опасные благодетели человеч/ества/, как показывает практика, нетерпеливые.

Красота спасет мир — Дост/оевский/. Но я думаю, что нужно второе слово: крас/ота/ доброты.

Время наше испытывает всех нас, все идеи. Испытывает одним вопросом: что несете в мир — разъединение, погибель или спасение от всеобщей смерти?

Любая исключительность — в мире идей — опасна. Любая заносчивость: не только народов, рас, систем, но идей тоже.

…Какое зло могут творить люди, к/отор/ые поверили в исключительность свою, в то, что они лучше всех и более всех правы.

Америк/анские/ епископы — нет христиан/ской/ бомбы.
Но нет и маркс/истской/ бомбы.
Невозможна тем более рамакришневская бомба.

Форум [«За безъядерный мир, за выживание человечества»]
14-16 февр.87 г.

Мир уничтож/ают/ и те, кто считали: лишь на их стороне добро и лишь через них — прогресс!

Человек — новые роли. Профессия — постоянная. И вот как ее изменяет (все!) ядерные опасности.

Военные — воевать, добиваться победы в войне.

А вот что сегодня истинные военные говорят: (Герт Бастиан, Ни но Пасти и др.). «Манифест генералов»: не допустить войны… помешать ее развязыв/ать/ — политикам, др. военным.

Ученые… Неуемная любознательность, бесстрашие… Но сегодня смелость и прозорливость в другом — не делать шаги, грозящие… Лишь карьеристы-мальчики…

Рвутся к лау р/еатскому/ будущему и лишают его, будущего, человечества.

Ну, а логика писателей, новая.

Питер Устинов:[157]

«Я лично не могу понять, почему современные писатели, за не большим исключением, ушли с поля боя за будущее человечества, оставив эту благородную миссию глашатая опасности врачам».

Личная ответств/енность/ за то, что будущее бомбят. Тех, кто бросает туда снаряды.

Виновники конкретные. Готовят, приготовили смерть всем. И ходят, уважаемые.

Это всё равно, что после Нюрнберга те ходили бы, как ни в чем не бывало. Те убили и планировали еще?

Но эти там, в будущем, тоже уже убили всех. А тут ходят…

Разбомбленное будущее (Г. Грасс[158] — оккупир/ованное/ будущее).

Кто?.. А наука? А журналистика, кино, литература? Они не

повинны в терроризме против человечества?..

…Всё еще обманывают, что ядер/ное/ оружие — это для сдержив/ания/, возмездия и пр. Но совершенно очевидно — оно приготовлено для человечества и удар — по человечеству.

Кто-то ударил, убил полрода, ответ — это что, по противнику, нет, по втор/ой/ половине рода, т. е. по всему.

Это — преступное оружие. И мы, имея его, не боимся это гов/орить/, потому что всё делаем, чтобы показать, как всерьез его готовы уничтожить.

Но кто же преступники, если оружие преступно. Не одни лишь, кто имеет, а кто и не имеет; но действует провоцирующе в мир/овой/ политике.

…Т. е. что мы можем, как часть обществ/енного/ мнения. Начать: о силе и бессилии обществ/енного/ мнения (мы его часть), что способно или не способно сделать?

Люди умные и глупые, простые и интел/лигентные/, марксис/ты-атеисты и верующие, пролет/ариат/ и буржуа — все на одной отметке. Одинаково не готовы были к факту — практич/еской/ смерти рода своего.

(Возлюби против/ника/, выжить можно вместе лишь.)

Как сказать, по чьей формуле будет взорвана планета.

Я назвал бы его разбомбленным. Кем? А может быть, и ты, ты туда швырнул свою [формулу], того не зная. А сам плодишь детей, а будущее их уничтожил.

Новое мышл/ение/ требует смелости. Порой немалой. Оно взрывает не только стереотипы, но порой идеологич/еские/ догмы, за к/отор/ыми стоят интересы многих и многих.

Вернуть бессмертие можно лишь, уничтожив ядер/ное/ оружие.

Эту ядерную гильотину.

Ядер/ная/ война сметет и социалистов, и капиталистов, и святых и грешников.

Род человеч/еский/ не преступники, чтобы выносить ему смертный приговор.

От демилитаризации Герм/ании/, Европы до демилитаризации всей планеты.

Отказаться от статуса ядер/ной/ державы, сократить до разумных пределов все др. виды оружия.

Ядер/ное/ оружие сформировало облик соврем/енного/ мира (во многом).

А ведь близкому человеку лгать сложнее (т. е. своему народу) и легче дальним (т. е. человечеству). Так что же перед 6 млрд. действительно легче лгать, чем «малой аудитории»?

С кем вы, мастера культуры? — лозунг предвоенный 30-х гг. остается в силе и сегодня. И все-таки он недостаточен, если заглянуть, идти в глубь ситуации: ядерный веки культура, проблема выживания чел/овеческого/ рода.

Сегодняшнее ли мышление у вас, маст/ера/ культ/уры/?

Что принять хочется безусл/овно/ — это дух Форума. Он так неожиданно (междунар/одно/) стыковался с нашей новой атмосферой.

Ф/орум/ ва ўсіх аднос/інах/ быў незвычайны. Не было знаёмых твараў, т/ак/ з/ваных/ арганіз/ацый/, якія бяруць справу ў свае рукі, упэўнена вядуць яе і прыв/одзяць/ да пажаданай рэзалюцьй. Потым прадст/аўнікі/ раз'язджаюцца і акрамя рэзалюцыі — ніякага выніку. Не, усё было зробл/ена/, каб сапр/аўды/ сустр/эча/ сапр/аўдных/ вуч/оных/ з сапр/ауднымі/ вуч/онымі/, нашы дзеячы культ/уры/ з сур'ёз/нымі/ калегамі з др. краін. І каб гав/арьщь/ аб справе так, як хочуць і каб вынік — праца на канч/атковы/ вынік…

Если бы вопрос:

С кем вы мастера культуры задали Форуму, ответ бы, пожалуй, прозвучал: С человеч/еством/. А против кого: против бомбы!

Самое страш/ное/ не слова, а психология. Гов/орим/: погибло 50 млн. — и это чувствуем? Почти ничего.

Гов/орят/: погиб/нут/ миллиарды, даже — все. И что содрогаемся? Уже нет.

Иск/усство/ может так рассказ/ать/ о гиб/ели/ одного чел/овека/, что измучимся.

Ну, а [о] коллективном?

Мы попыт/ались/ это сделать: в «Бл/окадной/ кн/иге/», в «Я

из огн/енной/ дер/евни/».

А кино это попробовало — в фильме Климова [«Иди и смотри»].

Не-выстрел, с к/оторо/го начнется веч/ный/ мир. Мечтать. Да. Но иск/усство/ и есть мечта, как стать наконец людьми.

18-20 марта 87 г. Донской монастырь.

Мое:

Говорят, как погибнет человеч/ество/.

Компьютер соврет… Преступ/ное/ действие. Терроризм…

Но чтобы ни случилось, на кнопке будет не один палец — миллионы: тех, кто не сделали в свое время, что следовало или делали, что не следовало…

Новое мышление — это призыв к адекватности ядер/ной/ угрозе.

Политика должна быть адекватной лит/ературе/, иск/усству/.

Сложнее, конечно, с религиями. Они накопили столько нравст/венных/ и пр. истин, что может создаваться не иллюзиями: а нам нечего менять, мы давно соответ/ствуем/, давно говорили о суд/ном/ дне, я вон сам на съезде СП [Союза писателей] зачитал о звезде Полынь (Чернобыль), чем всех поразил (многих) намертво.

Я, конечно, не осмелюсь об этом рассуждать. Не оснащен ни знанием, ни правом. Но послушать было очень и очень ценно: что достаточ/но/, что соответ/ствует/, а что еще надо.

Компьютеры не имеют морали! — Раушенбах[159], — и не малейшего представления о бесценности человеч/еской/ жизни.

…Если не объединятся люди, то объединятся созданные ими автоматы. И они нас уничтожат — Раушенбах.

Новое мышл/ение/, но пусть не вводит в заблуждение — новое, т. е. ничего из прошлого.

Точные науки воплот/ились/ в машины, техн/ику/ и пр. Все идеи от Библ/ии/ до Леон/ардо/ да В/инчи/ до…

Но и нравст/венности/ нужно противопоставить — вей накопленное.

…Как прав был Тол/стой/, когда искал во всех культ/урах/ главное, то, что объединяет людей, народы, нации. Не стремясь их подчинить своим взгл/ядам/ и формам жизни.

Многообразие — условие жизненности, устойчивости жизни. Это должно распрост/раниться/ и на системы социальные: многообразие их не времен/ное/ состояние и не зло, к/отор/ое надо преодолеть. Нет, как многообразие в природе, в нац/иональной/ культ/уре/, так и социальная разность — **добро**. И надо привыкать к этому относиться так. Конечно, всем надо соверш/енство/. Идеальных/ соц/иальных/ форм жизни люди, народы не выработали. И никогда этого не будет. Но стремл/ение к этому, работа в этом направл/ении/ — благо…

По пригл/ашению/ Миссии Рамакришны мы, неск/олько/ писателей советских, а также приглашен был Гюнтер Грасс. Споры с писателями.

Мы попытались себя вообразить верующими в переселение душ. Осталась одна-един/ственная/ мошка. И вот шесть млрд. душ человеч/еских/ — самодовольные политики, грозные генералы, самовлюбл/енные/ балерины и звезды экрана — все молили бы отравл/енное/ радиацией небо, что/бы/ ему позволили быть хотя бы мошкой.

Новое мыш/ение/ становится государственным — во многих странах.

…Чтобы прорваться к нему, каждому чел/овеку/ надо что-то преодолеть в себе.

И поделом: все будут виноваты, если случится. В разной степени, да, одни, что разожгли костер, другие, что мало сделали, чтобы помешать, не сгорели сами, чтобы не сгорели все. А потому — тоже сгорели.

Там же: какое мировоззр/ение/ готово было к небывалой реальности.

И поделом нам, если случится. Не виновных не будет, разве что дети. Но они-то за что?!

Всё ли мы делаем, когда делаем? Я хочу [напомнить] притчу про мудрость Соломона: две женщины, кто мать?

Кто больше уступает.

Думаю, что мудрость эта приложима и к высокой политике. Кто больше уступает, кто истинно брат и мать человечеству. Других критериев нет, всё остальное слова, словеса, суета сует.

Почему стимул получили внеш/ние/ акции? Подключение миров/ого/ общ/ественного/ мнения. Сами по себе? Да. Но и то, что исходят они от общества, динамично ставшего на путь перестройки.

А внутри: мир погибнет, если мы не найдем сил преодолеть косность форм экономич/еских/ и обществ/енных/. И — образ сталин/ского/ прошлого, хватающего за ноги живых.

Альберт Швейцер: полит/ика/ первого удара преступление высшее.

Но мы не хотим участв/овать/ в войне и через 2-й удар, в убийстве человеч/ества.

Не дейст/вовать/: если вы по левой щеке планеты, то мы по правой! Нет!..

…Самое большое зло: делание врага… Не сотвори себе врага! — так важно. Из др. народа.

Мы спасемся, мы погибнем все вместе. А если случится — не виновных не будет. Разве что дети.

Ядерная война убьет всех. Саму смерть. И чувство правоты, справедливости.

Не учитывают, что именно апокалиптич/еская/ лит/ература/ помогла донести истину: победы в ядер/ной/ войне не будет.

Видимо плодотворнее будет и безопаснее гов/орить/ о том, что история создала ситуацию плодотвор/ного/ взаимодействия различ/ных/ структур, и то, что их много, не одна, открывает возмож/ности/ максимального их раскрытия, реализации возможностей каждой. Что и наблюдаем. Стимуляция друг друга. А в этом смысле присутствие в мире соседа — благо. Надо изменить акцент: радовать/ся/ многообр/азию/ форм, соседям и всем извлечь из многооб/разия/ как можно больше пользы для, ради общего будущего.

Больше, чем лит/ература/.

Что есть «сверхлит/ература/»? Недовольство собой, к/отор/ый не вмещает тревогу мира. А потому и лит/ература/ не вмещает.

Народ, народность. Это абсолют, но если видишь еще больший абсолют — человечество.

Лет 5–7 назад был стойкий взгляд на проб/лемы/ войны и мира, как части пропагандистской работы. Доказать нашу во всем правоту, притом всегда «их» неправоту. И не больше, цель чисто пропагандистская. Что само разоруж/ение/ и уход от пропасти ни

на **шаг** — никого волновать не должно было.

Главное, чтобы все слова были прежние, привычные: мир/ное/ сосуществование/, идеол/огическая/ борьба систем и т. д.

Несколько лет назад всё резко изменилось: не слова, а суть, цель.

Императив ядер/ного/ века — не убий человеч/ество/! Нет идеалов, целей и пр. Он должен сработать, когда момент наступит.

И кто подготовил это созн/ание/, чтобы вырваться из пут старого мышления, если не эмоц/иональное/ видение конца?

И практич/еский/ результат — победы быть не может в ядерной/ войне.

Если человечество не убьет войну, война убьет человечество.
Луи Пастер[160].

Фильм [«Иди и смотри»] страшный. Но и факты — страшные. И угроза страшная, что такое может повториться, уже в планетарном масштабе. Геноцид, его идея не исчезла.

Она не только в ЮАР или еще где, но и в бомбе прячется, в нее юркнула в 1945 г.

…Сблизило то, что мы оба [А.Адамович и Э. Климов[161]] исповедуем яростно антивоенное искусство, не просто антивоенное, а именно яростное, м.б., за пределами нормы, восприятия. Иначе — не дойдет.

Притом на документальной основе. Если искать истоки, то не только Тол/стой/ или Ремарк, но могу сослаться на Гердера[162]…

Слишком мало сделало иск/усство/, чтобы ореол вокруг шлема бога войны Марса разрушить!

Нужно иск/усство/ оглушающее. Вот книги… Фильм Климова из этого ряда: достовер/ность/ близкая к документ/алистике/ и чтобы ужас и отвращение перед войной.

Известный нравств/енный/ постулат: не делай другому и с другим то, что не хотел бы себе самому, сегодня звучит угрозой — сделав другому, сделаешь, делаешь и себе. Оружие-то абсолютное: убив другого, убьет и тебя самого, это сделавшего.

Париж, ЮНЕСКО. 1-15 ноября 1987 г.

Вносить в мир политики «большую политику» — здравый народный смысл и высокую нравств/енную/ культуру.

Когда-то было сказано и это не безрезультатно было: ученые должны донести всю угрозу ядер/ной/ бомбы.

Сегодня донести чувство взаимозависимости и сложный комплекс — угрозу всей культ/у ре/ и цивилизац/ии/.

Один мудрый человек сказал сразу же после войны, когда уже взорвалась ядер/ная/ бомба: или мир, человечество будут становиться всё более гуманитарными, или их просто не будет в новом тысячелетии.

Люди всё больше осознают; что цивилизация техническая и культурная — не тождественны. Мостик, который их связывает, — нравственные, этические цели. Как писал поэт Вознесенский: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек..»

На Московском форуме «За выживание человечества» М. СХорбачев высказал мысль: а не пришло ли время деятелям культуры создать постоянно действующую международную организацию, которая была бы высшим моральным авторитетом во всех делах, затрагивающих судьбы человеческого рода?

Сегодня особенно важно понять ценность, самобыт/ностъ/ культ/уры/ каждого народа

И то, что настоящая/культ/ура/ принадлежит всем, мировая ценность.

Немец, к/отор/ый обстрелял Эрмитаж, уничтожал и свою галерею. Квота… Американец, может; подумал: этого я лишил бы себя.

А мы вынуждены были обстреливать собств/енные/города, изгоняя врага. И тоже отнимала война всечеловеческое.

Грозит ядер/ная/ война, а человеч/ество/ обьявл/яет/ десятилетие культ/урного/ развития. Всемирное достижение

развития культуры [ЮНЕСКО] (1988-97).

Какая логика? Чем больше технологии, тем ближе погибель. Чем больше культ/уры/, тем отдаленнее.

А ведь, умирая (скоро), расстанешься дважды навсегда. И потому, что ты умрешь, тебя не будет; никогда.

И потому еще, что и мира не будет (может случиться), навсегда расстанешься с тем, чего тоже не будет никогда больше. Не только со своей, но и **всею** жизнью.

Мы — последние участники последней в истории мир/овой/ войны, к/отор/ые помнят, как это было. Больше таких поколений, в ист/ории/ не будет: или войны больше не будет глобал/ьной/, или некому будет о ней помнить, если случится.

Что может спасти от ядер/ного/ носителя или ядер/ной/ лодки? Контрлодка? Да нет. Книга. Фильм — вроде «На следующий день» и пр. Не спасут? Ну, тогда ничего не спасет:

21.11.1987 г.

Стараниями ученых, п у блиц/истов/, политиков, обладающих «новым мышлением», разумных военных специалистов расчеты на победу хотя бы в «огранич/енной/» эдер-/ной/ войне похоронены.

Угроза ядер/ной/ погибели тем не менее нарастает По мере увелич/ения/ вооруж/ения/ и неизбежности перепоручения компьютерам решать: пора или не пора «нажать». И именно в ответ Возможность сознат/ельной/ атаки почти нулевая в наше время. Зато момент случайности возрастает; становится угрожающим.

Т.е. главным врагом становится само ядер/ное/ оружие н все с ним связанные системы.

Ну, а доктрина возмездия полностью абсурдной и аморальной. Кому и за что мстить? Компьютеру за ошибку-провокацию? Сбегу случайностей? А кто и когда узнает, чей компьютер спровоцировал?

Всегда считалось достоинством воен/ного/ человека — готовность отреагировать немедленно. Грубо говоря, нажать по первой тревоге.

Ну, а те, что не нажали все-таки, хотя какие были тревоги (см. [книгу] «Прорыв») — благодаря чему? Именно сомнению: нажимать ли?

И спасибо им, военным, за это — нашим и не нашим. Что сомневались до послед/ней/ секунды: нет, не будем еще?

Если им можно, то писатель просто обязан не только сомневаться, но прямо говорить от своего и лит/ературы/ (нынешней и прошлой) говорить: я не нажму!

Потому что и возмездие и вся доктрина сдерживания — аморальный абсурд и уж лит/ература/ это чувств/овать/ должна.

Немедл/енно/ ломать ее надо — и доктрину и возмездие — вместе с орудием погибели.

Дурачить себя и др. надеждой, что и впредь может держаться на ней планета — непростительно.

Началось — сокращение. И пойдет, но для этого надо проявить тот народ/ный/ здравый смысл, к/отор/ый выше сегодня любых страстей и доктрин.

В заключение: я отошлю, кто не согласен, к совмест/ной/ кн/иге/ амер/иканских/ и совет/ских/ уч/еных/ «Прорыв»/ [«Breakthrough. Проблемы нового мышления М: 1988»], где всё это доказано встречным движением мысли и тревоги, ихней и нашей.

И именно поэтому, когда его [Дж. Шелла] спросили; нажал бы после удара со стор/оны/ СССР (там «патриоты» считают, что СССР первый ударит), он ответил прямо: нет!

Он почему не ответил? Не патриот? Да нет, а потому что понимает: и в без того перераскаленном мире, опасно недоверяющем, станет еше опаснее, если и публицист, писатель заговорит языком жесткой военной «целесообразности». Уж и писатель!

Вопрос в сущности — о моральности или аморальности доктрины сдерживания, возмездия.

И это так. Если еще вчера речь дейст/ительно/ шла о **возмездии противнику**, то при нынешних арсеналах и при нашем знании о более страшных, чем первоначальные, о вторичных последствиях — речь может идти только о добивании уцелевшей 1/10 живого (если и то останется!)…

…А вот случ/айность/ или компьютер/ная/ ошибка или терроризм. И вот — готовность обрушить на всё живое «оружие возмездия». Мсти компьютеру? Вот абсурд/ная/ докт/рина/ сдерж/ивания/ возмездия. Вот аргумент в пользу немедл/енного/ уничгож/ения/ **всего** ядер/ного/ оружия!

Ну, а в заключение, как те древние, но только наоборот: «Карфаген **не должен** быть разрушен!» Я повторяю свое: «Я не нажал бы!» Зная то, что знаю, что все знают, кто знать желает (а не знает, пусть хотя бы загл/янет/ в сб/орник/ «Прорыв»), я говорю — (и не знаю, что будет, если **писатели** заговорят языком генералов, у них язык свой!), что **добивать** всё живое человечество — это аморально, запредельно. Как и вся доктрина сдерж /ивания/, возмездия.

Идти, идти до конца в отказе от яд/ерного/ ор/ужия/, от войн — пока не поздно! И кому, как не писателям, деят/елям/ культуры быть смелее в додумывании до конца, что и как и в каком мы мире?.

1988

США. Калифорния. 10–26 января 1988 г.

Сидящие за столом, каждый (ая) — о том, кто он, она, как пришли в организ/ацию/ «Мир без войн»[163], многие по 8 часов работают (бесплатно)… Вот вам и американцы — делатели денег. Нам бы, нашим такого бескорыстия!

Едем в город Фрезно.

Объявил себя безъядерным. Не участв/ует/ в производстве, связан/ным/ с ядер/ным/ оружием.

Человек на год ушел с работы, чтобы работать в организации.

От учителя до миллионера.

Если преодолеет эти 10–20 лет человеч/ество/ — 6 млрд. [лет] ему жить.

Так что же помнить, знать будут они там? Дату откр/ытия/ Америки, рус/скую/ револ/юцию/, что такое капит/ализм/, коммун/изм/. Да это будут самые рядовые факты.

Над всем — начало спасения. 2-е рождение.

Европа «навоевалась вдоволь, наплакалась досыта. С нее хватит». М. С. Горбачев.

И тут не помогут ни миллиарды, ни СОИ. М.б., вклад в организ/ацию/ «Мир без войн» больше даст, чем все СОИ.

И еще убедился: как же мы плохо знаем друг друга. И как нас запугали.

А для себя: очень важно поддерживать именно народ/ное/ движ/ение/ за мир.

Общее [у нас и американцев]: через мысль о детях. Ведь ядер/ная/ война: это война, которую взрослые готовят против детей.

Притом не только чужая — для твоих. Но и твоя собственная/. Где бы ты их ни взорвал: на чужом континенте, в Космосе, вернется — Чернобыл/ем/.

Всё, человеч/ество/ отвоевалось. Даже обычная [война] — 200 [атомных] реакторов. А какое оруж/ие/ можно?

Когда старая американка хотела поцеловать руку (я успел, уклонился и поцеловал руку ей), вот когда захотелось заплакать. А может, вместе заплакать. Какие мы были идиоты, и очень стыдно…

Воевать ради идей, рискуя жизнью тысяч поколений, к/отор/ым никакого дела не будет до наших идей-идеек — преступление против человечества, против рода человеческого.

Американцы чувствуют, что пойманы воен/но/-пром-/ышленным/ комплексом в капкан. А хотели бы вызволиться от… И все спрашивают: а ваш воен/но/-пром/ышленный/ комплекс?

Отвоевались! Из всего, что в последнее время услышал, прочел и что встало в душе ярким столбом согласия, узнавания…

«Всё человечество отвоевалось! Отвоевалось человечество!»

Это и у М.Г/орбачева/ вырвалось, как итог выношенного… Даже по телевизору видно было, как все, кто были там, на пресс-конфер/енции/ именно в этом месте как бы замерли…

… Да, все и навсегда. Хотя и воюют еще. И не согласны (многие), что отвоевались.

Будут еще пробовать. И дай-то Бог, чтобы не слишком. И не сорвалась зацепка. И было у нас всех время разминуться со смертью. Общей.

Новое мышление? Да, но его нет, и не бывает без нового чувствования.

Это я ощутил в Америке. Когда в составе группы из 9 человек — сов/етских/ автор/ов/ кн/иги/ «Прорыв», и встречей — амер/иканских/ авторов, проехали (нет, пронеслись) по север/ной/ и южной Калифорнии.

Я вас люблю, американцы! И хочу это сказать вслух, прямо до неприличия, лично — такими я вас увидел за эти две недели поездки по почти 20 городам и городкам и почти 100 встречам — в домах, в церквях, в гостиницах.

…А потому, что, думаю, щелкнуло, защелкнуло: всё, отвоевались, отвраждовали, и мы — братья. Не по-еванг/ельски/, так по бомбе.

Мы в открытую об этом и даже в церкви: что ж, не уч/ение/ Хр/иста/, так пусть — бомба нас принудит понять: мы все — одно. А иначе — никого!

Но прежде чем встретиться нам, амер/иканцам/ и совет/ским/, они встретились сами, амер/иканцы/… Мы заходим в дом и это повторяется: лежат или уже розданы картонки с фамил/иями/-имен/ами/ и они, не все еще знакомые, сообщают тебе

«русскому» и себе, друг другу — что делают в орган/изации/ «Без войн» и кто они, по профессии, какая семья…

Скажу прямо: ничего подобного я не ожидал. Долго еще буду собирать, обдумывать, переживать дальше то, что пережил, казалось, я не впервые вижу американцев. Но одно дело, когда ты ходишь по улицам, в учрежд/ения/ заходишь и другое — в жилища, церкви, когда тебе раскрывается душа народа.

…А м.б., это те лишь америк/анцы/, к/отор/ых/ собрала в свои ряды орган/изация/ «Мир без войн». Я даже спрашивал: «А плохие, не искр/енние/, не так понимающие юмор, добро амер/иканцы/ есть?»

— О, есть! Но они ходят по др. стор/оне/ улицы.

Но, может быть, все-таки идея отбирает — благородная, святая. Основа этой идеи — любовь к детям.

Амер/иканская/ исключит/ельная/ любовь к детям. Она заставл/яет/ людей отбрас/ывать/ все предубежд/ения/, делать прорыв сквозь льды недоверия:

— Ведь и у вас дети, так неужто им всем гореть в огне! 3 млрд. детей гореть. Это мы взрослые для них приготовили. 1 млн. Хиросим — для наших детей!

…Через 100 покол/ений/что будут помнить люди?

Если они благодарные и умные будут — скорее всего эту дату — 8 дек. 1987 г. Которая позволит им придти в этот мир. С к/отор/ой начинается уничтож/ение/ запасов нашей общей погибели. На ней подорваться можем не только мы все. Но и все буд/ущие/ поколения. Так разве не должны они будут помнить, с чего началось. Началось, продолжится — все эти американцы, с к/отор/ыми я виделся, верят в это, ждут этого.

Верят и ждут и наши люди. Хочет/ся пожелать счастл/ивого/ пути амер/иканцам/, к/отор/ые собираются теперь в Сов/етский/ Союз. В том числе счастл/ивого/ пути и презид/енту.

Послед/нюю/ фразу я всё же хочу отдать калифорнийцам: а вас я жду, приглашаю лично — в Москве, в Минске.

…Я лично готов встретить в аэропорту. Только приезжайте!

Культура — это многообразие, устойчивость через многообразие.

Множественность — условие жизненности.

Различие принимать поэтому — как благо.

Вольтер: твои взгляды мне глубоко враждебны, но я умру, защищая твое право быть на меня непохожим.

Это надо тебе, всем, но и мне. Без этого — сведение всех к одному — гибельно.

Тюрид Пёрксен.

В проповеди «отрецензировала» «Последнюю пастораль», сопоставляя с Апокалипсисом — в протестантской церкви г. Бремена.

Гордость америк/анцев/, что они работают в орган/изациях/ «Beyond war»/«Без войн»

Ну, а у нас? Есть определ/енная/ неловкость — у честных людей. Защитник мира? Болтун!

Или же — цинизм.

— на книге «Прорыв»

«С интересом ознакомился с вашей книгой. Коллективный труд советских и американских ученых с участием европейских специалистов представляет ценный опыт в продвижении нового мышления. Желаю плодотворного сотрудничества. М. Горбачев».

(где-то 5 апреля 1988 г.)

Старое мышл/ение/ ввело войска [в Афганистан], новое — вывело.

Махатма Ганди после взрыва ядер/ной/ бомбы.

— Мораль, к/отор/ую можно извлечь: эту бомбу нельзя уничтожить такой же бомбой.

И еще — он: альтернативой сосуществования является соуничтожение.

9.6.88 г. Нью-Йорк. ООН

…Вчера: как прекрасны люди, просто красивы, делающие добро, нет, великое дело для человечества.

М/ихаил/ С/ергеевич/ [Горбачев] был просто счастлив по-детски, шептал в сторону своим: «тут 16 раз (подписывать)…».

Не как важный госуд/арственный/ деятель? Разве Ст/алин/ или Бр/ежнев/ вели бы себя так? Нет, но они бы и не решились на такое смелое движение, риск — для этого надо именно почувств/овать/ всю степень угрозы и судьбу человеч/ества/, выживание его поставить над всем. Сделать высшей политикой.

Знаете, и на Рейг/ана/ смотреть было радостно…

А как послужило кино и теле/видение/ этому. Да. Но мы лишь одной картиной «Письма [мертвого человека]» реж/иссер/ Лопушанский и телевид/ение/ — «День спустя».

Даже появилось ощущ/ение/ насыщения. Хватит об этом!

А ведь нет.

Смотрите на реакцию народонаселения. Ведь это — как наступление под Москвой. И больше. Чем выход в Космос, шаг по Луне. Шаг в будущее, к/оторо/го, казалось, уже нет. И что же?.. Значит, инстинкта самосохр/анения/ у человеч/ества/ недостает. Надо нарабатывать. Чтобы необратимым стал процесс…

И еще — телемосты. Возможности монтажа… Одновременное/ присут/ствие/ всех, человеч/ество/ наедине с человечеством, соучастие…

Общечеловеч/еские/ ценности, но они же и нац/иональные/ ценности. Принадлеж/ат/ народу, стране — защита этих прав, но как бы охраняется человечеством. Эрмитаж, Лувр, Киото, Флоренция, или Байкал или… Всё это нац/иональные/ богатства, но чел/овечество/ берет под охрану.

…прогр/аммы/ направл/енные/ на гуманизацию: политики, экономики, самой культ/уры/, а даже воен/ных/ доктрин.

… А как было: ты мое, а я твое уничтожу! Ленингр/ад/. Дрезден. Киото…

Гуманизация мира — цель. Просто развитие — еще не цель. Гуманизация!

А не преувеличиваем ли роль культ/уры/? Она, дескать, — путь спасения. Да нет. Правда, у нас привыкли все учить культуру/, лит/ературу/, иск/усство/ — и политики, и технари, и военные. Спасибо, конечно, но вот учиться бы у нее тоже, у лит/ературы/, например…

… А ведь наша вел/икая/ воен/ная/ лит/ература/ стала принц/ипиально/ антивоенной еще тогда, когда писались диссерт/ации/ о возможн/ости/ победы в ядер/ной/ войне.

Дать возмож/ность/ спора в атом/ной/ политике. Иначе… Урана на 30 лет. Окажемся позади, а не впереди тех, кто пойдет разрабат/ывать/ альтерн/ативную/ энергетику и экономию энергии.

Жизнь человечства осуществл/яется/ через исторические судьбы, жизнь отдельных народов и конгломератов (у тех внутри — те же проблемы). Марксистско-сталинская идея — стереть программы отдельных народов (языки, культуры, религии, традиции) ради общей, (коммунистической) программы.

Но ведь она абстракция — без всякой множественности

культур, языков и пр.

На самом деле человечество себя осуществит как единая множественность, содействующая разнообразию и им питающаяся.

Более того. Математически доказано (акад. Раушенбах), что если бы была создана совершеннейшая, идеальная система слежения (компьютерная) с обеих сторон, она бы… объявила войну. С математич/еской/ неизбежностью. Что же получается?

Сокрушит/ельный/ удар возмездия по подлецу-компьютеру? А заодно и по последним очажкам жизни?

… Но ясно, что без мощных стимулов снизу, не удастся сломить сопротив/ление/ воен/но/-пром/ышленного/ компл/екса/ и консерватизма мышления, старого.

Когда-то: а не взорвать ли ядер/ную/ бомбу на Антар/кгиде/? Чтобы все осознали.

Не пришлось. Хватило разума и без того осознать. Теперь вот взрыв — уничтожение — ракет. Это счастье!

… Мы гнались за паритетом и разрушили природ/ную/ среду. Да еще как.

Разоруж/ение/ — это и спасение природы. М.б., технически и надо как-то более щадяще, но путь — верный.

Доказательством абсурдности ядер/ного/ оружия через абсурд, аморал/ьность/ не только 1-го, но и ответного ядер/ного/ удара.

… Даже забывается, что всего лишь 4 % ракет будет уничтожено, а остальные 96 % — это всё равно десятикратная смерть всего живого на земле.

Да что говорить, я на себе это ощутил: переключилось сознание. И сюда, в Казах/стан/ летел как на праздник: все-таки началось!

А в памяти почему-то из воен/ного/ времени, из опыта тех лет: помню, сделал открытие — люди, друзья погибали чаще всего, когда не ждали этого. Из труд/ных/ ситуаций выходили, вырывались, а расслабились, вроде никакой угрозы, вот тут-то и сдучалось…

А не слишком ли расслабились, не рано ли?

И мы, и массы людские, еще недавно бурлившие в маршах мира.

Нет, человеч/ество/ все-таки сангвиник. Легко, очень легко и поверхностно переживает и угрозу и радости, переключаясь с

легкостью необыкновенной — с одного на др.

Ну, так о чем я все-таки в день дейст/ительно/ великий: первая «связка» смертоносного оружия уничтожена! Откуда тревога, беспокойство.

Пусть, пусть этот мирный взрыв смертоносного оружия прозвучит не только салютом победы (рано, ох, как рано еще!), но и к новому пробуждению людской актив/ности/, напоминанию о том, сколько еще надо сделать, чтобы это звено из числа глобальн/ых/ угроз дейст/ительно/ стало не главной угрозой.

Странное чувство испытываешь, глядя на боевые ракеты, совсем не то, какое чел/овек/ привык испытывать.

Впервые создано оружие-убийца и собств/енного/ хозяина. И понятно, и веришь, когда полковник, ответ/ающий/ за уничтожение:

— Велич/айшая/ радость.

Он-то знает, что говорит. И раз такое чувство, зн/ачит/ это всерьез. А ведь когда это было, чтобы армия с самым мощн/ым/ своим оружием расстав/алась/ с удовольствием.

Но кому в здр/авом/ уме хочется иметь у себя оружие — Гиммл/ера/ или Гитлера?

Подполковник Игорь Дмитр. Чайковский: двоякое чувство: это труд и пот наших людей, но знаем, надо! Лучше бы пусть они наши уничтожают, а мы ихние!

Это — на месте подрыва, где возле гор четыре ракеты лежат: в 12.30 до 12.40.

6-го августа бы!

Ни одного генерала на этой акции. Не тщеславны? Или же, как выносить Сталина из Мавзолея, крупным военным «выносить бомбу», ракету — риск для карьеры, ущерб в глазах профессионалов-коллег.

Разоружение (для словаря).

В Сары-Озеке в Казахста/не/ [1–2 августа] повстречался с американцем, приехавшим за тем, что и я, — смотреть, как подорвут первую ракету малой дальности, — он отставной капитан подлодки атомной (10 лет плавал с «кнопкой» под пальцем); я, конечно, не мог не заговорить с ним о том, о чем, когда разговаривал с таким же капитаном советским: а не

страшно быть хозяином такой разрушит/ельной/ силы.

— Некогда было думать и бояться, — ответил капитан, — надо каждую минуту заботиться, чтобы лодка шла куда надо и не упала на дно…

— Ну, нажали бы, когда бы…

— Да. А мои подчиненные так просто жалели (по-человечески), что отслужат, а выстрелить из этих штучек не доведется. Теперь, конечно, теперь я другой…

И человеч/ество/ уже другое. А совсем еще недавно пребывало в состоянии или вот такой бытовой озабоченности делами своими, или мучилось чувством ловушки, выхода из к/отор/ой нет, или даже бодрилось и агрессивничело.

Теперь — другое. Началось невиданное — практическое разоружение — двух главных «партнеров» по возможному самоубийству (хотя они на земле не двое).

Казалось, хотя бы ограничить, хотя бы заморозить вооружения, но вот оказывает/ся/ — можно начать взрывать ракеты. Что мы с амер/иканцем/ Джеймсом Бушем и наблюдали с удовольствием и надеждой.

Пока — эти, на очереди 50 % стратегических, идут переговоры о химическом, об обычных вооруж/ениях/. Стороны стремятся при этом сохранить безопасный паритет.

… Но тут встает вопрос новый, по-новому: о моральности самой доктрины взамен запугивания возмездием, т. е. той самой доктрины сдержив/ания/, к/отор/ой руководствовались обе стороны и к/отор/ую явно переросли в своем горьком опыте, к/отор/ой руководствуются все ядер/ные/ державы, в том челе и Фр/анция/, но вот те, кто меньше имеет оружия почему-то меньше склонны признать аморальность, абсурд и нетерпимость этой доктрины. Не увидели всю бездну?

Несколько раз мне напрямую приходилось спорить с фр/анцузскими/ коллегами журнал/истами/, а также дипломатами. Было понятно, когда еще не начали амер/иканские/ и сов/етские/ стороны процесс разоруж/ения/ и не проявили готов/ность/ идти очень далеко в этом деле: мол, что нам, если у них вон сколько!

Ну, когда они вплотную приблизятся к вашему уровню подключится — Франция?

И не станут ли «малые» ядер/ные/ державы провокационно наращивать мускулы ядерные по мере того, как др. сторона их сбрасывает. Ибо не мускулы это, а раковые клетки (Велихов)!

… Значит, рассчит/ывать/ на бесконечную удачливость, на случайности счастливые, благод/аря/ к/отор/ым человеч/ество/ до сих пор живо — не разумно.

Разоруж/ение/ необходимо, придется, всем — если мы хотим

выжить. И никому не дано это в одиночку, нет разум/ных/ оснований выстраивать частокол из ракет. У разоружения альтернатив нет.

Из Москвы — в 0,35, затем Шаннон — Куба — Мехико. И всё ночь, ночь, солнце где-то сзади, а не впереди, — какая-то тревога, что ты уйдешь от него, а оно не нагонит никогда.

Не так ли цивилизация. Покинув природу позади, устремилась в никуда…

Вы заметили, что перестройка и эколог/ические/ беды оттеснили внимание к пробл/емам/ ядер/ного/ разоружения. Это вроде бы и хорошо: знач/ит/, пошло здесь, действ/ительно/ о чем-то договорились. Вот и взорвали «связку».

Книжка для Политиздата.

Мы созревали в своем новом мышлении, двигаясь от:

1. Осознания угрозы ядерной к

2) экологической

и 3) понимания, что ядерное разоружение напрямую зависит от перестройки.

Поэтому начать: со статьи о «Beyond War /Без войн», потом «Overkill/Сверхубийство», Сверхлитературу (точнее «Ничего важнее»), дальше Перестройка, Сталин, Отвоевались!..

Война отврат/ительна/ вся: некрасив чел/овек/, к/оторо/го убивают. А не только убийца. Сколько бы ни лгало иск/усство/, сколько бы тысячелетий ни лгало. Всякий побывавший там, знает: некрасив чел/овек/, к/оторо/го убивают.

Никакой эстетизации войны.

Телефильм: Рейган в Москве.

Я не политик, а потому мое отнош/ение/ к политикам, их действиям, высказ/ываниям/ сильно окрашено эмоционально.

Признаюсь: два года назад к Р.Р/ейгану/ я относился с огромной/ опаской, а поэтому с очень недобрым чувством: казалось, что он, с его правым радикализмом, с его апокалиптическим фатализмом, даст пинка нашей планете, и она свалится в пропасть. Это — до встречи Рейгана с Г/орбачевым/ в Вашингтоне, до заключения поразит/ельного/ договора.

Когда мои друзья ноют, что, мол, ничего не получ/ается/ с перестройкой, я напоминаю. А это, да это стоит — уничтож/ение/ ракет — всех и любых успехов!

Не удивит/ельно/, что я и к Р/ейгану/ проникся. В США был его главным адвокатом.

… А Р/ейгану/ приходится платить за самый лучший свой в жизни шаг — за договор о ракетах.

… Проблема такого сосуществ/ования/, когда присут/ствие/ др. страны, просто-таки полезно. Для нормального критического отнош/ения/ к своей системе.

… Как быть дальше нам, друзьям?

Обниматься и хвалить другую сторону, что они тоже люди. Или продвинуться вперед, и уже как не враги, а как партнеры, помогать изживать недостатки той и др. системы.

Так что же: все проповеди не убедили, а вот бомба убедит! Что ж, если мы, люди, такие!

Но тоже истина: лишь близость смерти рождает гпубоч-/ айшие/ мысли о жизни и истину. Это истинно по отнош/ению/ отдел/ьного/ чел/овека/. И — человечества, к/отор/ое смертно уже.

Был в США. Видел, как распадается образ врага: рус/ского/ с ножом в зубах, амер/иканца/ — с долларом в зубах!

Развить чувство горечи и отвращ/ения/ к любому насилию! Но обращено должно быть на себя — это чувство.

24-31.10.1988.

Когда писал «Пастораль», вопрос был: можно было или нельзя — собой пожертвовать (как народом) ради спасения человеч/ества/.

Высшая ценность — род человеч/еский/. Не дай Бог — выбирать.

Но нужен шоковый пример, чтобы понять новое мышление.

Писал «Пастораль»: ситуация — русский и американец должны — нанести «удар возмездия». Ну, а как быть: **они** твою — половину планеты уничтож/ат/ — ты их? Их половину? Бросил слова на Форуме по выживанию [человечества]. — Что он говорит?!

Полгода прошло — и…

«Пастораль» — из первоматерии — точка, взрыв и т. д.

Нет, не было и точки материи, а лишь энергия согнутого пространства, что она, как лук, тетива и запустила мир, Вселенную. Всё дело в пространстве. И тут тоже.

Уговар/ивал/ Хр/истос/: будьте братьями — не получилось.

Маркс: пролет/арии/-братья, соединяйтесь!

То же самое, в общем.

Сделали бомбу, способную убить всех и…

Говоря сл/овами/ Эйнштейна: чем больше тень [Бомбы], тем больше понимаем — братья!.. Братья это в общем-то хорошо. Но братья не во Христе, а братья в Бомбе — что-то тут зловещее есть.

Лично я это ощутил еще, когда писал послеядерную «Пастораль», антиутопию с ситуацией: американец (последний) и рус/ский/ (последний) должны нанести удар возмездия, сознавая, что, м.б., ще-то еще сохранился очажок жизни. Как не нанести, если они выжгли мой род?

И другой тоже самое спрашивает.

Но, м.б., мой род — это не те, даже не рус/ские/ (их нет уже), не америк/анцы/ (их тоже нет), а червячки-жучки, к/отор/ые наверняка погибнут от твоего последнего патриотизма?

И вот проблема невиданная: пренебречь чувством традиционного/ патриотизма, героизма и пр. не ради даже человечества в целом (это бы уже легко!), а ради жизни, как таковой.

И вот, когда я уперся в эту ситуацию, я решился с промежуточной статьей все-таки вылезти на люди. Сделать предметом обсуждения страшную диллему в духе нового мышления. К/отор/ое, оказывается, бывает страшноватым. Как и новая мораль братьев по Бомбе.

Чел/овек/ собой жертвует во имя народа — примеров уйма. Ну, народ, отдельный — во имя всего рода человеческого? Или если человек поставлен в страшнейшую ситуацию: долг перед народом и долг перед человечеством разведены Бомбой по разным полюсам.

.. Я бы так переформулировал Эйнштейна: чем больше тень Бомбы покрывала планету, тем лучше, яснее мы осознавали, сознаем: навязывать себя, свое другим — это даже братьев превращать в смертельно опасн/ых/ врагов.

Плюрализм любых философий — без мессианства!

80 диссер/таций/ о победе в атом/ной/ войне?

Брежнев, правда, изрек на 26 съезде: мечтать о победе — безумие… (заслуга кого-то из помощников?), но когда мы — алармисты[164] пытались делать упор на этом — били по рукам.

В Минске — конференция об этом. Нач/ало/ 83 г. — первая ласточка.

А меня позвал в ЦК Ив. Ив. — что вы всё пугаете? Кто сказал, что погибнет человеч/ество/? Ученые? А вот военные…

И — классическое: «Если от нар/ода/ нашего останется 10 чел/овек/, ваша задача, моя задача — чтобы они остались сов/етскими/ людьми».

Сегодня он бегает по Москве, этот И. И. и предпочитает не вспоминать.

Не будем забывать, что огромнейшая заслуга П/ерестройки/, что она родила принцип, формулу: **Победы в ядер/ной/ войне быть не может!**… А говорят: что дала перестройка/? Давим ракеты.

Создать бы Музей III мир/овой/ войны — несостоявшейся: взорванные «Першинги», СС-20 и пр.

… Не просто рассуж/дать/ **правильно** о войне и мире, а так, чтобы в шок, в пот бросало.

Тем более, если вдуматься до конца, то это самое новое мышление атом/ной/ эры вовсе не такая благостная вещь. От него страшноватенько бывает — от Н/ового/ М/ышления/.

Сознательно искали такое, что привело бы в ярость сторон/ников/ старого мышления, авторов тех диссертаций. И не только их — но что заставляло бы и народонаселение призадуматься.

И иногда достигало результатов.

Индия. 14 ноября 1988 г.

Никто не готов был к ядер/ному/ веку, ни одна философия/. М.б., кроме индуистской, скажу я — с этой абсолют/ной/ толерантностью.

… Но обоим [европейской и индийской философиям] необходимо возвыситься над всеми прошлыми историческими различиями, выработать, наконец, образ мыслей, единый для всего человечества.

Альберт Швейцер.

И какие краеугольные камни в будущем храме?

Один найден: ненасилие, ненасильственная планета. И найден он у вас, в Индии — в вашей философии, в вашей истории…

А если кое-кто у вас ищет мудрости теперь — в нашем, европейском — боюсь, ждут его (их) наши разочарования. Уж мыто довели его — до Гитлера, до Сталина. Еле голову сносили!

Ненасильственный мир.

Древнеиндийская заповедь ахимсы — «неубиение», «непричинение зла».

Этика благоговения перед жизнью. Принцип высокого сохранения и поддержания жизни.

Внести это в политику. Вот что сделали Раджив Ганди и Горбачев: соединить выс/шую/ этику благоговения перед жизнью с самой цинич/ной/ областью — политикой.

Роль европейцев: дать почувствовать (и индийцам) значение их философии, принцип ахимса для атомного века.

Швейцер: То, что мы наз/ываем/ любовью, по сути есть благоговение перед жизнью.

Я летел и читал Швейцера о филос/офии/ индийской и европейской. И подумал, уже не он, а я: что Европа, мы можем в этом освоении вашей философии. А можем почувств/овать/, что больше всего из вашей ист/ории/ важно в атом/ный/ век: ваша филос/офия/ терпимости.

Интересный случай: гость Вилли Брандта[165] Д. Гранин выступал в Бонне и сказал под аплодисменты немцев (подарок за правдивость):

— А ведь мы, рус/ские/ счастливы были, когда амер/иканцы/ жгли ваш Дрезден!

Как и немцы радов/ались/ горящим рус/ским/ городам. Увы, психология войны.

И на атом/ную/ войну психол/огия/. Эту переносили еще 10–20 лет назад. Сегодня нет: мысль заранее корчится от представ/ления/, что какой-то противник гореть будет от наших бомб. Как если бы он — это были мы. Но ведь так оно и есть. Мы все — человечество.

Бомба и амбиции.

… Тейлор — изобрет/атель/ техники военной, к/отор/ый ощутил на Кр/асной/ пл/ощади/ в поле действия своей Бомбы… И он сказал: я не нажал бы, даже когда бы упала на Нью-Йорк. Вот это да!

Нужны такие шокирующие заявления? Да, чтобы люди освобод/ились/ от старых представлений.

1989

20.1.1989 г. Нью-Йорк

Земляне! Перенесем нашу прекрасную цивилизацию человека разумного на другие планеты, в иные миры, во все уголки вселенной!..

Я.А.Г. вчера сказал: «Хочу комплимент вам сделать: вы за 3 или 5 лет заговорили (о войне, разоружении) так, как заговорили потом наверху».

… (два или три года назад, 1986?), и я изложил то, что уже в «Пастораль» вложил, а именно — убедить наших отказаться от коммессианства, наличие другой системы воспринимать как велич/айшую/ удачу.

Собственно это я уже заложил в статье, к/отор/ая вошла в «Прорыв». Так что не 2–3 года (если не все 4) бежим впереди паровоза.

Фермер амер/иканский/: — Мы и вас прокормим, только не воюйте! Предложение: мы у них на глазах давим ракету, плавим танк, а они нам столько-то продуктов.

… И все-таки дало результат. А ведь это 1983 г., когда наша страна была в параличе бездействия, а США в рейгановском мазохистском экстазе: лучше быть мертвым, [чем красным]!

…Нужно было сбросить с себя это наваждение. А для этого ощутить: все **мы** — одно, не они и мы, а мы и никто больше. Много приемов искали: поселить детей у «противника». Семьи руководителей и т. д.

И чем больше сознавали, что **никто** [не выживет] — что все люди братья. По-настоящему.

[К молодым.] Знать правду — великое преимущ/ество/. Чел/овек/ знающий — иной чел/овек/. С ним будут считаться, вынуждены.

Старайтесь знать, узнать — всё! И будьте бдительны. От автора.

Так о чем эта книга [«Мы — шестидесятники»], составленная из статей и выступлений за несколько лет, публиковавшихся и не публиковавшихся прежде?

Человечество всё больше ощущает себя, осознает, что оно в тисках глобальных проблем. Где-то отпускает (или кажется, что

немного отпустило) где-то и чем-то прижимает еще сильнее, но, в общем — и тревожно и всё более неуютно на нашей прекрасной планете. И часто бывает, как боль в теле: одна или новая заглушает, как бы отсасывает прежнюю, которая, как далекий, но зловещий фон, но тоже существует. Мы меньше стали писать, говорить и даже думать об угрозе ядерного всеистребления: экология и перестройка экономики и политической системы нашей, эти страсти возобладали. Тем более, что видны, ощутимы первые результаты разоружения. Но до освобождения планеты от дьявольского ядерного оружия еще так далеко! Всё это переплетается в жизни, в нашем сознании — угрозы войны, экологические проблемы, кипение, трудности перестройки. Совершенно также переплетено это, взаимодействует и взаимопроникает и в книге. Потому что из реальности и в книги наши переходит нерасторжимость непреодоленности.

Еще вчера не было для всех бесспорным, что победы в ядерной войне не будет и быть, не может. Диссертации (десятки!) писали и защищали о путях к такой победе… Всё тут изменилось.

Сильна была, казалось, на века, монополия мелиоративного и атомного ведомств — сегодня они «в обороне» от общественного мнения.

… Книга обращена к молодым поколениям… не должно быть сознание разных поколений изолированно: мол, каждый в своих интересах. Интересы у нас общие — в главном. Правовое общество и государство, нормальная бездефицитная экономика, сельское хозяйство, у которого есть крестьянин — хозяин на земле, свободное, открытое, всему гуманному и справедливому, общество в системе единого рода человеческого.

…Когда задыхаться человек начинает (экология), волей-неволей отнимешь руки от горла «противника» (если они были там) и схватишься за собственное [горло], чтобы помочь себе дышать…

Мы шли по жизни (и по планете) с растопыренными локтями, больше всего заботились, чтобы нас не толкнули, не затолкали. И если все идут так, о, как неуютно и опасно на Земле. Больше заботиться, чтобы не толкнул ты, не толкался бы сам, не навязывал себя и свое.

Как мы жили долго, очень долго?..

Не сегодня, а завтра, «в счастливом будущем»…

Не здесь, а где-то там, далеко «в романтической дали»…

Не я, не мы виноваты, а всегда кто-то другой, другие (классы, страна, национальности)…

Не сама жизнь, а обязательно цель — поверх жизни…

А надо, чтобы всё наоборот.

Сегодня! Здесь! Я за всё в ответе!

Жизнь самоценная, когда вопрос о самом ее существовании на Земле!

Но каждый из нас пытался что-то делать.

Так я занимался: проблемами разоружения, атом/ного/ и пр. Что ж, ВС [Верховный совет] хорошая для этого трибуна.

Экология, атомные станции — тоже самое.

Десталинизация, Мемориал — и это.

24.1.90 г.

… И это 20 век, к/отор/ый вознес насилие в символ веры, как бы для того, чтобы перед угрозой атом/ного/ самоистр/ебления/ показать его саморазруш/ающую/ силу и результат.

К сожалению, наша страна стала полем разгула насилия, к/отор/ое поставило народ на грань истребления.

Бомба обрывает ист/орию/ насилия в ист/орическом/ и междунар/одном/ масшт/абе/. Перестройка — в социал/ьном/ и политич/еском/ устройстве. Переход к демократ/ической/ форме и общечеловеч/еской/ морали.

От чего надо уйти, убежать, чтобы прийти в Европу. Через Совет Европы.

… Распадается ситуация смерт/ельно/ опасная: две системы. Не дать возникнуть этой ситуации на нац/иональной/ почве. Панисламизм или пангерманизм.

Без распада соц/иалистической/ системы погибло бы человеч/ество/. Но не заменит ли идеолог/ическая/ конфронтация националистической. Не возникнет ли Карабах в центре Европы?

Европа идет к сближению. Дай-то Бог.

И то, что 3–5 лет назад поносилось, как немысл/имый/ и нетерпимый у нас пацифизм, стало общим местом. Человек может многое.

… Независимо от того, выберут меня или не выберут [в депутаты Веховного Совета], я собираюсь продолжить заниматься:

атом/ной/ энергетикой — ее надо замедлить — попридержать;

война и мир — еще не решена проблема;

не дать угробить перестройку страхом — кто-то впереди, самое страшное подошвы отползающего.

09.03.1990. Испания. Мадрид — Севилья.

Голова у демократий меньше болит после распада тоталитар/

ной/ системы, а также ухода от ядер/ной/ бездны.

Новые проблемы: анархия в ядер/ной/ державе.

Поэтому Западу надо спешить с уничтож/ением/ тяжелых ракет. Мне особ/енно/ близка проблема: огром/ное/ колич/ество/ их в лесах Белоруссии (не секрет, «Арг/ументы/ и факты»).

14.3.90 г.

Как они нами руководили (дят)

… Хотя и не хочется излишне серьезно (всерьез?) воспринимать всех этих наших руководителей, но закончу на серьезной ноте. Это страшные люди. При всем их порой ничтожестве в интеллект/ульных/ и иных смыслах.

Монополия на души людей, на их кошелек, руки, интеллект, не могла не выродиться в целую философию уже угаданную, предсказан/ную/ Д/остоевск/им/. Это когда один из «бесов» говорит: «Устранить народ». Если ему что-то не по душе. Жизнь и смерть народа да всего человечества легко перетягивались какими-то догматами и всё той же уверенностью, что история для того и была, чтобы появились они, их идеи, их методы. Она их выстрадала. И вот сидит передо мной… маленький человечек (в прямом физич/еском/ смысле тоже маленький), он после Марц/елева/ пришел, на его место, не переводятся они, а руководит моим мышлением, моим разумением «современной ситуации в мире». Специально вызвал, невтерпеж им, непереносимы мои пацифистские взгляды, мой «абстракт/ный/ гуманизм».

— Откуда вы взяли, что от атом/ной/ войны погибнет всё человечество?

— Для ученых это уже аксиома.

— А вот военные другое утверждают. И вообще, если от нашего народа останется 10 человек, то главное, чтобы они остались советскими людьми. Вот в чем я вижу свою задачу, как идеолог. (Даже подрос за столом, произнося это громко, как бы еще нас слышит кто-то). И ваша, кстати, должна быть в этом задача, а не пугать народ. И так уже работать перестали.

Они нами руководили. Вот эти!

Мы часто встр/ечаем/ имя его, Антонович И. И.[166] — на теле и в газетах: взвеш/енно/ энергич/но/ ратует за новое мышление. Что ж, поймем это как покаяние сознания, ужаснувшегося своему старому мышлению, недавнему.

24 апреля-2 мая. Япония.

Ситуация в мире всё время меняется. Мы люди сами ее изменяем, своими действиями. И тут же должны быстро

приспосабл/иваться/ к новым условиям. Иначе не выживем, погибнем.

Человек раньше угрозу себе воспринимал через угрозу семье, твоему народу, но чтобы роду [человеческому] всему!..

Я лично вижу один путь: смело додумывать каждую мысль и каждую позицию до конца, куда рядовое сознание ступать не решается, пугаясь, что наступает на вековые «табу».

Бомба… Не ответить даже на прямой удар «другой» строны, интересы рода человеч/еского/ превыше.

Т.е. понятие патриотизма, поступка резко изменилось. Даже для военного: что такое быть талантл/ивее/ и удачливее на прежней войне — приближать победу народу и государству своему. А в атом/ной/ войне — ускорить гибель рода человеч/еского/, своего?

— Какой маршал самый вел/икий/? К/отор/ый не воевал! (И. Шкляр/евский/ [поэт]).

… Писатель, «посторонняя» позиция: дать шанс человечеству. При монолите — гибель была неизбежна общая.

Горбачев, ускорив распад тоталитаризма, возможно, дал шанс прямого спасения — человечеству. И без него случилось бы, но могло быть уже поздно. Когда-то Ленин резко повернул ход истории в эту сторону. Горб/ачев/ резко ударил по тормозам, колеса, кажется, соскочили с рельс локомотива истории, не без признака аварии, но упали на обочину, а не в пропасть, которая была впереди.

Сложность писательской позиции: согласуясь с этим движением, стоять против собственного народа, если он ушел от общей цели в «групповой» эгоизм, в бесплодную межнациональную вражду.

Ох, как трудно дается. Особенно представителям малых народов…

Из Корана (5-я сура):

«Все религии должны соперничать в добре».

Знать человека, себя «до дна» — добро это и (или) зло для человека?

Если не то, Бог создаст новое человечество! Если мы его окончательно разочаруем. 1

13.06. США

Апокалипсис, или Как мы об этом разговаривали.

Мне пришлось разговаривать с двумя чел/овеками/, к/отор/

ые были на службе у А/покалипсиса/, знали (не один год) что «если что» — им убивать род чел/овеческий/. Я бесед/овал/ с двумя капит/анами/ атом/ных/ подвод/ных/ лодок, сов/ветской/ и амер/иканской/. С одним — в разгар холод/ной/ войны, с др. — уже, когда начали уничтож/ать/ ракеты и боегол/овки/ [в Казахстане]. И была соответ/ственная/ реакция массового/ созн/ания/, когда я эти разговоры опублик/овал/.

На Форуме 1987 г. — За выжив/ание/ [человечества] рассказал, опубл/иковал/ в «М/осковских/ н/овостях/»[167] и реакция.

Поголов/ное/ отриц/ание/ и непонимание.

… Мне пришлось написать «Пастораль»; писалась в самый разгар холод/ной/ войны, у нас тоща глав/ный/ цензур/ный/ запрет: на теорию равной вины… Мол, мы хор/ошие/, а они плохие. Потому что мы объявили об отказе от первого удара, а они нет, мы — истор/ический/ прог/ресс/, а они — регресс и т. д.

Писалось тогда именно с желанием опроверг/нуть/ такое. Если погиб/нем/, кто отлич/ит/ социалистический/ пепел от капит/алистического/ (Корнелий Саган), второй удар столь же безнравств/енен/. И не только потому, что первого, м.б., и не было, а была комп/ьютерная/ ошибка. Но главное: 2-й-то и убьет человечество/.

…Рухнуло соц/иалистического/ полмира, и нет того страшного противостояния, совлекавшего нас в пропасть. Заслуга Г/орбачева/, м.б., он, ускорив неизбеж/ный/ распад тоталитар-/изма/, спас род. Он был неизбежен, 10–15 [лет] было достаточно, чтобы всё погибло. Таких, какими были 1980-85-ый. Когда мы влезли в Афг/анистан/.

Да, самая страшная черта отступила, но не ушла окончательно/.

…Новое мышл/ение/ бывает страшное. Я это ощутил, пытаясь додумывать до конца.

Готовн/ость/ пожертв/овать/ своим, чтобы не погибло **все**. Потому, что **всё** тоже твое. Но по высшему разряду.

Я там, в зале СП [Союза писателей], ощутил, как это страшно для нашего созн/ания/ поставить так вопрос, это самое н/овое/ мышл/ение/. Когда героизм, патриот/изм/ — зло.

Я спросил у др. сов/етского/ подводника, правда, уже в отставке.

— Победы быть не может. Ну, так как вас нацеливали?

— Не думать обо всем, а только о своей задаче. Но, зн/ачит/, учить себя и др. именно обо всем думать. Как о главном. А не о «конкр/етной/ задаче».

Помпея. 17.9.90 г.

В центре живого города город-кладбище, живой зарабатывает на мертвом, потомки сделали статью дохода из катастрофы, случившейся с предками. Растение-паразит, обсасывающее трупик когда-то живого.

А вообще: перекликается с Нагасаки (в Хиросиме я не был), и даже обожженными, окоченевшими трупами испепеленных (загипсованных очень «мастерски» — сбросила бомбу природа).

Интервью у прошлого: история, воспоминания. У настоящего/ — газеты. У будущего. Впустить всю угрозу и представить, *как оно будет*.

Я принадлежу к народу, к/оторо/му это сделать проще, к сожалению, чем другим.

Атом/ная/ война малыми средствами — 1/4 погибших в Бел/ оруссии/.

И — Чернобыль!

Вот карта: более 40 тыс. кв. км поражены, и снова 1/4 (2,5 млн.) [человек].

Кто нажмет, а кто нет? Генерал поносит меня в СП за «предательское» «не нажму», его спросил Гранин: А вы? Да, но… — Нет; да или нет? — Не нажал бы…

Тут много псих/ологии/, мне приходилось делать кн/иги/ — о запредельном псих/ическом/ опыте.

Напр/имер/, как люди спят, когда их убив/ают/, как не знают себя…

Или наоборот, социал/ьная/ система отождествл/яет/ себя со смыслом жизни: мы [погибнем], тогда и все!

Это напоминает 80-лет/нюю/ старуху: хоть бы война, а то одной не хочется помирать!

… По программе, я так понял, мы услышим доклады об А/ покалнпсисе/ — в филос/офском/ плане, в плане психологическом.

Я решил гов/орить/ в очень конкретном физическом плане — как уже состоявшейся репетиции А/покалипсиса/, но

реальной. Есть такая страна, где соверш/ились/: 1) репетиция атомного/ А/покалипсиса/ (Япония. Но нет, я о Бел/оруссии/); 2) и эколог /ический/ Ап/окалипсис/.

Помню в разгар хол/одной/ войны посмотрел я фильм «День спустя» — такое уже видел!

Потому-то легко поверил: никто и ничто не выживет! Любая уступка цифре — уступ/ка/ атом/ному/ политиканству.

В этом смысле Дж. Шелл — «первый непримиримый». Он убеждал у вас тут. Ну, а мы у себя.

… Сколько «кюри» у Апокалипсиса?

Апокалипсис — это сколько рентген?

А/покалипсис/ — тема…

В разные времена люди предст/авляли/ конец света и всегда с мыслью о чистых и нечистых. И в «Сказ/ании/ о Гильгамеше» и в преданиях о потопе или сгоревш/их/ Содоме и Гоморре.

Наш разговор был иной: говоря сл/овами/Корнелия Сагана: кто отлич/ит/ пепел социализма от пепла капитализма.

Тем более что от социализма, к/отор/ым пугали мир и совращали, остались одни лишь проблемы, к/отор/ые тоже нам бы решать сообща, совместно.

Ситуация в меняющемся мире позволяет нам даже на эту тему гов/орить/ достаточно отвлеченно, как если бы мы, человечество, снова становились бессмертными.

А между тем — смерть наша всё еще в шахтах. Ядерных. Только подошли к ним, не начали. А надо бы. Я уже говорил: куйте железо, пока перестройка.

Политики Запада уже, избалов/анные/ ситуацией, забыли, что вчера, позавчера они много дали бы, чтобы этих многомегатонных убить в стране супротивника. Так сделайте же это, пожертв/уйте/ своими монстрами, к/отор/ые ничуть не лучше: и те и др. нацелены [не] на США или СССР, а на человечество!

Как-то обсуждали мы на заседании Моск/овского/ энергетического/ клуба в Дортмунде идею Сахарова: АЭС — под землю.

И кто-то сообразил: шахты для тяж/елых/ ракет, вот вам и опыт. Использовать.

Пусть это только и останется: опыт для строит/ельства/ АЭС под землей.

Речь на открытии конференции. Род-Айленд [штат на востоке США].

Едва ли ни первые советские, не говорю русские, потому, что я, напр/имер/, белорус. И конечно, важно, как предст/авляешь/ др. народ.

…Наша конфер/енция/ [называется] зловеще: Апокалипсис и совр/еменность/… Еще 5 лет назад это —… вся планета была накануне Суд/ного/ дня.

Отступ/ила/ ядер/ная/ угроза — навалилась экон-/

омическая/. Для нас — Ч/ернобыль/, и предупреждение всем.

Конфер/енция/ юонфер/енцией/, но ваш прекреный край настраивает на мысль: не может такая прекр/асная/ планета быть предназнач/ена/ для убийства. Это — не по-божески. И не по-человечески было бы.

Первые… **в вашем райском** штате. А знаете, когда [Боснам] Роберт приезжал год назад, показал картинку — подумалось: о конце света — в раю. О **несостоявшемся**, к счастью.

Почему, к счастью, не состоялся? Вовремя **спохватились**.

… Пророчества Ив/ана/ Богосл/ова/: о мече в божеств/енных/ устах. Карающее слово.

Мы, обе стороны, были убеждены в своем мессиан/ском/ праве обличать другого, считая себя во всем (даже в бомбах) правыми.

И вдруг возникло…: внач/але/ в обществе настр/оение/ — **о себе говори**. Среди ваших и наших пацифистов. Это передалось и Горб/ачеву/, и Рейгану.

И вот мы собрал/ись/ уже рассуждать об А/покалипсисе/, как об **академич/еском**/ предмете.

Правда, **ракеты** еще остались. **Но ножа, меча в устах наших нет**, не имеем мы на это права.

Ваш райский штат **как нельзя** лучше подходит для разговора о том, что для прекрасной такой планеты только мир — это по-божески, и по-человечески.

…Един/ственная/ достойная миссия для страны: добиваться/, чтобы как можно больше людей на земле улыбались.

Всё остал/ьное/ мессианство — ложь и обман.

Давайте А/покалипсис/ наш законч/им/ на этом — на сов/етско/-амер/икаяских улыбках, не дипломат/ических/, а искрен /них/. Я думаю, нам это уже не трудно.

Чернобыль, как давление на разоружение, поскольку атом/ные/ ст/анции/ — это те же бомбы!

Что мы — род человеческий, именно это зазвучало с новой определен/ностью/, когда Бомба, казалось, вот-вот сдетонирует навсю планету.

…Не он [Горбачев] собственно родоначальник нового мышления, тут Сахаров выступил раньше и на алтарь его жертв положил даже больше. Но вот победа этого мышления, а тем самым и дела мира в мировом масштабе — тут никто сегодня с Горбачевым сравниться в том, что сделал для этого, не может. Что было 5–7 лет назад? Мир стремительно катился в ядерную пропасть. Бесстрастная ядерная статистика подсчитывала: 40 % уже за то, что война, а зн/ачит/ и гибель всех будет.

… Некоторые говорят: Горбачев ли, другой ли, поворот был неизбежен! И заслуга в этом именно угрожающей твердости американцев. Что неизбежен — да, к этому подводил экономический/ провал системы. (Тоже: не было счастья, да несчастье подсобило!). Да, поворот когда-нибудь и без личности Г/орбаче/ва совершился бы неизбежно. Но сколько история оставила человечеству для этого времени? Кто-нибудь может это точно определить? А если не оставляла больше, чем эти 5 лет? Ведь вон как стремительно катилось всё в ядерную пропасть.

Сегодня ситуация совершенно иная. В мире во всем. Да, и сегодня кто-то на кого-то может сбросить бомбу ядерную. Это еще возможно. Но это, при всей провокационной опасности такой акции, не равноценно залпу одной и второй половины человечества друг против друга, т. е. немедленной гибели всего живого на Земле.

И — повесть о несост/оявшейся/ катастрофе. Един/ственная/ женщина и два мужчины. Ядер/ная/ война — ужас. Но быть единств/енной/ на земле женщиной — каждая красивая женщина в глубине души не против пережить это ощущение. А вдруг захоч/ет/ сыграть — един/ственную/ жен/щину/.

«Элементар/ная/ частица» — человек, homo sapiens и второй полюс — человечество. А между — народы, нации, классы… Самая большая ценность эти, «элементы», их сохранение — главное. И если распадаются страны, нации, системы, **империи**, и тем спасается homo sapiens — ну, и ладно, благо! То, что я 10 лет занят был (внутренне) Бомбой и Концом, оно-то и определяет мое сегодняшнее отношение к трагедии страны. Да, распад, да, трагедия, но для выживания homo sapiens — великая удача, спасительный поворот! А без этой внутренней ориентации, точки отсчета от самого-самого действительно примириться с распадом страны своей — как примириться? Тут возненавидишь виновника главного — и ненавидят Горбачева. А я действительно тот последний, кто бросил бы в него камень. Нет, не брошу. Разве что потеряет себя и начнет лить кровь. Пусть уж лучше сам уйдет — Господи, хоть одного иметь в истории не кровавого.

20.11.90 г. Токио.

1991

Еще 5 лет назад — вопрос о Бомбе — главный, экологическая/ катастрофа — в тени. Потом сравнялись, понимание, что щогибнем, м.б., не от Бомбы, а от удушья. Конец холод/ной/ цойны — и Бомба отступила почти совсем.

И вот ее зловещий серп снова из-за затмившей экологии выдвигается снова.

…Реакторы — ядерная угроза. И сами Бомбы.

…Но, Бог с ней с политикой: и Бомба, и Экология сильнейшие испытания нравств/енные/. Новое мышление может быть вещью страшной. Я это испытал.

Что сделало вопрос об экологич/еском/ выживании в нашем сознании первостепенным? Ведь еще 5–6 лет назад лишь единицы об эдолЬгии беспокоились.

1. Отступила угроза ядер/ной/ войны, которая заслоняла всё.

2. Случился Чернобыль.

Сегодня снова в сознание наше возвращается мысль о ядер/ной/ угрозе — в связи с развалом Союза и возможностью краха перестройки. Но, конечно, же не отступает и не отступит мысль, что и без Бомбы можем оказаться за чертой, если с той же безоглядностью будем эксплуатир/овать/ природ/ную/ среду.

До перестройки и гласн/ости/ для нас это был вопрос чисто политический/. У нас слово пацифист было ругательное. Потом пришло время, когда зазвучало: «Не пацифистом может быть только идиот». Т. е., встал этот вопрос как нравственный. Более того, бомба подвергла огром/ным/ испытаниям и массу нравств/енную/, категорию патриотизма и т. д.

Меня лично это мучило очень. Я всё время стремился обсуждать его с теми, кто у «кнопок», с капит/анами/ атомных подлодок.

СС-20 было поставлено в 12 раз больше, чем имелось для них целей в Европе.

Поздравил жучков-червяч/ков/ в том парке.

6 мая 91 г. Англия.

А/дамович/ — из Белоруссии. Занимался лит/ературой/: писал о ней и делал ее (в осн/овном/ докум/ентальную/). Отчасти — кино.

Началась П/ерестройка/ и все мы начали делать демократию,

перестали хлеб растить, сталь варить, лит/ературу/ делать — только политику.

Стал депут/атом/ СССР, а после меня [американец-юрист] Крейг Барнс вовлек в орган/изацию/ «Beyond war»/«Без войн» и я теперь главный ее популяризатор не только в СССР, но и США.

Сопредседатель Мемориала и разных Черн/обыльских/ фондов.

Не поддава/аться/ на насилие, отвечать по-демократически/, не уступать тем, кто хотел бы столкнуть к террору.

25.5.91 г.

Чел/овек/ себя не знает… (Дост/оевский/). И народ себя не знает, нация.

В этом убеждались ленинградцы во время мас/сового/ голода. (Не знает в сторону плохого. Но и хорошего).

В этом убеждалась нем/ецкая/ нация в 1933-45 гг.

… Ну, а человечество в целом? Оно себя знает? Еще менее. А у него: бомбы, всё еще возможн/ость/ появл/ения/ тоталит/ арных/ систем, Садамизация распадающейся империи или ее национальных/ осколков. Вон ведь проблема в Бел/оруссии/ — ракет больше, чем на террит/ории/ США («Независимая газета», май, 91 г.)

Статья Челидзе в «Комсомолке» от 24 мая 91 г. — проявление/ нац/изма/ в республиках. Грузия — для грузин, Латвия — для латышей. Если бы лишь самозащита, но и чувство то самое абсолют/ной/ правоты перед всеми и навсегда. Мы всегда были страдающие и никогда палачами…

А ведь есть соседи. Они о тебе знают, чего сам ты не знаешь или знать **не хочешь**.

Какая же система нужна. Которая не зажимает… но и не провоцирующая. Демократия? Остановилась история на ней? Нет, но она доказала, что именно она, а все другие пути себя обнаружили — как провоцирующие запрятанное в людях, в народах наихудшее.

Рафлезия — цветы-паразиты (о. Борнео), да это же цветы-грибы, мне причудившиеся в «Посл/едней/ пасторали». И даже пахнут гнилым мясом!

30.6.91 г.

Буш и Горб/ачев/ встретятся: убрать ракеты. Знаем себя — лучше так.

Если бомба заставила нас понять: все люди братья! То самая большая Бомба и заставит больше испытывать братские чувства?

Но вот поделим их — в нашей стране. И вот эта же бомба вдруг пробуждает инстинкт бытового фашизма.

Она начнет восприниматься не в масштабах всеобщ/ей/ погибели, а как орудие полит/ическое/.

Пока была в руках двух систем и угрожала жизни на земле — пробуждала чувства рода. Но вот это уходит, и она дробится и становится орудием политики в руках малых госуд/арств/ — они не ощущ/ают/, что удар будет по всей планете.

Смещение сознания, примиряющее с Бомбой как орудием политики. Новая опасность сохранит Бомбу.

Вот отчего нужна единая Европа, интег/рация/ с Америкой и т. д.

Когда была конфр/онтация/ систем, а/томная/ б/омба/ восприним/алась/, как глобальное оружие, объект его — человечество/, род человека.

Ослабла она, конфр/онтация/ в масш/табе/ планеты, распалась на возмож/ные/ региональные конфликты и сознание человека быстренько сдвинулось в др. сторону: это уже возможное орудие политики. Против потенц/иальных/ Хусейнов (на Западе) и для утвержд/ения/ своих буд/ущих/ границ (у нас в республиках).

Укр/аина/ и Бел/оруссия/ (фронты) заявл/яют/ о демилитаризации буд/ущих/ госуд/арств/. Но не все включ/ают/ я атом/ное/ оружие. Чаще — о сокращении общесоюзных воин/ских/ формирований.

Зато приходилось слышать уже импер/ские/ (в моем республ/иканском/ госуд/арстве/) высказывания о «своем» атом/ном/ оружии.

— А соседи же не отдадут!

Неужто в чел/овеке/ нет прочного иммунитета — у человечества? Возвращ/ается/ болезнь бып/ового/ фашизма по мере того, как будет уменьшаться колич/ество/ атом/нога/ оружия. Такая «закономерность»: бомб меньше, агрессоров больше, возможность/ войны (а след/овательно/ и прим/енение/ атом/ного/ оружия — «в огранич/енных/ целях») — больше.

23-31.8. 91 г.

Захватили папку [путчисты] с шифрами ракет/ных/у становок — жуть!

Это выродки, к/отор/ые схватили тот ядерный чемоданчик. Давя нас танками, они могли вот так же раздавить планету.

Захватили папку с шифрами ракет. Избавиться от шифров

нельзя, от таких путчей трудно. Надо — от ракет.

Я — про атом/ную/ угрозу. Но и в страшном сне не приснилось бы, что твор/илось/ с президентским чемоданчиком,

26.8.91 г. Для сессии ВС СССР.

В ряду других важнейших предложений, принятых немедленно ВС, думаю, должно стоять и еще одно.

Наша предельно милитаризованная страна в амуниции марксистской доктрины, нацеленной на мировое расширение, совсем недавно напоминала 15 ядерных подлодок, стоявших на одной позиции. 15 республик. И вот лодки начинают расходиться, унося собой ядерное оружие. Во всяком случае такая угроза есть. Отчаливают. Незбежны территориальные претензии, конфликты друг к другу.

Куда завтра будут нацелены прибалтийские, украинские, белорусские и, соответственно, русские ракеты? И какой кошмар подозрительности и страх придет на наше, даже пусть связанное экономическое пространство!

Сегодня события нарастают в Бел/оруссии/. На сессии ВС Бел/оруссии/ Малофеев[168]:

— Горбачев предал КПСС. Наша организация выходит. Вопрос в том, что он тут же объяснил цель бел/орусского/ руков/одства/ ком/партии/. Отделение Бел/оруссии/, а значит, и ядер/ного/ арсенала/. А как нашпигована эта несчастная земля ядер/ной/ нечистью, шахтами, мы уже читали…

Т.е., уцелевший отряд заговорщиков приобретает ядер/ное/ оружие для противостояния демократии. Ввести свой код вместо прежнего в ракету техническая задача.

Ядерный арсенал для шантажа получат и те, кто в России и др. республ/иках/ будут продолжать борьбу за господ/ство/ коммун/истической/партии.

Этого мы будем ждать, дожидаться? Немедленно нужно принять постановление: при выходе из Союза, а уж тем более — вариант создания национал-коммунистического/ государства — оружие ядерное изымается и уничтожается. Не везти и ставить его за Уралом, как любят наши, уже российские генералы, а именно уничтожение.

… А сейчас бел/орусский/ народ, бел/орусская/ демократия пытается сопротивляться замыслам и амбициям собств/енных/ путчистов.

Славные мои земляки, победившая демократия свободной России с вами. В борьбе за истинный суверенитет Белоруссии,

демократической, без партократии и без ядер/ного/ оружия.

Предельно милитаризованная страна — нечто вроде военной базы мирового ком/мунизма/. 15 ядер/ных/ подлодок-республик/.

Совпало два процесса: распад атом/ного/ противостояния и распад империи.

Уяўляеце, калі б ядзер/ная/ бомба была у кожнай рэсп/убліцы/ Югаславіі!

І хто ведае, хто на месца цяпер/ашніх/ лідэраў — заўтра.

Менск. Я паўтару тое, што пісаў Ельцыну і Руцкому 23 жніўня і гаварыў на сесіі ВС СССР: ядзер/ную/ зброю нельга перавозіць за Урал, яна адразу павінна знішчацца: і «беларуская», і «укр/аінская/», і «казахская». Але і гульні з тым, каб гэты шчыт займець, трэба спыніць.

А яны вядуцца. Паслухайце Краўчука, Назар/баева/. І наш Кебіч тры бел/арускія/ грошыкі кінуў.

Хто трымаецца за ядзер/ную/ зброю, баюся, не гатовы да самаст/ойнасці/. А толькі да ўлады гатовы…

Беларусь не павінна азір/ацца/ на Казахстан… Прэамбула. Адмов/іцца/ першая.

Там своя мусульм/анская/ политика. Ну, а мы с Укр/аиной/? Мы Европа и должны вести европ/ейскую/ политику. Тем более, что мы помечены [Чернобылем].

Калі ёсць нехта, хто са мной згодзен, заклікаю — выкраслі з усіх спісаў галасавання любога — правы, левы, верхі, ніжні — хто хоча зрабіць Бел/арусь/ ядзер/най/ дзярж/авай/. Гэта самы вялікі непрыяцель бел/арускага/ нар/ода/, якія б абяцанні ні даваў і чым бы ні казыраў!

Не вяжыцца з абліччам Кебіча, чал/авекам/ практычнага розуму. Але, мабыць, пабыў каля Назар/баева/. Ліічыць, што трэба трымацца адной лініі. Не трэба нам яе трымацца. Мы — Еўропа і павінны еўрап/ейскую/ палітыку праводзіць.

14.09.91 г. Томск, гостиница.

Сейчас по телевизору услышал: Ельцин предложил Западной/ Европе безо всяких переговоров уничтожить тактическое ядер/ное/ оружие/. Оно в основном у нас — в Белоруссии.

23-го августа 1991 г. во время встречи-обсуждения, как веста

себя депутатам на сессии ВС СССР, я подал на [Руцкого] и Ельцина имя обращение свое на эту тему: угроза получить в самостоятельных респуб/ликах/-государствах, если там законсервирован будет коммунист/ический/ порядок, ядерных шантажистов.

Предложение: не вывозить это оружие в Россию, (напр/имер/, из Бел/аруси/), а **уничтожать немедленно**.

В рамках договоренности: Горбачев-Буш, а то и помимо ее. (Потом об этом в «Мегаполисе-Экспресс»: «Брось чемоданчик!»[169]). И два выступл/ения/ по ТВ.

Кто знает, может, и это оказало действие на решение Ельцина. Если да, что ж, будь доволен, Адамович. Будь.

Почему-то думаю, что запис/ные/ книжки уцелеют.

Связь АЭС и бомбы… Ведь без безъядер/ного/ статуса невозможно объективно и к АЭС. Челяб/инская/ трагедия — это результат созд/ания/ ядер/ного/ оружия.

Учит/ывая/ эту связь… Бел/арусь/ ждетуничтож/ения/ ядерного/ оружия — у себя. Укр/аина/. Кравчук[170] — тоже. Казахстан заворожен возмож/ностью/ стать ядер/ной/ державой.

Киев. 29.9.91 г.

Для Бел/аруси/ и Укр/аины/ — два пункта: безъядер/ный/ статус и отнош/ение/ к живущим на наших террит/ориях/ др. этнич/еским/ группам. Хочется, чтобы и мы, Бел/арусь/ (Нар/одный/ фронт), и ваш Рух оказались на уровне. Не наша забота — ядер/ное/ оружие, наша, но не сох/ранить/ и создать очаг напряж/енности/, а сократить мир/овые/ запасы на нашу долю.

Сегодня одна из опас/ных/ игр — ядер/ные/ амбиции, очень хочется верить, что не купимся — ни мы, бел/орусы/, ни вы, укр/аинцы/, ни казахи — на этот крючок. И если бел/орусский/ народ пожелал бы статуса ядер/ной/ державы, я выст/упил/ бы против, пусть даже народа. Хватит нам: и нам, и вам мир/ного/ атома.

Будем считать, что Буш откликнулся на предложение уничтожить то оружие, к/отор/ое на чужой территории — для Москвы: это «украинское» и «казахское» ядер/ное/ оружие — и «малых калибров» боеголовки-ракеты (у нас — «белорусские»). Теперь наш ход.

3.10.91 г.

Кебич об атом/ном/ оружии: Бел/арусь/ не хочет брать на себя заботы и пробл/емы/ ядерной державы. Но… есть НАТО, и

Бел/арусь/ с Укр/аиной/ — ядерный щит против. Т. е. Бел/арусь/ примет на себя удар, если что-то у России не заладится с Западом? Хитрит Кебич. Прав был Адамович, предупреждая об играх вандейцев. Соблазну укр/аинцев/, казахов, белорусов поймать медведя за хвост. Как было с амер/иканцами/ и советскими. Натешились!

Бачыце, і тут гульні, і ў белар/ускага/ кіраўніцтва. Хацелася б, как яны не зацягн/улі/ кагось з Нар/однага/ ф/ронту/ ў такія гульш. Цвёрда: ні адной шахты, баегал/оўкі/ у Бел/арусі/.

Заявл/ение/ Горбачева — это касается Бел/аруси/ в первую очередь. От дем/ократов/ зависит, чтобы не началась игра, в том числе и про НАТО, и мы — передовой рубеж.

Не 10 чел/овек/, а 10 тысяч — номенклатурное бомбоубежище под Москвой.

Республ/ика/, не готовая объявить и провести на деле безъядер/ный/ статус, недостойна самост/оятсльнос/ти, она опасна для соседей и мир/ового/ сообщества!

Мы… еще не знали, что точно так же действовал и разговаривал в Ам/ерике/ автор (которого в 91 г. я принимал в гостях) кн/иги/ «С/удьба/ З/емли/» Дж. Шелл. На вопрос: ну, а если бы рус/ские/ сбросили бомбу на Нью-Йорк? Моим патриотам он ответил: «Я всё равно не сброшу на Москву»…

Три пункта, три условия:

1. Всё ядерное оружие Беларусь ликвидирует — с помощью мирового сообщества.
2. Мировое сообщество (конкретно: ООН, НАТО и т. д.) гарантирует Беларуси защиту от любых ущемлений или покушений на ее территориальные/ интересы и пр.
3. Столько же средств, сколько Запад даст на избавление от ядер/ного/ оружия (или какую-нибудь внушит/ельную/ сумму), будет выделено на ликвидацию послед/ствий/ Черноб/ыльской/ катастрофы.

Всё это в интересах мирового сообщества: пример для всех других стран (Украины, прежде всего), готовых расстаться со статусом ядер/ной/ державы.

14.12.91 г.

26.12.

Хорошо быть записной книжкой Бога! — мысль, вылетевшая откуда-то из сна.

1992

06.01.1992.

Написать посткомментарии к «Посл/едней/ пасторали» — как то видится отсюда, когда развалилась система ядер/ного/ противостояния. И мир, видимо, спасен, хотя и могут быть локальные ядерные схватки. Жизнь пошла др. путем — цена за это заплачена нашим народом, он заплатит и еще как. А всё равно мир спасен. Что, пожертвовали собой, страной, историей? Но это меньше, чем физич/еское/ самоубийство народа во имя спасения человечества.

Начать: новое мышление — страшная вещь. Народ должен собой пожертвовать. Спор о втором ударе, в «Последней пасторали» говорится об этом.

Народ, страна пожерт/овали/ собой: должна была развалиться какая-то часть, полюс взаим/ной/ погибели. Развалился наш. Пожертвовали! Да хотели ли? Горбачев, пацифисты, народ. Зн/ачит/, где-то глубже — **да, сами, сами.**

Начать с парня из Чернигова. «Не нажать»… Но, значит, народ жертвует собой — во имя того, чтобы род человеческий жил.

Треугольник в «Пасторали»: как это трудно — уступить «врагу», не убить, хотя убивая его, м.б., продолжение рода прерываешь…

Перестройка… Мигом забыли, что и родилась она не из-за сниж/ения/ доходов государства… А из ощущения вот этой ситуации: миг — и погибель.

… Жертва, к/отор/ую народ несет, принес — во имя чего? Зажить получше. Да нет: спас род человеческий. Такой ценой? Но от чего спас! Люди должны сознавать это.

Поэтому так дико прозвуч/али/ претензии [новых политиков] на атом/ное/ оружие… Они обессмысливали жертву народа, к/отор/ый спас себя и всех — такой ценой. Разора, распада…

Когда всё минет (рынок, голодуха, растер/янность/, сама память о перестройке) выпятится это — великий инстинктивный подвиг той половины человечества, к/отор/ая прошла через всё — ради жить при капитализме? — да нет: чтобы уцелеть человеку не этой земле. А ведь можно уже сегодня измерять свои беды. Да не ради капитализма! Плата за право еще 800 поколений жить. Такая цена. Да разве это цена? В сравнении: не нажать в ответ и

погибнуть. Это был бы еще лучший вариант. А кто-то, возможно, уцелел бы в Австр/алии/, на Огн/енной/ земле…

А сейчас (13.1.92 в 18.30) позвонил Горбачев. Приободрял я его. На столе у меня лежит начатая статья[171]: о том, что наш развал, как ни тяжело, спас мир и нас от неминуемой катастрофы, от срыва в никуда и навсегда. И это связано напрямую с действием (и бездействием) человека, с которым я только что говорил. Я ему посоветовал улыбаться. Через него сработал инстинкт самосохранения человечества. Через него. А остальное, его где-то правота или неправота — какое это будет иметь значение?

Статья в «Мегаполис — экспресс» снова о ядерных делах, написанная **до того**, как Ельцин выступил со своей инициативой, в ней как раз я призывал к такой инициативе (напечатана будет уже **после** его поездки на Запад) написана благодаря больнице? Т. е. благодаря болезни. Что предпочел бы? Нет, не скажу, что статью. Но и без нее… Т. е. без болезни, но все-таки со статьей…

5 мая. Подмосковье.

Не бросайся вперед за «близким» успехом: получ/ил/ бронетехн/ику/ и вперед! (Азерб/айджан/, Кишинев, Грузия). И для России это опасно: успех первый — это ловушка, как выигрыш у жулика. Потом, увлекшись, проигр/аешь/ обязат/ельно/.

Не дай Бог, с ядер/ным/ оружием так.

Те, кто хотят отстаивать Ел/ьцина/, а, зн/ачит/, и его программу/ сокращ/ений, получат ядер/ный/ югосл/авский/ вариант из 4 респ/ублик/ ядерных. То, что подписали с Бушем — это не разоруж/ение/ перед США, а с помощью США разоруж/ение/ друг перед другом. Если кто и сбросит бомбу, то нац/ионально/ разъяренные соседи. Если готовы плотины рвать и что угодно, что удержит от чувства мести: и нам, но и вам!

Если система — компьютер, то Горб/ачев/ внес в нее компьютер/ный/ вирус общечеловеч/еских/ идей (Не убий! и про ненасилие). И всё пошло вразнос.

29.11.1992 г.

Использовать козырь — первое в мире государство, к/отор/ое само отказывается от статуса ядер/ной/ державы. Кто первый — Укр/аина/ или Беларусь? Я верю — Беларусь.

Ясно, что сила инерции разоружения, если она наберет

энергию, потащит мир и дальше, но не к пропасти, а от нее. За эти 10 лет. И тогда будет, видимо, иметь значение: кто первый, какая из стран сама первая отказалась от ядер/ного/ оружия. Я хотел бы, чтоб не только политик Кравчук гов/орил/ об этом (он может и поменять «позицию»), но и Драч, но и Щербак. Именно в этом видели бы величие Укр/аин/ы. А я величие своего народа, белорусов, Бел/аруси/.

А Олжас [Сулейменов] — Казахст/ана/. А рус/ская/ интеллигенция, русские — России. В этом, в этом величие в будущем/, а не в горах оружия!

НЕ УБИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Что спас Горбачев

К концу своего президентства М С. Горбачев вынужден был снова и снова объяснять, ради чего затевалась перестройка. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что инициатор и архитектор перестройки стоял среди рухнувшего здания и воодушевленно рассказывал, как это было важно — укрепить его фундамент, переложить, пересыпать стены…

А между тем было, есть нечто, что он действительно перестроил и спас (не он один, разумеется, но его заслуги особенно значительны). Но об этом почему-то говорил редко, мимоходом, без привычной увлеченности. А именно: как спасено было здание планетарное, возможно, будущее всего человечества. На путях той самой, вроде бы неудавшейся, горбачевской перестройки.

Так уж устроено наше сознание. О близкой болячке думаем и заботимся куда больше, чем о неизбежной катастрофе, поджидающей каждого, — о собственной смерти. А уж о смерти всего рода человеческого — об этом и вовсе не привычны задумываться.

Но вспомним то, доперестроечное время: советские СС-20, угрожающе нацеленные «на древние камни Европы» — на Париж, Лондон, Рим. Пять — семь минут подлетного времени, и американские «Першинги-2» обрушатся на Минск, Киев, Москву. Черные шуточки президента США, от которых американцы холодеют: «Пять минут назад я приказал бомбить Москву». И не менее жуткие «успокаивающие» заявления тогдашнего вице-президента Джорджа Буша: нет, 5 % американцев все-таки выживут…

Уже становившееся привычным безумие, когда ученые-футурологи спорили: 60 или 70 процентов зато, что ядерная война не начнется в этом году. Соглашались, сходились на сорокапроцентной вероятности всеобщей погибели.

Ну а что происходило за пропагандистским шумом о мире и разоружении, организуемым нашей стороной, тоже известно. За счет жизненного уровня трехсотмиллионного народа и разорения природы наклепали ракет и ядерных подводных лодок чуть не вдвое больше, чем Запад, едва не спровоцировали ядерную войну с кастровского «острова Свободы» и в Тайваньском проливе, упрямо двигая таран «социалистического выбора» в направлении всех континентов. А как же, нам отступать было нельзя, марксистско-ленинские законы «исторического прогресса» предписывали коммунистическое покраснение всей планеты.

Даже если кто-то и выкрикивает: лучше быть мертвым, чем красным!

А уж как отзвук этих московских забот, но на минском уровне, можно рассматривать мой, еще доперестроечный разговор в ЦК Белоруссии. Специально вызвали туда пацифиста, — вправить мозги. Что вы, мол, пугаете народ всеобщей погибелью? Совсем работать перестанут. И откуда вы взяли, что ядерная война загубит всех? И дальше бессмертная фраза — квинтэссенция номенклатурной мудрости ядерной эры: «Если от всего нашего народа останется десять человек, важно одно: чтобы они оставались советскими людьми».

Не думаю, что собственными мозгами сварили вы это, Иван Иванович. (Это я к Антоновичу И. И. обращаюсь, которого до путча страна не раз видела на телеэкране, изворотливо отстаивающего позиции полозковской РКП.)

Признайтесь, Иван Иванович, не ваша это, а по меньшей мере Михаила Андреевича Суслова[172] формула. Не по чину она была для вас в те времена. (И не «по бункеру».) Другое дело, когда вы стали членом полозковского политбюро, приобщились к московскому супербункеру, — тут бы я поверил, что сами дошли до столь людоедских рассуждений. Кстати, а сколько в сусловско-брежневские времена было членов и подчленов политбюро? Не удивлюсь, если ровно десять.

Что всё это было всерьез, несмотря на смертельный риск для самого рода человеческого, свидетельство тому — огромные атомные бункеры, которые номенклатура для себя готовила во всех наших республиках, ну и прежде всего в Москве. В десятки (если не сотни) миллиардов рублей обошлась система оповещения, позволявшая рассчитывать, что члены Политбюро успеют-таки захлопнуть за собой дверь супербункера.

Нажать, не нажать

Это была пора, когда высшим достижением мировой политики считалась доктрина возмездия: если вы ударите (или даже компьютеры сфальшивят), мы сокрушительным ответим! Да так, что ни одной букашки на всей планете сам Господь Бог не сыщет!

Может, это была чья-то фантазия, легенда, не вполне вписывавшаяся в «доктрину»: на океанской глубине висят толстые туши подлодок с ядерными зарядами, никакой связи ни с кем, лишь время от времени выбрасывают «буй», вслушиваются: жива ли еще планета? Если окажется, что уже пронесся ядерный смерч, команда немедленно наносит «удар возмездия», завершающий, добивающий. Чтобы уж наверняка.

Из чувства ужаса перед «доктриной возмездия» — в годы ее повсеместного торжества — возник замысел «Последней пасторали», которую я начал писать в 1982 году, будучи прикомандированным к белорусской миссии ООН в Нью-Йорке в качестве писателя-корреспондента. В начале 1987 года Сергей Залыгин[173] напечатал повесть в «Новом мире», и тут же раздался телефонный звонок из Чернигова. Молодой голос, не называя себя, сообщил, что завтра утром он хотел бы быть у меня. На десять минут. Поговорить. У него уже и билет на руках. Пришлось согласиться.

Я увидел молодого парня в джинсах, румянец во всю щеку, глаза живые, пытливые. В руках у него мартовский «Новый мир»; пока я готовил чай, он уличающе зачитывал мне мой же текст. «В нашем летающем гробу (в повести — американский „Шаттл“) тоже были свои философы. Тоже мучились, кто трус-предатель, а кто герой, если теперь одна бомба на всех. Врач наш — все рентгены-бэры у него в тетрадках — дразнил самых больших патриотов: „Вот ты как считаешь — отдельный человек ради народа жизнь отдать должен? Правильно, обязан — не радостью. Умничка! Ну а отдельный народ — во имя человечества? Разве он не такая же единица по отношению ко всему роду, как я и ты — по отношению к своему народу?..“»

Истинный герой у вас, укорял меня парень в джинсах, тот, кто не нажмет на кнопку. Даже в ответ на первый ядерный удар. Впрочем, вы прямо заявили об этом в «Московских новостях». А вот в повести: «Желающие называться трусом есть? А предателем? А подлецом и врагом собственного народа? Который **не нажал** в ответ, пожалел не свою часть человечества. Потому что другой, своей уже нет, не осталось».

«Не нажать, если другие уже нажали? Не мстить всему живому на Земле только за то, что кто-то и где-то не сумел договориться? Кому ты мстить будешь — уцелевшим букашкам и последним осколкам человеческого рода? По принципу: ах, ты по левой щеке планету, ну так я лупану по правой!»

И подытожил: автору не кажется, что своей «Пасторалью» он провоцирует противную сторону? Можете наносить ядерный удар, мы не ответим!

Я начал было терпеливо объяснять ему, говорил почти то же, что чуть позже, на писательском пленуме, выкладывал перед неодобрительно гудящей цэдээловской аудиторией — в ответ на упреки (из песни слова не выкинешь) Дмитрия Волкогонова (в то время — пуровского генерала), что, мол, один из уважаемых писателей «дошел до того, что…». Что заявил: ая не ответил бы на ядерный удар, даже по моей стране — не нажал бы! (Помню, сошел с трибуны, а мне знакомый критик-фронтовик и говорит: «Если бы это был не ты, я посчитал бы, что выступает предатель».)

Парень в джинсах выслушал всё, что я посчитал нужным ему ответить, вдруг извинился и сообщил: он перепроверял, испытывал меня. Потому что сам он думает точно так же. За что его из армии выгнали…

Потом он мне прислал стихи: искреннее и серьезнее о ядерном апокалипсисе, по-моему, в то время не писал никто. Вот как человека проняло, прохватило — «процесс пошел», как выражался Михаил Сергеевич. Понял, как и я: лишь шокирующие, пугающие всех заявления вроде наших могут понудить и других задуматься.

А я тем временем всё искал встреч с командирами подводных лодок, несущих космическую мощь, чтобы понять: на что могут рассчитывать пять миллиардов жителей планеты, нажмут или не нажмут те, у кого кнопка? Если прозвучит команда. «Вышел» на наших двух капитанов и на одного американца. Первый (наш, действующий) ответил: не скажу, они не должны знать, как я поступлю. Отставные капитаны (наш и американский) высмеяли мою наивную надежду, что не нажмут. Не для того военных людей готовили, не для того они служат: пуск! — и пошла! Каждый капитан с космической мощью в руках почти Бог — рассуждает лишь в пределах предписанной, поставленной ему задачи, цели, — остальное его не касается. Но ведь все сгорим, всё погибнет! А это уже дело политиков. Нажимайте на политиков.

Те, кто мог, делали это, воздействовали, нажимали на политиков. Был создан авторитетный Комитет ученых против ядерной угрозы («велиховский», а затем «сагдеевский»), который

начал активно взаимодействовать с американскими учеными и пацифистскими организациями. Был подготовлен совместный труд на английском и русском языках («Прорыв»), в котором ядерное оружие рассматривалось как единственный и главный противник, враг как американцев, так и русских, советских народов. Марш мира домохозяек получил мощного союзника — ученых. Борис Раушенбах, академик, который позволил нам взглянуть на обратную сторону Луны, произвел сложнейшие математические расчеты, которые не оставляли надежды на то, что «доктрина сдерживания» обещает человечеству что-либо, кроме неизбежной катастрофы. Следящие друг за другом электронные системы рано или поздно «объявят войну» друг другу, независимо от воли людей, политиков, военных.

Петля сдернута

У меня в шкафу за стеклом лежит искореженный взрывом «фрагмент» от нашей ракеты средней дальности — первой подорванной по соглашению Горбачева и Рейгана. Я специально летал в Казахстан, чтобы присутствовать при таком событии. Радости и надежд было много. Но даже такое соглашение мало что изменило: род человеческий остался смертным, заложником десятков тысяч боеголовок, по-прежнему нацеленных на весь мир.

Никуда не исчезли две мировые Системы: у каждой кнопка Судного дня, каждая готова ответить самоубийственным залпом по другой половине планеты, даже если придется умирать от собственной радиации.

Как было разорвать петлю, захлестнувшую горло рода человеческого? А. Д. Сахаров первый об этом заговорил: предложил выход через конвергенцию Систем — взаимопроникновение капитализма в социализм, и наоборот.

Помню, в 1988 году мы с Владимиром Синельниковым[174] брали интервью у горьковского узника, вернувшегося в Москву: речь зашла об этом. Сахаров стоял твердо на позиции конвергенции, хотя само слово это вызывало у номенклатуры глухую ярость. И, видимо, не случайно. Это Горбачев не понимал, а лигачевцы-полозковцы хорошо понимали: достаточно вынуть кирпичик, другой из их Системы — и рухнет всё.

Так и произошло: слишком много «кирпичиков» генсек и президент позволил выдрать из глухой ленинско-сталинской стены. Рухнула.

Такая угроза может вернуться: это весь мир ощутил 19 августа. И все-таки петля сдернута с шеи человечества. Теперь важно не позволить никому накинуть ее снова.

И сразу проблема гибели или спасения рода человеческого сместилась в иную плоскость. Она не снята окончательно. Но изменилось всё. Ядерный конфликт (локальный, типа хусейновского) всё еще возможен. И даже пошире. Но это уже не угроза взаимного добивания двух мощнейших систем, половинок земного шара.

Богородица не велит!

И вот вопрос: что все-таки произошло? Ведь никто не рассчитывал на такое всерьез. Чтобы без единого выстрела, толчка извне вдруг рухнула, казалось, несокрушимая мировая империя тоталитаризма, грозившая поглотить весь остальной мир. Помню страшноватый разговор с одним очень гуманным я мирно мыслящим человеком (это было где-то в семидесятые годы), который с отчаянием вдруг подумал вслух: ну что поделаешь, если спастись от этой системы бесчеловечной мир может лишь через войну? И вот не понадобилось. Какие-то внутренние, в общем, даже не сильные толчки, колебания — и система осела, посыпалась, как спитакские дома, стены, возведенные ворюгами-халтурщиками.

Мировые «революционные» амбиции расплющили, раздавили экономику? Ложь разъела всё и вся?.. Эти и подобные объяснения, аргументы можно множить, усложнять. Когда-то должен был этот экономический абсурд, репрессивный кошмар, бесчеловечный эксперимент над человеческой природой закончиться, лопнуть. Когда-то да. Но чудится помимо всех очевидных причин, и еще что-то воздействовало на ситуацию и внезапный результат. Ведь веб остальное могло еще длиться и длиться. Годы, если не десятилетия. За счет богатейших наших природных ресурсов. И за счет «ресурсов страха», инертности, покорности, накопленных за семь десятилетий и ценой чуть ли не ста миллионов загубленных жизней.

Но было еще что-то, что дальше ждать не могло. Или — или. Вопрос о жизни-смерти самой популяции homo sapiens, человека разумного, встал. А в таких случаях срабатывают механизмы и силы, не всегда объяснимые. Сокращаться начала популяция каких-либо зверьков, и тут же помет детенышей от каждой матки возрастает. Кто распорядился, кто повелел? Природа. Тоже ответ, но не очень вразумительный.

Когда-нибудь наука займется этим всерьез. И если ответит — да, то, возможно, одним из аргументов будет то, что случилось, произошло в конце восьмидесятых-начале девяностых годов: непонятным образом рухнуло огромное социально-политическое образование, и именно в тот самый момент, когда роду человеческому, всему виду homo sapiens реально грозило исчезновение.

Поэтому не кляните Горбачева, даже если вы самые большие патриоты. Не он главный «виновник» развала и распада, среди которого мы оказались. Вряд ли это он направлял события, если

по большому счету скорее всего действия и поступки его (а порой и бездействие, имевшее, может быть, еще большие последствия) корректировались неопреодолимыми силами, исходившими из глубин человеческого естества, инстинкта выживания не только человека, но и всего живого на планете. Можно допустить, что суммарное защитно-инстинктивное воздействие миллиардов видов и подвидов различных живых существ, жучков-червячков, на которых тоже упала тень погибели, было не меньшим по результату, чем деятельность всех вместе взятых депутатов.

Сегодня модным стало подчеркивать неадекватность масштаба личности «инициатора перестройки» и того глобального результата, который приходится признавать: изменен сам ход, само направление истории. И это всё он, Горбачев? Который то-то и то-то, такой-сякой? Скажем так: он — плюс всемогущий Инстинкт выживания рода человеческого.

Я привык всерьез относиться к тому, что пишет, говорит Валентин Распутин[175]. Даже если с ним не согласен. В «Литературной России» от 17 ноября 1991 года в его интервью есть такой абзац: «Деды, нередко по самому прямому родству, приняли коммунизм, внуки предали его анафеме — не те-де оказались исполнители. Но дело не в этом. Пока коммунизм исполнял роль разрушителя государства, пока он перемалывал народ во имя единого интернационального духа, он устраивал и западную демократию, и внутреннюю „передовую“ интеллигенцию. Всё было в порядке. Мы не хотим признать одну очень важную вещь, которая полностью изменила отношение интеллигенции к своему учению. Это было всё равно, что переварить атомную бомбу, но ценой огромных жертв и страданий. Россия переварила коммунизм и поставила его на службу своей государственности. Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желанного блага».

Не стану встревать в спор о будто бы предательнице-интеллигенции, только и мечтающей, как бы Родине было похуже. При случае, может быть, устно попытаемся с Валентином Григорьевичем вернуть какие-то общие позиции. Не все же они уплыли у нас из-под ног.

Но вот за что внимание всерьез зацепилось, так это: «Россия переварила коммунизм, и переварит атомную бомбу». Мысль странноватая, но попробую ее «переварить» — в развитие того, что я хотел в статье сказать.

Если вопрос ставится так: «государственность» надо утверждать любой ценой, даже в союзе с коммунизмом, т. е.

убийцей десятков миллионов граждан бывшего государства, тогда о чем разговаривать. Можно смело утверждать: никакие «координационные комитеты» из алкснисов и петрушенко под любыми фамилиями спасти такое государство не в силах. И нет будущего у республик-государств, пока они всё еще согласно «переваривают», усваивают коммунистические «традиции» структуры. История может горько посмеяться не только над демократами Средней Азии, но и Украины, Беларуси. Не меньше, чем уже посмеялась над Грузией. Это войдет в историю нашей перестройки: министр культуры принародно и сладострастно назвал себя рабом Гамсахурдиа[176], недавнего диссидента.

Нет, один народ не в состоянии переварить коммунизм и сохранить при этом способность к развитию, а следовательно, к самой жизни.

Восточная Европа это продемонстрировала (а Африка — еще раньше), мы это демонстрируем. И нет сомнения, что Китай, Северная Корея придут к тому же результату.

Это действительно то же самое, что «переварить атомную бомбу». Невозможно. Как сказано у классика: «Богородица не велит!»

Встал вопрос о жизни или смерти рода человеческого — что должно включиться? Какой механизм, инстинкт? У рода человеческого он есть, инстинкт выживания? На уровнечеловеческой особи — есть, на уровне племени, народа — ответить сложнее. Ну а в масштабах всего человечества, рода человеческого — как насчет природного инстинкта выживания?

Так что при всех бедах развала и чувстве безысходности, в которые погружаются сегодня души миллионов, надо всё же осознать, и это нам поможет выстоять, возродиться: страдают миллионы — спаслись миллиарды. От самой прямой погибели. (В их числе и эти страдающие миллионы.) Мы не рухнули. Мы спаслись. От куда большей и непоправимой беды. Народам, обретающим новую историческую судьбу, понадобятся снова терпение, стойкость, твердость. А силы-то потрачены и, кажется, что на исходе. Ну что ж, мы столь расточительно их расходовали, готовя себе и всему живому погибель. Так неужто пожалеем их себе во благо?

И вот встает вопрос о ядерном потенциале России. Если он будет вопреки всякой логике сохраняться даже в приближенном к нынешнему объеме, остальной мир свои ядерные силы будет удерживать на прежнем рискованнейшем уровне. И даже наращивать и

модернизировать.

Пойдет ли Россия вперед?

23 августа в Белом доме собрались союзные депутаты, участвовавшие в защите российского парламента, чтобы обсудить направление работы на предстоящей чрезвычайной сессии ВС СССР. Вел собрание Александр Руцкой. Ему я и передал записку для российского президента, смысл которой: грядет ядерный виток коммунистического путча. В нескольких «ядерных» республиках партократия вдруг страстно возлюбила суверенитет, теперь они располагают средствами шантажировать победившую демократию. Когда об этом же я заговорил по телевидению и еще на Съезде народных депутатов СССР, и еще на вечере, организованном радиостанцией «Свобода», кто-то из моих друзей не выдержал: «Кто о чем, а вшивый о бане!»

И тем не менее возвращаюсь к этой теме. Что произошло за последние месяцы на этом направлении нашей государственной жизни? Больше мы не слышим, слава Богу, от претендентов на президентские посты и от руководителей воинственных команчских выкриков: наша Бомба, не отдадим! А ведь до чего доходило. Один из потенциальных президентов объяснял народу: ядерное оружие — дорогая штучка, за так не отдадим! Второй: наша суверенная держава равнинная, черноземная, богатющая — каждый на нас рот раззявит, без ядерной защиты нам невозможно! Ваше есть ваше, а наше есть наше — твердо звучало из казахстанских степей. А руководитель белорусского правительства ничего новенького придумать не мог, так сослался на угрозу со стороны НАТО…

Я очень ждал, что именно Беларусь первая и решительнее других заявит о немедленном отказе от всего, что ей напоминает о чернобыльской катастрофе. Украина (отдадим должное) оказалась, прямо скажу, сообразительнее. Забрала приоритет безъядерной. А с белорусской родины вести самые невразумительные. Ну ладно, партократия, которая там сильна, как нигде. Так вот сюрприз — откуда не ждешь. Беру сообщение из «Российской газеты» от 11 января 1992 года (звонил в Минск: всё верно, выступал в белорусском парламенте авторитетный народнофронтовец Заблоцкий, это его расчеты, калькуляция):

«Группа депутатов — членов белорусской парламентской оппозиции от Народного фронта республики подсчитала, что при разделе имущества Вооруженных Сил бывшего СССР Беларусь может претендовать на довольно большой „кусок пирога“. По их мнению, республике должно принадлежать около 60 межконтинентальных баллистических ракет, 40 баллистических

ракет с разделяющимися боеголовками, установленных на подводных лодках, 5 атомных и 11 дизельных подводных лодок, 7 крупных кораблей, в том числе авианесущие крейсеры».

Что ты Гекубе, что тебе Гекуба? Это для чего же белорусу 60 межконтинентальных, да еще «разделяющихся» — кто нам на мозоль наступил на других континентах? Размах — имперский.

Неужто и мы заболеваем этой болезнью? Бред сивой кобылы, дорогие мои сябры по Народному фронту.

Жизнь показала и подтверждает: именно присутствие красного тоталитаризма на планете угрожало всеобщей погибелью. Распалась Система, и угроза тут же отступила, отступает с каждым днем. (По программам сокращения ядерного потенциала Америки можно об этом судить.) Повторим: угроза локальной ядерной войны еще долго, видимо, будет присутствовать в мировой политике. Но чтобы как было недавно: одна половина человечества готовит Судный день для другой (и тем самым — для себя), а другая — то же самое, это безумие, хочется верить, не вернется. (Хотя и 19 августа, когда всё могло повториться, мир не скоро забудет.) И вот с нами остается:

«Мы сидим за столом, пьем кофе и читаем газету, а в следующее мгновение можем оказаться внутри огненного шара с температурой в десятки тысяч градусов» (Джонатан Шелл. «Судьба Земли» — до сих пор не изданная у нас книга, сотням миллионов людей поведавшая еще в 80-е годы об истинных масштабах ядерной угрозы). Впрочем, небольшой спецтираж был напечатан для публики, приписанной к атомным спецбункерам.

Горбачевская программа: к 2000 году без ядерного оружия в мире — как никогда, близка к своему осуществлению. Хотя Горбачев, конечно, никак не предполагал, что прыжок к этому будет совершен через отказ от «коммунистической перспективы».

Сегодня нужна новая программа, дабы процесс ядерного разоружения был адекватен новым социально-политическим условиям, возникшим в России и многих сопредельных государствах.

Начало таким действиям, новым инициативам положено, ну хотя бы президентским заявлением о том, что российские ракеты больше не нацелены на американские города. Но на чьи же города их нацеливать теперь, раз они всё еще есть у России? СА есть, существует — следовательно, чьи-то потенциальные удары всё равно притягивают и провоцируют. Раньше, когда бредили «капиталистическим окружением», свои многочисленные ракеты, заряды расставляли, нацеливали исходя из количества «врагов», а теперь как будем — специально придумывать, изобретать «врагов» под количество сохранившихся ракет?

Именно смелые действия инициативы России способны создать новую «тягу» — во всемирном процессе окончательного избавления от угрозы для самой жизни на планете.

В чем эта инициатива могла бы состоять? Недавно «М-Э» («Megapolis-express») напечатал статью-письмо «Слепые ястребы». Под ней подписи Е. Велихова, В. Гольданского. Б. Раушенбаха, А. Яблокова. Если вспомнить еще академика Н. Моисеева, то это как раз те авторитеты, которые сегодня выступают за «оонизацию» ядерного оружия. Национальные ядерные арсеналы по мере сближения декоммунизированного Востока и демократического Запада всё больше будут расцениваться как анахронизм времен варварского противостояния Систем. Пока будет ощущаться нужда в каком— то количестве ядерных средств (дабы вразумить потенциальных Саддамов), они должны быть в распоряжении международной организации — той же ООН. И кто-то должен показать пример смелого продвижения к такому состоянию в мире. России (и Ельцину) эта инициатива, миссия очень подошла бы. Во-первых, всё еще одна из сильнейших ядерных держав (слабый за собой не увлечет других). А во-вторых, сама экономическая ситуация к этому понуждает. Правда, существует и такая точка зрения на нашу ситуацию: а кто бы с нами возился как с писаной торбой, когда бы не беспокоились о судьбе нашего ядерного арсенала? Хороши же мы, если такими глазами смотреть: в одной руке шапка, в другой — пистолет. Помогите, кто жить хочет! Нет уж, избави Бог нас от соблазна такого «сотрудничества» с миром, такого «вхождения в цивилизацию».

Спаслись, спасли планету через крушение коммунистических режимов — раз это произошло, давайте продолжим историческое движение к цивилизации XXI века: покажем человечеству пример в ядерном разоружении. С передачей своей квоты Организации Объединенных Нации и полным уничтожением (с помощью мирового сообщества) тысяч боеголовок, всегда грозивших и всё еще грозящих прежде всего нам самим, — а в нашем развале особенно. Это неизбежный процесс и путь для современного человечества. Так пойдем же впереди — тут-то мы имеем такую возможность.

[1992]

ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

Последняя ли пастораль?

(Из интервью)

… — Поговорим о вашей «Последней пасторали». Несколько неожиданное произведение — и жанр, и название.

— Только первые свои вещи я называл уверенно романом, повестью. Чем дальше, тем «индивидуальное», что ли, мои жанры, то, чем занимаюсь я сам или с соавторами: «жизнеописание», а если «повесть», «пастораль», то в само название хочется вогнать

— Хатынская (повесть), Последняя (пастораль). Наверное, это понятно: даете выкричаться Хатыням или ленинградской блокаде и вдруг обозначаете холодным — «повесть», «роман». Перо, рука не поворачивается.

Если бы я несколько не разрядился на ту же, что и «Последняя пастораль», тему в алармистских статьях, выступлениях — о ядерной угрозе, наверное, не вышел бы к столь мирному жанру, как пастораль. Хотя и особенная пастораль, конечно, — ядерная, а точнее — послеядерная.

Начал я писать ее, сидя в Нью-Йорке на 67-й стрит: каждый год белорусская миссия при ООН приглашает потрудиться во время сессии Генеральной Ассамблеи одного писателя, журналиста. Дошла очередь и до меня.

Ходил на службу в знаменитое здание ООН, в свой «четвертый комитет», из года в год занимающийся больше всего проблемой Намибии, деколонизацией еще сохранившихся на планете позорных для человечества очагов рабства.

Ежедневно перед глазами два световых табло с названиями 158, кажется, стран, соотношение трех цветов на них при голосованиях — красного, желтого, зеленого — отражает сложнейшую комбинацию, игру международных, межнациональных, классовых страстей, интересов, предрассудков.

Каждый день с глазу на глаз с человечеством!

Может быть, отсюда и замысел: судьба человечества через последние страсти нескольких человек. Как можно лаконичнее. А поскольку в ядерной войне, если бы она случилась, сошлись бы, сгорели, исчезли все начала и все концы человеческой истории, видимо, непроизвольно у меня возникло желание возродить и использовать один из самых древних, ранних жанров литературы — пастораль.

Ну, и еще одна задача, цель: выразить весь трагизм грозящей

человечеству катастрофы не через ужас рукотворного апокалипсиса, а через последнюю капельку жизни, случайно и на короткий миг уцелевшую на ядерной сковородке: и вот этим вы пожертвовали? Ради чего?! Собственно, и этой капельки уже нет; а есть три лучика угасающих сознаний, случайно перекрестившихся в обезлюдевшем пространстве, последняя вспышка того, что философы называют: осознающая свое существование материя.

— В одном письме читательница, поэтесса назвала «Пастораль»: «песнь песней конца света»… Может быть, это даже точнее определило бы жанр?

— Возможно.

— Судя по датам ваших вещей (первый партизанский роман-дилогия писался более десяти лет, «Хатынская повесть» — шесть, «Каратели» — восемь), вы из «долгостроевцев». «Пастораль» тоже писали долго?

— Прежде меня это никак не волновало. Долго, по капельке, ну и пусть. За тебя уже сделали — раньше прошедшие. Или Быков сделает, Распутин, Гранин, еще лучше. Психология действительно иждивенца. Но эту вещь, «Пастораль», писал с другим ощущением, как бы это сказать, — абсурда. Мое привычное долгописание пришло в противоречие с темой, замыслом, **чувством вещи**; надо, надо успеть передать другим, читателю, молодому особенно, свое ощущение тревоги за следующий миг существования рода человеческого. Но писать стремительно, быстро умею лишь статьи, а чтобы возникла повесть, нужно, чтобы — как образуется сталактит в пещере — по крупице нарастала масса, и ускорить никак невозможно…

… Скажу только, что не эта наша утробная философия, пословица: «плюй на усё ды беражы здароўе» — не самые мудрые белорусы ее придумали и притом задолго до бомбы, — а именно те книги, фильмы, те люди, ученые, писатели, публицисты, которые **не побоялись испугаться бомбы** и неотступно пугать других, помогай, наконец, даже самым твердолобым политикам, военным осознать главную истину: ядерная война никому не даст победы, она — высшее безумие и преступление!

— Делать героем своего произведения человечество — наверное, тут прямой риск размывания конкретного чувства, потери красок национальных, индивидуальных?

— Все это так, риск есть, именно тот; о каком вы говорите. Задача: сохранить и национальное, и индивидуальное, и особенное и всё же говорить о человечестве. Нелегкая, разумеется, задача.

Так же как совсем нелегко это — вопреки привычному

взгляду — **любить человечество**. Часто приходится слышать: легко всё человечество любить, а ты полюби кого-нибудь рядом живущего! Привычно повторяем, не задумываясь, не взвешивая, не заглядывая в себя. Любить — это, прежде всего, жертвовать. Притом — всем. Жертвы беспредельные ради народа своего, нации — сколько примеров в истории. Ради близкого человека — тем более.

Ну, **а всем** пожертвовать ради чего-то, всё еще кажущегося абстракцией, — ради человечества? Где примеры? Значит, это и есть самое трудное: действительно любить всё человечество. А в нем — и свой народ, и своих близких.

Поэтому совсем не удивительно, что делать героем произведения само человечество — слишком это непривычно не только уму нашему, но и чувству.

Ну, а если это уже необходимо?..

К «ПОСЛЕДНЕЙ ПАСТОРАЛИ»

(Из записных книжек)

1981

5.12.81 г.

В развитие того, что написал в телеф/онной/ кн/ижке/ 4-го дек. — «Дети Авеля».[177]

Он и Она — любовь, как бы **вспоминающая**. Послеатомная. 25 лет спустя. Он подобрал девочку, вырастил, и теперь она ему возлюбленная. Но и как бы дочь. **Вспоминающая жизнь** — после катастрофы планетарной. А где-то там — «Каиновы дети». Народ, «победивший» в атом/ной/ схватке. И не знают, что они остались потому, что «дети Авеля» в послед/ний/ момент не сделали с ними того, что те («Каиновы») старались изо всех сил, — не убили их. Чтобы хоть через «Каиновых детей», но сохранился род человеческий.

А Он — знает. И Ей (тянущейся туда, к уродам — все-таки сказалась и на них их «победа») — рассказывает, **кто** победил. Чью победу люди празднуют, даже не зная, кто их сохранил, оставил им будущее. А это те, кто принес себя в жертву, только бы не исчезли **все**.

Психология, героизм, трагедия, эпос, прежде немыслимые. А сегодня разве мыслимые другие — если ощущать всё до дна?!

Ключ к «Пасторали» («Авель») — она всё повторяет, что это ей принадлежит, только ей, хотя никого уже нет вокруг (Адам и Ева), это в них было всегда и вот теперь тоже — и это щемит, мучит Его память.

И так многое: через ее женское естество дается вечное, а вечности-то и нет для послеатомных людей.

1982

К повести. После атом/ной/ войны растут сумасшедшие цветы. До жути и отвращения их много, странных, больших, напомин/ающих/ о вспышке. И на этом фоне — их, последняя любовь на земле… Всё последнее: поцелуй и т. п…!.. когда пришел другой — оттуда, где выжили, а потом погибли, понял,

кто-то «не нажал». И род счастлив, что **живы они, враги (а, значит, род человеческий**). Соперники и дуэль. Теперь самому выбирать…

А начать с цветов и любви. Странной, искушаюше последней, щемяще последней — за всех! И больше это никто не испытает!

10.4.1982

Любовь и доброта — вопреки всему. **И не думать, не помнить**! Но вот эти цветы! Каждое утро он выкашивает их и сгребает в овраг. А они — снова, за ночь. (И начать с этого — кругом, как стена — цветы, а ой косит их, он хочет поспеть, пока проснется **Она**, выкосить и убрать их…)

Чувство любви не есть чувство, к/отор/ое усиливает инстинкт выживаемости рода. Любовь уже над этим, м/ожет/даже быть против инстинкта. В этой женщине: миру погибнуть или любви? Впервые такая дилемма перед чел/овеком/. И она: миру погибнуть!

Да, Она любит Его, а не пришельца из племени Каина. (Они — «Дети Авеля»). Но Он-то знает, что они не могут род продолжить, и хочет толкнуть ее к пришельцу. Пусть от него, но род-то человеческий.

Гнев женщины. Для нее это немыслимо и там, в тех условиях, когда — любовь. Но мстя Ему, Она дейст/ительно/ уходит к тому. И вот тут-то дуэль в послед/ний/ момент, а если убью всё человечество?

Два чел|овека| остались, один пережил атом/ную/ войну, другой (она) нет (не помнит).

Всё, о чем здесь рассказано, могло бы быть правдою, если бы не самая большая неправда: что уцелеют и смогут жить двое или трое, если всё же произойдет самое ужасное. Тогда о чем повесть? О послеатомной реальности? Нет, о людях. О сегодняшних. Они есть и были всегда.

Нью-Йорк 22.9.82 г. Миссия ООН.

Сегодня у Него и Нее — тот день. Ей 17 лет, А до того — с 2 лет — она была его ребенком. Теперь станет его возлюбленной.

А потом — матерью? По чувствам.

И расчет в его любви — новый род начать. Адам — Ева!

У нее — первый раз, с этим ужасом и ожиданием. А у Него —

последние, м.б., человеч/еские/ чувства во вселенной.

Но ведь от первого лица! Не так ли?..

Не трава это, не цветы! Коса звенит как от удара о проволоку. Не ссекает, а сбивает… Пожалуй, это грибы, сделанные под цветы, огромные, желтые. Да, сделанные, навязанные на проволоку, как делались когда-то мертвые цветы, искусственные, их не дарили живым, ими украшали смерть…

Или: сцена любви. С подробностями вроде бы натуралистическими, как в «их» порно, но чтобы это стало поэзией. Возможно такое? Видимо, возможно (помнишь, у [Максима] Богдановича, записки), если за этим — щемящее **чувство последнего, такое было, но это, м.б., последнее на Земле**!..

… Как этого добиться? — вот задача.

От родины, от того, что была родина, осталось только это — картошка. Но почему — ее, если не ошиб/аюсь/, привезли из доколумб/овой/ Америки.

Сам о том: помесь пасторали и робинзонады… Нелепая смесь, бессмысл/енная/, послеатомная.

На Ее вопросы: «Как это случилось, могло случиться? За что друг друга и всё уничтожили». Я поясняю, а Она — не понимает. Всё так нелепо — аргументы людей, требовавших вражды и вооружения, казавшиеся им когда-то убедительными.

Всегда было, что все себя считали во всем правыми, а других — всегда обидчиком. Вот и ты — разве ты не способна себя оправдать во всем? Они слишком долго жили племенем, родом, народом, нацией и т. п. и слишком мало — человечеством. Не успели настолько же ощутить самоценность себя как человечества. И когда подошел момент — ни те, ни другие, ни третьи не ощутили действительно, что, убивая другого, во имя справедливости, конечно, и каждый был прав и уверен, что начал не он, а начал потому, что другой его вынудил, — так вот, нажимая нацеленное в другого, не ощущали, что это — в меня самого нацелено… И каждый старался, готов был заранее убить не меньше, чем другой — самого себя. Человечеством — по психологии — как были народом, нацией, так и не стали. Не успели…

… Потом будет логика и будут страсти: когда втроем! И весы — что победит. Разум? Страсти?

Они станут к барьеру, целиться будут, его колебания, героя моего, на этом оборвать. Кто выстрелит и выстрелит ли вообще.

На этом!

… Вот испытание своих же слов о том, что чел/овек/ считает важнее: свое личное или всего человечества касающееся. Как поступить? Оборвать на том, что целятся?

Дать:

радость любви,

радость работы,

радость думать,

радость просто видеть мир,

радость и т. д., и т. п.

И заглавие: **Дети Авеля, или Счастье жить**.[178]

… Она — между двумя. И все мысли мои меняются. Радость, что нас трое, сменяется тревогой, потом ревностью и уже соперничеством.

Она его, Третьего, ненавидит. Вроде бы я уговариваю: ну не столько нас **на земле**, чтобы позволять такую роскошь — ненавидеть кого-либо…

… Нужна фраза-рефрен, равная: «Да святится имя твое!..» Со словом «брат»… Или: ты и я — мы одних кровей!

Ты и я — мы одно.

Брат, без тебя мир пуст… меня нет… я себе не нужен… останься хоть ты.

Брат, оставайся хотя бы ты!

Брат-враг, хотя бы ты оставайся, и я — в тебе!

— Ты мой убийца, Каин, но в детях твоих, внуках я возникну снова!.. Ты моя единств/енная/ теперь надежда…

Каин, ты брат мой! Живи хоть ты, Каин! Роди и моих детей, брат мой Каин!

Роди детей моих, Каин!..

Что вмешается? Цветы? Они, должно быть, объективизация чего-то, что в самих нас. Они и союзники, и враги наши…

… Да, через цветы. Вначале — это просто цветы. Хотя и зловеще непонятные, как бы из «фантастики», но и «генетика» атом/ного/ века, мутация.

Потом в них, через них — то, что происходит в людях, с людьми. «Объективизация» или лучше — экран в них происходящего.

Первый намек: они появились в ту ночь. (Что это — Ее внутр/

еннее/ состояние, вначале ей непонятное?)

Они «аукнутся», когда появится Третий…

Он тоже выстрелил и с последним ужасом просит: не надо! Не надо! Смотрит, упадет ли — с мольбой, ужасом: «Ну, хоть ты не падай!» Падая, молчит. И еще: «Боже, роди моих детей!»

Я и сам иногда гов/орил/ с Нею на этом языке — на этом и др/угих/. Какие-то фразы. Мы тем, м.б., неосознанно разрывали кольцо полного одиночества. Одиночества народа — пусть из Адама и Евы состоящего — на пустой земле. В Библии: как Адам почув/ствовал/ себя одиноким и Бог создал Еву.

Но они не помнили, что уже были — что уже 6 млрд. было. Мы знали, помнили.

Как мешали порой друг другу: народы, соседи! Потому что не верили, что можно в недавней «коммуналке» остаться в один миг — одинокими…

Да, нас теперь трое. Отныне — трое. И всё изменилось. Я это чувствую, хотя он еще не сказал ни слова. Не сделал ничего.

История началась с третьего. Пока двое, истории нет, не было и в Эдеме.

Нужен кто-то, смотрящий посторонним взглядом…

14.10.82 г.

Вторую часть в третьем лице?…

… В третьем лице интересно и потому, что **никаких желтых цветов** не видно нигде. Островной пейзаж.

Чел/овек/ занят у костра, угли. А на др. конце — двое. Заняты семейной трапезой.

Начать с эпически обстоят/ельного/ описания этого самого острова.

И потом только свести с тем, о чем в первой главе — что это и есть те, трое.

Давно думаю, что назвать можно и так: «Желтые цветы». Чтобы не так в лоб прямо, как «Дети Авеля».

Представляет, что убьет полчеловечества, ведь их только двое! Но понять это мешает боль, обида, чувство правоты. А если я стерилизован — то и всё человечество. Но правота!

Кончить, б/ыть/ м/ожет/, так: «Этого, конечно, не было. Но главное и быть не может: не уцелеть, не спастись от радиац/

ионной/ смерти даже двоим-троим не удалось бы!»

Помнит, что читал: взорвать одну водород/ную/ бомбу, и на Земле генетичес/кие/ уродства так же стали бы распространенными, как и рак сейчас.

Это — одну!

Стоят друг против друга. Внезапный страх, что убьет! Не его, а он убьет. Его — но как кого-то. И звука боязнь. Снова впервые прозвучит. И сейчас после всего, что уже было, какой это страшный звук — выстрел.

Из «Песни Песней» — в повесть. И — Купалы. Они как бы перед целым миром, которого нет.

Читает ей стихи — «Она и Я».[179] На бел/орусском/. И Дездемону — на английском.

1983

Эпиграф к повести: «Дети Авеля»: «Прежде всего запомните: мы будущего не описываем — мы его предотвращаем» (Рэй Брэдбери).

А если устроить второй апокалипсис. После дуэли, когда Он всё же стреляет и…

Сообщить: на дне моря установка (одна из немногих), мстительный разум создал их, чтобы каждые 20 лет они взлетали, снова и снова, и рвались над победителями. Установили их как раз сами победители, но снять не сумели, не смогли, потому что вымерли от послеатом/ных/ последствий.

(Питаются Он и Она — насекомыми, травой — и всё).

Дж. Шелл. Судьба Земли.

Сначала тысячи солнц, а затем — тьма кромешная. Остаются — трава и насекомые (пища). Тихие процессии, безумные. Огненный шторм над лесами. Радиация съедает и растения (деревья, травы).

Разруш/ена/ противосолн/ечная/ защита, и все ослепли. Животные, люди. Планета слепых!

(А не этим [ли] кончить [повесть]: готовится к дуэли, и тут — приходят оба, ищут его — ослепли. И сам, чувствует — слепнет. И с насекомыми то же происходит — слепнут. Этим и кончить.)

А что если повесть назвать «Героическая кровь Каина»[180] (из Гердера[181])?

Ева дала начало (биологическое) роду человеческому, потому что не умела и не хотела думать о последствиях — т. к. была женщиной. И эта, моя, не думает и готова закрыть род человеческий, и тоже потому, что женщина. Так кто же они и что? Из «антимира» и т. п. бреда.

1984

… Теперь — атомная тема. Но довольно других уговаривать словами (публицистикой), надо делом, самому (повестью, которая залежалась в столе).

Возвращайся, друг, к «Героической крови Каина».

8.8.84 г.

«Атомная зима» — лед, снег. «Марсианская» пыль, буря над землей покроет лед плотной подушкой.

На этом «ландшафте» жизнь острова, где Он и Она.

Похолодание на острове запоздало на 2 месяца. (За счет океана).

1985

14.1.85. 9.35 утра.

Эврика!

Не так повесть! Всё это в бредовом сознании подводника, залегшего на дно, пока там наверху творится. И остров, и всё остальное — вся пастораль.

Ему положено дать последний залп. Ему кажется, что по тому острову. По себе.

И он дает!..

И с этого началась война. С этого!

14.05.85 г.

Повесть — бред, бред — пастораль, пастораль — сон и т. п. Вот форма повести. Всё это рисуется в затуманенном удушьем сознании капитана ядер/ной/ подлодки, легшей на дно и ждущей своего часа: дать залп 3-ой мировой войны, когда противник уже весь потратится.

Но это поймет читатель лишь дочитав всю историю Его и Ее и Третьего. Он — это и есть капитан в его сне-бреду, Она — она, а

Третий — не русский ли?

И вот он дает залп — возможно, по тому самому последнему очажку жизни.

И вот Она — старуха. Их работа. Оба они — Каины. Монолог об этом!

1986

Прокляни день твоего рождения и умри! (Из книги Иова.)

Если бы мне было, кого проклясть, кроме себя! Нет же, все они, все спрятались в небытие, в смерть, меня оставили — мстить. Кому, за что?.. Ей? Себе?.. О, Каины, что мы творим, натворили? Создали всё, самого Бога, чтобы было что рушить. Да, таким Каинам надо было раньше выстроить Вавилон, чтобы чувствовать/ себя всеГеростратом!..

А что если дать сцену ссоры из его прошлой жизни, реальную, другую, с другой. Чтобы «резьба» не совпадала, «пазы» не заходили откровенно? Что, из «Асии» [повесть А. Адамовича]? Вот бы начало получилось. Или вчерашнее?

А что если эпиграф общий:
$E = mc^2$…
Бог коварен, но не зловреден.
(Альберт Эйнштейн).

А если окончить — эпиграфом о времени живом и мертвом, ракета улетела и не вернулась… ахнет!

И после этого: сегодня… я дописал последние слова повести и понял, что нужна вот эта 15 глава, хотя бы вот эти слова. Да, когда время мертвое, а люди еще живы — как в повести — остается от жизни одна лишь тень, пусть в красках, в запахах, в звуках.

Ну, а мы, мы-то в каком? И позволим ли себе загнать себя в тупик, в мертвое?

Ракета улетела… жди взрыва, назад не вернешь!..

А может Природа воспротивилась в Ней — чтобы снова появились мы, ее Каины — убийцы!

Вот почему он цветов не видит. И Она видеть перестала. Это провокация, и не перестает быть провокацией, если даже сама

Природа ее организовала. Или сам Великий Драматург. А я-то про цветы думал как, о, они не враги, не враги мне!

— Правота! Вот что нас убило. Вечная всех перед всеми правота!

Птицы, вороны вертикальной стенкой … вылетают из зараж/енной/ радиацией местности.

Радостью отвергать войну, **уничтожение радости жизни,** не об этом ли, не так ли, не для того и моя новая повесть?

Композиция «Пасторали» — «веревка», «спираль» те снова и снова показывается то, что уже было: цветы, волосы Рождающейся, «отсеки» и т. д.

Если «Пастораль» получилась — до следующей повести 10 лет (а это то же, что и 100!)…

Мучило: как написать о ядер/ном/ конце. И тут это: гибель, конец света — он погиб (нравственно, всё нравственно **уже** погибло).

Человек — открывшийся глаз вселенной, смотрит в бездну мироздания. Но и бездна смотрит нам в глаза. А будет, вел/икий/ драм/атург/ смотреть, когда закроемся, существует тот взгляд без этого, без нас?

Ты что, хочешь напугать мироздание? В/еликого/ Д/раматурга/ напугать?

ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

1

— Все мы теперь — сукины дети!

Профессор Бейнбридж — в момент взрыва первого в истории ядерного устройства

Калісь глядзеў на сонца я,
Мне сонца асляпіла вочы.

Максім Багдановіч.
«Трыялет»

— БОЕВАЯ ТРЕВОГА! РАКЕТНАЯ АТАКА! В ЗАЛП НАБРАТЬ ПЕРВУЮ… ВТОРУЮ… ТРЕТЬЮ ПРИГОТОВИТЬ К ПУСКУ… ПОЧЕМУ НЕТ ДОКЛАДА? НЕ СЛЫШУ ДОКЛАДА! МЫ ЕЩЕ ЖИВЫ, ЖИВЫ! ПОВТОРЯЮ: ПРИГОТОВИТЬ К ПУСКУ… ПЕРВУЮ… ВТОРУЮ… ТРЕТЬЮ! ПОЧЕМУ НИКТО НЕ ОТВЕЧАЕТ? НИКТО НЕ ОТВЕЧАЕТ… ПОЧЕМУ?!

КАНАРЕЙКА, МАЛЕНЬКИЙ НЕЖНО-ГОЛУБЕНЬКИЙ КОМОЧЕК, МЕРТВО ЛЕЖИТ В КОСО ПОВИСШЕЙ КЛЕТКЕ, БОЛЬШИЕ И ТЕМНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТЕЛА С УДУШЕННО СИНИМИ ЛИЦАМИ И ВЫТЯНУТЫМИ ШЕЯМИ ОБМЯКЛИ В КРЕСЛАХ У ПУЛЬТОВ, ЧЕРНЕЮТ И ГРУДЯТСЯ У СТЕНКИ ВОЗЛЕ ЗМЕЯЩИХСЯ ТРУБ.

И ТОЛЬКО ГОЛОС ВСЁ УБЕЖДАЕТ:

— МЫ ЖИВЫ, МЫ ЕЩЕ ЖИВЫ!..

НА БЕЛОЙ ПОЛОСКЕ, НАШ1ИТОЙ ПОВЕРХ ЧЕРНОЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ КУРТКИ (А ВОЗМОЖНО, ТЕМНО-СИНЕЙ, ПОЛУМРАК ВСЁ СМАЗЫВАЕТ), УГАДЫВАЕТСЯ СЛОВО: «КОМАНДИР». ТУСКЛО СВЕТЯТСЯ ЛАМПОЧКИ ПОДСВЕТКИ, НА ТАБЛО ПОЯВЛЯЕТСЯ, НО ТУТ ЖЕ ИСЧЕЗАЕТ ИГРУШЕЧНЫЙ СИЛУЭТИК РАКЕТЫ — ЧЕЛОВЕК СНОВА И СНОВА ПЫТАЕТСЯ ВЫЗВАТЬ ЕГО, УДЕРЖАТЬ… НАБРАТЬ ПЕРВУЮ… ПЕРВУЮ…

ТЕЛЕКАМЕРЫ, УСТАНОВЛЕННЫЕ НА ОСНОВНЫХ ЖИЗНЕПИТАЮЩИХ ПОСТАХ ПОДВОДНОГО КОРАБЛЯ, ПЕРЕДАЮТ ЛИШЬ МУТНЫЙ ПОЛУМРАК И КАКОЕ-ТО В В НЕМ ШЕВЕЛЕНИЕ…

— МЕ-ЕДЛЕННО! МЕ-ЕДЛЕННО ДВИГАЕТЕСЬ! ЧТО ВЫ

ПОЛЗАЕТЕ, КАК ЧЕРВИ?.. ПОВТОРЯЮ: ВКЛЮЧИТЬ РЕГЕНЕРАЦИЮ ВОЗДУХА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОСТА. ПОЧЕМУ НЕ…

ЧЕЛОВЕК НЕУВЕРЕННО ПРОТЯНУЛ РУКУ К СТОЛИКУ, ГДЕ БЕЛЕЕТ РАСКРЫТЫЙ ЖУРНАЛ С ПРИВЯЗАНОЙ НА ШНУРОЧКЕ ШАРИКОВОЙ РУЧКОЙ, НО ТУТ ЖЕ ВЯЛО ОТКИНУЛСЯ НА ОВАЛЬНУЮ СПИНКУ КРЕСЛА, ОНО КРУТАНУЛОСЬ — ТЕПЕРЬ ЕГО ГАСНУЩИЙ, ИСКАЖЕННЫЙ МУКОЙ ВЗОР С НЕЕСТЕСТВЕННОЙ ПРИСТАЛЬНОСТЬЮ УСТРЕМЛЕН НА ЛИЦО ЖЕНЩИНЫ.

ЗНАКОМО НАКЛОНИВ НАБОК ДЕТСКУЮ ГОЛОВКУ, ЧТОБЫ СОВЛАДАТЬ НА ВЕТРУ С МЕДОВОЙ ТЯЖЕСТЬЮ ВОЛОС, ОНА СМОТРИТ ИЗ УТРЕННЕЙ МОРСКОЙ СВЕЖЕСТИ СПОКОЙНО И БЕЗМЯТЕЖНО, СОГЛАСНАЯ ЛИШЬ НА СЧАСТЬЕ И БЛАЖЕНСТВО ВО ВСЕМ И ВЕЗДЕ, НА НЕЖНУЮ ЛАСКУ И ВЕЧНУЮ КРАСОТУ ВСТРЕЧАЮЩЕГО ЕЕ РОЖДЕНИЕ МИРА…

2

Выйшлі з ёй, дзе сенажатная краса
Зіхацела, як вясёлкі многацветны ўзор,
Вострая яшчэ дзе не забразгала каса,
Дзе у кветках луг ірдзеў, як неба ўноч ад зор.

Янка Купала. «Яна і я»

Коса протестующе звенит, как от удара по проволоке, сухо, скрежещуще, внутри все сжимается, невольно сдерживаешь руку, хотя знаешь, что не по железу — по стеблю растения бьешь. Стебли проволочно-тонкие, а сами цветы рыхлые и огромные, похожие на желтые грибы. Мокро и тяжело плюхаются на землю, безнадежно сухую, каменистую; откуда только и влагу набирают, напитываются? Видимо, ночную, пока мы спим. А сейчас, под первыми лучами солнца, им уже душно. Возьмешь в руку шляпку цветка-гриба, сожмешь — клейкое, липкое, белое польется по пальцам. И теплое, как живое из живого тела.

Выкошу, и до самого вечера будет чисто, голо, одна стерня, как металлическая щетка, но к утру снова — желтый плотный ковер из цветов. И я снова воюю с ними: ссекаю, волоку, толкаю ногами, сгребаю к краю скалы и спихиваю вниз. Коса у меня

индусская — это скорее серп на длинной насадке, рукоятке, и нужен не взмах, не разворот плеча, как при обычной косьбе, а вращательное движение от локтя.

Нет, не цветы это. Она первая обнаружила: радостно побежала к ним в неожиданно расцветшие утренние луга-травы, но поскользнулась на желтой слизи, поднялась и обиженно повернулась в мою сторону: что это? за что?! Теперь Она боится приближаться к цветам, уверяя, что от них несет падалью. Тошнит Ее, всю выворачивает. Но это уже Ее фантазии. Никакого запаха, разве что сырость грибная.

Я тоже знаю: это не цветы! Большущие, сырые, драконьи головы гневно вздрагивают под моими ударами, а наступишь — сверчат, попискивают. Напитавшиеся сыростью огромные скользкие грибы, маскирующиеся под цветы. А что маскируется под грибы — это еще надо понять.

У многоплеменных индусов была легенда о драконе, которого никому не победить, лучше и не пытаться: из каждой капли его крови, упавшей на землю, рождается еще один такой же многоглавый… Может, и с цветами то же самое получается: ссекая, я тем самым сею, размножаю эту пакость?

Уродливо-пышные и яркие, внешне похожие на эти, делали и продавали когда-то возле городских кладбищ — поролоновые, закрепленные на проволоке.

Если глянуть на наш остров со скалы — огромная желтая клумба. А в сторонке, где наша семейная пещера, — прижавшиеся друг к дружке березки. Там сейчас спит Она. Под утро Ей спится, как в детстве. Стараюсь закончить работу, выкосить и убрать цветы хотя бы вблизи нашего жилья, пока Она не проснулась. Проснется и, даст Бог, не сразу вспомнит, что они здесь, поджидают Ее. Радостная утренняя улыбка, которую я особенно люблю, дольше продержится на заспанном теплом лице, на теплых, влажных губах…

В сознании, памяти цветы эти соседствуют с крысами, от которых прежде не было спасу. Двух-, трехглавые, короткохвостые, огромные, как бобры: смотрит, уставившись на тебя не двумя глазами-стекляшками, а четырьмя, шестью, внимательно, неотступно. Убегали неохотно, раньше камнями нашвыряешься: пошла! пошли! Но в одну ночь всё переменилось, монстры-крысы исчезли, как и не было. Открыли мы глаза, выглянули из нашей пещеры — остров будто повис в воздухе, излучая желтое сияние. О, как Она обрадовалась, как побежала в ликующий этот цветник!..

Наши стройные березки, под которыми мы готовим себе обед, где и сейчас вьется легкий дымок, семена свои разбрасывают

опасливо: кое-где проросли молодые зеленые ростки, тянутся из каменных расщелин, но желтые монстры-цветы тут как тут, прямо-таки наваливаются на них, теснят, душат. Каждое утро я вызволяю из-под тяжелой массы цветов нежные березовые побеги.

Но как они появились на этом экваториальном островке, северные березки, какими судьбами? Да что, какими: где зима, где лето, где север, где юг — всё по сумасшедшему перемешалось. Хорошо, что еще не на леднике сидим!

Нам бы вспомнить до конца, откуда и кто мы, ну вот хотя бы Она. Каждое утро Она просыпается немножко другой, даже на другом языке меня приветствует. Нечто вроде игры это у нас.

— O, my dear.[182]

Ага, сегодня мы англичане. А если угодно, то и американцы на выбор.

— Работничек мой, уже не спишь. Всё понятно, мы — русские.

— Коханы мой! — с польским или белорусским акцентом.

— Caro, carissimo![183] Ну, ясно, мы итальянцы.

Но вдруг — по-японски или на хинди заговорит, не открывая глаз руками потянувшись к свету.

— Oh, mon amour![184]

Ну совсем парижаночка, встречайте, принимайте нас, таких хороших, таких после сна по-крабьи медлительных. И столько у нас этих коленок и локотков острых, и так они уютно все складываются, укладываются, если нас хорошенько от души обнять и поцеловать, целовать сонный рот… А промедлишь, отпустишь — из него вдруг, как из туристско-солдатско-птионского разговорника, посыплется:

— Can you show me the way to the road? I”ll pay for it.[185]

— Je voudrais achter un souvenir.[186]

— Hande Hoch! Rece do gory! I”ll fire![187]

— Ou pourrais je passer bien cette soiree?[188]

Самое удивительное в этой игре, что она не вполне, не до конца игра. Впрочем, как и всё на этом острове: и так и не так, и есть, и вроде нет, нечто, но одновременно и некто. Заговорит на другом языке — ив Ней самой что-то изменится, покажется, что это правда, что Она — итальянка! англичанка! японка! — а если мало, то и африканочка…

Какой и кем проснется сегодня? Я всё оглядываюсь на березки и спешу, спешу к Ее пробуждению разделаться с желтой напастью. А потом сто шагов пройти, и я смогу смотреть на Нее! Присесть на корточки перед лазом в нашу пещеру и не пропустить, ничего не упустить из мига Ее пробуждения…

Раем на зямлі выглядываў нам сад,
Я ў ім — Адам, яна ў ім — Ева;
У раі гэтым вецер быў нам Бог і сват.
Вяцьвямі шлюб давала дрэва.

Янка Купала. «Яна і я»

Когда первая березка поднялась из-под камней — слабенькая, хилый стебелечек, чудо из чудес на нашем тогда еще совершенно плешивом, крысином острове, — Она спросила, нет, крикнула:

— Кто это?!

«Кто», а не «что». Детски-языческое из Нее и теперь не всё ушло-вышло.

Я почему-то помню время, когда мы — и я и Она — были детьми. В том-то и дело, что вроде бы одновременно.

Как я с несмелой мальчишеской влюбленностью подсматривал за Нею в стайке школьных подружек и как однажды ошеломлен был, когда увидел, как они с заговорщицкими и как бы слепыми лицами побежали в сторону школьной нашей уборной, только в другую дверь. Конечно, для меня это не было новостью, что они, как и мы, но чтобы — Она! Был оскорблен образ, нетелесный, эфирный, который во мне жил и от которого я все время немножко был как бы под наркозом.

Помню Ее с бабушкой на катке. Бабушка держала на руках черную шубенку, пока внучка в белых высоких ботинках, голенастая, как аистенок, училась кататься на коньках, смешно, будто к горячему притрагивалась и туг же отдергивала ногу ото льда.

А вот Ее память этого не удержала — упирается в березки, когда они были совсем крохотными. Ну и, конечно, помнит вместе со мной беспанцирных черепах да шныряющих трехголовых крыс. Впрочем, какими-то кончиками память Ее протянута за таинственную стальную дверь, желтую от сырости, ржавчины. Которая за водопадом…

К нашим девяти березкам цветы не решаются приблизиться. Она уверена, что березы их отгоняют. Отыгрываются же вонючки на березках-детях. Мы здесь даже «грядки» свои, плантацию разбили — под защитой берез. Землю наносили со всего острова, соскабливали, выковыривали земляную мякоть из расщелин, трещин в скалах и в целлофановых мешочках таскали к березовой

рощице. Этих мешочков множество валяется вдоль берега. Издали — словно застывшая мыльная пена. Или медузы. А может, это новые медузы такие? Вот и черепахи совершенно изменились, беспанцирные и прыгающие, как заводные игрушки, — лишь над паралитически подергивающейся головкой панцирный щиток.

На своей плантации, на грядках мы выращиваем дождевого червя. Первое дружелюбное живое существо, которое удостоило нас своим соседством на острове.

Как мы радовались, как счастливы были, когда это произошло! Она закричала так, что я сначала испугался — не беда ли? Червяк важно лежал у Нее на ладони, и мы трогали его, поглаживали пальцем, осторожно фукали-дули, как на огонек. Я всё спрашивал, где, как Она его нашла. Она показывала на лужицу в расщелине. Но я невольно поглядел на низкое небо наше. (Тогда это была серая пелена — будто марля натянута поверх воронки.) В наши пацаньи годы мы были твердо убеждены, что дождевые черви падают с неба. Вместе с нитями дождя.

А уж Она и вовсе по-дикарски радовалась находке, словно знакомого встретила: похохатывает, подносит к лицу, наклоняется, чтобы дыханием согреть. И — «моя пружинка», и «живая ниточка», и даже из лексикона моего детства — «дождинка живая». Согревала, ласкала, щекотала, чуть ли к щеке не прикладывала — будто птенчик, цыпленочек пушистый у Нее в ладонях.

А я живо представил — глазами верующего в индуистские перевоплощения — огромную, в шесть миллиардов душ, очередь. Они сейчас где-то здесь, над нами, а точнее — над нашим дождевиком. Над последним комочком живого. Спесивые президенты и генералы, брезгливые раскрасавицы… Никогда им ничего так не хотелось, как сейчас — перевоплотиться в червяка. Каким прекрасным должен казаться он, каким совершенным, удивительным!

Моя дикарка, по крайней мере, бескорыстна в своих восторгах.

Небесный гость, наш Даждь-бог, казалось, был не безразличен к царскому приему, сжимался, разжимался кокетливо, чем приводил Ее в еще больший восторг. Я вынужден был забрать у нее находку, опасаясь, что заласкает насмерть.

Долго искали в расщелинах: а может, найдем подружку нашему Даждь-богу (имя Ей понравилось, теперь Она заглядывает в мою осторожливую ладонь, приговаривая: «Даждик мой. Даждюник!»). Я тут же прочел лекцию, как размножаются дождевики: совсем не парно. «Бедненькие! — вырвалось у Нее. — Ну не смейся, что я такого сказала!..»

Нашли еще — совсем уж чахленьких, почти прозрачных. Она их забрала и носила в ладонях, сложенных ковшиком, раковиной, дышала на червяков, шептала-разговаривала, лепетала по-детски.

Тут и возникла мысль о «роддоме» для небесных пришельцев, а точнее о грядках, о плантации. А если еще прозрачнее — о промышленном, так сказать, их воспроизводстве, «по японской лицензии». Изобретательные японцы в свое время даже предметом экспорта сделали белок из дождевых червей, выращивали их в огромных ящиках, бассейнах. Что ж, живое живым питается, не с нас началось. Единственная проблема: а как у дождевика с плутонием да цезием? Но ведь мы едим и рыбу и черепах, а этот все-таки землянин, как и мы. Если и светится невидимо, то не больше нас самих.

Ну а брезгливость — это не для нашего острова. Если что и мучило мою новую дикарку, так это жалость: червяк для Нее нечто более живое, нежели рыба.

Когда заболела, я отпаивал Ее теплым бульоном; пила, морщась от боли в горле. А поправилась — даже молитву сложила в честь Даждь-бога, телом которого питаемся. Сложив ладони у тверденьких своих грудей, крикнула громко, пробуя вернувшийся к Ней голос: «Спасибо, Даждь-бог! И — сын! И внук!»

А что, может быть, так и молились лет тысячу назад где-нибудь в хвойных лесах?

Она у меня существо до смешного нетерпеливое, если взыграет аппетит. Минуту назад не хотела есть, ни за что не хотела, а тут уже хочет — пожар! Ни одной минуты потерпеть не может. Аж морщится, поскуливает, ногами переступает, нервно и виновато смеется — подавай!

Да Она и во всем остальном такая: птенец с широко раскрытым клювом.

Бульон из червей мы называем молочным, я напомнил, что была такая пища, самая на земле святая, — молоко, потом оказалось, что опаснее его ничего нет. И были удивительные существа коровы — самые добрые и верные спутники человека через всю обозримую историю. Но и они сделались этаким парнокопытным реактором-размножителем: каждый хлопок уроненной коровьей лепехи — будто разрыв нейтронной гранаты!.. Мирный атом оборотнем оказался. Ну, а что потом натворил военный, «знает только ночь глубокая…». Вон те мрачные стены вокруг острова…

Я — это «мы», все люди, которые были и, конечно, за все в ответе, Она — судья и прокурор делам нашим. Дитя обобравших Ее мотов-родителей, неумно злых и жалких. Назвать нас Каинами

для Нее мало, изобрела несуразное слово: Всекаины!

— Я сама бы вас, у-у!

Ну, хоть бы цветы эти приняла, смирилась бы, поладила с ними: остров слишком мал для любой вражды. Даже с цветами. Но чего Она не умеет — так это, во-первых, дожидаться, а во-вторых, мириться с тем, что неприятно Ей. Необъявленная война: цветы как бы назло Ей и растут. И трупно воняют только для Нее, потому что я этого запаха не улавливаю.

Мы с Нею на одном острове, на семейном островке живем, но, похоже, в совершенно различных мирах. Иного мира Она не знала, не помнит, для Нее наш остров — вполне что-то нормальное, и Ей столько еще открытий предстоит — в себе самой. Жизнь открывается.

А у меня такое чувство порой, что островок наш и не на Земле вовсе.

… Я стою у входа в каменную нору, в нашу спальню, достаточно просторную и обжитую, тихонько отложил в сторону и подальше свою косу, присел на корточки и смотрю на спящую Женщину. Уходил — спала ногами к выходу, но уже развернулась головой сюда, точно выкатился на солнце поспевший плод. А что может быть прекраснее, свежее подрумяненного северного яблока, брошенного на солому: светлые волосы Ее перепутались с побуревшими водорослями, из которых мы себе сделали постель.

Я иногда долго наблюдаю, сидя у утреннего костра, что с Ней творится, как только, я Ее оставляю одну. В нетерпеливом беспокойстве начинает искать, куда девался, куда пропал, но глаза приоткрыть, посмотреть, недоспать минутку — это выше Ее сил. Забавно-сердито начинает бросаться то на спину, то на живот, вертится, как магнитная стрелка, а потом — будто катапультирует! — всю гору волос своих выметнет наружу, где солнце. И успокоится.

Раковины ушей светятся из безобразия спутанных волос и водорослей, рука непроизвольно лежит в направлении библейского греха, не то стыдливо указывая, не то дразняще прикрывая. Классика. Музейная. Спит моя классика по-детски крепко. Знает или не знает, негодница, что я здесь, смотрю?

Я хорошенько вымыл руки, всего себя отмыл под нашим душем: не поленился сбегать к водопаду, чтобы не оставалось на мне (придуманного Ею) запаха цветов. А иначе радость, праздник Ее пробуждения может быть испорчен, погашен в первый же миг. Это столько раз случалось: утреннее постанывание, счастливая улыбка и вдруг — гримаса отвращения, почти боли. Утро изгажено.

Но сегодня я вымылся особенно тщательно. Сижу на

корточках, дожидаюсь выхода королевы.

— Ты где? — позвала из глубины сна, из длинного коридора просыпания.

О, это непростая процедура — открыть, наконец глаза. Последовательная цепь героических усилий. Замучишься наблюдать и начнешь помогать — целовать закрытые глаза. (Когда-то в детстве, *Ее детстве*, я учил, требовал: не открывай их сразу, пока не убедишься, что солнце закрыто тучами! Сначала сквозь узкую щелку выгляни. Ночью, ночью насмотришься сколько угодно! Было или нет такое с нами, но в Ней вот осталось. А может, это всего лишь милая женская лень?)

— Ну, где ты? — спросила Она, всё еще не открывая глаз.

— ¿Donde anavas?[189]

Подставляет лицо навстречу поцелуям. Хмурится. То ли от поцелуев, то ли, наоборот, оттого, что я нарочно промедлил. Сообщила, пожаловалась:

— Снова приснилось.

— Вот и оставь тебя одну! Ну, кто приходил на этот раз?

— Селена.

— Обе вы распутницы!

— Но я не виновата.

Случалось, ночью будила меня, жаловалась, и было видно, что всерьез:

— Она мне не дает спать.

— Да нет же ее, где ты видела ту Луну? Ни разу не было. Действительно, на нашем крутом (как из колодца) небе,

всё на нем — ну не всё, но многое — как прежде, а вот Луна не появлялась ни разу. Только солнце да звезды.

— А старый бродяга Млечный не приходил снова?

— Тебе смешно, а я во сне плачу.

Космическая блудница — вот ты кто! Глаза Ее, не раскрываясь, все больше наливаются смехом, он брызжет, проливается сквозь узенькие щелочки. Я вспомнил и рад сообщить:

— У какого-то народа знаешь, как Луна называлась? Беременная. Кажется, у хеттов.

— Ты мне солнце загородил. Нет, постой, ну куда ты уходишь? Я сейчас проснусь, сейчас. Иди сюда, тогда не будешь загораживать.

А дальше — по-испански: «¿Estas agui, karino?..»[190]

Ага, сегодня мы из Севильи! Или из Мексики, Эльдорадо?..

У нас с Нею кругосветное свадебное путешествие, по всем континентам, вот так — с закрытыми глазами.

Не знаю, что и как ощущает Она, но я чувствую: мне

последнему дано! Может быть, последнее, и этого уже никогда не будет!

Глотаешь, как воздух, который ушел, окончательно уходит, каждым вздохом догоняешь его, хватаешь как мать за край пеленки, из которой выскальзывает верткий ребенок.

Эти Ее сны, космические, можно и так растолковать: когда нас было много, мы были малоинтересны далеким дядьям и теткам нашей матери-Земли. Живут, толкутся ее бесчисленные дну ноги с любимцы, ну и ладно, если ей нравится. И вдруг немыслимое сотворили и с собой и с матерью родной! Даже дальний Космос потянулся разглядеть: да что же это за шустрые детки?

Но я, кажется, персфилософствовал и забыл, зачем пришел, сижу себе перед пещерой, и тут ее голос, сердито-обиженный: — Ну что ты не идешь?

Глаза, наконец, открылись, по-детски радующиеся утру. Жду, жду…

И вдруг передернулся гримасой отвращения нежный рот, в глазах уже не пелена ласки, желания, а гнев, обида: — Опять! Опять принес этот запах!

— Да какой запах? — Мне, конечно, тоже обидно. — Нет его, понимаешь, нет! Придумала ты всё.

Придумала, конечно, но я-то зачем так старательно отмывался от несуществующего запаха? Странный мир, в котором мы оказались, диктует нам, определяет наше поведение, даже если оно против здравого смысла. Смысл-то этот здравым коэда был? Когда и мир был совсем иным.

Она очень чутко уловила искренность, глубину моей обиды, ущемленного мужского самолюбия. Я ведь помню (и Она, конечно, тоже), когда, в какое утро объявились эти проклятые желтые цветы: да*, да, после нашей первой ночи*! Не в этом ли тайна и ответ? Как бы уловив тень опасной моей догадки, Она тотчас переменилась вся: ни сонливости, ни гримасы, будто не было! Одна лишь радость утра.

— Тащи! — выкинула тонкие руки из пещеры, показывая, какие они длинные и какая Она вся: руки, шея, вытянуто-суженная талия, запавший живот, а где-то там, дальше, еще и ноги — тянущийся, растягивающийся, многочленистый Даждь-бог, извлекаемый моим взглядом из языческой пещеры.

Но хватит выманивать взглядом, теперь приказано тащить-вытаскивать руками за руки.

Я взял Ее пальцы в свои, погладил, прижал к земле узкую ладошку, которая шустрым зверьком тут же перевернулась и царапнула мою ладонь коготками. Нет, нет, она ничего не имеет в

виду! Глаза закрыты невинно, ожидающе.

— Ну, где ты там? Тащи!

Нравится нам с Нею вытаскивать Ее из сна, тащить-волочить из каменной норы, длинную-предлинную. В такую безразлично-послушную превратилась, сонно расслабилась каждым сочленением, — тащишь, растягиваешь, а Она всё на месте, только розовее, светлее кожа становится на изгибах рук да на животе. Живой поезд бесконечен, сколько его еще там остается, в норе? Сначала одни только руки на солнце (загар сразу заметнее становится), а всё остальное там, в прохладном каменном полумраке. Тащу старательно, медленно, продлевая насколько можно эту процедуру. Вот уже и лицо с зажмуренными глазами на свету, волосы озаренно вспыхнули, тянутся, отставая и запутываясь в водорослях, волосы — как золотистые волны, а плечи, грудь — как рифы из-под волн, то появляются, то исчезают. Следом ныряет и мой взгляд.

Зато Она, спокойная-преспокойная, отдала моим рукам и глазам себя, такую бесчувственную, такую ни на что не реагирующую, — чем не многовагонный состав, вытаскиваемый из тоннеля? Ничего не знаем, не чувствуем, не ощущаем! Значит, жди неожиданности: вдруг подскочит и повиснет на мне с дикарским воплем или сотворит еще что-нибудь. Видали мы этих послушно-бесчувственных! Вот: язычком вдруг попыталась достать собственное плечо. (Мы, кажется, сегодня далеко не уедем от нашей пещеры.) Длинно тянущийся живой поезд уже покинул депо-нору, граница тени и света медленно передвигается, плавно сужаясь на животе и круто расширяясь на бедрах. На солнце загар посветлел. То, что еще остается в тени пещеры, темнее того, что выехало. Щелочки глаз напряжены, поблескивают — изготовилась, негодница, что-то сейчас выкинет. А может, мы просто хотим подсмотреть, убедиться, как нами любуются, достойный ли прием оказывают, а значит, каких милостей заслуживают. А работник уже отдыхает от тяжких трудов, удерживая на весу, за руки добытое: предстоит коронное ритуальное действо. Будем извлекать самое длинное, что у нас имеется, — ноги. Она ждет покорно, терпеливо, вслушивается в мою побасенку про соревнование сельских врунов («Когда волы моего деда с пашни вертались, одни рога шли через ворота одиннадцать дней…»). Даже ресничка не дрогнула: одиннадцать так одиннадцать. Посмотрим, еще, сколько времени займут наши ноги!..

— Ну ладно, поехали! — набрал воздуху работник.

Ах, вот как сегодня! Она пружинисто поджала ноги, выпрыгнула из пещерной тени, повисла на шее и крутанулась

вокруг меня, стараясь ногами не касаться земли. Завизжала от такой хитрости и удачи. И тут же спокойно распорядилась:

— Всё, идем под душ.

4

Хлое, глядевшей на него, Дафнис показался прекрасным, и так как впервые прекрасным он ей показался, то причиной его красоты она сочла купанье. Когда же она стала омывать ему спину, то его нежное тело легко поддавалось руке, так что не раз она украдкой к своему прикасалася телу, желая узнать, какое нежнее.

Лонг. «Дафнис и Хлоя»

Мы направляемся туда, где еще издали слышен живой гул и плеск падающей воды. Я обкосил все тропинки, ведущие к водопаду. У нас хорошее настроение, точнее — у Нее, ну а мое в прямой от Нее зависимости. То идет тихо-мирно, то вдруг бросится и снова повиснет на мне, поджав ноги: неси, тащи! Или завизжит. Это у нас называется: «Огласим пустыню немым криком!» Что странно на этом острове, но чего Она, кажется, не замечает: иногда исчезает эхо. Многое замечаю лишь я, вот и эта странность одного меня преследует: рев водопада далеко слышен, урони камень со скалы — загремит, а крикни — как в вату. Поэтому хочется говорить потише. А Ее вроде бы ничто не гнетет. Чего-чего, а странностей на этом острове… Кое-что мы, не сговариваясь, стараемся не замечать. В прямом смысле не видеть, не смотреть по сторонам. И это нам удается не хуже, чем человеку на дне колодца: куда же ему еще смотреть, как не вверх, в небо? Не на стены же, со всех сторон сжимающие, теснящие. В небо да еще друг на друга: нас двое. В небе днем яркое солнце, ходит оно не как прежде, по дуге, а по кругу, но мы уже привыкли. По кругу даже лучше, может, это Заполярье такое. Научились не удивляться. Например, тому, что ночные звезды как-то помещаются — все какие есть — на небольшой тарелке нашего неба.

А на то, что могло бы нас смутить, мы стараемся не смотреть. На глыбы тяжеленного мрака — стены нашего «колодца», высоко встающие над нами. Их полосуют веера огненных трещин-

молний, немых, неслышных. А не слышишь — так можно и не смотреть. Не глядишь — вроде и нет этого. Есть на что, на кого смотреть: нас двое!

Но иногда начинаешь прикидывать (профессиональное для морехода): сколько, какое расстояние до тех стен и молний? Сто метров? пять километров? — каждый раз видишь по-разному.

Поднялись по голой плоской скале к водопаду, образуемому приливами: по ночам в огромную гранитную чащу там, наверху, захлестывают волны, сладостно, как сны моей Евы, тянущиеся, подтягивающиеся к невидимой Селене. Воды хватает как раз на сутки: она гладко, как светлое масло, опоясанное радугой, выливается сквозь широкую щель и каменно-громко падает на чуть скошенную скалу. Мы не сразу разглядели, что это наше «удобство» — человеческих рук сотворение (скорее всего, инженерно точно направленным взрывом).

За падающей водой спрятана тайна, тоже человеческая. Чему служил или должен был служить этот искусственный водопад, мы догадываемся, но тоже стараемся не думать, не говорить об этом. Довольно того, что он у нас есть, роскошный душ, место, где мы обычно проводим самые веселые часы дня. Тут мы и рыбкой запасаемся: вода падает с пятиметровой высоты, оглушенные рыбины, мгновенными осколками разлетаются в разные стороны, мы (Она особенно) с криком бросаемся к ним, хватаем добычу. Пугливо откидывая голову назад и в сторону. Она изо всех сил прижимает бьющуюся рыбину к животу, к груди и кричит умоляюще:

— Забери, я их боюсь!

Попадаются и крабы, они, как и прибрежные черепахи, почти совсем голенькие, беспанцирные, похожие на огромных розовых пауков.

Грохот воды, возбужденные крики моей Евы — это наш ежеутренний праздник. Но нам (мне) все время слышится сдавленная тишина — молчание стальной двери за пологом воды. Желтая от ржавых потеков, узкая и двустворчатая, как в лифте, кем-то спрятанная дверь.

Если зайти сбоку или, еще лучше, втиснуться между скальной и водяной стенками, можно коснуться холодного металла, пальцем провести по заржавевшей щели между створками. Ржавчина наросла буграми, хлопьями, кричаще-желтая, совсем как те цветы. Я пробовал стучать камнем, чтобы определить толщину: плита-глыба почти полуметровая.

Иногда я один наведываюсь сюда отмываться от того, что Ей кажется запахом тлена, вонью. Она же без меня сюда не ходит. И не любит одна здесь оставаться. Когда я отправляюсь к

источнику-криничке за пресной водой, бежит; догоняет меня, как собака. А если все-таки останется возле «кухни» (у нас и здесь костерок тлеет), начинает громко петь, чтобы слышать себя, зная, что и я Ее слышу. Дверь, дверь тому причиной.

Избитые, истерзанные до сладкой боли в мышцах, мы выбегаем из-под жестких струй водопада и растягиваемся на теплых камнях. Рыбин, крабов мы насобирали, нахватали достаточно, теперь они у нас плавают в специальной «ванне» — в каменное углубление мы наносили воды.

В такие минуты Она любит поговорить о вещах, о которых мы обычно и думать и говорить избегаем. Стараюсь увести в сторонку опасный ход Ее мыслей.

— Клянусь, фантазия моя на этот раз чрезмерна… И если все это есть я, то глуп я стал, наверно…

Щегольнул капитан-подводник цитатой из «Фауста». А могу из «Илиады», а то и из Шекспира. Бессмертные слова, фразы, мысли — казалось, износа не будет им, хватит на тысячелетия миллиардам людей. Осталось (и надолго ли) то, что подобрала утлая лодчонка моей памяти, — отрывки, осколки, ошметки…

Кажется, я только добавил печали в Ее душу.

— Тебе весело? Мне — нет. А еще эта дверь.

— Далась тебе эта дверь! Склад какой-нибудь.

— А почему же закрою глаза — и сразу: огоньки, огоньки скачут? Ты их не видишь? Разноцветные такие…

Я упрашивающе глажу Ее прохладное плечо: ну не надо! Но когда вот так прикоснешься к Ее коже, от «не надо» так близко делается до «надо», так же близко, как от Ее плеча до Ее груди… Но мою руку крепко сжали и положили на теплую скалу.

— Вот так, забирай ее и не отпускай. А то вы у меня получите!

Усмешка, однако, недолго продержалась в Ее голосе. — Знать бы, хотя, что этот остров и то, что с нами — правда. Я старухой готова быть, но только чтобы — правда!

— Еще набудешься. И мамой, и прабабушкой. А знаешь, кто ты?

Увести, увести Ее мысль от этой желтой двери.

— Если мужчина — живое продолжение вот этих камней, этого водопада, то вы, женщины, — время, то есть самое таинственное, что есть в материи. То, что зовет, увлекает в будущее. Через рождения и смерти. Иногда так повлечет, потащит по Млечному Пути, что и про вас забываем.

— Вот-вот.

— Расширение, разлетание Вселенной — от вас, все это вы. И не жалуйтесь, если, устремляясь за вами, мы потом не можем

остановиться. Так говорил одессит.

— Это кто?

— Мой «пом», помощник. Когда-нибудь расскажу.

— Я — пустая, да? — снова Она о своем. — Мне зверята всё снятся. Беспокойные, бессовестные. Обжоры! Но я, наверное, пустая, проста…

Поднялась, отошла в сторону. Ладно, лучше не продолжать. Пусть сама успокоится. Зажмурясь, запрокинув к солнцу лицо так, что волосы опустились чуть не до пят, стоит этакой бесстыжей Эйфелевой башней. А я смотрю на Нее снизу, раздавленный этим архитектурным великолепием.

Наготы своей мы стыдимся не больше, чем индусы-дигамберы, «одетые воздухом» — можно и нас так называть. Моя нагота — что о ней думать. Прекрасную женскую обнаженность и видишь и не видишь. Как бьющий в глаза свет…

5

У хаце ўжо маёй будзь гаспадыняй, —
Няма у мяне нікога, проч цябе;
Сядзь на пачэсны кут, мая багіня,
І будзем думы думаць аб сабе.

Янка Купала. «Яна і я»

Мы готовим завтрак, Ей скоро есть захочется, и тогда — пожар! Лучше заранее за дело примемся. Знаем вас, не первый день! Да, не первый. У нас есть уже и общие воспоминания. Как мы вот эту запасную кухню оборудовали, чтобы тут же, сразу после душа, приступить к насыщению, «кормить зверя» (комплимент Ее аппетиту и, пожалуй, преувеличения тут нет). Теперь-то у нас и рыба, и крабы, хотя и похожие на пауков, а было время, когда пауки только и были нашими соседями по острову. Со всех скал свисали белые, похожие на хлопья пышной изморози рваные сети и канаты гигантской паутины, а на них висели, раскачивались комки черной плоти, безглазые. Безглазые, слепые, но за нами следили неотступно и даже как-то оповещали о наших передвижениях сородичей на другом конце острова: отовсюду сползались по беззвучному сигналу, стоило нам забраться на ночь в пещеру или просто уснуть под скалой. Проснемся, а нас уже «приканатили», как лилипуты Гулливера, паутиной обмотали и прилепили-прикрепили — им так хотелось нас обездвижить,

замуровать, не выпустить. За ночь намертво забивали вход в наше жилище белой липкой массой.

Но особенно березкам доставалось, будто знали бегающие по своим сетям слепцы, что березки — самое родное и близкое нам на этом острове. Тогда они слабенькие были, тоненькие подросточки: каждое утро приходилось поднимать, высвобождать их из-под слякотной тяжести (точно внезапный снег выпал где-нибудь в середине июня).

Голод не тетка — мы эту слякоть варили, и получался кисель. Ничего — кисленький. А другого ничего у нас и не было. Не с той ли поры поселилась в Ней эта голодная нетерпеливость?..

Остров тогда был не желто-серый, как сейчас, а белый, маленькая Антарктида.

С природой что-то неладное, непонятное творилось — впрочем, чему удивляться? — в судорогах предсмертных она силилась, спешила еще что-либо напоследок, под занавес, родить, произвести, но разлаженный генный механизм выбрасывал из недр своих нелепейшие комбинации, бессмысленные и бредовые, вроде тех трехголовых крыс, насмерть ранящих, загрызающих самих себя.

К паукам же своим мы даже привыкли, кормильцы наши как-никак. И, в общем — безобидные. Тем более оценили их, когда вдруг, в одну ночь, всё переменилось, и как всё теперь — не в лучшую, в худшую сторону. Я проснулся оттого, что рядом кто-то дрожит, крепко схватившись за меня руками. А это Она — слушает и просит не спать, послушать. Отвратительный писк доносился снаружи. Весь остров, казалось, гадливо дрожал, вздрагивал от тысяч шныряющих по нему крыс, пожиравших пауков. Бедняги пытались спрятаться в нашей пещере, и вот тут мы увидели, рассмотрели новых своих соседей по планете-острову. Крысы эти походили на тощих нутрий, но с несколькими головами. Три или даже четыре оскаленных пасти на стеблистых шеях.

Пауков не стало, и крысы уже охотились друг за дружкой. Это был кошмарный месяц — их соседство. Все время, ожидая нападения, они непрестанно скулили и искали, во что впиться зубами. А так как каждая морда, пасть на длинной шее мота дотянуться до соседней морды, шеи, своей же они в панике и злобе загрызали сами себя, не замечали, что течет их собственная кровь, что свою выпускают.

А когда и крысы пропали в одночасье (будто примерещилось), из оглушенного, разлаженного чрева жизни выбросило вот это — рыхлые огромные цветы. Наш голод готов был и на них наброситься, если бы не их будто бы запах, а

главное, нам водопад выплеснул первую рыбину и маленького краба. Казалось, возвращается подобие прежнего мира, нормального. Ну, не вполне, а всё же. А затем объявились и наши милые, прекрасные посланцы неба — дождевики.

Ими сейчас и занимается моя Женщина, пока я поджариваю рыбу на постоянно тлеющем в расщелине огнище.

У нас уже имеется несколько каменных ванн, где мы наращиваем запасы белка. Все отходы другой пищи бросаем небожителям-дождевикам: плодитесь и размножайтесь! Как в космических ракетах — замкнутый цикл.

Она сидит на поджатой ноге (любимая поза), показывая мне истертую хождением босиком круглую пятку, волосы перекинула на одно плечо, чтобы не мешали, и перебирает грязно-розовую массу. Подняв повисших между пальцев дождевиков, любуется, рассматривает, ну совсем как в былые времена сестры Ее нитками янтаря любовались. Наблюдать Ее вот такую — ничего в мире интереснее, прекраснее не осталось, не оставлено мне. Поласкав дождевиков пальцами и взглядом, полюбовавшись, поиграв с живыми ожерельцами, отделила нужную для бульона порцию и направилась к другой лунке, где помоет червей, а затем будет растирать их камнем. Но остановилась, задержалась возле костра, выразительно втянула ноздрями вкусный запах жареной рыбы. Сама же ловко, изящно удерживает на растопыренных пальцах, словно пряжу, извивающихся небожителей.

— А знаешь…

И начинает рассказывать еще один свой сон, не забывая следить за руками, ласково уговаривая тех, что у нее на пальцах: «Ну, куда вы, дурачки?.. Ну, посидите спокойно». Я подозреваю, что сон сочинила уже утром, а впрочем, у Нее не разберешь.

— Приснилось, что у меня ребеночек с тремя головками, я их целую, глажу, одно личико смеется, другое хмурится…

— Нет, давай лучше, чтобы каждый сам по себе!

— Как скажешь! Рожу не хуже, чем эти ваши шлюхи! Ага, мстит мне за «я пустая, да?», как будто не Она сама — а я так подумал, сказал.

По-детски весело и легко говорит, а знала бы, о каких вещах, каких сатанинских! Природа запрятала тяжелые элементы и тайны опасные для нас, поглубже — вытащили на свет божий. И забили то на одном, то на другом конце планеты рукотворные вулканы, сея невидимую смерть и уродства. Все, что прежде будило мысль об истоках жизни, о чистоте истоков (зелень, молоко, дети), теперь существовало в перевернутом виде. Скошенная пахучая лужайка перед музеем: «Интересно, сколько тут миллирентген?» Осеннее свечение берез, пора беспричинной,

счастливой грусти: свечение, излучение… листья по асфальту как искры невидимого зловещего пожара. Девочка несет две бутылки молока: «Кто, кто дал ей эти гранаты?» Стайка шумных детишек-школьников вбежала в вагон метро, и о чем подумалось? О щитовидках, о маленькой печени, о тех же рентгенах, миллибэрах, детские клетки их всасывают как губка…

Очень точно проследив за крысиной пробежкой моей памяти, Она как поленом вслед швырнула:

— Это всё вы, Каины! Всекаины!

И удалилась в величавом, царственном гневе заниматься своими червяками, бульоном.

А я почему-то вспомнил картину, которую видел, кажется, в нью-йоркской галерее. Воины выстроились резко наклоненной вперед стенкой против такой же стенки врагов. И те и другие дружно выбросили вперед дула ружей, вот-вот произведут залп. У этих и у тех — по одному миндалевидному глазу на каждом лице. Только у одних — левый, у других, соответственно, — правый.

— Просто не успели понять, — говорю я Ей, но как бы и в прошлое обращаюсь, — а надо было понять, и как можно скорее: одним глазом (безразлично — левым или правым) всю истину не разглядишь. Правому нужен левый, а левому — правый. Чтобы видеть объемно. Считалось, что нужно беречь богатства генофонда, разноднкость национальных культур, зато социальные структуры каждому хотелось подмять под свою единственную.

Всё тесно вам было! доносится издалека; перетирающий червей камень так и скрежещет под Ее рукой.

— Да, как тому чумаку в степи. Опрокинул нечаянно котел с кашей и рассердился: «Проклятье, и повернуться негде!»

— Я бы вас сама всех поубивала!

С тем и направилась к водопаду мыть руки. Но была наказана: захотела зайти за полог воды, а там цветы устроили Ей засаду. Утром их не было, я специально посмотрел. Я бросился на Ее обиженно-испуганный вопль.

6

И вновь бессонная ночь пришла, с мыслями о том, что сделано, с упреками за то, что не исполнили. «Целовались мы — и без пользы; обнимались — лучше не стало. Так, значит, лечь вместе — одно лишь лекарство от любви. Испробуем и его: верно, в нем будет что-то

посильней поцелуев»

Лонг. «Дафнис и Хлоя».

Ногі падкасіліся і мне, і ёй,
Зліліся вусны з вуснамі самі сабой,
Полымем прыпалі грудзі да грудзей,
Змяшаліся мы з сонцам, з кветкамі, з травой.

Янка Купала. «Яна і я»

Она захотела пить, надо спуститься к криничке, это метрах в двухстах, но там самые цветы, просто бушуют. В ладонях водички принести, что ли? А почему бы и нет?

Хотя есть целлофановые мешочки, весь берег усеян ими, сморщенными, забитыми песком. *Чем шторм сильнее, тем больше медуз*… Ну и что, мы вот варим бульон из дождевиков в жестяной банке странной треугольной формы, есть у нас и кусок жести, на котором поджариваем рыбу: как не быть, если здесь *рядом металлическая дверь*…

Многое, очень многое не по старой логике. В ладонях буду носить водичку, и не игры ради, а как бы потому, что ни этих самых мешочков, ни банок-склянок нет и в помине. И вообще ничего. Может быть, и нас… Стоп! Иди-ка лучше по воду. Мы без одежды, мы нагие потому, что душно, всегда душно. Мне. И потому, что я вижу Ее, хочу видеть. *Есть то, чего хочется, а если чего нет, так потому, что и не надо, чтобы было*.

В конце концов и с цветами то же самое: Ей кажется, что от них непереносимая вонь, и я поступаю так, словно не цветы это и даже не грибы, а вскрытое массовое захоронение. Потому и бегаю вниз-вверх, сама Она не может спуститься к криничке — задохнется от липкой вони. Вода из ладоней, конечно, выливается, но дело-то совсем в другом — в моем нелепом старании и благодарно-ласковом взгляде, каким меня всякий раз встречают.

А снизу погляжу на свою хозяюшку — нет, не кухней, не мной занята: заворожено смотрит на водопад, но я знаю, что Она *туда, за водопад, смотрит*. Напившись еще раз из холодной шуршащей кринички (никак не могу залить собственную жажду), бегу наверх: как все-таки повезло мне, что я уберег глаза. Мне они оставлены, чтобы кто-то видел Ее. *Мне, чтобы кто-то*… Пусть даже так, согласен. Главное, что я Ее вижу.

Нагота Ее бывает и иной, совсем-совсем другой: не отстраненно-целомудренной, как вот сейчас, а резкой и бурной, когда уже и кожа, кажется, мешает; стесняет, теснит. Сорвала бы, чтобы ближе, ближе, чтобы дотянуться! До чего-то в самой себе, обидно ускользающего…

Первое Ее удивление от боли, даже слезы обиды — это не ушло окончательно, остается, мешает. Всё не приходит, не возникает то, что обещают ласки, о чем Она словно бы помнит, догадывается, знает. Однажды в ответ на Ее обиду-нетерпение я стал жизнерадостно пояснить, что, мол, миллиарды женщин могли бы подтвердить, что это ни на что не похоже, — ух, что в меня полетело!

— Чтоб они сдохли!

Когда Она ревниво это выкрикнула, все те женские миллиарды на миг ожили в ней, в последней.

Желтые цветы, да они с той первой нашей ночи. *Продолжение такой прекрасной ночи*? А может, прекрасной она была только для тебя — откуда тебе знать? Казалось, бесконечно длилось теплое забытье, внезапные просыпания с радостным подтверждением: правда! это правда! И уже другой, *семейный*, запах поселился в нашей пещере…

Утром я проснулся от восторженного вопля, высунулся следом за Ней на свет и глазам не поверил: земля, небо, воздух — всё вокруг колебалось, пульсировало — вот-вот оторвется и улетит. Весь мир был в желтых цветах, в мерцающем, неверном, как северное сияние свечении. Оглянувшись благодарными глазами на меня, по-оленьи широко шагнула навстречу новоявленной красоте, доверчиво побежала, как ребенок в луга… А потом, держа руки на весу, внимательно-гадливо рассматривала свои растопыренные пальцы. Я бросился на помощь, ничего не понимая, а Она шла мне навстречу, как незаслуженно обиженный ребенок…

Смотрю издали на Нее, вижу, как Она напряжена, оставшись наедине с дверью за водопадом, как пугает и притягивает Ее прячущаяся за дверью тайна. Заметила, что я наблюдаю и, как бы сбрасывая наваждение, крикнула: — Да хватит бегать, я уже напилась! Взобрался к Ней на скалу. Она догадливо взглянула на плотно сжатые губы мои, на округлившиеся щеки, засмеялась и подставила рот, как птенец клюв. Напоил, а затем поцеловал — сразу два добрых дела.

В Ней в одной собрано всё оставшееся, всё, что способно еще дать смысл чьему-то существованию, моему существованию. Может, потому в Ней так много всего — и всё такое разное.

В чертах тонкого лица, как и в самом Ее характере,

восточный тип женщины и славянский, европейский проявляются попеременно. В какой-то день Она вся — послушание, вопросительное заглядывание в глаза: что? что-нибудь не так? сказала не так? сделала не то?

Но вот, по-видимому, показалось Ей, что не оценили Ее, восточную, не воздали всего, что Она заслуживает за робость и покорность, ну тогда получайте, чего сами заслуживаете! Как с обрыва понеслось, и голос уже другой, и всё другое. Какой там Восток, какой Север, да тут сама Африка — крылья точеного носика напряглись до дрожи.

И волосы ее не черные и не светлые, цвет, а точнее сказать — *свет* их неправдоподобно изменчив. Утром вот здесь, у водопада, светлая зелень в них играет, а назад будем идти — ветер их начинает кидать, как огромное вороново крыло, к вечеру в них уже сияют медовые краски, закатные тона. А то вдруг сединой блеснут — как пожалуются.

И пахнут Ее волосы в разные времена суток по-разному: ночью — словно бы воском, а под утро так, будто уксус где-то разлит.

То прямые они, как конский хвост; то, наоборот, завиваются летучими локонами, особенно возле Ее чистого лба. А на спине — точно прибрежная волна на рифах, такие неспокойные.

По-другому всякий раз светятся волосы, и лицо при этом то смуглее, то, наоборот, светлее делается — в зависимости от голубизны или синевы глаз. Впрочем, они у Нее темные. Нет, постой, какие?

Всякий раз приходится заново узнавать, заглядывая.

Спускаемся к берегу, к океану. Вблизи нашего острова океан тихий и ласковый, как равнинная река. Ну а дальше мы стараемся не смотреть, там шевелятся стометровой высоты жгуты черной воды, закручиваются, завиваются и немо рушатся, как горы…

Зато песчаный берег, помеченный человеческими следами, — всё это наше. Кое-ще письмена, высохшие, затертые: иероглифы нашей любви. Бывало, прибежит: «А я тебе письмо написала». Нарочно помедлю, Она сразу: «Сейчас пойду, сотру!» А потом стоит на скале и смотрит, как адресат топчется вдоль Ее строк, разбирает-читает. Дождавшись, когда напишу ответ, сбегает вниз.

Иногда полдня не расстаемся, везде вместе, но кто-нибудь спохватится:

— А нет ли мне там письма?

— От кого?

— Кто-нибудь да напишет.

На этот раз сразу увлекла меня в воду, теплую, какой-то остывающей теплотой, с гарью. Вода — истинная Ее стихия, если

кем и была в прошлом, так дельфином. Или «морской обезьянкой», — читал где-то, как мы прямо с деревьев спрыгнули в океан. Точнее, деревья погибли от засух, и хищное зверье нас загнало в воду.

Так что и вся Ее красота от воды, работа океана. С открытыми по-обезьяньи ноздрями не поплаваешь навстречу волне — появился такой вот носик, точеный. Морская соль всю шерсть выела, ну а голова была над водой — вот откуда Ее волосы, сами как волны. И грудки тоже повыше переместились, чтобы детеныша покормить, стоя в воде. Всё так просто.

Тигры саблезубые нетерпеливо метались по берегу, но мы уже приспособились: и рыбка у нас под руками (под ногами), и деток можем накормить, если не очень штормит, и зачинаем-плодимся — всё в океане, не вылезая из теплой водички, подогретой магмой, вулканами.

Дельфины, наши добрые соседи, так никогда и не вернулись на берег, может, правильно сделали. Вот и рака у них не бывает. (Странно сознавать, что я знаю столько всего, что никогда и никому не понадобится). Ну, а нас ностальгия замучила. Снова зацепились за сушу там, где, проморгало зверье, просочились, закрепились, расширяя плацдарм и постепенно тесня природных врагов. Но не тогда ли, в воде — от беспомощного, голодного смотрения на потерянное, недоступное, — не там ли возникло завистливое желание тоже иметь хорошие клыки и когти? Вооружиться, вооружаться — камнем, палкой, винтовкой, бомбой.

Так и не успели остановиться.

Вначале я опасался океанской воды, везде чудилась эта невидимая гадина — радиация. Пока не обнаружил, что она тайком купается, давно лазит в воду, от меня убегая. Узнал — испугался страшно, все присматривался: как волосы? как зубы? а это что за пятно? не тошнит? «Да, да, тошнит от стольких вопросов! Вот идем со мной, и увидишь, какая хорошая водичка. Выдумали какую-то радиацию!»

И сегодня тоже смотрит гордо и радостно, будто Она этот океан и придумала специально для нас. Что, надо благодарить?

— Ну вот, сразу и целоваться! Ты не умеешь. Надо вот так…

— А ты где научилась?

Теплая вода, отдающая горелым, горчит наши поцелуи. Глаза у Нее уже серьезные, ждущие, тревожные, и я знаю отчего. Ну не надо, вот увидишь, всё будет, всё!..

Осторожно коснулся ладонью напрягшейся от ожидания груди — панически отпрянула. Как от ожога. Но не от меня, а в сторону и тут же обратно, сама, отыскивая тот ожог. А в глазах — страх, боязнь, что и на этот раз Ее обманут, снова Ей не

дотянуться туда, куда ласки заманивают, что-то большее обещают… «Мне больно!» — скажет обиженно, даже враждебно, почти грубо. И отстранится, погасшая.

По ночам Она сухо и недружелюбно расспрашивала о том, до чего Ей дотянуться мешает, может быть, как раз нетерпение. И всякий раз я Ее упрашиваю, вот как сейчас:

— Не думай, ты об этом не думай!

Кажется, ни для кого и никогда это не было так важно — чтобы отозвалась, откликнулась освобождающей дрожью чужая плоть. Как удар молнии, разряд, — в воду, в землю, пробуждающий, возвращающий из небытия. *Это есть, а уже никогда не будет, поэтому никогда и никому, я знаю, не было и не будет вот так, этопоследнее, вот это! — через меня, мной, через на с — последнее на Земле, это последнее, последнее!..*

— Делай как ты хочешь, делай! — отчаянье и мольба. Откинувшись на мои руки, смотрит в небо, в наше круглое, усохшее, как куриный глаз, постоянно сонное небо, и кажется, что от нас, от нас зависит, чтобы оно снова широко распахнулось над Землей.

Надо только, чтобы вспомнила, как это бывает. Чтобы Она вспомнила. Земля вспомнила. Ты же знаешь, знаешь, знаешь!

Сами мы или океан нас заботливо выкатил на мелководье, почти на берег, нас щекочуще опутывают резко пахнущие йодистые водоросли, песок сделал кожу, тела наши жесткими, грубыми, но нам и хочется, нам надо, сладко быть грубыми.

— Пусть, ничего, пусть! — Она покорно улыбнулась, резко, делая себе больно, выдернула свои волосы из-под моих неловких локтей: — Caro! Amore mio![191]

А глаза спрашивают: что, что еще, как я должна? — всматриваясь в меня и в то, как я смотрю на Нее.

— Тебе хорошо?.. — она уже о себе готова забыть.

Нет, что-то подлое в этом каждый раз отдельном, сладком забытьи — точно труп пытаешься оживить. Дать, дать Ей дотянуться, не твое, а Ее обмирание сейчас нужно фригидной Земле! Миллиарды лет назад и тоже в таком же теплом, подогретом вулканами океане зародилась жизнь — не от удара ли молнии?..

Теперь уже я смотрю в наше окошко-небо, почти заслоненное от меня, падающим, опутанным мокрыми волосами, как водорослями, Ее телом, я его удерживаю и отталкиваю, чтобы не дать Ей спрятаться, чтобы видеть и любить Ее всю, всю…

И вдруг что-то случилось, произошло в мире: Она услышала, а я еще нет. Но я вижу Ее побелевшие, вдруг умершие глаза.

… Вселенная, влекомая непреодолимой потребностью быть,

длиться, пульсируя упругим светом, сжимаясь через расширение, возвращаясь через убегание, будто позванная кем-то, снова устремилась к точке, породившей ее. И прорвалась испуганной женской упруго-острой струйкой, и сразу — еще одной! Точки, точки — уколы по всей коже! Как звезды по всему небу…

— Мальчик мой! Ragazzo mio!.. Теперь я понимаю: так умирают. Совсем не страшно, это вас и погубило, что не страшно!

7

Если блеск тысяч солнц
Разом вспыхнет на небе,
Человек станет Смертью,
Угрозой Земле.

«Брагавад-гита»

— ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ! МУЛЯЖ НЕ МУЛЯЖ — СБИВАЕМ!

— А ЕСЛИ НАШ?

— НИКАКИХ НАШИХ! МЫ НЕ МОЖЕМ РИСКОВАТЬ. СБИВАЕМ ВСЕХ ПОДРЯД. НА ТО МЫ — «ПОСЛЕДНИЙ УДАР», «МСТЯЩЕЕ НЕБО». ПОСЛЕДНИЙ УДАР ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗА НАМИ. ЭТО — ГЛАВНОЕ.

— ОБЪЕКТ ИСЧЕЗ.

— ВОЗМОЖНО, ЕГО И НЕ БЫЛО. ТЕНЬ ТЕХ, КОГО УЖЕ НЕТ. КАК ТАМ ЗЕМЛЯ?

— ЧЕРНАЯ

— НИЧЕГО, ТАМ ЕЩЕ ЕСТЬ ГДЕ-ТО НАШИ. ПОД ВОДОЙ, ПОД СКАЛАМИ.

— ЕСЛИ И НАШИ, ТО ТОЛЬКО ЧЕРНЫЕ.

— НЕ ПОНЯЛ?

— А ОБГОРЕВШИЕ ВСЕ — ЧЕРНЫЕ. ДА И ЗЕМЛЯ СТАЛА НЕГРОМ.

— УБЕРИТЕ ОТ МЕНЯ ЭТОГО ББОЛТУНА! ЗАМОЛЧИ, БОБ!

— НЕТ, ВСЁ ЭТО НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ БЕЛИБЕРДА! БРЕДОВЫЙ ФИЛЬМ ИЛИ РОМАН.

— УБЕРУТ, НАКОНЕЦ, ОТ МЕНЯ ЭТОГО ЧИТАТЕЛЯ. ЗАСТАВЯТ ЗАМОЛЧАТЬ? ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАЧИНАЮ ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ. ПОСЛЕДНИЙ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ЗАЛПУ ВОЗМЕЗДИЯ! АППАРАТ ПЕРВЫЙ!

— ГОТОВ!

— ВТОРОЙ АППАРАТ! ТРЕТИЙ!

— ГОТОВ! ГОТОВ!

— СЛАВА БОГУ, КОНЧИЛОСЬ НАШЕ БЕГСТВО ОТ ВСЕХ.

НАЧИНАЕМ АТАКУ МЫ. ВСТУПАЕМ В ИГРУ.

— БЕРЕГИТЕСЬ, ПОСЛЕДНИЕ ЖУЧКИ И ЧЕРВЯЧКИ! НЕТ. ПОДОЖДИТЕ: А ЮГ ДОЛГИ СЕВЕРУ ВЫПЛАТИЛ?

— ДА ЗАМОЛЧИТ ОН, НАКОНЕЦ? ТЕБЕ НЕ ЗДЕСЬ, А В КОНГРЕССЕ ЗАСЕДАТЬ, СРЕДИ ОПЛАЧИВАЕМЫХ БОЛТУНОВ.

— ОТЗАСЕДАЛИСЬ. НИ КОНГРЕССОВ, НИ СОВЕТОВ СТЕРИЛЬНАЯ ПЛАНЕТКА. ЕЩЕ ДОБАВИМ

МИЛЛИОНЧИК ГРАДУСОВ — БУДЕТ СОВСЕМ КАК СТЕКЛЯННАЯ. СТЕРИЛИЗУЕМ ПО ПЕРВОМУ КЛАССУ! ИНТЕРЕСНО, ГОСПОДЬ БОГ ЗАВЕЛ КАРТОЧКИ НА КАЖДУЮ ПЛАНЕТУ, КАКИЕ НАШ ДОК ЗАПОЛНЯЕТ НА НАС: КОЛИЧЕСТВО РЕНТГЕН, БЭР, МОЖЕТ ПЛОДОНОСИТЬ, НЕ МОЖЕТ?.. ДАВНО В ЗАПИСИ НЕ ЗАГЛЯДЫВАЛИ?.. МОЖЕТЕ ДОБАВИТЬ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ: «РЕПРОДУКТИВНОСТЬ СЕМЕНИ — НЕВОССТАНОВИМА СЕКСУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ — НИЖЕ НОРМЫ, МЯГКО ГОВОРЯ». НИ ДЕТЕЙ ОТ ВАС, НИ УДОВОЛЬСТВИЯ!.. ИНТЕРЕСНО, КАК ВЫСОКО СЮДА ПОДНИМАЕТСЯ САЖА НОЧЬ?.. НЕТ, КОМУ ПОВЕЗЛО С ЭТОЙ ВОЙНОЙ, ТАК ЭТО ЮГУ, ТАК И НЕ ВЫПЛАТИЛ ДОЛГИ!

— ДОЖДЕШЬСЯ, БОБ, ЧТО КАТАПУЛЬТИРУЕМ ТЕБЯ.

— ЗАМОЛКАЮ, ПОЛКОВНИК ЕЩЕ ЛИШЬ СЛОВЕЧКО. МОЙ ОТЕЦ ГОВОРИЛ: «КОГДА ОДОЛЕВАЮТ МЕЛОЧИ, УХОЖУ ПОБРОДИТЬ ПО КЛАДБИЩУ». А ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ — ПОЛЕТАТЬ НАД ТАКИМ ВОТ КРЕМАТОРИЕМ. НЕ ХОЧЕШЬ, А СТАНЕШЬ ФИЛОСОФОМ.

— НАДОЕЛ! ДОКТОР. ПОЛНУЮ ПОРЦИЮ СНА ЭТОМУ КОНГРЕССМЕНУ. ВЕСЕЛЯЩЕГО, ЧТОБЫ НЕ ЗАСКУЧАЛ.

— А ИНТЕРЕСНО, ОНИ ТАМ, НА КЛАДБИЩЕ, ПОД ЗЕМЛЕЙ, ТОЖЕ ВЫЯСНЯЮТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ?.. ПРОСТИМ ДОЛГИ БЛИЖНИМ СВОИМ… С ПОБЕДОЙ! С ПО…

8

И вот весь город вышел навстречу Иисусу…

Евангелие от Матфея. 8.54

Что это с нами? Что произошло? Вдруг поползли, ползем на коленях, Она так даже руки молитвенно простерла. Как будто подхватило нас что-то. Мы лежали на влажном песочке, оглушенные и опустошенные недавней волной, что, наконец, слила, соединила нас, и вдруг Она подняла голову, приподнялась: «Боже, смотри!» Я тоже глянул, а там — человек. Метрах в ста от нас стоит человек и смотрит в нашу сторону. И мы поползли. Только бы не исчезло чудо, не растворилось, как мираж.

Поползли, как ползали — кто там? прокаженные, блудные сыновья? к воображаемым спасителям, ступившим на Землю Богам. А тут было большее: нашу Землю снова удостоил, осчастливил посещением *человек*! «Следу человеческому радоваться будете» — а тут не след, а сам, весь, вот доползем, и можно потрогать рукой. Чудо длилось, не пропадало, оно в голубом, в небесно-голубое одето, за ним на земле горит оранжевое пятно, человек что-то снял, бросил — скафандр астронавта, что ли?

Странно, но мы и, правда, с Нею почувствовали себя потерянными и найденными. Мы уже стояли, поднявшись с земли и прижавшись, друг к другу, как дети. А ему, пришельцу, казались наверняка дикарями.

Нет, вот так стояли первые люди, первые Он и Она, познавшие стыд, пред грозным оком создавшего их и приревновавшего — к чему, к кому, долго выяснять; была, была в том гневе ревность, а иначе не объяснить силу гнева и суровость кары. Где третий, там ищи ревность. Мысленно я так и называл уже пришельца — Третий. Мы были наги перед ним, а он — в тонком голубом трико астронавта, и взгляд у него был совсем не как у нас — не молитвенный, а удивленно-иронический и немного как бы пьяный.

— О, смотрите, что я вижу! — орет он, точно над ним кто-то там еще есть. — Завидуйте мне, негодяи: туг лето, тут люди, женщина!.. Загорают!.. Молодец, писака, сочинять, так сочинять! Кажется, он по-английски прокричал, но для нас все языки — лишь различные фонетические вариации языка, на каком мы сами думаем. Совсем как во сне бывает: ты этого человека не знаешь,

но его мысли — это не его, а твои мысли…

Однако парень приятный, а плечи, плечи! Лицо, правда, немного шальное, если не пьяное, и ослепительно белозубое. Кожа темная, ну не совсем, скорее смуглая, а улыбка прямо-таки детская! Да что говорить: он прекрасен! Ведь это — человек! Она первая на шею бросилась, как сестра к обретенному, наконец, брату. Повисла, поцеловала. И уступила мне эту радость — обняться с человеком. Но мы лишь похлопали друг друга по спине, а я при этом почувствовал и не мог не отметить, что мускулы у него вялые, опавшие, хотя от размаха плеч веет силой. Долго летал. Неужто кто-то еще летает, плавает?..

Как он прекрасен, мой недавний враг, как рад нам, как счастлив, что я жив, что увидел Ее, нас видит! Что нас осталось хотя бы трое. Снова схватил меня за плечи. Ослепляет белозубой улыбкой, орет, закинув лицо кверху:

— Вот он, человек, — живой! Живой? Будь, проклят ваш вонючий гроб!

А Женщина уже возле скафандра, ощупывает его оранжевое покрытие, яркий цвет просто ослепляет. Пытается прикинуть, приподняв, с трудом удерживая перед собой, к лицу ли Ей материал. О, женщина!

Наш гость — истинный джентльмен — тотчас стал стаскивать, срывать с себя голубое трико. Остался в розовых трусиках. (А я уже и забыл, что бывают на свете такие вещи.). Отвернувшись (вот уже и стыд на острове нашем объявился!), Она натягивает наряд астронавта. Из прекрасной сделалась незнакомо прекрасной, новой, глаз не оторвать: нет, настоящая женская нагота — это угадываемая, умело прикрытая нагота.

— Дьявол меня забери! — всё удивляется гость. — Сверху кажется, что сплошь дым и сажа, а у вас тут!..

— Так вы все еще… — При Ней не захотелось договаривать. Он за меня это слово выкрикивает:

— Всё еще воюем! Пока Юг не выплатит все до последнего цента Северу, а Восток не уберет свои лозунги. Ха-ха-ха!..

Нет, джентльменскими не назовешь ни хохот, ни восклицания веселящегося гостя, а лицо — узнаю лицо пьяного человека. Но всё равно, всё равно здорово, что он здесь. И поговорить очень бы хотелось, что и как там (он ведь *откуда-то оттуда*), что с нами со всеми — и с Востоком, и с Западом, и с Югом, и с Севером. Но не до того, всё наше внимание — на Женщину: самое важное для нас сейчас, чтобы Она была счастлива обновой. И мы дружно помогаем Ей — взглядами, восклицаниями — понять, как на Ней это выглядит и, главное, как выглядит Она сама.

Когда Она так одета, а медовые волосы пчелами вьются-

летают вокруг прекрасного лба и длинно падают по шелковистому голубому морю, а в лице такая оживленная и счастливая скромность совершенства (боттичеллиевская!.. Стоп, туда не надо!) — никакая война, никакая смерть не кажутся случившимися окончательно. Вместе с Красотой, собою занятой, по-детски уверенной в своем бессмертии, ты тоже скользишь, сползаешь в мир, как бы всё еще существующий…

Не Каины, нет, и не Всекаины перед Нею, перед Всеженщиной, а люди, которые встретились в далеком, дальнем Космосе, состыковали свои аппараты, и о чем же нам говорить, как не о родной, о прекраснейшей своей Земле? Про то, как много на Ней всего и как всё отрегулировано на тысячи и тысячи лет счастливой жизни, на миллионы лет для сотен тысяч поколений: воздух и вакуум, вода и огонь, свет и тьма, тепло и холод, любые краски, звуки, пища на любой вкус… Но главное — сколько всего лишнего, вроде бы необязательного, но без чего и самое необходимое будет пресным, без радости, — сколько на Земле всего, что не загрузишь, не возьмешь, не прихватишь в самую вместительную ракету или подлодку, не запасешь впрок и что потом в снах видишь — самое «ненужное», «необязательное» как раз и видишь. Роса до колен, холод в мокром еловом лесу (почему-то железная горечь во рту), шершавый от мелкой щебенки, голубой, озвученный на всю глубину бегущими вниз ручейками, дышащий постоянным ветром ледник; сладко налипающий в ноздрях, в глотке степной мороз… И люди, люди, тысячи случайных, надоевших, мешающих, не знаешь, куда от них убежать, уединиться, — но это лишь когда они есть, окружают, теснят и когда знаешь, уединившись, что они где-то *т а м*. В этом всё дело — знать, что они есть.

Да, система идеальная, все мыслимые и немыслимые варианты предусмотрены, сам Господь Бог конструировал, с

запасцем.

Мы захлебывались памятью об ушедшем, утерянном, загубленном как о существующем. Брызги должны были бы обдавать, охлестывать и нашу Женщину, но Она и без того радостью переполнена, вся сосредоточена на новом для Нее ощущении — быть одетой. И руки, и колени, и грудь, и спина Венеры должны еще привыкнуть, что они спрятаны от мира, закрыты, — совсем иное самоощущение. Всё другое, вся другая. Вновь Рождающаяся — это так просто и объяснимо: у Женщины новый наряд!

А не самое ли время теперь, когда нас, мужиков, уже двое, повспоминать о сугубо солдатских наших радостях? Даже на корточки присели друг против друга — у гостя (при его почти

юношеском облике) запас впечатлений немалый, ну а мне, старику, тоже не хотелось бы отстать. Он с ходу про нью-йоркскую Сорок вторую улицу, куда мужская часть человечества, что и говорить, не идет, а стекает, человека порой так потянет сверху вниз, ничего с собой поделать не можешь, — уж лучше сразу и сполна, чтобы избавиться от уводящих, раздражающих мыслей-помыслов, а потом вернуться к себе обычному и привычному.

Сам там побывал, «причастился». Не отпугнули и три креста-крестика, наоборот, туда как раз и устремился. Мало фильма — так еще… Сначала не поверил, что это правда, когда экран вдруг погас, буднично загорелся свет в зале и двое поднялись на сцену — сначала плоть черная, тут же изящно освободившаяся от халатика, затем — чуть посветлее, мужская, очень спортивная; из репродукторов на стенах вырвалась, оглушая, музыка, но самое оглушающее происходило на сцене перед экраном, на специально поставленной кушетке. При этом самец-мужчина всё посматривал в зал и, похоже, подмигивал нам как мужик мужикам…

— Вот вы какие? — раздался голос над нами как с неба. Я и Третий, сидя на песке, виновато смотрели на Женщин),

которая нам показалась почти огненной (в руках оранжевый скафандр, все мнет, ощупывает — нельзя ли его приспособить?).

— Так вот вы какие, когда вас много!

Попались, ходоки, как выкручиваться будете? Начали дружно хохотать. Теперь уже и я, будто передалось от Третьего, все хохочу, всему радуюсь. И особенно тому, что Она такая строгая с нами, такая суровая и что Ее так злит этот наш дурацкий хохот.

— Прекрасно! Прекрасно! — радуется гость всему, что видит.

Показывать ему наш остров, наши уголки, хозяйство — одно удовольствие. Голубое трико, нас все ещё не простившее, плывет впереди. Без ничего, без одежды Она даже ростом казалась ниже. Одежда на женщине — большой провокатор, это точно. И никто лучше ее самой этого не понимает.

— Прекрасно! — всё повторяет гость.

А мне кажется, что он без конца о Ней, а не про наши скалы, Да бухточки, да про цветы. На цветы он и не глянул. «Прекрасно!» — а глаза не на желтом, на голубом — на Женщине.

Возле неумолчного водопада мужчины принялись за старое: пока хозяйка возится «на кухне», решают одним махом мировые проблемы. Мира вроде бы и не осталось, но мировые проблемы, как это ни странно, остаются.

Перед этим гость всему и вдосталь нарадовался, запуская пальцы в свою курчавую короткую армейскую стрижку: водопад — восхитительно! лунка с рыбой и крабами — прекрасно! черви

дождевые — неописуемо, охренеть можно! Особенный восторг, когда показали ему дверь в скале.

— А, крысы штабные — вот вы где! — Постучал камнем по железу. — С победой, мерзавцы! Доигрались, черви зеленые?

Нас уже звали «к столу», но беседа, а точнее — крик стоял такой, что хозяйка уши время от времени зажимала очень выразительным жестом: мы даже водопад, грохот его перекрикивали. Направились к Ней, голосу поубавили, но замолчать нас даже аппетитный запах жареной рыбы заставить не может, даже голубое очарование хозяйки. О чем кричим? Да всё о том: почему да как? Уж кажется — всё и обо всём знали, друг друга, не уставая, предупреждали, в кино насмотрелись, в газетах и книгах начитались, как и чем кончится, если начнется. Наперебой об этом говорили и те, и другие, и третьи. Но каждый говорил не себе — другому, а другого не слышал.

— Вот так, как мы сейчас, — спохватился гость, и мы рассмеялись.

«Вот бы раньше так рассмеяться», — подумалось мне. Но, наверное, когда ладонь сжимает рукоятку пуска, палец видит кнопку, тогда челюсть тоже напрягается — улыбка, смех не получаются.

— Это еще хорошо, что не загорелось море, океан, — проговорил Третий. — Сверху, но только вначале, было хорошо видно, как вспузыриваются океаны — Тихий, Атлантический, Ледовитый — то в одном, то в другом месте. Подлодки, как рыбу, глушили друг дружку, ну а мы их еще и сверху.

— Да, что говорить, поработали на славу.

— Но островок все-таки остался, — радуется гость. — И даже завтрак. Не говоря…

И он выразительно кивнул на хозяйку. Нет, такая, как у него, улыбка, белозубая на темном лице, что ни говори — вещь замечательная!

Опять торопимся выяснить:

— Почему вы?..

— Нет, а зачем вы?..

Ракет, боеголовок осталось (если где-то остались) меньше, а вот вопросов стало гораздо больше.

— Кому теперь нужны ваши социальные эксперименты?..

— А ваши права на выезд — кому?

Женщина смотрит на нас, слушает, и нам все меньше нравится выглядеть перед Ней идиотами. Хватит, что мы проиграли войну — оба. Теперь обоим проиграть в Ее глазах?.. Ни ума, ни достоинства спор нам не прибавляет. Все наши слова, горячность правоты — полнейший абсурд, шум-гам на кладбище,

из-под земли! Что может быть нелепее и гаже!

И мы, оставив в покое друг дружку, общими силами набрасываемся на… матушку-природу. Она виновата, она породила, допустила, позволила, даже спровоцировала — да, да, именно так! Ну, зачем ей понадобилось припасать для нас каменный уголь да нефть? Как специально. Не будь этих двух перекладин на лесенке, ни за что не добраться бы до ядерного горючего. Паслись бы мирно среди стогов сена да шустрых паровозиков, гоняемых древесным углем, время от времени кусались бы, но так, насмерть, как получилось, не смогли бы при всей нашей неуемности.

Как это она, мудрая наша матушка, не разглядела, что никакие мы не мирные, не травоядные, что такими только казались или прикидывались поначалу, выпрашивая у любящей родительницы, право не попадать под опеку Великого Инстинкта. Мешал он нам, не позволял самопроявляться всласть и сполна, этот самый Инстинкт самосохранения вида. А он у матушки-природы почему-то товар дефицитный. Вручала его лишь самым забиякам: всяким там волкам-тиграм да гремучим змеям. Этим намордник Великого Инстинкта, конечно, нужен. А зайцу — зачем?

А голубю — зачем? Человеку тем более не надо, он такой весь голый, без рогов, без когтей и клыков! Ну, укусит собрата мелкими зубами, ну даст подзатыльник — велика трагедия! Не разглядела матушка-родительница, какие клыки, какие ногти спрятаны под круглой, как крышка реактора, черепной коробкой. Какой взрыв, выброс возможен — страстей, жестокости, ненависти, кровожадности. И именно к себе подобным. Когтей нет, говорите? А камень зачем, что под рукой? Нет клыков, зато есть палка. Согнуть ее и совсем здорово — получился лук. А если дунуть огнем да через железный «тростник» — кто сильнее, кто дальше? Что, если это да соединить с этим, да еще вот так, — что получится?.. До чего же любопытные детки! Собой бы заняться, так нет — каждому другого подавай! Кого бы повернуть, приспособить так, чтобы самому было не просто хорошо, а лучше, чем всем остальным?

— У них фонарики были такие, — вдруг прозвучал голос. Мы так привыкли к собственному крику, что от женского, тихого голоса ошарашено замолкли. Сгребает в кострище остатки водорослей, что-то очень изменилось на недавно таком спокойном лице, глаза ушли от нас куда-то далеко-далеко.

— Такие вот фонарики, жужжащие, — она показала, сжимая-разжимая кулак, как их заставляли работать, светить, — зажужжит, и мы прячемся, замираем. Они нас искали. Светом по

глазам и сразу — железной палкой по голове. Потому что мы дышим, а на всех не хватает воздуха. Жужжание и этот удар — как по сухому дереву.

Мы онемело слушаем. Я-то догадываюсь (нет, знаю), о чем Она.

— Не знаю, — продолжает Женщина, — как там у нас устроено, но вода, пища и, главное, воздух — всё подавалось на голос одного-единственного человека. Кто он, наш кормилец-поилец, мы не знали, знали только, что он есть. Но, по-моему, они менялись каждые сорок восемь часов. Главный должен был подтверждать свое право командовать приборами, наговаривая им что-то. Как я понимаю, в этом был огромный соблазн для тех, кто был рядом: ухитриться выкрикнуть слова раньше; записать свой голос, оттеснив предыдущего. Где-то пришла и ушла очередь и моего отца… И он куда-то исчез… У них там были сплошные перевороты, и всякий раз менялась группа прихлебателей, тех, кого кормили-поили и кому давали дышать. Только с железными палками — те, кажется, не менялись. Шныряли, как крысы, по палками — те, кажется, не менялись. Шныряли, как крысы, по темным углам, выискивали вчерашних, чужих и вообще лишних. Потому что по темным углам и среди трупов прятались и ничьи, ничейные, но они дышали, забирали последний воздух. Переворачивали и мертвых, расталкивали трупы, а для надежности им тоже доламывали черепа. О, эти звуки! А запах — он до сих пор… липкий такой…

Она невольно вытерла губы, рот.

Ну вот, так оно и есть: цветы и та дверь в скале за водопадом, — не здесь ли объяснение, ответ? На многое, о чем я давно догадываюсь.

— О чем все-таки Она? — спросил гость, кажется, предполагая (и, возможно, справедливо), что в таком состоянии Она его не слышит. — Она что, оттуда? — спросил еще раз напрямик и показал (не по нашим правилам) на водопад.

Мы такие вещи, всё, что тащит нас в прошлое, не только в разговорах, но и в мыслях стараемся обходить.

А взгляд Третьего заскользил по горизонту, по нашему горизонту, а для этого надо хорошенько запрокинуть голову. Мы, наш остров, на дне глубокого колодца или, скорее, воронки. Высокие стены из шевелящегося, затуманенного мрака испещрены немыми бессчетными молниями, как трещинами. Молнии эти всегда только одного цвета — или огненно-красные, или синие, или желтые, будто кто-то там, за прозрачным дымчатым занавесом, меняет, как в театре, цветные стекла. Но это — если смотреть на стены. А можно и не смотреть, и тогда

замечаешь лишь верхний, солнечный свет — на скалах, на цветах, на падающей воде…

— Ничего не скажешь, — громко, слишком громко восклицает гость, — поработали основательно! Там, наверное, и есть та самая зима, которой нас пугали ученые. Сначала всего наготовили, а после пугали… Вот уж где штормики — в кромешной тьме! Брр!

Весь вечер мы просидели под березками: костер, звезды над головой, можно подумать, что на Земле всё — как прежде. Правда, ночью всё на острове, все предметы, вещи (и наши фигуры, лица) — будто фосфоресцируют. Но это от немых, «зимних» молний. Даже красиво. Тем более, когда в эту * фантастическую игру цветов, красок включен и Ее прекрасный, а сегодня почему-то грустный профиль.

Где есть поиграть всем цветам молний — так это на маслено поблескивающих груди и спине нашего гостя: ночью еще заметнее, какой это правильный треугольник, а зубы, яркая улыбка мальчик-жрец: что-то очень юношеское в этой его геометрической фигуре, не говоря уже об улыбке.

Еще засветло мы притащили побольше высохших водорослей для подстилки. Гость таскал со мною на пару, Она их частью в пещеру затолкала (старые, потертые пойдут в костер), а частью под березками распластала и даже легла и весело примерилась, удобно ли будет спать — разровняла, примяла.

— Это чтобы мне хорошие сны привиделись, — по-солдатски хохотнул гость.

— Совсем нет, — очень серьезно возразила хозяйка, — вы будете спать в пещере.

Чем-то недовольна, даже неловко: хозяйка как-никак, а он все-таки гость.

Тем более стараюсь я — вежлив, услужлив, гостеприимен, как хозяин пустующей, прогорающей гостиницы. Стал зачем-то убеждать, что в пещере очень хорошо, прохладно.

Но тут совершенно неожиданно хозяйка перерешила:

— Под березкой будет лучше. И звезды видны — ваш любимый Космос.

Что-то в нашей голове еще разок повернулось-покрутилось и, как диск рулетки, остановилось против другого деления (знать бы наверняка, что и как там вертится-крутится).

И вот: семья в пещере, гость — снаружи и действительно занят Космосом:

— Они что, по оси у вас вращаются? — доносится его голос.

— Именно так, — откликаюсь я, — и, заметьте, все помещаются на такой маленькой сковородке, и Медведица, и

Южный Крест.

— А Луна бывает?

— Только во сне. — Я напоминающе прижался к теплому лицу, снова улыбающемуся, снова близкому, заговорщицки ждущему.

Она уже озорничает — надоела Ей наша болтовня, становящаяся все более ученой, специальной: отчего небо такое и какие законы тут обманно-оптические, а какие — в подтверждение теории относительности? Прямо-таки издевается над нашими умными вопросами-ответами, над тем, как мы всё на свете понимаем, и Ее руки, губы, колени, ее плечи, горячие и под тканью, тоже словно издеваются над нашей серьезностью и ученостью, не верят, что главное — какой-то там Космос. И действительно, я сбиваюсь с мысли, отзываюсь невпопад и всё более хриплым голосом. А тут еще смеющиеся глаза приближаются ко мне вплотную, я таращу свои, показываю: услышит, мол, неудобно! А Ей еще веселее от моего испуга.

Нет, когда вас только двое во Вселенной, вы можете считаться парой, прародителями, чем и кем угодно, но семьей становитесь, лишь, когда объявится некто третий. Прежде мне казалось (нам казалось): семьей нас сделает ребенок. Оказывается, чужой человек (но человек!) объявился, и тут же потребовалось выяснение.

— Кто мы? — вдруг шепотом спрашивает Она.

— Как — кто?.. Ты так и будешь одетая? — Нетерпеливый вопрос мой прозвучал откровенно обиженно.

Она тихонько рассмеялась.

— Еще побеседуйте! — Но тут же сама обиделась: — У вас одно на уме… Я знаю… Противное слово: любовница!

— Есть другое: возлюбленная.

— А откуда ему знать, что не любовница? Вот-вот — ему!

— Он не думает об этом, он завидует, — прошептал я. Сам не понимаю, как неосторожно и самоуверенно говорю.

— Все вы одинаковы! Лежит и подмигивает! Фу! Отодвинулась подальше, к самой стеночке.

А голос снаружи продолжает мысль, на которую мы набрели сообща, объясняет, что уже однажды люди выходили в Космос — это когда вышли из воды на сушу. И однажды уже обжили его, пусть «малый», но тоже космос. Потому-то и начали крушить всё вокруг себя, всю экологию как чужое. Оно и было чужое. Родное — вода.

— Как будто вы и океаны не убили? — Это уже Ее голос, вмешалась-таки.

— А это мы заодно уж! — захохотал под березками гость. —

Остановиться не могли.

Доволен, видно, что выманил к себе Ее голос. Хотя бы голос.

Снова Ее шепот, горячий, щекочущий ухо:

— Зачем он нам? И что он всё хохочет?

— А что? — храбро говорю я. — Когда нас трое, как-то надежнее.

— Что — надежнее?

— Ну, вообще.

— Что ты имеешь в виду?

— Природа любит количество. — Самоуверенность моя не знает пределов.

— Ну-ну! Раз природа — тогда не обижайся.

— Ты у меня смотри!

Сам не думал, что у меня может быть такой голос. Но Ей он понравился.

— Ты так и будешь в этой, его? — Я ненавидяще потянул гладкую, скользкую, как кожа змеи, ткань.

— Хоть к костюму ревнуешь, и то хорошо. А какие вы слова говорили? Вот так, в своих домах и ночью?

Ага, старая истина: женщина любит ушами. И я прямо из поцелуя неловко, бормочуще леплю слова: любимая… лягушонок, солнышко… мураш…

Отстранилась, чтобы я мог пояснить, что такое лягушонок, мураш. Узнав, что общее у Нее с ними — длинные и голенастые ноги, глаза во всю голову, моя Женщина подумала минутку: не обидно ли? Нет, не обидно. Прижалась снова по-домашнему:

— Продолжай. Какие еще слова?

И я обнаруживаю, что таких слов знаю, на удивление, мало. Схитрив, вовлекаю в оборот разноязычные:

— Love! Коханая! Tesoro mio! Chica! Honey bee! Bass! Silli-billi! Солнышко!.. Cara! Ma petite! Schatzchen! Pichoncito![192] Я готов заподозрить, что хотя Она их — всех прежних женщин, этих соперниц своих — «знать не хочет», Она и за них чувствует и переживает всё наше. Как и я.

Есть еще слова, которые я должен бы повторять, повторять, но я этого не делаю. В моей капитанской каюте на подволоке, изогнутости потолка, за которой угадывается стальной корпус лодки, приклеена большая цветная репродукция картины самого лирического из великих итальянцев: Рождение Венеры. Я знаю, что человек, которому дано полюбить, несет в себе, заранее, изначально, некий образ: *любовь еще до любви*. Для него самого до конца не проясненный. А образ моей любви столько людей внимательно рассматривали, столько столетий он перед глазами! И чтобы так совпало: Она и боттичеллиевские женщины!

Совпадает именно образ, а точнее — мое чувство. А их внешность — в том-то и дело, что внешность Ее какая-то ускользающая. Но именно туда ускользающая — к реальным полотнам. Они-то реальность, миллионы людей могли бы это подтвердить, я сам часами стоял возле них. Когда еще существовал город Флоренция, и можно было пройти под колоннадой музея Уффици и когда… Ну вот, стоило подумать об этом, и сразу опасно заскользил — за Нею следом. Лучше не называть, не додумывать…

— Я себе представила, какой шепот стоял над всей Землей, — отзывается Она на мои любовно-филологические упражнения, — одно слово, по-разному, но одно: любимая, любимая!

— Не забудь — и «любимый» тоже.

— Да, да, любимый, любимый! Одно-единственное слово в полной, над всей Землей, темноте.

— На одной стороне был день, так что…

— Не мешай мне. Одно слово — и над всей Землей! Ну, подожди, stuupido[193], пусть уснет он.

— Вот видишь, а ты завидуешь. Сколько было нас, и как мешали друг другу!

Теперь уже я враг «количества», а Она смеется, счастливая и гордая моей настойчивостью, обидой, моей ненавистью к проклятому трико, которое точно приросло, приварилось к горячему телу.

— Лежи, я сама, ты, бедненький, устал от умных разговоров. Целый день умные споры, а мне так хорошо, и я вас не слышу, одно только: было? неужто было? что же я в тот миг почувствовала? Так боюсь, что не смогу вспомнить.

— Сможем, — говорю самоуверенно, убирая куда-то за спину комок побежденного, наконец, трико.

— У вас одно в голове!

И пошло-поехало, все по порядку. Нет, лучше не слушать, а отвечать так, не словами…

Наконец мы вспомнили, что не одни на Земле, запоздало, замерли, смущенно вслушиваясь в уходящее эхо недавно бывшего.

— Хоть бы слово доброе сказала, — лицемерно пожаловался, прислушиваясь к дыханию-всхрапам Третьего, — хоть бы раз.

— За что?

— Как — за что? Теперь знаешь, как это…

— Ах, как это бывало у тебя с ними? Вот будет ребеночек, нам будет хорошо вдвоем, а ты можешь возвращаться к своим шлюхам.

И если бы шутя, а то ведь всерьез готова отправить.

— А мне лучше было, когда ничего этого не знала. Это какое-

то рабство. Нет уж, спасибочки! — И смеется, смеется: — Мне теперь собачки, птички снятся.

— Не сны, а Ноев ковчег.

— Надо же и этим парочкам где-то быть, если вы отняли у них Землю.

Постучала по моей голове косточками пальцев, как по кокосовому ореху, но тут же погладила ласково.

— У тебя всё отсюда. Может, и я — отсюда. А они ко мне все льнут. Надо же им где-то…

И вздохнула, даже всхлипнула, как наплакавшийся ребенок, которому захотелось спать. И тотчас заснула.

А я никак заснуть не мог, слушал Ее ровное дыхание, отдаленное похрапывание Третьего, его бормотание, а время от времени и истерический хохот, выкрики: всё воюет.

Она вздрогнула и проснулась, вся, дрожа от озноба. Это с Ней и прежде бывало. Тепло, даже жарко, душно так, что и дышать тяжело, а Ее будто снежной лавиной накрыло — так Ей холодно вдруг сделается. Думалось уже, что малярия, но непохоже: озноб как пришел, так и ушел — за минуту-две. Для этого надо только изо всех сил Ее «пожалеть» (сама жалобно попросит: «Пожалей меня»), в комочек сожмется, чтобы спрятаться в моих руках, — и засыпает.

Лежал и старался выловить из прошлого все моменты, когда уже была, присутствовала Она. Я ведь так и не знаю, не помню, откуда и когда Она появилась в моей жизни. Вроде была всегда, сколько помню, даже где-то там, в детстве моем, нашем. Но была и какая-то иная жизнь тоже моя, где Ее не было и быть не могло.

Неизвестно, как и откуда просачивается в память вот это: прибежала ко мне нескладуха девочка (вся из коленок, локтей исцарапанных, в синяках), в глазах ужас, мольба:

— Кровь! Кровь!

— Что, что? Сорвалась, ударилась?

Ах, вот что! Никто не подготовил малышку, не объяснил, что в ней дремлет женщина.

— Не пугайся, всё хорошо.

— Я умру?

— Наоборот. Ты станешь когда-нибудь мамой. Последняя капелька на последней веточке! Стряхнем,

уроним — и хода назад не будет, ничего, что было или могло быть. Кто подослал сюда, Третьего? Кому его не хватало? Природа мыслит количеством — это так. Ей нет дела до наших переживаний. Ну а как еще обращаться с теми, кто сумел, ухитрился сократиться почти до нуля?.. Давно надо было брать банкротов под опеку. Опоздала родительница, скорее всего,

опоздала.

Под утро пошел дождь. Я выглянул из нашей семейной пещеры — гость уже не спит. Кажется, озяб на земле наш астронавт — и скафандр не помог. Он накрывался им, от влаги оранжевая ткань потемнела.

Голубой горловины неба над нами нет, она затянута, как марлей, туманом. И молнии еле проблескивают сквозь высвеченный, озаренный ими туман, окутавший больше, чем обычно, стены нашего острова. Всякая перемена теперь пугает. Говорю как можно беззаботнее:

— Дождик к урожаю.

— Что это, что это? — зашептала, задышала у меня над плечом. — Ну вот, я так и знала!

— Что знала?

— Что случится что-то. И еще такой сон.

— Да ничего страшного. Твой Даждь-бог червей подсыплет нам, как грибов. И потом, как сказал один недавний мудрец: дождь создает великие нации!

— Значит, это правда?.. — донеслось из-под берез. Третий, приподнявшись, осматривается. — Всё вот это?!

— Не меньше, правда, чем вы сами, — подтвердил я.

И Она тоже подтвердила — самим своим царственным появлением из пещеры. В голубой своей обнове. Приподнялась на цыпочках, потянулась.

— О-о, растем! Ну, тогда пошли принимать душ.

— Что может быть лучше! — вскочил на ноги Третий. Она в голубом, он в розовом, ну, а я — чем бы и мне

опоясаться? Бреду сзади, как Пятница, но ведь и он не гулял, в чем мать родила.

Я присматриваюсь к Третьему: за ночь он изменился, лицо особенно. Нет, осталась та же ясная детская улыбка, но ушла прежняя, немного пьяная туповатость. И он уже не такой шумный. До чего же ловко кроит природа мужчин-небелых! У нас она потратится, не пожалеет фантазии, труда на женщину, а мужчину — хорошо, если через десятого обласкает вниманием. Нет, он даже светлее меня (загар у меня гуще), а глаза стойко-голубые, но дизайнер-природа, рисуя, чертя этот торс, этот треугольник груди, спины, узкие бедра, лекала заказывала, выписывала определенно из Африки.

Под водопад наша Женщина сегодня не становится, сразу занялась «заготовками», мы тоже выбегаем и азартно помогаем Ей собрать оглушенную, сброшенную с высоты рыбу, таскаем ее в маленький наш садок-бассейн.

Улучив момент, шепнула мне серьезно, со значением:

— Мне сегодня нельзя купаться.

О том, что «нельзя», сообщается (когда и вдвоем лишь были) только шепотом. Стыдливо и огорченно. Значит, вся надежда впереди.

А когда мужчины после шумного «танца дикарей» под больно бьющими потоками водопада подсели к костру, Женщина спросила:

— Надеюсь, выяснили всё, и будет тихо? — Но сама же нас легко заводит: — Так что: виноватых нет, все правы?

— Все правые — виноваты!.. Все виноватые — правы! — Это мы дуплетом.

— Ну, тогда забудьте на время.

То есть вспомните, что Женщина рядом. Что ж, мы рады стараться. Гость особенно. Оказывается, он из разряда дамских угодников, мастер этого дела. Вот из кого слов тащить не надо! И какие слова! А Ей это нравится, откровенно нравится: еще бы, мадонна! Всё, всё оценил, проинвентаризовал — сверху донизу. И чем ниже, тем смелее называл всех этих мерил-джейн-сесси-бинни-лиз — весь золотой набор кинозвезд. Оказывается, чтобы угодить Женщине (смотри, как сияет!), не требуется ни изобретательности особой, ни фантазии. Главное, не церемониться со словами. Слушает — как голодный ест: даже руки у смеющегося рта, чтобы и крошку не уронить. Замечает и мой взгляд, нет, про меня не забыла. Короткой, торопливой усмешкой (ну не мешай!) обещает и со мной поделиться богатством, которое на нее сыплется. Чем ты, мол, недоволен, ведь всё это наше семейное богатство! Радуйся, что твоя и еще кому-то нравится. А так — зачем Она и тебе? Я и радуюсь. Она снова и снова посматривает в мою сторону: будто тайком подсовывает, сдвигает мне под руку всю эту пышную кинобижутерию.

Что ж, пусть мужик старается, раз всё равно это в мой кошель попадает. Трудись, не ленись, а я за водой пошел! Сгреб с земли, обрызганные водопадом целлофановые мешочки, но только собрался уходить, а он сразу следом — помогать.

Э, да ты совсем не такой нахал, какой на словах, вроде боишься остаться тут с Нею!

— Отпускаю, раз вы такие! — разочарованно прозвучало нам вослед.

Конечно же, у нас снова разговор о вчерашнем, позавчерашнем, когда еще всё было и всё было возможно. Нет, мы не машем после драки кулаками, на это ума хватает.

Сошлись на том, что неразумно и просто нерасчетливо было — так стараться столкнуть друг друга с этой планеты.

— Да у кого бы вы хлеб покупали?

— А не будь по соседству социализма, очень бы с вами делились ваши толстосумы! А уж третий мир!..

— Ваши бюрократы…

— Ваши лучше?

— Да ну, одна порода! Только левое ухо справа и наоборот.

Мог бы рассказать, что сам когда-то слышал от старика, с которым рыбачил. Про то, как высоко оккупанты-немцы оценивали колхозную круговую поруку за хлебо-, мясо и прочие поставки. Еще бы, какому сельхозбюрократу такое не придется по душе? Лишь переназвали колхозы общинами. Бюрократический приветик — поверх любых идеологий!..

Набрали в прозрачные мешочки водички, холодной, такой твердой на ощупь, и возвращаемся, но никак дойти не можем. Время от времени там, наверху, нам нетерпеливо и возмущенно машут руками. Тотчас ускоряем шаг, но скоро, как в сетях или водорослях, запутываемся в разговоре, нескончаемом споре — и снова прирастаем к одному месту. Теперь уже и я внимательно рассматриваю, изучаю подступающую к нашему светлому острову, высоко встающую черную ночь, полосуемую немыми молниями. Мы, наш остров, — всего лишь чаша с голубой крышкой., налитая светом. Стенки чаши запредельно черные, в адских трещинах…

Прежде я не позволял себе ни смотреть, ни задумываться. Что-то мне не позволяло, может быть, то, что Она рядом. Отводя свой взгляд, уводил и Ее глаза.

Но с Третьим даже интересно — понять, объяснить. Кто это из ядерщиков изрек: «При чем тут мораль, просто интересная физика»? Ну, так получите «интересную» астрономию! Ливерморскую! Собрали их, чужих и наших, у кого ум и совесть в разводе, и они добились-таки своего: соединили, склеили небо с землею, да так, что никому уже не расклеить.

Почему все-таки солнце у нас по кругу ходит, как вдовья коза на веревке? Утро, солнце вылетает откуда-то из глубины неба (не из-за края стены, ночи) подобно раскаленному снаряду, стремительно приближающемуся. Вот-вот врежется в островок… Нет, пошло по кругу!

Вот объяснение астронавта: произошло резкое, грубое искривление пространства, время здесь течет не по изгибающейся бесконечности — по кругу побежало.

Занятно, но мудрено. Мне все представляется более простым: пузырь, буквально пузырек воздуха завис и не всплывает, не лопается, а в нем всё, всё, что осталось. Висим, дышим, радуемся, живем.

— Возможно, кому-то там, — Третий неопределенно провел рукой, показывая на круглое голубое окошко неба, — понадобились зрители. Для последнего спектакля. Мы приглашены в ложу Великого Драматурга, он же Великий Режиссер.

— Скорее уж на сцену. Ему надоели массовки, грандиозные зрелища, с тремя персонажами удобнее, нагляднее.

— Пастораль, — обрадовался гость.

— Для пасторали нужны пастухи, пастушки. А мы с вами? Хотя после случившегося нет более мирных пейзан, чем мы с вами.

Куда как лучше существовать вот так, незлобиво, не швырять камни в чужой огород, друг в друга. Понашвыряли столько, что у каждого камней под руками — горы. Есть чем отбиваться до скончания века.

Вот только один вопрос к Третьему:

— Слушайте, мы ведь шли на любые приемлемые взаимные уступки. Почему же вы?.. Или вас слова ослепляли: социализм, коммунизм?

Он точно не слышит:

— Слушайте, а кто это у вас?.. Я читал у одного вашего, перебежавшего: мол, честному человеку место не в тюрьме, а в лагере. Остроумно, да? Кто это у вас считал, что каждого человека на земле следовало бы перевоспитывать — за колючей проволокой?

— При чем тут это? Вы что, Сталина имеете в виду?

— Да если бы у вас его не было, наши мерзавцы выдумали бы: находка что надо!

— Ну, вот видите. Так что не в этом дело.

— Не в этом. Но и в этом тоже. Если Великий Драматург захочет проследить, кто больше всего помешал нам принять друг друга…

— Да мы сами с ним давно рассчитались!..

— Того, что оставалось, вполне хватило, чтобы насмерть и навсегда нас напугать и отвратить. Лучше быть мертвым! Слыхали?

— Ну что вы так вцепились в эту паранойю?

— Мы? А может, вы?

Ну вот, пошло-поехало: мы, вы…

— Нет; признайтесь, — выспрашиваю я, — вы просто валяли дурака. Ведь все было слишком очевидно. В ситуации, когда никто на слепоту права не имел. А тем более права валять этакого янки-ваньку! Мол, пусть осторожничает, отступает-уступает тот, кто бездну разглядел, видит под ногами, а я, подняв глаза к небу,

буду переть напролом! Это в одной-то связке? А ведь, если по совести, перли-то, рассчитывая на подстраховку, на благоразумие тех, кто на другом конце связки. Такое положение не могло продолжаться без конца.

— Зато на вашей стороне чувство нашей вины. Это чего-то да стоит!

— Перестаньте хоть сейчас.

— Как вам кажется, что сказала бы вот Она, если бы теперь слышала нас? — спохватился гость.

Мы глядим вверх, на скалу, а там прямо-таки подпрыгивают, как крышка на кипящем чайнике.

— Сказала бы: Всекаины! — соображаю я.

— Как-как? — восторженно захохотал гость. — Нет, с такой женщиной — хоть на необитаемый остров.

— Для необитаемого один из нас лишний.

9

Сколько бы камня ни обтесала нация, он идет большей частью на ее гробницу.

Генри Торо

Я все-таки решил сделать шаг навстречу цивилизации.

Она в великолепном трико, он хотя бы в трусиках, а я прикрыт одним лишь загаром да полинезийскими волосами до плеч. Одетый воздухом. Пора и мне цивилизоваться. Пока они у моря собирают водоросли, я, оставленный готовить обед (мы с Третьим ввели «мужской день» по собственной инициативе), изучаю скафандр астронавта — нет ли здесь ткани, пригодной для набедренной повязки? А что, неплохо — ярко-оранжевая. Что-то твердое нащупал: металлическая тяжесть в одном из бесчисленных карманов с замками-«молниями». Да это же пистолет! Давно не виделись, привет, парень! Небольшой, ноздрястый, старой системы, — астронавт мог бы иметь машинку и посовершеннее. Патроны в рукоятке, поискал в карманах запасные и нащупал еще что-то. Курительная трубка, какая-то странная, металлическая, но сработанная под дерево. Ну, ясно: пуф-пуф — и ваших нет! Пистолет-игрушка, патрончики в утолщении-барабане, ага, нажимать вот здесь.

Находку отложил в сторону на видное место и принялся чистить рыбу. Лучше бы ножик хороший принес в кармане гость, а то приходится действовать острыми раковинами. Без ножа

сложно будет распороть жесткую ткань скафандра. А хорошо бы: они появятся, а их встретит некто в оранжевом — знай наших! Впрочем, сюрприз я приготовил: лежат, голубки, на самом виду. Он что, забыл про пистолеты свои?

А в кармашке что, в верхнем? Карточка астронавта, что ли? Сколько набрал миллибэр? А может, и не милли? Что?! Цифра эта и слона свалит! Что-то понаписано разным почерком. Да нет, не всерьез это, просто развлекались в своем космосе. «Репродуктивность — ноль (невосстановима). Сексуальная составляющая — ниже нормы». Другой рукой приписано: «Ниже всякой критики. Вместо — принимать три порции виски».

Ладно, пусть лежит, где лежала. Нехорошо, однако, получилось — будто обыскал «мундир врага». Но пистолеты он обязан был показать. Мы-то его приняли с открытыми ладонями.

Уже голоса слышны, смех, поднимаются сюда. Я не выдержал, встал и наблюдаю: Третий тащит ношу за двоих. Она же налегке идет впереди, напевает, в руке у Нее (это уже мне сюрприз!) цветок. Взмахивает им, весело дирижирует, кажется, даже понюхала. Я чуть не упал от удивления. Будто проснувшись или вспомнив, отшвырнула цветок и даже посмотрела вслед испуганно, точно змею вместо палки по ошибке подняла. Но факт был: и несла и нюхала. Ну и что из этого следует? Не знаю, но сердце у меня колотится. Я отошел на шаг, отступил от края скалы,

почему-то не хочется, чтобы меня сразу заметили.

— Привет! Ой, что это? — Она первая увидела пистолет и «курительную трубку».

А Третий освободился от своей ноши и только потом разглядел, о чем речь. Он смутился, даже покраснел.

— Я и забыл про свою коллекцию. Точно, лежали в скафандре.

— Можно мне пострелять? — Женщина находке очень рада.

А почему бы и нет? Теперь это действительно игрушки, мы тоже оживились, как-никак соревнование. Игры доброй воли. Ничто так не выделяет, не красит мужчину, как стреляющая игрушка в твердой руке.

Женщина всё не может решить, из какого Ей стрелять, оживилась, точно в ювелирный магазин вошла. А мы, как услужливые продавцы, наперебой советуем: вот из этого, нет, этот удобнее. Один показывает, как держать, другой — как правильно стоять: вот так, развернувшись. Нажимать на это. Но я ничего не забываю. Схватил в сторонке, сорвал цветок, который утром не скосил, не сбросил в ущелье, и, мокрый, тяжелый, прихлопнул к скале: вот и мишень! Держится, как резиновая присоска. (Я

невольно понюхал ладонь: нет, не пахнет, только сырость грибная.)

Она целится, так хочется Ей попасть, а мы поддерживаем Ее за локотки снисходительно и с умилением. Конечно, промажет, знаем заранее, зато мы покажем, как надо, — что-что, а это показать мы мастера.

Щелчок выстрела заполнил вдруг проснувшимся эхом все пространство меж черными стенами: точно одну из молний вдруг озвучили.

— Хватит козами сено травить, очередь наша, — голос мужа.

— Попала? Я попала?

— В белый свет как в копеечку! — Вспомнившаяся присказка прозвучала двусмысленно: произнесена впервые с тех пор, как действительно врезали по белу свету, да так, что черным стал.

Теперь стрелять нам.

— Сударь, оружие выбираете вы, — предлагаю гостю.

— Нет, оружие мое — выбирать вам.

— Ой, как интересно! — всплеснула руками Женщина. — А я буду секундантом.

Разобрались, кому из чего стрелять. Третий камнем нацарапал мишень — крестик поставил. Цветка моего будто и не заметил.

Я выстрелил в цветок. Он — в свой крестик. И оба удачно. Нам поаплодировали. И потребовали:

— Вы и так умеете, дайте я еще раз!

Третий глянул в мою сторону, я отозвался согласным взглядом, просто здорово, как легко мы друг друга поняли: одновременно швырнули наши игрушки за скалу, туда, где море.

— Умники! Вы бы чуть раньше за ум взялись.

А нам всё равно хорошо, радуемся, будто и впрямь что-то значит; что-то решает наш поступок. Мы отсюда кому-то демонстрируем, как легко и просто такое сделать.

— Когда нас уже трое, лучше без этих штучек, — весело поясняю Женщине.

— Именно! — подтвердил мой партнер по успешному разоружению. — Я подозреваю, что и там первым выстрелил третий. По вашему реактору, по нашему…

— Тем более что в каждом человеке тоже трое запрятаны. — Ну вот, пошла арифметика, — заскучала наша Женщина.

Нет, это совсем не скучная материя. Мой «пом», общительный, как все одесситы, часами просвещал тех, кто готов был слушать, когда подлодка наша подремывала в энном квадрате, развивая спасительные как ему, казалось, идеи о «многоотсечном человеке». Которого, если правильно, научно

разгадать и просветить, высветить изнутри, можно подтолкнуть в спасительном направлении.

В каждом человеке, говорил мой одессит, размещаются три команды, по одной в каждом из трех отсеков. Три командира со своими послушными, преданными соратниками. И каждый хотел бы, чтобы остальные команды тоже шли его курсом, к его цели. А курс и цели у каждой команды свои и разные. Отсек номер один — «песни и пляски» (это если огрублять). Этим — чтобы всё сразу и тотчас: од нова живем! — самое лучшее, вкусное, приятное и всего от пуза. Немедленно плыть к острову, где молочные реки и кисельные берега!

— Это вот ты! — показал я на нашу Женщину.

— Согласна. Кто со мной?

— Подожди, разберемся дальше. В отсеке номер два — «чадолюбцы».

— Это ты! — спешит Она, не теряя улыбки.

— Допустим. На стенке, на механизмах, даже на корпусе ракеты или торпеды — везде семейные фотографии, мордашки-кудряшки. Ради них — готовы, хоть в ад. Туда, туда, куда мы укажем, — ради детей, счастья потомков, даже с подтянутым брюхом!

— Что же останется мне? — поинтересовался Третий.

— Ну а третий отсек — это Некто. Самый таинственный, позже других объявившийся, но уже много успевший. Возможно, больше остальных. Человек-идея! И команда соответствующая — фанатики из фанатиков. Кисельные берега, мордашки-кудряшки — это если и интересует, то лишь как «идея киселя», «идея мордашек». Выбирать между идеей и киселем не будет. Он давно и навсегда выбрал: не суббота для человека, а человек для субботы.

— Ну нет, это не я! — запротестовал Третий. — Это какой-то фюрер.

— Зря отказываетесь. Первых двух в любом кролике отыщете, они — реликты. Именно третий, Идеолог, делает людей людьми. Удерживает и поднимает. С четверенек на ноги. Обязывает заботиться, думать не только о себе и не только о своем — это он. Жить мечтой о всеобщем счастье и благе — это он. Не будь его, шагу бы не сделали от гнезда-лежбища. Он и только он научил, учит заботиться об общем благе, интересе. О благе не только рода (тут и реликты что-то значат), но и любых других человеческих сообществ именно как человеческих. Иное дело, насколько то или иное сообщество действительно ради общего блага. Вот вы о фюрерах упомянули. Да, что получится — это не сразу угадаешь: храм братства или пирамида, памятник до небес во славу

«организатора работ»? Вот здесь и зарыта собака — в жажде, азарте полной власти (и обязательно нераздельной) у каждого из командиров отсеков. А ее, нераздельную, даже весь человек долго нести не в состоянии, не становясь черт знает чем. Это еще Рим засвидетельствовал, Плутарх говорил. Абсолютная власть и разлагает абсолютно! Тем более не по зубам она для одной трети нашей природы и породы. Но кого это и когда останавливало, удерживало? Ни первого, ни второго, а третьего и подавно, И — постоянная борьба, соперничество, подсиживания, неустойчивые союзы — весь набор, именуемый историей человека на Земле!

— Ничего себе красавчик, если не наврал твой одессит! — Женщина разглядывает нас как-то особенно пристально. — Значит, вас было не шесть миллиардов, а три раза по шесть. Нет, больше: там еще и команды. Теперь понятно, почему никак не могли ужиться. Если в себе никакого мира, какой же — с другими?

— Я же говорю, что выстрелил кто-то из-за нашей спины, — Третий гнет свое.

— Да, как это я забыл: не три, а четыре отсека-каюты. Вот и я забыл, а не следовало бы! Может, потому, что нас тут трое. А есть еще и некто четвертый в нас. Дверь этого отсека снаружи вся мелом, краской, дегтем и чем только не исписана, не измазана: «Трус!», «Шкура!», «Предатель!» Это недружественная рука соседей. Презирают. А как не презирать, если отсюда нет-нет, да и прозвучит команда, да такая грозная и мощная, что и своих забудешь, а помчишься исполнять: «Бросай, бросай всё и спасайся! Падай! Беги! Ты мертвый, не шевелись!» И детей при этом забывали, бросали, случалось, и стариков немощных, — попробуй, не послушайся: команда — как удар под дых! И про стыд-совесть забудешь. Но потом мучайся, терзайся — и всё из-за него. Мы этот отсек назовем так: Свистать Всех Наверх! СВН. А если научно: «Инстинкт самосохранения особи». И «чревоугодники», и «чадолюбцы» его презирают, но трусовато, как лакеи барина. Никак не готовы признать, что без СВН не смогли бы отвоевать место под солнцем ни брюху своему, ни тем же детям. Пинками да грозным окриком: «Держись, не сдавайся, если хочешь жить!» вгоняет, вколачивает СВН в «чревоугодников» и «чадолюбцев» такую стойкость, выносливость, силу, что сами потом поражаются: как добежали? как одолели? как смогли-сумели? мы это или не мы?! А когда подоспел, организовал свою'группу — по соседству с реликтами — Идеолог, вот уж пошло-закрутилось! Первым делом всё героическое он переадресовал себе. А СВН еще дружнее стали презирать и поносить как паникера и эгоиста, себялюбца. Тысячелетние

состязания, борьба Идеолога и СВН — это самые прекрасные страницы самых величавых саг, книг, кинофильмов. Побеждал в наших симпатиях чаще всего Идеолог: его герои, его любимцы, все, кто ему верны, умирают красиво, говорят долго (время и деньги не лимитируют, техника-то информационная, как и всякая другая, — его детище), если надо — стихами, поэмами, серенадами. О, эта героическая кровь Каина! — сказано в давние времена, но как бы о наших. Удивительно ли, что и остальные реликты льнут к Идеологу и пинают (пока он дремлет) СВН. Были, объявились, правда, и у СВН союзники. Даже в стане, в отсеке Идеолога. Уговаривали выбить для Инстинкта самосохранения особи дефицитный статус Инстинкта самосохранения рода человеческого, у Того самого, которым обделила нас непредусмотрительная матушка-природа. Ну да разве мог поступиться своим главенством, хотя бы частью своего авторитета Идеолог? Или сам измениться в том направлении достаточно быстро? Ну, и еще такая вещь, как сила слова, точнее — сила традиции в употреблении слов. Вот кто из вас — трус? Желающие называться трусом есть? А предателем? А подлецом и врагом собственного народа? Который не нажал в ответ, пожалел не свою часть человечества. Потому что другой, своей уже нет, не осталось. Что-то не вижу охотников-добровольцев! То-то же! Ну а что, может быть, спасешь род человеческий — это надо еще доказать…

— Ученые, как всегда, напутали, — Третий вдруг заговорил серьезным тоном, но в глазах нет-нет, да и плеснет усмешечка, — считаю, что люди и есть бириты. Слышали про биритов? Тоже племя человекоподобных. Считается — тупиковая ветвь развития. Тупиковая-то тупиковая, а вышли в люди! Брюхо ниже колен, а глаза печальные, как у шакалов. Потому что вечно голодные: при такой-то лохани горло у них — как у маленькой пичужки. Сколько ни нагреб всего, все равно мало, голодный блеск в очах. Аппетит — во, а горлышко — во!

— Я не договорил свою мысль. Не трусость нас погубила, нет. А то, что все еще стремились быть героями, вчерашними, доядерными…

— Ну, послушать вас обоих!.. — И замолчала, не нашла больше и слов, так возмутилась наша Женщина. И уже совершенно по-детски: — Так что же, и я, выходит, такая? Не хочу ничего вашего знать!

Тут мы показали, какими умеем быть подлизами, какими не окаянными, а покаянными — оба. Нам и самим стыдно и обидно, что у Нее такие соседи, родня по острову и т. д. и т. п. Пока Она не рассмеялась.

Но я все-таки вернулся к отсекам, сообразив, что напутал, переврал моего одессита. Выдал-таки желаемое за сущее. В том-то и беда, что четвертого отсека в нас нет: о, если бы великий Инстинкт самосохранения прямоходящих имел такую самостоятельность, свою дружную команду. Да нет, ютится СВН при «веселых ребятах», служит — услужает им по мелочам: попугает обжору какой-нибудь болезнью, пьяного из-под колеса выхватит, — да и то люди не ему в заслугу поставят, а самому создателю: мол, щадит пьяненьких, бережет!..

И только в экстремальных условиях царит, командует он, вот тут уж свистит всех наверх!..

Третий мою мысль перехватил, но за какой-то дальний, мной упущенный кончик:

— В нашем летающем гробу тоже были свои философы. Тоже мучились, кто трус-предатель, а кто герой, если теперь одна бомба на всех. Врач наш — все рентгены-бэры у него в тетрадках — дразнил самых больших патриотов: «Вот ты как считаешь — отдельный человек ради народа жизнь отдать должен? Правильно, обязан — и с радостью. Умничка! Ну а отдельный народ — во имя человечества? Разве он не такая же единица по отношению ко всему роду, как я и ты — по отношению к своему народу?..» На десять витков хватало софистики!..

— Постой-постой! — вдруг спохватилась и Она, посмотрев на меня в упор. — Интересно бы взглянуть, а какими мордашками-кудряшками были оклеены стены твоей каюты?

Третий аж застонал, прислонившись спиной к скале, — так ему стало весело:

— Я себе представляю! По своей посудине: Сорок вторая улица во всем блеске!

Я же чуть не ответил Ей (и это была бы правда): «Твоими!»

Да, были там и всякие-разные, их мне приносили, дарили, наклеивали друзья-офицеры, понимавшие толк в «современной обнаженной натуре». Но и они тоже завороженно и подолгу рассматривали Венеру, стоящую на огромной перламутровой морской раковине, — бесконечно светлый и в то же время не прояснено печальный, почти детский взгляд ее, лишь подчеркнутый наготой прекрасного женского тела. Она ласково смотрит, но это — на мир, ее встречающий, а не на тебя, а потому ничей взгляд наготу ее смутить не может. «Черт, умели рисовать!» — пробормочет один, а другой так и руками взмахнет, покажет: волосы такие, что и не удержать на вытянутых!..

Боттичеллиевскую эту, уверенную в своем бессмертии красоту, спокойную ласку женских глаз уносил я всякий раз с собой, погружаясь в сон. Венера Рождающаяся, встречала меня

при каждом пробуждении — Ее уносил, Она встречала…

Такая же репродукция боттичеллиевской Венеры и на подволоке Центрального Поста. Прямо над главным командирским табло прикрепил, не пожалев технического клея, чтобы осторожненький мой заместитель не соскоблил перед очередной проверкой-комиссией.

10

Потопом были уничтожены все создания; один лишь Ману уцелел… Желая иметь потомство, он стал вести благочестивую и строгую жизнь. Он также совершил жертвоприношение «пака»: стоя в воде, принес жертву из осветленного масла, кислого молока, сыворотки и творога. От этого через год произошла женщина. Когда она стала совсем плотной, то поднялась на ноги, и, где она ни ступала, следы ее оставляли чистое масло… Она пришла к Ману, и он спросил ее: «Кто ты такая?» — «Твоя дочь», — отвечала она… Вместе с ней он продолжал вести благочестивую и строгую жизнь, желая иметь потомство. Через нее он произвел человеческий род, род Ману, и всякое благо, которое он просил через нее, было дано ему.

«Сатапатха Брахмана»

На свою голову я наболтал про «многоотсечного» человека. Теперь чуть что (настроение такое у Нее все чаще) — слышишь: «Третий — это ты!», «Ты и есть тот третий!»

Тот, дескать, который сам тенями-идеями питается и всех бы ими кормил.

— Может быть, и я для себя только тень! Тех, твоих!

Но мучения Ее глубже, не только в моих достоинствах или недостатках дело. И никакая это не ревность к нашей прошлой жизни. Как раковая опухоль под черепом, растет в ней догадка, подозрение, ужас, что мы действительно лишь тени, тени

умершей жизни, и всё нам только кажется. Ниточка памяти, тянущаяся к ржавой двери за водопадом всё напряженнее в Ней — вытягивает новые и новые детали, подробности, смутные, но болезненные. В том гранитно-стальном гробу, так здорово задуманном, сконструированном, построенном для долгой жизни с замкнутым циклом обращения веществ (растения должны были поглощать углекислоту, а человеческие фекалии питать растения), очень скоро сами люди превратились или в надсмотрщиков-палачей, или в лагерную чернь, истребляемую поголовно. Со всё большей лютостью надсмотрщики охотились за всеми, а потом уже и друг за другом и скоро в погасшем, пропитанном трупным ядом мирке осталось лишь двое. Девочка и немой. Как часто бывает, уцелели самые слабые и беспомощные: жизнь порой прячется в оболочке, где ее меньше всего рассчитывает отыскать смерть.

Девочка смертельно боялась немого, как и все там цод конец боялись друг друга. Но вскоре она поняла, что нужна ему, без ее голоса он не отдаст команду компьютерам и не получит воду, пищу, задохнется (аппараты неисправно, но все еще подавали запрашиваемое). Но и немой ее боялся. Потому что без него-то она могла просуществовать. Спал он неизвестно когда, всё следил за ней. Или уходил куда-то на время, прятался среди трупов и, видимо, отсыпался. А затем появлялся снова. Ей было уже страшно, что когда-нибудь он не вернется, что останется одна. Даже привязалась к этому страйному, истощенному, как скелет, существу — живому В мире смерти. Сама не заметит, как потянется к его руке (он испуганно отдергивал). Рассказывала ему вслух свои сны или фантазии: про то, как дверь открыли, впустили дневной свет, и они вышли, а там всё, как было, — солнце, трава, но она искала и не находила маму. И проснулась в слезах.

— А ты ее помнишь? — спросил я, чтобы увести разговор в сторону.

— Нет. Ничего не помню, я самый несчастный на земле человек!

Утром, оставив Ее, наконец, измученно уснувшей, я выбрался из нашей пещерки, привычно поискал глазами косу. Третий еще спит под нездешними березками, сон у него крепкий, ничего не скажешь. Нет, услышал меня, приподнял голову. Я показываю косой: пойдем, мол, поработаем. Только тихонько! Он тоже повращал глазами, догадливо кивая на пещеру, и мы удалились.

Что несколько усложняет и запутывает и споры наши, и вообще чувства к соседу и собрату по островной жизни, так это — что он не просто американец (недавний противник), но еще и

цветной (а значит, объект нашего с детства привитого сочувствия). Был бы он, как я, белый (хотя загар мой погуще, чем его природная смуглость), легче было бы выяснять и делить наше неразумное прошлое.

Нет, будь я на месте Ее — влюбился бы. В эту плывущую, плавную, как у зверя, пробирающегося по густой траве, походку.

В эти по-особенному изящные руки, сухие и длинные ноги, гордую шею — не может быть, чтобы не замечала! Вот еще одно доказательство (в помощь науке), что начинался человек не где-нибудь, а в Африке. Лучшие лекала, еще не разбитые штампы Господа Бога употреблены были, истрачены на них, на первых.

Это всё островные мои чувства и мысли, здешние, теперешние. Но есть еще и прошлые, воспитанные, во многом книжные. Мир двигался, усложнялся — и белый, и цветной. А менять ничего не хотелось, так это было привычно.

Полная беловолосая дама, одна из наших, прямо в римском аэропорту, как только увидела чернокожего, сразу полезла в сумочку, извлекла бордовый значок, повертела, изучая, как его прикреплять, и устремилась это сделать — приколоть к лацкану превосходно сидящего на чернокожем ослепительно белого костюма. Возникла непонятная какая-то борьба, мельтешение рук — белых, темных. Проще говоря, было яростное отпихивание темными Мужскими благословляющих на братство белых женских. Мы еще увидели уносящиеся по перрону белые туфли, белые штаны и бегущих следом двух типов, клерков с виду, белолицых, возмущенно оглядывающихся. Встречавший нас земляк пояснил безнадежно-устало, как бы в сотый раз: «Ну, зачем же вы сразу так? Это же американский миллионер!»

А что, если рассказать историю эту нашему цветному американцу!

Он слушал неожиданно серьезно, внимательно.

— Что я не миллионер — это уж точно. И вы, как я догадываюсь. Но вот в чем ирония: вы, белые, эту бомбу придумали и сами себя первых извели. А заодно и всех остальных — желтых, черных, полосатых. (Впрочем, и кое у кого из них тоже было что швырнуть, добавить в общий котел.) И снова в выигрыше оказались вы. Вас — две трети теперь. А я — лишь одна треть. А было наоборот.

И только здесь он привычно зашелся смехом.

Вот они, проклятущие, снова за ночь их выперло, ступить некуда! Под ногами даже хлюпает от раздавленной грибной сырости — прямо какое-то цветочное болото. Я, отступив, принялся сбивать желтые жабьи головы. Ногами сдвигаю весь этот ненужный «сенаж» к ущелью, показываю Третьему: мол,

давай помогай.

А он вместо этого по-утреннему потянулся, повертел руками, как мельница, и снова смотрит на меня непонимающе. Ладно, справлюсь один. Он принялся рассказывать мне, какие тренажеры установлены в их аппаратах, интересуется, как занимались физкультурой мы.

Я все же подал ему свой вращательный агрегат (коса вся в молочайной слизи, липкой, чернящей руки.)

Он инструмент взял, разглядывает: что за штуковина, зачем она? Попробовал вертеть не очень умело. Вопросительно посмотрел на меня. Я показываю на высокий ковер из цветов, а он всё валяет дурака, будто не понимает или не видит. Но меня уже прохватил холод: *а что, если и правда нет? Не только запаха, но и их самих*?

— Да вот же! — прошептал я — как крикнул, ковырнул ногой скошенное.

Забрал у него косу, и мы уселись на камни. Словно ничего не было, не произошло. Он, видимо, так и считает, ничего не понял, а во мне как будто что-то оборвалось. С трудом доходит, о чем он рассказывает. На ладонях каучукообразные, липкие катыши, я их перетираю в пальцах, соскабливаю камешком (вот же, вот же они!). О чем он там толкует? А, об этой нелепости: ядерная засада, аппараты «последнего удара», «возмездие», — кому и за что собирались мстить? Недобитым, обезумевшим живым существам, последней биологической массе, когда уже нет принципиальной разницы между насекомыми, зверюшками, людьми!..

Возмездие настигло нас самих, громовое:

— Ах вы, подлецы! Вот вы кто! Если я верно поняла, где-то еще летают и плавают ваши эти… И должны еще раз выстрелить.

Мы обернулись испуганно: Она стоит и, кажется, не замечает, что неодетая (костюм свой смяла в руках), глаза мечут искры.

— Гады вы — вот кто! Недобитые.

— Приказ такой, — виновато смеется Третий, — мы люди военные. А недобитые — потому, что еще не выполнили приказ.

— Господи, и мне с вами тут быть! А еще эта гадость!.. Как я обрадовался Ее брезгливому движению, знакомой

гримасе в сторону цветов! Она их видит, мы двое видим, всё есть, ну а что с его зрением, что с ним — это его забота.

Через десять минут мы уже весело дурачились по дороге к водопаду. Она привычно «подъезжала» на мне, внезапно повисая кошкой, нет, ни разу не ошиблась и не бросилась ему на шею. А что, полетать бы на таком «дельтаплане»: плечи, торс! Он смешно и опасливо сторонится, Она это заметила — теперь-то и жди,

выкинет какой-нибудь фокус. Нате, мол, вам и разбирайтесь!

Наперебой обыгрываем тему о женщинах-инопланетянках. Женщина не коренная землянка, она сброшена к нам из Космоса или вытолкнута из антимира. А может, по женскому любопытству сама явилась. Ну а мы — коренные, аборигены-обезьяны, женщине ничего не оставалось, как поднять нас до своего уровня, очеловечить. Хорошо бы и нас, вояк, очеловечить!

— Малоинтересное занятие.

Она критически оглядела нас, тряхнула волосами и ушла вперед. Бросила через плечо:

— Вам надо еще родиться. А я еще подумаю, надо ли это делать.

И вдруг остановилась на крутом спуске, повернулась к нам.

— А помнишь…

И стала рассказывать притчу, от меня же услышанную, про двух женщин, которые горячо доказывали свое материнское, единоличное право на ребенка. И как мудрец испытующе предложил «поделить пополам».

— Понимаете, живого пополам!

Истинная мать, конечно же, уступила все права ненастоящей. Ну а лжемать — она, на что угодно готова была.

— Кто-нибудь из вас уступил?! Только бы жили дети? — судяще вопрошает наша Женщина.

— Уступали! Многое! — дружным дуэтом отозвались мы.

— Ну, а в большом поступиться? Раз уж так далеко зашло. Дети же, дети!

— Есть вещи, дальше которых политики пойти не могут потому именно, что они политики, — явно скучая, пояснил Третий.

— А что, мир состоял из одних политиков? Не было отцов, матерей?

— Были еще и эти, которые… — Третий дурашливо зарычал. — Президент бросил им кость, потом попытался забрать триллиончик, а они — грр, цал за руку! Не те ребятки, чтобы поделиться чужим!

— Мы уступали, сколько могли, — пытаюсь растолковать, объяснить, да и сам понять, — но, сколько же можно? Если они как глухие! Старые газеты если поднять, даже их…

— А мы, — Третий явно дурака валяет, с Женщиной всерьез о политике разговаривать — это не по нем, — мы так: лучше детям умереть с Богом в душе, чем всё равно потом — коммунистами! Они же все атеисты.

— А вы?

— Мы, конечно, тоже, но про это вслух не говорили. И нам

очень хотелось отгрохать Ноев ковчег, космический. Чтобы на нем только чистые спаслись, а нечистых — на распыл. Но в компьютерах Господа Бога какой-то сбой, ошибочка случилась — и вот мы тоже здесь.

Он вот так, но Она-то всерьез. Чуть не плачет.

— Значит, поделили? Ребенка — пополам!

И провела рукой в сторону, где кончается наш остров, наш непонятно как существующий мир. Там, в кипящей от молний и штормов, заледеневшей саже погребено всё — и правота одних и неправота других, все истины, все идеи, все слова. И вот эти тоже, хотя они из книги, называвшейся Вечной: тенел, мене, мене «Ты взвешен на весах и найден очень легким. Исчислил Бог царство твое и положил конец ему…»

Ночью я проснулся оттого, что Она, прижимаясь, шепчет ласковые слова.

— Тише, — уже привычно предупреждаю, — он, может, не спит.

— Ушел. Куда-то ушел. Вот бы насовсем.

— Ну, зачем же так?

— А вот так! И я хочу, пусть будет всё, всё, что когда-то было у вас!..

Нехорошо грубой, вызывающе требовательной была Она, как бы уличающей меня. Как бы пыталась смутить саму реальность (или как Ей кажется: нереальность существующего), провоцировала ее выдать себя.

А потом сладко плакала и горячо, горячо убеждала:

— Ragazzo mio! Amore mio![194] Правда, правда, я люблю тебя, люблю!

Утром куда-то исчезла, вернувшись, шепнула:

— Я тебе письмо написала.

Я промедлил.

— Я сейчас пойду и сотру!

— Я тебе сотру! Бегу читать.

Бывало, целыми днями этим занимались: один напишет на берегу, на сыром песке, другой узнал и спешит туда — прочесть, сочинить ответ.

Крикнула вслед мне:

— Не беги так, разобьешься!

Искал, искал вдоль воды Ее письмена, следы есть — и ничего больше. Вот тут что-то было, но затерто ногой. Сама же и стерла.

Когда вернулся и пожаловался, что нет там ничего, Она с готовностью откликнулась:

— Вот я и говорю: ничего!

Это «ничего», постоянно Ее мучающее, меня уже начинает

раздражать. Ну, как Ей доказывать?

Однажды утром Третий, увидев, что я отправляюсь косить, спросил шепотом:

— На зарядку?

И присоединился. По дороге я решил действовать напрямик: заговорил про цветы, зачем их скашиваю.

— Прошу меня извинить, — Третий был заметно смущен, — но я, очевидно, еще не совсем отошел. Они веселящего сна мне вкатили хорошую порцию. Несколько раз наблюдал, как вы орудуете этой штуковиной, но не понимаю зачем.

Он тревожно оглядывается, смущенно смотрит мне в глаза.

— Да вот же они! — Я сделал резкий взмах-оборот своей косой один, другой, — Вот! Вот! — и ногой отшвырнул скошенное.

— Да, конечно, конечно! — поспешно соглашается Третий, но смотрит на меня так, будто не ему, а мне вкатили того газа-наркотика.

Но не он моя главная забота. А вот что Она теперь порой не замечает своих врагов — цветы, это посерьезнее. Я наблюдал: когда они вдвоем спускаются вниз или сюда поднимаются, самые густые заросли Ее не пугают, как прежде. Да Она их просто не замечает.

Снова лезет в голову, как и когда они, проклятые эти цветы, впервые объявились у нас на острове. Сразу после той прекрасной ночи, для тебя — прекрасной, ну а для Нее? А иначе, почему так совпало?..

Я как-то заговорил с Нею об этом осторожно, исподволь, но Она будто только и ждала этого разговора, прямо-таки закричала:

— Ну что, ну чего ты от меня добиваешься? Теперь я уже хотела бы, чтобы были эти отвратительные цветы! Но только чтобы на самом деле! И даже крысы, пауки! О боже, я же и виновата! Нет моей вины. Потому что ничего нет. Неужели ты до сих пор не понял: ведь нас нет, нет, нет!..

11

Не прошло и минуты, как на ложе возлег супруг, появившийся немного раньше обыкновенного, и, обняв ее, еще плачущую, так ее вопрошает: «Это ли обещала ты мне, моя Психея? Чего же мне, твоему супругу, ждать от тебя, на что надеяться? И день и ночь, даже в

супружеских объятиях, продолжается твоя мука. Ну, делай как знаешь, уступи требованиям души, жаждущей гибели».

— … Сегодняшняя битва ведется без пощады!

— И с этими словами она поднимается на кровать и медленно опускается надо мною на корточки; часто приседая и волнуя гибкую спину свою сладострастными движениями, она досыта накормила меня плодами Венеры Раскачивающейся; наконец, утомившись телом и обессилевши духом, упали мы в объятья друг друга, запыхавшиеся оба и изнуренные.

Апулей. «Метаморфозы, или Золотой осел».

— Милая, тихо, он услышит.

— И пусть. Если он, правда, здесь.

— А где же ему быть? Ну, вот мы, ну вот же было только что!.. Ты не Венера Рождающаяся, ты — Буйствующая!

— Прости, — Она засмеялась, спрятав лицо, — ты делаешь меня такой, а сам тайком осуждаешь.

— Да, да, обязательно!

— А знаешь, какие теперь у меня сны? Скалы вокруг, скалы, я совсем одна, но мне хорошо, потому что я знаю — это не скалы, не камни. Выступают из скал, гроздьями кверху ползут ножки, ручки, попочки такие детские, головенки, я хлопочу возле них и совсем не удивляюсь что они каменные, мои дети…

Ночью мы проснулись на голос Третьего, он чем-то громко поражался, звал и нас посмотреть. В проеме пещеры странный льющийся свет, яркий, ярче, чем от немых молний. Выползли наружу и сразу точно под водопадом оказались — свет льется, падает с неба как бы обручами. Мерцающие обручи света, какого-то сухого, электрического, плавно сползают с неба, а другие им навстречу как бы взлетают. Северное сияние! Не раз наблюдали, всплывая где-либо на Севере. Ну а где теперь не Север? Но что сделалось с нашими мрачными стенами! Женщина прямо зашлась от восторга. Игра, сумасшедшие переливы красок и цветов, богатства, никаким пещерам Аладдина и не снившиеся! Точно все

драгоценности Земли, да нет — Вселенной вдруг выступили, как роса. И самая чудесная капелька — Женщина, руками обхватившая житный сноп своих волос, прячась за него от наших взглядов. Она смотрит на «драгоценные» стены, мы таращим глаза на Нее и сообща охаем все громче и дружнее. Но только всё вокруг — обман, игра света на кладбищенских стенах, и лишь Она — живая красота, единственная, последняя. Как тут не молиться? Не понимая, почему мы не смотрим, куда Она смотрит, сердито теребит нас:

— Да гляньте же, посмотрите?

И мы тоже оглядываемся на бездонные толщи зимней сажи, на которой, как на черном бархате, выставлена, сияет обманная лавка джиннов.

— Драматург решил поразить световым эффектом, — объявляет Третий.

— Обычно это делается перед новым фабульным ходом.

— Да не болтайте вы, смотрите!

И вдруг я увидел что-то такое… Мы все трое не двигаемся с места — он, Она и я, конечно. Но я вижу (закричать готов, показать и Ей и ему!), как двое, отделившись, уходят от нас: голова и руки Женщины на плече ее спутника, а волосы падающей волной окутали их тела, ступают осторожно, как сомнамбулы, лунатики.

Я чуть действительно не воскликнул: «Смотрите, смотрите!» (Удержало только опасение, что как с желтыми цветами получится: кто-то видит, а кто и нет!) Но когда глянул на стоящих рядом Ее и Третьего, сражен был еще больше, голос мой пресекся. Я не просто глаза их видел: («Ты?» — «Это же я, я…») мог поклясться, что увидел два луча света, которые пересеклись и трепещут, как крылья мотылька.

Оглянулся — тех, уходящих, уже не было.

12

Женщины: ведь это как бы даже не люди, а какие-то совсем особые существа, живущие рядом с людьми, еще ничем никогда точно не определенные, непонятные, хотя от начала веков люди только и делают, что думают о них.

Иван Бунин

Я здесь, наверху, а они вдвоем там, на берегу моря. Это так не соответствует ситуации: как раз меня сбросили вниз. Ей для этого и слов не понадобилось. Ушла, увела с собой Третьего, и всё. Все дела. Теперь не он, а я — третий. Вот так. Немного времени понадобилось надорванному оборваться. Но только когда, когда это началось? Я уже готов думать, что в то самое утро, когда объявились проклятые цветы. Третьего тогда еще и в помине не было. Всё и тянулось и даже считалось любовью, счастьем потому лишь, что Она себя еще не знала, не понимала. Просто хотела любить, сильнее всего хотела этого, но как и что оно означает — с чем Ей было сравнивать? Что теперь у Нее — тоже неизвестно. Хотел бы я. чтобы объявился еще кто-то, Четвертый, Пятый, тоща, может быть, и Третий узнал, испытал бы то, что испытываю я. Я уверен, что именно ему не хочу уступить, а если бы кто-то другой и. главное, если бы не было такого откровенного предательства…

Новая пара, семья, перебралась вниз, к морю, там у них шалашик, стыдливо повернутый лазом от меня (хоть на этом спасибо!). Не сговариваясь, не подписывая «конвенции», поделили водопад и его дары, «последние дары природы»: я хожу туда лишь после них, когда вижу, что молодожены приняли душ и спускаются к себе.

Ну не убивать же нам друг друга. Это-то хоть ясно — после всего, что было. Не одни только литосферные плиты-континенты от ядерной пальбы сдвинулись, по-крокодильи наползая, друг на дружку, сдвинулось и в мозгах что-то, не полные же мы кретины! Тут всё ясно. Но кто бы мне подсказал, как быть теперь мне и как жить втроем на этом островке? Теперь он не подарок судьбы, а западня, ловушка, с него не уйдешь, не уедешь, не уплывешь. А то бы (иногда детская такая мысль) поплыть, и вдруг окажется, что стены ядерной тьмы не настоящие, что горизонт отступал бы, отступал, как неизвестность перед Магелланом, Колумбом, и заново бы открылся мир, снова чистый, снова прекрасный, каким он был всегда, хотя люди этого не знали… О, как бы мы по-другому в нем жили, уже зная! Легко сказать, попробуй по-другому здесь, хотя бы на этом островке! И не шестью миллиардами, а втроем. А может, мы для этого и оставлены (каким-нибудь Автором какой-нибудь пьески), чтобы проверить лабораторно: есть ли смысл и надежда, не кончится ли всё тем же?

Каждый день, каждый миг видеть их там, стирающих следы наших с Нею счастливых дней и ночей, — нет, это выше сил человеческих! Порой, кажется, что я наблюдаю со стороны то, что было у нас с Нею и что как бы продолжается, — с ума можно

сойти! Иногда слышу Ее голос, смех, обращенный ко мне, несколько раз сам откликался смехом, бешеными ударами сердца — и тотчас правда падала на меня камнем.

Вот они вернулись «домой» (все мои мысли о них какие-то закавыченные, мстительно не признающие прямого смысла), сбежали вниз, размахивая мешочками с рыбой, держась, как дети, за руки, шумно помогая и мешая, друг другу. Швырнули добычу к костру, всегда дымящемуся возле шалаша, и побежали к воде, разгоряченные. Он, хотя бы, в своих розовых, Она же с себя всю одежду на бегу срывает, затаптывает ее, как последний стыд.

Мне уже не хочется и к водопаду идти, лежу на скале, будто прикованный и смотрю на них неотступно. Вот так и будет всегда? Тут и орел не нужен, клюющий печень. Каким только Богам слать проклятья? Вот он выбрался на берег первый и направился к костру (будет готовить завтрак?). Она подобрала голубое трико (вижу, что посмотрела в мою сторону: вспомнила, вспомнила!), он вернулся и взял Ее за руку, легко подхватил и понес, а волосы, а руки и ноги Ее блаженно-мертво свисают к земле.

И тут же, не успел я оглянуться, они уже за шалашом, и завтрак им не нужен — нырнули и исчезли. Только Ее костюм миротворчески голубеет на крыше.

Ну что, будешь наблюдать дальше? И ты себя не презираешь?..

Кто-то есть, есть за всем этим! Большой, видимо, юморист этот ваш Великий Драматург, вон какие ходы и мизансцены! Да нет; не смешно, маэстро, скорее — пошловато! Никто тебе этого не говорил? Так я скажу. Неплохо, однако, устроился: Сам — автор, Сам — режиссер, Сам — цензор. Что ни создал — Сам же себя и похвалил: «… и увидел, что это хорошо!» А если со стороны, то куда уж пошлее! И этот шалашик, и воровски заползающие в него на глазах у мужа любовники. Действительно гаденькое слово! Но теперь, конечно, таким Ей не кажется.

Ну а если бы я — по праву теряющего — взял да и поселил их здесь, а сам внизу (чтобы хотя бы не видеть их ежеминутно и не унижать себя в собственных глазах до такой степени?) Сильно проиграл бы в замысле Великий Драматург: не было бы той пикантности? А ему, судя по всему, небезразличен зрительский интерес. Хотя и зритель-то единственный — он Сам. Неужели не опротивело еще?

Зато психолог он что надо. Поэтому и нашу психологию наперед знал. Как умело внедрял в Нее тревогу: нет, мол, вас и ничего нет, вы всего лишь фантазия, мираж! Чтобы к Третьему подтолкнуть: падая в пустоту будешь хвататься за всё, что под

руку попадет! Вдруг Третий — сама реальность? И то, что Она к нему испытывает (будто бы испытывает), — настоящее, правда! А то, что у нас было?..

Боль — лучший критерий реальности, правды. Тут уж точно никакого обмана. Мираж не испытывает такой боли, какую вот сейчас испытываю я.

Но мне кое-что оставлено от нашего прошлого: мы время от времени встречаемся у водопада. Прямо по той давней, мне известной истории, когда бывшие муж и жена тайком от нового мужа ездили на курорт. Правда, наши встречи если для кого и обидны, то опять-таки лишь для меня, потому что… Ну ладно, ладно, не притворяйся: ты ведь счастлив, что хотя бы такие встречи возможны. Вот и такое бывает счастье! Интересно, и сегодня разговор у нас будет о том же? Что, что скажет Она, что я Ей отвечу?.. Зачем мне эти свидания, можно и не спрашивать, а вот Ей? Зачем они Ей? Молодожены еще в шалаше, а я уже готовлю, проговариваю наш с Ней разговор, и хорошо, что Она его не слышит и не у слышит. Потому что, когда вижу Ее, когда Она снова рядом, я делаюсь другим, ну и разговор, конечно, получается совсем не запланированный.

Обычно делаем вид, что встретились случайно. Вот и сегодня. Увидел, что Она направилась по тропинке вверх одна, и бросился, чтобы добежать первому. На площадке перед водопадом заметался, не зная, куда девать себя от волнения. Она случайно пришла, а я случайно тут оказался — вот моюсь, ну, а что так стучит, кровь во мне или падающая вода, я сам не различаю. Взглянул на мертвую дверь в скале и подумал, что водопад там слышен — был слышен — девочке, мечтающей о том, как она выйдет и увидит вот эту радугу, стягивающую мир в какой-то праздничный подарок, вдохнет эти прохладные, чистые брызги. Каким счастьем это, может быть, могло быть, было, совсем недавно было!..

Радуга, когда смотришь на мир из водопада, не одна, их десятки — прямо карусель радужная, разбрызганное солнце. Сквозь него вижу, как появилась на площадке Она, оглядывается, кого-то нетерпеливо ищет глазами. Выдала себя, выдала, что специально сюда приходит, что Ей необходимо это — увидеть меня. Я вырвался из-под водопада, окликнул.

Вся прямо-таки светится счастьем. При первой нашей встрече здесь я от неожиданности почти принял это на свой счет. Не сразу и сообразил, что к чему. Теперь уже понимаю, и как мне ни горько, но все равно не могу не любоваться Ею (на Ней все та ж голубая тряпка — его подарок). Господи, как сразу меняются, какими становятся глаза, смех, движения у Женщины, когда все в

ней (да, в Ней!) кричит, сообщая всему миру: люблю, люблю! И эгоизм бывает прекрасен. Мне только надо чуть-чуть быть философом. Возьми и убеди себя, что повезло еще раз: последняя на Земле любовь, а ты — последний свидетель! Всего лишь свидетель, что ж, всё теперь горькое на этой обгоревшей планете.

Да, не я, не сам я причина того, что с такой радостью смотрит на меня эта Женщина, не потому счастлива, что видит меня. А потому, что может рассказать, есть, кому рассказать. Ей невмоготу, так хочется, так надо (прямо-таки детское нетерпение) рассказать, какое это счастье — так любить, как Она любит. И вообще — любовь. Извечная убежденность любящего, что ни у когоиникогда такого не было. Ну а я, я «старше», я «мудрый», я «добрый» (все эти похвалы мне были подарены) и я должен «понять». Ну а что мне в жизни так не повезло, мне и всем тем миллиардам «моих женщин» («Твоих шлюх!»), которые, конечно же, понятия не имели, что, значит, любить, — что ж, не Ее тут вина!

— Ну, как твой Дельтаплан? Усыпила младенца? — спрашиваю весело. Что ж, примем всё, как Ей видится: я — мудрый старец, они — счастливые дети.

— Да, спит. Смешной такой.

— Я и не подозревал, что в тебе прячется такая послушница.

— Не послушница — раба! Даже не понимала, какое это счастье — не иметь своей воли, во всем зависеть от чьего-то взгляда, интонации и мучительно и… даже не знаю, какое слово тут. Наверно, такой рабой своего ребенка бывает мать.

Всё понятно и совсем не ново. Но как Она ухитряется видеть таким, каким стала его видеть, этого веселого солдафона?

— Не обижайся, — Ей надо говорить, говорить, для этого и прибегает, — и я всё равно тебе благодарна, всё равно!

Нет, сегодня уже смотрит по-другому. Вопросительно и с плохо скрываемой тревогой. Что-то замечает, видимо, опасное для них обоих. Не в разведку ли бегает? Но и не говорить о своем счастье — это выше Ее сил. На мой жалкий намек, что ведь и у нас было «что-то»…

— Нет, это совсем, совсем не то! Ну, как ты не поймешь? — Даже сердится, как ребенок, которого нарочно не хотят понять. И мне как — тупице, которому понять и не дано: — Меня нет! Просто нет! Есть лишь мы!

Вот те и на! Прежде именно это и мучило: что Ее нет, что всё это не Она. Теперь «нет» — уже счастье. Но, конечно, Она о другом. В том-то и дело, что я понимаю Ее, и понимаю, что с Ней случилось, что происходит, а потому и не хочу согласиться окончательно, что это так, именно так.

— Мне ничего больше в мире не надо! Нет, я понимаю, и наши неродившиеся дети, и всё, о чем ты мне всегда говорил, что для тебя так важно и вообще… — все это я понимаю. Но на самом деле у меня всё это уже есть — вот что такое любить!

Закончила поучающе и прямо-таки с уморительной категоричностью. Любовь бывает разная и у всех по-разному, но ее неотъемлемый признак — именно категоричность. И самая категоричная — первая любовь. Неужто и этого утешения для меня не существует, что Она просто снова полюбила? Не впервые, а снова.

— Ну что в нем такого? Нет, не думай, что я ревную. Хочу понять. Он что, такой?.. Такой мужик?!

Она весело, радостно махнула рукой и засмеялась.

— Нет-нет, постой… — Я что-то уловил и не хочу это терять.

— А разве это имеет какое-то значение? — И добавила: — Когда любишь.

— Чем все-таки он тебя околдовал?

— Не знаю. Мне кажется, я всегда любила его. Когда и не знала. Объявился — и я сразу признала.

— Ну, положим, не сразу.

— Да? Может быть, — не очень логично, но согласилась со мной.

Ей уже скучно со мной. Зашла за водопад и стаскивает с себя небесный свой костюм — решила искупаться. Отвернулась, и я ушел в сторону. И если поглядываю, то лишь по одной причине: мне показалось, и я всё хочу убедиться — верно ли, что Она как-то округлилась в талии?..

И всё вспоминаю, они просто в глазах у меня — два луча, которые увидел в ту электрическую ночь. Трепещущий, как мотылек, пытающийся сесть на пересечение проводов. Да, это из Нее вырвался ищущий луч, он мог упасть на кого угодно, мог и на меня, а затем, к Ней вернувшись, отраженной вспышкой Ее же и ослепить — любовью. Именно так это бывает: ослепляют не чьи-то достоинства, а собственная жажда любить, вдруг вырывающаяся из нас вот таким ищущим лучом. В человеке любовь созревает, как плод, вызревает — в этом я убежден. Может быть, я первый и последний это понял так окончательно. У некоторых — единожды за целую жизнь, у других — несколько раз. Бывают и бесплодные. И кто подоспеет к этому моменту, примет луч на себя, пересечется с ним, тому плод и достанется. Подоспел Третий. А мог бы и кто другой. Вот это и обидно. Она убеждена в его «единственности», а я-то знаю, что нет у него тех преимуществ и прав передо мной, какие Она ему вручила.

Заспешила, засобиралась уходить, тонкое трико на Ней

пятнистое от влаги, и чувствуется, как Ей хорошо, прохладно, — уносит себя такую туда, вниз, к нему.

— Он называет меня Мари-а! — вдруг вспомнила, засмеялась.

— Почему — Мария?

— Это тебе было безразлично, кто с тобой. Как ты меня еще не окрестил Матушкой-Природой? А что, хорошее для женщины имя!

— Кстати, а тебе известно, что означает его фамилия Смит?

— Что же?

— Этимологически очень простое: кузнец. Но если тебе это интересно — по-арабски оно означает Каин.

— Зачем ты? — Глянула враждебно, с вызовом: — Думаешь, я не вижу, не замечаю, как ты сверху следишь за нами?

— Неужто тебе, вам до того? Вот не думал.

— Я тебя прошу! О Господи, как вас просить? Чем остановить?

13

Боги припадали к Земле, как собаки, жались у стен. Иштар надрывалась от крика, как женщина в родовых муках; царица Богов обливалась слезами и восклицала своим дивным голосом: «Да обратится в прах тот день, когда я в собрании Богов накликала горе! Увы, это я накликала горе в собрании Богов! Это я накликала смерть для уничтожения моих людей! Где они теперь — те, которых я призвала к жизни? Как рыбьей икрой кишит ими море».

«Сказание о Гильгамеше»

Какой гад, какой я гад — и это прекрасно! Увидеть неуверенность, тревогу, страх в глазах, тебя унизивших и предавших, что ж, оказывается, и это счастье. Пусть темное, черное, но — счастье. Кому что, каждому свое! Будто лодка после многих часов удушья вновь обрела ход: двигаться — значит жить, неважно уже, куда двигаться. Лишь бы не висеть беспомощно.

Я теперь живу от встречи до встречи, и всякий раз после каждого свидания тревога в Ней делается всё сильнее,

укореняется. Она уже и дважды на дню готова прибежать к водопаду, чтобы только убедиться, точно убедиться, что я не задумал плохого, не затеваю ничего. А я этим пользуюсь, вырываю у Нее новые встречи-свидания. Наловчился терзать, мучить Ее их счастьем, сея тревогу и неуверенность, боязнь потерять.

Нет, внешне всё, как и прежде.

— Привет!

— О, ты здесь?

— Другого острова на этой Земле не осталось. Ладно. Ну, как, еще не разлюбила?

— Нет.

— И он — нет?

— И он — нет. Зачем ты так? Я хотела, чтобы ты понял и не обижался. Это сильнее меня. Мне даже дети перестали сниться. Я хочу любви — и ничего больше. А там пусть будет, как будет! Ну, нарожали бы еще одно племя таких же. Чем бы кончилось, если не тем же? Так пусть кончится один раз, но любовью. Если бы ты мог знать, что это такое, ты бы меня не упрекал.

— Где уж нам уж! — Господи, какая шелуха, нелепость все наши недавние, обычные слова, фразы — все!

— Прости, но это — совсем, совсем другое! Не знаю, как сказать, объяснить.

— А то, что у нас было?

— Это было прекрасно! Я правду говорю. И я так благодарна. Но тут совсем, совсем другое!

— Хоть объясни нам, непосвященным.

— Даже не смогу. Ну вот: я хочу, больше всего на свете хочу ребеночка! Жить не могу без надежды, что он будет. Но я готова и не жить, а то, что во мне сейчас, не променяю… — Глянула умоляюще. — Можно? Я хочу тебя попросить.

— О чем?

— Ты следишь за каждым нашим шагом, я вижу. Помню об этом даже ночью.

— Можно без подробностей?

— Ну вот — такие у тебя сразу глаза стали! Прошу тебя, не делай ничего. Его-то я остановлю.

— А что я собираюсь делать? — удивился фальшиво-весело.

— Не знаю, но я всё время жду чего-то.

Вдруг взглянула как-то даже заискивающе, жалко. Спросила, а лучше бы не спрашивала:

— Ты совсем разлюбил меня?

— Не я поменял шалаш.

— Знаешь, страшно, когда всё-всё — в чем-то одном. В ком-то

одном. Потерял, отняли — и мир рухнул. Вы так легко всем пожертвовали оттого, что не любили, да, да, не любили.

— Что ж, дай Бог тебе сохранить.

— Ты нехорошо это сказал.

— А было бы хорошо, если бы прямо на глазах у тебя — да вон туда, головой со скалы?

— Ты еще убедишься, что и я не такая и он совсем не такой, как ты думаешь. У нас совсем не те отношения, не заблуждайся!

О последнем Она оповестила с уморительной серьезностью.

— Вот чего уж не рассказывай, тем более бывшему любовнику!

— Ну конечно, у тебя одно на уме!

— А у него что — ни-ни? Он что?.. На самом деле? Вгляделся в Нее и вдруг всё понял. Вот тебе и Дельтаплан!

С мужиками это случается: под боком всякие излучающие игрушки, а у него плюс еще близкий Космос. И вообще примеров немало — именно среди таких вот плечистых и мужественных на вид. Всё это я не выговорил вслух, но торжествующий крик (пусть неслышный) издал, и Она будто расслышала, вся съежилась, даже покраснела. Вот когда ко мне вернулась уверенность, я уже не говорю — громыхаю:

— Да вы что? Ладно, он, но как ты можешь?

— А ты считал, что самка убежала к другому самцу? Это для вас невыносимее всего. Так вот успокойся!

— Наоборот, теперь-то и невозможно успокоиться. Она не слышит, Она о своем:

— Он ребенок, хотя с виду… Стесняется, будто мне это важно. Забрала бы в себя и носила, как кенгуренка!

— Я думал, он только меня вытеснил. А этот гад (вот кто истинно гад!), а он — и детей! Кенгуренок! Пристроился! Да вы оба враги человечества! И поступать с вами соответственно! А ты — ты просто Медея! Вот кто ты!

— Пусть, пусть Медея! Да только кому меня судить? Я тебе объяснила бы, если бы ты способен был услышать хоть одно слово. Я и сама этого не знала, не подозревала, как важно — выбрать самой и вообще выбрать. Мне этого не было оставлено. И вдруг!.. Наверное, то же самое, что родить. Всё — твое, всё — из тебя, и уже нет тебя без этого! Даже не понимаешь, как могла жить…

— Нет, я не могу опомниться! Думал: ну ладно, природе так угодно испытать еще один шанс, еще вариант. Ей не до сантиментов, тем более теперь. А тут как раз наоборот. Не от меня ты сбежала. От природы-матери. Ни детей, ни матери тебе не жалко, а жалко Каина-импотента. Это — любовь?

Это я прокричал вслед Ей, уже невидимой за скалами, такой несчастный и торжествующе-злой, каким никогда не был. Проводил Ее взглядом (когда сверху снова увидел Ее, почти бегущую вниз, к шалашу, к нему) уже совсем не тот человек, каким я был час, полчаса назад. Теперь на моей стороне не одна лишь обида и не личная правота, а историческая — да, как это ни громко звучит. О, это совсем, особенное самочувствие, и оно снимает, отменяет многие запреты тем, что возлагает огромные обязательства. Самочувствие, больше позволяющее, чем воспрещающее. Зато отнимает право на жизнь бездумную, безответственную. На моей стороне, на моих плечах будущее. Значит, и за Нее я в ответе, за Ее поступки и поведение. И вина будет не Ее, а моя, если я позволю последней капельке живой жизни саму себя иссушить.

Теперь я знал твердо: пойду на всё, но верну Ее, верну Земле материнство. (Какие-то громкие всё слова, сами такие просятся!) Даже если кровь прольется, что ж, вчера арифметика была в делах таких всему на погибель, а тут, попробуйте тут с нею поспорить: пять литров бесплодной или океаны живой? Быть или не быть нам на Земле — ценой этих пяти? Неужто космическому евнуху оставить, отдать в руки ключи от самой жизни, загодя зная, что это всему и навсегда конец? Ну-ка, порассуждайте, посентиментальничайте над пятью литрами, наплевав на океаны! Если я не сделаю всего, что мыслимо и немыслимо, допустимо и недопустимо, я окажусь соучастником убийства, какого еще не бывало.

Сижу на ночных скалах, там внизу где-то их счастливый шалашик — пристанище самых страшных заговорщиков против жизни, он еле заметен, прячется, жмется к земле, прижимается к морю. Я, видимо, очень похож сейчас на старого грифа, высматривающего добычу, ну и пусть, пусть я в их глазах таким и буду: отвратительный хищник! Важно, каким я покажусь из будущего, может быть, Прометеем, сберегшим огонь, почти Богом?

Остров наш за последние недели совсем пожелтел — столько теперь этих цветов. Будто и те, которые Она прежде видела, а теперь не замечает (пробегает по желтым тропинкам абсолютно безбоязненно), все теснятся вокруг одного меня, лезут мне на глаза. Я прямо слышу, как в сумраке они мягко ползут из расщелин.

Всё, всё пронаблюдал: предзакатное купанье «святого семейства», сидение и ужин у костра, сборы на ночь. Зайдя за шалаш (не от меня ли прячется?), начала стаскивать трико с себя, забросила на шалаш (вывесила ооновский флаг!). Но нет; они не

собираются прятаться. Совсем обнаглели! Он приволок еще водорослей; вытащил и те, что в шалаше, — прямо на глазах у меня расстилает, разравнивает руками и коленями. Снял и «флаг», Ее костюм, бросил на постель.

Но я уже способен увидеть во всем и какой-то вызов. Разыгрываемые для кого-то «сценки». (Для кого же? Кроме меня да еще Великого Драматурга, зрителей здесь нет!) Я ведь с Нею еще раз встречался: словно для того и прибегала на этот раз, чтобы «проговориться». О том, какой он, Третий, на самом деле и что мне просто захотелось неправильно Ее понять, а его в своих глазах унизить, чтобы заявить свои права, если не на Нее, так на «будущее»… Разговор об этом начала не Она (и на том спасибо!), ио Она вызывала на него, провоцировала и откровенно обрадовалась моим дурацким шуточкам о темных полукружьях под тазами («Издали думал, очки черные завела»), — засмеялась подтиерждающе-цинично и жалко.

Прибегала, хотела обезоружить мою решимость, опередить мои планы «восстановления последней справедливости среди последних людей» (слова Бе, если не от него заимствованные, выслрашинающе-ироничные). Так им хотелось убедить меня, что все это элементарная мужская ревность к более счастливому (и, конечно, более достойному) сопернику, и тем самым побить мой главный козырь. Отнять уверенность в том, что правота моя не только личного порядка.

Но интересно, что о карточке астронавта я будто и не помнил (там ведь всё было сказано, и почему надо думать, что не всерьез, а дурачась это написали?). Забыл, наверное, стыдясь, что все-таки обыскал «мундир врага», — с памятью это бывает. Но главное — не это и не то, что я им сказал или не сказал, а то, что сам знаю твердо.

А последние ночи светит, объявилась над нами Луна — Селена. Я видел, как Женщина плясала от радости, когда впервые пролился с неба нежкый и ровный свет от внезапно выплывшего из глубины неба торжественного диска. И трижды обворованным себя чувствовал — не мне адресована Ее радость.

Но что же получается? Можно и так думать: моя к Ней любовь породила несуразные эти цисты, в них материализовалась, а их любовь — в этом трепетном и тревожном, будоражащем лунном свете?

Да нет же, нет! Хорошо известно, как умеет зло себя разукрасить. Нельзя поддаваться обману,

Так или иначе, но Селена теперь каждую ночь висит над нашим островом, серебрит и раскаляет водную гладь, площадки и скосы скал, блики ее — на зарослях моих несчастных уродцев

цветов.

Чувство Луны всегда гревожио-радостиое: есть кто-то еще, кто ее видит, смотрит на нее одновременно с тобой и тоже думает — не о тебе конкретно, но вроде бы и о тебе. Взойдет Луна, и сразу глохнут голоса ночи (сколько их было на непустой Земле!): *я здесь, а ты? нет, раньше ты отзовись*!

Кто знает, кто знает, может, и прав мой одессит со своими отсеками, а тогда логично будет предположить, что в каждом из отсеков налажен свой выход на опекуна в Космосе, раз мы его дети и жители (а это уж точно, вон сколько энергии из него зачерпнули и сколько в него выплеснули!). Значит, чей-то космический канал — Солнце, а чей-то — Луна, Селена.

Идеолог, может быть, и опоздал, не обзавелся космическими опекунами. Уж он точно не телепат. Зато у трех реликтов, особенно у Свистать Всех Наверх, связь с Солнцем и Луной прямая. А иначе, откуда берется та сверхсила, которую пробуждает страх гибели? Или взять любовь. Не случайно поэтам казалось, что Луна, особенно нарождающаяся, и лепится из вздохов-стонов влюбленных. Детей-то по ночам зачинали — как тут про Луну-Селену — не подумать? Интересно бы заглянуть в старинные книги: какие из небесных тел покровительствовали беременным?

Да, да, давно исчезнувшие хетты Луну так и называли: «беременная», Арма. (Были какие-то хетты, даже я откуда-то знаю. Кому только эти наши знания останутся?)

Но если Идеологу не дано то, чем изначально обладают реликты, разве он смирится? Не такой у него характер. Что они, все эти наши космические аппараты, техника-растехника, как не ревнивое стремление разумника Идеолога сравняться с реликтами — себя навязать Космосу, свое прямое присутствие? Добыть то, что другим от рождения дано, в метриках-метеоритах записано… Соперничество в Космосе? Да оно в каждом человеке ведется постоянно. Не случайно земная недобрая фантазия перенесла на Луну тени братьев по крови, одним из них пролитой.

Что, что она видит, что мне показывает, подсказывает; эта небесная сводня, сплетница. Надо же было тебе, проклятой, светить именно сегодня!

Лунный свет утончает тела, сливает их в одно бесстыже-белое пятно, — глаза мои слезятся от напряженного стремления всё увидеть, разглядеть и от обжигающего стыда за самого себя. Не замечаю, что я уже стою, поднялся на ноги, будто изготовился. Но в какой-то миг понял, всем своим ярко освещенным телом ощутил (жаром окатило!), что меня видят, на меня оттуда

смотрят! Шепчутся, смеются. Тело мое спружинило, точно железную полосу, красную от жара, кто-то к спине приложил, — оно отпрянуло, и я уже лечу, падаю в бездну. Я не смог (не подумал, не до того, было), не оттолкнулся достаточно сильно, чтобы благополучно миновать выступающие из скалы гранитные зубья: сейчас, сейчас полоснут акульей пастью, долечу до воды раньше, чем вся выхлестнувшая из меня кровь!.. Потемнело в глазах — так обожгло бедро, бок, но это от удара о воду, и теперь, уже с облегчением, уношусь ко дну, хотя, может быть, на близкие скалы. А когда вернулось зрение, глаза ослепило зарево. Это что — кровь, все-таки кровь? Моя, чья же еще! Вдоль располосовало всего, но боли пока не ощущаю: такую боль тело уже не услышит! Невольно рука коснулась живота: цел ли?..

Рванулся изо всех сил, чтобы всплыть, пробуравил головой пылающую воду и увидел, что и вся гладь океана такая же огненная, кровавая. С Луной что-то произошло, когда я опрокинулся в воду и пока погружался, всплывал. Это уже не Селена, нежная, серебристая, нет, таким можно представить лишь Марс. И как четко стали видны тени-фигурки, словно выгравированные на боевом щите.

Как, однако, меня рвануло, прямо-таки сдернуло с этой скалы! Какой только силой так катапультировало? Самоубийца, негодяй! А еще к кому-то претензии! Какое ты имел право? Твоя жизнь, твое тело не тебе принадлежит. Не одному тебе. Уж лучше, если так невтерпеж было, хватал бы камни и швырял, как циклоп, со скалы в счастливого соперника!

Я лежал на спине, океан меня покачивал, и я отдыхал от пережитого страха, смертной тоски и недавней ярости. Луна, воспламененная, огромная, тоже покачивалась в ночном озерце неба зловещим поплавком. Миллиарды живых глаз когда-то смотрели на нее снизу, люди даже следы свои отпечатали на ее метеоритной пыли. Они и сейчас там, пребудут и тогда, когда на Земле видимых следов человека уже совсем не останется: ветра на Луне нет. При чем тут ветер! Ничто и никто так чисто не сотрет человеческие следы, как это умеем мы сами.

Постой! Ведь мы с этой скалы, вот за нее швырнули тогда наши пистолеты. Они и сейчас где-то на дне — там, куда я падал. Луна глубоко просвечивает воду, можно поискать. Я ведь именно этого и хочу, хотя, видит Бог, совсем не думал о пистолетах. Но, может, потому и подумал сейчас о них, что как раз давно этого хочу. А почему бы и нет? Красиво! А ради «красиво» чего только женщина не простит. Даже нелюбимому. А любимому — тем более. Так что у него два шанса выиграть против одного моего.

Значит — дуэль! Но для этого нужно отыскать пистолеты там,

на дне.

Я лежал на раскаленно-красной поверхности океана, смотрел на лунный человеческий лик, и жизнь в меня возвращалась окончательно. А с нею и все мысли, обиды, колебания последних недель и дней. Какая удачная мысль — пистолеты, дуэль! Вместо тупых и глупых воплей в пещерах твоей души вступает в игру что-то очень изящное и изысканное. Прямо-таки из оперы.

Отдохну — и примусь за дело. А пока можно обдумать нравственные, юридические, гуманистические аспекты Последней на Земле дуэли. Если он перестал быть мужчиной, значит, в данной ситуации представляет лишь самого себя, особь. Я же представляю род человеческий. Ну, хотя бы возможность его в будущем. Я буду целиться в особь, хотя тоже в человека! Конечно, и это мерзость. Но всего лишь в человека. Он же тт— в род человеческий. Чем не Всекаин? А с другой стороны, это я подставлю род чедовечесшй, не кто-то другой, подставляя самого себя под пулю.

Вот тут и суди, кого и как хочешь:

Ладно, кровь всегда была высшей ставкой, и в делах «благородных» тоже. Не его, а меня осудили бы все будущие поколения, проведи кто-нибудь там немыслимый референдум. Арбитр наш не они, будущие, а Она, Ее прощение или непрощающее презрение. Честная дуэль хотя бы исключает презрение и оставляет какую-то надежду.

Нет, слишком легко ответил на вопросы — не поставленные, а подставленные: игра в шашки с самим собой!

А ты вот на этот ответь: всегда ли часть меньше целого? и всегда ли меньшим можно пожертвовать? Вот они там, в своем летающем гробу, спорили: собой, всем пожертвовать во имя человечества — такое допустимо, возможно? Не нажать, если другие уже нажали? не мстить всему живому на Земле только за то, что кто-то и где-то не сумел договориться? Кому ты мстить будешь — уцелевшим букашкам и последним осколкам человеческого рода? По принципу: ах, ты по левой щеке планету, ну так я лупану по правой!

Ну а тогда — кто ты и зачем лежал, подобно заряженному пистолету, в океане? Зачем здесь?.. Чем, чем ты сейчас занят, чего мечешься, куда устремлен? Оружие-то — вот оно, под рукой! К барьеру, сударь! Была пастораль, теперь — дуэль. И всё последнее…

Сколько лет человечество было заложником Идеолога. Как будто есть, бывают идеи равноценные, а тем более, дороже самого рода человеческого? Ясное дело — нет, не бывает таких. И быть не может. Даже равноценные жизни отдельно взятого народа, а

уж человечества и подавно. А если бы какая и посчитала, что она «стоит того», тем самым только доказала бы свою сверхлживость.

Ну а вот ты: во имя чего и ради кого готов подставить под случайность, под выстрел всё, что осталось на Земле и что на планете когда-нибудь еще может быть?

Смешно сказать — ради Женщины. А еще точнее: чтобы Она могла тебя уважать и не ненавидела бы, не презирала. Всего лишь чувства, даже не чувства, а оттенки чувств — и такая цена! Значит, мы так устроены? Какой это из книжных героев терзался вопросом: ну а на другой планете, за тридевять планет от Земли, стыд будет ли мучить, если на Земле ты оставил, сотворил великую подлость? А ведь будет мучить! Хотя и ты землян, и они тебя — никогда друг друга не увидите. Ну а если бы вообще нуль остался, то есть никого? Стыд перед нулем возможен? Непонятное дело, но возможен ведь. Суд исчезнувших — всё равно суд. «Мнение» даже несуществующих — небезразлично.

А тут не кого-то там, за тридевять планет, а Ее мнение! Всё, всё понимаешь, тогда почему же поступаешь не по пониманию? Или заморочили тебя (и друг друга тоже) все они, разноголосо подающие команды из своих отсеков? Какую, чью выполняешь? Или чьи?

И куда они загнали главного алармиста? Совсем пропал голос моего СВН. Не Идеолога ли это работка — из-за спин услужливых реликтов? Но ему-то зачем мудрить, он скорее приказал бы наплевать на всякие дуэльные условности, напирал бы на историческую правоту, и, пожалуйста, без этого рыцарского и н те л л и гентн и чан ья!

Ладно, вообразим лучше руку Великого Драматурга: к финалу поторапливает, и без того пьеска, его *последняя пастораль*, затянулась.

Нет, кто бы вы ни были, и сколько бы вас не вмешивалось, а дуэль — это, по крайней мере, красиво. К барьеру, сэр! Звучит! Пусть красота, коль уж так сложилось, рассудит нас. Спасет или погубит. Раз за этим стоит Женщина.

Посмотрим, какая у тебя улыбка под дулом пистолета! Это не лазером тыркать в чужие корабли да ядерные шахты за тысячи верст. Пятнадцать — двадцать шагов! Кажется, так в романах? И самое главное — уклоняться, отклоняться запрещено кодексом чести. А вся наша профессиональная доблесть как раз в том заключалась, кто раньше и внезапнее пульнет, ловчее отклонится, перехитрит.

Я без конца нырял в окрашенный красным Луной океан, шарил в огненно-светящейся воде по камням, меж камней, в трещинах. Искал, может быть, собственную погибель, но так,

словно в этом, только в этом спасение.

Ну а Она поверит, что дуэль была честной?.. И интересно — будет себя казнить, если меня подстрелят и сшибут, как мелкую фишку? Или он улыбнется белозубо, виновато, по-юношески, как это у него получается, и… Не думать, не додумывать. *Главное, не додумывать*!

Утром вздремнул на прохладных скалах, даже не глянув, а что там у них внизу: спят, наверное, голубки в гнездышке. Что ж, каждому свое. Когда История на твоей стороне и знаешь, что работаешь на нее, всё, даже нервы, в порядке.

Снова открыл глаза, а милые уже в море, уже резвятся в воде, что ж, нырнем и мы. Я даже сделал им ручкой. Нырял, нырял, а когда взобрался на скалу, увидел, что они письма пишут на нашем пляже. Что-то он чертит пальцем, отбегая в сторонку, а Она набегает, опрокидывает его на песок и ногой затирает его письмена, он мешает, а Она тянется затереть…

Всё, всё забрали себе, всё мое, всё наше!

Старался больше не смотреть в ту сторону, а когда не выдержал, посмотрел — нет их, ушли, должно быть, к водопаду.

Само дело, работа захватила, какой-то уже спортивный появился азарт: нырнуть поглубже, удержаться подольше у самого дна. Странно, ни одной рыбешки или краба не вижу, пустой океан, даже тоскливо. Просто я о них не думал, а теперь подумал — и сразу вот они, объявились. И как раз передо мной, как на экране, зависают большие рыбины, глаза в глаза. Но если так, тогда пистолеты должны бы давно объявиться: только и думаю о них. Сколько раз, казалось, видел, жадно хватал рукой камень, клочок мха, водорослей. Забираюсь всё глубже и глубже, очень болят уши, глаза.

А нашел на мелком месте, где и не ожидал: стал на дно передохнуть и нащупал ногой — будто током ударило! Оказывается, мы швырнули пистолеты недалеко, совсем близко отбросили от себя. И второй где-то здесь, та самая «курительная трубка», но пока радуюсь найденному. Нет, удобная и надежная штучка. Вот так прицелиться… А действительно забавно получается: старая рухлядь, еще двадцатых, наверное, годов, а убойная сила равна всем ядерным бомбам конца века: выстрел — и человечества как не бывало!

Это — если он уложит меня. Ну а если я его, то наоборот — путь в будущее расчищен!

Сколько ни нырял еще и еще, второй пистолет как испарился. Или второй и не нужен — по пьеске Великого Драматурга? Так даже больше испытания нашим качествам. Берем в руку по очереди: если не попал, надо подавить соблазн, великий соблазн

выстрелить еще разок. Ты же не знаешь наверняка, как поступит противник, передаст ли тебе оружие. Не те времена, чтобы наверняка знать. Ну а Великий Драматург, он заранее все знает? Тогда это ему неинтересно. И какой же он творец? Если творит, значит, открывает ему самому неведомое. Элементарное условие.

Это про него: «Изощрен, но не злонамерен»? А уж что, ироничен, так это точно. Сколько было за историю сюжетов самых ироничных: словно Великий Драматург специально задавался целью разыграть этих умников землян как можно грубее. Наказывал за самомнение. А возможно, и мстя ревниво. За что все-таки и к чему нас можно ревновать? К разуму, полученному не по чину?

Вот и еще сюжет. Вроде бы всё в нем просто, ясно, ничего издевательского. Она любит его, а он любит Ее! Ничего, если не учитывать, что случай-то, «сюжет» — последний, а тот, кого Она выбрала (Великий Драматург демократичен, всегда оставлял нам выбор!), кого предпочла из двоих последних, из двоих возможных, — импотент.

Обессиленный нырянием, а еще больше мыслями, сомнениями, лежал я на теплых камнях, правая рука касалась металла, напитанного донным холодом, а мозг тоже казался тяжелым металлом, но расплавленным.

Вот как все повернулось, кто мог ожидать? Природа давила на Нее с вывертом, однако нормально: дети! дети! Но вот кто-то надавил и на природу, волевым, так сказать, решением заставил отступить, отступиться.

Всё в руце Великого Драматурга — и сцена, и актеры, и режиссура. Какая, однако, недобрая ирония под занавес: Медея, вообразившая себя Христовой невестой!

Что ж, если мне тоже оставлен выбор, я знаю, что делать, что я сделаю. Но до чего же они, женщины, действительно не такие, как мы! Вроде бы всё определено природой, и на века: род, продолжение рода должно быть и всегда были для женщины на первом месте. Сама любовь, может быть, только радуга, на которой извечно раскачивается детская люлька. И вот, пожалуйста, — Медея! Вот уж кто Всемедея!

А что, если Великий Драматург все-таки более наивен, чем коварен? Великий художник и коварство — совместимо ли это? Великий физик, каким представлял его Эйнштейн, да, но — художник?.. Но что, если это всерьез, если всё, всё, что было, вся история — лишь удобрение, навоз ради того, чтобы вырастить цветок по имени Любовь — и больше ничего? Для того лишь, чтоб сентиментальный Великий Драматург мог полюбоваться им, понюхать и погасить свет? И отвернуться к другим мирам, к

другому времени?

Да нет же, не автор и не актер: автор знает всё, что «думает», как «чувствует» его герой, его герои, актер заранее читал пьесу и тоже знает заранее, играя, даже о целях других партнеров. А это как во сне: никто не автор своих снов, ты лишь участник события сна, один из участников пьесы. Мы — я, Она, Третий — его сны. Сны Господа Бога, а он тоже участник, один из участников своих снов, не знающий как мы себя поведем в следующий миг. Он нам оставил волю, свободу выбора. Он — Четвертый, один из нас.

Тут я почувствовал, что на меня смотрят. Человеческий взгляд почувствуешь всегда. Тем более на таком пустынном острове. И тем более, такой напряженный. Да, это он стоит и смотрит, Ее избранник. Действительно Дельтаплан — на равнобедренном, углом вниз (талия), треугольнике лежит маленькая для таких плеч головка. («Мальчик-слезь-со-стойки!» — был у нас лейтенант с такой кличкой, правда, узкоплечий, длинный как глиста, но с такой же ребячьей головкой, слышали или придумала братва наша, будто крикнула ему так барменша.) Но прежде и тебе это не казалось уродством — ни на староегипетских изображениях, ни когда только появился Третий на острове и тебе припомнились те самые египтяне. Ей тогда не нравилось всё в нем, а ты даже любовался. Теперь всё наоборот.

Но ведь смешно (умереть можно!), когда знаешь про этого красавца то, что знаю я!..

Стоит молча, ладонью оперся как раз на то место, куда мы когда-то, дурачась, стреляли. Смотрит на мою руку, покоящуюся на пистолете.

Да, да, тебе не примерещилось — пистолет, оружие!

Глазами я показал и на обойму, которую отложил на более нагретое солнцем место.

— Сушу, а то, может, отсырели патроны. Только после этого я медленно приподнялся и сел.

— Могли и отсыреть, — согласился Третий. Растерян: не с этими мыслями спешил ко мне, это заметно.

Ну-ну, говори!

— Мари-а беременна. Кажется. Теперь уже интересно было бы на свое лицо посмотреть: к этому известию я был готов менее всего. А потому спросил по-глупому:

— Кто вам сказал?

— Все признаки.

— Представляю, как она рада!

— Очень! Хотя, если честно, не поймешь. Вы же Ее знаете. Никогда не угадаешь.

— Пришли звать в крестные отцы?

— Поделиться новостью. Как-никак.

Да нет, его ослепительная улыбка не детская, а дебильная, это точно!

— Что ж, при нашем дефиците на кадры можно и родного отца в крестные. Надеюсь, вы догадываетесь, что ребенок мой?

— Уверенность — уже полдела! — Он улыбается.

— Для вас это новость? Да что тут: Она мне всё сказала.

Оружие, вот оно — к барьеру, господа!

Он уже не улыбается. Но молчит. Поэтому продолжаю я:

— Океан все-таки защищает от радиации получше, чем открытый Космос.

— Она *это! тебе*! (впервые на «ты» заговорил) сказала?

— Ты же знаешь Ее, — я вернул ему «ты», — скажет, не утаит, даже во вред себе.

— Да, всё верно. Как и то, верно, что вы будто специально посадили меня прямо на реактор. В этом летающем гробу.

— Я никого не сажал.

— Всё равно — вы, белые. Ненавижу! Вам и это надо было отнять у нас. Всегда, давно ревновали. И были основания, ха, были!

— Были, да сплыли.

— Больше всего боялись догадаться, вспомнить, что первыми были вовсе не вы. Вам из цветных всё бы должников-банкротов делать. Свои бы почаще вспоминали долги.

— Вы про какие там первые-непервые?

— А вы спросите у своих ученых: где объявился первый человек? И кто? В Африке. Черные — вот так. Женщина это всегда чувствовала. А вас бесило.

Это мы умеем лучше всего: всегда и во всем усматривать свою правоту.

И потому что — американец.

И что — *черный американец* (А был бы белый, именно это зачел бы в свою пользу.) Вот и за африканскую радиацию-мутацию счет предъявил. От которой — ученых под конец осенило! — был, пошел будто бы первочеловек, Гомо прямоходящий, гомо умелый и прочее, и прочее.

Вот и это знание нам пригодилось. Кому только оно останется — все наследство человека *разумного*?

— Я и говорю… — Он как-то по-другому покосился на пистолет, взглядом заинтересованным и примеривающимся. — Долго пришлось нырять?

— Времени свободного у меня много. Искал и второй, может быть, еще найдется.

— Да, два удобнее. Если вы подумали про дуэль. Слово

«дуэль» предполагает «вы» — так-то действительно лучше. Но хорошо, что слово «дуэль» произнес не я. И все-таки ему не пришло на ум, что хочу его подстрелить по-гангстерски. И на том спасибо!

— Сколько осталось патронов?

— Шесть.

— Что ж, можно и одним обойтись, — то ли про пистолет, то ли про патроны. — Так говорите, младенец ваш? Только вот Мари-а — моя.

А я, нет, не я, кто-то во мне весело продолжил его слова: «… сказал плотник Иосиф Богу-Духу и… потянулся к пистолету», — я чуть не захохотал нервно, дико, когда увидел, что Третий как раз это и проделал: протянул руку небрежно, подчеркнуто неторопливо, как бы испытывая меня.

Я не пошевелился. А он заглянул в дуло, громко дунул, взял патроны и загнал обойму в рукоятку. Щелчок прозвучал угрожающе.

— Вот только Мари-а…

Меня охватила странная апатия. Я не пошевелился бы, когда б он действительно направил на меня пистолет: никакого желания помешать ходу событий, куда бы они ни повернули. Меня Она не простила бы. А его? Не Она, так любовь простит. Как бы он ни поступил. Тем более что версию сочинит уцелевший. Сочинит, конечно, не во вред себе.

— Диво, право, диво! — Он так любовно взвешивает вновь обретенный пистолет. — Выстрел — и полчеловечества как не бывало. Такого сверхоружия и у наших генералов не имелось… Я, само собой разумеется, не в счет, я-то неперспективный, а вы у нас — гарант будущего. Вы и есть полчеловечества существующего и будущего. Но наш опыт другому учил: будущее за тем, у кого в руках вот такая штучка.

— От нее детей не бывает.

— Ха-ха-ха! Нет, вы мне нравитесь. Всегда любил смелых парней. И остроумных. Остроумных особенно.

Как из него, однако, попер американец: улыбочка из фильма про этаких парней из-за океана, которые всех могут купить, всех поставить на место. А радикальные его фразочки и хохот в адрес собственного начальства, порядков — тоже американское выпендривание: вот мы как можем, вот мы какие! Президент у меня в кармане! Если даже там ни цента! Не в том, что кто-то белый, а кто-то цветной, тут дело, а в этой американской развязности, всем указке, тайном и явном чувстве превосходства над всем миром!..

Помолчал, а потом спросил как бы о мелочи малозначащей:

— Вы на самом деле уверены?.. Ну, насчет ребенка…

— Важнее другое: что уверены в этом вы сами. И действительно, не о ребенке, а о детях разговор. Да, да, о будущем, как вы изволите иронизировать. Арифметика тут элементарная: вас с Марией — лишь двое. И — обрыв нити. Мы с Нею — бесконечны.

— Ну, голова закружится! На вашем месте я посчитал бы и честную дуэль преступлением перед человечеством. Посадил бы себя вон туда, на скалу, а других заставил петь гимны моему прогрессивному фаллосу.

Подбросил пистолет на руке, тяжелый, заряженный, и глаза его тоже что-то взвешивали. По-ковбойски повертел пистолет и положил на камень.

— Поскольку победа всегда за прогрессом, для вас поединок не опасен. Всего лишь небольшая подзарядка для нервов. Но Мари-а все-таки моя, а свое я никогда без борьбы не уступал.

Он подхватил с земли камешек, занес руки за спину, снова их вытянул перед собой.

— Стреляет, в которой камешек. Я все-таки не выдержал и спросил:

— Вы действительно не видите? — Показал на бурно разросшиеся, прущие изо всех расщелин желтые цветы.

Он презрительно усмехнулся:

— А вы всё про это? И она их не видит. Сама мне сказала почему.

— Почему же?

— Ее тошнило с вами. Уж извините за прямоту. И будет всегда тошнить. Такой прогресс вас устроит?

— Эта! — Я мазнул пальцами по его правой руке. Он не разжимает.

— Да, мы не условились, где кто стоит.

— Отсюда туда, — я показал на край обрыва, — легче будет объяснить случайным падением.

Он раскрыл ладонь — пустую.

— Извините, сэр! — Он снова взял оружие, повертел. — Извините, но я стреляю хорошо.

Ну, вот и всё! Поздно теперь жалеть-прикидывать, имел или не имел право подставляться. Так глупо подставить всё, всё под пулю этого самодовольного импотента! Не имел, конечно, права, не имеешь. Но ведь по-другому тоже не мог. Значит, мы такие? Если Великий Драматург хотел еще раз в этом убедиться, искал лишнее подтверждение — вот оно! Одним аргументом больше, одним меньше — какая, в конце концов, разница! Что уж было так закручивать, стараться?..

Со скалы, куда я взобрался, чтобы американцу лучше было целиться, легче сшибить меня наповал, хорошо вижу одинокую фигурку на берегу. Всё в том же голубом. Значит, и Она меня видит, может видеть. Как смешно (теперь это вспоминать смешно)! Она вывешивала словно бы ооновский флаг на шалаше — не помог. Ничто уже нам, таким, не могло помочь. А другими стать, научиться быть — времени не хватило. На всё хватало, хватило и времени и ума: на небо взобраться, обползать дно океанов, в материю ввинтиться до самого сердечника. А вот на себя обратиться, собой всерьез заняться, привести к общему знаменателю знание о внешнем мире и о внутреннем (человеческом), и даже не в знании дело, а в готовности, в настоящем желании быть такими, а не этакими — это всё на дальше откладывали. И до откладывались!

Когда-то радиация (да-да, африканская!) нас на человеческие йоги поставила, она же подобрала футляр под стать прекрасному мозгу, а какие пальцы!.. И всё ради чего? Чтобы смогли докопаться, добраться до истока, вытащить «послед», зарытый матушкой-природой поглубже? Чтобы под конец собственным истоком отравились?..

О чем Она думает сейчас, видя, что я торчу на этой скале? Привыкла меня здесь видеть, соглядатая. О нем, конечно, думает, беспокоится, никак не может понять, куда он девался, если я вот здесь стою один. Не знает, что он снизу целится в меня. Стойка действительно профессионала-спортсмена, такие — не промахиваются.

Как бы почувствовав что-то, быстро-быстро направилась в нашу сторону. Идет сюда, уже бежит! Волосы мешают, Она их, как ребенка, обхватила и на бегу держит перед собой.

Я хочу крикнуть человеку, который в меня целится: *Она ищет нас! Нас, нас ищут*!

Но почему-то не могу. Мне стыд но, боюсь, что голос выдаст страх. Вот так уже было однажды: тонул в озере (судорогой свело, сковало обе ноги), а позвать людей стыдился, боялся услышать *свой испуганный г о л о с*. Люди в лодке сами что-то заподозрили, увидели по моему лицу, что дела плохи, и подплыли…

Я его не услышал, свой голос, а услышал откуда-то: «Поздно!» А может, это во мне? Или это ты, Четвертый?

Да нет же, нет! Почему поздно? Вот и Она — бежит сюда и тоже что-что кричит, умоляюще вскинула руки, отпустив на волю волосы, они разметались по ветру. Но ни Ее голоса, ни моего, а снова безжалостное, неотменимое: «Я взвесил вас на весах, последний раз вас взвесил!..»

Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд.

Книга Иова. 19. 29

— ПРИГОТОВИТЬСЯ! ПОВТОРЯЮ: ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОСЛЕДНЕМУ УДАРУ! ВСЕ АППАРАТЫ ВОЗМЕЗДИЯ — К БОЮ!.. КТО, КТО СНОВА БОЛТАЕТ? ОПЯТЬ ЭТОТ СМИТ?

— ПЕРВЫЕ БЫЛИ ЧЕРНЫЕ, РАЗВЕ ВЫ НЕ ЗНАЛИ?.. И ПОСЛЕДНИЕ ТОЖЕ, ВСЕ^ТЕПЕРЬ ЧЕРНЫЕ, ХА-ХА,

СПРАВЕДЛИВО, ГЛАВНОЕ, НЕ ЗАБУДЬТЕ ЧУЖИЕ ДОЛГИ, ГОЛОВЕШКИ ТУПОГОЛОВЫЕ…

— Я ЖЕ ПРЕДУПРЕЖДАЛ, ДОК, ЕЩЕ ПОРЦИЮ СНА ЕМУ ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ! ЗАЛП ИЗ ВСЕХ! БЛЕСТЯЩЕ! ПОЛУЧИТЕ ТАМ!.. ВАС БЛАГОДАРИТ ПРЕЗИДЕНТ. ВПРОЧЕМ, НАПЛЕВАТЬ. ДОК, ПЕРЕКЛЮЧИТЕ НА САМООБСЛУЖИВАНИЕ: КАЖДОМУ ГАЗ ПО СОБСТВЕННОМУ ВЫБОРУ, НА ЛЮБОЙ ВКУС. СЧАСТЛИВЫХ СНОВ СО СПОКОЙНОЙ СОВЕСТЬЮ!..

— НАБРАНЫ ТРЕТЬЯ… ЧЕТВЕРТАЯ. КАК ОСТАВШИЕСЯ? ПРОБУЙТЕ, ПРОБУЙТЕ!.. РЕГЕНЕРАТОР ВОЗДУХА ВКЛЮЧИЛСЯ? КАЖЕТСЯ СТАЛО ЛЕГЧЕ. ТАК. МАНИПУЛЯТОР… ДОСТУП ОКИСЛИТЕЛЮ ОТКРЫТ, ТЕПЕРЬ ДВИГАТЕЛИ… ОДИН, ТОЛЬКО ОДИН ГЛОТОК ВОЗДУХА НАД РАСКАЧИВАЮЩИМСЯ ОКЕАНОМ — И УМЕРЕТЬ…

ШИРОКИЙ ЭКРАН «НАРУЖНОГО» ТЕЛЕВИЗОРА НА КОТОРОМ ТЯЖЕЛО ВОРОЧАЛОСЬ НЕЧТО СМОЛИСТО-ОГНЕННОЕ — ВОДА НЕ ВОДА, НЕФТЬ НЕ НЕФТЬ, — ВНЕЗАПНО ЯРКО ВСПЫХНУЛ: ПОКАЗАЛОСЬ И ТОТЧАС УНЕСЛОСЬ ВВЫСЬ ТОЛСТОЕ ТЕЛО РАКЕТЫ, ОТПЛЕВЫВАЯСЬ ОГНЕМ ЕЩЕ ОДНО И ЕЩЕ.

АТОМОХОД ВДАВИЛО В ТОЛЩУ ОКЕАНА, ОСВОБОДИВШИЙСЯ ОТ ПОЛУТЫСЯЧИ ТОНН КОРПУС ЕГО СТАЛ ЗАВАЛИВАТЬСЯ НА НОС: НЕКОМУ БЫЛО ПРИНЯТЬ В КОРМОВУЮ СИСТЕМУ СТОЛЬКО ЖЕ ТОНН ВОДЫ. ГРОЗНАЯ ОКЕАНСКАЯ ТОЛЩА, ГЛУБОКО ПОТРЕВОЖЕННАЯ НЕПОНЯТНО ОТКУДА ДОХОДЯЩИМ СВЕТОМ, СНАЧАЛА ВСЁ РАССТУПАЛАСЬ ПЕРЕД СКОЛЬЗЯЩЕЙ КО ДНУ МАССОЙ МЕТАЛЛА НО ВДРУГ КАК БЫ СПОХВАТИЛАСЬ: НЕВИДИМЫЕ ЧЕЛЮСТИ МЕДЛЕННО СЖАЛИСЬ НА СТАЛЬНЫХ БОКАХ ПОДЛОДКИ, И ОНИ ПРОТЯЖНО И ЖАЛОБНО ЗАСКРЕЖЕТАЛИ. ПОСЛЕДНЯЯ. ЗАДЫХАЮЩАЯСЯ ЖИВАЯ ПЛОТЬ НЕ ОТПУСКАЛА ОТ СЕБЯ

ЗАТУМАНЕННОЕ СОЗНАНИЕ — ЛУЧИК ЕГО, ВСЁ ЕЩЕ ЧУДО ИЗ ЧУДЕС, БЕЗ УСИЛИЙ ПРОНИЗЫВАЛ И КАМЕННУЮ ТОЛЩУ ВОДЫ, И ПОЛНУЮ ТЬМУ, ПОГЛОТИВШУЮ ЛИЦО ЖЕНЩИНЫ НА ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕВИДИМОМ ПОДВОЛОКЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОСТА…

15

Не давай же воли своей руке, дабы не все люди погибли; пощади, дабы не все они исчезли с лица земли. Вместо потопа пусть бы лучше пришел лев и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел леопард и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел голод и опустошил землю! Вместо потопа пусть бы лучше пришла богиня-чума и поразила человечество!

«Сказание о Гильгамеше»

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; Зубы твои как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними…

… Вся ты прекрасная, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе.

Книга «Песнь Песней»

Я увидел человека. Высоко поднимая голову над цветами (точно тонущий, захлебывающийся пловец), он добирается, гребется, ползет снизу ко мне — на скалы.

А что же было со мной, с нами вот здесь недавно: пистолет лежит на камне и чуть в сторонке сушится обойма?.. Значит, не было, не произошло — какое счастье! Как могло такое примерещиться, присниться, привидеться? И как всё логично

происходило, все разговоры… Но кто и с чем бежит, ползет сюда? Он не ползет, он тащит свое тело, черты лица искажены как от боли, и нога неестественно волочится, вывернута. На лице кровь.

Я бросился навстречу, сам, рискуя разбиться.

— Что, что с Нею? Говори! Говори!

Рот его разодран в крике, но до меня доносится лишь хрип. Наконец разобрал:

— Она… купаться…

Снова хрип, бульканье в горле.

— Что? Что? Говори же!

— Там радиация… бешеная… рассол из цезия, плутония…

Залп — так он был? Не всё сон, что-то все-таки было, произошло? «Первая… Вторая… Пошли…»! Дуэль — была?..

Я не дослушал и побежал вниз, где рыжим пятном темнеет шалаш. Там никого не видно, но это там, там! Не я о скалы, о камни — они бьются о меня, бросаются на меня. На миг, зайдясь от боли в разбитом колене, присел и увидел странное, движущееся со стороны моря копье, летящее не острием вперед, а боком. Сразу и легко понял, что это птицы, но выстроившиеся в вертикальный строй строго одна над одной. *И также сразу понял, что птицы, ощущая лишь ими улавливаемый ветер радиации, отыскивают между смертельными потоками щель, пытаются сквозь нее протиснуться, выбраться.*

Я скатывался вниз, к морю так, точно боялся добежать туда живым. Спасали, и, может быть, спасли меня только пружинящие маты из цветов, проклятых, ненавистных. Упруго принимали на себя мое изодранное, избитое тело, обласкивая спасительным холодком. Как бы прося, раздавленные мной, моим телом, прощения за всё — за что за всё?..

А вот и пляж, берег моря, где столько следов было прежде: наших с Нею, потом его и Ее, — теперь здесь одна лишь засохшая пена. Любила, усевшись на песке, рисовать пальцем маленькие следочки…

А рядом дышит океан, невинно прежний. И тут я увидел, что не так это, что наоборот — всё изменилось и стремительно продолжает меняться. Я вдруг услышал — но это тотчас пропало, оставшись в сознании, — грозный, нарастающий в глубине черного пространства какой-то каменный рев. Не колодец, накрытый голубой крышкой неба, наш остров, как всегда нам представлялось: на глазах у меня черные стены стали отваливаться назад — это уже широкая воронка, образуемая стремительным вращением. Небо, я это просто вижу, расширяется, зато пятка воронки — остров и полоска моря вокруг, — наоборот, сужается, и тоже буквально на глазах. А

может, всегда бешено вращались стены покрывшего всю Землю радиоактивного мрака, мы только не замечали этого, беззаботно прилепившись, живя на дне гибельного смерча, в его мертвой, неподвижной точке?..

Где, где же Она? Успеть увидеть, понять, что с Ней, с нами! Я устремился к шалашику, глаза привычно поискали подаренный астронавтом костюм. Он всегда тут мирно голубел. нигде! Заглянул в чужой сумрак шалаша, даже тронул рукой водоросли, постель. Ушла к водопаду? Куда Она могла уйти?..

И тут я увидел Старуху. Откуда она, кто это? Сидит, вытянув ноги на песке, прислоняясь, к задней стенке шалаша, будто прячется здесь. Почему смерть рисуют в виде старухи — вот такой? А почему не мужик-дебил, не верзила в мундире? Но именно о Старухе-смерти мысль у меня сейчас.

Всё не могу понять, кто она и как здесь оказалась. А может, давно, всегда здесь сидела, за шалашиком, да никто не замечал? Я сюда вообще не спускался последние дни. Залитые слезой, потухшие глаза, запавший, без зубов рот, шея и лоб в фиолетовых пятнах, какие-то клочья вместо волос на светящемся черепе — и это существо когда-то было женщиной? И вся она в гнилостных пятнах, о Господи, даже не прикрыта ничем. Вот какую наготу надо прятать. Сморщенная кожа по животному подергивается то в одном, то в другом месте — эти пятна болезненны. Сама же Старуха сидит бесчувственно неподвижно, на голове и коленях, на плечах, руках какие-то водоросли, точно кто-то хотел, старался все-таки прикрыть этот ужас распада. О Господи, да это же волосы! Теперь я разглядел, вижу — *роскошные, длинные, Ее волосы*! Что, что эта отвратительная Старуха сделала с Нею, куда девала, запрятала? Такими, что ли, от долгих трудов становятся те самые Парки, богини жизни? Сожранная радиацией Парка, сослепу утерявшая и непослушными пальцами отыскивающая живую нить…

Прошелестел как бы даже не голос:

— Вода плохая… нехорошая… ты говорил…

Я сажусь рядышком, нет, я не признал и никогда не признаю в этом ужасе распада ту, которую разыскивал, к которой бежал. Никогда не соглашусь, что это правда. Сижу рядом с незнакомым мне существом, смотрю на сухие пальцы, перебирающие у больных, старушечьих ног роскошные, пересыпанные песком, но все еще с живым блеском волосы — и обливаюсь слезами. Я плачу навзрыд, как только однажды плакал в детстве, когда проснулся в вечерней, на закате солнца, избе и мне показалось, что все меня покинули, что *мама не вернется никогда*. Почему мама, почему не вернется никогда — я не знал, но помню: был ужас от

уверенности, что это именно так.

Мне почему-то надо, чтобы Старуха обратила внимание, что я плачу. Но она так и не взглянула ни разу на меня, даже когда прошелестели ее повинные слова. Мои пальцы касаются ее руки, мы вместе перебираем, трогаем, гладим волосы, веером рассыпавшиеся на песке, они и на плечах, на груди у нее, слипшиеся, я осторожно пытаюсь их забрать, снять, отнять, боясь лишь, что ей больно, — о, эти сочащиеся липкие фиолетовые пятна! Боль проходит по лицу Старухи бессмысленной гримасой. Но другая боль, в залитых слезами глазах, — такая глубокая, такая острая, она-то, наверное, и перебивает, заглушает всякую другую.

Мы уже в четыре руки сгребаем, выбираем из песка волосы, недавно такие прекрасные, живые. Расчесываю их, как в деревне льняные нити расчесывали, пальцами как гребнем. Уже две Парки заняты тем, что ищут, ищут потерявшиеся в песке кончики нитей, руки наши осторожно встречаются, и для меня так важно в эти мгновения сделать вид, что ничем наши руки, мои и Старухи, не отличаются друг от друга.

Наконец глаза Старухи, в которых засветилось *что-то* знакомое, что-то Ее, уперлись в меня, они спрашивают робко, виновато: *правда? то, что со мной случилось, — это правда*?

И я начинаю, о Господи, начинаю говорить, произношу, выговариваю наши с Нею, недавние наши слова:

— Солнышко!.. Ты мое солнышко!.. Любовь моя, любимая моя, солнышко…

Робким касанием влюбленного пытаюсь стереть гнилостно-фиолетовое пятно возле исхудавшего Ее локтя — он болезненно дернулся. И на мне вся кожа, даже на голове, передернулась.

Я всё вышептываю, всё зову, кличу, призываю наши слова, теперь я вижу Ее глаза — *Е е, Е е*! — я их отыскал, высмотрел на дне, залитых слезой, старушечьих глаз, я уже Ей, Ей шепчу наши слова, а себе кричу слова совсем другие и по-другому, и один и другой голос, шепот и крик не мешают один другому, не заглушают друг друга.

— У нас будет ребенок, — произносят губы, которых уже нет, жалко улыбнулась, потому что и улыбаться больно. Непроизвольно привычным жестом (*Ее жестом*!) тронула грудь, то, что осталось от женской груди, — растопыренные дрожащие пальцы поискали чашу и не нашли…

О бирит проклятый, ну что, насытился, наконец? Своей правотой перед всеми насытился, самый-самый? По горло, узкое свое горло! Так и не стал тем, кем мог стать. Огромное брюхо и узкое горло всегда тебе мешали. До последнего держался за свой

кусок. Даже когда кусок стал радиоактивный, и ты уже знал об этом. кусок. Даже когда кусок стал радиоактивный, и ты уже знал об этом. Нетерпимость и жадность, стремление быть всегда и перед всеми правым, быть надо всем и всеми — вот ты истинный! А над собой подняться — этому так и не научился. Каких гениев природа и судьба навстречу тебе высылали, каких проводников, какие Слова, Книги, Голоса, какие Светильники ты держал в руках — и всё не впрок. Ничего не помогло, кончилось вот чем. Так почему же, почему, какое проклятие над нами висело? Или действительно — Каинова печать? Не потому ли любой Светильник, любое Слово, как только попадали в такие руки, обращались в оружие? В орудие собственной правоты, мучительства, казней, убийств? Как у того жадного царя греков всё обращалось в золото, нелепо-ненужное, удушливое, уморившее его.

Я помню чудное мгновенье… Остановись, мгновенье, ты прекрасно… Какие голоса звучали в душе твоей, отзвучали, но не повели за собой, не увели от бездны.

Что, что помешало остановиться? Отступить, спасти себя, спасти других. Что заглушало все Голоса, гасило все Светильники?

Разве что у камня спросить? Не у кого больше. А впрочем, почему бы и не у камня? Разве не были для нас и камни, горы красотой? Остановись, мгновенье!.. Звезды, закат, былинка, скала над морем — нашими, нашими глазами увидели себя: Господи, хорошо-то как! Впервые и, может быть, в последний раз материя протерла глаза, Вселенная посмотрела на себя со стороны…

Все и во всем всегда перед всеми правы! — если не это, тогда что погубило?

Но за это в ответе мы, почему-то оставшиеся, для чего-то оставленные? С такой изучающей жестокостью, оставленные на дне, на стремительно сужающейся пятке ядерного смерча. Вот-вот поглотит и нас. Скорее бы, скорее — туда, и всё!

— Солнышко!! — шепчу вспоминающим былой восторг и ласку голосом. — Солнышко мое! Весна моя! У нас всё еще будет. Всё, всё хорошо. Это пройдет, это всё пройдет. Всё нам только кажется. Вернется, всё вернется… Мы не такие уж плохие…

— Мамочка, мне холодно! Мамочка моя, холодно!

Я вижу, Ее начал бить озноб. Мелкий-мелкий, не отпускающий. Раньше, прежде я мог обхватить руками, сжать в послушный комок, прижать, забрать в себя внезапно пронизавший Ее холод, погасить дрожь теплом, лаской.

Теперь же я беспомощно смотрю, как Ее и без того пятнистое тело густо покрывается зябкими пупырышками, вскакиваю и

начинаю что-то искать, хочу найти — ага, костюм, где он, проклятый? Когда надо, его нет! (Это и про самого Третьего.) Я обежал шалаш. Всегда он висел тут, сушился. На колени упал, на песок, ворошу, переворачиваю постель-водоросли. С пустыми руками снова бегу к Ней и вижу, что Ей совсем плохо, озноб уже трясет Ее всю.

— Ты его там бросила? Когда купалась? Я готов бежать вдоль берега как угодно далеко, чтобы делать что-то, а не смотреть вот так беспомощно. Какой это святой согревал прокаженных своим телом? Но у прокаженных так вот болит каждая ворсинка на теле?..

А на меня смотрят непонимающе: почему я не рядом, а где-то, когда Ей плохо, так плохо?

— Мамочка! — Нет, глаза не узнающие, не меня они сейчас видят. — Мне холодно, холодно же, мамочка!

Обида, слезы капризно-детские в голосе. (Господи, а что, если это сама смерть распадается, умирает?.. О чем я, это же Она, Она, никому, никому Ее не отдам!)

И снова я увидел птиц, черная полоска их возвращается — всё таким же вертикально летящим копьем. А навстречу птицам на наш берег, к острову, со стороны черно-вздувшегося океана всё стремительнее надвигается, охватывает, сжимает оставшееся и всё уменьшающееся пространство, испещренная змеями-молниями стена мрака — ее догоняет идущий откуда-то из самой глубины грозный, нарастающий, неправдоподобный гром, каменный рев, будто там перемалывают горы…

Каждая трубка-косточка в моем теле отозвалась жалобным звуком-эхом, руки, ноги, всё тело органно-протяжно загудели-загудели. И вдруг тело мое взвыло пронзительной сиреной ужаса, заглушая и крошащиеся горы. Я упал возле Нее, пытаясь Ее глаза задержать на себе, унести от сжимающегося ядерного смерча, чтобы Она не видела ничего, а только мои слова слышала:

— Это только, кажется… милая, любимая, всё вернется, всё, всё… Усё, усё вернецца, каханая мая!..

16

$$E = mc^2$$

Альберт Эйнштейн

… ТРИ ЛУЧИКА: И СОРВАВШИЙСЯ С НАДДЫМНОГО НЕБА, И ВЫНЫРНУВШИЙ ИЗ-ПОД ТОЛЩИ ВСПУЧЕННОГО ЧЕРНОГО ОКЕАНА И ВЫСКОЛЬЗНУВШИЙ ИЗ-ЗА РЖАВОЙ БУНКЕРНОЙ

ДВЕРИ, — С НЕМЫСЛИМОЙ СЛУЧАЙНОЙ ТОЧНОСТЬЮ ПЕРЕСЕКЛИСЬ, ВСТРЕТИЛИСЬ. И НА МИЛЛИАРДНУЮ ДОЛЮ СЕКУНДЫ ОБОЗНАЧИЛСЯ НА ЭТОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ БЕЗНАДЕЖНОСТИ УЗЕЛОК СВЕТА, ЭКРАНЧИК ТРОЙНОЙ, УТРОЕННОЙ ПАМЯТИ. ЗЕМНОЙ, ПОСЛЕДНЕЙ. ЛУЧИКИ ПОТРЕПЕТАЛИ, ПОМЕДЛИЛИ В БЕСКОНЕЧНОМ ХОЛОДЕ ВСЕЛЕННОЙ, ДЕРЖАСЬ, СКОЛЬКО СМОГЛИ, КАК МОТЫЛЬКИ, ДРУГ ЗА ДРУЖКУ, И РАСПАЛИСЬ. НО ВСЕЛЕННАЯ ВСЁ ЖЕ УСПЕЛА УСЛЫШАТЬ ЧТО-ТО ТАКОЕ, ПО ЧЕМУ БУДЕТ ТОСКОВАТЬ, САМА ТОГО НЕ СОЗНАВАЯ…

ИСЧЕЗЛИ ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ СОБСТВЕННОЙ ТРАГЕДИИ, И ОНА ТОТЧАС ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ТРАГЕДИЕЙ И СТАЛА РУТИННЫМ ФИЗИЧЕСКИМ ПРОЦЕССОМ ПРЕВРАЩЕНИЯ, ПАДЕНИЯ ЭНЕРГИИ В НИЧТОЖНО МАЛОМ УГОЛКЕ ВСЕЛЕННОЙ.

СВЕТ ПОГАС, ОПУСТЕЛИ И СЦЕНА, И ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ. НО НИКОМУ НЕ СЛЫШНЫЙ, НИКОМУ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИЙ ГОЛОС, КАК ЭХО О СТЕНЫ, КАК ЗАЛЕТЕВШАЯ В ПОМЕЩЕНИЕ ИСПУГАННАЯ ПТИЦА, БИЛСЯ О ПРОШЛОЕ, О БУДУЩЕЕ: «СОЛНЫШКО… ЛЮБИМАЯ… ВЕСНА МОЯ… ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО, ВСЁ, ВСЁ БУДЕТ!..»

1982–1986

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЯПОНСКОЙ ПРЕССЫ

«Асахи Синбун». 27 апреля 1990

26 апреля народный депутат СССР из Белорусской Республики Алесь Адамович, посетивший Японию, сообщил, что около 500 заболевших (в основном детей) лейкемией и раком щитовидной железы из-за радиации после аварии на Чернобыльской АЭС, сейчас лечатся в Израиле, на Кубе, в Индии и Голландии. Идут переговоры о медицинской помощи также с Испанией, Западной Германией и США. Члены Академии наук СССР планируют в ближайшее время обратиться к японскому правительству и медицинским учреждениям.

Господин Адамович, писатель, директор института кинематографии, призывает через разные каналы к помощи пострадавшим от Чернобыльской аварии. В этот раз он посетил Японию по приглашению группы движения против атомной электростанции. Он заявил: «В Японии, где пострадавшие от атомной бомбардировки лечились давно, имеются знания в области радиационной болезни, более глубокие всех других стран мира. Надеюсь на помощь в принятии больных, технологии, оборудовании и направлении специалистов».

«Асахи Синбун». 1 мая 1990

30 апреля Нагасаки посетил господин Алесь Адамович, писатель, народный депутат СССР из Белорусской республики. Он приехал в Японию, имея цель, ознакомить публику с последствиями чернобыльской аварии, по приглашению группы движения против атомной электростанции. Он намерен узнать об истории ядерной бомбардировки города и попросить медицинскую и другую помощь. Рассмотрев материалы о трагедии и пообщавшись с «хибакуся» (пострадавшими от лучевого поражения) и другими горожанами, господин Адамович сказал: «Атомная энергия, являясь врагом человечества, может разрушить Землю. Нельзя повторить Хиросиму, Нагасаки и Чернобыль». В первой половине дня он посетил Парк Мира и музей материалов атомной бомбардировки. Ознакомившись в поэтическом памятнике со стихами про испытание человека, сжегшего труп своего ребенка, затем послушав мать, которая, вопреки своему желанию, не смогла кормить своей грудью, он сочувствовал подобным страданиям от радиации: «В нашей республике также много таких людей. Внешне они здоровые, но умирают быстрой чередой».

«В правительстве СССР прежде говорили, что советская ядерная технология является доброй, а американская — злой. Однако после Чернобыля они, должно быть, поняли, что невозможно различить хорошие и плохие государства. Я видел Нагасаки своими собственными глазами, и уже не буду говорить о сокращении наполовину ядерного оружия, а думаю, нужна полная его ликвидация. Атомная станция также при аварии превращается в ядерную бомбу. Если все-таки необходимо построить ее, то она должна быть под землей». При встрече с господином Акидзуки Синьитиро (74 года), врачом-«хибакуся», консультантом больницы святого Франческо, возглавляющим Общество содействия миру в Нагасаки, господин Адамович сказал: «Мы одни не можем справляться с последствиями радиационного загрязнения. Дети посылаются в Индию, на Кубу и другие страны, где они лечатся. Хотели бы послать их на лечение в Японию, где имеется опыт лечения „хибакуся“».

Как нам пояснил господин Адамович, несмотря на то, что сама Чернобыльская АЭС находится в Украинской республике, большая часть «пепла смерти» упала на территорию республики Беларусь. «Это напоминает то обстоятельство, что с атомной бомбардировкой связывается прежде всего Хиросима, а имя

Нагасаки менее известное в мире. Беларусь также потерпела не менее, чем Украина».

«Майнити Синбун», 1 мая 1990

Господин Адамович в докладе «Чернобыль сегодня» рассказал, что в окрестности Чернобыльской АЭС, где произошла авария, кроме продуктов, сама земля загрязнена радиацией на 70-200 кюри, что в 100 раз превышает позволительную дозу. Так как вода течет через реку в Черное море и Средиземное море, то Европа и Африка попали под влияние радиации. Ситуация такова, что восстановление уже не под силу Советскому Союзу. Еще он сказал: «Пострадавшие дети побывают в Израиле, Индии и Новой Зеландии с целью лечения и психического оздоровления. От японцев, переживших беды радиации, мы просим помощи в виде либо отправки врачей, либо приема наших детей».

«Нагасаки Синбун». 1 мая 1990

Перед выступлением на пресс-конференции, объясняя ситуацию 4 года после аварии, он заявил: «Загрязненная территория расширена и один Советский Союз не в силах справиться с обстоятельствами. Уже в Индии, США, Франции и других странах начали принимать больных для лечения». Он также призвал к помощи от Японии в медицинской и экономической областях.

По поводу грядущего июльского визита президента Горбачева в Японию он высказал свое мнение: «Прежде всего, желаю, чтобы он посетил Хиросиму и Нагасаки. Должен быть заключен межгосударственный договор о полной отмене ядерного оружия».

«Асахи Синбун». 26 ноября 1990

Советский писатель Александр Адамович (63 года) посетил Японию на неделю по приглашению съемочной группы японско-советского совместного фильма «Передача будущему», снятого на основе подлинной истории, как 30 лет назад СССР передал вакцину, чтобы спасти японских детей от полиомиелита (детского паралича). Пользуясь случаем выпуска фильма 24 ноября, на этот день запланировали доклад писателя о ситуации аварии на Чернобыльской АЭС. Съемочная группа осенью начала денежный сбор для пострадавших от Чернобыльской аварии. Собранные до сих пор деньги будут вручены Адамовичу-сану для передачи в детские больницы в СССР.

Адамович-сан пробудет в Японии до 28 ноября. Он призывает к помощи: «Сейчас мы нуждаемся в чистых продуктах. Не хватает также медикаментов, витаминов и счетчиков радиации. Еще миллионам населения необходимо переселиться из загрязненной территории». Особенно он надеется на Японию: «Японцы могут понять нас, так как они пострадали от атомной бомбардировки».

Инициаторами денежного сбора выступают ведущая актриса фильма Курихара Комаки и другие дюди. Часть прибыли от показа кино будет отдана в помощь. Кроме того, призывают к денежным пожертвованиям и уже до сих пор собрали около миллиона йен, в основном у работников медицины, воспитательниц детсадов и членов женских организаций. В съемочной группе рассказали: «Если можно, хотим использовать денежный сбор для помощи детям. Первая часть сборами просим, будет вручена Адамовичу-сану для передачи, например, в детскую больницу в Минске».

«Майнити Синбун». 25 ноября 1990

24 ноября в кинотеатре в Токио показали японско-советский совместный фильм «Передача будущему». В основе лежит подлинная история, как японские матери пытались достать своим детям вакцину из СССР в 1960 году, когда во всем мире свирепствовал полиомиелит (детский паралич). Ведущая актриса фильма Курихара Комаки и другие известные люди призвали собирать денежные пожертвования для детей, пострадавших от Чернобыльской аварии в знак благодарности за помощь, оказанную Советским Союзом 30 лет назад. Часть входной платы также предназначена для помощи.

Во время эпидемии матери беспокоились за своих детей, и многие были благодарны СССР за вакцину. Съемки начались в 1987 году, а по мере обнаружения размера ущерба от аварии ЧАЭС, члены съемочной группы планировали помощь. В августе этого года они окончательно решили осуществить этот план. В списке инициаторов, кроме актрисы Курихара, числятся публицист Тавара Моэко, профессор Японского Женского Университета Итивангасэ Ясуко и другие. Принимают пожертвования в кинотеатрах, где показывают фильм, или через почтовый перевод. При продаже билета (стоимость 1200 йен) каждые 50 йен будут отданы в денежный сбор. Курихара-сан, которая играла главную роль японской матери, на пресс-конференции при просмотре нового кино рассказала: «Я узнала о ситуации в Чернобыле на форуме мира в Москве в феврале 1987 года, но тогда я не знала, чем могу помочь. Хорошо, что в этот раз мы решили организовать денежные пожертвования. Посмотрев наше кино, некоторые люди решили помочь в знак благодарности. Я желаю развития японско-советских отношений через медицинскую область». Курихара-сан планирует в январе привезти часть пожертвований в СССР и посетить больницу, где лечатся пострадавшие дети.

Народный депутат Александр Адамович (63 года), директор института кинематографии, рассказал, указывая на карту загрязнения в наиболее пострадавшей республике Белоруссии: «Наше правительство долгое время молчало о серьезности ущерба от катастрофы. Уже сотни людей заболели из-за аварии. Японское правительство подало нам руку помощи, но ее иногда воруют п пути. Прошу сотрудничать с негосударственными фондами М хотим употреблять денежные пожертвования прежде всего для того, чтобы купить медицинские приборы и лекарства, спасти детей, нуждающихся в пересадке костного мозга».

Фильм будет показываться до 21-го числа следующего месяца в Токио, потом в Нагое, Осаке и других местах страны в течение 2 лет.

«Сякай симпо». 30 ноября 1990

Александр Адамович-сан посетил Японию с целью сообщить правду об аварии на Чернобыльской АЭС и призвать к помощи. «Иностранные журналисты снимают детей в больницах. А когда в следующий раз они приезжают, оказывается, что та девочка умерла, и тот мальчик умер. Вот такая у нас ситуация».

Сейчас чернобыльские дети нуждаются в медицинских инструментах, лекарствах и врачах. Но «материалы на гуманитарную помощь пропадают, если они передаются в руки правительства и его чиновников. Особенно деньги».

Об аварии сначала не сообщили народу. Протестуя против сокрытия правды властями, он боролся пером на страницах «Нового мира» и других журналов. «Первые три года и газеты не принимали эту тему».

И сейчас ситуация серьезнее, чем официальный доклад о загрязнении. «В особенности, в Белоруссии половина земли загрязнена. Масштаб аварии равняется 600 атомным бомбам, сброшенным на Хиросиму, в том числе 400 попали в Белоруссию».

Партийные руководители считали его, требующего правды, «предателем страны» и выгнали из Минска. «Но могу сделать больше в Москве», — сказал он иронически. Он оказывает помощь пострадавшим детям, в качестве представителя двух гражданских организаций (одна из них называется «Chernobyl — Help» [«Чернобыль — Помощь» — Международная гуманитарная неправительственная организация].

Его активная деятельность исходит из любви к своей родине, Белоруссии.

КОММЕНТАРИИ

В книгу вошли следующие материалы

Из записных книжек А. Адамовича за 1981–1992 гг.

В записных книжках писателя можно прочесть наброски его писем, статей, выступлений и даже художественных произведений. Из них видно, как он, неспециалист (так он сам себя называл), накапливал нужную информацию, собирал материал по военному и мирному атому, а затем по чернобыльской аварии, для создания публицистических и художественных произведений.

Письма В. В. Быкову, И. А. Дедкову, М. С. Горбачеву, Е. П. Велихову, Е.Е Соколову, Стэнли Крамеру и другим (май 1986–1990 гг.), многие из них публикуются впервые.

Статьи, выступления, интервью в газетах, журналах, книгахˆиюнь 1986–1992 гг.)

Статьи, выступления, интервью даны в хронологическом порядке, по последнему прижизненному источнику, на языке первой публикации (белорусском или русском). В «Комментариях» указаны первоисточники, многие из материалов были включены автором в сборники: «Мы — шестидесятники». М., 1991; «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

Должности упоминаемых лиц приводятся в книге в сносках на тот период, о котором пишет автор.

Сценарий «… Имя сей звезде Чернобыль» был написан в 1987 году для американского режиссера Стэнли Крамера (Креймера). Съемки должны были осуществляться кинокомпанией «Коламбиа пикчерс» в содружестве с советскими кинематографистами, но они, к сожалению, не состоялись.

Повесть «Последняя пастораль» задумана была в 1981 году, опубликована в 1987 году.

Сноски, набранные курсивам, сделаны составителем.

1986

Письмо В. В. Быкову. 07.05. (с.5)

Публикуется впервые. Печатается по рукописи.

Письмо И. А. Дедкову. 22.05. (с.6)

Опубликовано в журнале «Дружба народов». 1995. № 3.

Из записных книжек. Май 1986–1992 гг. (с.7)

Публикуются впервые; частично печатались в журнале «Неман». 1998. № 11/12; 2001. № 7.

Письма, статьи, интервью в газетах, журналах, книгах. 1986–1992 гг.: (с. 87)

1986

Хатынь притягивает Хиросиму. [25–27.05.], (с. 89)

Публикуется впервые. Печатается по авторизованной машинописи.

Датируется по содержанию.

Письмо М. С. Горбачеву. 01.06. (с. 91)

Опубликовано впервые в журнале «Крініца/Родник». 1989. № 11. с. 4–5; в кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991. с. 408–412. В переводе на белорусский язык в кн. «„Апакаліпсіс па графіку“. Минск. 1992. с. 4–9».

В качестве фрагмента включено в статью «Чернобыль и власть». 1990.

Письмо И. А. Дедкову. 08.06. (с. 95)

Опубликовано в журнале «Дружба народов». 1995. № 3.

Начинать с себя, (с.96)

[Из выступления на VIII съезде СП СССР. 24–28 июня.]

Печатается по кн.: «Мы — шестидесятники». М.,1991.

Письмо Е. П. Велихову. [Июнь], (с. 97)

Публикуется впервые. Печатается по рукописи.

Датируется по содержанию.

Из письма И. А. Дедкову. 28.07. (с. 99)

Опубликовано полностью в журнале «Знамя». 2006. № 1.

1987

Письмо Е. Е. Соколову. 06.05. (с. 99)

Публикуется впервые. Печатается по рукописи.

Выступление на Пленуме правления СП СССР. 27–28.04. (с. 100)

Опубликовано в «Литературной газете». 06. 05.

Письмо Е. И. Сизенко, первому зам. Агропрома СССР. 23.07. (с.102)

Публикуется впервые. Печатается по рукописи.

Письмо Е. П. Велихову. 24.07. (с. 104)
Публикуется впервые. Печатается по рукописи.

1988

Письмо М. С. Горбачеву 03.— 07.03.

Под названием: Честное слово, больше не взорвется, илиМнение неспециалиста, (с. 105)

Опубликовано в газете «Московские новости». 17.08. [Фрагменты]. Полностью — в журнале «Новый мир». № 9. В качестве фрагмента включено в статью «Чернобыль и власть». 1990.

Печатается по кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

1989

Не ослабляйте напора… (с. 120)
Печатается по кн.: «Мы — шестидесятники». М.,1991

Выступление на открытии Московского энергетического клуба. 01.03. (с.121)
Печатается по кн.: «Мы — шестидесятники». М.,1991.

Так кто же заплатит? (с. 125)

Депутатский запрос. Заместителю Председателя Совета Министров СССР Щербине Б. Е.; Министру атомной энергетики Луконину Н. Ф. 08.05.

Печатается по кн. «Мы — шестидесятники». М, 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск 1992.

В газете «Комсомольская правда».11.05. впервые опубликован под названием: Туча с грифом «секретно».

«Мы-то переживем, но дети…». (с. 128)

Материал опубликован в газете «Семъя».29.05. — 04.06.

«Жить на земле, и жить долго», (с.129) Андрей Сахаров — Алесь Адамович. Беседу вел В. Синельников.

Опубликована впервые в журнале «Искусство кино». № 8.

Печатается (с сокращениями) по кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

Телеграмма Е. Е. Соколову, Н. С. Игрунову. (с. 143)
Публикуется впервые. Печатается по рукописи.
Датируется по содержанию.

Выступление на митинге 1-го «Чарнобыльскага шляху». Минск. 30.09. (с. 144)

Публикуется впервые по машинописной, отредактированной копии текста, который хранится в Национальном архиве РБ. Стенограмма выступления была направлена 3 октября 1989 года В. Михасевым, председателем исполкома Минского городского Совета народных депутатов, Председателю ВС СССР Горбачеву М.С (См. с. 541)

Чернобыльский путь. Материалы митинга. 30. 09. (с. 147)

Отрывки из выступления публиковались в газете «Белорусская трибуна». № 11.

«Наконец заговорили о Белоруссии…», (с. 148) 0
[«Чарнобыльскі шлях» 1989 года].
Публикуется впервые. Печатается по рукописи.
Датируется по содержанию

Ратаваць будучыню.
Прэс-канферэнцыя у Доме ліаратара. (с. 150)
Опубликована в газете «Чырвоная змена». 10.10.

Заключительное слово на пресс-конференции, (с. 151)

Публикуется впервые по машинописной, отредактированной копии текста, который хранится в Национальном архиве РБ. Стенограмма выступления была направлена 3 октября 1989 года В. Михасевым, председателем исполкома Минского городского Совета народных депутатов, Председателю ВС СССР Горбачеву М.С (См. с. 541)

Письмо М. С. Горбачеву (совместно с Е. П. Велиховым). 02.10. (с. 151)

Публикуется впервые. Печатается по авторизованной машинописи.

Белорусская беда.
Жертвы Чернобыля на улицах Минска, (с. 153)

Опубликована впервые в газете «Московские новости». 8.10. Печатается по кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

В кн. «Письма к живым /Лісты да жывых. Дайджест газеты „Набат“. Минск. 1999». Опубликована под названием: «Адкрытая бяда».

Большая ложь. (с. 155)
Круглый стол в редакции газеты.
Опубликован в газете «Московские новости». 15.10.

Тихое имя. (с. 159)
Отрывок из интерью И. Ришиной в «Литературной газете». 18.10.
Печатается по кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

На краю пропасти, (с. 162) Интервью Л. Екелю.
Опубликовано в журнале «Крыніца/Родник». № 11.

Отрывок из выступления на Втором съезде народных депутатов СССР.14.12. (с. 166)
Опубликовано в газете «Известия». 25.12.

1990
«Ветер, к счастью, дул не на Киев…», (с. 166)
Публикуется впервые. Печатается по рукописи. Датируется по содержанию.

Обуздать «мирный атом», (с. 170) (Выступление в Бохуме. Западная Германия). 22.05.
Публикуется впервые. Печатается по авторизованной машинописи.

«Повивальной бабкой ядерной бомбы…», (с. 173)
Публикуется впервые. Печатается по рукописи. Датируется по содержанию.

Лицом к апокалипсису: (с, 174)
1. Физические реальности Судного дня.
2. Так нажмем или не нажмем?
3. Апокалипсис — это сколько рентген?
Опубликована впервые в журнале «Век XX и мир». № 9.
Печатается по кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

Чернобыль: атомная энергетика и права человека, (с 185)

Публикуется впервые. Печатается по авторизованной машинописи. Датируется по содержанию.

Куропаты, Хатынь, Чернобыль. 25.07. (с. 189)

Опубликована впервые в «Литературной газете». 15.08. Печатается (с сокращениями) по кн. «Мы шестидесятники». М., 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

Чернобыль и власть. 25–29.08. (с. 203)

Опубликована в переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

На русском языке печатается впервые по авторизованной машинописи.

Выступления в Японии: (с. 225)

1. Беда учит;
2. Хатынь, Хиросима, Чернобыль…;
3. Радиофобия ли?

Печатается по кн. «Мы — шестидесятники». М, 1991. В переводе на белорусский язык в кн. «Апакаліпсіс па графіку». Минск. 1992.

Письмо в Японию. 14.12. (с. 234)

Печатается впервые по машинописи.

С миллионом в кармане, (с. 235)

Интервью. Беседовала Л. Коктыш.

Опубликовано в газете «Добры вечар». 1991.04.01.

«Нас ужо не лічаць ядзерным монстрам», (с. 237)

Отрывок из выступления. 07.12. Дом литератора. Опубликовано в газете «Чырвоная змена».15.12.

1991

Толыа не абыякавасць. (с. 238)

Интервью. Беседу вел Виталь Тарас.

Опубликовано в газете «Літаратура і мастацтва». 15.02.

«Они не хотели знать правду», (с. 240)

Опубликовано в «Народной газете». 22.05.

Жить и умирать с Чернобылем. 30.06. (с. 241)

Публикуется впервые. Печатается по рукописи. Датируется по содержанию.

Чернобыль — черная тень системы, (с. 244)

Беседа Алеся Адамовича с Юрием Щербаком.

Опубликована в газете «Демократическая Рост». 26.04.

Третье предательство. 30.07. (с. 254)

Опубликована в газете «Megapolis-express». 15.08. под рубрикой «А был ли Чернобыль?» вместе с материалами И. Шкляревского, Б. Олейника

1992

«Второй раз они до Москвы доехать не дадут…». (с. 257)

Из «Путешествий из Минска в Москву и обратно».

Рукопись «Путешествий…» А. Адамович принес в журнал «Неман» за две недели до своей смерти, опубликована в № 8–9. 1994 г.

Печатается по первой публикации в журнале «Неман». 1994. № 9.

Па прапісцы — я ў Маскве, па менталітэгу — грамадзянін Беларусі (с. 263)

Отрывок из интеръю Г. Айзенштадт в газете «Свободные новости». № 21.ноябрь

«Последняя ли пастораль?». Из интервью, (с. 268)

Отрывок из интерью И. Ришиной в «Литературной газете». 1987.30.09.

Печаталось (с сокращениями) в кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991.

Письмо Стэнли Крамеру. 1987. (с. 269)

Публикуется впервые. Печатается по авторизованной машинописи.

«… Имя сей звезде Чернобыль». Сценарий. 1987. (с. 272)

Публикуется впервые. Печатается по авторизованной машинописи.

«От не убий человека до не убий человечество», (с. 309)

Из записных книжек — 1981–1992 гг.

Публикуются впервые; частично печатались в журнале

«Неман» 1998. № 1,11/12; 2001. № 7.

Не убий человечество. Статья, (с. 403)

Опубликована в газете «Megapolis-express». 1992.06.02.

«Последняя ли пастораль?». Из интервью, (с. 418)

Отрывок из интерью И. Ришиной в «Литературной газете». 1987.30.09. Печаталось (с сокращениями) в кн. «Мы — шестидесятники». М., 1991.

К «Последней пасторали». Из записных книжек — 1981–1990 гг. (с. 421)

Публикуются впервые; частично печатались в журнале «Неман» 1998. № 1,11/12; 2001. № 7.

Последняя пастораль. Повесть. 1987. (с. 432)

Опубликована впервые в журнале «Новый мир». 1987. № 3. Последнее издание — в 1989 году.

notes

Примечания

1

Ирина Михайловна — жена В. В. Быкова

2

Дочь и жена А. М. Адамовича.

З

Карпюк Алексей Никифорович — белорусский писатель.

4

Дудочкин Петр Петрович — русский писатель. Оба писателя — противники алкоголя.

5

Дедков Игорь Александрович — русский критик, жил в Костроме, последние годы — в Москве.

6

Нестеренко Василий Борисович — белорусский ученый в области ядерной энергетики и радиоактивной безопасности, с 1977 г. — директор ун-та ядерной энергетики АН БССР, с 1987 г. — зав. лабораторией этого ин-та. С 1990–2008 гг. — директор института (БелРад).

7

Бейнбридж Кеннет — американский физик.

8

Капица Петр Леонидович — физик, академик АН СССР, директор института физических проблем им. С. И. Вавилова АН СССР.

9

Велихов Евгений Павлович — физик, академик, зам. директора ИАЭ им. И. В. Курчатова, вице-президент АН СССР. С 1992 г. — Президент Российского научного центра «Курчатовский институт».

10

Голиков Ф.И. — начальник Главного разведывательного управления накануне Великой Отечественной войны.

11

Пискаревское кладбище — в годы Великой Отечественной войны место захоронения сотен тысяч блокадников и участников обороны в Ленинграде.

12

Слюньков Николай Никитович — первый секретарь ЦККПБ (1983–1987 гг.), член ЦК КПСС.

13

Кузьмин Александр Трифонович — участник Великой Отечественной войны, летчик. С февраля 1971 г. по август 1986 г. — секретарь ЦК КПБ.

14

Вавилов Николай Иванович — генетик, селекционер, географ, общественный деятель, академик.

15

Бартошевич Геннадии Георгиевич — второй секретарь ЦК КПБ, председатель Минского горисполкома.

16

Ковалев Михаил Васильевич — Председатель Совета Министров БССР (1986–1990 гг.), член ЦК КПБ.

17

Кузьмин А. Т. ушел из ЦК КПБ в августе 1986 года.

18

Имеется в виду книга А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника «Я из огненной деревни».

19

Адамович был Председателем жюри документальных и короткометражных фильмов XV Московского международного кинофестиваля.

20

Александров Анатолий Петрович — физик, президент АН СССР (1975–1986 гг.), директор института атомной энергии (ИАЭ им И..В. Курчатова) (1960–1988 гг.), руководитель программ по созданию ядерных реакторов.

21

Легасов Валерий Алексеевич — химик, академик, первый зам. директора института им. И. В. Курчатова, помощник А. Александрова.

22

Байбаков Николай Степанович — Председатель Госплана СССР, зам. председателя Совмина СССР.

23

Непорожний Петр Степанович — министр энергетики СССР — это они гнали в шею.

24

МАГАТЭ — Международное агенство по атомной энергии при ООН, создано в 1957 году.

25

Щербина Борис Евдокимович — зам. Председателя Совета Министров СССР.

26

Мешков Александр Григорьевич — зам. министра Министерства среднего машиностроения.

27

Воробьев Андреи Иванович — радиобиолог, академик Академии меднаук СССР, директор Всесоюзного гематологического научного центра.

28

Гранин Даниил Александрович — русский писатель, соавтор А. Адамовича по «Блокадной книге».

29

Шейндлин Александр Ефимович — академик, директор института высоких температур АН СССР, инициатор создания Московского энергетического клуба.

30

Кузьмин А. Т.

31

Моисеев Никита Николаевич — математик, академик.

32

Капица Сергей Петрович — академик, зав, лабораторией института физических проблем АН СССР (1953–1992 гг.).

33

Доллежаль Николай Антонович — энергетик, академик, главный конструктор реактора первой в мире АЭС, реакторов чернобыльского типа.

Лигачев Егор Кузьмич — член Политбюро (1985–1990 гг.).

35

Мехлис Лев Захарович — начальник Главного политуправления РККА (1937–1940 гг.).

36

Израэль Юрий Антонович — председатель Госкомгидромета СССР.

37

Ильин Леонид Андреевич — директор Института биофизики Минздрава СССР, вице-президент Академии медицинских наук СССР.

38

Рыжков Николай Иванович — Председатель Совета Министров СССР(1985–1991 гг.), Председатель Комиссии по Чернобылю.

39

Шербицкий Владимир Васильевич — первый секретарь ЦК КП Украины (1972–1989 гг.).

40

Слюньков И. И. переехал в Москву в 1987 году, став членом Политбюро КПСС.

41

Яблоков Алексей Владимирович — профессор, член-корреспондент АН СССР. В настоящее время — член Европейской комиссии по радиационному риску, руководитель Центра экологической политики России.

42

Чазов Евгений Иванович — кардиолог, академик АН и АМН СССР, министр здравоохранения СССР (1987–1990 гг.).

43

Японские ученые предлагали создать Международный научно-медицинский центр в Гомеле.

44

Вертинский Анатолий Ильич — белорусский поэт, журналист, главный редактор газеты «Літаратура і мастацтва»(1986–1990 гг.).

45

Борисевич Николай Александрович — белорусский физик, академик разных академий мира, Президент АН БССР (1969–1987 гг.).

46

Позняк Зенон Станиславович — археолог, искусствовед, белорусский общественный политический деятель. Председатель сойма БНФ с 1990 г., с 1996 г. — в эмиграции.

47

Соколов Ефрем Евсеевич — первый секретарь ЦК КПБ (1987-90 гг.).

48

Землетрясение в Армении в 1988 году.

49

Громыко Андрей Андреевич — белорус. Председатель Президиума ВС СССР (1985-87 гг.), член Политбюро ЦК КПСС.

Грушевой Г.В. — философ, основатель и президент благотворительного фонда «Дзецям Чарнобыля» с 1989 г.

51

Речь идет о поездках детей за границу.

Представители МАГАТЭ.

53

Перес-де-Куэльяр Хавьер — генеральный секретарь ООН (1982–1991 гг.).

54

Таразевич Георгий Станиславович — Председатель Президиума ВС БССР (1985–1989 гг.).

Брюханов Виктор Петрович — директор Чернобыльской АЭС.

56

Фомин Николай Максимович — главный инженер Чернобыльской АЭС.

«Пятое Колесо» — программа Ленинградского ТВ.

58

Дятлов Анатолий Степанович — зам. главного инженера Чернобыльской АЭС.

59

Шагал Марк — белорусский и французский художник еврейского происхождения, Михоэлс Соломон — еврейский актер, режиссер, председатель еврейского антифашистского комитета СССР (1941-45 гг.), Пэн Юдал — белорусский живописец, педагог, создал Витебскую школу-мастерскую Ю. Пэна.

60

Жуков Георгий Константинович — Маршал СССР, министр обороны СССР (1955-57 гг.).

«Чарнобыль і ўлада» // Апакаліпсіс па графіку. Мінск. 1992.

62

Щербак Юрий Николаевич — украинский писатель, доктор медицнских наук, депутат ВС СССР.

63

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович — ученый, в 1955 г. работал в институте биологии Уральского филиала АН СССР, один из основоположников радиационной генетики.

Дубинин Н.П. — генетик.

65

Комай Алексей Степанович — первый секретарь Гомельского обкома КПБ.

Пеллерин Пьер — представитель МАГАТЭ, профессор (Франция).

Вильсон Ричард — профессор физики Гарвардского университета США.

Голдман Марвин — директор лаборатории медико-энергетических проблем Калифорнийского университета США.

69

«План Баруха». Б. Барух — американец, миллионер. В 1945 г. предложил план: учреждение в качестве международного органа по развитию атомной энергии при ООН (строительство, эксплуатация атомных реакторов, взрывных устройств, научно-исследовательская деятельность.) В 1946 г. этот план был предложен СССР, но был получен отказ.

70

Чебриков Виктор Михайлович — Председатель КГБ СССР (1982–1988 гг.).

71

Драч Иван Федорович — украинский поэт, общественный деятель.

72

Сулейменов Олжас — казахский поэт, инициатор движения «Невада — Семипалатинск» (1989).

73

Шушкевич Станислав Станиславович — физик, Председатель ВС БССР (1991–1994 гг.).

Зам. директора Института им. Курчатова Л. П. Феоктистов такую трагедию предсказывал в мае 1983 г. на конференции советских ученых: «Как показывают более точные оценки, по совокупности причин радиоактивное заражение, вызванное полным разрушением одной АЭС, сопоставимо с радиоактивными последствиями приземного термоядерного взрыва в 1 мгт в период до 1 месяца…». (Одна мегатонна, как известно, это 50 Хиросим). «Непригодной для обитания оказывается территория, примыкающая к АЭС (в направлении ветра) площадью, составляющей десятки тысяч квадратных километров». Мы, Белоруссия, оказались «в направлении ветра».

Михаил Сергеевич Горбачев.

Помощник Горбачева М.С. — Черняев Анатолий Сергеевич.

77

Голиков Ф.И. — начальник Главного разведывательного управления накануне Великой Отечественной войны.

78

Гранин Даниил Александрович — русский писатель, соавтор А. Адамовича по «Блокадной книге».

79

Петросьянц Андраник Мельконович — председатель Госкомитета по использования атомной энергии СССР.

80

Велихов Евгений Павлович — физик, академик зам. директора ИАЭ им. И. В. Курчатова, вице-президент АН СССР. С 1992 г. — Президент Российского научного центра «Курчатовский институт».

81

Речь идет о письме к М. С. Горбачеву от 1 июня 1986 года.

82

Соколов Ефрем Евсеевич — первый секретарь ЦК КПБ (1987-90 гг.).

83

Волкогонов Дмитрий Антонович — генерал-полковник, историк, зам. начальника Главного политуправления Советской Армии (1987 г.).

«На форуме и после».

Помимо входящих в 30-километровую зону (юг Гомельской обл.) еще шесть районов (173 населенных пункта) Могилевской области: Чериковский, Костюковичский, Славгородский, Краснопольский, Климовичский, Быховский.

Как наша совесть может мириться с тем, что в Брагинском и других районах перешли на «вахтовый метод» медицинского обслуживания: поочередное месячное пребывание. Т. е. признаем невозможность более длительного. Ну, а дети, они могут, им разрешим? Более того, поощрим их родителей тридцатью рублями в месяц. (Народ назвал их «гробовыми»).

Митрополит Питирим Волоколамский и Юрьевский.

88

Яковлев Александр Николаевич — политический деятель, в 1985–1986 гг. заведовал Отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1986–1990 гг. — секретарь ЦК КПСС.

89

«Глубокоуважаемый Александр Михайлович! Из „Литературной газеты“ узнал о Ваших намерениях создать произведение, посвященное чернобыльской трагедии. (Речь шла о планировавшемся фильме [„…Имя сей звезде Чернобыль“] совместно со Стэнли Креймером (Крамером). — А.А.) Я знаком с Вашими произведениями и поэтому очень рад, что именно Вы решились взяться за эту работу. Но меня беспокоит, что широко известна лишь внешняя сторона этой величайшей трагедии; ошибки и трусость одних людей, беды и психологический шок других, героизм и изобретательность третьих. Людей же, знающих истинные истоки и возможные последствия Чернобыля, очень мало, да и ограничено большинство из них в возможностях высказаться. Так сложилась моя научная и человеческая биография, что, не будучи создателем атомных реакторов, я в силу своих профессиональных и должностных обязанностей видел задолго до 26 апреля, как зарождалась чернобыльская трагедия, знаю, кто бил во все колокола, а кто обрезал этим колоколам языки, участвовал в принятии основных решений по ликвидации последствий аварии, и сейчас моя главная забота — как избежать подобных катаклизмов в будущем. Поэтому и предлагаю Вам свои знания и собственное понимание событий, с тем, чтобы Ваше произведение оказалось не только художественно сильным, в чем я не сомневаюсь, но и исторически точным. В. Легасов».

А вот информация из «третьего мира»: «Бразилия не в состоянии финансировать свою атомную программу; на Филиппинах установлен новый, но непригодный к работе реактор; в Индии, Пакистане и Аргентине множатся аварии и катастрофы на АЭС, парализующие их работу. Повсюду ощущается острая нехватка денег, даже на ремонтные работы. Атомной эйфории прошлых лет… в странах „третьего мира“ настал конец, и новые АЭС почти нигде больше не строятся» («Литературная газета» от 16 марта 1988 года, перепечатка из журнала «Шпигель»).

91

Дальновидные наши ученые и конструкторы заново кое-что делают, нет, уже сделали: ленинградцы разработали гидроэнергетические установки, которые не нуждаются в высотных плотинах, не затопляют земли, не загрязняют воду, — одним словом, щадящие и оберегающие природу. Их закупают Аргентина, европейцы. Вот что-то не слышно только, чтобы мы сами их устанавливали. Или недостаточно «масштабно» и затратно для нас?

Новые подсчеты, уже 1990 года: из 600 «хиросимских» (по долгоживущим элементам) бомб 450 достались Белоруссии.

93

Министр здравоохранения УССР А, Романенко жалуется: «К большому сожалению, нам не удается справиться со слухами, с чувством тревоги населения, даже с определенным недоверием к нам, медикам» («Правда» от 30 мая 1988 года, статья «Слухи»…). А действительно, с чего бы это — такое недоверие?

Как-то присутствовал я при споре строителя атомных станций очень высокого ранга, академика с ученым-геологом. Когда у академика иссякли аргументы в пользу расширенной программы строительства АЭС, он прижал руки к груди и поклялся: «Честное слово, больше не взорвется!» — «Но как вы можете ручаться, — возразил геолог, — если мы знаем и вы знаете, что больше четверти наших АЭС построены на неподходящих в геологическом отношении, а то и просто опасных грунтах?»

95

Жутковато читать в посмертно опубликованных записках В. Легасова «Мой долг рассказать об этом…» такие вот характеристики наших ИТР и рабочих, трудовая мораль которых порой — на уголовном уровне. «Я вспомнил случай, например, на одной атомной станции, когда в главный трубопровод по сварному шву, вместо того чтобы правильно осуществить сварку, сварщики заложили просто электрод, слегка его, приварив сверху. Могла быть страшная авария, разрыв большого трубопровода, авария ВВЭРовского аппарата с полной потерей теплоносителя, с расплавлением активной зоны и т. д. Всё это было сделано во имя производительности труда — сварить больше швов. Такая халтура просто поразила наше воображение. Потом проверяли на многих станциях эти же участки, не везде было всё благополучно». («Правда» от 20 мая 1988 года). А что можно сказать про конструктора реактора чернобыльского типа (РБМК), которому специалисты указывали на изъяны его аппарата и именно в смысле надежности, а он оставался глух. Предложения о совершенствовании аварийной системы «не отвергались, но разрабатывались очень медленно». Кстати, кто этот конструктор? Автора! Впрочем, знаем — академик Доллежаль. Но и другие имена должны фигурировать. Все!

96

Фучик Юлиус — чешский журналист, общественный деятель. Казнен фашистами в 1943 году.

97

Землетрясение в Армении произошло 7 декабря 1988 года.

Синельников Владимир Львович — режиссер-документалист.

99

После трагического землетрясения в Армении правительство приняло решение о закрытии атомной станции.

100

Спустя почти три года после взрыва Чернобыльской АЭС под сильным воздействием общественности принято решение о выселении людей из пораженных районов в Белоруссии. Вновь подчеркнем — через год после публикуемой беседы.

101

Это требование общественности было удовлетворено совсем недавно.

102

Оппенгеймер Роберт — американский физик, создатель атомной бомбы.

103

Игрунов Николай Степанович — второй серетарь ЦК КПБ.

104

«План Маршалла». Маршалл Джордж Кэлет — военный и государственный деятель, дипломат. В 1947-49 гг. — инициатор оказания США экономической помощи послевоенной Европе. СССР и страны Восточной Европы от нее отказались.

105

Большая ложь. Круглый стол //Московские новости. 16 42.15 окт.

106

Перес де Куэльяр Хавьер — генеральный секретарь ООН (1982–1991 гг.).

107

«План Баруха». Б. Барух — американец, миллионер. В 1945 г. предложил план: учреждение в качестве международного органа по развитию атомной энергии при ООН (строительство, эксплуатация атомных реакторов, взрывных устройств, научно-исследовательская деятельность). В 1946 г. этот план был предложен СССР, но был получен отказ. См. также статью «Лицом к апокалипсису».

108

Доклад в Ньюлорте (США) на конференции американских и советских ученых и публицистов (июнь 1990).

109

Карякин Юрий Федорович — русский философ, публицист.

110

Данин Даниил Семенович — русский писатель, публицист.

111

Микоян Анастас Иванович — государственный, политический деятель, член Политбюро ЦК (1935–1966 гг.).

Куда легче оценить ситуацию западному автору, если он наш земляк. Но он, Григорий Нилов (Александр Кравцов), пишет в книге «Грамматика ленинизма» (Лондон. 1990): «И всё же трудно поверить, что репрессивная война государства с народом уничтожила такую же армию мужчин, как три другие войны — две мировые и гражданская, а „женская доля“ павших в этой войне была всего наполовину меньше мужской. Проверить трудно, но на вопрос — сколько мировых войн перенесла Россия? — придется ответить: по числу жертв — четыре».

113

«Цена победы» проф. С. Польского и С. Матюнина. — «Літаратура і мастацтва» от 6.07.1990.

114

Демичев Петр Нилыч — министр культуры СССР (1974–1986 гг.).

115

Луценко Борис Иванович — главный режиссер Гос. русского драматического театра БССР им. А. М. Горького (1973–1981 гг.).

116

По последним подсчетам 600 «бомб», из них 450 на Белоруссию.

117

Партийный руководитель Украины.

Подзоров а М. Алесь Адамович — японский миллионер // Московские новости. 1990. М 49.

119

Кандрусёў А.І. — намеснік міністра аховы здароўя СССР, галоўны санітарны ўрач СССР.

120

Полозков Иван Кузьмич — первый секретарь компартии РСФСР.

121

Повесть Д. Гранина «Зубр» (1987) посвящена жизни И. В. Тимофеева-Ресовского, ученого-биолога, генетика.

122

Гарецкий Радим Гаврилович — академик АН БССР и РФ. директор института геохимиии и геофизики АН БССР

Кудельский Анатолий Викторович — доктор геолого-минералогических наук, зав. лабораторией геохимии и геофизики АН БССР.

Кондрусев А. И. — зам. министра здравоохранения СССР.

125

Бурьяк В.Н. — первый зам. Председателя Госкамчернобыля БССР, главный санитарный врач БССР.

Савченко Н.Е. — министр здравоохранения БССР.

127

Камай А. С. — первый секретарь Гомельского обкома КПБ.

Кичкайло А.Т. — зам. Председателя Совета Министров БССР.

129

«Сосна» — дозиметр.

130

Марков Г.М… — русский писатель, первый секретарь правления СП СССР, член ЦК КПСС.

131

Карпов Владимир Васильевич — русский писатель.

132

Севрук Владимир Николаевич — зам. заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС.

133

Залыгин Сергеи Павлович — русский писатель, главный редактор «Нового мира».

134

Крамер (Креймер) Стэнли — американский кинорежиссер (фильмы «На последнем берегу», «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир», «Корабль дураков» и др.).

135

Другое название: Чернобыль — это рядом.

136

Тадж-Махал — храм, памятник индийской архитектуры.

137

Чернобыль — по-белорусски и по-украински: полынь.

РБМК — Реактор Большой Мощности Канальный.

139

В Америке их называют «русскими горками».

140

«Першинги» — американские баллистические ракеты средней дальности (БРСД).

141

Хейг Александр — Госсекретарь США в администрации президента Рейгана.

142

Шелл Джонатан — американский публицист, журналист, автор книги «Судьба Земли». 1982 г.

143

Смит Саманта (1972–1985 гг.) — американская школьница, ставшая всемирно известной благодаря этому письму.

144

Карпов Владимир Васильевич — русский писатель, Герой Советского Союза.

145

Город в Англии. Возле него было военная база, на которую в 1983 году привезли американские крылатые ракеты. В знак протеста против ядерноео оружия возле нее был организован палаточный женский лагерь.

146

Князев Георгий Алексеевич — историк, директор Архива АН СССР, герой «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина.

147

Республиканская научная конференция института литературы АН БССР и СП БССР. 1983, апрель. Ее материалы опубликованы в книге «Литература о войне и проблемы мира». Минск. 1986.

148

«Неподвижность» — рассказ А. Адамовича, 1984 год.

149

Омницид — всеобщее уничтожение.

150

Берёзкин Григорий Соломонович — белорусский критик.

151

Сагдеев Роальд Зиннурович — физик, один из лидеров международного движения ученых за мир.

Бейнбридж Кеннет — американский физик.

153

Рассел Бертран — английский философ и мыслитель.

СОИ — космическая противоракетная система США.

155

Швейцер Альберт — немецкий теолог, философ, врач. Лауреат Нобелевской премии мира. В1957 г. выступил с «Обращением к человечеству», в котором призван прекратить испытания ядерного оружия.

Мрожек Славомир — польский драматург.

157

Устинов Питер — английский актер, писатель, кинорежиссер.

158

Грасс Гюнтер — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии.

159

Раушенбах Борис Викторович — физик-математик, академик, специалист в области ракетно-космических технологии.

160

Пастер Луи — французский микробиолог и химик.

161

Климов Элем Германович — кинорежиссер фильма «Иди и смотри».

162

Гердер Иоганн Готфрид — немецкий мыслитель, публицист, поэт XVIII века, друг Гете.

163

А. Адамович. Beyond war (Об антивоенной организации американцев «Без войн») //Литературная газета. 1988, 6 апреля.

164

Алармист (франц.) — рождающий тревогу в обществе, бьющий в набат.

165

Брандт Вили — федеральный канцлер Западной Германии (1969–1974).

166

Антонович Иван Иванович — зав. отделом культуры ЦК КПБ (1979–1985 гг).

167

Статья А. Адамовича «На форуме и после» была опубликована в газете «Московские новости» 8 марта 1987 года.

168

Малофеев Анатолий Александрович — последний первый секретарь ЦК КПБ, открытый сторонник ГКЧП.

169

Речь идет о статье А. Адамовича «А ну-ка положи свой чемоданчик!: (Непроизнесенная речь депутата 26.08.91 г.)» Megapolis-express. 1991. 5 сентября.

170

Кравчук Леонид Макарович — Президент краины (1991–1994 гг.)

171

Речь идет о статье А. Адамовича «Не убий человечество».

172

Суслов Михаил Андреевич — секретарь ЦК КПСС (1947–1982 гг.); член Политбюро ЦК КПСС (1952–1982 гг.)

173

Залыгин Сергей Павлович — русский писатель, главный редактор «Нового мира».

174

Синельников Владимир — режиссер-документалист (см. с. 129.).

175

Распутин Валентин Григорьевич — русский писатель.

176

Гамсахурдиа Звиад — президент Грузии (1991–1992 гг.)

177

Одно из первоначальных названий повести «Последняя пастораль».

178

Одно из первоначальных названий повести «Последняя пастораль».

179

Поэма Янки Купалы.

180

Одно из первоначальных названий повести «Последняя пастораль».

181

Гердер Иоганн Готфрид — немецкий мыслитель, публицист, поэт XVIII века.

182

Мой дорогий (англ.).

183

Милый, самый-самый (итал.).

О, мой милый (франц.).

185

Как мне пройти к дороге? Я заплачу (англ.).

186

Я бы хотел купить свенир (франц).

187

Руки вверх! (нем. и польск); Открываю огонь! (англ.).

188

Где бы я мог приятно провести время?

189

Где ты бродил? (испанск.)

Где ты, милый? (испанск.)

191

Милый! Любовь моя! (итал.)

192

Любимая! (англ.); Коханая!; Сокровище мое! (итал); Малышка! (испанок); Милая пчелка! (амер.); Девочка! (шотл.); Глупышка! (англ.); Солнышко!; Милая! (итал.); Детка! (франц.); Мое сокровище! (нем); Голубка! (испанск.)

193

Глупыш (итал.).

Мальчик мой! Любовь моя! (итал.)